Л. Л. Толстой

ОПЫТ МОЕЙ ЖИЗНИ

(Фрагменты из книги)

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Лев Львович Толстой

ОПЫТ МОЕЙ ЖИЗНИ

Часть I

Подготовка текста и публикация в интернете:
Y. P. LeoNet *(Yasnaya Polyana – Tulla, Nov. 2015, Apr. 2016).*

Рекламно-ознакомительные фрагменты книги.

Неизвестный Лев Толстой

(Предисловие публикатора)

В литературных кругах начала XX века его знали как графа Льва Толстого-сына или графа Льва Толстого-младшего. И никто не догадывался, какой болью отзывалось это уточнение в душе самолюбивого автора. Единственный из детей Л.Н. Толстого, избравший профессию литератора, он был обречён всегда оставаться в тени великого отца. Двух Львов Толстых в истории культуры быть не может. Имя, данное родителями «на счастье», в реальной жизни стало источником недоразумений, горестей и обид.

Среди его портретов и фотографий есть несколько особенно показательных. На одном снимке изображён сын-студент Лев Львович, самый красивый, очень похожий на мать [1]. А с портрета И.Е. Репина, сделанного в апреле 1905 года, на зрителя смотрит измученный жизнью надломленный человек, многое утративший из юношеских надежд и очень мало что получивший взамен [2]. Между ними пролегла целая жизнь, в которой притягивание к отцу и отталкивание от толстовского учения заняло почти всё время, что было щедро отпущено Л.Л. Толстому.

Он родился на излёте весны, 20 мая 1869 года в Ясной Поляне, и первые его детские воспоминания так или иначе связаны с родным гнездом, нежностью и заботой домашних. Позднее он воссоздал многое из того, что он испытал в первые двенадцать лет жизни, в книге «Яша Полянов: Воспоминания для детей из детства», -- на мой взгляд, лучшем из всего, что он написал за свою долгую и мучительную жизнь [3]. Одно из лирических отступлений в ней звучит так:

«Когда я пишу эти воспоминания, мне всё кажется, что я помню не только, как Петю и других моих братьев купали в ванне, присыпали жёлтым порошком, пеленали, кормили, но и меня самого. Мне всё кажется теперь, что это я сам лежал на коленях матери и сосал её тёплое, сладковатое молоко. Она с любовью наклоняется надо мной и внимательно разглядывает. А я так занят моим делом, так старательно втягиваю в себя вкусное молоко, что не хочу отрываться, и всё-таки приятно сознаю, что мать занимается мной и с любовью меня изучает.

Неужели я не помню того обидного, горького чувства, когда хочешь шевельнуть ручонками, а не можешь, потому что ужасные пелёнки туго стянули тебя? Когда хочешь пожаловаться на что-нибудь, пищишь и ворочаешься, а тебя не слышат и не понимают? Неужели я не помню, как в те редкие минуты, когда меня распелёнывали, я начинал брыкаться и радоваться и захлёбываться от наслаждения при чувстве данной мне короткой свободы? А эти вечера, тёмные осенние вечера, когда горит, бывало, лампочка в нашей детской, заслонённая зеленым абажуром, и всё тихо-тихо кругом в доме. Няня сидит за столом в своём углу и вяжет чулок. Я лежу у мама на коленях и сладко дремлю. Мама о чём-то вполголоса переговаривается с няней. Боже, как я любил эти дорогие мне голоса, всегда заботливые и немного печальные, как чувствовал их и как мне хотелось, чтобы этим двум людям всегда было хорошо на свете! Но если я ошибаюсь, и это был не я на коленях у матери, и если я смешиваю воспоминания позднейшие с прежними, то, вероятно, это потому, что я часто видел, как мама по вечерам кормила других моих маленьких братьев, и часто представлял себя на их месте. По тому же самому мне кажется теперь, что я помню, как я выучился ходить, как выучился выговаривать первые слова, как выучился есть с ложечки.

Я давно уже ползаю на четвереньках по всей комнате, встаю иногда на ноги, но ещё боюсь ступить больше двух шагов, если нет передо мной протянутых рук. К нам в детскую

входит мама. Няня хочет показать ей мои успехи и заставляет идти. Я стараюсь изо всех сил не осрамиться перед мама и, сам встав с пола на ноги, бегу к няне. Она отступает от меня, всё время протягивая мне руки, и я незаметно пробегаю через всю комнату и падаю в нянины объятия. Мама подбегает ко мне, и поднимает к себе на руки, и целует, и нежно меня ласкает. А я с любовью повторяю её имя. Что же это? Воспоминание или воображение? [4]

Этот вопрос не раз возникает при чтении сочинений Л.Л. Толстого[5].

Сознание избранности пришло к нему довольно рано. Едва переступив порог классической мужской гимназии Л.И. Поливанова в Москве, он стал подписываться, как отец, словно пробуя, примеряя на себя эту ношу: «Лев Толстой». Ещё не вполне понимая, как странно выглядит это сочетание применительно к мальчику в гимназической форме, он 25 сентября 1884 года в письме к матери пояснил: «*Л. Толстой*» -- ужо так я расписываюсь в журнал<е>, когда я дежурный в классе [6].

А в феврале 1902 года, будучи уже весьма известным литератором, он был вынужден поместить в журнале «Ежемесячные сочинения», параллельно с главами своего нового произведения, разъяснение:

«Письмо Льва Толстого-сына.

Автор романа “Поиски и примирение” по поводу подписи своей *Лев Толстой-сын* просит вас напечатать следующее его примечание:

“Некоторым читателям, м.б., непривычна и несимпатична почему-либо эта моя подпись. Но я должен был заменить ею прежнюю: *Л.Л. Толстой*, потому что за границей эту последнюю подпись часто смешивали с подписью моего отца, что порождало нежелательные недоразумения”» [7].

Таков был итог первого десятилетия его литературной жизни. Современники называли его по-разному: Н.С. Лесков -- *Кит Китычем, Львом вторым*; В.В. Стасов и А.С. Суворин -- *Тигром Тигрычем* [8]; журналисты позднее упражнялись в остроумии, безжалостно и метко именуя его то *Львом Толстым маленьким*, то *Львом Толстым нововременским*, то *Тигр-Тигрычем Соскиным-Младенцевым* [9]. Но в глазах тех, кто по-доброму, снисходительно относился к нему, он был не только Л.Л. Толстым, но прежде всего, как писал Лесков молодой писательнице В. Микулич, «сыном любимого Вами Великого человека и нашего общего друга» [10].

С 1878 года Л.Л. Толстой пробовал вести дневник. Первые записи его не сохранились, и мы знаем о них только из упоминаний его старшей сестры Т.Л. Сухотиной-Толстой [11]. Позднее дневник Л.Л. Толстого лёг в основу его книги воспоминаний «Опыт моей жизни», работу над которой мемуарист не прекращал вплоть до своей смерти в 1945 году.

В лучших сочинениях Л.Л. Толстого читателя подкупала искренность автора, живая интонация, достоверность ситуаций, образов и картин. Всё это делает книгу воспоминаний Л.Л. Толстого по-своему уникальным документом. Автор не пытается обелить себя, с редким мужеством воспроизводит самые опасные эпизоды, в том числе и споры с отцом летом 1910 года, когда он, не раздумывая, однозначно принял сторону нежно любимой матери, по существу, не заметив душевной болезни С.А. Толстой [12].

Через несколько месяцев после смерти отца Л.Л. Толстой в Париже, где он с 1909 года учился у О. Родена, начинает рисовать и лепить Л.Н. Толстого. Этот бронзовый скульптурный портрет великого писателя широко известен не только в России, где он был показан осенью 1912 года на выставке в Петербурге вместе с бюстом С.А. Толстой, но и в Америке, где Л.Л. Толстой побывал весной 1911 года и подарил бронзовый бюст отца музею Метрополитен в Нью-Йорке.

Вообще образ отца не давал больному воображению Л.Л. Толстого покоя, и он рисовал и лепил его вновь и вновь. Складывается впечатление, что руки Л.Л. Толстого были гораздо умнее его непутёвой головы. Там, где литератор полемизировал с учением Толстого, скульптор и художник словно стремился искупить грехи того последнего лета 1910 года. Он рисовал отца с кричащим ртом и пронзительными глазами -- таким, каким, вероятно, запомнил его в те дни перед своим отъездом из Ясной Поляны [13].

В книге воспоминаний, как и в 1918 году на страницах издаваемой им газеты «Весточка» [14], Л.Л. Толстой и продолжает свою полемику с отцом, и ищет в толстовском учении нечто такое, что раньше было понятно одним лишь «тёмным», а теперь вдруг оказалось жизненно важно и для него самого.

Передавая мне рукопись воспоминаний Л.Л. Толстого, его сын и душеприказчик Никита Львович Толстой (1902-1992) особо подчеркнул: «Папа просил, чтобы мемуары были полностью изданы в печати, в назидание потомству» [15].

Прошло почти два десятка лет, но книга так и не нашла своего издателя, хотя ее научно-биографическая и историко-литературная ценность очевидна. Она дополняет наше представление об атмосфере яснополянского дома, в чем-то корректирует его и во многом позволяет по-новому взглянуть на семейную драму Толстых.

Благодарю сотрудников Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, мемориального музея-усадьбы «Ясная Поляна», отдела рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, отечественных и зарубежных коллег, без деятельной помощи которых настоящее издание не могло состояться.

Особая признательность и благодарность профессору *Г.В. Краснову*, много лет назад открывшему для меня семейный круг Л.Н. Толстого; профессору *М.Г. Соколянскому* (Любек) за помощь в расшифровке отдельных мест в тексте; профессору *Такаси Фудзинума*, в чьем переводе публикуются отклики японской печати на пребывание Л.Л. Толстого в стране восходящего солнца зимой 1917 года; другу шведских потомков Л.Л. Толстого, переводчице *Т.Л. Балдовской*; редактору *Н.Л. Панкратовой*, терпеливо работавшей с рукописью, пока издательство «Согласие» не прекратило своего существования.

Мемуары Л.Л. Толстого печатаются по авторизованной машинописи с обширной рукописной правкой, присланной мне для работы и публикации в России Сергеем Михайловичем *Толстым* (1911-1996) и переданной мной на хранение в Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве *(ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого)*.

Валерия Абросимова

---

[1] См.: *Ганзен П.Г.* Пять дней в Ясной Поляне (В апреле 1890 г.) //*Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников*: В 2-х томах. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 456.

[2] И.Е. Репин неоднократно писал Л.Л. Толстого, но портрет 1905 года считается одной из лучших работ художника. - См.: *Немировская М.* Портреты И.Е. Репина: Графика. М.: Искусство, 1974. С. 76-81, 115-117; *Грабарь И.* Репин: Монография: В 2-х томах. М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 170. См. также: *Илья Ефимович Репин*: 1844-1930: К 150-летию со дня

рождения: Каталог выставки. М., 1994. С. 197; *Абросимова В., Зорина С.* Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным //*Новый журнал*. СПб., 1998, № 4. С. 147-171.

[3] Эта книга Л.Л. Толстого первоначально печаталась в журнале для детей «Родник» (СПб., 1898, №№ 1-5), потом вышла отдельным изданием (М., 1899). В начале 1906 года книга была переиздана с рисунками А.К. Бальдингера (СПб.; М.: Издание Т-ва М.О. Вольф. [Б.г.]).

[4] См.: *Толстой Л.Л.* Яша Полянов: Воспоминания для детей из детства. Изд. 2-е. СПб.; М.: Издание Т-ва М.О. Вольф. [1906]. С. 99-100.

[5] Первые рассказы Л.Л. Толстого появились в 1891 году под псевдонимом. Ц См.: *Львов Л.* Любовь //*Книжки «Недели»:* Ежемесячный литературный журнал. СПб., 1891.

[6] *Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве* (в дальнейшем *ОР ГМТ*). Архив С.А. Толстой, п. 103, № 13766. Л. 1 об. Автограф. *Курсив мой. - В.А.*

[7] См.: *Ежемесячные сочинения*: Лит. журнал *И. Ясинского*. СПб., 1902, № 2. С. 238.

[8] Кит Китыч, Тигр Тигрыч -- по аналогии с насмешливым обращением к одному из персонажей комедии А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье», богатому купцу Титу Титычу Брускову.

[9] С 1898 года Л.Л. Толстой переписывался с А.С. Сувориным, время от времени посылал в «Новое время» свои рассказы и переводы, а с 1903 года печатался в газете регулярно, особенно в период русско-японской войны и революции 1905 года. - См. об этом подробнее: «*Время идет интереснейшее*» (Письма Л.Л. Толстого к Николаю II) /Публикация *В.Н. Абросимовой* и *С.Р. Зориной* //*Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год.* СПб.: Акад. проект, 1996. С. 98-168.

[10] См.: *Микулич В.* Письма Н.С. Лескова //*Литературная мысль:* Альманах. Л., 1925. Отд. II. С. 267.

[11] См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. М.: Правда, 1987. С. 14.

[12] Этот фрагмент мемуаров опубликован. - См.: *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни //*Наше наследие*. М., 1991, № 5. С. 83-97.

[13] Один из таких рисунков Л.Л. Толстого был опубликован в юбилейном году. - См.: *Иллюстрированная Россия*. Париж, 1928, № 6. С. 2.

[14] Первый номер газеты вышел в Петрограде 24 августа 1918 года. Последний, десятый номер - 6 сентября 1918 года. Приступая к изданию газеты в смутное время, Л.Л. Толстой писал: «Весточка» хотела бы иногда напоминать читателям великие мысли великого искателя правды. В каждом номере мы будем помещать мысли из «Круга чтения» в его память (№ 1. С. 4). Фрагменты печатались с подзаголовком «Свод мировой мудрости и завещание духа Льва Николаевича».

[15] Из письма ко мне Н.Л. Толстого.

*****

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вместо предисловия

Во всей моей жизни больше всех людей я любил мою неоценённую мать.

Она плакала, молилась и благословляла меня, когда тринадцатимесячным ребенком отнимала от груди и записала тогда в своем дневнике, что, прощаясь со мной, жалела меня больше всех остальных детей (1).

Её благословение и моя любовь к ней воодушевляют эту работу, которую посвящаю её памяти (2).

Я разделил эти мемуары на три книги. В двух первых я описываю в широких штрихах главные события и впечатления моей жизни, в третьей --

«Lungarno»(3) -- я излагаю мои взгляды на более других интересовавшие меня в течение жизни вопросы.

(Tous droits reserves par l'Tauteur pour tous les pays, la Russie des Soviets inclue*).

Л.Л. Толстой

**) Авторские права сохраняются во всех странах, включая Советскую Россию (фр.). -- Прим. Л.Л. Толстого.*

[Комментарии:

1. 5 июня 1870 года Софья Андреевна Толстая (урожд. Берс; 1844-1919) сделала в дневнике такую запись: «Сегодня 4-й день, как я отняла Лёвушку. Мне его было жаль почти больше всех других. Я его благословляла, и прощалась с ним, и плакала, и молилась. Это очень тяжело, этот первый полный разрыв со своим ребёнком. Должно быть, я опять беременна. С каждым ребёнком всё больше отказываешься от жизни для себя и смиряешься под гнётом забот, тревог, болезней и годов». – См.: ***Толстая С.А.*** Дневники: В 2-х томах. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 83.

2. «Лев Львович в своих воспоминаниях защищает мать. Он ее яснополянский "рыцарь"». – См.: ***Архиепископ Иоанн Сан-Францисский*** (Шаховской). Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 323.

3. Книга III писалась в отеле «Люнгарно» на набережной реки Арно во Флоренции].

КНИГА 1

Глава 1

Род Толстых. Родители и я. Моё рождение. Няня и мать. Братья и сёстры

Уважайте, почитайте и узнавайте тех, кто были вашими предками. Усилиями и страданиями они дали вам лучший в мире дар -- дар жизни.

Ваша семья и ваш род, выросшие в той же стране и на той же почве, где родились вы, жили и боролись не для того, чтобы вы были ничтожнее, слабее и несчастнее их, а для того, чтобы во всех отношениях вы стали совершеннее и воспользовались их знаниями и опытом.

Чтите предков ваших, они были героями жизни, какими хотели, чтобы были и вы.

Нужно ли подчёркивать, что сила всякой нации в почитании рода, -- предков, родителей и семьи, и на ней держится её единство и могущество? В России, как и в большинстве других европейских стран, идея рода утрачивается под наплывом массы смешанных национальностей, затопивших древние родовые поколения.

Между тем, что может быть важнее для развития жизни личности и народа, сохранения в целости их старинных родовых корней, первые отпрыски которых объединили и создали государство, и что может быть естественнее для человека, как не почитание этих родов из поколения в поколение, в стремлении продолжать их и совершенствовать?

Я, конечно, не говорю о культе предков исключительно дворянских родов. Он одинаково важен для всех людей, всех классов потому, что существуют аристократии: крестьянская, рабочая, купеческая и другие, и вот они одинаково должны чтить своих предков.

В русском энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона можно найти длинный ряд имён Толстых, так или иначе отмеченных русской жизнью и историей (4).

[4. См.: ***Энциклопедический словарь*** / Издатели *Ф.А. Брокгуаз, И.А. Ефрон*. СПб., 1901. Т. XXXIII. С. 461-462].

Полководцы, государственные деятели, писатели, поэты, артисты, -- они оставили свой след во многих областях и на многих поприщах жизни.

Существуют два тома русских дворянских родов, со всеми женскими линиями, в которых помещено

родословное древо Толстых, вплоть до моего отца Льва Николаевича (5).

[5. См.: ***Дворянские роды, внесённые в общий гербовник Всероссийской империи:*** В 2-х частях / Составил гр. *А.А. Бобринский*. СПб., 1890. Ч. I. С. 369-375].

Этот род, или «клан», вошедший в жизнь России из глубины веков, -- в сущности, не род, а целая отдельная, не похожая на других, раса, сохранившая свои особенности и до сих пор. За редкими исключениями Толстые оберегли себя от влияний кровей, которые могли бы значительно видоизменить главные черты их характера, и до 22-го своего поколения остались теми же Толстыми, какими были раньше.

Общепринятая версия та, что начало толстовского рода надо искать с 1353 года, когда «некий муж честный» по прозвищу Индрис из «Индроса» -- «выехавший из немец», «из цесарской земли» прибыл в город Чернигов (6).

[6. Л.Л. Толстой цитирует «***Энциклопедический словарь***». Т. XXXIII. С. 461].

Что именно означает эта запись, установить в точности нелегко. Наш предок пришел в Россию из Индроса, может быть, из Швеции, так как в этой стране было целое племя, называвшееся когда-то “россами”, от которых, по мнению некоторых историков, Россия взяла своё имя. До сих пор побережье Балтийского моря к северу от Стокгольма называется Roslagen(7) -- это восточные шхеры Упландии, из которых, направляясь на Восток, выплывали древние викинги.

[7. Русляген находится к северу от Стокгольма в провинции Упланд. – См.: ***Швеция – страна путешествий и промышленности***. [Стокгольм, 1915]. С. II].

Граф С.М. Толстой-Милославский(8), занимающийся в настоящее время исследованием происхождения рода

Толстых, утверждает, что нашёл документы, по которым можно точно доказать, что Индрис был прямой потомок графа Фландрского, жившего в VIII веке(9). По этой версии, мы, стало быть, вышли из древней Бельгии или северной Франции.

[8. Толстые породнились с Милославскими в середине XVII века. – См.: ***Tolstoy-Miloslavsky D***. The Tolstoy's genealogy and origin. [Alicante], 1991. P. 11.

Сергей Михайлович *Толстой-Милославский* (1892-1938) не завершил работу над родословной. Рукопись ее в начале 30-х годов была известна в толстовских кругах за границей. – ***Ibid.*** P. 198-200.

9. «Согласно некоторым историческим источникам, Индрис был в действительности граф Анри де Монс, отпрыск старинного графского рода Фландрии; в эпоху крестовых походов, после окончившейся неудачей экспедиции на Кипр, он отправился в Россию. Его правнук Андрей Харитонович получил прозвище Толстой, то есть «дородный, сильный». – См.: ***Толстой и Толстые***: Очерки из истории рода: Альбом //Автор текста *С.М. Толстой*. Пер. с фр. М.: Сов. Россия, 1990. С. 12-25. См. также: ***Толстой С.М.*** Древо жизни: Толстой и Толстые. М.: Слово, 2002. С.30-32; ***Tolstoy-Miloslavsky D***. The Tolstoys... P. 1-3, 189-192, 205-206.

Не все биографы Л.Н. Толстого придерживаются этой версии. В частности, его бывший секретарь, Николай Николаевич Гусев (1882-1967) считал этот рассказ недостоверным. – См.: ***Гусев Н.Н***. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 7, 613-618].

Как бы то ни было, но дальнейшие потомки Индриса, уже по историческим источникам, произошли от его правнука Андрея, который переселился в Москву при Великом князе Василии Тёмном(10) и за свою толщину получил прозвище Толстого.

С этого времени линия идёт уже беспрерывно, и мой отец числится от первого Толстого в двадцатом, а мы в двадцать первом поколении от Индриса(11).

[10. Василий II Тёмный (1415-1462) – великий князь Московский с 1425 года. Он вёл длительную войну с удельными князьями, был ослеплен одним из них (отсюда его прозвище), но при поддержке

дворянства и горожан взял верх над удельными князьями и ликвидировал большую часть княжеских уделов.

11. Именно так описаны Толстые в кн.: ***Tolstoy-Miloslavsky D***. The Tolstoys... P. VII, 205-206].

Жизнерадостные и жизнеспособные, вспыльчивые, храбрые, самолюбивые и самонадеянные, эгоисты, каких мало на свете, практичные, но мечтатели -- Толстые обладают двумя великими качествами: у них светлые, ясные головы и чувствительные, нежные сердца, чуткие ко всему благородному и доброму. В каждом из них вы найдёте то или другое, а то и оба качества. Но много нужно каждому Толстому воевать со своими пороками и недостатками, много каждый из них страдает из-за них, не всегда в силах справиться со своим страстным нравом. Всё же они обыкновенно выходят победителями из трудностей и внутренней борьбы, благодаря вложенным в них духовным силам. Одарённые любознательностью и наблюдательностью, они вечно бодрствуют умственно. Страстно любя женщин и детей, они хорошие семьянины и понимают и любят русский народ, с которым сжились веками. Способные в той или другой области, они музыкальны и, за редкими исключениями, хорошие государственные деятели.

Читатель увидит дальше, что, говоря о наследственности, я приписываю первостепенное влияние на неё женским линиям человечества. Без талантливых и сильных матерей нет ни гениев, ни выдающихся людей.

Поэтому в роду Толстых и с самого его начала надо искать также и то женское влияние, и тех выдающихся женщин, которые дали ему жизнеспособность.

Кто были наши родоначальницы VIII, IX, X, XI веков и раньше? Найти их и узнать о них подробнее

предоставляю будущему, и я думаю, что это исследование не без интереса.

В наше трудное время немногие из Толстых остались в России; большинство же их разбросано по всему свету, и, хотя почти все нуждаются материально и бедствуют всячески, никто из них не потерял главного своего облика, -- светлого и бодрого отношения к жизни.

Должен сказать, что мировая слава Льва Николаевича породила во всём свете целый ряд самозванцев Толстых, которые раньше назывались другими именами(12). Так, например, есть Толстые в Вашингтоне (D.C.*) -- мясники и портные с их именами на вывесках. Кроме того, очень многие назывались и называются нашим именем в отдельных случаях для различных выгод. Сколько раз мы все слышали от разных людей, что они встречали или знали наших родственников там-то и там-то, где они никогда не были и не могли быть.

** District of Columbia (англ.) -- федеральный округ Колумбия (США).*

[12. «Кроме рода Толстых потомства Индроса, существует еще несколько родов этого имени другого происхождения, которые в Гербовник не внесены». – См.: ***Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи***... Ч. 1. С. 376].

Мне кажется, что закон каждой страны и международный закон должен был бы запрещать такое заимствование чужих имён, даже иностранных, раз не доказано, что дано на это согласие рода или что род этот окончательно вымер.

Такое воспрещение устранило бы множество путаниц, происходящих от фальшивых имён и псевдонимов, которые берут себе многие. Каждый род должен дорожить своим именем и должен был бы со своей стороны охранять его и преследовать всех тех, которые так или иначе им злоупотребляют. Следовало бы не только запретить заимствование чужих имён для

жизни, но и литературные и политические псевдонимы, которые также вводят людей в заблуждение. Почему надо называться Данте, а не Durante(13), Вольтером, а не Arouet(14)?

Если люди достигли той или другой известности, называясь своими псевдонимами, то они и без них были бы известны, но и более понятны массам.

Насколько честнее и благороднее звучат собственные имена знаменитых людей(15).

[13. Данте Алигьери (Dante Alighieri; 1265-1321) происходил из старинного, но небогатого рода Дуранте. От частого употребления имени поэта и политического деятеля произошло его усечение.

14. Мари Франсуа Аруэ (1694-1778), остроумный сочинитель экспромтов и автор анонимного памфлета «В правление отрока», задевшего регента, герцога Филиппа II Орлеанского (Philippe d'Orleans; 1674-1723). В мае 1717 года Аруэ был заключён в Бастилию и провёл там почти год. В октябре 1718 года состоялась премьера его трагедии «Эдип», которая имела успех. Автор посвятил пьесу супруге регента, Франсуазе Марии Бурбон (урожд. де Блуа; 1677-1749), герцогине Орлеанской. Посвящение он подписал: Франсуа Мари Аруэ де Вольтер (Voltaire). Так называлось урочище, принадлежавшее семейству Аруэ. Этот псевдоним и стал настоящим именем писателя. -- См.: *Новый энциклопедический словарь* /Под общей редакцией *К.К. Арсеньева*; Издатели *Ф.А. Брокгауз*, *И.А. Ефрон*. СПб. Б.г. Т. XI. Стб. 564.

15. Эта точка зрения сформировалась у начинающего литератора под влиянием немецкого философа Артура Шопенгауэра (Schopenhauer; 1788-1860). *Шопенгауэр А*. О писательстве и слоге /Перевод с предисл. кн. *Д. Цертелева*. СПб., 1893. С. 21-23. См. также примеч. 157].

Когда я родился, матери было 25 лет, отцу сорок, и он в расцвете сил и счастья писал своё лучшее, бессмертное сочинение «Войну и мир». В эти годы, удовлетворённый своей семейной жизнью и творчеством, среди окружавшей его русской природы и народа, весёлый, бодрый и полный надежд, он

безгранично любил жизнь и в ней, на первом месте, мою мать.

Вместе они были бесконечно, СТРАШНО счастливы, и я родился в эту блестящую пору их жизней, в полдень одного благоухающего майского русского дня. Это странное событие произошло по старому стилю 20 мая 1869 года, а по новому 2 июня 1869 года, в знаке Близнецов. Отец не раз вспоминал этот день, потому что беспокоился за мать и за меня. Он говорил, что весенний день этот был необычайно красивым.

У матери до меня было два выкидыша, и потому, во избежание повторения несчастья в третий раз, ей было предписано до моего рождения лежать в продолжение пяти месяцев беременности.

Я появился на свет в дамском обществе, воспользовавшись моментом, когда доктор(16) и отец ушли гулять в лес «Чапыж»(17), а мать осталась одна с акушеркой Марьей Ивановной(18).

[16. Николай Андреевич Кнерцер (род. в 1833 году) -- тульский врач семьи Л.Н. Толстого.

17. Точнее, *Чепыж* -- часть древнего засечного леса, в котором деревьям более ста лет. «Чепыж -- это ближний к дому старый дубовый лес». -- См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1981. С. 50.

Л.Н. Толстой очень любил прогулки в Чепыж, одно время там была построена избушка для занятий. -- См.: *Никитина Н.* Ясная Поляна: Путеводитель по заповеднику. Тула, 2010. С. 129-135.

Л.Л. Толстой писал название леса, как его произносили в семье. Ср. запись в Дневнике Л.Н. Толстого от 16 февраля 1859 года: «Видел один сон -- клубника, аллея, она, сразу узнанная, хотя никогда не виданная, и *Чапыж* в свежих дубовых листьях без единой сухой ветки и листика». -- См.: *Толстой Л.Н.* Полное (Юбилейное) собрание сочинений: В 90-та томах. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 48. С. 20.

*Курсив мой. -- **В.А.** В дальнейшем ссылки на это издание даются в комментариях так: ПСС, с указанием номера тома и страниц.*

18. М.И. Абрамович].

Первыми моими привязанностями детства были мать и старая няня Марья Афанасьевна(19), от которой особенно пахло и у которой один палец был красный, когда-то обрубленный топором. Я любил няню и до такой степени, что одно время не мог себе представить, что я её переживу.

[19. М.А. Арбузова (умерла в 1884 году) - няня старших детей Толстых].

Отец так характеризует меня, трёхлетнего ребёнка в одном из писем к графине Александре Андреевне Толстой(20): «Хорошенький, ловкий, памятливый и грациозный. Всякое платье на нём, точно нарочно для него сшито. Делает всё, как другие, ловко и хорошо. Но ещё не совсем понимает» (21).

[20. А.А. Толстая (1817-1904) -- двоюродная тётка Л.Н. Толстого, с которой он был дружен долгие годы. *См. о ней ниже*.

21. В конце октября 1872 года Л.Н. Толстой писал о сыне “любезному другу Alexandrine”: «4-й Лев. Хорошенький, ловкий, памятливый, грациозный. Всякое платье на нём сидит, как по нём сшито. Всё, что другие делают, то и он, и всё очень ловко и хорошо. Ещё хорошенько *не понимаю»*. -- *ПСС*. Т. 61. С. 334. Курсив *Л.Н. Толстого*.

«*Alexandrine*» -- А.А. Толстая. *См. о ней выше примеч. 20*].

Отец принял мою наблюдательность за хорошую память, что не то же самое. Память у меня не больше средней, но наблюдательность была с самого детства очень большая, что позволило мне с этого уже возраста запастись многочисленным и разнообразным запасом впечатлений, мыслей, заключений и знаний. У меня были черные живые глаза, которые другие называли «изюминками», и вьющиеся кольцами тёмные волосы.

Когда я родился, в семье нашей стало четверо: старший Серёжа -- 6 лет(22), сестра Таня -- 5 лет(23), брат Илюша -- 3 года(24) и я. Мы с Таней назывались «чёрными» детьми(25) в отличие от остальных, у которых глаза были светлые.

<Через> два года после меня родилась еще тоненькая и хрупкая белокурая Маша(26), подруга моего раннего детства. За Машей, год спустя, -- Петя(27), брюнет, за ним, ещё через год -- Николушка(28), -- оба умершие детьми. За ними была ещё девочка Варенька, жившая всего полчаса(29).

Только <через> семь лет после рождения сестры Маши родился брат Андрюша(30), оставшийся жить до 38-летнего возраста, а за ним через два года родился Миша(31). Два года спустя <родился> брат Алёша с тёмными глазами, тоже умерший ребёнком(32).

Пять лет позднее мать имела ещё двух последних детей -- дочь Александру(33) и, наконец, Вениамина(34) семьи -- всеми любимого Ванечку(35).

[22. Сергей Львович Толстой (1863-1947) -- земский деятель, музыкант, мемуарист.

23. Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864-1950) -- художница, литераторша, мемуаристка.

24. Илья Львович Толстой (1866-1933) -- служащий Земельного банка; литератор, мемуарист.

25. Так называла себя и двух черноглазых детей С.А. Толстая. *См.* её комментарий к письму от 31 октября 1884 года. -- *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому: 1862-1910 / Ред. и примеч. *А.И. Толстой* и *П.С. Попова*. М.; Л.: Academia, 1936. С. 274-275.

26. Мария Львовна Оболенская (урожд. Толстая; 1871-1906). Её дневник и воспоминания не сохранились.

27. Пётр Львович Толстой (1872-1873).

28. Николай Львович Толстой (1874-1875).

29. Варвара Львовна Толстая (род. и умерла 30 октября 1875 года). -- *ПСС*. Т. 62. С.214-216.

30. Андрей Львович Толстой (1877-1916) -- участник русско-японской войны 1904 года; чиновник особых поручений при тульском губернаторе; служащий тамбовского отделения Крестьянского земельного банка.

31. Михаил Львович Толстой (1879-1944) -- участник Первой мировой войны; литератор, мемуарист.

32. Алексей Львович Толстой (1881-1886).

33. Александра Львовна Толстая (1884-1979) -- писательница, мемуаристка, создательница благотворительного Толстовского фонда для поддержки русской эмиграции.

34. Вениамин (от *латин.* venia -- милость, благодеяние); в Библии -- младший сын Рахили и Иакова, которого отец называл «сыном своей старости».

35. Иван Львович Толстой (1888-1895)].

Стало быть, всего у матери было пятнадцать беременностей. Из тринадцати живых детей сейчас живы только пятеро: Сергей, Татьяна, я, Михаил и Александра. Из умерших трое дожили до зрелых лет, остальные все погибли детьми до восьмилетнего возраста.

По моим личным наблюдениям, моя старшая сестра Таня и я – «чёрные» дети семьи -- больше взяли умственных особенностей, которые можно назвать внутренним или духовным обликом человека, от отца и его линии, но физически мы больше похожи на мать(36); остальные дети, хотя в них и было много отцовского с физической стороны (брат Илья, например, был внешностью очень похож на отца), всё же по духовному и умственному складу они мало походили на него. Письма брата Ильи, например, до смешного похожи на письма матери.

[36. В черновом варианте сходству с родителями был посвящён такой фрагмент: «Физически я был больше похож на мать, чем на отца. Её костяк и цвет глаз. Форма же моей головы была отцовской, единственная из всех детей. Позднее мы были с отцом совершенно одинакового роста». -- *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 9. Черновой автограф].

Сестра Маша была блондинкой со светлыми глазами, милая и восприимчивая, но по характеру была скорее в мать.

В Ясной Поляне вы найдёте портреты наших предков -- князя Н.С. Волконского, деда отца(37), и другого моего прадеда, графа Ильи Андреевича Толстого(38). У первого глаза тёмные, у второго -- светлые. Брат Илья с детства был похож на прадеда Толстого, а я на прадеда Волконского.

[37. Николай Сергеевич Волконский (1753-1821) -- дед Л.Н. Толстого по матери, владелец Ясной Поляны.

38. Илья Андреевич Толстой (1757-1820) -- дед Л.Н. Толстого по отцу. Более подробно о портретах предков см. в кн.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания. М.: XXI век -- Согласие, 2000. С. 80-83].

Из умерших моих братьев маленькими детьми трое были с тёмными глазами, типа «чёрных», что показывает, что этому типу нашей семьи жизнь давалась труднее.

Интересно, что в детстве я совершенно не чувствовал себя внутренне похожим ни на мать, ни на отца.

Позднее, по характеру моему и некоторым особенностям мысли, я часто узнавал в себе отца, хотя во многом резко с ним расходился.

От матери я взял её здравый смысл и верный жизненный инстинкт. От отцовской линии, особенно князя Волконского, -- его спокойный и здравый ум и гордость вместе с горячностью, хотя во мне сочеталось

ещё целое множество других черт, которые я взял от других моих предков, что создало из меня очень сложного и страстного, доброго и злого, слабого и сильного, более дурного, чем хорошего человека.

Глава 2

Как меня воспитывали в детстве -- духовно, умственно и физически

Я описал моё детство в книге для детей «Яша Полянов» и думаю, что прошло то время, когда можно было опоэтизировать эту пору нашей жизни и видеть в ней только светлое. Наоборот, с того угла зрения, с какого я сейчас освещаю её, можно видеть в ней гораздо больше отрицательного, чем положительного.

Почему не дали мне с детства глубоких духовных основ и не пробудили во мне и не открыли мне мою духовную, божественную сущность? Как могло случиться, что ни отец, ни мать -- оба взрослые, воспитанные и неглупые люди -- не знали её в себе самих или, по крайней мере, не сказали мне, что знали? Почему они не объяснили мне, что в ней главная суть жизни и потому надо быть добрым и честным, спокойным и радостным, молчаливым и воздержанным? Почему они не научили меня тогда уже любить мою душу и через неё всё живое и душу мира, как я стараюсь выучиться любить её теперь, после долгих страданий?

Когда я был ещё совсем ребёнком, мать, инстинктивно чувствуя, что мне нужно было духовное воспитание, выучила меня молиться, как молилась она сама. Вечером перед сном я становился на колени в кровати и, смотря на образ в углу комнаты, произносил наизусть две молитвы -- сначала «Богородицу» и «Отче наш». Позднее мать научила меня ещё одной молитве -- <Св.> Ефрема Сирина(39) – «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даж<дь> мне» и т.д. Эти три молитвы я повторял в детстве. Сначала только первую, потом две, а <став> постарше, иногда и все три. Когда я спрашивал мать, кто такой Бог, она затруднялась описывать мне Его, а когда я хотел узнать, почему Он тройной, -- Отец, Сын и Дух Святой, то она старалась объяснить мне Троицу по-церковному, как сама её понимала. Я не был удовлетворён этими объяснениями и чувствовал, что тут что-то неправильно. Мать сказала мне, что Иисус был Бог и что Он был распят и сочинил для нас молитву «Отче наш», и я любил Его за это. Я знал также, что богородица была матерью Христа, но что она была девой -- этого я понять не мог. Я не любил молитвы богородице: «Богородица, Дева радуйся, благословен плод чрева Твоего»(40). Эти последние слова я насилу выговаривал.

[39. Ефрем Сирин (т.е. сирянин; ок. 306-373) -- дьякон, сирийский христианский писатель, церковный деятель, богослов; учитель церкви IV века. -- См. о нём: *Католическая энциклопедия*: В 4-х томах. М., 2002. Т. I. Спб. 1838-1840.

Одна из его двенадцати молитв на разные случаи звучит так: «Господи и Владыка жизни моей, не дай мне духа праздности, суетной пытливости, любоначалия и празднословия, но даруй мне, рабу Твоему, дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Ей, Господи Царь, дай мне видеть свои грехопадения и не осуждать брата моего: потому что благословен Ты во веки веков! Аминь». -- См.: *Святой Ефрем Сирин*. Творения: В 8-ми томах. М.: Отчий дом, 1993. Т. 4. С. 18.

40. Одиннадцать молитв к Пресвятой Богородице см.: *Там же*. С. 59-94].

Один маленький мальчик в Москве, когда я уже был гимназистом, тоже никак не мог выговорить мудрёных слов этой молитвы и упростил её, смешав со стишками о козе и козлятах. Он читал её так:

«Богородица, дева радуйся,
Твоя мать пришла,
Молока принесла».

Позднее, когда отец вернулся к православной церкви, нас по воскресеньям возили в деревенскую церковь села Кочаки(41) к обедне. Мы должны были вовремя креститься и становиться на колени, а в конце службы целовать серебряный холодный крест с распятием, который священник держал в руке как-то особенно боком и привычным жестом подносил к губам молящихся. На Страстной неделе Великого Поста мы говели, исповедовались и причащались, а на Светлое Христово Воскресение, на этот раз ночью, нас возили в церковь к заутрене, и мы, возбуждённые, с волнением ждали двенадцати часов, когда вдруг зазвонят все колокола и начнётся торжественный крестный ход вокруг церкви, среди старых могил с пением: «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ».

[41. Кочаки -- село в трех верстах от Ясной Поляны. Здесь, на кладбище при церкви, похоронены многие члены семьи Толстых. -- См.: *Пузин Н.П.* Кочаковский некрополь (Семейное кладбище Толстых). Тула, 1988].

Вот всё, что мне дали в смысле *духовного воспитания* в возрасте от пяти до двенадцати лет, если не считать уроков «Закона Божия», сначала с матерью, потом с деревенским батюшкой, заключавшихся в чтении историй из Ветхого и Нового Заветов, изложенных в плохом учебнике. Мне не могли дать

ничего другого по той простой причине, что я жил в стране, где люди не знали ничего другого, и вся цивилизация её едва держалась на двух отживших учреждениях -- Самодержавии и Православии(42).

[42. Теория народности была выдвинута Сергеем Семёновичем Уваровым (1786-1855), президентом Академии наук, в 1833-1849 годах министром народного просвещения. 19 ноября 1833 года свой первый доклад императору Николаю I (Николай Павлович Романов; 1796-1855) он начал так: «По вступлению моему с Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления в должность Министра Народного Просвещения, употребил я, так сказать, заглавным местом, лозунгом моего управления следующие выражения: “Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности”». -- См.: *Уваров С.С.* О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения / [Публикация *М.М. Шевченко*] //*Река времён*: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 70].

Отец сам только начинал оглядываться кругом и искать своей правды; мать, раз навсегда приняв основы православной веры, не могла и не хотела их отбросить.

* * * * *

В умственном отношении меня воспитали ещё беднее, чем в духовном, и то, что мне дали в смысле полезных знаний за двенадцать лет моего детства, было настолько ничтожно, что можно было бы легко обойтись без них. Англичанка(43) и француз-гувернёр(44) выучили меня болтать по-английски и по-французски, а когда мне исполнилось десять лет, меня стали готовить к экзамену в тульскую гимназию, и к прежним предметам моего образования прибавились еще история, география и немецкий язык. Для немецкого языка ездила из города Тулы страшно худая немка(45), и когда я сосал карандаш вместо того, чтобы учиться, она сердито мне кричала: «Leonide, карандаш». Я не любил её за то, что она даже не знала моего имени.

[43. С 1866 по 1872 год в Ясной Поляне жила англичанка Ханна Терсей (Tarsey), которую старшие дети Толстых очень любили. -- См.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания... С. 60-61.

Однако Л.Л. Толстой был слишком мал и едва ли её запомнил, как, впрочем, и Дору Хэллийер (Helleyer; род. в 1853 году), в октябре 1872 года приехавшую в Ясную Поляну и прожившую там всего несколько месяцев. -- См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого. 4-е изд., испр. и доп. Тула, 1975. С. 35, 414-415.

В феврале 1873 года её сменила Эмили Табор (Tabor), а осенью 1876 года -- Анна Филипс (Phillips), которая занималась только обучением и воспитанием Льва и Маши. -- См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 566.

44. С 1875 по 1878 год швейцарец Жюль Рей (Rey; род. в 1848 году) был гувернёром старших детей, но отношения с ним у подростков не сложились. С.Л. Толстой запомнил, как летом 1877 года месье Рей, «пригласив какого-то приятеля из Тулы, три дня пьянствовали». Естественно, что долго так продолжаться не могло. В январе 1878 года Ж. Рей был уволен, а вместо него в Ясной Поляне появился месье Ньеф (Nief; род. в 1843 году). «Пока он у нас жил, я совсем не знал, что он совсем не Nief, а Jules Montels, из старой французской фамилии, чуть ли не виконт. Он был коммунаром и скрывался в России под псевдонимом». -- См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 57, 60.

45. Возможно, речь идёт об Амалии Фёдоровне Функ, которая приезжала из Тулы учить детей немецкому языку. Упоминание о ней есть в письмах С.А. Толстой мужу от 5 марта и 7 декабря 1878 года. -- См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 145-146, 155-156. См. так же: *Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями*. М.: Худож. лит., 1990. С. 363-364].

Всё, что преподавалось мне в детстве, не вмещалось в моей голове, и, кроме редких минут удовольствия на уроках русского языка с матерью, всё моё умственное воспитание было для меня мучением. Худшие уроки были с отцом, когда он вдруг сам решал заняться со мной по арифметике. Он брал задачу и начинал объяснять её, но таким голосом, что я коченел от страха. Он сердился, дико кричал и, наконец, оставлял меня одного в слезах. Он считал математику основой всех

наук, как науку самую точную, сам интересовался ею, но, в сущности, был плохим математиком(46).

[46. В декабре 1886 года Анна Константиновна Черткова (урожд. Дитерихс; 1859-1927) стала невольной свидетельницей занятия Л.Н. Толстого с сыном: «Показалось ли мне или нет, но Лёва будто бы отнекивается сначала, но потом всё-таки соглашается и приносит свои книги и тетради. <...> Лёва будто морщится и вяло, нехотя, залезает за стол, на диванчик, а Лев Николаевич не садится, а то стоит около него, то быстрыми лёгкими шагами похаживает вдоль залы. Я с невольным интересом слежу за их уроком и удивляюсь обоим: как они непохожи друг на друга! Отец -- это олицетворение жизни, энергии, интереса, *вкуса* к делу, к тому, чем он занят, как будто это не сыну, а ему заданы эти алгебраические задачи. А сын вяло, сонно, нехотя, без всякого желания напрячь свое внимание -- ждёт только “подсказки” отца». «Ах, глупый мальчик! Как он будет жалеть потом, когда состарится, что так небрежно относился к отцу!» -- См.: *Черткова А.К.* Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников*: В 2-х томах. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 413-415. Курсив *А.К. Чертковой]*.

Когда я вспоминаю сейчас, как меня учили в детстве, до переезда нашей семьи в Москву, мне становится жалко, что столько лет жизни, когда я мог набраться множества полезных знаний, прошли бесплодно. Не было ни учителей, ни учебников, ни учебных пособий, ни карт, ни скульптуры, ни картин, ничего нужного для хотя бы сносного преподавания общих знаний.

* * * * *

О физическом моём воспитании также не могу вспомнить с радостью и благодарностью по отношению к моим воспитателям.

Оно прошло в царстве полного невежества и принесло страшнейший вред моему здоровью и всей моей жизни.

В смысле обильного и постоянного пользования свежим воздухом, в смысле рационального питания,

гигиенического жилища, пользования свежей водой и упражнения тела, -- во всём были не только недостаток и ошибки, но грубое непонимание и невежество. Я спал в продолжение восьми месяцев в году с закрытыми окнами и в натопленной комнате, совсем близко от громадной печки. Зимой окна с двойными рамами наглухо замазывались, и воздух шёл только из высокой форточки, которую открывали раз или два в день.

Кормили меня в три раза слишком обильной и жирной пищей. Детская моя была расположена на севере и смотрела на зловонные канавы; утром и вечером меня не обмывали свежей водой и никогда не заставляли правильно упражнять мускулы моего тела. По вечерам, когда я не мог заснуть, я долго смотрел через большое венецианское окно на мрачную Большую Медведицу на северной, темной стороне неба, куда было обращено моё окно, хотя я любил другую -- южную и юго-восточную -- сторону дома, где были пустые гостиные, зала и спальня родителей. С той стороны, с юго-востока, за липовыми аллеями по вечерам поднималась луна, и светили яркие звезды. Оттуда же по утрам всходило яркое, всё обещавшее нам солнце.

В Ясной всегда была полная чаша и для семьи, и для посторонних. Мать была рада, когда дети наедались досыта, и любила угощать гостей. В доме поэтому всегда были горы съестного, запасённого на ледниках, в кладовках и подвалах.

Режим наш был следующий: в $8^1/_2$ утра <мы пили> горячее какао с хлебом и маслом или желудёвый кофе с молоком, сдобными булками, хлебом или жирными лепёшками.

В 12 часов за завтраком в два-три блюда подавались ещё остатки от вчерашнего обеда: мясо, каши, овощи, молочное, сладкое, мучное и винегреты. В 5 часов <был> обед из четырёх блюд: суп с жирными

пирожками или пирогом, или щи, или борщ с гречневой кашей, потом зелень, мясо и «пирожное», т.е. сладкое блюдо. И всё это запивалось шипучим хлебным квасом и переслаивалось свежим черным хлебом. В $8^1/_2$ вечера опять <был> самовар, чай, свежие булки, сдобный хлеб, масло, молочное, пастила, смоква, варенье, а летом и осенью ещё ягоды и фрукты, яблоки, сливы, земляника, клубника, малина, дыни, арбузы целыми горами.

Ели в три раза больше, чем нужно, в два раза слишком часто и в два раза слишком быстро. Между завтраком и обедом было всего 4-5 часов; но мы были до того извращены, что ухитрялись в этих промежутках времени достать ещё чего-нибудь «вкусненького» у экономки -- сначала моей бывшей нянюшки Марьи Афанасьевны(47), а позднее у Дунечки(48), которая ворчала, но не отказывала. Позднее она называла дом Ясной Поляны «счастливой гостиницей», где гости не платили за заботы и за тот тяжелый труд, который несли вся прислуга и хозяйка дома.

[47. М.А. Арбузова. См. выше примеч. 19.

48 Вероятно, речь идёт об Авдотье Васильевне Поповой, горничной, а потом экономке в доме Толстых. -- См. о ней: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому -- С. 191. См. также о трх Дуняшах в Ясной Поляне в кн.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания. -- С. 61].

Мне противно признаться, что я с детства был обжорой. Про меня наша француженка-гувернантка(49) говорила: «Leon a les yeux plus grands que le ventre»*. (* У Льва глаза больше, чем живот *(фр.)*.

[49. Осенью 1876 года в Ясную Поляну приехала мадемуазель Гаше (Gachet), которая в 1879 году вышла замуж за Ж. Монтеля (см. о нём выше примеч. 44), и они вместе уехали в Алжир. -- *Там же*. С. 146.

50. Этот момент нашёл отражение в переписке Толстых в сентябре 1882 года. -- *ПСС*. Т. 83. С. 356; *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 202, 205].

От этого порока уже с ранних лет испортился мой желудок(50), и лишняя еда вместо того, чтобы помогать моему физическому развитию, как хотела этого мать, только задержала его. Вместе с желудком портились зубы, выпадали волосы, и нарушалось кровообращение. За всё моё детство я никогда не ощутил благодетельного чувства настоящего, острого голода, которое испытал гораздо позднее. Никогда, кроме периодов моих болезней, не давали моему желудку ни отдыха, ни срока, а в праздники -- Рождество, Масленицу, Пасху и дни рождений членов семьи -- нам готовили ещё всякой особенно вредной всячины, вроде пудингов, именинных пирогов, индюшек, поросят, блинов со сметаной, маслом и икрой, пасхи и куличей. Вся эта русская варварская традиционная тяжёлая еда камнем ложилась на желудок и вконец, часто в острой форме, расстраивала его.

[50. Этот момент нашёл отражение в переписке Толстых в сентябре 1882 года. -- *ПСС*. Т. 83. С. 356; *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому... С. 202, 205].

А родители? Давали ли они пример воздержания? Мать -- несомненно. Она ела только раз в день, в пять часов дня, за обедом. Утром она пила кофе с молоком, хлебом и маслом, а вечером чай с хлебом и вареньем -- и это всё. Отец не завтракал, но обедал и ужинал поздно вечером. В моём детстве он ел перед сном громадное количество холодного ростбифа, запивая его белым крымским вином. Он был невоздержан, хотя кое-как справлялся с излишествами, благодаря охоте, на которой часто проводил иногда верхом или пешком целые дни.

Естественно, что вследствие дурных гигиенических условий я часто болел в детстве и особенно вёснами, когда меня начинали трясти изнурительные лихорадки. Жар поднимался вдруг до сорока одного градуса, и так продолжалось неделями. Заражался ли я от вредных миазмов и испарений, шедших от наших прудов, с грязного двора и из вонючих канав, из погреба под

нашим окном и глубокого колодца в его соседстве, или общие дурные условия ослабляли меня, -- не знаю. Вероятно, вследствие того и другого вместе, но за время моего детства я перенёс всевозможные болезни: корь, коклюш, ветряную оспу, ангину, свинку и дизентерию -- и только чудом спасся от них.

Всё же я выжил, и, думаю, потому, что нашёл с раннего детства средство спасаться от болезней, которым пользуюсь и до сих пор. Средство это -- движение. Едва из постели и едва одетый, я бросался из детской в залу и пускался бегать кругом стола бессчётное количество раз, пока меня силой не останавливали и не сажали за горячий какао. Потом игры, всякие игры, в которых можно было двигаться, двигаться без конца. Мячи, кубари, которые мы часами подстёгивали кнутами, серсо, змеи, всякое прыганье, катание на коньках, с горы и с лестницы на подушках и подносах, летом беготня за грибами, ягодами, цветами, позднее верховая езда, крокет, tennis и т.д. -- всё это побеждало в моём организме накапливающиеся яды и помогало ему так или иначе вытравлять их. После усиленного движения меня ударяло в жар, поднималась температура, и я заболевал, иногда только на день или два. Тогда меня укладывали в постель, я спал в продолжение двадцати четырех часов, обливаясь потом, на следующее утро вставал здоровый.

Само собой разумеется, что, вспоминая, как дурно воспитывали меня в детстве, я далёк от мысли осуждать за это родителей.

Мать делала, что могла, при той тяжелой ноше, что ей досталась на долю. Отец был слишком занят своей работой.

Глава 3

Искусство в моём детстве и его влияние на меня

Первым, самым нужным человеку искусством, является искусство мыслить. Его можно назвать *мудростью*, умением думать самое важное и великое, *вечное и справедливое**.

* *Смотрите последнюю философскую часть моих мемуаров под общим названием «Lungarno». -- Прим. Л.Л. Толстого.*

Кто обладал этим искусством из моих близких в пору моего детства и кто мог влиять на меня тогда в этом смысле?

Отец, мать, братья, гувернантки, учителя, прислуга, гости, книги?

Я напрасно буду искать мудрости в Ясной Поляне того времени. Может быть, она и была где-нибудь далеко спрятана на пыльных полках библиотеки, но в нашей семейной жизни её не знали, потому что если бы

её знали и если бы она существовала, то и вся жизнь нашей семьи, а может быть, и всей России уже тогда и теперь была бы другой. Между тем здоровая и простая мудрость, необходимая для счастья человека, давно изложена и существует, хотя бы в одной только древней китайской философии(51).

[51. Интерес к китайской философии мог появиться у Л.Л. Толстого еще в марте 1884 года, когда отец читал ему отрывки из сочинений легендарного древнекитайского философа VI века до новой эры Лао-Цзы (*ПСС*. Т. 49. С. 65), или в Московском университете, где Л.Л. Толстой в 1890 году мог слушать лекции Льва Михайловича Лопатина (1855-1920) по древней философии. Упоминание об этом есть в дневниковых записях за 28 и 29 декабря 1890 года. -- См.: *Сын и отец*: По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л. Толстого /Подготовка текстов, публикация и комментарии *В.Н. Абросимовой* и *С.Р. Зориной* //*Лица:* Биогр. альманах. М.; СПб.: Феникс-Atheneum, 1994. Т. 4. С. 209, 211, 234].

Почему не дали мне в детстве узнать её основы?

Я бы понял её гораздо легче, чем молитву Богородицы, и она на всю жизнь дала бы мне нужные силы.

Как влияло на меня, ребёнка, второе по важности -- искусство слова? Понимали ли мои родители и воспитатели, какую роль оно играло и должно было играть в моей жизни?

С утра до вечера я слушал разговоры или чтение и сам читал. Я слушал пение любовных романсов, Ц их прекрасно пела моя тётя Таня(52), Ц которое выражалось любовными страстными словами, слушал церковные службы и пение дьячка, в которых не понимал ни единого славянского слова, слушал споры родителей и их гостей, читал и слушал сказки и легкие стихи.

[52. О том, как любили в Ясной Поляне слушать пение Татьяны Андреевны Кузминской (урожд. Берс; 1846-1925), см.:

Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников... Т. 1. С. 425; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. С. 242; *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Калининград, 1998. С. 239, 405, 542-543].

А ещё что? Ничего, кроме всё покрывавшей и поглощавшей пустой болтовни семейных, окружавших меня.

Среди этого словесного хаоса гораздо сильнее, чем слово, влияло на меня третье, по моей классификации, искусство -- музыка. Ещё на руках у матери я познал это странное наслаждение, когда она убаюкивала меня ко сну наивной и успокоительной песенкой: «В няньки я тебе взяла месяц, звёзды и орла» (53).

[53. Л.Л. Толстой не вполне точно цитирует «Колыбельную песню» Петра Ильича Чайковского (1840-1893) на слова Аполлона Николаевича Майкова (1821-1897):

«В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла».

-- См.: *Чайковский П.* Романсы: Полн. собр. для голоса в сопровождении ф-но: В 2-х томах. М.: Музыка, 1971. Т. 1. С. 45-50].

Искусство звука и мелодии с раннего детства будило в моей душе таинственные чувства и звало в другие, лучшие миры.

Я был музыкален с детства и сам пел все песни и романсы, которые слышал. Когда брала охота, я уходил куда-нибудь в лес или в мою комнату, ложился на спину и, чтобы не забыть, пел подряд все песни, которые знал.

Раз приехала в Ясную молодая княжна Шаховская со своей замужней сестрой(54) и вечером, после обеда, долго и чудесно пела. По случаю события мне было позволено остаться в зале и идти спать позднее.

[54. Лев Львович не вполне точен. Скорее всего, речь идёт о приезде Надежды Дмитриевны Гельбиг (Хельбиг; Helbig; урожд. княжна Шаховская; 1847-1922) и её дочери Лили 7-10 июля 1887 года. -- См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. М.: Правда, 1987. С. 155-156; *Толстая С.А.* Дневники. Т. 1. С. 122. Второй приезд г-жи Гельбиг в Ясную Поляну состоялся 2 июля 1890 года; третий -- 17-21 июля 1891 года. -- См.: *Воспоминания госпожи Г<ельбиг> о Толстом* (К творческой истории «Крейцеровой сонаты») //*В мире отечественной классики*: Сб. статей. М.: Худож. лит., 1984. <Вып. I>. С. 424-441].

Уточнённые биографические данные Н.Д. Гельбиг (Хельбиг) см.: *Тестаччо*: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме: Алфавитный список русских захоронений. СПб., 2000. С.114.

Княжна пела всё: и грустные и веселые русские песни, и французские бержеретки*, и современные романсы.

* bergerette Ц пастушеская песенка, пастораль *(фр.)*

В первый раз передо мною предстала красота музыки в гармонии с красотой молодой русской девушки. Мне хотелось плакать и смеяться, хотелось броситься на шею княжне и сказать ей, как безумно я её любил. Сама она, возбуждённая, временами взглядывала на меня и улыбалась, понимая моё настроение. Настал час её отъезда, и все пошли вниз, в переднюю, ее провожать. Я старался быть около нее возможно ближе и с ужасом думал, что вот сейчас она уедет и увезёт с собой всё то, что она во мне разбудила. Она вдруг нагнулась ко мне и поцеловала.

«Молодой человек, -- сказала она горячо, -- вы покорили моё сердце».

Я бросился наверх в детскую и разрыдался(55).

[55. Под названием “Княжна” эпизод этот целиком вошёл в кн.: *Толстой Л.Л.* Яша Полянов: Воспоминания для детей из детства. М., 1899. С. 123-125].

Музыка в моём детстве будила во мне нежность и любовь, смелость и отвагу, надежду и восторг. Она мирила меня с людьми, приближала к ним, заставляла искать, мечтать и думать обо всём самом важном и прекрасном.

Музыка -- это пение души, попытка нашей духовной сущности освободиться и вылететь на простор из своего телесного плена. Лучшая музыка всегда выражает это стремление и потому принимает форму мелодии.

Русская музыка заняла в мире одно из первых мест, благодаря богатству русской народной мелодии, выражению народной души.

* * *

Скульптура в моём детстве не могла играть большой воспитательной роли по той простой причине, что её почти не было в яснополянском доме.

Был один только хорошо сделанный мраморный бюст моего дяди, брата отца, графа Николая Николаевича Толстого, который стоял в нише стены в отцовском кабинете(56). Этот бюст я любил больше всех вещей в доме, и он действовал на меня сильнее всех портретов и картин. Я иногда подолгу смотрел на него, изучая его гладкие, приятные формы. Мне казалось, что мой дядя Николай был почти жив, когда я трогал его и гладил по щекам. Я знал, что он был замечательный человек(57), и эта фамильярность с ним облагораживала и одухотворяла меня.

[56. Мраморный бюст Н.Н. Толстого (1823-1860) был сделан в 1861 году с посмертной маски, которую Л.Н. Толстой сразу же назвал “прелестной”. -- *ПСС*. Т. 60. С. 354.

Автор скульптурного портрета Ц бельгийский королевский скульптор Гильом (Виллем) Гифс (Geefs; 1806-1883).

По заказу Л.Н. Толстого было сделано два бюста. Большой мраморный бюст был установлен в Ясной Поляне. Именно на нём была сделана надпись на срезе левого плеча: «G^me^ Geefs Statuaire du Roi, Bruxelles, 1861». Меньший гипсовый бюст хранился в Пирогове у брата Л.Н. Толстого, графа Сергея Николаевича Толстого (1826-1904).

57. Об отношении Л.Н. Толстого к смерти брата Николеньки см. его письмо от 24-25 сентября/6-7 октября 1860 года С.Н. Толстому. -- *Там же*].

* * *

А искусство танцев? Отец презирал его и не видел в нём ничего, кроме того, что балерины высоко задирают ноги(58). Мать, напротив, любила балет и девушкой, до замужества, сама порхала по своей московской кремлёвской квартире(59), изображая танцовщиц. Всё же в моем детстве в нашем доме и в семье танцевали, а рядом на деревне шли пляски на воскресных хороводах и на работах.

У нас танцевали вальс, польку, мазурку и кадрили, и отец иногда сам пускался вальсировать, всегда с одной и той же своей дамой -- моей матерью. Он подхватывал ее легкую фигуру и, к всеобщему восторгу нас, детей, быстро делал с ней целый круг по зале(60). Сам я, кроме вальса, любил мазурку со всякими фигурами и танцевал ее с азартом(61).

Пляска баб и ребят на хороводах деревни была иногда красива своей удалью и движениями, но только немногие из баб и ребят плясали хорошо.

[58. См. впечатление Наташи Ростовой от выступления танцоров и знаменитого виртуоза г-на Антуана Луи Дюпора (Duport; 1786-1853) в романе «Война и мир». -- *Там же*. Т. 10. С. 330-331. Позднее презрительное отношение Толстого к танцам вызвано было его представлением о христианском искусстве, призванном осуществить братское объединение людей. См. его трактат «Что такое искусство?» (1898). -- *Там же*. Т. 30.

59. Отец С.А. Толстой, Андрей Евстафьевич Берс (1808-1868), был гофмедиком, врачом московской дворцовой конторы, жил с семьей в служебной квартире в Кремле, в здании комендантского управления. -- См.: *Сафонова О.Ю.* Род Берсов в России. М.: Энциклопедия сел и деревень, 1999. С. 31.

60. См., например, запись в дневнике С.А. Толстой от 2 июля 1889 года: «На днях Серёжа играл вальс, пришёл Лёвочка вечером, говорит: "Пройдемся вальс". И мы протанцевали к общему восторгу молодёжи» -- См.: *Толстая С.А.* Дневники. С. 120.

Много лет спустя, после одной из похожих сцен, по свидетельству очевидца, Л.Н. Толстой «...сказал (приблизительно так), что если бы он не был писателем, был бы танцором. И действительно, его движения при пляске других очень ловки». -- См.: *Маковицкий Д.П.* У Толстого: 1904-1910: Яснополянские записки (*Литературное наследство*. Т. 90: В 4-х книгах). М.: Наука, 1979. Кн. 2. С. 144. Далее ссылки на это издание даются так: «*Маковицкий Д.П.* У Толстого», с указанием книги и страниц.

61. 12 января 1887 года С.А. Толстая писала мужу из Москвы: «Лёва плясал у каких-то Столпаковых, знакомых Шидловских. Там была и Лили Оболенская, и Татищевы, и Верочки две; он, видно, очень веселился и пыль в глаза всем пускал; Шидловские и Оболенские остались что-то им очень довольны» -- См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому. С. 385.

Столпаковы -- семья управляющего московским отделением Дворянского банка Алексея Николаевича и Марии Александровны Столпаковых. - *Там же*. С. 386.

Шидловские - семья тётки С.А. Толстой по матери, Веры Александровны Шидловской (урожд. Иславиной; 1825-1910).

Лили Оболенская (в замужестве Елизавета Дмитриевна Казенбек; умерла в 1894 году). См. о ней ниже примеч. 129.

Татищевы - дети графа Николая Дмитриевича Татищева (1829-1907), с которыми дети Толстых дружили. - См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 117; *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 50-51; *Булгаков В.Ф.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н. Толстого. М.: Правда, 1989. С. 329-330.

«Верочки две» -- вероятно, Вера Александровна Кузминская (род. в 1871 году), кузина Л.Л. Толстого, и Вера Вячеславовна Шидловская (род. в 1866 году).

О том, что Л.Л. Толстому самому нравились танцы, см. также: *Сын и отец* //*Лица* Т. 4. С. 204].

* * *

В яснополянском доме в балконной гостиной, позднее ставшей кабинетом отца, есть несколько гравюр с картин старинных итальянских мастеров. Стена, на которой они висели, всегда привлекала мое внимание и на ней особенно Мадонна «Di San Sisto» Рафаэля(62), с её чудесными деталями. Все было прекрасно в этой картине и казалось мне давным-давно знакомым. Я любил также портреты предков в зале, которые я часто разглядывал и всегда жалел, что мне мало рассказывали о них(63).

[62. На стене в кабинете Л.Н. Толстого, над книжной полкой, висели пять деталей картины Рафаэля (наст. имя Раффаэлло Санти; Raffaello Santi; 1483-1520) «Сикстинская мадонна». Эти старинные литографии Толстой получил в подарок от своей двоюродной тётки, придворной фрейлины А.А. Толстой. -- См.: *Пузин Н.* Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Тула, 2005. С. 46, 54.

Отношения тетки и племянника были шире, многообразнее обычных родственных, хотя и напоминали отношения “бабушки”, как называл её Л.Н. Толстой, и “внука”. -- См.: *Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой*. СПб., 1911.

Подарку А.А. Толстой “внук” обрадовался. 14 апреля 1858 года он писал “бабушке”: «Ваша Мадон[н]а висит у меня и радует» -- *ПСС.* Т. 60. С. 260.

Толстой впервые увидел «Сикстинскую мадонну» Рафаэля летом 1857 года в Дрездене. В его дневнике есть записи, свидетельствующие о том, что картина произвела на него сильное впечатление.

24 июля/5 августа 1857 года: «Сбегал в галерею. Мадон[н]а сразу сильно поразила меня».

На следующий день 25 июля/6 августа 1857 года: «Опять в галерею, остался холоден ко всему, исключая Мадон[н]ы». -- *Там же.* Т. 47. С. 148-149.

63. Подробное описание «старых портретов дедов» см. в кн.: *Толстой И.Л.* Мои воспоминания -- С. 80-83].

* * *

Какое влияние могла оказывать на меня, ребёнка, архитектура? Наш простой кирпичный дом с голыми стенами в соседстве с жалкими мужицкими избами мне не дал ничего. Всё же великой радостью нашей были новые пристройки дома(64), или когда появлялись на деревне новые избы и крылечки, или даже свежая гладкая соломенная крыша «в зачёс» (65).

[64. Едва ли Л.Л. Толстой помнил это. Вероятно, он слышал от старших, каким радостным было Рождество 1871 года в большой зале, только что пристроенной к яснополянскому дому. -- См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания... С. 89-98.

65. Т.е., ржаная солома плотно зачёсывалась и укладывалась рядами снизу вверх; нередко солома обмакивалась в глину для большей защиты от ветра и дождя. -- См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М.: Рус. язык, 1991-1993. Т. I. С. 663; Т. IV. С. 267].

Смотря назад на то, как влияло на меня искусство в детстве, я вижу, что влияние это было очень большое, но могло и должно было быть ещё в тысячу раз сильнее.

Через искусство я мог бы познать и духовную, и умственную мои сущности и набраться множества знаний, если бы каждое из искусств было представлено на надлежащей высоте и на своем настоящем месте.

Влияние искусства в вопросе детского воспитания -- громадное поле для разработки.

Глава 4

«Классическая» гимназия Поливанова в Москве -- мои учителя и товарищи

Перед тем, как наша семья переехала в 1881 году из Ясной Поляны в Москву, в доме царила нездоровая, нервная атмосфера. Мать уже не справлялась одна со всеми семейными заботами; отец, хотя и видел, что для воспитания выросших детей деревня не давала нужных условий, в то время переживал свой так называемый «религиозный кризис» и думал о переезде в город с большим неудовольствием(66).

[66. О тяжёлом душевном состоянии Л.Н. Толстого в конце 70-х годов см. подробнее: *Толстая А.* Отец: Жизнь Льва Толстого. В 2-х томах. М., 2001. Т. 1. С. 448-473.

Переезд из Ясной Поляны в Москву дался Толстому нелегко. Через три дня пребывания в городе в разговоре с учителями Поливановской гимназии (см. о ней ниже примеч. 69) Л.Н. Толстой так описал свои первые впечатления: «Вы меня извините -- вы городские жители, но, по-моему, жизнь в городе -- жизнь в помойной вонючей яме». -- См.: *Поливанова М.А., Поливанов Л.И.* В “большую перемену” 18-го сентября 1881 г. в частной гимназии // *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников* - Т. 1. С. 283.

14 октября 1881 года С.А. Толстая призналась сестре, Т.А. Кузминской: «Завтра месяц, как мы тут... Лёвочка впал не только в уныние, но отчаянную апатию». - *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, № 3284. Л. 1. Автограф].

Пока вопрос решался, моё воспитание было заброшено ещё больше и вместо того, чтобы помочь, родители сделали со мной в этом отношении ещё новую ошибку, когда, по настоянию отца и против желания и слёз матери и меня самого, меня перевели из женской половины, от моей милой англичанки Miss Any(67), вниз, в комнаты старших братьев и гувернёра(68).

[67. Речь идёт об Анне Филипс. См. о ней выше примеч. 43.

68. Гувернёром старших братьев в 1878-1897 годах был месье Ньеф. См. о нём примеч. 44].

Эта перемена повлияла на меня особенно дурно в том смысле, что «у мальчиков» я научился только дурному, то есть тому, что повредило моей жизни.

Когда мы все же переехали в Москву и меня отдали в Поливановскую классическую гимназию в третий класс, я искренно радовался тому, что, наконец, начнется моё настоящее воспитание и образование, которых, я чувствовал, дома мне не могли дать.

Самым лучшим нашим учителем в гимназии был сам «Лев», --Лев Иванович Поливанов, -- один из выдающихся русских педагогов, директор и прекраснейший, умный человек(69). Вспыльчивый и нервный, с седой гривой густых волос, зачёсанных назад, худой и быстрый, Поливанов не только умел учить, но умел вызывать в учениках лучшие их чувства. Он был нашим учителем русского языка и литературы. Когда он сердился, он выходил из себя и сам не помнил, что говорил. Раз, в порыве гнева, он прокричал, грозя ученикам своим бледным, худым кулаком: «Здесь не кабак, а *питейное* заведение»! Он хотел сказать: *учебное* заведение.

Всё же все любили и уважали его(70).

[69. Л.И. Поливанов (1838-1899) -- педагог, историк литературы, директор частной мужской гимназии в Москве, учреждённой им вместе с сослуживцами в 1867 году. Гимназия помещалась на Пречистенке, в Денежном переулке, неподалёку от дома, который в 1881 году сняли Толстые.

14-го октября 1881 года С.А. Толстая писала сестре, Т.А. Кузминской из Москвы: «Илья и Лёля поступили приходящими в 5<-й> и 3-й класс Поливановской гимназии, очень хорошей, пользующейся одинаковыми правами с казёнными, классическими гимназиями. Они оба, особенно Лёля, учатся пока порядочно» - *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, № 3284. Л. 2. Автограф.

Л.Л. Толстой всегда по-доброму отзывался о своём наставнике. - См.: *Толстой Л.Л.* Л.И. Поливанов (Долг ученика) //*Русские ведомости*. М., 23 февраля 1899 года, № 54. С. 3; *Толстой Л.Л.*

Памяти Поливанова (К 10-летию со дня его кончины) //*Новое время.* СПб., 4/17 марта 1909 года, № 11845. С. 5.

С детских лет сравнение двух Львов -- отца и наставника -- было в пользу Л.И. Поливанова. С этой точки зрения показательна миниатюра «Сочинение о лошади», включённая в юбилейный номер, посвящённый 80-летию Л.Н. Толстого. -- См.: *Толстой Л.Л.* Два воспоминания: I. Зимняя ночь; II. Сочинение о лошади //*Родник:* Двухнедельный иллюстрир. журнал для семьи и школы. СПб., 1908, № 17. С. 182-187.

70. Восторженные воспоминания о Л.И. Поливанове и его гимназии см. также в книге младшего современника Л.Л. Толстого, Андрея Белого (псевд. Бориса Николаевича Бугаева; 1880-1934) «На рубеже двух столетий» (М.: Худож. лит., 1989. С. 259-298)].

Он особенно внимательно и добро относился ко мне. Позднее, когда моя мать была у него по поводу учения моих младших братьев, он каждый раз с интересом и даже любовью расспрашивал обо мне, говоря, что у меня было настоящее призвание к писанию и что это настоящее моё дело. Он как-то прочел в газете мою короткую статью, в которой я описал одно собрание Армии Спасения в Париже(71), и нашёл, что она была написана хорошо. Он был одним из тех немногих, которые верили в моё будущее. Мать в письме к отцу рассказывает об этом(72).

[71. Л.Л. Толстой ошибся. Его «Письмо из Парижа (У салютистов)» было опубликовано в журнале «*Северный вестник*» (СПб., 1894, № 5. Отд. II. С. 39-52).

De l'Armee du Salut -- французское название «Армии спасения». Членов этой религиозной ассоциации, ставившей целью духовное спасение людей вне храмов, посредством проповеди Евангелия и общих молений, во Франции называли, соответственно, *салютистами* (от *латин.* salutis -- спасение, избавление).

72. 11 мая 1894 года С.А. Толстая писала мужу из Москвы: «Была я у Поливанова, это Лёву должно интересовать. ... Поливанов очень расспрашивал про Лёву и, видно, нежно его любит; я даже удивилась, и мне совестно повторять те лестные отзывы, которые он выражал о Лёве. Между прочим он говорил: "Вот прочёл я его статейку о салютистах, ведь как это мило, как всё в меру, умно, хорошо написано. У него положительный талант, пожалуйста, скажите ему моё мнение и передайте, что я верю в его будущность, чтоб он не переставал писать, это положительно его призвание"». -- См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому -- С. 594-595.

Поддержать молодого человека захотел и Николай Николаевич Страхов (1828-1896). 27 мая 1894 года он из Петербурга писал Л.Н. Толстому: «Мои усердные поклоны Льву Львовичу. Об армии спасения -- как хорошо! Яснополянская литературная школа -- чудесная школа!» -- См.: *Толстая С.А., Толстой Л.Н.* Переписка с Н.Н. Страховым /Ред. *А.А. Донсков*; Составители *Л.Д. Громова*, *Т.Г. Никифорова*. Текст парал.: англ., рус. М.; Ottawa, 2000. С. 64].

Помню, как раз, уже в последнем классе гимназии, я продекламировал «Льву» «Пророка» Пушкина, а он слушал, опустив седую гриву. Когда я кончил, он одобрительно улыбнулся и поставил мне высший балл:

«И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул...»

Может быть, нет более глубокого по смыслу стихотворения во всей мировой поэзии, и я должен сказать, что за весь период моей юношеской гимназической жизни оно было для меня единственным, ясным, верным и простым откровением того, *чем должна быть высшая духовная жизнь человека*. До сих пор я ни у кого не видел лучшего. Чтобы стать пророком, надо *увидеть* и *услышать* «неба содроганье и горний ангелов полёт», нужно *победить страсти*, *познать мудрость* и только тогда, -- заменив праздный язык *мудрым жалом змеи*, -- человек, всё увидавший и услыхавший, смеет идти в мир людей и Божественной волей зажигать огонь в их сердцах.

Я любил ещё другое четверостишие Пушкина «Отрок», смысл которого я гордо обращал к себе:

Невод рыбак расстилал по брегу студёного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Хотя наша гимназия и была «классической», то есть в ней мы должны были изучать греческий и латинский

языки и с ними основы греческой и римской цивилизации, -- это изучение сводилось к зубрёжке грамматики и неправильных склонений и спряжений, так что не было даже времени на другое.

Если мы и переводили Гомера, Цезаря и Горация и писали «extemporalia»*, -- то делали это механически и со скукой, настолько глубока была рутина дурной педагогики.

* *импровизации (латин.)*

Два добродушных Петра Петровича учили нас древним языкам -- оба чистокровные русские люди, претендовавшие быть «классиками»(73). Учитель латинского, бывший армейский капитан, которого мы звали Петей, любил шагать по классу и плевать в угол. Когда он подходил к углу, весь класс громко шептал: «Плюнь», -- и Петя послушно плевал, хотя у него давно уже истощился запас слюны(74).

Греческого учителя гимназисты мои дразнили по-гречески: “tini, tinos” и прибавляли: “Петра Петровича за нос”(75).

Очень милым был наш старый учитель истории Фукс, еврей по происхождению. Он же был учителем французского языка(76).

В общем, все наши учителя были прекрасные люди, но все слабовольные, полуживые, в сущности, глубоко невежественные морально и интеллектуально. Не говорю об уроках “Закона Божьего”, который преподавал милейший священник, наш ”батюшка”(77). Никто никогда не знал его уроков катехизиса или богослужения, точно так и нужно было, хотя в этих уроках заключалось всё *наше духовное воспитание для пробуждения нашей духовной сущности*. Ещё каждое утро перед классами и в конце их один из товарищей с места читал молитву, глядя на образ в углу, и все быстро

крестились. Я никогда не мог уловить ни одного слова из этой молитвы и никогда не слушал ее. Тра-та-та-та -- и дело кончено. В эту минуту мы даже не отдавали себе отчёта, что молились какому-то богу.

]73. Речь идёт о преподавателях древних языков П.П. Никольском и П.П. Копосове. -- См.: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учреждённой Л.И. Поливановым*. М., 1893. С. 9, 12.

74. Л.Л. Толстой ошибся: учителем латинского языка был Пётр Петрович Никольский, которому его воспитанник спустя много лет посвятил одно из своих ранних сочинений. -- См.: *Толстой Л.Л.* Под двумя огнями: Посвящается П.П. Н-ому (Из гимназических воспоминаний) //*Русские ведомости*. М., 20 января 1895 года, № 20. С. 2-3. Позднее этюд вошёл в кн.: *Толстой Л.Л.* Рассказы из времени студенчества. М., 1898. С. 201-220.

75. Л.Л. Толстой ошибся: у гимназистов сохранились добрые воспоминания о Копосове. А дразнили гимназисты другого преподавателя -- Казимира Клементьевича Павликовского. Его появление Андрей Белый считал ошибкой Поливанова и набросал выразительный портрет ненавистного наставника: «Впечатление, что всё нахально осмеивалось (ученик, его способности, самые его запросы культуры, самое “святое святых” его чувств), нас охватывало при вступлении в класс Павликовского, и мы, взбешённые этим подразумеваемым цинизмом, уже начинали кидаться на него, как злые псы, и -- да: “забижали” его, но в ответ на какое-то осмеяние жизни, на кривлянье паяца, на “хээ”; и звали “Кузькой”; и писали на доске по-гречески перед появлением его у нас “Тини тинос” (дательный и родительный падеж от греческого местоимения “тис”), что означало: Тяните нос, то есть тяните “Кузьку” за его длинный нос» -- См.: *Белый А.* На рубеже двух столетий. - С. 296-297.

Неприятное впечатление произвёл Павликовский и на Илью Львовича Толстого, в классе которого он вёл немецкий язык. Со слов сына 26 октября 1884 года С.А. Толстая писала мужу: «В Поливановской гимназии хотели побить немецкого учителя; чуть бунт не сделался, но всё обошлось». -- См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому. -- С. 265.

76. Владимир Александрович Фукс был одним из учредителей гимназии Поливанова и преподавал историю, французский и немецкий языки. -- См.: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учреждённой Л.И. Поливановым.* -- С. 9, 11-13, 24; *Белый А.* На рубеже двух столетий. -- С. 288.

77. О священнике Николае Михайловиче Иванцове, преподававшем Закон Божий в гимназии Поливанова, по-доброму отзывалась С.А. Толстая. -- См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому. -- С. 390].

Бедные мои товарищи, которых половины давно уже нет в живых!

Какие были среди них животноподобные, жалкие существа. Их наследственность и первое воспитание

были еще беднее моего, и потому их жизнь была еще несчастнее.

Вот Арбуз, купеческий сынок, с громадным круглым животом и красной маленькой головой, вечно грубый, пошлый, глупый, заставляет меня подписаться на белом клочке бумаги. Я подписываю свое имя, а он пишет сверху: «обязуюсь принести Вишнякову такого-то числа три рубля».

А вот кавказский князь из Армении, хотя он только в третьем классе, но уже поживший, всё испытавший, на вид развратный мужчина. Он уговаривает меня ехать с ним в публичный дом, и я из любопытства и по слабости соглашаюсь. Этот дом был в одном из известных тогда переулков Москвы. Когда мы вошли в “заведение”, в салоне шли танцы “под пианино” и скрипку. “Хозяйка” провела нас в отдельную комнату, разукрашенную бархатом и позолотой, и попросила подождать. Через минуту, шурша шёлком, к нам вошли две нарядные дамы, одна брюнетка, другая блондинка. Князь стал противно ухаживать за неприятной блондинкой, гладя её ляжки, а я смотрел на симпатичную брюнетку, не смея шевельнуться. Она, отгадывая мою невинность, молча и смущенно мне улыбалась. Но я, не садясь, бросился к двери и мимо салона, где визжала скрипка, скатился вниз по лестнице и, как сумасшедший, выскочил на улицу. Дожидавшийся извозчик удивленно посмотрел на меня и что-то, смеясь, спросил. Я сел на санки, накрылся медвежьей полостью и стал ждать моего кавказского “друга”, раскаиваясь в том, что поехал с ним.

А вот бедный Цыпка -- физический урод, болезненный, кривобокий и жалкий, над которым все смеялись, щипали и дразнили: “Цып, цып, цып”.

Вот ещё два громадных, возмужалых и страшных человека -- тоже, как мой князь, армянские ребята,

богатые коннозаводчики, грубые, глупые, ленивые. А вот и русские парни, купеческие сынки: один -- первый ученик, рыжий, тихий и способный, но духовно ограниченный и мрачный, другой -- самонадеянный и неприятный, вечно на кого-нибудь сердившийся. Раз со злости он стал душить меня, взяв за шею так, что я чуть не задохся.

Были среди товарищей и более нормальные мальчики, с которыми я дружил, особенно в позднейших классах, когда подобрались лучшие ученики.

Из близких мне был сначала Скобельцын, с которым мы ходили на руках и прыгали через столы, потом товарищ Х., писавший красивые стихи, позднее погибший от сифилиса(78).

[78. Вишняков, кавказский князь, Скобельцын, рано погибший поэт Х. не значатся в списке выпускников гимназии. Ц См.: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учреждённой Л.И. Поливановым.* -- С. 40-42.

Большая фотография учеников Поливановской гимназии вместе с их наставниками хранилась в петербургском доме Л.Л. Толстого и находится ныне в Литературном музее *ИРЛИ*].

Но друзей, настоящих друзей, я не нашел среди товарищей школы. Почему? Потому что дружба, настоящая дружба, создаётся только на духовных и разумных основах.

В гимназии я рано привык курить, потому что все старшие курили и во время перемены собирались для этого в зловонной уборной. Когда я завтракал во время большой перемены в общем зале и ел мои бутерброды, приготовленные экономкой “Дунечкой”, я чувствовал, что эти колбасы и сыры с сухим хлебом мне были вредны, но, голодный, я набивал ими желудок. В смысле физических упражнений школа дала мне ноль, так как наши два, три часа гимнастики в неделю не могли считаться за таковую. По-прежнему, как в Ясной Поляне, я спасался от нездоровой школьной жизни

движением и спортом на открытом воздухе, особенно беганием на коньках.

* * *

Мне кажется, что главной ошибкой и пробелом русской гимназии моего времени было полное отсутствие живой, сердечной, умственной и жизненной связи между учениками и учителями.

Я чувствовал этот недостаток в продолжение всего моего гимназического курса и особенно на всех переменах между уроками, когда учителя шли в свою учительскую болтать и курить, а гимназисты разбегались в разные стороны со своими интересами и разговорами. Тогда последняя связь между нами и учителями обрывалась.

Не было также никакой организованной умственной связи между самими учениками потому, что старшим не поручался надзор за младшими, как это заведено, например, в Англии. Единение учеников между собой и с учителями было невозможно в школе, где ни учителя, ни ученики не знали сами, зачем и почему они учат и учатся и какую цель преследуют в жизни.

Цель гимназии была довести нас по данной сухой и нелепой программе до университета, а какова была эта программа и что с нами будет потом Ц это не интересовало никого.

Не поразительно ли, что прошли тысячелетия с тех пор, как мудрые люди познали жизнь и указали нам, какие основные знания нужны для ее счастливого прожития, -- но до сих пор мы учимся и учим наших детей предметам совершенно ненужным, пустым и ничтожным, а всё важное и нужное для жизни оставляется нами в стороне(79)?

[79. Может быть, этим частично объясняется участие Л.Л. Толстого в детских журналах «Родник» и «Товарищ», сочинение рассказов для детей в 1895-1901 годах, а также многолетняя работа на ниве народного просвещения в книжном магазине и на складе «Доброе дело» (1904-1912)].

Следовало бы написать четыре основных Учебника Жизни для всех людей и всех наций.

Первый -- как жить индивиду в одиночестве, второй -- как жить в семье, третий -- как служить обществу и государству и как относиться к нему и четвертый -- как служить человечеству и относиться к другим нациям.

Эти четыре главные науки жизни должны были бы преподаваться во всех школах мира.

Глава 5

Тяжёлая рознь родителей дома. Рождение сестры Саши.
Её воспоминания и последнее письмо

Несмотря на её недостатки, гимназия всё же была для меня отчасти отдыхом и отвлечением от того, что я переживал дома и что вконец расстроило моё здоровье и почти унесло в могилу.

Уже летом 1884 года, перед самым рождением сестры Александры(80), в один жаркий июньский день, после страшной сцены, отец чуть не ушёл из дому и не оставил семью навсегда. Во всяком случае он грозил это сделать и без всякой видимой причины, просто потому, что моя бедная мать была на сносях и накануне рождения громадных размеров ребенка, которого она никогда не желала и которого носила с большим трудом. Она была в те дни необычно тяжела и, видимо, страдала физически. Вместо того, чтобы помочь ей и быть с ней спокойным и добрым, отец за вечерним чаем без

всякого серьёзного повода рассердился и, вскочив, объявил, что уходит из дому навсегда и уезжает в Америку. Мать умоляла его остаться, но он забрал какие-то вещи в холщовый мешок, надел его на спину и ушел из дому вниз по березовой аллее, ведущей от яснополянского дома к пруду и воротам(81).

[80. А.Л. Толстая родилась 18 июня 1884 года.

81. 17 июня 1884 года после очередного тяжёлого разговора с женой Толстой решил немедленно уйти из дома. С мешком за спиной, в который он наспех кое-что уложил, Толстой пошёл по направлению к Туле. Однако по дороге он ещё раз обдумал ситуацию, осложнившуюся тяжелой беременностью жены и предстоящими родами, и в ту же ночь вернулся домой. Утром родилась дочь Саша. В тот же вечер 18/30 июня 1884 года Толстой подробно записал в Дневнике всё, что произошло и что сделало для него пребывание дома тягостным и напряжённым. -- *ПСС*. Т. 49. С. 104-105.

Некоторое время спустя он подвёл итог пережитому: «Разрыв с женою уже нельзя сказать, что больше, но полный». -- *Там же*. С. 105.

В июне 1885 года один из давних друзей Толстого, Н.Н. Страхов (см. о нём выше в примеч. 72) заметил, что Л.Н. Толстой живёт *как чужой* в своей семье в Ясной Поляне. -- См.: «*Только из Ясной Поляны бывают такие письма!..*»: Письма Т.А. Кузминской к Н.Н. Страхову //*Яснополянский сборник 2002*: Статьи, материалы, публикации. Тула, [2003]. С. 366-367].

Я присутствовал при всей этой ссоре, и, когда отец скрылся из виду, я вместе с Алсидом Seuron(82), сыном нашей французской гувернантки(83), бросился утешать мать, которая, вся в слезах и в полном изнеможении, села на маленькую зелёную лавочку на краю площадки для крокета. Я стал уговаривать её войти в дом, и, наконец, когда прибежали сёстры, акушерка(84) и тётя Таня(85), нам удалось увести её в спальню.

Начались первые схватки, а в шесть часов утра появилась на свет Александра Львовна, которую мать ни за что не хотела кормить и отдала бабе-кормилице(86).

[82. А. Сейрон (Алкид Эдуардович Зейрон; 1869-1891) сразу же подружился с детьми Толстых. Пребывание в *таком* доме не прошло для него бесследно. Через несколько лет он поступил в специальные трёхгодичные классы Лазаревского института восточных языков, которые окончил в 1890 году с правом поступления на государственную службу в России. Однако преждевременная смерть не позволила планам цепкого и целеустремленного молодого человека

осуществиться. -- См.: *Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков*: 1872-1902: Памятная книжка. М., 1903. С. 100.

Лазаревский институт восточных языков получил своё название в честь первого почетного попечителя Института генерал-майора князя Семена Давыдовича *Абамелек-Лазарева* (1815-1888). -- *Там же*. С. 12.

83. Новая гувернантка Анна Сейрон (Зейрон; Seuron; 1845-1922) появилась в доме Толстых осенью 1882 года. С.А. Толстая 14 октября писала сестре, Т.А. Кузминской: «Гувернантку я нашла здесь, очень она мне понравилась, 600 р<ублей>, француженка, парижанка, отлично знает немецкий, немного музыку, отлично живопись и будет учить Лёлю и Машу языкам, живописи, географии, истории и surveillance. Такая симпатичная, прелесть, послезавтра ее жду». -- *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, № 3299. Л. 2. Автограф.

'*surveillance*' -- надзор, наблюдение *(фр.)*.

84. М.И. Абрамович.

85. Т.А. Кузминская. См. о ней выше примеч. 52.

86. 24 июня 1884 года Л.Н. Толстой в письме другу и единомышленнику Владимиру Григорьевичу Черткову (1854-1936) особо выделил одно обстоятельство: «Жена родила девочку. Но радость эта отравлена для меня тем, что жена, противно выраженному мною ясно мнению, что нанимать кормилицу от своего ребёнка к чужому есть самый нечеловеческий, неразумный и нехристианский поступок, всё-таки без всякой причины взяла кормилицу от живого ребёнка...» -- *ПСС*. Т. 85. С. 69.

Это событие запомнили и старшие дети. Так, Т.Л. Толстая 2 июля 1884 года записала в своём дневнике: «18 июня мама родила Сашу. У неё пока длинные, чёрные волосы и синие глаза. *В первый раз взяли кормилицу*». -- См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. -- С. 116. Курсив мой. -- *В.А.*

Знала об этом и сама Саша. -- См.: *Толстая А*. Дочь. М.: Вагриус, 2000. С. 17-18].

Странно, что сестра Саша была одной из главных, хотя и косвенных, причин трагического и преждевременного конца Льва Николаевича, его разрыва с матерью и его оставления дома(87). Она же написала о матери непристойнейшие воспоминания, о которых тяжело говорить(88). Для того, чтобы быть в состоянии, не скрывая своей злобы к той, которая родила её на свет, писать, как «нервно прыгал каблучок» бедной нашей мученицы матери, как она ела и тому подобные, якобы «художественные», подробности, -- нужно поистине не обладать никаким душевным

тактом(89). Не говорю уже о том, что все то, что она написала обо мне, настолько не похоже на меня, что возражать этому невозможно. Она, например, серьезно поверила, что я разделял мнение моего учителя скульптора Родена(90), когда он в шутку говорил мне: “Il ne faut pas penser du tout par ce que cela use la cervelle”*.

* «Думать совсем не надо, потому что это портит мозги» *(фр.)*.

[87. Л.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну из Парижа 2 июля 1910 года и сразу же открыто стал на сторону матери. Естественно, его отношение к сестре Саше резко изменилось в худшую сторону. 14 августа 1910 года Александра Львовна записала в дневнике: «Лёва мне прямо сказал, что я виною всему, что происходит между стариками». -- *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 12. Л. 70 об. Автограф.

88. Вероятно, Л.Л. Толстой имеет в виду серию зарисовок А.Л. Толстой, публиковавшихся под общим названием «*Из воспоминаний*». -- См.: *Современные записки*: Общественно-полит. и лит. журнал. Париж, 1931-1932, №№ 45-50.

89. В заключительном фрагменте мемуаров А.Л. Толстая подробно воссоздала трагическую обстановку в доме летом 1910 года. Л.Л. Толстого покоробил следующий эпизод: «Мама меня не оставляла в покое. Когда она не могла говорить с отцом, она приходила ко мне. Всё дрожало во мне, когда мать, нервно постукивая каблуком, говорила:

«У Льва Николаевича сердца нет, он никого не любит, он холоден, как лёд. Когда ты уезжала в Крым, он и по тебе не скучал, такой весёлый был» -- *Там же*, № 50. С. 262.

Судя по дневнику А.Л. Толстой, этот разговор состоялся 26 июня 1910 года. -- См.: *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2-а, № 11. Л. 7 об.-11 об. Автограф.

90. Л.Л. Толстой серьезно увлекся скульптурой и в 1909-1910 годах работал в Париже под руководством французских мастеров, в том числе и Огюста Родена (Rodin; 1840-1917).

В дневнике А.Л. Толстая записала: «В этот же день 4-го <июля 1910 года> происходил очень интересный по своей глупости разговор. Лёва рассказывал папс про Rodin, защищал его, когда папаша говорил, что Rodin сделал “божескую руку” и лепит голых женщин. Между прочим, Лёва сказал: Rodin говорит, что не надо думать, что мысль изнашивает мозг (a use la cervelle). Папа ужасно это поразило. Мысль, разум, -- то, чем человек должен руководствоваться в жизни, и этого не нужно. Я вставила свое замечание: use la cervelle -- это совсем неверно. Мысль, как мускулы, чем больше упражняешь её, тем более она развивается.

Нет, Rodin прав, о чём думать, всё ясно, всё давно разрешено, - сказал Лева.

«Да, многое разрешено, но если бы не было таких людей, как отец, которые ЗА НАС *думают*, -- ничего бы не было разрешено и ясно, -- хотелось мне сказать. Но я промолчала. Я взглянула на отца. У него было такое ласково-насмешливое

лицо, он так добродушно смеялся, глядя на меня, как бы говоря: брось, не спорь, ведь это так нелепо и смешно, что не стоит даже об этом спорить». -- *Там же*. Л. 31-31 об. Автограф. Курсив *А.Л. Толстой*].

Она ещё утверждает в своих воспоминаниях, что я стоял за смертную казнь(91), тогда как я никогда не выражал и не имел подобного мнения. Напротив, я думаю и писал это, что она не нужна, и ставлю и ставил в пример Швецию, где её не существует(92).

[91. 8 августа 1910 года разговор зашёл о смертной казни, сторонником которой в это время был Л.Л. Толстой. В этот день А.Л. Толстая записала в дневнике: «После обеда прохожу мимо библиотеки, сидят Лёва с Катей. Увидав меня, Лёва замолчал, а Катя сказала: "Лёва бранит меня за то, что я против смертной казни"». -- *Там же*, № 12. Л. 51. Автограф.

Катя -- Екатерина Васильевна Толстая (урожд. Горяинова; в первом браке -- Арцимович; 1876-1960), вторая жена А.Л. Толстого.

92. Отношение Л.Л. Толстого к смертной казни менялось неоднократно. Еще в конце XIX века в очерках о Швеции Л.Л. Толстой бегло остановился на судопроизводстве в Швеции, где смертная казнь формально существовала, но «уже много лет случаев её здесь не было, благодаря власти короля её отменять. Не только не надо убивать человека, но и нельзя его ненавидеть, потому что это такое же духовное убийство» -- См.: *Толстой Л.Л.* Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях. М., 1900 (обл. - 1901). С. 90.

Летом 1906 года, пережив революционную ситуацию и обдумывая ближайшее будущее России и мира, Л.Л. Толстой пересмотрел свое отношение к смертной казни и стал её защищать. - См.: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого (Записи за пятнадцать лет): В 2-х томах. М., 1922. Т. I. С. 178; *Маковицкий Д.П.* У Толстого - Кн. 2. С. 170.

Когда я раз сделал замечание моему маленькому избалованному и невоспитанному племяннику Илюше(93) и сказал ему в шутку: «Тебя мало пороли», -- Саша приняла это всерьёз и сейчас же пошла жаловаться об этом отцу(94).

[93. *Илюша, Илюшок* -- Илья Андреевич Толстой (1903-1970), внук Л.Н. Толстого.

94. В дневнике А.Л. Толстой за 25 июля 1910 года есть такая запись:

«Ольга рассказала отцу (Льву Николаевичу. - *В.А.*) о сцене за завтраком. Сидим за столом: Ольга с детьми, Лева, Варенька, Надя и я, мать лежит с закрытыми глазами на кушетке, завтракаем, для матери стоит кофе.

Лёва протягивает руку за кофеем.

«Нельзя, это бабушкин, -- говорит Илюшок, -- ишь какой, хочешь бабушкин кофей выпить.

«Не смей мне делать замечаний, мало тебя пороли, -- закричал на него Лева, разозлившись. А потом стал говорить о том, что он порет своих детей, даже маленькую Нину (2-х лет). -- И вот Миша своих порет. Я тебя не могу пороть, ты не мой сын, а то, если бы ты не слушался, я бы тебя непременно порол.

-- А я скажу дедушке и бабушке, чтобы тебя тоже пороли, - сказал Илюшок.

-- Я очень жалею, что меня не пороли, - сказал Лёва, - а теперь уже поздно.

-- Нет, совсем не поздно, - сказал Илюшок.

-- Неужели он считает, что надо пороть детей, - спросил отец, выслушав эту историю и назвав Илюшка молодцом». -- *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 12. Л. 1-1 об. Автограф.

Ольга Константиновна Толстая (урожд. Дитерихс; 1872-1951) -- первая жена А.Л. Толстого.

Варенька -- Варвара Валерьяновна Нагорнова (урожд. Толстая; 1850-1921) -- племянница Л.Н. Толстого.

Надя -- возможно, Надежда Павловна Иванова (умерла в 1926 году), тульская знакомая Толстых.

Миша -- М.Л. Толстой. См. о нём выше примеч. 31.

Нине Львовне Толстой (в замужестве Лундберг [Lundeberg]; 1906-1987) в это время было *три с половиной* года].

Когда я вижу здесь, во Флоренции, книгу сестры у уличных продавцов, мне делается стыдно и больно, что люди читают её и составляют себе ложные представления о людях(95).

Я не хотел совсем касаться этого вопроса, но всё же обязан сказать, что если бы Саша была другой, она бы пожалела мать, она бы пожалела отца, вместо того, чтобы раздувать огонь их разногласия и вместе с Чертковым(96) и его друзьями наваливать всю моральную ответственность на несчастную мою мать, отдавшую семье всю свою жизнь(97).

Я рад случаю заявить, что сестра Саша, живущая сейчас в Америке(98), сознаёт свою вину и просила у семьи прощения за свои ошибки.

[95. Вероятно, Л.Л. Толстой имеет в виду книгу А.Л. Толстой «Трагедия отца» (Париж, 1937), которая первоначально вышла в переводе на английский язык, а чуть позже появилась в переводах на итальянский и французский. В книге младшей сестры Л.Л. Толстого, вероятно, задело то, что касалось его собственных взаимоотношений с родителями и, в первую очередь, упоминание о том, что С.А. Толстая больше всех любила его и в отдельных ситуациях явно принимала его сторону в ущерб другим детям, а также рассказ о страшном лете 1910 года. -- См.: *Tolstoy A*. The tragedy of Tolstoy / Transl. by *E. Varneck*. New Haven, 1933. P. 6-8, 163, 169, 189, 225-229. См. также: *Tolstoy A*. The tragedy of Tolstoy / Transl. from Russian.

London, 1933; *Tolstoi A*. La mia vita col padre. Milano, 1933; *Tolstoi A*. Ma vie avec mon pщre /Traduit du russe. Paris, 1933.

96. В.Г. Чертков. См. о нём ниже.

97. А.Л. Толстая в последнее лето жизни отца была свидетельницей многих жесточайших и безумнейших сцен, которые С.А. Толстая и её сторонники (такие, как Л.Л. Толстой) устраивали в Ясной Поляне. Например, ей в память врезалась такая картина:

«Через несколько секунд она снова прибежала к нам в “ремингтонную”.

-- Саша, ты говоришь, что я уморю отца, он уже умер для меня душой, а телесно мне все равно.

-- Тебе все равно, а нам нет, пускай Таня и другие видят и знают, что ты с ним делаешь!

-- А мне до вас дела нет!

-- Так знай же, что нам не все равно! - закричала я, не помня себя от ужаса, обиды, гнева. - Мы, дети, не позволим тебе замучить отца до смерти!

-- Бессильны, - с насмешливой злобой ответила она мне и вышла из комнаты».

(См.: *Толстая А*. Из воспоминаний //*Современные записки* - Париж, 1932, № 50. С. 70. Ср.: *Толстая А*. Дочь. - С. 161).

Таня - Т.Л. Сухотина-Толстая.

В дневнике А.Л. Толстой данный разговор записан 7 июля 1910 года. -- *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 11. Л. 38 об.-39. Автограф.

98. В 1929 году, воспользовавшись приглашением выступить с лекциями об отце в Японии, А.Л. Толстая покинула страну с твёрдым решением не возвращаться в СССР. В сентябре 1931 года она переехала в Америку, где первое время отчаянно бедствовала, а потом обзавелась фермой и начала работать на земле].

Я сам виноват в том, что, всецело встав на сторону матери, не был достаточно мягок со стариком отцом, хотя старался всячески помочь и ему, и матери.

Мы на днях обменялись с Сашей письмами. Вот ее последнее письмо ко мне из Америки:

«Спасибо, Лёва.

С радостью узнала твой почерк, с радостью прочла то, что ты написал. И так хорошо стало на душе. Почувствовала себя такой богатой, точно сто тысяч, нет, гораздо больше выиграла, да и не сравнишь ни с чем.

Давно уже у меня к матери, к тебе, ко всем братьям осталась только любовь, нет ни тени какого-либо отчуждения. Должно быть, я, даже наверное, я во многом виновата перед вами, если виновата -- простите, но не злоба, не недоброе руководило, может быть, в некотором отношении -- ошибочное.

Странно, чем больше живешь, тем дальше отходит вся мелочная враждебность, споры. Должно быть, оттого, что близится смерть. Ушла мать, и только с великой нежностью, жалостью и страданием вспоминаю её и только, может быть, теперь по-настоящему люблю и понимаю её(99). Ушёл Чертков(100), и опять нет злобы, нет враждебности, а только недоумение некоторое, что ему суждено было быть носителем идей отца; уйдём и мы все, и скоро, и останется одно вечное, неизменное, прекрасное, которое портят люди, коверкают, стараются загрязнить грязными лапами, оно стоит незыблемое и ждёт, когда мы опомнимся.

С некоторых пор как-то боюсь употреблять слово Бог. Очень уж Его много употребляют, слишком как-то легко, фамильярно относятся к Нему. Илья, умирая, боялся говорить «Бог», -- должно быть, то, что он переживал, было так чудесно, что он не мог найти этому слово.

«Бесконечность есть любовь», -- сказал он как-то.

А ещё чудесно сказал: «Знаешь, мне уже больше ничего нельзя желать для себя, и мне было тоскливо. Теперь я придумал, я лежу и думаю, что бы я хотел для всех близких. Это очень хорошо». Это, разумеется, была молитва, но он боялся сказать слово «молитва». Очень часто вспоминаю его и каждый раз плачу не от горя, а от радости. Многому он меня своей смертью научил. Всё хочется это написать, но боюсь фальши, всё ношу в себе, не знаю, смогу ли(101).

Я совсем одна. Сегодня серое, дождливое утро, сирень так сильно пахнет в окно, и канарейка на ней сидит. Огород мой весь зазеленел, и я на него радуюсь. Сейчас 6 час<ов> утра, ещё жизнь не началась кругом. Позднее будут проходить, проезжать люди по дороге. Моя фарма* окружена штатными лесами на большое пространство. Вот почему я пишу тебе, потому что так тихо, спокойно и хорошо на душе и мне хотелось по душе поговорить с тобой.

Знаешь ли ты, что шведка, которая приехала сюда к нам два года тому назад(102), знает всех твоих и много-много мне про них рассказывала? Очень всех хвалит. Какой ты счастливый, что у тебя столько близких.

Я очень бы хотела поехать в Европу, но не могу из-за материальных причин. Я едва-едва свожу концы с концами. Сейчас, например, у меня ничего, никакого заработка нет, кроме огорода, который даёт очень мало. Всё делаю сама, даже стираю. Вчера сделала очень трудную работу: выкопала яму для чуланчика. Только позвала мужика помочь мне поставить его. К работе я привыкла, и мускулы у меня, как у мужика.

Для американцев я слишком прямолинейна в своих взглядах. Им не всегда нравится, что я громлю большевиков, нападаю на куренье, здесь всякая девчонка в 16 лет курит, не признаю их conventionalities* и не всегда могу на лице изобразить pleasant smile**. Целую тебя очень крепко, милый брат, и ещё раз благодарю тебя за яркий блик, которым ты озарил мою жизнь.

Сестра Саша»(103).

** Английское слово "farm" (ферма) А.Л. Толстая писала так, как оно произносится.*

** условностей (англ.)*

*** приятную улыбку (англ.)*

[99. С.А. Толстая умерла 4 ноября 1919 года в Ясной Поляне. Об изменившемся отношении дочери к ней в последние месяцы жизни см.: *Толстая А*. Отрывки из воспоминаний //*Современные записки* -- Париж, 1934, № 56. С. 236-237. См. также: *Толстая А*. Дочь... С. 277-279.

100. В.Г. Чертков умер 9 ноября 1936 года.

101. И.Л. Толстой умер в Нью-Йорке 11 декабря 1933 года. -- См. подробнее: *Толстая А*. Дочь... С. 540-542.

102. Речь идет о Марте Кнудсен. -- *Там же*. С. 552-553].

Глава 6

Толстовство и его вредное влияние. Дурное настроение отца и причины этого

Основные и первые религиозно-философские и социальные сочинения отца: «Исповедь» (104), «Что ж нам делать» (105) и «В чём моя вера» были написаны в те годы, когда, неудовлетворенный *умственной* и *духовной* пищей, которую мне давала гимназия, я всюду искал ответов на серьёзные вопросы жизни, читая всё, что было под рукой, и внимательно слушая старших. Как раз в эти годы громко и уверенно раздалось горячее и убеждённое слово только что родившегося Толстовства, якобы дававшего верное решение всем задачам жизни.

«Ты ищешь истины, она в Евангелии, очищенном от таинственного и чудесного. Она в центральной заповеди Христа -- непротивлении злу насилием. Она в пяти заповедях, изложенных в книге “В чём моя вера”(106).

Чего же искать дальше? Выше, правдивее и чище учения нет и не может быть. Следуя за ним, ты сделаешься «солью земли», мучеником и героем, одним из первых его великих учеников, ибо в нём спасение человечества. Только откажись от военной службы и от присяги, брось курить и пить, оставайся девственником, пойди в деревню пахать землю с мужиками -- и ты будешь известен, славен и счастлив».

[104. Название «Исповедь гр. Л.Н. Толстого: Вступление к ненапечатанному сочинению» появилось впервые в женевском издании М.К. Элпидина в 1884 году.

105. Речь идёт о трактате Л.Н. Толстого «Так что же нам делать?». Подготовленный Л.Н. Толстым для журнала «Русская мысль», он был в 1885 году запрещён цензурой. Впервые опубликован в 13-й части «Сочинений» Л.Н. Толстого, изданных С.А. Толстой в 1890 году в Москве.

106. Над трактатом «В чём моя вера?» Л.Н. Толстой работал в 1882-1884 годах. Размышление о заповедях Христа заняло в нём центральное место.

«Все богословы говорят о заповедях Христа; но какие эти *заповеди*, я не знал прежде. <...> Я не видел того, что в том месте, где Христос говорит: “Вам сказано, а я говорю вам...”, выражены новые определённые заповеди Христа, и именно по числу ссылок на древний закон (считая две ссылки о прелюбодеянии за одну), пять новых, ясных и определённых заповедей Христа.

Про блаженства и про число их я слыхал и встречал перечисление и объяснение их в преподавании закона Божия; но о заповедях Христа я никогда ничего не слыхал. Я, к удивлению моему, должен был открывать их. <...>

И вот, вместо туманных, подлежащих толкованиям и произволу, неопределённых и неважных выражений открылась мне с стиха 21-28 простая, ясная и определённая первая заповедь Христа: живи в мире со всеми людьми, никогда своего гнева на людей не считай справедливым. <...>

Вслед за первою заповедью с такою же ясностью открылась мне и вторая, начинающаяся также ссылкой на древний закон. <...>

Стоит отбросить толкования и вместо туманного и неопределенного является определённая и ясная вторая заповедь Христа.

Не делай себе потеху из похоти половых сношений; всякий человек, если он не скопец, т.е. не нуждается в половых сношениях, пусть имеет жену, а жена мужа, и муж имей жену одну, жена имей одного мужа, и ни под каким предлогом не нарушайте плотского союза друг с другом. <...>

Ясная, определенная, исполнимая третья заповедь: не присягай никогда никому ни в чём. Всякая присяга вымогается от людей для зла. <...>

Четвёртая заповедь была первая заповедь, которую я понял и которая открыла мне смысл всех остальных. Четвёртая простая, ясная, исполнимая заповедь говорит: никогда силой не противься злому, насилием не отвечай на насилие: бьют тебя -- терпи, отнимают -- отдай, заставляют работать -- работай, хотят взять у тебя то, что считаешь своим, -- отдавай. <...> И для меня стало очевидным, что, говоря: вам сказано: люби ближнего и ненавидь врага, а я говорю: люби врагов, Христос говорит о том, что все люди приучены считать своими ближними людей своего народа, а чужие народы считать врагами, и что он не велит этого делать. <...> Для Бога все равны, на всех светит одно солнце, на

всех падает дождь; Бог не делает различия между народами и всем делает равное добро; то же должны делать и люди для всех людей без различия их народностей, а не так, как *язычники*, разделяющие себя на разные народы. <...>

Всё это было так просто, так ясно, что мне было удивительно, как мог я сразу не понять этого». -- *ПСС*. Т. 23. С. 347, 351, 357, 360, 362, 365-366. Курсив *Л.Н. Толстого*.

Первое издание трактата «В чем моя вера?», выпущенное Л.Н. Толстым за свой счёт в количестве 50-ти экземпляров, было арестовано и запрещено (1884). Впервые это сочинение Толстого стало доступно широкому кругу читателей после Первой российкой революции, когда оно было напечатано в журнале «Всемирный вестник» (СПб., 1906, № 2), а также вышло отдельной книжкой в издательстве «Посредник» (М., 1906)].

И я так увлёкся учением отца, что все остальное отошло на задний план и перестало интересовать меня(107). Можно себе представить, как успешно я мог приготовлять греческий или латинский переводы или алгебраическую задачу после того, как в продолжение трех, четырех часов, до позднего вечера я просиживал в маленьких комнатках отца, с низкими потолками, где стояло густое облако табачного дыма и нельзя было разглядеть лиц собравшихся, но где шли горячие споры о новом учении, долженствовавшем спасти мир. Я вместе с табачным дымом пропитывался истинами, которые должны были искоренить зло и ложь жизни, и выше их не видел ничего. Что была моя жалкая гимназия рядом с великими задачами? Пусть меня даже выгонят из нее; что завтрашний день с его уроками и я сам, когда вместе с моим отцом я понимал и исповедовал величайшее из откровений?

Наконец, усталый и нравственно истерзанный, я ложился спать в душной комнате с закрытыми окнами и засыпал тяжелым, нездоровым сном, чтобы завтра рано бежать в гимназию, не зная ни одного урока, и глотать мой сухой бутерброд.

Иногда отец спрашивал меня, приготовил ли я заданное в гимназии, но никогда не заставлял меня делать этого.

Чтобы быть правдивым, должен сказать, что не только отцовские идеи, его посетители и их разговоры мешали мне правильно жить и учиться дома, но и весь уклад и ход жизни нашей многочисленной и бурной семьи.

Звонки, прислуга, движение и шум, музыка, гости, родственники, наши товарищи и званые обеды, приемы, беготня и крик маленьких детей -- всё это вместе по временам сливалось в сплошной ад, из которого одно спасение было -- бегство. Тогда я удирал в сад, где чистил снег или поливал каток, или уходил к родным нашей семьи -- Шидловским, Оболенским или Нагорновым -- в более тихую и нормальную обстановку.

В нашей семье особенно увлекались учением отца -- я и сестра Маша(108). Про нас он писал кому-то, что мы, «средние» его дети, «духовнее» старших и не взяли от него его «грубости»(109). Но наша «духовность», -- не настоящая, а привитая, и дружба с отцом стоила нам дорого. Бедная, очень хорошая Маша никогда не была счастлива и умерла изнурённой, молодой бездетной женщиной, потому что все её многочисленные беременности кончались ранними выкидышами(110).

Я же поплатился долгой и тяжёлой болезнью(111), которую победил только благодаря тому, что навсегда похоронил и осудил толстовское учение, взятое в его целом, и, выбравшись из полудикой, бестолковой России, увидел и понял рациональный и организованный Запад.

[108. «Самая большая моя радость», -- писал Л.Н. Толстой о дочери Маше в начале августа 1888 года И.Б. Файнерману. -- *ПСС*. Т. 64. С. 180. Позднее, 27 сентября 1889 года, в письме П.И. Бирюкову он мотивировал это тем, что Маша живёт «внутренней жизнью, т.е. истинной». -- *Там же*. С. 309.

Отношение к сыну Льву было не столь однозначным. Так, 7 июня 1889 года Толстой записал в Дневнике: «Приехал Лёва. Недурной малый. Может выйти очень хороший. Теперь ещё далёк» -- *Там же*. Т. 50. С. 93.

Через несколько дней, 18 июня 1889 года, в письме П.И. Бирюкову оценка более мягкая: «Лёва приехал недавно, в студенческой фуражке, хочет поступать на

медицинский факультет. Он после Маши ближе всех ко мне» -- *Там же*. Т. 64. С. 268. Эта же мысль в письме О.А. Баршевой и М.А. Шмидт от 22 мая 1891 года: «Ближе всех ко мне после Маши Лёва». - *Там же*. Т. 65. С. 304.

109. 2 мая 1883 года Т.Л. Толстая записывает: «Он (папа. -- *В.А.*) за чаем разбирал своих детей и говорил, что все мы глупы, т.е. что ни у кого из нас нет духовного и умственного интереса, которым бы мы жили, и что у Лёли все-таки его больше, чем у остальных» -- См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник... С. 75.

110. Эта точка зрения близка взглядам С.А. Толстой. 28 января 1901 года она записала: «Сегодня известие от Маши бедной, что ребёнок опять в ней умер и она лежит с схватками, грустная, огорченная, обманутая надеждой, как и Таня. Мне всё время плакать хочется и ужасно, ужасно жаль бедных моих девочек, изморенных вегетарианством и принципами отца. Он, конечно, не мог предвидеть и знать того, что они истощаются пищей настолько, что не в состоянии будут питать в утробе своих детей» -- См.: *Толстая С.А.* Дневники. Т. 2. С. 11.

М.Л. Оболенская скончалась в Ясной Поляне в ночь на 27 ноября 1906 года от воспаления легких. См. об этом ниже.

111. По всей видимости, первые признаки болезни появились зимой 1893 года, когда даже Л.Н. Толстой заметил, что с сыном происходит что-то неладное. 25 февраля 1893 года он из Ясной Поляны, куда только что приехал Лев, написал в Москву С.А. Толстой: «Лёва не поправился, и мне жалко смотреть на него, как из такого жизнерадостного, красивого мальчика сделался такой болезненный. Хотя я надеюсь, что это пройдет. Духом он бодр и весел». -- *ПСС*. Т. 84. С. 188. См. об этом ниже].

Но в период горячего увлечения отцовскими идеями я любил их искренно и любил, даже обожал отца(112). Я сочувствовал ему всем сердцем, разделяя его радости, когда, например, новые и «настоящие» ученики приходили к нему и объявляли себя таковыми (М.А. Шмидт(113), В.Г. Чертков, П.И. Бирюков(114), А.Н. Дунаев(115) и многие другие). Я ходил с отцом в Москве по ночлежным домам и фабрикам, где он смотрел городскую бедноту и жизнь рабочих, и внимательно, зорко следил за развитием его идей. Я ловил каждое его слово и восторгался каждым его новым «открытием», не упуская даже мелочей(116).

[112. Так, 14 мая 1892 года Л.Л. Толстой писал отцу: «Я очень люблю всё, что ты говоришь, но тебя я люблю еще больше». -- *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/9, № 15. Л. 2. Автограф.

А через два месяца, 14 июля 1892 года, он более подробно объяснил своё отношение к отцу: «Милый папа, мне очень жалко и горько, что у нас вышло так нехорошо с тобой. Не сердись на меня и прости мне, если я доставил тебе

страдание. Но это вышло против моей воли. Не думай также, что я когда-либо подделывался под твои взгляды, если я разделял их, то это было всегда совершенно искренно. <...>

Ты идёшь своим путем, каждый из нас -- своим. И я рад бы был идти вместе с тобой, слепо следовать за тобой, чтобы не огорчать тебя, но это была бы ложь, в этом не было бы никакой жизни, это было бы не то.

И потому я лучше, погибший, может быть, в твоих глазах, буду кататься на велосипеде и есть бифштексы в гусарском мундире, чем обманывать себя, тебя и других. Но знай, пожалуйста, и верь мне, ради Бога, что ты и то, что ты говоришь и чем живешь, теперь мне дороже всего на свете. Это правда, и я не обманываю себя». -- *Там же*, № 16. Л. 1-2. Автограф.

113. Мария Александровна Шмидт (1844-1911) -- последовательница и единомышленница Толстого, друг всех членов семьи Толстых. -- См. о ней: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. -- С. 307-340.

114. Павел Иванович Бирюков (1860-1931) -- друг, единомышленник и биограф Л.Н. Толстого.

115. Александр Никифорович Дунаев (1850-1920) -- один из директоров Московского Торгового банка, близкий знакомый Л.Н. Толстого.

116. В начале 80-х годов, переехав в Москву и столкнувшись с ужасающей нищетой бедняков, Л.Н. Толстой пытался воздействовать на младших членов семьи, которые, с его точки зрения, ещё не были развращены городской жизнью. См. его рукописные варианты к статьям «О переписи в Москве», «Московские прогулки», «Так что же нам делать?» и др. -- *ПСС*. Т. 25. С. 611-653.

В архиве Л.Л. Толстого сохранился один из первых набросков воспоминаний, в котором есть такая запись: «Я в ночлежном доме». -- *ИРЛИ*, ф. 303, № 96. Л. 34. Черновой автограф условно датируется 1912-м годом. Подчёркнуто *Л.Л. Толстым.*

Одно я продолжал ненавидеть -- это отношение его к моей матери, когда он несправедливо и неприятно упрекал её, доводя до слез. То он вдруг целовал её руку и говорил с ней добрым и нежным голосом. То недобро принимался осуждать противным, ужасным тоном, обвиняя её во всем, -- её, на которую был навален весь тяжёлый труд семьи. Она беспомощно и трогательно плакала, а он, сердитый, уходил из дому на далекую прогулку, пешком или верхом.

Злое чувство тогда шевелилось к нему в моей душе. Он был не прав, глубоко не прав. Странное раздвоение чувствовалось в нём, и, казалось, выхода из этого

положения для него не было. Мальчиком и юношей я замечал это, но ещё не понимал, где и в чём была ошибка.

Сейчас мне представляется ясным интеллектуальное его настроение того времени и всё то, что происходило в его душе. Он страдал вследствие трёх главных причин.

Во-первых, физические, прежние силы уходили, и вся его телесная мирская жизнь с годами ослабевала.

Во-вторых, он создавал новую мировую религию, которая должна была спасти человечество и которая строилась им из раз навсегда принятых за истину принципов, вроде непротивления злу насилием, безбрачия, пацифизма, ручного труда и т.п., -- и так как, создавая эту «религию», он сам не мог разобраться в бесчисленных противоречиях и нелепостях, вытекавших из неё, -- он страдал, чувствуя, что задача создания новой религии ему не удастся.

В-третьих, он страдал, как все мы, <из->за несправедливости и неправды мира, не в силах дать ему личного рационального и светлого примера.

Всё «Толстовство» объясняется этими чувствами, объясняется и его слабость и временное влияние.

Не я один, а множество молодых или чувствительных добрых людей подпали под него; но пошли за ним до конца только люди ограниченные.

Несмотря, однако, на вредное влияние отца, я продолжал кое-как учиться в гимназии и, наконец, сделав громадное усилие над собой и стараясь возможно больше уединяться от семьи, -- выдержал экзамен зрелости и поступил в Московский университет на медицинский факультет(117), хотя отец всячески хаял в это время и докторов, и науку. Но прочтя биографию знаменитого русского врача Пирогова(118), я

воодушевился его примером и жизнью и мечтал сам служить людям на полезном поприще. О моём экзамене на аттестат зрелости я вижу до сих пор кошмарные сны. Много раз снилось мне после него, что я провалился, и я просыпался в ужасе. А на самом экзамене со мной сделался настоящий припадок такого нервного возбуждения и ослабления, что я почувствовал, точно сама жизнь вдруг покинула и вылилась из меня от крайнего волнения.

Сколько сил было преступно истрачено понапрасну в те годы, сколько сделано глупостей, сколько нелепого воображено только потому, что не было должных духовных и интеллектуальных воспитателей, руководивших мной, и такой же окружавшей меня среды!

Школа и семья -- оба эти учреждения, вместо того чтобы усилить и укрепить меня, ослабили, и я вижу теперь ясно, что только когда сама жизнь сделается разумной школой, а школа -- частью разумной жизни, то есть когда обе они сольются в одно гармоническое и согласное целое, только тогда мы найдём истинные и вечные формы и орудия воспитания(119).

Глава 7

В университете, на медицинском факультете и первые любовные увлечения

Каждому ребёнку, начинающему учиться читать и писать, следовало бы говорить, что он будет учиться всю жизнь и что постоянное учение -- не мучение, а высшая радость. Тогда, кончая низшую школу, чтобы войти в среднюю и высшую, ученики не будут воображать себе, что теперь начинается для них более свободное и лёгкое

время, как воображают почти все гимназисты, поступая в университет, и все студенты, кончающие университетские курсы. Во всяком случае, так было в России моего времени.

Кончив гимназию, я поступил в университет, чтобы изучать медицину, но в то же время вообразил, что после страданий и трудностей гимназии я вздохну свободнее. Вместе с этим я представлял себе, что в университете профессора будут близко руководить моими занятиями и помогут мне. Я ошибся в том и другом.

В смысле программы медицинский факультет был перегружен предметами, так что ни оставалось бы ни минуты свободной, если бы я стал зубрить их все, а прямого руководительства со стороны профессоров -- не было и намека.

Толпа таких же, как и я, беспомощных студентов бегала по аудиториям, желая добиться, когда такая-то лекция или почему не явился такой-то профессор. Лекции читались вяло, с привычной рутиной, так, что противно было следить за ними. Большинство студентов поэтому не считало даже нужным правильно их посещать, надеясь на учебники и печатные лекции.

Вместе с тем меня сразу охладило к медицинскому факультету и то, что программа первых двух лет была, собственно, не медицинской, а естественных наук: физика, химия, анатомия, ботаника и т.д. И как в гимназии древние языки преподавались без всякой связи с живыми следами древних цивилизаций, мёртво и сухо, так же и университетские профессора, читая лекции по естественным наукам, нужные для знания медицины и тесно связанные с ней, -- не только не останавливались на тех пунктах, где, когда и как такая-то естественная наука служит медицине, но и даже не старались заинтересовать нас в этом.

У меня был на факультете близкий товарищ Ваня Раевский(120), с которым мы вместе ходили на лекции; но у обоих нас не хватало энергии, чтобы, как наши товарищи, энергичные и неизбалованные евреи, которых была суетливая толпа, освоиться со всеми неудобствами и недостатками университетского обихода и принять их безропотно.

[120. Иван Иванович Раевский-младший (1870-1931) -- сын доброго знакомого Л.Н. Толстого Ивана Ивановича Раевского (1835-1891), студент Московского университета. Дети Толстых дружили с И.И. Раевским. О том, как старательно на первых порах Л.Л. Толстой тянулся за Ваней Раевским, известно из писем С.А. Толстой в Рим, где находилась в октябре 1889 года Т.Л. Толстая.

В архиве Л.Л. Толстого сохранилось письмо И.И. Раевского в Ясную Поляну, которое даёт представление о характере их отношений в университетские годы:

«6 сентября <1891 года Москва>

Лев Львович!

Храм наук посетил. На филологическом факультете начали читать Троицкий и Ключевский; у нас ещё никто не начинал; на медицинском фак<ультете> начал Столетов, и мы вместе с Петей были на вступительной лекции. Любопытно теперь ходить от одного профессора к другому на вступительные лекции и слушать восхваления каждой из наук перед всеми остальными. Были у графини, все здоровы, Андрюша с Мишей немало потешали нас с Петей рассказами о гимназии. Вчера Ната Фи<ло>соф<ова> выдержала экзам<ен> по русскому языку.

И. Раевский».

- *ОР ГМТ*. Архив Л.Л. Толстого, № 119. Л. 1. Автограф.

Декан историко-филологического факультета ординарный профессор Матвей Михайлович *Троицкий* (1835-1899) читал курс логики.

Ординарный профессор Василий Осипович *Ключевский* (1841-1911) читал курс русской истории. См. о нём ниже.

«*у нас*» -- И.И. Раевский перешёл на естественное отделении физико-математического факультета. 14 сентября 1893 года С.А. Толстая в письме мужу из Москвы отметила: «Ваня Раевский за лето спустил 37 фунтов, здоров и бодр; также прост, ясен и молчалив, как всегда. Очень интересовался Лёвой и выразил, насколько он это умеет, свою любовь к Лёве, вспомнил их первый медицинский курс». -- См.: *Толстая С.А*. Письма к Л.Н. Толстому -- С. 573. См. также: *Раевский С*. Пять веков Раевских. М.: Вагриус, 2005. С. 34.

Ординарный профессор Александр Григорьевич *Столетов* (1839-1896) читал курс опытной физики и вел физический семинарий. -- См.: *Летопись Московского университета*: 1775-1979. М., 1979. С. 118-119; *Обозрение преподавания наук в Императорском Московском университете на осеннее полугодие 1889 года*. М., 1889. Отд. I. С. 1, 11; Отд. IV. С. 25-26.

«Петя» -- Пётр Иванович *Раевский* (1872-1920) впоследствии стал врачом. -- См.: *Раевский С.П*. Пять веков Раевских. С. 32-34.

«Ната» -- см. ниже примеч. 132].

Мне был чужд и язык профессоров, в котором 50% слов были научные галлицизмы, чужд и противен вонючий анатомический театр, где мы резали человеческие трупы; отвратительна вивисекция*, когда знаменитый профессор Сеченов(121) душил и мучил морских свинок, крыс, лягушек и кроликов, и, наконец, чужда была сама студенческая среда, с которой я находил мало общего(122).

Тем не менее, я стал учиться и слушать лекции не только на моем курсе, но и на старших, чтобы ознакомиться с ними, и присутствовал также на многих операциях в клиниках(123).

**операция на живом существе с целью изучения функций организма, причин заболевания, действия различных веществ от латин. vivus (живой) и sectio (рассечение).*

[121. Основоположник русской физиологической школы Иван Михайлович Сеченов (1829-1905) осенью 1889 года начал читать лекции по физиологии на старшем курсе медицинского факультета Московского университета. Поэтому первокурсник Л.Л. Толстой должен был получить специальное разрешение на посещение этих лекций. См. ниже примеч. 123.

И.М. Сеченов был великолепным оратором. Интерес к предложенному им новому курсу – «Физиологическое учение о чувствовании» -- был столь велик, что первую лекцию известного учёного, прочитанную им 6 сентября 1889 года, позднее напечатал журнал «*Русская мысль*» (М., 1890. Кн. I. Отд. II. С. 1-15).

Сеченов определял чувствование как «одну из главных основ психического развития животных и человека». О его работе в Московском университете см. подробнее в статье: *Терехов П.Г.* Из истории физиологической науки: Материалы к биографии И.М. Сеченова (И.М. Сеченов в Московском университете) //*Физиологический журнал СССР*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. XL, № 5. С. 608-615. См. также: *Летопись Московского университета*... С. 120.

122. Подтверждение того, что Л.Л. Толстой не вписался в студенческую среду, см. в кн.: *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 84.

123. По действующему положению, принятый в студенты и внесший плату в пользу университета до начала занятий должен был явиться к инспектору Сергею Васильевичу Доброву (1837-1902), получить от него свидетельство на жительство, экзаменационные правила и подать ему заявление о тех лекциях, на которые он желает записаться. -- См.: *Справочная книжка «Русского календаря» А.С. Суворина на 1889 год*. СПб., 1889. С. 115].

Всё это вместе заранее дало мне понятие о том, что ожидало меня как студента по медицине в продолжение пяти лет и затем врача, и скорее оттолкнуло от неё вместо того, чтобы привлечь. К тому же, в это уже время, вследствие общей ненормальной атмосферы, царившей в нашей семье, моё здоровье было подорвано, несмотря на мои природные силы, и я боялся, что не одолею избранной мною профессии.

После быстрого решения, весной 1890 года я подал прошение о переводе меня с медицинского на филологический факультет(124) и таким образом навсегда отказался от медицины, хотя позднее не раз жалел об этом(125).

[124. Весной 1890 года Л.Л. Толстой, посоветовавшись с родителями, перевёлся на другой факультет. 25 марта 1890 года в Ясной Поляне Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «Приехал Лёва. Хорош. Хочет продолжать на филологическом. Я поговорил с ним». -- *ПСС*. Т. 51. С. 31. См. также: *Сын и отец* //*Лица*. Т. 4. С. 194, 198.

125. Летом 1903 года Павел Александрович Буланже (1865-1925) по просьбе Л.Л. Толстого наводил справки о возможности восстановления бывшего студента в Московском университете. 13 июля 1903 года он написал Л.Л. Толстому о том, что никаких внешних причин, мешающих вернуться без экзаменов на тот курс, с которого он уволился, нет. -- *ИРЛИ*, ф. 303, № 202. Л. 8-8 об. Автограф.

Находясь в Ясной Поляне в июле 1903 года, Л.Л. Толстой делился с матерью планами переезда с семьей из Петербурга в Москву и поступления вновь на медицинский факультет. -- См.: *Толстая С.А*. Дневники... Т. 2. С. 95. Однако планам этим не суждено было осуществиться. См. об этом в Книге II].

Вспоминая сейчас мое настроение того периода моей жизни, я вижу, что большим препятствием её спокойствию и правильному ходу была также моя страстная натура, всегда увлеченная чем или кем-нибудь. Эти увлечения мешали мне учиться и будили желание возможно скорее начать жить полной жизнью.

С раннего детства я был почти постоянно влюблён, не только в жизнь и природу, но и в женщин, и временами это чувство заглушало во мне все остальные. Сначала болезненная привязанность к матери, нянькам и англичанкам, потом к различным девочкам моих лет

или старше, а позднее к взрослым девушкам и женщинам.

Когда отец купил в Москве дом купца Арнаутова в Хамовническом переулке(126), нашим соседом сделались Олсуфьевы, старинный дом которых был на Девичьем Поле, а сад сходился с нашим.

[126. В новый дом, купленный Л.Н. Толстым летом 1882 года у коллежского секретаря Ивана Александровича Арнаутова в Долго-Хамовническом переулке и перестроенный в соответствии с нуждами семьи, Толстые переехали 8 октября 1882 года. -- *ПСС*. Т. 49. С. 164].

Старик Олсуфьев(127), барин старого сорта, был женат три раза и имел кучу детей. От второго брака у него была красавица дочка Катя десяти лет, брюнетка с густой косой темных волос на точёной головке, необычайно породистая, спокойная и грациозная. Она так нравилась мне, что я решил, что она должна сделаться мне женой. Но не прошло и года, как Катя неожиданно умерла от какой-то внезапной детской болезни. Помню страшное моё огорчение, о котором я никому не сказал(128).

[127. Граф Василий Александрович Олсуфьев (1831-1883) с семьёй жил неподалёку, на Девичьем Поле. Сад его дома примыкал к саду Толстых. -- См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого. -- С. 136-137. См. также: *Толстой С.Л.* Друзья и знакомые нашей семьи /Публикация *Т.Г. Никифоровой* //*Яснополянский сборник 1986*: Статьи, материалы, публикации. Тула, 1986. С. 242-243.

128. О влюбленности в Катю Олсуфьеву см. в дневниковой записи Л.Л. Толстого за январь 1882 года: «Ёлка. Танцую у Алсупьевых на Девич[ьем] поле. Большой маскарад. <...>тут третья дочь Алсуп[ьевых], Катя, кот[орая] мне страшно нравится. Она красивая, с чёр[ными] волосами, глазами и косой! ...» -- См.: *Сын и отец* //*Лица* -- Т. 4. С. 204.

Алсупьевы -- вероятно, так в доме Толстых произносили фамилию Олсуфьевых].

Другими моими отроческими и юношескими увлечениями были княжна Лили Оболенская(129), дочь князя Дмитрия Дмитриевича(130), кузина Маша Кузминская(131), Ната Философова(132), Верочка Северцова(133), «Козочка» в Уральских горах(134), а

главное -- молодая крестьянка Даша Чекулёва, любовь к которой продолжалась много лет и была в эти годы самой сильной.

[129. Одновременно в отрочестве Л.Л. Толстой был влюблён в княжну Лили Оболенскую (см. о ней выше примеч. 61). В той же дневниковой записи читаем: «Лили не было, и мне скучно. <...> Скучаю по Лили». -- *Там же*.

130. Дмитрий Дмитриевич Оболенский (Миташа; 1844-1931) -- тульский помещик, охотник, знакомый Л.Н. Толстого, его корреспондент и адресат. С его слов в романе Толстого «Анна Каренина» описаны скачки. -- См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого. -- С. 55. См. также: *Толстой С.Л.* Князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский // *Воскресение:* Историко-публицистический альманах. Тула, 2001, № 4. С. 79-86.

131. Мария Александровна Эрдели (урожд. Кузминская; 1869-1928).

132. Наталия Николаевна Ден (урожд. Философова; 1872-1926) -- дочь директора Московского училища живописи и ваяния, Николая Алексеевича Философова (1838-1895). -- См.: История, культура и традиции Рязанского края / Составлен М.Б. Оленевым (*Интернет-издание*).

Дети Толстых дружили с Философовыми. О приезде Н.Н. Философовой в Ясную Поляну в августе и ноябре 1890 года см. в Дневнике Л.Н. Толстого. -- *ПСС.* Т. 51. С. 76, 103-104. См. также упоминание о ней в дневниковой записи, сделанной Л.Л. Толстым в Ясной Поляне 28 декабря 1890 года: «Обедал, читал за обедом письмо от Наташи. Бедная натура, но хорошая девушка и очень милая» -- *Сын и отец* // *Лица.* -- Т. 4. С. 210.

133. Вера Петровна Истомина (урожд. Северцова; Северцева; 1870-1917) -- двоюродная племянница С.А. Толстой. Летом 1886 и 1887 года она часто бывала в Ясной Поляне. -- См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого. -- С. 163.

134. См. о ней ниже в Главе 8].

Из всех этих женщин в живых осталась до сих пор, кажется, одна только Даша, которую я не видал с тех пор, как двадцать лет тому назад оставил Россию(135).

Даша была замужем за Мишкой извозчиком. Он не жил с женой, а в городе Туле и только изредка приезжал домой. Его старик-отец и Даша вдвоём справлялись с полевой работой, а болезненная свекровь её занималась по домашнему хозяйству(136).

[135. 24 сентября 1918 года Л.Л. Толстой навсегда покинул Россию. См. об этом ниже.

136. Сведений о Даше Чекулёвой и её родных найти не удалось. Однако среди яснополянских крестьян был Иван Орехов, по прозвищу «*Чикуль*». У него было одиннадцать детей, в том числе сын Михаил. Возможно, Л.Л. Толстой запомнил имя Даши так, как его произносили на деревне. -- См.: *Сафонова О.Ю.* Словарь яснополянских крестьян и их потомков, составленный по устным воспоминаниям *А.П. Головиной, М.П. Зябревой* и *Т.А. Румянцевой* // *Яснополянский сборник 2002*. -- С. 329-330.

Даша была среднего роста, лёгкая, как птица, крепко сложенная, с правильными чертами лица и большими светлыми глазами. Тело её было твёрдо, как сталь, -- закалённое тяжелым и постоянным трудом. Когда я встречался с ней, издали я замечал её быстрый, огненный взгляд, но когда подходил ближе, тяжёлые веки её опускались. Зато вечером на сельских хороводах или на покосах она пела громче и лучше всех, а иногда пускалась плясать, и тогда ей не было удержу. Вдруг остановится, вся выпрямится, вскрикнет и опять пойдет плавно кружить по хороводу, притоптывая полусапожками и откидывая хорошенькую головку, повязанную красным платком. Страстная, но сдержанная и скрытная Дарья нравилась мне бесконечно. Особенно разгоралась моя любовь летом, когда из Москвы мы возвращались в Ясную. Сколько лунных ночей я не спал из-за неё и сколько избегал лесов, полей и лугов, преследуя её всюду! Она была для меня частью природы и жизни.

По праздникам я ходил на деревенские хороводы со скрипкой и часами играл «Барыню» под аккомпанемент чьей-нибудь гармошки, чтобы видеть Дарью и чувствовать себя около неё. Она пела и плясала, а я любовался ею.

Когда я встречал её одну в лесу, куда она ходила за травой, на какой-нибудь глухой тропинке или полянке, по которой она шла, торопясь, босыми сильными ногами, -- я подбегал к ней и умолял остановиться и посидеть со мной. Она сбрасывала мешок на землю, садилась на него, сдвигала со лба платок назад и, смотря на меня, улыбалась, блестя глазами. Когда я

обнимал её и прижимал к моей её твердую грудь, она вдруг вскакивала на ноги, тихонько отстраняла меня и шептала: «Не надо, не надо, яблочко ты моё садовое. Не пара я тебе».

И ловким движением вскидывая на спину мешок, полный пахучей травой, она убегала, и я тогда не смел преследовать её дальше. Иногда Даша ходила далеко, вёрст за тридцать от Ясной в другое село проведать свою старушку мать, такую же, как она сама, честную и умную русскую женщину. В эти дни я запрягал дрожки и уезжал на охоту, чтобы встретить Дарью где-нибудь на большой дороге - муравке, по которой она должна была идти.

Часами я ждал её в поле, и, когда, наконец, вдали показывалась её фигура, я волновался сладкой радостью. Опять мы садились рядом, я гладил её прелестное тело, жал её корявые руки, но как только позволял себе больше, она вырывалась, вскакивала и убегала.

«Не пара мы, голубчик».

Воспоминания о моей оставшейся совершенно чистой любви к Дарье связаны с лучшими месяцами, днями и часами моей юношеской жизни, -- с весенними соловьями и ландышами, с гущей и тенью лесов, с простором полей и лугов и жаждой, безумной жаждой жизни и счастья.

Почему эту жажду ни мне, ни ей не дано было утолить?

Почему столько огненного желанья и волнений потрачено бесплодно и остались о них лишь эти светлые, глубоко волнующие меня даже сейчас, воспоминания?

Глава 8

Путешествия в годы студенчества. Семейный раздел и мои первые печатные сочинения

Избегав и изъездив с детства всю Ясную Поляну и её окрестности, я постепенно стал расширять моё знакомство с миром, и с первых же лет студенчества я стал ездить по России, чтобы лучше узнать её.

Сначала на Волгу, Уфу и Урал, потом на Кавказ и в Крым.

Летом 1890 года из Нижнего я спустился по Волге до Казани(137), потом вверх по Каме и Белой добрался до Уфы, откуда по новой тогда Уфа-Златоустовской железной дороге доехал до Уральских гор.

[137. Л.Н. Толстой неодобрительно отнёсся к этой поездке сына. -- См. его письмо к жене от 4 июня 1890 года (*ПСС*. Т. 84. С. 66), а также запись в Дневнике за 8 июня 1890 года: «С Лёвой был разговор о его поездке. Я говорил ему, что он барич и что ему надо опомниться и покаяться. Он ничего не понял». -- *Там же*. Т. 51. С. 47.

Летом 1890 года Л.Л. Толстой с дороги регулярно писал в Ясную Поляну С.А. Толстой. Первая открытка с почтовыми штемпелями Казани и Перми датирована 14 июня 1890 года: «Пишу на пароходе “Колорадо” вечером <в> 11 часов. Освещено электричеством. Пароход меняет дно, глубину и выкрикивает однообразно футы. По берегам зажжены маяки, называющиеся здесь “перевальные столбы”. Кругом ощущение воды, плеск, какой-то шорох. Поэтичные барышни сидят, облокотившись, на палубе и любуются видом, луной, сегодня покрытой туманом. Люди едут скучные, играют в винт, едят стерлядей и читают путеводители. Я очень доволен, здоров. Завтра утром, среда, буду в Казани и выйду в 7 ч<асов> вечера в Уфу. Пишите сейчас на Уфу, до востребованья». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13835. Л. 1 об. Автограф.

Футы -- от *англ.* foot -- ступня; единица меры длины, принятая во многих странах мира; 1 фут = 30,48 см.

В то время младший брат матери инженер Вячеслав Андреевич Берс строил первую ветку Сибирской магистрали и жил на станции Теляк<и>, куда я приехал на товарной площадке вагона, хотя дядя выслал за мной специальный вагон, который я не нашёл в Уфе(138).

Бедный дядя Вячеслав был дурно женат и имел в то время двух маленьких детей -- девочку и мальчика(139). С ним жила еще его старая преданная няня Ц Настасья(140), оставшаяся одна в живых из старой семьи Берсов. Она была раньше горничной моей бабушки Любови Александровны(141).

[138. Л.Л. Толстой был дружен с В.А. Берсом (1861-1907). После встречи с ним Л.Л. Толстой сообщил родным в Ясную Поляну: «Пишу от Вячеслава, т.е. со ст<анции> Теляки новой Уфа-Златоустовской ж<елезной> д<ороги>. Место здесь замечательное. Населения никакого. Лес на юг середь непролазные болота, кое-где ложные башкирские деревни и почти везде изобилие всякой птицы и зверя. Здесь олени, медведи, рыси, лебеди, гуси, так что охотничье сердце совсем теряется. На <реке> Белой, например, на пароходе мы то и дело видели у берега в камышах красивые лебединые шеи. Вячеслав часто видает оленей, тетеревей и т.д. Здесь, кроме всего этого, тишина и такое спокойствие, что странно по временам делается, куда я попал. Вообще я здесь доволен. Только вы будьте живы и здоровы. Интересного, поучительного и полезного я <по>видал больше, чем ожидал. Прощайте. Целую всех и кланяюсь милым моим гимнастам и хозяевам, малым и большим. Пишите: Уфа, Казанская улица, контора движения Уфа-Зла<тоустов>ской ж<елезной> д<ороги>, Берсу, передать мне. Хочется написать Вам много, но чувствую, что сегодня не выйдет.

Лев.

18-го <июня 1890 года>». -- *Там же*, № 13837. Л. 1 об. Автограф.

“гимнастам...” -- Андрею и Михаилу Толстым, которые готовились осенью поступить в гимназию Л.И. Поливанова в Москве, а пока с увлечением занимались гимнастикой.

139. Л.Л. Толстой ошибся. В июне-июле 1890 года он на самом деле ездил в Уфу к *«одинокому меньшому брату»* С.А. Толстой. -- См.: *Толстая С.А.* Моя жизнь. Ч. IV //*Там же*, № 37694. Л. 296. Машинопись. Курсив мой. -- *В.А.*

А *«дурно женат»* был не Вячеслав, а *Степан Андреевич Берс* (1855-1910), служивший по судебному ведомству, восторженно относившийся к Л.Н. Толстому и написавший о нем еще в 90-е годы. -- См.: *Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников*... Т. 1. С. 174-193.

Весной 1888 года С.А. Берс расстался с женой, Марией Петровной Берс (урожд. Романовой; умерла в 1892 году), которая часто жила в Ясной Поляне. -- См.: *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому. -- С. 417, 420, 426. Вскоре он женился на Варваре Евгеньевне Голумбиевской (в первом браке Поздняковой). В новой семье В.Е. и С.А. Берсов действительно было двое детей: Николай (род. в 1889 году) и Татьяна (род. в 1892 году). -- См.: *Дневники Софьи Андреевны Толстой:* В 4-х вып. / Редакция и предисловие *С.Л. Толстого*; Примеч. *С.Л. Толстого* и *Г.А. Волкова*. М.: Сов. писатель, 1936. [Вып. 4:] 1910. С. 278. См. также: *Сафонова О.Ю.* Род Берсов в России. -- С. 35, 96-97.

140. Сведений о няне найти не удалось.

141. Л.А. Берс (урожд. Иславина; 1826-1886) -- мать С.А. Толстой].

Вячеслав был искренно рад моему приезду и старался всячески развлекать меня. Охота в предгорьях Урала была тогда замечательная, и я целыми днями ходил с ружьём по чудесным окрестностям <станции> Теляк<и>, поднимая тучи уток. Раз я забрел далеко и вышел на лесную поляну, где стояла одинокая пасека. Старик-пасечник зазвал меня к себе в избу и угостил стаканом янтарного, выгнанного из мёда вина. Напиток этот показался мне божественным.

Охота была для меня отвлечением, часто и спасением от мыслей о женщинах, которые все больше и неотвязчивей мучили меня. Все же до сих пор я ухитрялся оставаться девственником, хотя давно уже был чувственно развращен в другом смысле. Избегал я женщин по двум причинам: во-первых, я боялся заразиться, во-вторых, мечтая о счастливом браке, хотел сохранить до него мою «чистоту».

Но это становилось всё труднее и труднее, и когда на станции Теляк<и> я встретил хорошенькую дочь машиниста, я сейчас же завязал с ней роман. К счастью, дядя Вячеслав вовремя охладил мой пыл, предупредив, что, по слухам, девушка эта была заражена сифилисом.

На Урале я ещё влюбился в «Козочку», ходившую по краям самых страшных обрывов, и в прелестную еврейку, жену одного инженера, с которой познакомился в Миассе на балу инженеров(142). Эта еврейка редкой красоты нравилась мне тем, что она была похожа, как я тогда вообразил, на Анну Каренину. В ней не было ничего типично еврейского, кроме больших черных глаз, которые до сих пор пытливо смотрят на меня.

[142. Железнодорожная ветка из Златоуста тянулась дальше в Миасс. Вероятно, Л.Л. Толстой в начале июля оказался в этом городке, на обратном пути в Теляки. 30 июня 1890 года по приезде в Златоуст он отправил в Ясную Поляну коротенькое письмо, в котором о пребывании в Миассе не упоминается, но намечен дальнейший маршрут путешествия:

«Милые друзья мои, как писал когда-то Карамзин с<о> своего путешествия, вообразите меня в Златоусте. Среди Урала, среди высоких гор стоит этот город на реке Ай! Ехали мы сюда, во-первых, на лошадях горами и лесами 62 версты. Замечательное в Златоусте -- оруж<ейный> завод, кот<орый> мы осматривали, арсенал и завод -- всё очень интересно. Еще здесь высокие горы, на которые мы поедем завтра и с кот<орых> видны уже степи зауральские в Сибири. Пишу я из гостиницы, где мы остановил<ись>: Вячеслав, я и еще трое моих новых знакомых -- 2 барышни и господин. Завтра воскресенье, 1-ое <июля>, по<едем> назад в Теляк<и> домой, а потом, как я уже писал, числа 5-го в Самару, а в конце июля уже домой по-настоящему. Что вы все-таки беспокоитесь, хотя не очень, опять всё гости, гости, гости и гости.

Целую всех.

Лев».

-- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13838. Л. 1 об. Автограф.

“как писал когда-то Карамзин” -- речь идёт о «Письмах русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина (1766-1826), первые фрагменты которых печатались в «Московском журнале» в 1791-1792 годах.

“всё гости” -- летом 1890 года в Ясной Поляне жили Кузминские.

По приезде в Самару Л.Л. Толстой сообщил матери: «Пишу из Самары, из домика, где живет Кузнецов с семейством. У Бибикова целая орда кумысников, представляющих из себя каждый образчик самых обыкновенных людей самых разных слоев общества. Тут и студенты, и священники, и офицеры, и учителя гимназии, и гимназисты, и курсистки, и всякая другая <публика>. Спешу писать, потому что меня ждет ямщик, привезший еще кумысника и едущий обратно в Богатое. Я здоров и думаю пожить здесь еще недели две.

Пишите <Самарская губерния>, Бузулукский уезд Патровской волости, хутор Бибикова, мне. Прощайте, будьте здоровы и пишите. Целую всех.

Лев.

10 июля <1890 года>». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13839. Л. 1-1 об. Автограф.

Кузнецов -- кумысник на хуторе Алексея Алексеевича *Бибикова* (1837-1914), бывшего управляющего самарским имением Толстых в 1878-1884 годах, позднее поселившегося там на своей земле.

Станция *Богатово* (Богатое) Оренбургской железной дороги, от которой до самарского имения Толстых почта доставлялась на лошадях за 65 верст. -- *ПСС*. Т. 66. С. 102, 152, 353; *Толстой С.Л.* Очерки былого. -- С. 140.

Вернувшись с Уральской поездки в Ясную Поляну, я нашел в ней всё ту же, делавшую временами невыносимой, семейную атмосферу и был рад, когда пришло время уехать в Москву, где начались лекции на моем новом факультете. В то время на нем блистала целая плеяда знаменитых профессоров с Ключевским(143) и Виноградовым(144) во главе, и лекции эти настолько заинтересовали меня, что я уже не жалел о брошенной медицине. Рядом с университетом я стал много читать, следя вместе с отцом за русской и французской литературой.

[143. Лекции и исследования Ключевского (см. о нём выше примеч. 120) имели большой успех. -- См.: *Ключевский В.О.* История сословий в России: Лекции: I семестр 1886-87 учебного года [М., 1887]. См. также: *Ключевский В.О.* Курс новой русской истории от смутного времени до Екатерины II: В 2-х частях. М., 1883-84; *Ключевский В.О.* Новая русская история: 1613-1855: Лекции. М., 1888.

144. Павел Гавриилович Виноградов (1854-1925) -- историк, профессор Московского университета. -- См.: *Виноградов П.Г.* История Греции. М., 1889. О том, что Л.Л. Толстой изучал эту книгу, см. его запись в дневнике от 30 декабря 1890 года. -- *Сын и отец* //*Лица*. Т. 4. С. 212].

Весной 1891 года я заболел(145), но быстро справился с болезнью и, сделав усилие над собой, выдержал новое университетское испытание, перейдя на третий семестр филологического факультета(146).

[145. В Москве Л.Л. Толстой часто болел. 12 февраля 1891 года он так объяснил С.А. Толстой ситуацию: «Милая мама, Вы, кажется взволнованы и в тревожном настроении. <...> Я совершенно здоров, хотя все говорят мне, что я на минуту худею, что меня смущает, и действительно, моё здоровье меня постоянно беспокоит. Но дело в том, что в Москве, особенно в университете, нельзя быть совершенно здоровым. Нет ни правильной жизни, ни физического труда, <ни> даже настоящего движения». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13852. Л. 1-1 об. Автограф.

Через несколько дней он вынужден был признаться:

«Вчера телеграфировал Вам, что не еду сегодня, потому что у меня есть дела. Но я вообще не люблю обманывать и потому пишу сегодня, что я нездоров. В телеграмме ведь ничего истинного не напишешь. Сегодня второй день я в постели, жар и головная боль. <...> Ещё раз прошу не беспокоиться и не приезжать сюда. Написал Вам всё добросовестно, потому что неприятно скрываться.

Лев.

Суббота 16 февр<аля 18>91 г<ода>». -- *Там же*, № 13853. Л. 1-2. Автограф.

Когда больной сын наконец приехал в Ясную Поляну, С.А. Толстая 2 марта 1891 года написала сестре, Т.А. Кузминской, в Петербург: «Лёва очень страшный, худой, стриженый, лицо всё выбрито, и ест всё яйца и старается пить молоко, мнителен очень». -- *Там же*. Архив Т.А. Кузминской, п. 26, № 3417. Л. 2 об. Автограф.

9 марта 1891 года Л.Л. Толстой вернулся в Москву. -- См.: *Толстая С.А.* Дневники. Т. 1. С. 158; *ПСС*. Т. 52. С. 17.

146. Л.Л. Толстой попытался подготовиться к экзаменам, но сдать их весной он не сумел. 23 марта 1891 года он писал в Ясную Поляну: «...на шестой неделе <поста> у меня нечто вроде экзамена по греч<ескому> и лат<инскому языкам>. Я не готовился и не буду, а скажу, что я, мол, болен был и потому прошу не делать мне проверки домашних чтений, а отпустить с миром и допустить к дальнейшим экзаменам. Если допустят и не придадут значенья этому отказу переводить классиков, пожалуй, экзамен выдержу, потому что остальные предметы довольно интересные. Я читаю их теперь не без некот<орого> удовольствия, исключая, конечно, убийствен<ность> славянск<ой> грамматики. Если же на шестой неделе мне скажут: ”довольно”, я скажу им то же <самое>: “да, довольно” и уйду. Уйдя же, я скажу про себя тихонько, как Мишка: “я посижу”, ибо я не сидел ещё нравственно и умственно с 3-ьего класса гимназии. Всё еду по шоссе и трясёт, и шум, и пыль, хоть бы вызывали скорей, чтобы остановиться». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13856. Л. 2 об.-3. Автограф.

Мишка -- младший брат, М.Л. Толстой, который не хотел сдавать экзамены в гимназии и остался на второй год. Аналогичная ситуация у Л.Л. Толстого была в 1882-1883 годах, когда отец забрал его из гимназии и он год учился дома. -- См.: *Сын и отец* //*Лица*. -- Т. 4. С. 193, 197, 205.

Через месяц, 26 апреля 1891 года Л.Л. Толстой окончательно решил для себя бросить университет. В письме С.А. Толстой он мотивировал это так:

«Дочёл я свои лекции и увидал, что экзамена держать я не могу не только потому, что я плохо знаю, но также и, главное, потому, что я стар и вся эта процедура экзаменов мне до того противна, что я именно не могу, не то что не хочу или воображаю себе что-ниб<удь>, -- проделывать всю эту комедию. Из этого следует, что теперь я уже решительно выйду из университета, что было неминуемо. Вы сами видели, что я хотел заставить себя заниматься и заставил до некот<орой> степени, но зубрить хронологию, имена, цифры и славянскую грамматику par-dessus le march -- этого уж я не вынес и никогда не вынесу. Что же я буду делать? Во-первых, я и не делал до сих пор ничего, так что, во всяком случае, хуже не будет. А во-вторых, год -- воинская повинность. А потом? А потом, -- это уже слишком далеко загадывать, и если даже загадывать, то всё-таки, по-моему, лучше ничего не делать и не думать, что делаешь что-ниб<удь>, как в университете, -- чем ничего не делать в <студенческом> мундире. Вот Вам -- правда, думайте, что хотите; конечно, страшно, но что же делать, так уж суждено. Приеду на днях.

Прошение об отставке или как там говорится подам осенью и осенью же поступлю отбывать повинность в Петербурге в конн<ую> артил<лерию>, где был Мит<я> Олсуф<ьев>. Поэтому сейчас пишу Мише, прося сообщить мне адрес Мити. Вот вам и всё». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13858. Л. 1-2. Автограф.

...par-dessus le march... -- к тому же, в довершение всего, сверх того *(фр.)*.

Митя -- Дмитрий Адамович Олсуфьев (1862-1930), товарищ С.Л. Толстого по университету.

Миша -- его брат, Михаил Адамович Олсуфьев (1860-1918).

С.А. Толстая огорчилась, прочитав письмо сына. См. её запись в дневнике от 29 апреля 1891 года. -- *Толстая С.А*. Дневники. -- Т. 1. С. 182.

В сентябре 1891 года Л.Л. Толстой под влиянием родных ненадолго вернулся в университет и держал свой “запоздалый экзамен с 1-го на 2-ой курс”.-- *Там же*. С.210. У него даже пробудился интерес к занятиям. Так, 25 сентября 1891 года он писал С.А. Толстой: «<...> Я начинаю убеждаться в том, что надо учиться, учиться и учиться. Столько интересного, необходимого знания, что надо забыть на время и Вас, и Ясную, и всё. Право, я это время в таком настроении, хотя не знаю, сколько оно продолжится и втянет ли меня по-настоящему». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13873. Л. 1. Автограф.

Но тут в России стало окончательно ясно, что надвигается голод, и Толстые, в том числе и Лев Львович, начали свою борьбу с ним. См. об этом ниже в Главе 10].

В этом же году в апреле отец роздал всё своё имущество своим детям и жене, разделив его на десять равных частей(147), и таким образом освобождался навсегда от материальной собственности, которая была

для него теперь моральной обузой и противоречила его взглядам и всей доктрине.

[147. Л.Л. Толстой ошибся: делили на *девять* частей -- С.А. Толстую и восемь человек детей. Л.Л. Толстой был сторонником раздела, “чтоб стать определенно на более бедную жизнь и знать, что у каждого есть”. Так С.А. Толстая 29 марта 1891 года передавала мужу настроение сына. -- См.: *Толстая С.А*. Письма к Л.Н. Толстому. -- С. 443.

Лев Львович не почувствовал состояние отца. 18 апреля 1891 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «Мне приходится отступать от прежнего намерения -- не признавать своё право на собственность, приходится дать дарственную. Маша отказывается, разумеется, и ей неприятно, что её отказ не принимают серьёзно. <...> Как мне тяготиться жизнью, когда у меня есть М[аша]! Лёва и Таня тоже милы, но они лишены нравственно религиозного рычага, того, к[оторый] ворочает». -- *ПСС*. Т. 52. С. 27. Раздел состоялся в июне 1891 года. -- *Там же*. С. 38, 40, 42].

Событие это было очень важным для семьи и вместе с тем уже тогда показало, насколько всё-таки отец противоречил самому себе и насколько мирской человек был в нём сильнее духовного.

Во-первых, если он считал собственность злом, не надо было передавать этого зла жене и детям, делая их собственниками.

Во-вторых, если он отрицал власть и законы, то не надо было, прибегая к ним, делать официальные акты.

Тем не менее мы все и сам отец были очень довольны.

Раздел произошёл в Яснополянском доме при общем согласии. Я вытащил жребий, по которому мне доставалось старое толстовское имение – «Никольское-Вяземское» Чернского уезда, принадлежавшее когда-то старшему брату отца -- Николаю Николаевичу. Но так как брату Серёже эта часть имущества подходила больше, чем мне, а мне, ввиду возможности быть свободным, нравилась другая часть, доставшаяся ему, -- дом в Москве и земля подле села Бобровка Самарской губернии, мы с Серёжей обменялись нашими жребиями к нашему обоюдному удовольствию. Он сделался

чернским помещиком, а я -- московским домовладельцем и самарским хуторянином(148).

Один только брат Илья воевал за свою часть, доказывая, что его обидели. Может быть, это и было справедливо, и к его имению «Гринёвке» рядом с «Никольским» нужно было прибавить ещё что-нибудь(149).

Самарское большое имение отца Бузулукского уезда, в котором было более 5000 десятин, было отдано младшим детям -- Андрюше, Мише и Саше, а Ясная разделена пополам между младшим в семье Ванечкой и матерью. Сестры Таня и Маша получили свои части, хотя Маша, по своим толстовским убеждениям, хотела отказаться от своей. Всё же, выйдя позднее замуж, она её приняла(150).

[148. См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого... С. 180-181.

149. О неудовлетворённости Ильи своей долей см. записи в Дневнике Л.Н. Толстого от 25 июня и 4 августа 1891 года. -- *ПСС.* Т. 52. С. 42, 48.

150. В 1897 году М.Л. Толстая вышла замуж за князя Николая Леонидовича Оболенского (1872-1934) и приняла свою долю наследства. По разделу ей полагалась средняя часть имения Никольское-Вяземское, которая, по договору с С.А. Толстой, была временно отдана С.Л. Толстому с тем, чтобы он впоследствии выплатил сестре все деньги. -- См.: *Толстой С.Л.* Очерки былого. -- С. 180-181].

В том же памятном году случилось в моей жизни одно событие, казавшееся мне в то время очень значительным. Под псевдонимом Л. Львов я напечатал мои первые два рассказа -- один для детей в детском журнале «Родник» под заглавием «Монтекристо» (151), другой -- в книжке журнала «Неделя» под заглавием «Любовь» (152). Отец одобрил первый и несколько раз хвалил его(153), записала в своём дневнике и моя мать(154). В Петербурге этот рассказ называли “перлом” (155).

Второй рассказ был замечен нашим общим другом А.Ф. Кони(156), хотя он не знал, кто скрывался под его подписью.

Я взял этот псевдоним, нося слишком тяжёлое литературное имя, но позднее, соглашаясь с мнением Шопенгауера(157), решил, что скрываться под ложным именем нечестно, и стал подписываться моим полным, как это ни было трудно, именем.

[151. *Родник*: Иллюстрир. журнал для детей. СПб., 1891, № 4. С. 337-348.

"Монтекристо" -- лёгкий винтовой карабин для охоты на дичь, из которого можно было стрелять дробью или облегчёнными пулями. -- См.: *Русский инвалид*. СПб., 10 февраля 1872 года, № 32. С. 4.

27 сентября 1891 года Илья Ефимович Репин (1844-1930), незадолго до этого познакомившийся с 22-летним сыном Толстого, писал из Петербурга Т.Л. Толстой: «Ах, кстати, я забываю всё -- передайте ему (Льву Львовичу. - *В.А.*), что его "Монтекристо" *очень* понравилось моим детям, особенно Юре». -- *РГАЛИ*, ф. 842, оп. 1, ед. хр. 37. Л. 15. Автограф. Курсив *И.Е. Репина*.

Юрий Ильич Репин (1877-1954) -- хуйдожник.

Позднее Л.Л. Толстой включил этот рассказ в книгу «Для детей: Рассказы» (М., 1898. С. 1-13; 2-е изд., доп. -- М., 1901. С. 1-13), а также в другие сборники.

152. *Книжки* "*Недели*". СПб., 1891, № 3. С. 107-132.

153. 6 февраля 1891 года Л.Н. Толстой писал сыну: «Мама приехала очень довольная тобой, что всегда очень радостно, и рассказывала про твой детский рассказ. Мне нравится и сюжет, и не боязнь перед избитостью его. Ничто не ново и всё ново. <...> Интересно будет прочесть». -- *ПСС*. Т. 65. С. 242.

Прочитав рассказ сына, Л.Н. Толстой 18 апреля 1891 года в Дневнике отметил: «Лёвин рассказ в Роднике не дурен». -- *Там же*. Т. 52. С. 28. Позднее в письме М.А. Шмидт и её подруге О.А. Баршевой он 22 мая 1891 года поделился своими впечатлениями: «Опасно то, что он (Лёва. -- *В.А.*) написал 2 повести, одну детскую в Роднике «Монтекристо» -- хорошую, другую, тоже недурную по мысли, в книжке Недели под заглавием «Любовь», подписано Львов. Он идёт вперёд, живёт. Что будет, не знаю, но с ним мне радостно общаться». -- *Там же*. Т. 65. С. 304.

154. С.А. Толстая записала в дневнике 22 апреля 1891 года: «"Монтекристо" Лёвочка и все очень хвалят». -- См.: *Толстая С.А*. Дневники. - Т. 1. С. 167.

155. Кто именно так назвал рассказ Льва Львовича, неизвестно. Вероятнее всего, это была А.А. Толстая, с нежностью и любовью относившаяся к "правнуку".

156. Анатолий Фёдорович Кони (1844-1927) -- выдающийся русский судебный деятель, литератор; в 1887 году он познакомился с Л.Н. Толстым и затем часто бывал у Толстых в Москве и в Ясной Поляне. Мнение А.Ф. Кони о рассказе Л.Л. Толстого неизвестно.

157. Артур Шопенгауэр (см. о нём выше примеч. 15) писал: «Первым делом... должна быть уничтожена анонимность, этот щит всяческого литературного негодяйства.

Ещё Руссо сказал в предисловии к "Новой Элоизе": «Tout honnъte homme doit avouer les livres quTil publie», т.е. каждый честный человек должен подписывать свои статьи и книги...

...как полиция не допускает ходить в масках, так она должна бы не допускать анонимных писаний. Разве анонимность не есть надёжное убежище всяческого литературного, а тем паче публицистического мошенничества? ...» -- См.: *Шопенгауэр А.* Максимы и афоризмы: В 2-х томах. Пер. с нем. СПб., 1892. Т. II. С. 77-78. См. также: *Шопенгауэр А.* О писательстве и слогеЕ С. 21-23.

Ср.: «Каждый порядочный человек должен отвечать за книги, которые он издаёт». -- См.: *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Пер. с фр. М.: Худож. лит., 1968. С. 25.

Прежде, чем Л.Л. Толстой принял точку зрения А. Шопенгауэра, он опубликовал под тем же псевдонимом «*Л. Львов*» ещё один рассказ, «Илюшкины яблоки». -- См.: *Родник*. СПб., 1893, № 1. С. 1-23. Этот рассказ неоднократно перепечатывался и под псевдонимом, и под собственным именем автора. -- Ср.: *Сиротская доля*: [Сборник]. М., 1896; *Толстой Л.Л.* Для детей: Рассказы. 2-е изд., доп. М., 1901. С. 14-37; и др].

Глава 9

Ссоры родителей. Хутор Бибикова и засуха. Наследник Цесаревич и Оренбург. Кавказ, Крым и Одесса

В те годы я часто охотно уезжал из Ясной, чувствуя ненормальные отношения между родителями, омрачавшие жизнь, и что-то неправильное, даже болезненное, в отцовских взглядах.

Сцены и споры между отцом и матерью не прекращались и доходили иногда до того, что мать искала самоубийства, а отец ещё острее страдал от противоречий между его жизнью и учением(158). Когда

в те годы он решил объявить в газетах, что отдаёт все свои религиозно-социальные и другие сочинения, написанные после 1881 года, в общую собственность(159), это желание его встретило резкий отпор со стороны матери, считавшей это несправедливым. В число этих сочинений входили и художественные вещи, и некоторые философские, которыми мать дорожила, и ей было обидно отдавать права на них первому встречному издателю.

[158. См. об этом подробнее в кн.: *Толстая А*. Отец. -Т. 2. С. 103-106.

159. Л.Н. Толстой намеревался сделать это летом 1891 года. 11 июля он предложил первый вариант письма в газеты, однако С.А. Толстая отвергла саму мысль об этом. - См.: *Толстая С.А*. Дневники/ - Т. 1. С. 208-211.

16 сентября Л.Н. Толстой направил редакторам газет «Русские Ведомости» и «Новое Время» письмо с отказом от авторских прав на произведения, написанные после 1881 года и не вошедшие в собрания сочинений, издаваемые С.А. Толстой. -- *ПСС*. Т. 66. С. 47. Опубликовано в газете «*Русские Ведомости*» 19 сентября 1891 года (№ 258. С. 3).

Тогда отец наговорил ей всяких неприятностей -- что она глупая и жадная женщина, и так огорчил её, что она побежала на станцию бросаться под поезд.

Мы, дети, не знали тогда всех интимных причин и подробностей подобных сцен, все же они тяжело чувствовались нами, и поэтому, а также и для того, чтобы поправить моё ослабленное здоровье, в июне 1891 года(160) я был рад снова уехать из Ясной с тем, чтобы сначала побывать на кумысе в Самарских степях на хуторе Бибикова(161), потом спуститься по Волге на этот раз до Астрахани, а оттуда по Каспийскому морю доехать до Баку. Я хотел теперь увидеть Кавказ, Каспийское и Черное море и Одессу и через Малороссию вернуться домой.

[160. Л.Л. Толстой ошибся: он уехал из Ясной Поляны в начале *июля* 1891 года. Его первое письмо с дороги дышит радостью и оптимизмом молодости:

Нижний Новгород

8 июля <1891 года>

Милые друзья мои и яснополянские жители, пишу вам из каюты парохода «Миссисипи», который стоит пока у пристани, а через 1,5 часа “отвалит” в Самару. Сегодня 8-ое, 10-го в 1 час дня я буду в Самаре и только 11-го утром на хуторе. Сейчас сижу у открытого окна и передо мной зеленые волны Волги, баржи, пароходы, лодки и т.д. Вон свистят два парохода, должно быть, отваливают от пристани, свистят минут пять и замечательно чисто берут терцию. Летают чайки, вода плещет под ногами, вот идёт какой-то пароход «Свет» и тянет за собой на буксире несколько барок. Маленькая лодка улепётывает прочь и вон запрыгала по волнам от парохода. Хорошо. Красиво здесь и ново. Всё кругом заполонено баржами, пароходами, барками с флагами, с высокими мачтами. На нашем пароходе, конечно, всё устроено прекрасно. Электричество, звонки, пианино и т.д. Пассажиров едет немного. Письмо моё не идёт и не выходит потому, что мне писать не хочется. <...> Итак, передо мной зеленые волны плещут, летают чайки, проходят пароходы. Сейчас начнётся выкрикивание глубины, бросание канатов, распоряжения капитана. <...> Прощайте, письмо вышло слабо, но вы обещали быть снисходительны. Наш пароход чудной, и у меня дрожит в груди от сильного звука. <...> Всем кланяюсь, кого никогда не целовал, остальных целую.

Лёва.

Пароход отошёл, выкрикивают шесть, шесть, шесть <футов>, пять, пять. Письмо опущу в здешний ящик, так что оно дойдёт к вам не скоро.

Шесть, пять с половиной <футов>; пассажиры гуляют по палубе, сильный ветер, пароход идёт мягко, и стенки кают чуть-чуть поскрипывают». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13859. Л. 1-2 об. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

“Ебут терцию” -- то есть одновременно раздаются гудки пароходов разной высоты.

По приезде в Самару вечером 10 июля 1891 года Л.Л. Толстой рассказал о происшествии, которое наложило отпечаток на всё путешествие:

«На пароходе после Нижнего, откуда я Вам писал неудачное, кажется, письмо, я ехал прекрасно. Познакомился с пассажирами, конечно, без биографий, играл на пианино, ел ботвиньи и стерлядей, читал *Madame Bovary* и любовался на красивые берега Волги. Всё это, конечно, было бы прекрасно, если бы не случилась маленькая неприятность. На пристани в Казани выгружали пароход. Бурлаки с песнями тянули за канат якорь, перетаскивая его с одного парохода на другой. Потом они стали перетаскивать с пристани большие тяжёлые листы железа. Я стоял на палубе и смотрел. Один из рабочих обратился ко мне и сказал:

-- Что, барин, хорошо на кораблях кататься?

Я не знал, что ответить.

Тем, было, и кончилось. Кажется, ведь пустяки, а вышло то, что мне ещё труднее стало ехать “кататься на кораблях” и есть стерлядей.

Это всё истинная правда, но правда также и то, что всё-таки прекрасно ехать по Волге. Ночью я стоял на верхней палубе у штурвальной рубки и вместе с лоцманом с волнением смотрел вперед на “бакены”, которые горели на перекатах и мелях. С волнением, потому что страшно попасть на мель. Замечательно красиво ночью видеть эти разноцветные одинокие огни на воде или встретить ярко освещенный пароход, быстро проносящий мимо целый мирок людей». -- *Там же*, № 13860. Л. 2 об.-3 об. Автограф. Курсив *Л.Л. Толстого*.

“Madame Bovary” -- роман Гюстава Флобера (Flaubert; 1821-1880) «Госпожа Бовари: Провинциальные нравы» (1857).

161. См. о нём выше в примеч. 142].

Алексей Алексеевич Бибиков, женатый на крестьянке Василисе(162), сам старой барской души, но либерал и демократ, сильный и красивый физически, с седыми волосами и бородой, орлиным носом и глазами навыкате, снимал большой участок казённой земли на границе Николаевского и Бузулукского уездов рядом с нашим степным имением.

[162. О Василисе Бибиковой сведений найти не удалось].

У него была куча диких и грязных детей, которых надо было кормить, и потому летом он брал кумысников, которых размещал кое-как по своим сараям и амбарам.

В тот год по всей России была страшнейшая засуха. Хлеба погибли на корню, а в Самарской степи, в буквальном смысле, «от колоса до колоса не было слышно человеческого голоса». Чёрная земля растрескалась так, что образовались щели, через которые местами приходилось перепрыгивать. Все колодцы и пруды пересохли до дна, и придвигался небывалый голод. Бибиков, знавший хорошо самарских крестьян, не мог себе представить, как они перезимуют зиму.

В сёлах, когда я останавливался в Гавриловке или Патровке, крестьяне обступали меня, говоря, что пришёл их конец. В этих местностях народ живёт исключительно хлебом. Неурожай -- и у него нет ни пищи, ни денег. Но такой засухи, как в 1891 году, здесь еще не видали никогда(163).

[163. 14 июля 1891 года Л.Л. Толстой делился своими впечатлениями от увиденного: «Вот уже третий день, как я на хуторе. <...> В Богатое я приехал вечером. Ямщиков не было, и я насилу достал лошадей к 9<-ти> часам вечера, так что ехать пришлось ночью. Было очень холодно, но так красиво в степи с луной, что я всю дорогу не спал и отдался разного рода мечтаниям. <...>

На хутор я приехал часов в 10 утра<...>

Ал<ексей> Ал<ексеевич> тих, как всегда, и занят хозяйством.

<...>теперь про урожай и голод, чем здесь все заняты и озабочены.

Всё выгорело так, что трудно собрать даже семена. Мужики бедствуют ужасно. Нанимаются работать за бесценок только для того, чтобы не умереть с голоду. В первый раз я вижу такое явление. К Ал<ексею> Ал<ексеевичу> нанялись рабочие по 1 р<ублю> 75<-ти> коп<еек> за десятину на его хлеба. В Патровке мужик нанял себе рабочих за 1 р<убль> 25 коп<еек> и пуд хлеба за десятину. Эти рабочие, когда кончили уборку, не только проели эти 1 р<убль> 25 коп<еек> и пуд за десятину, но еще приплатили хозяину по 15 копеек с человека за хлеб. Стало быть, чтобы работать, они платили, а не им платили. Вообще здесь -- не то, что в Туле, -- этот год, после ряда голодных годов, совсем пришибёт народ. Вчера я говорил с патров<скими> мужиками и удивлялся их отношению к этому. Они бравируют сво<им> положение<м> и смеются над собой.

-- Что ж, -- говорят, -- вот хлеб уберем, съедим в месяц, а там и издыхать будем.

Григор<ий> Макс<имович> сказал им на это, что правительство поможет им.

-- Ну, это, -- говорят, -- опора плохая, на это нечего надеяться; какие там семена, да еще не всхожие дадут, вовсе без хлеба останешься.

Одним словом, положение здесь очень тяжёлое, и утешение только в том, что человек из всякой беды выпутывается, или в том, что пускай, мол, мужики помирают, они всегда только и делают, что умирают, не физически, так духовно.

Так вот, рядом со всем этим, милая мамаша, есть и наше хозяйство. Оно заключается в том, чтобы тянуть с мужика его последние деньги, или скотину, или хлеб за ту землю, кот<орую> он у нас арендовал и которая ничего не принесла ему. Григор<ий> Мак<симович> -- очень старается покупать так: задерживает в поле хлеб, сено, пока мужик не заплатит деньги, продавши скотину за бесценок. Так что Гр<игорий> Мак<симович> Ц очень хороший приказчик и обещается Вам доставить, если Вы не будете требовать теперь, весной тысяч 8-10. Мужики сымают (т.е., арендуют. -- *В.А.*) землю. Пришла пора уборки. Денег у них нет, они платят нам хлебом. Весной мы продаем хлеб за двойную цену, и вот доход удваивается. Урожай нашего посева очень удовлетворителен в сравнении с другими, и он не только окупит расходы, но, может быть, и даст около 1000 рублей. Кроме того, луга и земли сданы тысяч за 8, так что, может быть, будет доход. Но все это очень гадательно.

Во-первых, Вы видите, как трудно брать с мужиков последнее, во-вторых, и урожай наш может дать гораздо меньше. Из этого всего, как всегда, я опять заключаю, что хозяйничать нельзя, потому что это сплошной грех, сплошное насилование совести. Я обманываю себя, говорю, что это вовсе всё не так, как мне кажется, мужики врут, клянчат, у них есть, чем заплатить мне, но когда отдашь себе отчет во всем этом, видишь, насколько ты не прав, и делается совестно.

Вчера я ездил в Бобровку смотреть свои будущие богатства. Отсюда верст 40. Мы приехали к мужику Жданову, одному из наших арендаторов, и пили у него чай. Он рассказывал нам, что они “обессилели” и хотят отказаться от аренды. <...>

Во мне пока сидят двое. Один, попросту сказать, хороший, другой дурной. Один видит и говорит, что скверно наживать себе состояние, знает, что от трудов праведных не наживешь палат каменных; другой алчный и довольно энергичный говорит, что вот выгода в чем, вот, где можно нажить себе денег, и выходит это у него очень соблазнительно и приятно. Эти два господина, несомненно, не любят друг друга. Не знаю, кто победит из них, пока знаю только, что они оба во мне, каждый заявляет свои права.

Вот почему не знаю, что будет со мной дальше и буду ли я в состоянии поощрять Гр<игория> Максим<овича> драть с мужика последнее. Пока, говорю, во мне сидят оба, и я, пожалуй, могу смотреть, как другой человек дерет; дальше не знаю.

Погода очень жаркая, и ночи тоже теплые. Сплю на дворе в телеге. В доме клопы и блохи миллионами. Степь кругом вся выжжена, и по одной траве можно скользит<ь>, как по льду. Мелькают суслики, летают ястребы, поспевают дыни на бахчах, жнут пшеницу. <...>

Прощайте, будьте здоровы и меня не ругайте за письмо. Всем поклон, всех целую.

Лев.

14 июля 91 г<ода>.

Ни в чём нельзя убедиться как следует, не испытав самому». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13861. Л. 1-9 об. Автограф.

Алексей Алексеевич -- А.А. Бибиков.

Григорий Максимович -- приказчик в самарском имении Толстых.

Бобровка -- деревня в Бузулукском уезде Самарской губернии.

Сведений об арендаторе *Жданове* найти не удалось].

В то же лето через Самарские степи проезжал Наследник Цесаревич Николай Александрович, возвращаясь со своей свитой из города Уральска и направляясь далее в свое Дальневосточное путешествие(164).

Село, где он должен был остановиться на ночлег(165), было верстах в пятидесяти от хутора Бибикова, и я решил поехать туда взглянуть на

будущего царя, а может быть, иметь случай быть ему представленным. В свите был князь Эспер Ухтомский(166), друг брата Сережи, который сам случайно в эти дни приехал на хутор, чтобы купить лошадей для своего имения(167). Узнав о приезде Наследника со свитой, брат тоже решил поехать со мной, чтобы встретиться с Ухтомским.

[164. Л.Л. Толстой ошибся: Наследник Цесаревич Николай Александрович Романов (1868-1918) предпринял путешествие на Дальний Восток осенью 1890 года и *возвращался* в Санкт-Петербург летом 1891 года после неудавшегося покушения на его жизнь близ Киото 1 мая 1891 года. -- См. об этом подробнее в кн.: *Кривенко В.С.* Путешествие Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича на Восток: От Гатчины до Бомбея. СПб., 1891.

165. Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич 26 июля 1891 года вечером прибыл в Оренбург, а 28 июля в 11 часов утра он был встречен в Бузулуке самарским и уфимским губернаторами, депутатами от дворянства, земства и городов Самары, Уфы, Бузулука и др., а также высшим духовенством. Ц См.: *Самарские губернские ведомости*. 3 августа 1891 года, № 59. С. 4; *Русская жизнь*. СПб., 5/17 августа 1891 года, № 210. С. 1. Вечером того же дня высокий гость отбыл в Уральск. По дороге Наследник Цесаревич остановился на ночлег в небольшом степном сельце Гаршино Бузулукского уезда Самарской губернии. Именно там специально к его приезду был построен новый дом, ночью залитый электрическим светом. Об этом Л.Л. Толстой упоминает в письме матери (см. ниже примеч. 169). Подробности поездки см.: *Самарские губернские ведомости*. 14 августа 1891 года, № 62. С. 3.

166. Эспер Эсперович Ухтомский (1861-1921) -- поэт, журналист, с 1896 года редактор-арендатор газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Он и ранее бывал на Востоке и оставил подробное описание этой поездки. -- См.: *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича 1890-1891: В 3-х томах. СПб.; Лейпциг: Брокгауз, 1893-1897.

167. Точнее, С.Л. Толстой ездил в Самару по поручению матери. -- См. её запись от 16 июля 1891 года в кн.: *Толстая С.А.* Дневники. -- Т. 1. С. 199].

После проезда наследника мы решили проехать в Оренбург, чтобы там, на “меновом дворе”, купить лошадей.

Когда мы приехали в село, где ждали Наследника, я стал в толпе народа около сельской деревенской церкви.

Вдали показалось облако черной пыли, потом головы и дуги бешено скакавших потных лошадей, и несколько троек с бубенцами вкатили в село и круто

остановились около церковки. Наследник первый выскочил из своей коляски. Проходя мимо меня на паперть церкви, он с удивлением оглянулся на мой студенческий мундир с золотыми пуговицами среди народа и быстро вошёл в церковь.

Когда позднее брат Сергей увиделся с Ухтомским, а я намекнул ему, что мы хотели бы представиться Наследнику, князь решительно отклонил это предложение, сказав, что Наследник слишком утомился для того, чтобы ещё видеть новых людей.

Это было моим первым отрицательным впечатлением от окружения Наследника Николая Александровича, и моя надежда познакомиться с ним и когда-нибудь с ним вместе работать на пользу России была этим сразу омрачена.

Вечером в тот же день мы поехали дальше в Оренбург, куда должен был также приехать будущий царь.

Мы остановились в гостинице и начали день с осмотра знаменитой в городе мечети. Особенно интересовался ею наш башкирец Нагим, которого Серёжа взял с собой как знатока лошадей(168). Выйдя из мечети, мы заметили каких-то странных людей, сидевших тут и там на площади и следивших за нами. Мы подошли к свободной скамейке и сели отдохнуть. Один из этих странных благообразных господ, чисто одетый, сидевший рядом с нами, вдруг обратился к брату Сергею и учтиво спросил его, зачем мы приехали в Оренбург.

-- Бомбы бросать, -- сердито бухнул Сережа, злобно глядя на него из-под очков.

Впечатление получилось необычайное, точно действительно разорвалась страшная бомба.

На площади произошло движение, люди бросились бежать куда-то, и когда мы вернулись в гостиницу, у подъезда её и по лестницам стояли полицейские, а номер наш был запечатан печатью.

С нас потребовали подписку о немедленном выезде из города, которую Серёжа дал, а я дать отказался, и мы, не успев посмотреть и купить лошадей, уехали на станцию(169).

Особенно огорчён был достойный и красивый Нагим, молча мотая головой, украшенной расшитой позолотой тюбетейкой.

-- Ну, разве возможно, -- шептал он, -- та, та, та, та...

[168. На маленького Нагима обратил внимание Л.Н. Толстой ещё во время поездки на кумыс летом 1871 года. -- *ПСС*. Т. 83. С. 189. Теперь Нагим Акиров жил на участке рядом с самарским имением Толстых, готовил кумыс и помогал детям Толстых в конкретных делах, подобно упоминаемому в книге.

169. См. подробнее подборку документов: *О высылке из Оренбурга сыновей Л.Н. Толстого* /Сообщил *П. Десятерик* //*Исторический архив*. М., 1961, № 4. С. 260-261.

В письмах Л.Л. Толстого об этом почти не говорится. Так, 31 июля 1891 года из Самары он сообщил следующее: «Сейчас еду в Астрахань, оттуда в Баку, в Тифлис, в<о> Владикавказ, в Пятигорск, куда и пишите. Серёжа рассказал Вам о наших с ним странствованиях и приключениях. <...> Писать про то, как мы встречали Наследника, не буду, может быть, Вам Серёжа уже кое-что рассказал. Вообще это было весьма поучительно и интересно. Народу в селе тысячи, все смутно надеются, чего-то ждут, и вот опять все уехали, всё тихо, а хлеба нет по-старому. Электричество, обед в 8 блюд, особенный дом, а рядом нет ничего. Положим, у нас в Ясной то же <самое> и везде то же <самое>, но здесь этот контраст особенно резок». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13863. Л. 1-2 об. Автограф].

Брат уехал в Россию, а я, доехав с ним до Самары, сел на пароход, отправлявшийся в Астрахань, продолжать моё путешествие(170).

[170. С дороги Л.Л. Толстой 4 августа 1891 года отправил закрытое письмо (“секретку”) в Ясную Поляну: «Астрахань. Широченная Волга. Фрукты ни по чём. Виноград, дыни, арбузы. Сейчас еду в море на пароходе Кав<казского> пар<оходства> “Цес<аревич> Александр” до Баку. Вчера получил неприятное известие, что на Военно-Грузин<ской> дороге обвал и проезда нет. Должно быть,

если так, придётся Пятигорск и катания оставить. <...> В море грозят нам мёртвой зыбью и морской болезнью». -- *Там же*, № 13864. Л. 1-1 об. Автограф].

Выходя из астраханских рукавов Волги в открытое Каспийское море, я в первый раз в жизни увидел морской простор и испытал жестокую морскую качку.

В Баку поразил меня бесконечный город нефтяных вышек и нефтяные фонтаны, мощные и густые, с шумом вырывавшиеся из земных глубин. В день моего приезда горел страшнейший пожар одного из больших фонтанов и дым от него застилал всё небо черной зловещей пеленой. Миллионы гибли от одной умышленной или неосторожной искры.

После Баку я был в Тифлисе, Владикавказе, Пятигорске, Кисловодске и Новороссийске(171).

Вечно белый снеговой Кавказский хребет со своим Эльбрусом, вечно шумящий в ущельях Терек, облака внизу под дорогой, дикие горцы в дикой природе и рядом такие же, как везде, -- русские города и русские люди -- вот Кавказ.

На станции Казбек, куда я ночью добрался пешком с осетинами-проводниками, так как Дарьяльское ущелье было размыто наводнением и сообщение на ямщиках было прервано, я встретил маленького доктора, который крутил папироски и приговаривал: “Omnia mea mecum porto*.

Я сказал ему, что я Толстой, но он не поверил и называл меня “quasi**-Толстой”.

* *“Всё своё ношу с собой” (латин.).*

** *ложный, мнимый (латин.)*

Ночью, когда я шёл с проводниками через Кавказские горы, мы наткнулись на полудиких ингушей, сидевших вокруг костра. Один из них выступил вперёд, нахально прося папироску. Но мои христиане-осетины

даже не ответили ему и молча дали мне понять, чтобы я не останавливался, а шёл дальше.

В Пятигорске я стал ухаживать за понравившейся мне казачкой, стелившей мне постель в гостинице, но она с презрением охладила меня.

Во Владикавказе, где у меня были приятели в Нижегородском драгунском полку, я попал на военный кавалерийский праздник, и меня глупо напоили белым вином из серебряных чарок, которые нельзя было поставить, а надо было выпивать до дна. Ночью я спал в палатке под проливным дождем и был болен.

Между Севастополем и Одессой на пароходе я встретил старика Антона Рубинштейна, с его красивой головой, и говорил с ним(172). Он ехал повидать старуху мать(173) и всю дорогу, сидя один на палубе, напевал романс Глинки: «Уймитесь, волнения страсти» (174).

[172. Антон Григорьевич Рубинштейн (1829-1894) -- выдающийся русский пианист, композитор, дирижер. В июне 1891 года он приехал на гастроли в Тифлис и оттуда отправился в Одессу к матери. -- См.: *Баренбойм Л.* Антон Григорьевич Рубинштейн: Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-обществ. деятельность: В 2-х томах. Л.: Музгиз, 1962. Т. 2. С.389-390.

Судя по сообщениям одесских корреспондентов, внимательно следивших за кавказскими гастролями А.Г. Рубинштейна, 12 августа 1891 года он дал в Тифлисе свой прощальный концерт и на следующий день отправился в Батуми. 19 августа он прибыл в Одессу повидаться с матерью и через несколько дней уехал в Лейпциг. -- См.: *Одесские новости*. 23 августа/4 сентября 1891 года, № 2038. С. 2-3.

Л.Л. Толстой сел на пароход «Пушкин», на котором плыл А.Г. Рубинштейн, уже в Севастополе.

173. Калерия (Клара) Христофоровна Рубинштейн (урожд. Левенштейн; 1807-1891) умерла в Одессе в августе 1891 года, через несколько недель после встречи с сыном. -- *Там же*, 17/29 сентября 1891 года, № 2061. С. 1.

174. Первая строчка романса «Сомнение» Михаила Ивановича Глинки (1804-1857) на стихи Нестора Васильевича Кукольника (1809-1868). -- См.: *Русские песни и романсы*. М.: Худож. лит., 1989. С. 204-205].

Одесса понравилась мне своим красивым расположением и сравнительной культурностью. Я

познакомился в ней с её графом Толстым, пользовавшимся там всеобщим уважением(175). Жалею, что мало видел его. Я не понимал тогда, как радостно и важно встречаться с членами своего рода. В молодости всегда торопишься куда-то, а я торопился особенно.

[175. Речь идёт о семье графа Михаила Дмитриевича Толстого, бывшего ещё в 1863 году одним из 17 почетнейших граждан Одессы. -- См.: *Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1891 год*. Одесса, 1890. С. 124, 170, 244, 255; *Одесса*: 1794-1894: К 100-летию города. Одесса, 1895. С. 88, 90-92, 100, 285].

Вернувшись из моего путешествия в Ясную, я предался двум моим страстям: охоте(176) и любви к Даше(177).

[176. Ещё в начале сентября 1891 года Л.Л. Толстой писал из Ясной Поляны в Москву, где жила с младшими сыновьями С.А. Толстая: «Погода дождливая сегодня, но мы с Фомичом нашли 3-х вал<ь>дшнепов. <В> воскресенье курьерским я думаю ехать к Вам, надо начинать лекции. Впрочем, не ждите очень, прилетел вал<ь>дшнеп, и если завтра найду много -- останусь ещё дня два». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13866. Л. 1-1 об. Автограф.

Михаил *Фомич* Крюков (1852-1918) -- буфетчик в семье Толстых.

Л.Л. Толстой приехал в Москву 8 сентября 1891 года. -- См.: *Толстая С.А*. Письма к Л.Н. Толстому. -- С. 446.

О том, что уже через год охота приняла для Льва Львовича характер демонстративного противостояния отцу, см.: *Жиркевич А.В.* Встречи с Толстым: Из дневника // *Л.Н. Толстой:* В 2-х книгах. М.: Изд-во АН СССР, 1940 (*Литературное наследство*. Т. 37-38). [Кн.] II. С. 438. См. также: *Жиркевич А.В.* Встречи с Толстым: Дневники, письма. Тула: Изд. дом УЯсная ПолянаФ, 2009. С. 199-200, 203-204.

177. См. о ней в Главе 7].

В семье было невесело.

Учение отца и отношение его самого к жизни продолжали отравлять её атмосферу.

Глава 10

Голодная зима в Самарских степях

Мне до сих пор представляется как страшный сон та тяжёлая зима, в продолжение которой я помогал голодающему населению, но я благодарен судьбе за то, что она дала мне случай увидеть глубину страданий человеческих и облегчать их(178).

[178. По утверждениям историков, голод 1891 года был на самом деле небывалым в России по масштабам народного бедствия и его последствиям. В ноябре 1890 года министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский (1831-1895) робко предупредил, что предстоит крайне печальный год, но об этом вспомнили слишком поздно. Размышляя об этом в октябре 1891 года, философ, поэт, публицист и критик Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900) утверждал: «Эти знаменательные слова такого компетентного лица были приняты у нас за какую-то загадку или непостижимое прорицание и затем были сейчас же забыты. У нас были, должно быть, более важные дела». -- См.: *Соловьев В.С.* Собрание сочинений: В 10-ти томах. СПб., 1912. Т. V. С. 443.

Правительство оказалось совершенно не подготовленным к случившемуся и долгое время ничего не предпринимало даже тогда, когда газеты, в том числе и такие одиозные, как «Московские ведомости», были вынуждены из номера в номер печатать «Письма о голоде» из самых разных уголков огромной империи. -- См. об этом подробнее: *Абросимова В.* «...рассказать жизнь, как она была» (Из писем Эмилия Диллона к Л.Н. Толстому) //*Вопросы литературы*. М., 1989, № 11. С. 134-142.

Сопоставим два факта: *18 сентября 1891 года Л.Н. Толстой принял решение открыть столовые для голодающих* (*ПСС*. Т. 52. С. 53-54*) и уже начал работать на голоде* -- и только через два месяца, 17 ноября 1891 года Император Александр III (Александр Александрович Романов; 1845-1894) распорядился учредить Особый Комитет для помощи нуждающимся в неурожайных местностях под председательством сына, Наследника Цесаревича. -- См.: *Московские Ведомости*. 25 ноября 1891 года, № 326. С. 3].

Осенью 1891 года, когда я вернулся из Ясной в Москву и снова стал посещать университет, вся Россия, как один человек, говорила только о страшном бедствии, на этот раз захватившем почти всю её территорию(179).

[179. Л.Л. Толстой не сразу подхватил инициативу отца по организации помощи голодающим. Так, 19 сентября 1891 года он писал С.А. Толстой из Москвы:

«Милая мама, сегодня день для меня полон интереса, а с Вашими письмами стало ещё больше новостей. Утром, во-первых, я прочёл в газетах заявление папа

и возрадовался. Раз уже напечатано оно, я очень доволен и как-то смелее можно смотреть в глаза людям. Хорошо ли сделал папа, что его напечатал, что Вас рассердил, я не знаю, но раз всё это кончено, то и заявление приятно. <...> То, что папа, наконец, понял голод, меня обрадовало больше всего. Мне досадно было, что он так относится к нему, и я приписывал это тому, что в Ясной у нас хороший урожай, а то бы он не мог обойтись одними рассуждениями. Я здесь написал немножко резко, но я не хочу ничего доказать, и это вышло нечаянно. Хочет ли папа пойти пешком, как он думал, по местам неурожая? Если удастся, мы думаем это сделать с Маклаковым в ноябре.

Народные столовые -- мысль отличная, но вряд ли устроят это практично наши помещики. И сомнительно также, чтобы Поляковы, Гагарины и т.д. "от чистого сердца" взялись бы за это. Конечно, для того, чтобы заговорили о них, для папа они согласятся, и выйдет то, что и требуется доказать, -- деньги и хлеб».

-- *ОР ГМТ*. Архив С.А.Толстой, № 13861. Л. 1-2. Автограф.

...*заявление папа*... -- см. выше примеч. 159.

Василий Алексеевич *Маклаков* (1869-1957) в то время был студентом юридического факультета Московского университета.

"*Поляковы*" -- речь идёт о братьях Поляковых, один из которых (Яков Соломонович; 1832 -- 1909) был крупным таганрогским банкиром; другой (Самуил Соломонович; 1837 -- 1888) был строителем железных дорог, в том числе и Козлово-Воронежской. Младший брат (Лазарь Соломонович; 1842-1914) был основателем банкирского дома, учредителем двух акционерных обществ (Московского лесопромышленного товарищества и Московского домовладельческого общества). Его личное состояние в начале 90-х годов оценивалось в несколько десятков миллионов рублей. -- См.: *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России 1860-1914 гг.: Очерки по истории частного предпринимательства. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2006. С. 99-144; *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России: Конец XIX в.-1914 г. М.: Наука, 1992. С. 64-66, 70-71, 134, 142-143; *Семья Поляковых* /[Составление, предисловие *Л. Васильевой*. М.:] Атлантида, [1995]; *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней //*Евреи в России*: XIX век[: Сборник]. М.: НЛО, 2000. С. 454-466, 482, 491.

Гагарины -- землевладельцы, князья, потомки действительного кавалера и камергера князя Сергея Васильевича Гагарина (1713-1782), которые с конца XVII века владели частью села Сергиевское Чернского уезда Тульской губернии. После смерти князя Сергея Сергеевича Гагарина (1832-1890) его вдова, княгиня Вера Федоровна Гагарина (урожд. графиня Пален; 1836-1923) продолжила обустройство больницы, трёх школ, домов для медицинского персонала, электростанции, "Дома рукоделья" для девушек всех сословий и "Чёрного двора", в котором были открыты мастерские для молодых людей, желавших получить профессию. -- См.: *Новиков Б.* Из прошлого Сергиевского - Плавска //*Над рекой, над Плавой*: Книга о прошлом и настоящем города и района. Подольск: Сатурн-С, 2001. С. 8-20; *Конодюк О.* Княгиня Гагарина - благородная меценатка или несчастная женщина? (*Интернет-издание*).

25 сентября 1891 года Л.Л. Толстой писал в Ясную Поляну о своём безусловном намерении продолжать учебу. См. выше примеч. 146].

Я описал этот год в отдельных статьях, напечатанных в журнале «Вестник Европы»(180) и позднее изданных отдельной книгой под заглавием «В голодные годы»(181).

[180. *Толстой Л.Л.* Вечер во время голода: Очерк // *Книжки "Недели"*. СПб., 1897, № 7. С. 29-62; *Толстой Л.Л.* Записки из эпохи голода 1891-92 гг. //*Вестник Европы*. СПб., 1899, №№ 6-7 .

181. *Толстой Л.Л.* В голодные *года* (Записки и статьи). М., 1900 (на обл.: В голодные *годы..,* 1901). Курсив мой. -- *В.А].*

Здесь я только кратко коснусь его, поскольку он отразился на моей личной жизни и мысли.

В октябре, вспоминая самарские поля, выжженные солнцем, без единого колоса и получив от Бибикова отчаянное письмо(182), я решил ехать в Самару кормить голодающих и оставить университет(183).

Отец, хотя и был против благотворительности, говоря, что благотворительность без любви не действительна, всё же сам поехал в Бегичевку, имение Раевских Рязанской губернии, открывать там народные столовые(184). Но я действовал самостоятельно без всякого желания подражать ему, а по личному велению сердца(185).

[182. Документ этот в архиве Л.Л. Толстого не сохранился. Однако в книге, посвящённой работе на голоде, есть фрагмент этого письма А.А. Бибикова: «Я отвечаю вам на ваш вопрос, что у нас делается. Вы сами видели урожай нынешнего года. То, что мы предполагали, наступило. Ни у кого нет хлеба уже давно. Земство помогает недостаточно. Народ распродаёт скот, имущество, сбрую, платье и ходит, друг у друга прося милостыни. Начинаются болезни, воровство и все последствия голодания. Чувствую полное бессилие помочь им. Приезжайте к нам. Может быть, удастся вам хоть что-нибудь сделать. Чем всё это кончится, трудно предвидеть». -- *Там же*. С. 10.

183. В начале октября 1891 года Л.Л. Толстой писал В.Г. Черткову, с которым он тогда делился своими планами: «Милый друг Дима. <...> Я теперь занят совсем другим и думаю, что мне сидеть здесь, в Москве, при таком положении крестьян у нас хоть в самарских деревнях, совсем немыслимо. Думаю ехать в Самару, делать, что можно, и вообще начать жить и действовать, как мне кажется нужным, а не как кажется другим». -- *ОР ГМТ*. Архив В.Г. Черткова, № 60115. Л. 1-1 об. Автограф.

Однако родным он не сразу решился написать об этом. 11 октября 1891 года он сообщил С.А. Толстой в Ясную Поляну о том, как идёт учёба у младших братьев и у него самого, и закончил коротенькое письмо так: «Потом поеду в Самару. Я сделаю это во что бы то ни стало. Иду в университет. Цел<ую> всех.

Лёва».

-- *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 13878. Л. 1 об. Автограф.

16 октября 1891 года С.А. Толстая с огорчением записала в дневнике: «Лёва вдруг загорелся ехать в Самару по случаю голода». -- См.: *Толстая С.А*. Дневники. -- Т. 1. -- С. 216.

Через неделю С.А. Толстая приехала в Москву и после беседы с сыном так описала своё впечатление мужу в Ясную Поляну 23 октября 1891 года: «Он стремится всеми силами куда-то, и почему-то ему кажется, что в Самаре он может что-то сделать. Впечатление то, что учиться он в университете, главное, не хочет, а может быть, и не может, что ему нужны впечатления и разнообразие их. Поездка его совершенно неопределённая; вряд ли он что сможет написать или сделать. Просил он 200 рублей, стало быть, только на дорогу и на прожитие. Сам он весел, как будто доволен всем, и мне очень жаль, что он уезжает». -- См.: *Толстая С.А*. Письма к Л.Н. Толстому. -- С. 448.

25 октября 1891 года, взяв отпуск в университете, Л.Л. Толстой уехал в Ясную Поляну, а оттуда в Патровку, чтобы там, в Самарской губернии, наладить столовые для голодающих крестьян и раздачу хлеба.

184. Первое упоминание о голоде появилось в Дневнике Л.Н. Толстого 25 июня 1891 года: «Все говорят о голоде, все заботятся о голодающих, хотят помогать им, спасать их. И как это противно! Люди, не думавшие о других, о народе, вдруг почему-то возгораются желанием служить ему. Тут или тщеславие -- выказаться, или страх; но добра нет». -- *ПСС*. Т. 52. С. 43.

Но приезжали очевидцы, рассказывали о бедствиях, горевали о конкретных случаях, когда они были бессильны что-либо сделать для крестьян. И Толстой принял решение открыть столовые для голодающих.

Статью «О голоде» он писал на фоне работы над трактатом «Царство Божие внутри вас» с его полным и безоговорочным отрицанием государственности. 8 октября 1891 года Л.Н. Толстой делился своими сомнениями с одним из единомышленников, Михаилом Александровичем Новосёловым (1864-1940): «Пишу теперь о голоде. Но выходит совсем не о голоде, а о нашем грехе разделения с братьями». -- *Там же*. Т. 66. С. 52.

В конце октября 1891 года Л.Н. Толстой вместе со своими помощницами -- дочерьми Марией и Татьяной, племянницей В.А. Кузминской (см. о ней выше примеч. 61) и портнихой Марией Кирилловной Кузнецовой (род. в 1867 году) -- уехал в имение своего друга И.И. Раевского, в деревню Бегичевка Данковского уезда Рязанской губернии. -- *Там же*. Т. 52. С. 57; Т. 84. С. 89-91; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. -- С. 226-232. См. также: *Кузнецова М.К.* 12 лет в доме

графа Л.Н. Толстого //*Новые материалы о Л.Н. Толстом*: Из архива *Н.Н. Гусева* /Ред. *А.А. Донсков*. Ottawa, 2002. С. 213-222.

185. В период 1889-1892 годов Л.Л. Толстой был одним из активных последователей и помощников отца. Об этом свидетельствует его участие в подготовке окончательной редакции статьи Л.Н. Толстого «Первая ступень» (*ПСС*. Т. 29. С. 384) и самостоятельная работа на голоде. Постепенно он научился хозяйствовать в труднейших условиях общей беды, о чём свидетельствуют его письма С.А. Толстой из Патровки.

30 октября 1891 года сразу же по приезде в Самару Л.Л. Толстой писал матери в Москву: «Еду сегодня в Богатое. Дела плохи на счёт неурожая, даже очень. Писать подробностей не буду. Не знаю, что можно будет сделать. Конечно, немногое». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 13879. Л. 1 об. Автограф.

Освоившись немного, он 11 ноября 1891 года был чуть более точен в оценке случившегося: «Пишу с хутора Алексея Алекс<еевича Бибикова>. Сейчас еду в Патровку. Вчера был в Гавриловке. Если копнуть эту муравейную кучку народного бедствия, получается такая страсть, что жутко делается. Не знаю, что удастся собрать в Москве. Нужда такая, что необходимо, чтобы поддержать мало-мальски крестьян, -- очень многое». -- *Там же*, № 13880. Л. 1 об. Автограф.

Показательно, что в эти годы возникает критическое отношение к матери, которое впоследствии уступит место оправданию любого её поступка. В качестве примера можно привести отрывок из письма Л.Л. Толстого отцу от 21 апреля 1892 года, в котором упоминается работа Толстого над трактатом «Царство Божие внутри вас»: «Мама пишет мне, что в новом твоём сочинении, кажется, крайности и что это так себе что-то большое, скучное, а главное, опасное и неприятное. Это отношение, поверхностное и жалкое, мне объяснило в этом письме, насколько мало мама тебя понимает. Она и не может никогда понять то, что ты говоришь». -- *Там же*. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/$_9$, № 12. Л. 2 об. Автограф].

Этот поступок почти стоил мне жизни и был главной причиной наступившей после этой зимы многолетней моей болезни, -- но я никогда не раскаивался в нём.

Восемьдесят тысяч человек кормились нашей помощью, и, конечно, многих несчастных мы спасли от смерти среди страшных эпидемий тифов, дифтерита, цинги и оспы.

В селе Патровка, где я жил, десятки умирали ежедневно, так что священник не успевал хоронить. В глиняных мазанках, покрытых выше крыш снегом, на земляном полу лежало иногда в ряд пять-шесть тифозных и среди них уже умершие.

У нас были больницы, доктора, сёстры и санитары, все же мы чувствовали себя почти беспомощными перед страшным бедствием.

Со мной работали прекраснейшие люди, о которых я сохранил самое отрадное воспоминание: П.И. Бирюков(186), князь Пётр Д<митриевич> Долгоруков, привезший с собой два санитарных отряда(187), Иван Александрович Бергер, управляющий Ясной(188), два доктора -- Горбачев(189) и Ткаченко(190), санитары и сёстры(191).

[186. П.И. Бирюков (см. о нём выше примеч. 114) в 1891-1892 годах работал на голоде вместе с Толстыми в Рязанской и Самарской губерниях. 8 марта 1891 года Л.Л. Толстой писал о том, что П.И. Бирюков принял на себя заведование столовыми в селе Покровка неподалеку от Патровки. -- *Там же*. Архив С.А. Толстой, № 13901. Л. 1 об. Автограф.

187. 9 марта 1892 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой: «Завтра же приезжает сюда санитарный отряд из Москвы, собранный Флёровым по просьбе кн<язей> Долгоруких для борьбы с болезнями. Сегодня я видел цингу, кот<орая> меня очень огорчила. В Землянке устроена больница на 9 человек таких больных. Картина страданий самая яркая. Опухшие члены с кровоподтеками, больные дёсны, бледное прозрачное тело. В избе на нарах все рядом, бабы с грудными заморышами в чепчиках -- эти цинготные на меня произвели впечатление гораздо более неприятное, чем тифозные. А главное, это всё вина наша вследствие недостатка пищи. Цинга везде кругом, надо всех этих больных брать в больницы для питания, чтобы они не погибли. Санитарный отряд в 10 ч<еловек> (2 докт<ора>, 2 фельд<шера> и 6 фельдшериц) нам будет очень полезен и даже необходим, так мало здесь человеческой помощи. В Патровке тиф. Но уменьшился сравнительно с прежним. Надо надеяться, что сыпной <тиф> не распространится сильно». -- *Там же*, № 13902. Л. 1-1 об. Автограф.

Фёдор Фёдорович *Флёров* (1838-1910) -- московский врач, лечивший детей Толстых.

Братья-близнецы, князья Павел Дмитриевич (1866-1927) и Пётр Дмитриевич (1866-1945) *Долгорукие*. О сформированном ими отряде см.: *Толстой Л.Л.* В голодные года. -- С. 89. О прибытии отряда сначала в Самару, а оттуда в Патровку см.: *Самарская газета*. 10 марта 1892 года, № 54. С. 3.

”*Землянка* (Землянки)” -- село в том же Бузулукском уезде Самарской губернии.

188. О деятельной помощи И.А. Бергера (1867-1916) Л.Л. Толстой постоянно упоминал в письмах родным.

189. Владимир Никитич Горбачёв получил право лечить больных в 1878 году. В начале 90-х годов и в последующие годы он практиковал в Москве. В

середине 90-х годов надворный советник В.Н. Горбачев стал врачом при Главном архиве МИДа. -- См.: *Вся Москва*: Адресная и справочная книга на 1892 год: В 2-х частях. М., 1892. Ч. 1. Стб. 685; *Ежегодник Министерства иностранных дел* [на] 1895 [год]. СПб., 1895. С. 97; *Календарь для врачей всех ведомств*: 1900: В 3-х частях. СПб., 1900. Ч. III. Стб. 252.

190. О докторе Ткаченко точных сведений найти не удалось. В списке российских врачей этого времени значатся два военных врача, работавших в Гродно и в Вильне с 1888 года, соответственно Евгений Степанович и Сергей Степанович Ткаченко. -- См.: *Календарь для врачей всех ведомств*: 1891. -- Ч. II. С. 241, 310, 317.

Едва ли кто-то из них работал с Л.Л. Толстым на голоде. Вероятно, речь идёт о другом специалисте.

191. О работе санитарного отряда в Патровке в период массового заболевания голодающих крестьян писали и местные газеты: «Эпидемия тифа в настоящее время там усиливается. Кроме того, отмечено до 100 случаев заболевания цингой. Санитарный отряд весьма деятельно борется с эпидемией. Отряд состоит из молодых врачей и фельдшериц. Про одну из последних рассказывают, что, не довольствуясь уходом за больными, она из последних своих средств приобретает молоко для детей. Факт -- весьма отрадный и тем более достойный быть отмеченным, что он не единственный и свидетельствует о самопожертвовании и любви к народу, примеров которых в нынешнем году немало дала Россия». -- См.: *Самарская газета*. 22 марта 1892 года, № 65. С. 3.

Позднее Л.Л. Толстой с благодарностью вспоминал о деятельности санитарного отряда: «Врачи ежедневно объезжали или обходили больных, желавших перевозили в больницы, фельдшера и фельдшерицы ухаживали за ними. Приезд отряда сильно поднял общий дух села, как и поднял наш. Не так страшны казались теперь болезни, когда каждый знал, что есть за ним надлежащий уход. <...>

Отряд работал самоотверженно и прекрасно». -- См.: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 89].

Приезжали также иностранные журналисты, между ними -- англичанин Стевени(192) и швед Стадлинг(193) и два английских квакера(194).

[192. Уильям Барнс Стевени (Steveni; род в 1859 году), корреспондент лондонской газеты “Daily Chronicle”, посетил Л.Л. Толстого в Патровке в начале февраля 1892 года. Об этом Л.Н. Толстой писал жене из Бегичевки 9 февраля 1892 года: «Дома у нас англичанин Стевени, возвращающийся из Самары от Лёвы с хорошими известиями о нём». -- *ПСС*. Т. 84. С. 116. См. также: *Толстой Л.Л.* В голодные года.. С. 69-70.

193. Йонас Стадлинг (Stadling; 1847-1935) -- шведский писатель и путешественник, автор нескольких книг о России. С Л.Л. Толстым он познакомился в Бегичевке, куда Лев Львович приехал 1 марта 1892 года. Вместе с П. Бирюковым 3 марта 1892 года они втроём выехали в Патровку. -- *ПСС*. Т. 84. С. 130-133.

О пребывании Й. Стадлинга в Патровке Л.Л. Толстой вспоминал несколько лет спустя во время следующего приезда шведского путешественника в Ясную Поляну:

«Это -- мой давнишний знакомый ещё по голодному 91 году, когда Иван Иванович, как мы его прозвали для России, жил со мной несколько месяцев среди голодавших в Самарской губернии». -- См.: *Толстой Л.Л.* Письмо в редакцию // *С.-Петербургские ведомости*, 8/20 декабря 1898 года, № 337. С. 2. См. также: *Толстой Л.Л.* В голодные годаЕ С. 86; *Стадлинг Й.* У графа Л.Н. Толстого в голодный год: Рассказ американца //*Лев Толстой и голод*: Сборник /Под ред. *Ч. Ветринского*. Н.-Новгород, 1912. С. 166-177; *Stadling J.* The famine in Eastern Russia: Relief-work of the younger Tolstoy //*The Century*: Illustrated monthly magazine. August, 1893. Vol. XLXI, no. 4. P. 560-570; *Stadling J.* Frxn det Hungrande Ryssland: Skildringar. Stockholm, [1893]. S. 14-15, 29, 111-112, 131-145; *Stadling J.* Reason will: In the land of Tolstoi: Experiences of famine and misrule in Russia. Lnd., 1897.

194. Делегация квакеров -- с согласия правительственных чиновников -- посетила районы, охваченные голодом, чтобы на месте решить, какая помощь им требуется. -- См.: *Абросимова В.* «...рассказать жизнь, как она была...» // *Вопросы литературы*. М., 1989, № 11. С.145-146].

К весне наши доктора и сёстры почти все заразились тифом(195) и, наконец, заболел и я, хотя каким-то чудом вынес всю болезнь на ногах(196). С сорока градусами жара я каждое утро вставал и одевался, а потом весь день работал. Вспоминаю это, чтобы объяснить мою последовавшую за этой зимой долгую болезнь.

[195. Позднее Л.Л. Толстой писал: «Один из врачей, Т[каченко], был, впрочем, недалёк от смерти, и если бы за каждым вздохом его и биением пульса не следили его товарищи, врач Г[орбачёв] и его помощницы-фельдшерицы, то вряд ли бы Т[каченко] поднялся». -- См.: *Толстой Л.Л.* В голодные года... - С. 89.

196. О болезни Л.Л. Толстого в январе-феврале 1892 года и о болезни большинства жителей селений, поражённых неурожаем, а также о том, что члены санитарного отряда не спаслись от эпидемии, см.: *Там же*. С. 89-93. См. также: *Афанасьев И.* Л.Н. Толстой в Самарском Заволжье. Куйбышев, 1984. С. 33-37].

С ужасом помню одну голодную семью села Патровка, члены которой, безносые, с красными глазами и зиявшими ранами на щеках, все были заражены сифилисом. Они ели вместе из общей деревянной чашки, которую мы носили им отдельно.

А цинготные больные, апатичные и опухлые, с расшатанными зубами и с темно-синими пятнами на ногах и на лицах?..

Как мать-природа может доводить своих детей до такого состояния?

Только люди способны создавать условия жизни, в которых возможно подобное ее изуродование.

Но рядом с этими ужасами шла и нормальная жизнь края, в которой были и светлые, и радостные стороны.

Шла религиозная жизнь, и влияние ее на население, видимо, росло не только со стороны рациональных христианских сект, особенно молокан, на собрания и чтения которых я ходил(197), но и со стороны православной церкви.

[197. Л.Л. Толстой был убеждён, что он выздоровел не столько благодаря лекарствам, уходу врачей и фельдшеров, но и отношению к нему крестьян Патровки. -- См.: *Толстой Л.Л.* В голодные года... - С. 91].

Когда один из бедняков-крестьян, которого мы кормили, стал раз отвечать мне словами Нагорной проповеди, я спросил его, где он выучил их, он ответил, что слышал их в православной церкви.

Ко мне народ относился с большой любовью, и верили в меня, как в святого.

Раз одна из патровских крестьянок почти силой потащила меня в свою избу и подвела к лавке, на которой лежал её сын в сильнейшем тифе. Я спросил её, что ей нужно было от меня.

-- Только взгляни, родной, взгляни на него, -- ответила женщина.

Когда я поправился от тифа и снова вышел на улицу, народ говорил: «Да разве можно было тебе хворать? Весь народ за тебя Бога молил» (198).

[198. Ещё раньше, 18 февраля 1892 года Л.Л. Толстой на короткое время приехал в Москву. -- *ПСС.* Т. 84. С. 125. 28 февраля 1892 года он уехал в Самару. Об

этом С.А. Толстая упоминает в письме сестре, Т.А. Кузминской. -- *ОР ГМТ*. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3432. Л. 2. Автограф].

Такие проявления признательности радовали и волновали меня, хотя физически я надрывался. Всё же весною я настолько окреп, что мог верхом объезжать далёкие села(199).

[199. О патровских молоканах см.: *Толстой Л.Л.* В голодные года... - С. 109-116].

Однажды я приехал в одно отдалённое село Николаевского уезда, где местному священнику было поручено наблюдать за нашими столовыми.

Вдовец лет сорока, с плешивой головой, седой бородкой и хитрыми грязными глазками, он принял меня очень любезно в своём уютном и чистом домике, где, к большому моему удивлению, я застал красивую молодую женщину, которую сначала принял за его дочь.

Это была местная сельская учительница, державшая себя в доме священника как хозяйка.

Когда я уезжал, крестьяне обступили меня на крыльце и с негодованием стали жаловаться на своего попа.

-- В алтаре с учительницей застали -- вот какой у нас священник! Много раз заставали. Церковь нашу опоганил.

Уже тогда, сравнивая православную церковь с рационалистическими русскими сектами, я увидел, насколько выше в духовном отношении были последние и насколько люди из народа, примкнувшие к ним и оставившие православие, были развитее и здоровее православных*.

* См. главу «Россия» в “Lungarno”. -- *Прим. Л.Л. Толстого.*

Эти впечатления убедили меня окончательно в необходимости реформирования православной церкви в рационалистическом духе, и в этом убеждении я пребываю и до сих пор.

Глава 11

Конец голода. Кумыс и смерть студента

Когда наконец весной 1892 года растаяли глубокие снега, покрывавшие самарские степи и сёла, и под горячими лучами солнца открылась чёрная жирная земля, когда наконец растворились окна изб и двери мазанок и народ вдохнул полной грудью ароматного степного воздуха, – казалось, кончилось страшное бедствие, чтобы никогда больше не повториться.

Но последствия его ещё не были ликвидированы, и теперь эпидемия сильнейшей холеры заменила тиф и цингу.

Входя в бараки для холерных, которые мы открыли, я обходил сотни больных разных степеней, и на этот раз мне стоило усилий делать это. Не то чтобы я боялся заразиться – думаю, что, в сущности, я не боюсь ничего, – но для меня холера всегда была болезнью отвратительной, от которой я не хотел бы умереть.

В июле я кончил все наши дела и переехал на хутор Бибикова (1), где начался кумыс и уже съехались кумысники.

По семейной традиции, я верил в чудесное действие этого напитка, якобы спасшего отца от чахотки (2).

Но, пройдя через кумысное лечение, я понял, что оно скорее вредно для человека, чем полезно (3). Утомляя желудок и кишечник чрезмерным количеством жидкости и беспрестанно возбуждая организм довольно значительным процентом алкоголя, кумыс только

временно поднимает аппетит и общие силы, которые быстро падают, когда лечение прекращается.

Степные башкиры поневоле выдумали этот напиток в условиях их кочевой жизни, где у них не было другого продукта, кроме кобыльего молока.

[1. Л.Л. Толстой на хуторе А.А. Бибикова (см. о нём в Главе 9) был уже в середине июня 1892 года. Оттуда 15 июня 1892 года он писал С.А. Толстой: «Буду в Ясной в начале июля, как Вы и угадали. Задерживает больной тифом милый доктор в Гавриловке -- очень опасен -- и последние (о, счастье!) дела. Довольно барахтаться в этой грязи и тьме. Здоров слишком. Кумыс пью, а всех вас очень люблю». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13920. Л. 1. Автограф. Более подробное письмо от 21 июня 1892 года также было отправлено с хутора А.А. Бибикова. -- Там же, № 13921. Л. 1. Автограф.

2. «Через год после смерти брата Николеньки (см. о нём в Главе 3) Лев Николаевич стал жаловаться на недомогание, на хандру. Открыл у себя присутствие чахотки. Хотя болезнь эта мало соответствовала его крепкой фигуре и здоровому цвету лица, тем не менее, помня смерть брата, он становился и мнительнее, и беспокойнее, и стал страдать бессонницей. И затосковал он до того, что решил под каким-нибудь предлогом сбежать куда-нибудь». -- См.: Эрленвейн А.А. Отрывки из воспоминаний о Ясной Поляне: 1861-1863 (Посвящается “друзьям минувших дней”) // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2-х томах. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 133.

19 мая 1862 года Л.Н. Толстой уехал в самарские степи и вернулся в Ясную Поляну 31 июля 1862 года. Через несколько дней, 6 августа 1862 года, он писал С.Н. Толстому: «Кумыс чудес не делает, как и всякое лечение, но кашель мой прошёл». -- См.: Толстой Л.Н. Полное (Юбилейное) собрание сочинений: В 90-та томах. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 60. С. 425, 431-432. В дальнейшем ссылки на это издание даются в комментариях так: ПСС, с указанием номера тома и страниц.

3. Это более поздняя точка зрения. Тогда же, весной 1892 года, Л.Л. Толстой сам пополнял свои силы кумысом и призывал других следовать его примеру. 30 апреля 1892 года он закончил письмо С.А. Толстой из Патровки так: «<...>P.S. Таню очень приглашаю сюда на кумыс. В степи тюльпаны, фиалки, -- духи. И <степь> зеленая вся, свежая и прекрасная». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13913. Л. 2 об. Автограф.

В конверт было вложено и отдельное письмо Т.Л. Толстой: «Таня, приезжай сюда лечиться. <...> Теперь лучший кумыс и лучшее время его пить. <...> Подумай и приезжай. Тифа нет больше, да и в

степях нельзя им заразиться. <...>» -- Там же. Л. 3. Автограф].

Среди кумысников у Бибикова был жалкий и одинокий студент Горного института, умиравший от сахарной болезни.

Он ещё с трудом вставал и пил немного кумыса, когда я в первый раз увидел его. Мы сошлись, и он рассказал мне о своем прошлом. Страшное злоупотребление чувственностью и какая-то женщина, от которой он не мог избавиться. Каждое утро он исследовал количество сахара в моче, надеясь, что оно начнёт убавляться, но каждый день жаловался мне, что силы его быстро таяли. Несколько раз в день он принимал лекарства, и я помогал ему сходить с кровати.

Наконец он совсем слёг и так ослаб, что я должен был поднимать его, как ребёнка.

– Вы боитесь смерти?

– Нет, теперь я рад ей, – ответил он.

Он угас тихо на моих глазах, и мы похоронили его на крестьянском кладбище села Гавриловки.

Были простые похороны при заходе солнца. Никого из родных умершего не было. Был только Бибиков, я и еще несколько человек кумысников.

Эта смерть произвела на меня гораздо большее впечатление, чем все те сотни смертей, которые я видел за зиму. Почему? Может быть, потому, что цена этой жизни была выше других.

Отдохнув и поправившись у Бибикова, в августе я вернулся в Ясную (4).

[4. Л.Л. Толстой вернулся домой на месяц раньше. 1 июля 1892 года он смог, наконец, подтвердить окончание работы на голоде: «Пишу Вам, милая мама, из Самары, откуда выезжаю завтра утром с нашим санитарным отрядом, поездом на Тулу. <...> Из Патровки вчера выехал при торжественных проводах с хлебом-солью на столе с белой скатертью, со старшинами и пожеланиями самых высших благ земных от народа». -- Там же, № 13923. Л. 1. Автограф. См. также: Толстой Л.Л. В голодные года (Записки и статьи). М., 1900 (на обл.: В голодные годы.., 1901). Курсив мой. -- В.А. С. 142.
3 июля 1892 года он приехал в Ясную Поляну, о чём через день С.А.

Толстая писала сестре в Петербург. -- ОР ГМТ. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3438. Л. 1-3 об. Автограф].

По пути со мной случилось странное происшествие. В большом физическом возбуждении от жары и кумыса я с хутора Бибикова доехал в трясучей плетушке до железнодорожной станции Богатое, отстоявшей в девяноста верстах от хутора. Я боялся не поспеть на поезд, но оказалось, что он запаздывал на целых три часа вследствие разрыва полотна дороги после недавних ливней. Старичок начальник станции пригласил меня подождать у него на пустой квартире, так как семья его уехала куда-то на лето.

Я вошёл в квартиру и в уютной гостиной сел в кресло, покрытое белым чехлом.

Рядом дверь была открыта в спальню, где стояла широкая кровать с голым матрасом.

В кухне возилась кухарка, белолицая благообразная женщина лет тридцати, чисто одетая и очень живая.

Я закурил папиросу, потом другую и, сильно возбуждённый, не знал, как проведу целых длинных три часа в одиночестве.

В это время кухарка быстро прошла мимо меня в спальню и нервными движениями стала, без всякой надобности, переворачивать матрасы на кровати.

Я встал с кресла и стал ходить по комнате. Она ещё раз прошла совсем близко около меня и вернулась назад в спальню.

<…>

Я быстрыми шагами пошёл вон из квартиры, спустился по чёрной лестнице и выбежал в поле. Было совсем темно, и кругом не было ни души.

Я увидел перед собой лощину, в которой росла густая трава, и быстро сбежал в неё. Она, улыбаясь, бежала рядом со мной, сильная и красивая. Я остановился и бросил её на траву.

<…>

Вернувшись в квартиру начальника станции, я больше удивлялся, чем огорчался тем, что случилось.

Подошёл поезд, я занял верхнее место в вагоне третьего класса и заснул как убитый (5).

[5. Отголоски этого события в рассказе Л.Л. Толстого «Склонность к меланхолии (Из студенческих воспоминаний)». -- См.: Весь мир. СПб., 1914, № 18. С. 2-7].

Глава 12

Оставление университета. Воинская повинность в Царском Селе. Литературный Петербург и Мэри. «Освобождение»

Существует мнение о жизни человека, что она должна быть вечно движущейся, изменяющейся и волнующейся, не могущей быть прочно устроенной и установленной. Мнение это верно по отношению к меняющимся формам материи в природе и в человеческом существовании. Но основные законы и условия разумной жизни человека вечны и неизменны, и потому бесконечно важно знать их, и смолоду, раз навсегда.

В чём они?

В том, чтобы родиться и воспитываться в дружной и крепкой семье, все члены которой помогают и служат друг другу.

В том, чтобы быть членами сильного и мирного государства и повиноваться его законам; чтобы выучиться определённому ремеслу или труду и практиковать их; чтобы по возможности не оставлять своей страны, а жить там, где родился; чтобы жениться вовремя и иметь здоровых детей; чтобы быть умеренным, но не крайним; чтобы иметь добрых и умных друзей и не иметь врагов; чтобы познать свои три сущности и быть сильным <ими>, то есть телом, рассудком и душой.

Никто в моей молодости не научил меня этим простым, нужным всем правдам, а напротив, всё, что окружало меня, противоречило им.

Но главное моё несчастье было в том, что я доверял отцу, считая его умным человеком, не могущим ошибаться, между тем как, чем больше я приближался к его взглядам, тем меньше находил для себя прочных жизненных устоев.

Я смутно чувствовал, что то, что он давал, было чем-то искусственным, что учение его было вне жизни, но он до такой степени овладел всей моей душевной жизнью, что я не мог смотреть на мир иначе, как через его взгляды.

Прежде всего я был его сыном и последователем, а потом только студентом и самостоятельным молодым человеком.

Я имел теперь свое собственное состояние и мог распорядиться им; мог, как братья, сделаться помещиком, жениться и оторваться от семьи.

Но разве честно было сделать это, когда я решил отказаться от воинской повинности и присяги, после чего меня, вероятно, сошлют в Сибирь или поместят в дисциплинарный батальон? Как мог я изменить моим взглядам, в которых была «высшая» истина? Я хотел уверить себя в этом, хотя чувствовал, что мне это не удавалось.

Проведя раннюю осень в Ясной, в конце сентября я вернулся в Москву продолжать моё филологическое образование (6). Но после зимы в Самарской губернии жизнь захватила меня с такой силой, что я решил бросить университет и так или иначе покончить с воинской повинностью, призрак которой не давал мне покоя.

[6. Так было осенью 1891 года. Осенью 1892 года Л.Л. Толстой приехал в Москву с твердым решением выйти из университета, как в свое время сделал это его отец. См. об этом ниже].

Когда я объявил родителям об этом решении, мать огорчилась (7), но отец не сказал ничего (8). В сущности, ничего не интересовало его, кроме его личной жизни, даже судьба собственных детей.

[7. Л.Л. Толстой ошибся: его решение поступить на военную службу было принято под несомненным влиянием матери. 4 октября 1892 года С.А. Толстая писала сестре, Т.А. Кузминской в Петербург: «<...> Кстати о Леве. Он только что написал тебе письмо, которое прилагаю и которое прочла. Прошу вас, милые друзья, Саша и Таня, сделайте нам с Лёвой это одолжение, похлопочите, чтоб его приняли в конную артиллерию, узнайте, в какой форме надо подать прошение, кому, куда, нужно ли для этого ехать или можно письменно из Москвы? Ваша помощь и участие мне особенно дороги, потому что уговорить Лёву мне было страшно трудно, опять всё моё сердце перевернулось, и слез и боли душевной мне много стоило. Надо скрутить его решение как можно скорее, а то опять кто-нибудь собьёт. Пожалуйста, похлопочите его определить». -- ОР ГМТ. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3442. Л.1-2. Автограф.

Саша - Александр Михайлович Кузминский (1843-1917) служил в Петербурге по судебному ведомству, постепенно продвигаясь по служебной лестнице.

Во время пребывания в Ясной Поляне осенью 1892 года военного юриста, помощника прокурора в Вильне Александра Владимировича Жиркевича (1857-1927) С.А. Толстая также вела разговор о воинской повинности сына Льва. -- См.: Жиркевич А.В. Встречи с Толстым: Дневники, письма. Тула: Изд. дом "Ясная Поляна", 2009. С. 202-203, 235-238, 561.

8. Официальное прошение о выходе из университета Л.Л. Толстой подал 12 октября 1892 года, о чем он в тот же день сообщил С.А. Толстой в Ясную Поляну. -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13924. Л. 1. Автограф].

Для отбывания воинской повинности я избрал Царское Село, где стоял «Л<ейб>-Гв<ардии> 4-й Стрелковый Императорской фамилии батальон», в котором когда-то служил мой дядя, граф Сергей Николаевич Толстой (9), и другие старинные приятели отца.

[9. С.Н. Толстой в 1849 году закончил курс математического отделения философского факультета Казанского университета. Весной 1855 года он поступил в стрелковый полк Императорской фамилии, где прослужил полтора года и осенью 1856 года вышел в отставку в чине штабс-капитана. -- См.: Толстой С.Л. Очерки былого. 4-е изд., испр. и доп. Тула, 1975. С. 271. См. также: Тульский биографический словарь: В 2-х томах. Тула: Пересвет, 1996. Т. 2. С. 244-245].

Я выбрал гвардию, чтобы познакомиться ближе с петербургской средой, окружавшей Двор и правительство, и поступал вольноопределяющимся,

чтобы служба моя была возможно легче и короче. Теперь только я вижу, до какой степени всё это было нелепо и в корне нечестно. Делаться солдатом добровольно и вместе с тем собираться отказываться от присяги и, благодаря материальным средствам, облегчать себе эту службу наполовину.

Терзаемый всеми этими противоречиями, я всё же подал прошение о принятии меня вольноопределяющимся Л<ейб>-Гв<ардии> в 4-й Стр<елковый> Императорской фамилии батальон и приехал в Царское Село (10), где поселился на квартире лейб-гусара, корнета Эрдели, женатого на моей кузине, Маше Кузминской (11).

[10. 25 октября 1892 года он выехал из Москвы в Петербург. На следующий день С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской: «Мне очень было грустно расставаться вчера с Лёвой, но сегодня я успокоилась и думаю, что ему будет хорошо в Царском.
Командир стрелкового батальона Евреинов -- приятель Саши Берса. <...>только бы Лёва не замкнулся, а общался с людьми, это всегда самое приятное в жизни». -- ОР ГМТ. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3443. Л. 1 об. Автограф.
Встреча Л.Л. Толстого с полковником Сергеем Николаевичем Евреиновым состоялась 2 ноября 1892 года. В тот же день Л.Л. Толстой писал в Москву матери: «Я уже в Царском два дня. <...> Был сегодня у Евреинова, командира батальона, и передал бумаги. Они очень любезны со мной». -- Там же. Архив С.А. Толстой, № 13929. Л. 1. Автограф.

Саша -- Александр Андреевич Берс (1845-1918), старший брат С.А. Толстой.

11. Иван Егорович Эрдели (1870-1937) после свадьбы, состоявшейся 25 августа 1891 года в Ясной Поляне, уехал с женой, М.А. Кузминской (см. о ней в Главе 7), в Царское Село, где по окончании Николаевского кавалерийского училища проходила его офицерская служба в Лейб-гвардии Гусарском полке Его Величества. -- См.: Толстая С.А. Дневники: В 2-х томах. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 203, 209; Сафонова О.Ю. Род Берсов в России. М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999. С. 81].

Меня поместили в тесной и тёмной ванной комнате, худшем помещении из всех тех, в которых я когда-либо жил. Я сшил себе форму, купил стрелковую шапочку с крестом и четырьмя рожками и сделался стрелком (12).

[12. 16 ноября 1892 года Л.Л. Толстой писал матери: «Сегодня первый день моей службы. Было очень тяжело нравственно. Хотя я и ожидал неприятного, но это гораздо хуже того, что я воображал. Со мной продолжают быть очень деликатны и предупредительны, так что с этой стороны ничего не могло быть лучше. Но самое дело

это, то, что заставляли меня проделывать сегодня, -- повёртывание на одном месте, как волчок, отдавание чести и как становиться во фронт, и как отвечать начальству, -- всё это отвратительно и противно, и глупо, и так и ёжится совесть. Даже утешение, что я смиряюсь, что это унижение хорошо для меня, сегодня мне показались только обманом и пустяками. Какое же тут смирение, когда всё время лжёшь нахально и постыдно поступаешь против совести. Ну, да будем ждать, что будет дальше. Пока вынес сегодняшнюю порцию, перенесу и остальное, а главное, привыкну, хоть эта привычка есть ни что иное, как развращение.

Всё-таки мне многое помогает проделывать всё это, а главное, то, что я буду же когда-нибудь свободен от этих обязательных насильных поступков и положений. Конечно, я надеюсь внутренно, а не внешне быть когда-нибудь свободным от необходимости их принятия. Но тяжело, по-настоящему тяжело и трудно орать «громким и бодрым» голосом: «Здравья желаем Вашему Высокоблагородию» и, укротив свой дух и сделавши безучастное тупое выражение лица, поворачиваться «в полуоборот на ле-е- » -- и в то же время в глубине души таить чувство бесконечной скорби о<бо> всём этом зле и мраке людском. Мне дали денщика. Завтра я перехожу во флигель здешнего дома в свою квартирку. Вот и всё. Вообще же я в бодром настроении, несмотря на вышесказанное, и надеюсь, что у Вас всё хорошо тоже». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13931. Л. 1-2 об. Автограф].

В ту осень уже в ноябре завернули лютые морозы выше 20 градусов по Реомюру (13), и я, как несчастный, в моей лёгкой шинели мёрз, как никогда прежде.

[13. Температурная шкала, предложенная французским естествоиспытателем Рене Антуаном Реомюром (Reaumur; 1683-1757), делилась на 80 градусов и позднее была заменена более точной 100-градусной шкалой шведского астронома и физика Андерса Цельсия (Celsius; 1701-1744).

20 градусов по Реомюру соответствует 25 градусам по Цельсию].

Каждое утро я ходил в казармы на ученье, а по вечерам уезжал в Петербург.

Начальство моей роты состояло из командира – полковника Озерова (14) и двух поручиков – Давыдова и Арбузова.

[14. Имя полковника Льва Александровича Озерова впервые появилось в письме Л.Л. Толстого матери от 2 ноября 1892 года в связи с его возможным освобождением от службы: «Сегодня узнал, что, м<ожет> б<ыть>, меня через два месяца отпустят, как Ивана Цингера в Туле. Были такие случаи, когда вольноопред<еляющиеся> не подходят духом к воен<ной> службе. Тогда находят, что они не годятся, и <их> отпускают. Впрочем, боюсь этому радоваться заранее. Всё покажут обстоятельства. Готовлюсь же на целый год испытания. Вы об этом ни с кем не разговаривайте пока. Но это было бы великое счастие. Главное, сам же ротный командир мой будущий -- Озеров, хороший, говорят, человек и влиятельный в батальоне, через Льва Иславина, котор<ый> служил в батальоне, сделал мне это предложение. Завтра я увижу Озерова сам. -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13929. Л. 1-2 об. Автограф.

Иван Васильевич Цингер -- старший сын профессора математики Московского университета Василия Яковлевича Цингера (1836-1907), с семьей которого дети Толстых

дружили. -- См.: Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому: 1862-1910 /Ред. и примеч. А.И. Толстой и П.С. Попова. М.; Л.: Academia, 1936. С. 469-470, 610. С детства болезненный мальчик (он умер раньше отца от сахарного диабета) был наиболее близким по духу Л.Н. Толстому. Он проникся идеей равенства помещиков с крестьянами и, «не кончивши курса технологического института, поселился в имении и начал “чудить”, как говорили о нем в деревне». -- См.: Новиков М. Из пережитого. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. С. 142.

Лев Владимирович Иславин (1866-1934) -- племянник С.А. Толстой].

Давыдов, человек воспитанный, трезвый и тихий, обращался с солдатами гуманно и с уважением; Арбузов, напротив, был вечно пьян и бил солдат по щекам.

Кроме упражнений с винтовкой, я прошел до декабря солдатскую нелепую «словесность» и ждал с нетерпением, когда же, наконец, нас призовут к присяге, чтобы окончательно разрубить гордиев узел, который затянул мою жизнь.

Нервы мои были натянуты до крайних пределов. Здоровье в непривычных тяжелых условиях ещё больше расшаталось, и я желал только одного – скорее кончить со всем этим (15).

[15. 15 декабря 1892 года Л.Л. Толстой весьма лаконично отозвался о текущих делах: «Я каждый день хожу на службу. Теперь <прибыли> новобранцы, и интересно, но горько видеть, как учат их. <...>

Не знаю верно, когда меня отпустят и когда уеду отсюда. Но, во всяком случае, кажется, скоро». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13936. Л. 1-2. Автограф].

В то время я напечатал в «Северном Вестнике», где редакторшей была Любовь Яковлевна Гуревич (16), ещё несколько моих рассказов (17), что занимало меня и давало возможность бывать в литературных петербургских кругах. Центральной их фигурой той эпохи был Лесков со своей седой бородкой и умными светлыми глазами (18).

[16. Л.Я. Гуревич (1866-1940) -- писательница, переводчица, художественный и театральный критик. Впервые она приехала в Ясную Поляну 27 августа 1892 года. -- ПСС. Т. 52. С. 289.

17. Отвечая на вопросы библиографа, историка литературы Семёна Афанасьевича Венгерова (1855-1920), Л.Л. Толстой летом 1901 года особо отметил тот факт, что в журнале «Северный вестник» его произведения печатались под его настоящим именем. -- ИРЛИ, ф. 377, собр. 1, № 2743. Л. 1 об. Однако произошло это уже после возвращения

Л.Л. Толстого из Петербурга домой. -- См.: Толстой Л.Л. Синяя тетрадь //Северный вестник. СПб, 1893, № 12. С. 101-149; Толстой Л.Л. Совершеннолетие //Там же, 1894, № 2. С. 123-135; Толстой Л.Л. В Татьянин день //Там же, 1894, № 7. С. 1-24.

18. Л.Л. Толстой познакомился и подружился с Николаем Семеновичем Лесковым (1831-1895) в конце 80-х годов. -- См.: Сын и отец: По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л. Толстого /Подготовка текстов, публикация и коммент. В.Н. Абросимовой и С.Р. Зориной //Лица: Биогр. альманах. М.; СПб.: Феникс-Atheneum, 1994. Т. 4. С. 175-176. См. также: Письма Л.Л. Толстого к Лескову /Предисловие, публикация и комментарии В.Н. Абросимовой //Неизданный Лесков: В 2-х книгах. М.: Наследие, 2000 (Литературное наследство. Т. 101). Кн. 2. С. 409-415.

В первоначальном варианте книги имя Лескова появилось в связи с «Северным вестником» с таким дополнением: «Из них самым выдающимся был Лесков. Он смотрел на меня своими любопытными добрыми и большими глазами и говорил об отце, хотя и с большим восхищением, как о писателе, но с оттенком недоверия, почти насмешки, как о философе». -- ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 71. Черновой автограф].

В Петербурге бывал я также у Кузминских и Урусовых (19). Княгиня Урусова, жена Леонида Дмитриевича, друга отца и бывшего тульского вице-губернатора, жила со своими тремя дочерьми на неуютной квартире, в которой стоял лютый холод. Старшая дочь Мэри нравилась мне не только тем, что была первоклассной пианисткой, но и своей одухотворенностью (20).

[19. Близкий друг Л.Н. Толстого, Леонид Дмитриевич Урусов (1837-1885) с 1876 года до конца жизни служил в должности Тульского вице-губернатора. Его брак с Марией Сергеевной Урусовой (урожд. Мальцевой; 1844-1904) оказался неудачным. Жена большую часть времени жила в Париже. Она вернулась в Россию и поселилась в Петербурге только после смерти супруга. -- См.: Толстая С.А. Письма к ЛС. 158; Толстой С.Л. Очерки былого. -- С. 67.

В начале мая 1891 года М.С. Урусова с дочерьми приезжала в Ясную Поляну. -- См.: Толстая С.А. Дневники. -- Т. 1. С. 183-184.

Л.Л. Толстой с неприязнью вспоминал М.С. Урусову: «А сама старая княгиня Урусова мать показывала мне скабрезные гравюры, при чем упиралась рукой о мои колени». -- ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 71. Черновой автограф.

20. 5 февраля 1895 года С.А. Толстая записала в дневнике: «Сегодня в “Новом времени” поразительное известие о смерти Мэри Урусовой. Ей всего было 25 лет, было в ней что-то особенное, артистическое, музыкальное и нежное. Теперь душа её с отцом; она не ужилась с грубостью матери. Бедная девочка!» -- Толстая С.А. Дневники. -- Т. 1. С. 235. На самом деле Мария Леонидовна Урусова (1867-1895) была двумя годами старше.

Л.Л. Толстого с нежностью вспоминал Мэри: «Петербург того времени показался мне холодным и неприятным. К тому же я буквально мерз в моей солдатской легкой шинели. Только два светлых лица остались у меня в памяти от того Петербурга и я вижу их сейчас, как живых, перед собой, -- Лесков и Мэри.

Почему они, а не другие? Потому, что в них жила определенно выраженная глубокая духовность, светившаяся в их глазах и обликах». -- ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 71. Черновой автограф].

Бедная Мэри страдала всячески и от петербургской русской среды, и от климата, так как до этого всегда жила за границей.

Я любил встречать внимательный взгляд ее больших светло-голубых глаз с черными ресницами и читать в них глубокую душевную драму, любил греть ее ледяные породистые руки и слушать ее прекрасную страстную игру.

В мрачную северную зиму, гуляя однажды по парку Царского Села, я увидел Царя Александра III (21). Он ехал в коляске и держался прямо, внимательно смотря вокруг себя. Впечатление было короткое, но как от сильного человека.

[21. Александр III, император России с 1881 года. См. о нём в Главе 10].

Вспоминаю, что мой отец интересовался этим царём.

Кто-то из Петербурга рассказал ему как-то, что Александр III однажды в манеже, где Императрица (22) верхом брала препятствия, громко и при всех крикнул ей вдогонку:

– Дура.

Отец не мог переварить такой невоспитанной грубости от русского императора.

В другой раз я встретил в парке Императрицу Марию Федоровну, проехавшую мимо меня в санях с другой дамой. Я не узнал ее и не встал перед ней во фронт.

Тогда городской полицмейстер Царского, ехавший за Царицей, крикнул мне сердито: «Как вам не стыдно, разве вы не видите, что это *Государыня Императрица*?» На другой день мой командир вызвал меня к себе на квартиру и сделал мне строгий выговор (23).

[22. Императрица Мария Фёдоровна Романова (урожд. Мария-София-Фредерика-Дагмара; 1847-1928), дочь датского короля Христиана IX (Christian; 1818-1906).

23. В письме сестре М.Л. Толстой в Москву из Царского Села Л.Л. Толстой в конце ноября -- начале декабря 1892 года рассказал о том, как проходит его служба: «Вчера в Петербурге видел кн<ягиню> Урусову с 3-мя дочерьми. Они приехали на зиму, и я буду их видать. Бываю я кое-где в Пет<ербурге>, нарочно не отказываясь от случаев, и вижу много любопытного. <...> Хочу всё начать, но никак не осмелюсь. Это про свою службу и отношение к ней. К счастью, кажется, мне не придётся проделывать одну из самых больших неприятностей -- это присягу. Её дают летом, а мне, по всей вероят<ности>, служить ещё только месяц. Но я думаю, что в том настроении, какое у меня в последнее время, я бы не мог всё-таки сделать это. Оказывается, это обставляется с такой торжественностью и гипнотизацией и с такой скверной и греховной гипнотизацией -- солдаты с обнаженными штыками окружают тебя и ведут, и тут же офицеры молодые присягают, и т.д., что трудно было бы все это вынести.

Сегодня со мной случилась маленькая история.

В парке я гулял, и меня обогнала Государыня на паре с другой какой-то дамой, вероятно, Мар<ией> Пав<ловной>, и я не отдал чести -- прозевал, да и не знал, что это Государыня. Сзади ехал градоначальник, должно быть, здешний. Я отдаю ему честь, а он кричит мне: «Ах! да разве не видите, что это Императрица? Как Вам не стыдно!..». Он пролетел за передней парой так быстро, что разговор на этом наш прекратился. Это бы ещё ничего. Но до этого минут за пять со мной случилась другая почти подобная история. Когда я вышел из парка к воротам, откуда должны были выезжать все те, которых ждали сегодня, я не заметил тут одного офицера, кот<орый> стоял у ворот. Он подозвал меня.

-- Стрелок, твой билет! -- грубо закричал.

Я отвечаю, что у меня такого нет.

-- Ты ходишь тут, один раз не отдал чести мне, видишь, офицер стоит, а теперь проходишь и смеёшься мне в лицо.

Дело в том, что я, дойдя до конца дороги, повернулся, чтобы идти назад в парк. Тут меня заметили и воротили, указав дорогу другую, по кот<орой> не рассчитывали, что поедет Государыня, и я пошёл. Но офицер, кот<орого> я не заметил, -- остальные были полицейские -- опять воротил меня. Вот тут-то он и потребовал билет, которых нам и иметь-то не нужно. Смеяться же я, долж<но> быть, действительно улыбался, когда сторож воротил меня и указал другую дорогу. Ну, я отвечаю, что я вольноопредел<яющийся>, что у меня билета нет и не нужно.

-- Какой роты?

-- Третьей...

-- Фамилия?

-- Граф Толстой.

Офицер мой берет под козырек и, махнув рукой, поворачивается от меня. Я пошёл, и тут-то нагнала меня Государыня. Не знаю, что за это мне будет, во всяком случае, любопытно, правда? И лучше всего то, что меня чуть не задавили, с дороги сшибли, и мне же должно быть “стыдно”.

<...> Скверно я описал всё, да не хотел совсем писать об этой глупости. Ну, да всё равно». -- ИРЛИ, ф. 303, № 103. Л. 1-3 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого. Документ датируется по содержанию.

Л.Л. Толстой приступил к службе 16 октября 1892 года. В конце ноября 1892 года Л.Н. Толстой переехал с дочерьми в Москву. Об этом 29 ноября 1892 года М.Л. Толстая написала фельдшерице Елене Михайловне Персидской (род. в 1865

году), работавшей с Толстыми на голоде. -- ОР ГМТ. Архив М.Л. Оболенской, п. 2. Л. 16. Автограф. См. также: Толстая С.А. Дневники. Т. 1. С. 219.

Этот эпизод, как и пребывание Николая Глебова в Царском Селе, воссоздан в романе Л.Л. Толстого «Поиски и примирение». -- См.: Ежемесячные сочинения. СПб., 1902, № 9.

"на паре" -- запряжка в две лошади.

"с другой какой-то дамой" -- вероятно, речь ид`т о великой княгине Марии Павловне Романовой (урожд. Марии-Александрине-Элизабете-Элеоноре, герцогине Мекленбург-Шверинской; 1854-1923), супруге великого князя Владимира Александровича Романова (1847-1909)].

Через неделю он ещё раз потребовал меня к себе, объявив, что придумал способ отделаться от меня совершенно. Перед Рождеством медицинский совет военных докторов осмотрит меня и, вероятно, признает, вследствие слабого моего здоровья, негодным для продолжения военной службы.

Таким образом, я даже не буду приведён к общей присяге, которая была теперь назначена на 1 января.

И не успел я хорошенько уяснить, следовало ли радоваться этому новому событию в моей жизни или огорчаться, как действительно, за неделю до Рождества военные доктора выстукали и осмотрели меня и дали синюю бумажку, навсегда освобождавшую меня от военной службы.

– И поезжайте себе домой к празднику, – добродушно сказал мне мой начальник, – и дай вам Бог всякого счастья (24).

[24. 23 декабря 1892 года С.А. Толстая из Москвы поделилась своей радостью с Т.А. Кузминской: «Ужасно всех нас обрадовало известие, что Лёву отпустили совсем. Надеюсь, что болезни у него всё-таки нет никакой. Бог послал ему счастье за то, что мать пожалел и ничем не огорчил, пошел в солдаты с камнем на своем сердце, но снял его с моего. Всё это я говорю совершенно искренно и прошу тебя ему передать вместе с моими нежными к нему чувствами». -- ОР ГМТ. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3447. Л. 1-1 об. Автограф].

Когда я вернулся в Москву (25), отец, как всегда, встретил меня равнодушно, а сам я чувствовал себя приниженным и виноватым. Моя свобода, вместо того чтобы радовать меня, как будто ещё придавила меня морально.

[25. В книге «Моя жизнь», над которой С.А. Толстая работала в 1909-1910 годах, возвращению сына в Москву под Новый, 1893 год, посвящен такой фрагмент: «И вот в то время, как в зале горела ёлка и дети веселились, получали свои подарки, кто-то позвонил, послышались шаги на лестнице, дверь отворилась, и вошел Лёва. Это был не человек, а привидение. Как только я на него взглянула, так и замерла на месте. Всё веселье погасло сразу. Он был худ ужасно. Когда он улыбался, зубы были как-то особенно видны, щеки ввалились, и делалось жутко. Я не могла скрыть своего горестного волнения, когда здоровалась с ним, и он это заметил.

-- Да, я что-то не совсем здоров, -- говорил он. -- Но теперь меня отпустили, всё хорошо, я поправляюсь, -- говорил он.

Но он долго, долго не поправлялся». -- Там же. Архив С.А. Толстой, № 37695. С. 313. Машинопись].

Отцовское ученье, не дав мне познать основных вечных законов и условий разумной жизни человеческой, неизменных и незыблемых, – потому что он не познал их сам, – сделало меня несчастным и больным физически и духовно.

Эта болезнь продолжалась несколько лет и кончилась моей женитьбой.

Она выражалась не только в общей слабости и упадке жизненной энергии, но и в острых головных болях темени, в болях на месте солнечного сплетения и в бездеятельности всех органов.

Глава 13

Моя долгая болезнь и отношение к ней родителей. Доктора. Санаторий Ограновича. Смерть Ванечки. Дедушка Ге, Верочка Северцова и Веселитская

Под влиянием ученья отца мне серьёзно казалось в те годы, что вот-вот, очень скоро случится что-то необыкновенное на земле, и мир, благодаря этому учению, преобразуется.

Но ничего не случалось, кроме того, что солнце ежедневно всходило и заходило, что зиму сменяла грязная и шумная московская весна, за которой наступало жаркое лето. Было ещё и то, что здоровье моё

надламывалось всё больше, и я терял всякую охоту жить (26).

[26. Летом 1893 года Л.Л. Толстой уехал на хутор А.А. Бибикова в Самарскую губернию лечиться кумысом. С.А. Толстая позднее писала: «Кумыс ему не помог, и в июле Лева вернулся в Ясную Поляну, не прибавив ни одного фунта веса и на вид всё такой же худой, бледный и больной». -- Там же, № 37696. С. 29. Машинопись].

Дневник моей матери с 1893 по 1895 год полон заметок о моей болезни, источник которой она угадывала лучше других.

Она записывает: «Я верю в дурных и добрых духов. Дурные овладели человеком, которого я люблю, хотя он этого не замечает. Влияние его пагубно. Его сын и дочери идут к своей гибели, как все те, кои входят с ним в сношение. День и ночь я молюсь за детей…» (27).

[27. Не вполне точная цитата из дневниковой записи С.А. Толстой от 5 ноября 1893 года. Ср.: Толстая С.А. Дневники. Т. 1. С. 221-222].

Через год она записывает следующую сцену после того, как знаменитый доктор Захарьин (28) нашёл меня в плохом состоянии: «Бедный Лёва, как он страдает последнее время от недоброжелательного отношения к нему отца. Вид больного сына нарушил душевный покой Льва Николаевича и мешает ему жить сибаритом. Это тоже раздражает его. Не могу вспомнить без боли черных болезненных глаз Лёвы и того выражения печали и упрека, с которым он смотрел на отца, осуждавшего его за его болезнь и не желавшего в неё верить. Л[ев] Н[иколаеви]ч никогда не болел так, но чуть ему нездоровится, как он уже делается капризным и нетерпеливым» (29).

[28. 26 июля 1893 года ослабевший Л.Л. Толстой в сопровождении старшей сестры Т.Л. Толстой поехал в Москву и на следующий день был принят известным терапевтом, профессором Московского университета Григорием Антоновичем Захарьиным (1829-1896), лечившим семью Толстых. -- ПСС. Т. 66. С. 370. Ещё раз Л.Л. Толстой был у Г.А. Захарьина 20 октября 1893 года, когда и было решено везти его за границу. В тот же день Т.Л. Толстая отправила Л.Н. Толстому в Ясную Поляну подробный отчет о посещении врача: «Милый папа,

Сейчас приехали с Лёвой от Захарьина и я спешу сообщить тебе то, что он нам сказал. Я говорила с ним наедине после совещания с Лёвой и Флёровым и спросила, что мне написать тебе о нём. Он говорил опять то же самое: никакой органической болезни нет; есть испорченность желудка и пищеварения и расстройство нерв<ов> очень сильное. Я спросила: как он думает, чем это может кончиться?

З<ахарьин>. По всей вероятности, полным выздоровлением, если не привьется какая-ниб<удь> новая болезнь.

Я. Умереть от той болезни, кот<орая> сейчас у него, нельзя?

З<ахарьин>. Нельзя. Если вы знаете физику, то я приведу вам пример из неё. Ваш брат в теперешнем положении, как конус на верхушке. Если бы он стоял на основании, его было бы труднее повалить, а в том положении, в кот<ором> он, т.е. стоя на вершине, всякий толчок может его опрокинуть.

Я. Если эта болезнь не пройдёт, то чего можно ожидать?

З<ахарьин>. Всё большего ослабления и к этой слабости присоединения ещё новой болезни.

Я. Не может это перейти в психическое расстройство? Я вас об этом спрашиваю не потому, чтобы я видела признаки этого, а потому, что я видала такие примеры вследствие малокровия и нервности. (Я вспомнила Ефремова).

З<ахарьин>. Нет. Принимая в соображение наследственность и зная ваших родителей, я думаю, это невероятно. Совет его следующий: уехать в теплый климат для того, чтобы возможно было пользоваться воздухом. Выбрать Ниццу или Канн<ы>. Потом клистиры с тан<н>ином, внутрь бром и ляпис. Со временем, когда желудок поправится, -- лечение водой. Лев теперь не хочет со мной ехать, а хочет пригласить с собой молодого доктора Горбачёва, который был у него в Самаре на эпидемии. Я не знаю, хорошо ли это будет. Мне отчасти жаль, что он не берет меня, -- я думаю, что я в хозяйственном отношении была бы ему полезнее. Я боюсь, что ему наговорили слишком о том, что мне оч<ень> не хочется с ним ехать. А мне оч<ень> не хотелось больше всего потому, что я боялась, что я буду видеть, что он себе вредит, и буду к нему из-за этого приставать и надоем и выйдут у нас ссоры, а ему из поездки никакой пользы. Настроение его мне кажется гораздо лучше, чем было. Он с мама очень терпелив, и мне кажется, что даже эта маленькая перемена, что он переехал из Ясной в свой флигель, которым он оч<ень> доволен, его уже подбодрила. <...> Я очень, кажется, как никогда, -- соскучилась по тебе, и поехала бы сейчас в Ясную, как и хотела, если бы не Лёва. Он думает недели через полторы-две уехать, и я уже это время пробуду с ним<...>. -- ОР ГМТ. Архив Л.Н. Толстого. Б.Л., п. 111/2. Л. 1-2 об. Автограф.

“Я вспомнила Ефремова” -- о ком идёт речь, установить не удалось.

“клистиры с тан<н>ином” -- водный раствор таннина (дубильной кислоты) использовался в медицине как вяжущее средство при воспалительных процессах слизистой оболочки и атонических поносах. -- См.: Энциклопедический словарь /Издатели Ф.А. Брокгуаз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. XXXII-а. С. 603.

29. Не вполне точная цитата из дневниковой записи С.А. Толстой от 4 августа 1894 года. -- Ср.: Толстая С.А. Дневники. Т. 1. С. 223].

Мать отлично понимала серьёзность моей немощи и, сильно любя меня, делала всё, что могла, чтобы меня спасти. Она говорит обо мне с особенной нежностью в

своём дневнике, называя меня исключительным существом, добрым, не созданным для этого мира, и ужасается при мысли потерять меня.

«Я страдаю за него болезненно, – пишет она, – на нём сосредоточена вся моя жизнь и все заботы. Невозможно примириться с этим несчастьем. Ни на минуту не перестаю думать о нём» (30).

[30. Не вполне точная цитата из записи С.А. Толстой от 2 августа 1894 года. -- Там же. С. 222].

Когда профессор по нервным болезням в Московской клинике Кожевников (31), осмотрев меня, объявил родителям, что мне остаётся по большей мере два года жизни, отец пришел ко мне и стал «утешать», говоря, что «*каждому дан свой круг жизни:* одному – сто лет, другому – два года, третьему – двадцать пять» (32).

[31. Алексей Яковлевич Кожевников (1836-1902) -- невропатолог, профессор Московского университета, консультировал Л.Л. Толстого зимой 1894 года. -- Там же. С. 234.

18 декабря 1894 года С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской: «Лёва, который не выносит шума, уезжал к Толстым и там лежал весь вечер. Он катается всякий день, но здоровье его очень плохо. На днях я приглашала двух докторов по нервным болезням: профессора Кожевникова и Рота. Нашли Лёву очень плохим, мало дали надежды на полное выздоровление; нашли болезнь кишок и крайнее нервное расстройство; советовали лечение электричеством. Но Лёва уперся, ничего не хочет делать, на днях упрекал меня за то, что вместо того, чтобы за ним ходить, я мучаю его докторами; рыдал, сердился, жаловался, говорил о самоубийстве. Измучил он меня до крайности, а сам все пропускает время и дает болезни развиваться и усиливаться». -- ОР ГМТ. Архив Т.А. Кузминской, п. 27, № 3475. Л. 1 об.-2. Автограф.

“...к Толстым...” -- семья С.Н. Толстого зимой 1894 года жила в Москве. Владимир Карлович Рот (1846-1916) -- приват-доцент Московского университета, специалист по неврастении.

О том, насколько тяжелым было состояние Л.Л. Толстого в то время, свидетельствует и фраза Л.Н. Толстого в письме В.Г. Черткову от 21 октября 1894 года: «...умирает Лёва» -- ПСС. Т. 87. С. 299.

32. Ср. фрагмент письма Л.Н. Толстого дочери Маше от 11 декабря 1894 года из Москвы в Ясную Поляну: «...Жизнь и смерть не в нашей власти. И надо делать, что можно, но всегда помнить это и быть готовым расставаться со всеми. ... Мама тебе, верно, пишет о Кожевн[икове] и Роте и их суждениях. Мне не так грустно, как ей, п[отому] ч[то] не верю в безнадежность положения. Духовная сила всемогуща и может проснуться во всякую минуту. ...» -- Там же. Т. 67. С. 287-288].

Никогда не забуду, с каким ужасом я взглянул на него, не веря, что он может быть таким жестоким. До сих пор я не понимаю, как мог он сказать это. Вероятно, чтобы утешить самого себя в случае моей смерти, забывая, что приговорённым-то был именно я.

Эгоизм его не знал пределов.

Этот эпизод поучителен… У отца была чувствительность, но совсем другая, чем у других. Только когда она касалась его самого приятно или неприятно, он начинал что-то чувствовать. Иначе он был бесчувственен, как гранит. Не в осуждение ему я говорю это, а для понимания его характера.

За период моей болезни меня показывали многим докторам: доктору города Тулы Рудневу (33), который прописал мне солёные ванны, московским Захарьину, Белоголовому (34), Кожевникову и Ограновичу, парижским – Потену (35) и Бриссо (36).

[33. Статский советник, доктор медицины, старший врач Тульской губернской земской больницы Александр Матвеевич Руднев (1842-1901) в течение многих лет лечил семью Толстого. -- См. о нём: Памятная книжка Тульской губернии на 1900 год. Тула, 1900. Отд. I. С. 145; Поляков П.В. Выдающиеся представители медицинской интеллигенции г. Тулы второй половины XIX в. // Сюжеты интеллектуальной истории Тульского края: [Сб. статей.] Тула, 2007. С. 142-143.

34. Доктор Николай Андреевич Белоголовый (1834-1895) позднее вспоминал о своей встрече с Л.Н. Толстым 13 ноября 1894 года в Москве, вызванной желанием отца понять природу болезни сына. О самом же пациенте доктор писал так: «Самый лучший и способный сын гр. Л.Н. Толстого, уже начавший приобретать некоторую известность первыми своими литературными произведениями. <…> Это был молодой 25-летний человек, страшно исхудалый, бледно-жёлтый и совершенно развинченный: он даже не мог сидеть на стуле и прежде всего попросил позволения развалиться на диване. Рассказ его о болезни был неудовлетворителен, страдал большим субъективным преувеличением и односторонностью и слишком много отводил места жалобам на лечивших его прежде врачей, так что беспрестанно приходилось останавливать поток этих жалоб и приводить больного к фактической передаче дела. И объективно исследование его было очень затруднительно и обнаружило такую повышенную чувствительность, что больной ёжился и стонал от всякого удара молотка, от прикосновения стетоскопа… у меня сложилось убеждение, что я имею дело с неврастеником, страдающим катаром кишок с сильно нарушенным питанием». -- См.: Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПб., 1901. С. 550-551.

35. Пьер Карл Потен (Potain; 1825-1901) -- парижский врач, член французской Академии, который в феврале-марте 1894 года консультировал Л.Л. Толстого. -- См.: ПСС. Т. 67. С. 39-40, 44-45.

36. Эдуард Бриссо (Brissaud; 1852-1909) -- психиатр, невропатолог, советами которого Л.Л. Толстой пользовался в Париже. -- См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Правда, 1987. С. 318-325].

Каждый из них советовал своё и давал лекарства. Захарьин отправил меня в Cannes, где я пробыл осень. Белоголовый посоветовал компресс на живот (он в своих записках упоминает обо мне), Кожевников приговорил меня к смерти. Бриссо хотел держать меня в Париже и лечить водой, Потен дал кучу лекарств, которые я бросал в ватерклозет.

Мрачное и тяжелое впечатление произвело на меня первое посещение Европы вместе со старшей сестрой Таней, которая возила меня по докторам (37).

Сначала мы остановились в Вене (38), где были с поклоном от отца у Берты Сутнер, тогда знаменитой своей книгой «Die Waffen nieder» (39). Она приняла нас с удивлением в своей скромной квартирке.

Во Франции мы видели другого знакомого и поклонника отца – Charles Richet (40), который сказал нам, что он не любил Наполеона (41) за то, что он «pour son propre plaisir a fait tuer des millions» (42).

[37. Л.Л. Толстой ошибся: Т.Л. Толстая приехала к брату в Париж 20 февраля (4 марта) 1894 года -- См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник... - С. 306. А в первую поездку за границу больной Л.Л. Толстой пригласил с собой доктора В.Н. Горбачёва, с которым он вместе работал на голоде (см. об этом в Главе 10). Они выехали из Москвы в климатический курорт Канны 13 ноября 1893 года. -- ПСС. Т. 87. С. 231.

Первое письмо Л.Л. Толстого из Канн домой датируется 6 декабря (24 ноября) 1893 года: «Сегодня встали -- опять чудесный день и жарко на солнце до 4-х часов. Ходили гулять. Взяли омнибус и поехали довольно далеко за город, в предместье Восса. На берегу моря собирали раковины на теплом песке, отскакивали от прибоя моря, смотрели на красивые приморские Альпы и серебряный морской горизонт. Назад тоже взяли омнибус. Разговаривали с кучером и пассажирами, которые продолжают восхищать меня своим прекрасным отношением, любезностью и учтивостью. Мы, русские, совсем не привыкли к этому. Везде растительность удивительная. Пальмы, мимозы, эвкалипты, оливковые, каштановые, фиговые деревья, платаны, розы и т.д. Все зелено и похоже на громадную оранжерею. <...> Сегодня я увидел, что всё-таки надо делать что-ниб<удь>, а то будет скучно, т.е. этого слова я не признаю, а тяжело.

Прогулки, воздух, солнце, но целый день этого нельзя и потому надо хоть чтение, достану в библиотеке намеченное мной для чтения по-французски и <по->английски.

<...>

P.S. Вчера вечером Горбачев “прощупывал” моё брюхо, и мы нашли всё-таки, что есть улучшение.

Что-то у Вас? Все стало интересно здесь вдали, и видишь, что у Вас настоящее, а тут так себе, “одна мразь”, пустота от этих богатых курортных городов». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13938. Л.1-2 об. Автограф. Предместье Ла Бокка расположено в 3-х км от Канн. -- См.: Лазурный Берег: [Альбом]. М., 1998. С. 83.

38. 29/17 ноября 1893 года Л.Л. Толстой писал отцу: «Вчера в 4 часа приехали в Вену. Ехали из Варшавы ночью и рано утром были на таможне, где за табак и чай с нас взяли пошлину. <...> Вообще столько этих формальностей, что просто беда. <...> То осмотр, то санитарный врач пристает <с разговорами> о холере, то требуют паспорт. В Моравии любовались из окон прекрасными австрийскими полями и дорогами, везде обсаженными рядами фруктовыми деревьями. Видно, что это всё возделано, выхожено старательно, насажены посадки, прорыты канавы для искусств<енного> орошения, деревни и города чистые, постройки белые с черепичными крышами. В Вене уже совсем Европа». -- ОР ГМТ. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/10, № 26. Л. 1-2 об. Автограф.

39. Баронесса Берта фон Зутнер (Suttner; 1843-1914) -- австрийская писательница, пацифистка, корреспондентка Л.Н. Толстого; позднее -- лауреат Нобелевской премии мира (1905).

Журнал «Долой оружие!» издавался Б. фон Зутнер в 1892-1893 годах в Берлине, Лейпциге, Дрездене и Вене. Л.Н. Толстой знал это издание и с похвалой отозвался о нём в письме В.Г. Черткову: «Хороший журнал». -- ПСС. Т. 87. С. 232. В то время, когда Л.Л. Толстой искал возможности встретиться с Б. фон Зутнер, он еще не знал, по всей видимости, о том, что Б. фон Зутнер только что опубликовала фрагмент трактата Л.Н. Толстого «Царство Божие внутри вас...», посвящённый бесчеловечности рекрутского набора. -- Ср.: ПСС. Т. 28. С. 229-264; Tolstoi L. Vor der Rekrutierungs. -- Commission // Die Waffen nieder! Monatsschift zur Fцrderung der Friedensbewegung. Herausgegeben von Baronin Bertha von Suttner. Dresden; Leipzig, 1893, № 10. S. 391-393.

40. Шарль Рише (Richet; 1850-1935) -- французский физиолог, психолог, редактор журнала «Revue scientifique», -- был у Л.Н. Толстого в Ясной Поляне 20 августа 1891 года. -- ПСС. Т. 52. С. 50; Толстая С.А. Дневники... -- Т. 1. С. 207. О встречах Л.Л. Толстого и его старшей сестры с Ш. Рише в Париже см.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник... С. 325.

41. Наполеон I (Napolйon Bonaparte; 1769-1821) -- император Франции, основатель династии Бонапартов (от итал. buona parte -- сторонники хорошего дела).

42. “для собственного удовольствия загубил миллионы” (фр.)].

В Париже мы остановились сначала на rue du Helder, потом переехали в Латинский квартал на rue des

Ecoles в тесный пансионат (43), где жил Димер Бобринский (44), слушавший лекции в Сорбонне (45). Он привез с собой из Богородицка молодую русскую бабу, которая каждый день примеряла себе новые шляпки.

[43. Л.Л. Толстой ошибся: он сначала остановился на Рю дез Эколь, 41, а потом переехал на Рю дю Элдер. В его письмах В.Г. Черткову из Парижа от 3 февраля (нового стиля) 1894 года и от 7/19 марта 1894 года, названия улиц указаны в такой последовательности. См. также запись Т.Л. Толстой от 1 марта (нового стиля) 1894 года: «Вчера переехали сюда в rue du Helder. Взяли три комнатки. Но и тут нехорошо: темно, пыльно и в центре города. Это по рекомендации Бриссо. Будем пока слепо его слушаться». -- Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник... С. 322.

44. Владимир Алексеевич Бобринский (1867-1921) -- сын тульского помещика, друживший с детьми Толстыми. В Париже присутствие давнего знакомого было особенно важно, т.к. доктор В.Н. Горбачев вынужден был срочно вернуться в Россию и до приезда старшей сестры Л.Л. Толстой оставался один в чужом городе. Благодаря поддержке внимательного соотечественника, он не так страдал.

Ошибся Л.Л. Толстой только в одном: вместе с Димером он поселился в отеле на Рю дез Эколь. Об этом он сообщил Л.Н. Толстому вскоре после приезда в Париж: «Пишу, как обещал, в среду. Продолжаю быть довольным своим решением остаться в Париже. Устроился отлично. Комната с постелью, камином и столом. Рядом две комнаты Димера. Он то ко мне, то я к нему захаживаем. <...>
7/II/94
26/I
Париж.
Rue des Ecoles 41ї. -- ОР ГМТ. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/10, № 30. Л. 1-2 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

45. Сначала богословская школа и приют для бедных студентов, основанный в 1253 году Робером де Сорбоном (Sorbon), духовником Людовика IX (Святого; 1214-1270). С середины XVII века богословский коллеж был объединен с богословским факультетом Парижского университета, а с 1790 года богословская школа перестала существовать. В 1808 году Декретом Наполеона все здания Сорбонны были отданы в распоряжение Парижского университета].

Раз вечером, когда я вышел пройтись и подышать воздухом, две легкого поведения девицы атаковали меня, предлагая странного вида сладкие пирожки, но я посмотрел на них таким печальным и удивленным взглядом, что они отстали от меня, но разразились громким хохотом.

«Ne vois tu pas que c’est un informe!!» (46) – кричала одна, изгибаясь от хохота.

Из всех докторов, лечивших меня в те годы, наконец нашелся один, советы которого вывели меня на путь здоровья. Это был Огранович – доктор моей тети, графини Марии Николаевны Толстой, сестры отца (47), – который имел в то время санаториум возле Москвы, в чьей-то помещичьей усадьбе, которую он нанимал (48).

[46. “Не видишь разве, что он болен!!” (фр.)

47. М.Н. Толстая (1830-1912) -- монахиня Шамординского женского монастыря.

48. Михаил Петрович Огранович (1848-1904) в 1889 году основал санаторную колонию для нервных больных близ деревни Аляухово Звенигородского уезда Московской губернии. Его сын позднее писал: «<...> В то время не было железнодорожной ветки от станции Голицыно Западной (тогда Московско-Брестской) ж<елезной> д<ороги> до станции Иславской в сторону Звенигорода, и ехать надо было от Голицына на лошадях 9 верст по шоссе, а затем 4 версты по покрытому гатью проселку, пересекаемому ручьями. Здесь, хотя и близко от Москвы, была полная тишина лиственного леса и вообще девственная природа. Санитарная колония была расположена высоко над прудом, на другом берегу которого раскинулась по косогору деревушка Аляухово. Колония занимала старинный двухэтажный деревянный дом и ряд флигелей. Элементарные теперь вещи в санаторной жизни тогда удивляли глаз и очень не вязались с привычными представлениями о больнице. В колонии были введены “рекреации”, то есть физический труд и спорт, устроена была водолечебница и электролечебница, а на скотном дворе доили кобыл и кумысом поили больных. “Курзал” был самым большим флигелем, где была столовая с театральной сценой и устраивались спектакли, для которых жена доктора писала двухактные пьесы и сцены». -- См.: Огранович С.М. Л.Н. Толстой в санитарной колонии доктора М.П. Ограновича. -- ОР ГМТ. Архив Н.Н. Гусева. Кп-21732, № 3018/1 Л. 4. Машинопись. Статья С.М. Ограновича написана по просьбе Н.Н. Гусева на основе семейных преданий и приложена к его письму от 8 марта 1954 года. Благодарю за уточнения петербургского историка Ю.И. Сафронова].

Когда я вернулся домой, всё тот же больной из Франции (49) пригласил меня к себе в деревню, и я с радостью принял его приглашение, более чем когда-либо нервничая <из-за> жизни семьи (50).

[49. 18 марта 1894 года Л.Л. Толстой в сопровождении старшей сестры вернулся в Москву. -- См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник... С. 340; ПСС. Т. 87. С. 265.

50. Это произошло в феврале 1895 года. После встречи с доктором, сумевшим разгадать причину длительного болезненного состояния Л.Л. Толстого и подсказать родителям, чем они могут помочь сыну, 21 февраля 1895 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «Вчера Огранович помог мне отнестись справедливее к Леве. Он объяснил мне, что это скрытая форма малярии -- гнетучка. И мне стало понятно его состояние и стало жаль его; но всё не могу вызвать живого чувства любви к нему». -- ПСС. Т. 53. С. 10].

Огранович заставил меня по три, четыре раза в день есть гречневые каши на воде, так называемые «размазни», для оживления кишечника и лежать целыми днями в саду прямо на снегу. Он находил, что моя болезнь не что иное, как застарелая форма малярии, от засевших во мне микробов тех самых лихорадок, которыми я болел в детстве, и что летом мне нужно было бы уехать в Финляндию, в Ганге, где чистая гранитная почва.

Позднейший ход моего выздоровления так или иначе оправдал диагноз Ограновича, и я остался навсегда благодарен этому талантливому врачу (51).

[51. Л.Л. Толстой всегда с благодарностью отзывался о докторе Ограновиче. См. его вариант автобиографии «Данные моей жизни с 1869 по 1901 (весной)» в публикации: Сын и отец... //Лица... - Т. 4. С. 194-195, 200-201. Он пробыл в санатории несколько месяцев, пока не окреп. 20 марта 1895 года его в Аляухово навестили родители и прожили там несколько дней. Об этом С.М. Огранович писал Н.Н. Гусеву 14 мая 1965 года. -- ОР ГМТ. Архив Н.Н. Гусева. Кп-21732, № 3018/2. Автограф. См. также: ПСС. Т. 62. С. 52; Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2-х томах. М.: НЛО, 2004. Т. 1. С. 133].

23 февраля 1895 года в санаторию неожиданно приехала ко мне из Москвы моя троюродная сестра Верочка Северцова, которую все считали тогда моей невестой (52).

[52. Вероятно, В.П. Северцова (см. о ней в Главе 7) приехала к Л.Л. Толстому 24 февраля, так как Ванечка Толстой скончался в 11 часов вечера 23 февраля 1895 года. -- См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 512-518.

Через день траурное объявление появилось в газетах. -- См.: Русские ведомости. М., 25 февраля 1895 года, № 55. С. 1.

В тот же день Л.Л. Толстой отправил в Москву закрытое письмо: «Дорогая мама, надеюсь, Вы мудро переносите горе. Сегодня похуже спал ночь, думая о В<анечке>. Писать не буду пока ни о чем. Пусть приезжают ко мне по утрам, а то к вечеру мне не годится никого видеть и говорить. Мое состояние не хуже и даже получше, пожалуй, чем последнее время в Москве. Обнимаю Вас и папа. Пишите все и будем молиться “да будет воля Твоя”. Им там лучше, чем нам, -- это великое утешение.

Лёва.

25 февр<аля 18>95 г». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13979. Л. 1. Автограф].

Когда я увидал её тонкую, красивую фигуру в шубке, шедшую ко мне в сад, где, закутанный в отцовскую медвежью шубу, я лежал на снегу, я сразу понял, что она привезла мне известие о смерти болевшего в Москве скарлатиной братца Ванечки.

– Ванечка умер, – сказал я Вере раньше, чем сама она произнесла это слово.

Ванечка, каждый вечер молившийся за меня, умненький, нежный, всеми любимый, утешение и безграничная любовь матери и отца. И он ушёл туда же, куда давно ушли остальные мои маленькие лучшие братья – Николенька, Петя и Алёша.

Перед смертью он вдруг приподнялся на кроватке и громко крикнул: «Вижу. Вижу».

Что видел он в своем детском воображении? Какую неведомую нам светлую область?

Не по годам чуткий, он не мог не видеть её и здесь, и там, но оставаться на земле ему было не по силам.

Если другие дети, гораздо более сильные, чем он, в нашей же семье не выдержали нездоровых и неразумных гигиенических условий, в которых их воспитывали, то какие же нужны были совершенные условия для того, чтобы выходить такое хрупкое с рождения, по слабости наследственной, существо, каким был Ванечка?

А его к тому же отравляли всякими лекарствами. В последнее время, до болезни и смерти, давали ему худший из ядов – мышьяк. Когда он начал послушно глотать его, и личико его <стало> опухать, я мысленно уже прощался с ним. Но мать слепо верила в медицину и нашему детскому доктору Филатову (53).

[53. Нил Федорович Филатов (1847-1902) -- детский врач, профессор Московского университета, лечивший детей Толстых].

В санатории Ограновича жил в то время бывший русский полковник, весь изуродованный страшной болезнью. Вместо носа у него была лиловая яма среди лица. Вместо глаз – два кровавых пятна.

По его желанию доктор Огранович как-то провёл меня к нему. Несчастный полковник стал болтать без умолку.

– Что с вами? – спросил он. – Ну, чем же вы болеете? Нервы? Слабость? Кишки? Все пустяки, голубчик. Жениться вам надо – вот что. Тогда все будет – и припарки, и массаж, и гимнастика…

И он хохотал, довольный своим остроумием.

Когда позднее я совсем уезжал из санатории, он приветливо кивал мне из своего окна, как старому приятелю.

* * *

Из друзей отца той эпохи я больше всего полюбил «дедушку» – художника Николая Николаевича Ге, который один<,> после моей матери и двух других чутких женщин, не только из всех наших знакомых и друзей, но и из всех семейных, понял и почувствовал мою душу. Он понял мою искренность, помыслы, характер и душевное состояние, и я часто серьезно и долго беседовал с ним, признаваясь в тех сомнениях, которые душили меня, а он верно утешал и ободрял меня (54).

[54. Николай Николаевич Ге (1831-1894) с необыкновенной нежностью относился ко всем членам семьи Толстого. В последний год жизни он приехал в Ясную Поляну 8 февраля 1894 года и через несколько дней вместе с Толстыми оказался в Москве. -- ПСС. Т. 52. С. 294; Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник… - С. 299-302.

Вскоре после отъезда Т.Л. Толстой из Москвы в Париж 15 февраля 1894 года Н.Н. Ге отправил больному Л.Л. Толстому ласковое письмо, стараясь поддержать молодого человека:

«Милый Лёва. Здесь получено твоё письмо. Таня к тебе поехала, и все наши мысли постоянно о тебе. <…> Читаю твою вторую <повесть> -- «Совершеннолетие». Очень и очень хорошо. Я верю тебе. Бодрись, милый мальчик, держись крепко духом, и ты будешь и здоров и силён. <…>ждём тебя, своего милого, дорогого брата, тебя, милый Лёва. Целую тебя. Крепко люблю тебя и верю в твоё будущее. Твой Никол<ай>». -- ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого, № 142. Л. 1-2. Автограф. По содержанию письмо датируется серединой февраля 1894 года.

О повести Л.Л. Толстого «Совершеннолетие» см. выше в примеч. 17. Ср. аналогичное высказывание Н.Н. Ге о сочинении Л.Л. Толстого в мартовском

письме художника в Париж: «... Лёва, читал твоё Совершеннолетие. Очень, очень хорошо». -- См.: Л.Н. Толстой и Н.Н. Ге: Переписка / Вступ. статья и примеч. С.П. Яремича. М.; Л.: Academia, 1930. С. 185].

Вот что он писал в начале моей болезни сестре Татьяне:

«Когда вы уехали, я остался один с новым для меня и очень дорогим Лёвой; какой он дорогой, даровитый юноша; я его очень любил как мальчика, как дитя, но теперь он моя надежда. Он такой талант, – его задачи громадны – он мне кое-что рассказал, – его болезнь, его страдания духовные, я это угадал, смотря на него, – и он мне так мил, что я его не могу оторвать от своей души. Я верю, что он будет скоро здоров, его дух бодр, – еще раз я со своим другом, милым Львом Николаевичем, я наново сошелся в любви к этому дорогому юноше».

В следующем письме к сестре дедушка приписывает несколько строк мне:

«Дорогой Лёва, как твоё здоровье? Что твой дух? Я каждый день думаю о тебе и люблю тебя всей душой. Крепни, расти духом, – я вижу в тебе великое будущее» (55).

[55. Эти письма Н.Н. Ге, адресованные Т.Л. Толстой, неизвестны. В одном из опубликованных писем от 4 января 1894 года Н.Н. Ге так отозвался об Л.Л. Толстом: «... Лёве я написал, что уверен, что он скоро поправится -- мне так желается, да так и должно быть. Он художник, и будет очень хороший художник. ...» -- Там же. С. 177].

Во всех письмах он говорит обо мне всегда с той же искренней и настоящей любовью, которую и я питал к нему (56). Милый дедушка Ге, ты давно ушёл из этого мира (57), но вот я снова с тобой, и твоя нежная, чуткая духовная сущность, твоё горячее сердце, так пылко выражавшее её, – вдохновляют и поднимают теперь еще сильнее, чем при твоей жизни.

Ты жив и со всеми нами будешь жить вечно. Я благодарю тебя и люблю и через тебя сильнее люблю жизнь и человека.

[56. В письмах Л.Н. Толстому этого периода Н.Н. Ге постоянно с нежностью говорит о больном сыне писателя. Так, 20 февраля 1893 года он признался: «Я его

очень любил как мальчика, как дитя, но теперь он моя надежда, он такой талант, его задачи громадны -- он мне кое-что рассказал -- его болезнь, его страдания духовные, я это угадал, смотря на него, и он мне так мил, что я его не могу оторвать от своей души».

А 16 октября 1893 года Н.Н. Ге продолжил свои размышления относительно больного Л.Л. Толстого: «... Жаль мне милого, дорогого Лёву, жду с нетерпением, чтобы он поправился да поехал в Италию -- это хорошо -- да оно и тут пройдёт, только нужно терпение...» -- Там же. С. 157-158, 168-169.

57. Н.Н. Ге скончался в ночь на 2 июня 1894 года. В Ясной Поляне об этом узнали из большого письма младшего сына художника Пётра Николаевича Ге (1858-1918) от 4 июня 1894 года:

«Дорогой Лев Николаевич,

Вам первому пишу о нашем несчастии, о котором Вы уже знаете, о смерти отца нашего, потому что отец любил и ценил Вас больше всякого другого человека. <...> Вы для меня дороги не только в умственном отношении, но как отпечаток того дорогого и хорошего, что составляло нашу старую семью. <...> Отец умер внезапно. 1-го июня он приехал ко мне в Нежин из Киева. <...> В это время у отца случился удар. Он несколько раз страшно крикнул “Ууу!!”. Ему тёрли руки и ноги, которые были горячие. Голова у него сперва была холодная, а потом потеплела и он перестал кричать. Собака Цуцок, услыхав этот крик (брат сначала отпер окно), подбежала к окну отца, стала лапами на фундамент и стала выть. Коля вернулся через минуты две -- он не слыхал крика отца. Когда он вернулся, отец смотрел ещё, но уже не кричал, а тяжело вздыхал. Через минуты две он захрипел и умер. Зоя и Попова говорят, что отец смотрел на свет сознательно и как бы просил помощи. Коля уже говорил, что он смотрел сознательно, но не обращал внимания на окружающих. Он ничего не мог сказать, потому что прежде всего у него отнялся язык. Страдал он ужасно. <...>» -- ОР ГМТ. БЛ, п. 89/13, № 1. Л. 1-1 об., 12 об.-13. Автограф.

“брат Коля” -- Николай Николаевич Ге-младший (1857-1940), дружившийвший, как и отец, со всеми членами семьи Толстого.

“Зоя” -- племянница художника, Зоя Григорьевна Рубан-Щуровская (урожд. Ге; род. в 1861 году).

“Попова” -- возможно, речь идёт о Елене Александровне Поповой (урожд. Зотовой), жене сотрудника издательства «Посредник» Евгения Ивановича Попова (1864-1938), которая в 1894 году в очередной раз просила мужа дать ей развод. -- См.: ПСС. Т. 67. С. 91; Т. 87. С. 284. См. также: Попов Е.И. Двадцать лет вблизи Льва Николаевича Толстого (Из воспоминаний) //Л.Н. Толстой и его близкие [: Сб. воспоминаний]. М.: Современник, 1986. С. 179, 184-185. Узнав о смерти Н.Н. Ге, Л.Н. Толстой 12 июня 1894 года писал критику Владимиру Васильевичу Стасову (1824-1906): «По моему мнению, это был не то что выдающийся русский художник, а это один из великих художников, делающих эпоху в искусстве. <...> Ге письма я вам соберу, соберу его письма к дочерям. Его разговоры -- в особенности об искусстве, были драгоценны. Я попрошу дочь записать их и помогу ей в этом. Особенная черта его была необыкновенно живой, блестящий ум и часто удивительно сильная форма выражения. Всё это он швырял в разговорах. Письма же его небрежны и обыкновенны». -- ПСС. Т. 67. С. 147-148.

Через день, 14 июня 1894 года Л.Н. Толстой признался основателю картинной галереи Павлу Михайловичу Третьякову (1832-1898):

«Вот 5 дней уже прошло с тех пор, как я узнал о смерти Ге, и не могу опомниться. В этом человеке соединялись для меня два существа, три даже: 1) один из милейших, чистейших и прекраснейших людей, кот[орых] я знал, 2) друг,

нежно любящий и нежно любимый не только мной, но и всей моей семьей от старых до малых, и 3) один из самых великих художников, не говорю России, но всего мира». -- Там же. С. 153].

* * *

Еще Верочка Северцова и Лидия Ивановна Веселитская (58) – две чуткие, дорогие и близкие мне женщины по-настоящему любили меня в те годы, и я любил их.

Вера Северцова, дочь Ольги Вячеславовны, двоюродной сестры моей матери (59), была из всех девушек моего возраста, которых я встречал и знал в ту пору в Москве, самой подходящей мне в жены; но, во-первых, в ней недоставало тех физических сил и здоровья, которых я инстинктивно искал в моей будущей жене, во-вторых, отец ее в конце жизни потерял рассудок, что испортило мое намерение жениться на ней. К тому же, я был сам так слаб физически, что во мне потухли все страсти.

Но Верочка, умная и религиозная, со звучным певучим голосом и хорошим, искренним смехом, тихая и скромная, вообразила себя моей настоящей невестой и уже выбрала одну московскую церковь, в которой мы должны были венчаться. Над входом в эту церковь было золотое солнечное сияние.

Я никогда не целовался с Верой, раз только нежно гладил ее маленькую белую ручку, глядя в ее светлые глаза.

Когда я ездил на Кавказ и по России, я делал заметки о моих впечатлениях и рассказывал о них Верочке, она говорила мне: «Зачем ты записываешь все это? Неужели это нужно?» На мое толстовство она смотрела с недоверием и недовольством.

Со своей умной, славной усмешкой она иногда делала какое-нибудь шутливое замечание о толстовцах, чтобы показать, как далеки они были от настоящей духовной жизни, которой она жила сама.

У Веры был единственный брат – Лёля, моряк, погибший позднее в Цусимском бою (60).

[58. Л.И. Веселитская (в замужестве Божидарович; псевд. В. Микулич; 1857-1936) -- писательница, мемуарист, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого -- неоднократно бывала в Ясной Поляне и подружилась со всеми членами семьи. -- См.: Микулич В. Тени прошлого. СПб., 1914.

Среди автографов, вписанных в альбом Л.И. Веселитской, вклеен и фрагмент недатированного письма Л.Л. Толстого. -- ИРЛИ, ф. 44, № 22. Л. 44. Автограф.

59. Об Ольге Вячеславовне Северцовой (урожд. Шидловской) см.: Толстая С.А. Дневник... - Т. 1. С. 334; Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому... - С. 390.

60. В морском сражении неподалеку от островов Цусима в Корейском проливе русская эскадра 14-15 (27-28) мая 1905 года потерпела крах: погибло свыше пяти тысяч человек и 27 кораблей. В числе погибших на броненосце "Император Александр III" был и лейтенант Алексей Петрович Северцов, друживший с детьми Толстых. -- См.: Толстая С.А. Письма к Л.Н.Толстому... С. 389-390, 447, 633. См. также: Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997. С. 71.

* * *

Лидия Ивановна Веселитская, – талантливая авторша прелестных повестей – «Мимочка на водах» и других «Мимочек» (61), которые я первый в семье читал и которыми восхищался, – в первый раз приехала к нам, в Ясную Поляну, после того, как я уже был с ней в переписке (62).

Во второй раз она приехала навестить меня в Москве в начале января 1895 года, когда я заболел серьезно (63).

[61. Трилогия В. Микулич "Мимочка" состоит из трёх очерков, печатавшихся в журнале «Вестник Европы» в течение десяти лет: "Мимочка-невеста" (СПб., 1883, № 9); "Мимочка на водах" (1891, № 2-3) и "Мимочка отравилась" (1893, № 9-10). См. также: Розанова С.А. Микулич В. // Русские писатели: 1800-1917: Биогр. словарь. М.: БРЭ; Фианит, 1999. Т. 4. С. 50-51.

В русской печати бытовало мнение, что известностью своей В. Микулич обязана беседе Л.Н. Толстого с А.С. Сувориным. -- См.: Картинки из жизни //Одесские новости. 23 июня/5 июля 1891 года, № 1979. С. 2. Фельетон подписан криптонимом В. Л-съ.

62. Переписка Л.И. Веселитской с Л.Н. и Л.Л. Толстыми возникла по инициативе Н.С. Лескова. -- См.: Микулич В. Письма Н.С. Лескова // Литературная мысль: Альманах. [Т]. III. Л., 1925. Отд. II. С. 262-301.

63. Л.И. Веселитская приехала в Москву 8 января 1895 года и, не застав Л.Н. Толстого, через день уехала домой в Петербург. О её трогательной заботе о больном Л.Л. Толстом см.: Толстая С.А. Дневники… - Т. 1. С. 227-228. См. также: Микулич В. Тени прошлого... - С. 108-111].

В моих отношениях с ней, с первых же наших умственных и духовных соприкосновений, установилась нежность, точно мы были близки друг другу уже давным-давно.

Она не была красива, но полна тонкой привлекательности. Небольшая ростом, чистая и розовая, она больше слушала и наблюдала, чем говорила. Все понимая, она страстно любила жизнь, но с ужасом и грустью смотрела на ее несуразность.

Она любила отца как романиста и искателя правды, но прекрасно понимала его сумасбродство. Помню ее иногда стальной холодный взгляд, когда, слушая его парадоксы, которыми он думал всех поразить, она смотрела на него с оттенком неодобрения; к моей матери она всегда относилась с неизменной и даже экспансивной симпатией.

Веселитская была не только талантливой, но и мудрой женщиной. Она никогда не курила и не пила вина, и не трогала ни кофе, ни чая, вместо которых просила себе чашку горячей воды.

Нежная моя дружба с ней и её горячее желание вывести меня на путь здоровья, её прелестные письма – всё это было в годы моей долгой болезни одним из моих истинных утешений.

Любовь вам и душевный привет, если эти строки дойдут до вас в другом мире, милая, несравненно чуткая и светлая душа.

Глава 14

Финляндия и Иван. Семья Субботиных и мой отъезд в старую Швецию

Смерть Ванечки ввергла нашу семью в тяжелое горе, и атмосфера её резко изменилась. Всё вдруг стало тихо, серьёзно и мягко. Безутешное отчаяние матери разбудило в душе отца жалость, и он страдал вдвойне (64).

Вместе с тем последняя живая мирская связь навеки оборвалась между родителями, что поставило их лицом к лицу друг перед другом вне мирских интересов.

Ванечка ещё кое-как их связывал общей их нежной любовью к нему. С его исчезновением, так как «Крейцерова соната» давно уже была написана (65) и надежды на новых детей больше не было, – эта органическая связь обрывалась навсегда.

Взрослые дети были на своих ногах; младшие: Андрюша, Миша и Саша – отца не интересовали.

Он ещё больше пренебрег их воспитанием, чем моим, а весёлая, вечная хохотунья Саша со своими большими близорукими и волоокими глазками, тогда девочка одиннадцати лет, могла только забавлять отца. Мать же мало любила её.

«С Сашей дела не идут, – писала она два года спустя после смерти Ванечки, – она грубая, странная и упрямая, и заставляет меня постоянно страдать, оскорбляя лучшие мои чувства» (66).

Когда в том тяжелом году, наконец, наступила весна и я уехал из Москвы в Ганге (67), я, наконец, в первый раз после многих лет вздохнул свободнее.

Я взял с собой двадцатилетнего слугу, деревенского парня Ивана (68).

И когда в первый раз попал в Финляндию, я сразу же почувствовал, что попал именно в тот климат и обстановку, которые мне были нужны. Ежедневно я выходил на парусах в море на два, три часа, продолжал есть свою гречневую кашу два раза в день, ходил на далекие прогулки, рано ложился, и силы мои стали постепенно возвращаться.

Иван оказался преданнейшим и забавнейшим слугой, не раз смешившим меня своими выходками.

В первый же день в Гангё он напился морской воды и заболел расстройством желудка.

Я сказал ему, что морскую воду не пьют.

– Нет, ваше сиятельство, – не поверил он, – это не от воды, а климат превращает.

Вечером он гулял по городку вместе с финской молодежью и хвастался им Россией. Они побили его и назвали «хвастливым сатаной».

Мнения Ивана были самые решительные. Я раз спросил его, что он думает о русском народе.

– Безусловно, дикий народ, ваше сиятельство, – ответил он.

Среди лета приехала в Гангё интеллигентная и симпатичная семья военного инженера Субботина, состоявшая из мамаши, директрисы Петербургской женской гимназии, двух её взрослых дочерей и сына Женички (69).

Л.И. Веселитская знала их и рекомендовала меня им. Вторая дочь, «Мышка», сильно понравилась мне, но мы не успели достаточно узнать друг друга. К тому же я всё ещё был далёк от здоровья. Женичка, толстый гимназист, дурно играл в tennis, за что мы прозвали его «спасательным Женичкой». Старшая сестра, красивая крупная девушка, бросала в мою сторону томные взгляды, но мало нравилась мне.

Поздно осенью, когда почти все дачники уехали из Гангё, мне рассказали, что в Швеции, в городе

Энчёпинге, практикует замечательный доктор Эрнст Вестерлунд, который делает с больными чудеса (70). К нему отовсюду ездили безнадёжные больные, и он их вылечивал. Он спас рахитичного скрюченного мальчика, выпрямив ему позвоночник, вернул к жизни многих нервных больных, поставил на ноги многих чахоточных.

Эти рассказы настолько убедили меня в том, что Вестерлунд, действительно, мог окончательно укрепить моё здоровье, что я решил поехать к нему (71).

Когда же мне сказали, что у него есть незамужняя семнадцатилетняя дочка, – я почему-то вообразил, что эта девушка сделается моей женой.

Вместе с тем, я радовался тому, что я увижу, наконец, народ и культуру, которые с гимназической скамьи интересовали меня, <увижу> ту Швецию, которая когда-то положила основание России и которая, может быть, самая старая по культуре страна в Европе.

Мы живо собрались с Иваном и на пароходе из Або поплыли в Стокгольм.

[64. 26 февраля 1895 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «Похоронили Ваничку. Ужасное -- нет, не ужасное, а великое душевное событие. Благодарю тебя, Отец. Благодарю Тебя».

Позднее, 12 марта 1895 года тональность записи меняется:

«Смерть В[анички] была для меня, как смерть Николеньки, нет, в гораздо большей степени, проявление Бога, привлечение к Нему. И потому не только не могу сказать, чтобы это было грустное, тяжёлое событие, но прямо говорю, что это (радостное) -- не радостное, это дурное слово, но милосердное от Бога, распутывающее ложь жизни, приближающее к Нему, событие. <...> Соня не может так смотреть на это». -- ПСС. Т. 53. С. 10.

О смерти Николеньки, старшего брата Л.Н. Толстого, см. в Главе 3. “Соня” -- С.А. Толстая. Она, действительно, с большим трудом приходила в себя. Лишь 7 марта 1895 года она нашла в себе силы написать сестре, Т.А. Кузминской, в Петербург: «... Вот, Таня, пережила же я Ваничку, и дышу, ем, сплю, хожу. Но кто бы хорошенько заглянул в мою душу, тот понял бы, что именно души-то во мне и нет, а если так будет продолжаться, то вынести тех жестоких страданий, которые я переживаю, просто невозможно. Утром, первое пробуждение после короткого, мучительного сна -- ужасно! Я вскрикиваю от ужаса, начинаю звать Ваничку, хочу его схватить, слышать, целовать -- и это бессилие перед пустотой -- это ад! Не слышу никого и ничего, в доме теперь -- это могильная тишина». -- См.: Жданов В. Любовь в жизни Льва Толстого. М.: Планета, 1993. С. 232. Курсив С.А. Толстой. См. также: Толстой А.И. Последний сын Толстого (Размышляя над опубликованным) // Яснополянский сборник 2002: Статьи, материалы, публикации. Тула, [2003]. С. 427-435.

65. Повесть Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» была начата летом 1887 и закончена в апреле 1890 года. -- ПСС. Т. 27. С. 563-588.

66. Вероятно, Л.Л. Толстой приводит фрагмент несохранившегося письма С.А. Толстой к нему. Сама же А.Л. Толстая в разгар трагических событий, приведших к уходу отца из Ясной Поляны, 24 июля 1910 года напомнила С.А. Толстой: «<...> И давно, еще тогда, когда моя детская душа хотела и жаждала материнской любви, я вместо любви получила: “Отчего умер Ваничка, а не ты”. Это было сказано <через> год после смерти Ванички и недавно я услышала это вторично. <...>» -- ОР ГМТ. Архив А.Л. Толстой, № 12. Л. 1. Машинопись. Письмо вклеено в дневник А.Л. Толстой 1910 года вместе с ответом матери, отвергавшей этот упрек младшей дочери. -- Там же.

67. В апреле 1895 года Л.Л. Толстой вернулся из санаторной колонии в Москву и по совету доктора М.П. Ограновича направился в Финляндию с младшим братом Андреем. 2 мая 1895 года С.А. Толстая, вернувшись в Москву из Киева, писала Т.А. Кузминской в Петербург:

«...Я застала в Москве Леву очень потолстевшего, но как-то вяло и пухло, без мускулов и силы. Духом же он вовсе не хорош: апатичен, тяжел, все только думает о своем нездоровье и кишках, ничего не читает, не говорит, ото всех удаляется. Страшно за то, что он впадет в апатию или идиотизм, а это хуже смерти и хуже той болезни, в которой он был прежде. Как все печально в жизни стало! -- Доктора утешают, что он совсем выздоровеет, а я плохо верю. <...> Забыла написать, что Лёва с Андрюшей уехали в Финляндию, городок Ганге, у берега моря». -- Там же. Архив Т.А. Кузминской, № 3479. Л. 1-2 об. Автограф.

68. В черновом варианте книги Л.Л. Толстой уточнил: «...новый мой слуга Иван, присланный из Епифанского имения Раевских» -- Там же. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 70. Черновой автограф.

Беглые упоминания о нём есть и в письмах Л.Л. Толстого из Гангё. Так, 6/18 мая 1895 года он заметил: «Здесь хорошо. Андрея долго держать не буду. Мне дорого одиночество. Он мил со мной, но не очень толков, я все делаю сам. Иван напился солёной воды из моря и чурается финнов, но доволен». -- Там же. Архив С.А. Толстой, № 13981. Л. 1. Автограф.

А.Л. Толстой в то время учился в Катковском лицее в Москве. В первоначальном варианте книги Л.Л. Толстой заметил, что Андрей через два дня уехал из Гангё. -- Там же. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 70. Черновой автограф.

В следующем письме от 12/24 мая 1895 года имя слуги упоминается в таком контексте: «Здоровье все то же и слабость от воздуха здешнего еще сильней. Глотаю хину пока и продолжаю лежать на воздухе целые дни. Пробовал ходить больше, но тогда и сплю и ем хуже от боли. Дело и здесь пойдет не быстро, не такая болезнь, да и не жду этого. Иван временами скучает и смешон своей наивностью». -- Там же. Архив С.А. Толстой, № 13982. Л. 1. Автограф. См. также ниже примеч. 71.

69. Старший судостроитель Николай Александрович Субботин (1838-1901) служил главным корабельным инженером в Управлении Санкт-Петербургского порта. -- См.: Весь Петербург: Адресная и справочная книга на 1895 год. СПб., 1895. Отд. I. Стб. 156.

Частная женская гимназия Веры Александровны Субботиной была учебным заведением 2-го разряда и располагалась на Калинкинской площади в доме № 3. -- Там же. Стб. 293. С годами гимназия В.А. Субботиной приобрела известность в

столице и оказалась под августейшим покровительством дочери Александра III, великой княгини Ксении Александровны Романовой (1875-1960). При гимназии был интернат, курсы французского языка и музыкальная школа под руководством профессора Петербургской консерватории А.А. Розановой. -- См.: Новое время. СПб., 16/29 августа 1912 года, № 13085. С. 5.

70. Эрнст Вестерлунд (Westerlund; 1839-1924) -- городской врач в Энчёпинге, практиковавший там с 1867 года до самой смерти. Особый талант Вестерлунда проявился в лечение неврозов, при котором его индивидуальный подход, прекрасная диагностика и умение влиять на пациентов давало блестящие результаты и сделало его, возможно, одним из самых востребованных врачей в Швеции. -- См.: Bonniers Konversations Lexikon[: 18 bandet]. Stockholm, [1948]. Bd. XIV. S. 610.

Позднее Л.Л. Толстой не раз писал о докторе Вестерлунде. -- См.: Толстой Л.Л. Замечательный врач //Неделя. СПб., 6 апреля 1897 года, № 14. Стб. 432-439; Толстой Л.Л. Письмо к редактору // Там же, 11 мая 1897 года, № 19. Стб. 603-604. См. также: Шведский доктор Вестерлунд (Письмо из Швеции) // Родник. СПб., 1900, № 1. С. 104-106. Письмо подписано криптонимом Я.П. [В черновых набросках воспоминаний о детстве героя звали Яша Полянов и Яша Полянский]. Авторство Л.Л. Толстого устанавливается на основании письма Екатерины Николаевны Альмединген (урожд. Сысоевой) от 5 ноября 1899 года: Ѣ<...> Записки Ваши о докторе Вестерлунде пойдут в “Роднике” с портретом». -- ИРЛИ, ф. 303, № 121. Л. 3 об.-4. Автограф.

См. также: Толстой Л.Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях. М., 1900 (обл. -- 1901). С. 153-171.

71. 16/28 августа 1895 года Л.Л. Толстой писал матери: «Спрашиваете, что думаю делать после Гангё. Почти решил ехать в Швецию к Вестерлунду. Конечно, все дальнейшее зависит не от нас. К Вам не приеду. На полпути прерывать лечение -- всё равно, что вернуть<ся> назад. Увидеть только Москву и т.д. для меня то же, что болеть сначала. Грустно это, но разум требует, и будем же разумны. Вы правы, что не верите в “лечение”, если разуметь под ним врачей и лекарства, но воздух, вода, условия тишины и т.д. -- это все очень действенно с помощью Божьей вместе. Так вот, давайте привыкать к мысли еще год не видаться, и, если Бог даст поправления дальше, год пройдет скоро. <Е> Я поеду, т.е. думаю ехать в Стокгольм прямо отсюда (18 часов). Там Staddling, а из Стокгол<ьма к> Вестерлунд<у> 4 часа езды -- маленький городок. Ну, это все ещё впереди.

Иван мой бесконечно предан и мил. Теперь стряпает мне вместо кухарки». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13993. Л. 1-2. Автограф.

Из писем Й. Стадлинга (см. о нем в Главе 10), сохранившихся в архиве Л.Л. Толстого, следует, что в июне 1895 года, узнав о пребывании больного Льва Львовича в Гангё, он порекомендовал ему доктора Вестерлунда и взялся договориться с ним. -- ИРЛИ, ф. 303, № 787. Л. 1-10 об. Автограф на англ. языке. 27 августа/8 сентября 1895 года Л.Л. Толстой закончил письмо матери так:

«Вестерлунд, к которому я собираюсь, не только запрещает видеться с родными больным, как я, но и писать письма. Как это мудро, и все мне нравится его». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13995. Л. 1. Автограф.

14/26 сентября 1895 года Л.Л. Толстой покинул Гангё и отправился в Швецию. -- Там же, № 13997. Л. 1. Автограф].

Глава 15

Швеция, Энчёпинг, доктор Вестерлунд и его семья

Подъезжая к старой Швеции, на вид такой чистой, спокойной и организованной, я волновался <как> никогда: хотя она и колонизировала когда-то часть России, она была слишком слаба для того, чтобы справиться с ней <со> всей и той массой монгольских и полудиких племен, которые постоянно наводняли её с востока.

Наконец-то, промучившись на свете двадцать пять лет, я вижу настоящую мою древнюю родину. Да, да, именно такими были дома, такими были люди в моем прошлом каком-то существовании, именно такой была тогда общая атмосфера жизни и таким был чистый и мягкий морской воздух, которым я дышал... Недаром в моих жилах течёт кровь древнего Рюрика (72).

А Россия? Ведь я же родился в ней там, в далекой глухой Ясной Поляне?..

Да, но я отсюда, я принадлежу сюда, и здесь моя истинная родина.

Никогда не испытанная мной глубокая радость зашевелилась в моей душе, и голоса нордических предков заговорили во мне с неожиданной силой.

Когда-то русские войска были в Швеции, перейдя по льду Ботнический залив, и сожгли без всякой цели все прибрежные шведские города (73).

Но вот уже сто лет, как шведский народ мудро избегает войн и живет в мире со всеми нациями.

Неужели когда-нибудь опять он будет воевать и ещё столкнется с Россией?

Надо надеяться, что не посредством войны он сблизится с ней.

Так я думал в то время, как наш пароход причаливал к пристани.

[72. Рюрик (умер в 879 году) -- варяжский князь, пришедший в 862 году в Новгород вместе с братьями и дружиной. Летописная легенда о призвании на Русь Рюрика была востребована в XVIII веке для создания брехливой русофобской теории, согласно которой норманны сыграли решающую роль в становлении древнерусского государства. Из известных историков эту точку зрения разделял Н.М. Карамзин. Потомки Рюрика (Рюриковичи) правили на Руси до конца XVI века.

73. Русско-шведская война 1808-1809 годов была вызвана агрессией России и ставила целью захват Финляндии, которая вошла в состав Российской империи под официальным названием Великого княжества Финляндского].

* * *

Пробыв в Стокгольме сутки, на другой уже день я был в Энчёпинге, небольшом городке с тремя тысячами населения на берегу озера Меларена (74).

В тот же вечер Вестерлунд приехал ко мне в городскую гостиницу, а на следующее утро я поселился в пансионате француженки mademoiselle Guillemot, где должен был пройти курс нового лечения (75).

[74. Стокгольм расположен на трёх островах между озером Меларен и бухтой Балтийского моря. Курортный город Энчёпинг стоит на берегу речки, впадающей недалеко от него в озеро Меларен. -- См.: Стокгольм. Гельсингфорс. Ганге: Практический путеводитель / Составил Л. Волков. СПб.; М. [Б.г.] С.15; Толстой Л.Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 129, 155.

Первое письмо из Швеции Л.Л. Толстой отправил 17/29 сентября 1895 года: «Милая мама», пишу Вам из Стокгольма. Я приехал сюда третьего дня вечером и остановился у Stadlinga, который встретил меня на пристани. Переезд через море был восхитительный. Вот уже пять дней стоит тёпло<е> и красивое бабье лето. Стокгольм очень эффектен, когда подъезжаешь, и воздух здесь не хуже, чем в Гангё. Кругом вода, как в Венеции. Stadling страшно любезен, конечно, и мне приятно найти здесь друга. Завтра вечером еду в Enchup<p>ing к Вестерлунду -- цель путешествия. Вероятно, он оставит меня у себя и продержит, сколько нужно. Все продолжают в один голос говорить о нём, как о замечательном человеке и докторе, и предсказывают мне выздоровление у него. Здесь много интересного, и мне хорошо.

Шведы -- народ очень честный, чистоплотный, учтивый и старательный и, хотя мало в них общего с нами, они мне симпатичны, потому что чуешь в них что-то серьёзное и доброе. К несчастью, у меня мало сил посещать <такие> места, как школы или общественные собрания, а то бы можно было кое-чему поучиться.

Надеюсь на зиму. Школ в Стокгольме множество, и лучшие здания -- это учебные заведения.

Все теперь новое кругом, после Гангё, где я попривык и завёл знакомых. Опять все порвано кругом, и я один с Иваном, и надо выпускать новые паутины к людям. Это чувство неприятно мне всегда. Когда-то я, наконец, сяду и совью свою паутину на всю жизнь, конечно, когда вернуться силы и здоровье. Пишите пока просто в Enchupping. Gr. Tolstoy. Sverige. Это такой маленький городок, что и не нужно улицы.

<...>

Думал я Ивана отправить домой, но мне жалко расставаться с ним, да и слаб я пока хоть для того, чтобы завязать чемодан. Подумаю месяца через два, а Вы напишите, устоите ли Вы его у себя, чтобы потом опять он мог перейти ко мне. В Гангё я истратил довольно много денег. Хотелось бы здесь жить дешевле». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 13998. Л. 1-2 об. Автограф. Enchupping. Gr. Tolstoy. Sverige. -- Энчёпинг. Графу Толстому. Швеция (швед., англ.).

75. 2 октября 1895 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой:

«Дорогая мама, я в Enchuppinge, под властью Вестерлунда. Завтра ложусь в постель на 2 или больше недели, и мне все будет запрещено, кроме еды, и спанья, и массажа. Сегодня последний день мне позволено делать, что я хочу. Доктор мне очень нравится. Устроился отлично. Добрые люди, хороший климат, тихая жизнь, спокойствие и благодушие на лицах. Много интересного. <...> Обо мне расписали во всех газетах, и в Стокгольме у меня было смешное interview. Stadling очень мил и сейчас здесь со мной в Enchupping<е>. Пока мы в гостинице, но сегодня переедем в “дом лечения”, как называют здесь. Хозяйка -- старая дева Miss Gillimot, добрая, честная христианка, у неё человек 10-15 больных в доме. За всеми уход, как за своими. Около её домика уже поле и недалеко леса. Вестерлунд говорит, что месяца через 3 он отпустит, мож<ет> быть, меня, но с режимом на всю жизнь. Иван со мной, вероятно, на первое время я отправлю его в Стокгольм, потому что он не нужен, и доктор находит, что он мне вреден». -- Там же, № 13999. Л. 1-2. Автограф.

Других сведений о miss Gillimot или mademoiselle Guillemot найти не удалось. Имя ее не названо ни в очерках, ни в книге Л.Л. Толстого о Швеции, хотя о пансионе говорится довольно обстоятельно. -- См.: Толстой Л.Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 163-164].

Доктор внушил мне доверие своей простой открытой манерой, своим авторитетным тоном и тем, что он сказал мне. Он нашёл, что во мне не было никаких органических повреждений и что я мог поправиться совершенно.

Я плохо говорил по-немецки, а он знал только этот иностранный язык, и нам было нелегко объясняться.

Фигурой и позой он был похож на Наполеона: держался прямо, немного выпучив живот, а руку держал между петлицами. Его орлиный нос, тонкие губы и сухие крепкие руки выражали энергию и волю. Его

большие светлые глаза были полны спокойствия и доброты (76).

[76. Через несколько дней, 8 октября 1895 года Л.Л. Толстой в письме отцу рассказывал так о своём “спасителе”:

«Доктор Вестерлунд -- человек особенный. 57<-ми> лет, на вид -- 40-ка, небольшой, коренастый, с красными щеками и большими, широко расставленными глазами, кот<орые> щурит. Он умен, добр и, что объясняет его силу, умеет влиять на больных, входя в их души и попадая именно на те места, откуда и где мучит болезнь. Городок Enchцр<р>ing маленький, как Одоев наш. У Вест<ерлунда> человек 100-150 больных в pensions, кот<орых> он обходит. Кроме того, он принимает дома целый день. Сюда съезжаются со всей Скандинавии и из Финлянд<ии>, а иногда из более далека.

Очень оригинальное место. Больных выхаживают. Строго, добро, мудро, терпеливо. Ну, довольно.

Нервы всё ещё плохи, и в голове стучит, если чуть устану, и сердце колотится неправильно. Не знаю, мож<ет> быть, это останется на всю жизнь, как у всех почти, болевших тем, чем я, -- увидим». -- ОР ГМТ. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/10, № 38. Л. 1-2. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

Одоев -- городок в Тульской губернии.

...pensions... -- пансионы (фр.).]

Лечение моё началось с того, что меня уложили в постель и стали, как на убой, кормить пять раз в день.

Я должен был есть если не с аппетитом, то с энергией, спать и взвешиваться каждую субботу.

Но прежде всего я должен был беспрекословно повиноваться доктору, без чего он отказывался лечить.

Я не должен был больше ни читать газет, ни писать писем, а главное, – ни о чём не волноваться.

«Быть спокойным», – эти два мудрых слова доктор Вестерлунд повторял всем своим больным тысячи раз, и они, без сомнения, действовали благотворно, иногда магически (77).

[77. В первом очерке, посвященном шведскому доктору, Л.Л. Толстой писал: «…Вестерлунд оттого успевает в своём лечении, что умеет заставить больных слушать себя. ...» -- См.: Толстой Л.Л. Замечательный врач // Неделя. СПб., 6 апреля 1897 года, № 14. Стб. 439].

В сущности, начало всякой мудрости, как и венец её, в спокойствии. Только при мудрой жизни оно

возможно и только при спокойствии возможно здоровье тела и души.

Когда мой преданный Иван увидел, что меня забрали в руки и отделили от него, он осиротел и сильно приуныл. А когда доктор решил отправить его обратно в Россию, бедный Иван огорчился до слёз.

С понуренной головой он вошёл в мою комнату, потом вдруг бросился передо мной на колена и стал целовать мои ноги.

– Искра Божья, – повторял он в слезах, – искра Божья.

Но я не стал удерживать его, обещав доктору полное послушание.

Иван уехал (78), а я остался в Швеции один, лишившись близости последней русской души.

[78. Слуга Иван приехал в Россию раньше, чем С.А. Толстая решила, что с ним делать. В недатированном письме сыну она заметила: «Событий нет; твой Иван приехал благополучно, в восторге, что в России, но ещё не знаем, куда он пристроится». -- ИРЛИ, ф. 303, № 674. Л. 29. Автограф.

А 22 октября 1895 года из Ясной Поляны С.А. Толстая написала сыну: «В Москве твой Иван всё ещё ищет места и ждёт паспорта. Нам он не нужен; у меня Илья и ещё прекрасный лакей; но мы место ему найдем, хоть и на время». -- Там же. Л. 32 об. Автограф].

Прошли осенние месяцы, и наступило Рождество. Городок Энчёпинг готовился встретить праздник, как везде в Европе, с ёлками, подарками и пирогами.

Я поправлялся медленно, временами сильно скучал и не раз думал вернуться в Россию, которой мне недоставало. Но являлся доктор, ободрял меня, и я продолжал послушно следовать его режиму.

Теперь я выходил на прогулки во все погоды, какой бы дождь ни лил на дворе. Каждый день поднимался на гору, где стояла церковь, по тропинке, которая называлась «тропинкой долга», а дома занимался вышиванием подушек для успокоения нерв<ов> (79).

[79. По семейным преданиям, среди тех методов, которые использовал доктор Вестерлунд, самыми важными были три: диета, моцион и трудотерапия. Помимо рукоделия, Л.Л. Толстой сразу же начал учиться у городского переплётчика искусству

восстанавливать книги. Его моцион состоял из длинных прогулок, катанья на коньках и лыжах. -- Примеч. Т.Л. Балдовской].

В то же время я учился по-шведски и знакомился с историей городка и его населением. Я узнал, что у доктора были две дочери: старшая была замужем за норвежским журналистом Сел<ь>мером, и у неё был один мальчик (80); другая, на десять лет моложе, о которой я слышал в Гангё, девушка, Дора, училась в Стокгольме и жила, для практики английского языка, в одной шведско-американской семье в Дьюрехол<ь>ме.

С доктором жила еще старшая сестра его жены – Moster Ma, старая дева семидесяти лет, которая принимала и записывала пациентов. Эту добрую и крупную телом старуху я уже видел два раза, когда приходил записываться на прием. Седая и <не>суетливая, она одним своим ласковым взглядом внушала симпатию (81).

[80. Л.Л. Толстой знал, что старшая дочь доктора, Матильда Вестерлунд (1868-1954) вышла замуж за его бывшего пациента Мариуса Сельмера (Selmer; 1860-1931). -- Примеч. Т.Л. Балдовской.

Их сын Эрнст родился 23 апреля 1890 года.

81. Матильда Флодерус (Floderus; 1828-1912) была секретарём доктора Вестерлунда, вела запись больных и отвечала за почту. В семье её звали «Мустер Маї или Морелли». -- Примеч. Т.Л. Балдовской.

О привязанности Д.Ф. Толстой к старой тётушке см. одно из первых её писем родным из Ясной Поляны от 15 сентября (ст. стиля) 1896 года. -- См.: Три письма в Швецию из Ясной Поляны / [Перевёл со швед. Г.И. Мурыгин] // Толстовский сборник. Новосибирск, 1999, № 1. С. 59.
О смерти Матильды Флодерус см. в письме Л.Л. Толстого матери от 1 июня (по новому стилю) 1912 года. -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14547. Л. 1.]

Вестерлунд был родом из северного городка на берегу Ботнического залива – Орегрунда. Сын протоиерея, он воспитывался дома в большой строгости. За обедом он не смел садиться за стол, а должен был есть стоя.

После долгих лет учения и борьбы за жизнь он попал репетитором в семью помещика Флодеруса в Упландии,

подле Упсалы, где, влюбившись в его вторую дочь, Нину, женился на ней после десяти лет жениховства (82).

[82. Нина Вестерлунд (урожд. Флодерус; 1839-1922) -- жена Э.Т. Вестерлунда. 8 марта (нового стиля) 1896 года Л.Л. Толстой писал о семье Доры так: «Мать её -- простая женщина, скромная и добрая <из> мелкой помещич<ьей> семьи, где Вестерл<унд> был учителем до его известности. Они живут 28 лет вместе -- было трое детей, дочерей. Одна умерла» -- Там же, № 14014. Л. 1 об. Автограф.

Отец Нины -- Уно Флодерус (1804-1874); мать -- Эрика Вильгельмина (1803-1843)].

После этого он был городским врачом в Энчёпинге, потом развил собственную практику и сделался одним из самих известных врачей своего времени. Заработав средства, он позднее купил и расширил имение своего тестя, построил в нём прекрасный дом и завёл образцовое хозяйство.

Имение это называется Halmbyboda, что значит «деревня соломенного сарая».

Во все эти дела посвящала меня моя новая хозяйка пансиона, mademoiselle Guillemot, тоже бывшая и благодарная пациентка доктора.

На Рождественские праздники вся семья Вестерлунда съехалась в Энчёпинг: приехала из Норвегии старшая дочь доктора с мужем и мальчиком, приехала ещё одна сестра докторши, жившая в имении и смотревшая за курами, – Moster Gцta (83), приехала и младшая дочь доктора, Дора (84), из Стокгольма.

На третий день Рождества я пришел к Вестерлундам с визитом, уже не как пациент, а как гость.

Вся семья сидела в гостиной, и докторша познакомила меня с ней (85).

Где же Дора? Её ещё не было в уютной комнате с креслами, качалками и кучей безделушек. Но только я подумал о ней, как быстрыми шагами вошла, почти вбежала она. На ней была яркая голубая шелковая кофта и коричневая юбка. Свежая, с большими широко расставленными глазами, как у отца, и тонкими красивыми руками, она была, видимо, взволнована.

Поздоровавшись со мной, она села рядом с сестрой и вдруг, страстным движением схватив ее руку, поцеловала ее.

Большая разница была между сестрами даже во внешности: Pinda – так звали старшую – <была> крупнее и физически сильнее <и> была мало похожа на мать; вторая походила на нее больше и казалась мягче и женственней.

После первой встречи я еще несколько раз встречал ее в городке во время Рождественских праздников, гулял с ней и катался на коньках. Потом она уехала в Стокгольм.

[83. В письмах домой Л.Л. Толстой иногда упоминал и тетушку Гётильду или Гюту. Она постоянно жила во флигеле в Хальмбюбуде, разводила кур и была королевским поставщиком яиц. -- Примеч. Т.Л. Балдовской.

84. Сигне Иоханна Доротея Вестерлунд (Westerlund; в замужестве Дора Фёдоровна Толстая; 1878-1933). См. о ней ниже.

85 В семье детей Толстых сохранилась другая версия знакомства родителей. Согласно ей, Л.Л. Толстой в первый раз увидел Дору Вестерлунд на катке и на Новый год официально просил ее руки. -- Примеч. Т.Л. Балдовской].

Глава 16

Выздоровление и женитьба. Сюрпризы «медового месяца»

Здоровье мое теперь настолько поправилось, что я ходил гулять на далёкие прогулки и прибавил в весе больше десяти кило. Правда, в душевном отношении были моменты прежнего отчаяния и тоски, но они быстро проходили в здоровой атмосфере шведской доброты, спокойствия и культуры. Вылечил меня доктор Вестерлунд, но помогло ему, главное, то, что я отделился от семьи и России и порвал с их влияниями.

Атмосфера города Энчёпинга была атмосферой истинной доброты, созданной отчасти личностью доктора.

Когда Дора и её родители приняли моё предложение, я написал домой (86).

Отец ответил мне чуть не восторженным письмом, в котором радовался моему выбору, говоря, что он был доволен тем, что я выбрал себе ИМЕННО Дору Вестерлунд, а не другую (87). Мать писала осторожнее, говоря, что всё это было хорошо, но что её тревожило то, что Дора была иностранкой (88).

[86. 23 февраля 1896 года Л.Л. Толстой поделился радостью с матерью: «Да не возмутит Ваши души это письмо, а пусть успокоит, и да будут ночи Ваши спокойные, а дни радостные, как и мои.

Но пусть это известие не выходит из нашего дома.

Переживал я то, что полюбил девушку, которая полюбила меня, и настолько искренно и сильно с обеих сторон, что мы не можем скрывать этого. Когда мы женимся, это неизвестно. Надеемся следующей осенью или зимой, пока же всё время надеюсь быть с ней вместе и весну и лето. Она хочет выхаживать меня, а мне с нею жизнь и счастье. Напишите ей и отцу, кто хочет, -- папа, Вы, сёстры. Это будет нам всем большая радость. Завтра она приедет из Стокгольма, где учится. Она была здесь 2 месяца. Её зовут (3 имени) Dora (это первое имя) Westerlund, и она вторая дочь доктора. У него всего две дочери. Старшая замужем за норвежцем с мальчиком 5-<ти> лет. Была здесь.

Прощайте. Целую Вас пока. Да, забыл сказать: она очень молода -- 17 лет, но странно, что даже в мелочах так понимает всё и меня.

Лёва.

23/II/96.

Пишите ей по-английски.

P.S. Всё это меня ослабило волнением, но теперь лучше и пойдет, молю Бога, всё на гору. Это моё первое глубокое чувство.

Я бесконечно счастлив, что нашёл этих милых, добрых людей, понимающих жизнь так просто, и ясно, и честно.

<...> Бедный Вестер<лунд> был сам так ошеломлён всем этим. Но об этом слишком долго. Он такой скромный челов<ек>». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14012. Л. 1-2 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

87. См. письмо Л.Н. Толстого сыну от 19 февраля 1896 года: «Получил вчера твоё письмо, дорогой Лёва. Я очень рад. Мне представляется это очень хорошим. Весь тон твоего письма порадовал меня». -- ПСС. Т. 69. С. 43-44. См. также письмо Л.Н. Толстого сыну от 5 апреля 1896 года. -- Там же. С. 79-80.

88. Тональность писем С.А. Толстой, действительно, была другой. 4/16 марта 1896 года она писала сыну: «Что же касается твоей невесты, то разве можно не приласкать 17-тилетнего ребёнка? Карточку её я получила, но ничего не могу по ней судить: взгляда нет на ней, рот и подбородок показывают решительный характер. <...> Когда всё кончено и решено -- стало, конечно, страшно за вас. Но будущее всегда для всех тёмно и будем надеяться и молить Бога, что всё будет хорошо. И хотелось бы мне предупредить вас, как много будет трудностей, осложнений и разочарований, -- но ведь вы теперь ничему не поверите. <...> То, что невеста твоя иностранка, во многом сделает вам жизнь трудной». -- ИРЛИ, ф. 303, № 675. Л. 11-11 об. Автограф. Курсив С.А. Толстой.

Через несколько дней она написала более определённо.

7/19 марта 1896 г<ода>.

Милый Лёва, если найдёшь это нужным и приятным для Доры, передай ей моё письмецо. <...> Я хотела только приласкать её, если она тебя любит и если она хорошая. <...> Очень стало за вас страшно, когда всё решилось. Подумал ли ты хорошенько, примерил ли ты Дору и её жизнь с тобой к России, к семье, ко всем обстоятельствам и осложнениям жизни? А ведь то, что она не русская, -- это для вас обоих, особенно для неё -- лишняя трудность и лишнее осложнение в жизни. <...> Не суетись и не нервничай, ради Бога; и сам с собой строже и лучше проверяй и обдумывай своё положение. Теперь жизнь пойдёт серьёзней и ещё трудней: ведь ты один ею будешь и должен руководить, т.е. жизнью. -- Там же. Л. 13-14 об. Автограф].

Как бы то ни было, мы стали готовиться к свадьбе, которая произошла 27 мая 1896 года в Стокгольме. Сначала мы обвенчались в церкви Преображения Российской Миссии по православному обряду (теперь церковь эта упразднена), потом в гостинице «Rydberg» (89) – по лютеранскому. Старый, всеми уважаемый пастор Рудин (90) обручил нас по-шведски, а протоиерей Смирнов обвенчал по-русски (91).

[89. Гостиница названа в честь поэта Абрахама Виктора Рюдберга (1828-1895), чьи стихи Л.Л. Толстой пробовал переводить в первые годы своего знакомства со шведской литературой.

90. Сведений о нем найти не удалось.

91. Бракосочетание Л.Л. Толстого с Доротеей Вестерлунд состоялось 15/27 мая 1896 года. В копии брачного свидетельства упоминаются: «...настоятель церкви протоиерей Иаков Смирнов с псаломщиками Григорием Дементьевым и Василием Блиновым. Поручителями были -- по женихе: действительный тайный советник Иван Алексеевич Зиновьев и коллежский советник Василий Сергеевич Сергеев; по невесте: Манфред Мустафа Флодерус, ректор Упсальской гимназии, и надворный советник князь Константин Павлович Мурузи». -- Архив внешней политики МИД России, ф. 193, оп. 817/1, ед. хр. 493. Л. 142.

В официальных изданиях иначе представлен второй секретарь посольства России в Швеции и Норвегии, потомок греческих князей Константин Панайотович Мурузи (1848-1913). -- См.: Вся Россия: Рус. книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: Торгово-промышленный календарь Рос. империи на 1895 год. СПб., 1895. Т. 1. Отд. I. Стб. 43; Ежегодник Министерства иностранных дел: 1895. СПб., 1895. С. 141; Там же: 1896. СПб., 1896. С.111].

Из моих семейных приехали на свадьбу старшая сестра Таня и брат Миша (92). Посажённым отцом был русский посланник Зиновьев (93).

[92. См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник... - С. 388-392.

93. Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Швеции и Норвегии И.А. Зиновьев (1835-1917) был братом тульского губернатора, знакомого Толстых, Николая Алексеевича Зиновьева (1839-1917). -- См.: Ежегодник Министерства иностранных дел. СПб., 1895. С. 141].

После венчанья Вестерлунд задал большой обед в гостинице «Rydberg» на сто человек. Вечером толпа родных и друзей провожала нас на пристани. Мы уезжали на небольшом белом пароходе в Готландию, в город Висбю, где по расписанию должны были провести часть медового месяца.

Первое время Дора была мила и послушна (94). По ночам, сидя на полу и распустив волосы, она рассказывала мне скандинавские сказки. Днём мы выходили в море на парусах и гуляли по Visby – старинному городку Ганзейского союза (95), окружённому зубчатой стеной и украшенному множеством роз.

Но вдруг все переменилось. Дора из покорного, нежного ангела превратилась в ангела непокорного, в дикого зверька, потому что почувствовала себя в ожидании и пришла в неожиданное беспокойство…

Регулы (96) её запоздали, и она потеряла самообладание, чувствуя, что беременна и этим, может быть, на всю жизнь лишена свободы.

[94. 11 июня (нового стиля) 1896 года Л.Л. Толстой писал из Висбю родным в Ясную Поляну: «Мы всё ещё в Visby. Ездим в море, D<ollan> купается, я беру ванны, много ходим, читаем, а главное, сближаемся и стараемся стирать друг в друге всё лишнее и мешающее жизни в любви и дружбе. Пока всё хорошо, но не легко, как я и ждал, хотя, мож<ет> быть, легче, чем другим. Я думаю, что отношения наши серьёзнее и глубже, чем часто бывает». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14028. Л. 1 об.-2. Автограф.

95. Висбю -- один из исторических центров большого союза немецких городов, возникшего в XIV веке и преобразованного в XVII веке в союз государств бассейна Северного и Балтийского морей (от нем. Hanse -- союз, товарищество, гильдия).

96. Женское недомогание (от латин. rëgula -- норма, правило)].

Если о характере мужчины можно судить по делам денежным, то о характере женщин – по их отношению к

деторождению. Некоторые из них принимают кротко и покорно свои беременности и делаются ещё мягче, чем прежде; другие, наоборот, каждый раз инстинктивно протестуют и многие с такой силой, что иногда искусственно освобождают себя от своего материнского долга и назначения.

Для того чтобы женщины второго типа принимали материнство безропотно, нужно, чтобы они были подготовлены к этому, главным образом, воспитанием и истинным образованием.

Дора вышла замуж совершенно не подготовленная к браку и никак не ожидала, что с первых же дней замужества она должна будет отдать свою жизнь новой будущей семье. У неё была своя личная девичья жизнь в родительской семье в Энчёпинге и Halmbyboda, которую она обожала. Она страстно любила своего маленького племянника и сестру и не могла ещё представить себе, что могла любить кого-нибудь сильнее.

<Она не понимала>, как могло случиться, что вдруг всё это приходилось бросать вместе со свободой.

И наш «медовый» месяц вдруг обратился в горький. Успокоить Дору было невозможно. В настоящем смысле этого слова, она обезумела. Вдруг вытащила свои чемоданы – и вне себя стала бросать в них свои вещи. Я пробовал успокоить её, но она не унималась.

«Эге, – подумал я, – так ты вот какая, моя нежная, милая супруга, мой тихий ангел последних ночей?»

После Visby мы уехали в Норвегию, в санаториум (97) Гауздаль, в горах, где должны были кончить наше путешествие. Я надеялся, что перемена места успокоит Дору, но в санаториуме дела пошли настолько плохо, что на многие годы оставили в нашей жизни тяжёлый след.

[97. Так звучит на европейских языках (англ., фр., нем.) слово sanatorium (от латин. ‘sanare’ -- лечить, исцелять) -- санаторий, курорт].

Мы поместились в отдельной дачке высоко в горах и сходили вниз в общую гостиницу к трапезам (98).

[98. 23 июня (нового стиля) 1896 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой: «Милая мама, вчера мы приехали сюда после очень утомительного путешествия, чтобы провести здесь два месяца. Гаусталь -- это санаторий в горах Норвегии в 9-тичасовом расстоянии от Христиании, где мы провели два дня и, между прочим, видели Ибсена». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14029. Л. 1. Автограф.

Л.Л. Толстой вскользь упомянул о своей встрече с норвежским драматургом Генриком Ибсеном (Ibsen; 1828-1906), зная, что Л.Н. Толстой скептически относится к нему. -- ПСС. Т. 66. С. 45. См. также: Сын и отец... //Лица... - Т. 4. С. 210, 234-235, 258].

Но пребывание в Гауздале омрачилось неожиданной болезнью Доры, которая должна была слечь в постель.

Настроение Доры продолжало быть невыносимым. Я всячески успокаивал её, водил на прогулки, читал ей вслух, но она не унималась. Как-то раз, когда мы гуляли в горах подле нашей дачки, Дора вдруг молча вскочила на высокий гранитный камень и, прежде чем я успел остановить её, спрыгнула с него вниз, не сгибая колен. Она упала и побелела, как снег. Я поднял её и с трудом довёл домой. Ночью у неё началось кровотечение, и она выкинула.

Это событие стоило ей долгой женской болезни и многих страданий.

Когда она немного поправилась, я рад был перевезти её назад в Halmbyboda (99), но события и испытания первого моего месяца с молодой женой на всю жизнь оставили в моей памяти и душе тяжёлое чувство (100).

[99. Первое письмо из Хальмбюбуды датируется 4-м июля (нового стиля) 1896 года. -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14030. Л. 1-2. Автограф.

100. Первое упоминание о болезни Доры встречается в письме Л.Л. Толстого матери от 16 июля (нового стиля) 1896 года: «Мы живём хорошо. Это очень много сказать. D<ollan> нервнее, чем прежде, но если верно, что она б<еременна>, то она, я уверен, много сильнее и легче переносит эти первые недомогания, чем другие. <...> Мы живём теперь внизу в большом здании Гаусталя, так что D<ollan> не ходит больше по горам, что ей строго запретил отец». -- Там же, № 14033. Л. 1 об.-2. Автограф.

Через месяц, 28 августа (нового стиля) 1896 года Лев Львович вновь коснулся этой темы: «Здоровье Доры не совсем в порядке, если Вы интересуетесь; Вестерлунд сам теперь уверен, что ее нездоровье был выкидыш». -- Там же, № 14035. Л. 1 об.-2. Автограф].

Я долго колебался, но, наконец, решил me jeter a l'eau (101), как говорят французы, и послал Доре краткое предложение сделаться моей женой, написанное на моей визитной карточке, на которое она ответила согласием.

[101. броситься в воду (фр.)].

Я знал, что между нами было мало общего, что она была почти ребёнком и иностранкой, но, с другой стороны, я был уверен, что она будет хорошей матерью и верной женой и что моя женитьба на ней свяжет мою жизнь со Швецией и её организованным народом, что будет для меня и моей будущей семьи спасением и убежищем от трудной полудикой России. Если я ещё раз упущу этот случай жениться, то, может быть, никогда больше не представится лучшего.

Глава 17

Возвращение в Ясную

В первый же год моего пребывания в Швеции меня поразило больше всего, что общая шведская цивилизация и культура стояли несравненно выше цивилизации не только русской, но и французской, а может быть, и общеевропейской.

Не было ни одной области шведской жизни, в которой не были бы достигнуты значительные и глубоко рациональные результаты, начиная с религии и кончая питанием, и условия эти настолько смягчили в стране напряженность и трудность борьбы за существование как личности, так и семьи, что жизнь здесь была во много раз легче, чем в России и даже Франции.

Среди лета 1896 года я уехал из Halmboda на север Швеции, границу её с Норвегией, в санаторию, рекомендованную доктором Вестерлундом, – на станции Стурлин, где провёл три недели и вернулся оттуда в Упландию бодрым и полным сил, каким не был ещё никогда в жизни (102).

Но всё же, несмотря на симпатичную и культурную <обстановку>, я после года в Швеции стал серьезно скучать по России, чувствуя во всех отношениях, что пора было уезжать.

Приданое Доры, которому семья её придавала огромное значение, было теперь готово и упаковано в целой дюжине специальных громадных ящиков, и откладывать отъезд не было больше причин.

Я решил поселиться в Ясной Поляне в её флигеле и приготовился повести хозяйство имения, часть которого теперь, после смерти Ванечки, принадлежала мне. Я хотел, как отец, на всю жизнь закабалиться в деревне и писать, чувствуя к этому делу призвание. С внешней стороны этот план представлялся мне тогда наилучшим.

Я мечтал, что вся Ясная когда-нибудь будет моей, и я создам в ней новую большую семью, новый центр и продолжение рода Толстых (103).

Осенью мы простились с Вестерлундами и из Стокгольма, где провожал нас один только доктор, на финляндском пароходе приехали в Петербург, откуда, не останавливаясь, доехали до станции Щекино, бывшей Ясенки, по Московско-Курской железной дороге (104).

Кучер Андриан (105) на пролетке парой ждал нас у пустынного станционного подъезда.

Вот и село Кочаки и наша старая церковь, во дворе которой похоронены родители отца (106), его тетки (107) и мои маленькие братья (108).

Вот и деревенское бедное кладбище, обрытое канавой, с жалкими почерневшими и скосившимися деревянными крестами, вот и «наше озеро», где я охотился за утками, болотными «курочками» и дергачами, а вот и сама деревня Ясная со всеми её знакомыми мне дворами.

Какая глушь, какая беднота!!

В начале улицы крошечное и одинокое здание церковно-приходской школы. Знакомые фигуры мужиков и баб медленно двигаются подле изб. Они

останавливаются и смотрят на нас равнодушно. Некоторые узнают меня и лениво кланяются. Лица их серьезны, озабочены и враждебны.

А вот и избенка Даши Чекулёвой, и она сама стоит на крыльце и смотрит на меня, чуть улыбаясь (109).

Дорога идёт под гору мимо изб бывших наших «дворовых» и бывших крепостных – Суворовых (110) и Арбузовых (111), <мимо изб> теперешней нашей прислуги и, оставляя в стороне группу лиственниц подле «большого пруда», сворачивает налево, и мы въезжаем через старые кирпичные башни на плотину «большого пруда».

Вот и «пришпект», и парк, и яблочные куртины (112), и кусты сирени и акации – всё знакомое с детства.

Я взволнован, и мы полной рысью подъезжаем к бедному крыльцу дома.

Мать, отец, сестры, братья, прислуга – все встречают нас с улыбками и возгласами и ведут наверх в приготовленные для нас две комнаты, те самые, на север и грязный двор, где я провел мое тяжелое детство.

Какая серая простота, какая тишина и какая грусть!

Вот и зловонные канавы, и подвал под окном, и глубокий колодезь справа.

Разговоры, обед, вечерний чай, и мы с Дорой уходим в наши комнаты на ночь.

Она подходит к окну, потом к двери – вдруг широко раскрывает свои большие детские глаза с приподнятыми внешними углами и бросается в мои объятья. Ее взгляд, с поднявшимися на лоб бровями, выражает отчаяние.

«Так вот куда, в какую страшную, одинокую и несчастную трущобу ты привез меня? Так вот эта знаменитая „Ясная Поляна“, где живёт великий русский писатель Лев Толстой?» – Она ничего не сказала, но я угадал её чувство.

Её взгляд выражал не только отчаяние, но и ужас (113).

Она поднимает руки кверху, подбегает к простой железной кровати с дёшевым одеялом, бросается на неё ничком, и всё тело её дергается от судорожных рыданий.

В первый же день нашего приезда мать записала в своем дневнике: «Лёва с Дорой, весёлые и счастливые, приехали из Швеции, и они развеселят нас» (114). Но через два дня она уже записывает, что Доре будет тяжело в чужой семье, особенно нашей, в которой «так мало веселого» (115).

Но матери, которая никогда не была в Европе и никогда не выезжала из России, и в голову не могла прийти та страшная разница, какая была между шведской культурой и жизнью России, где ещё не было и ещё нет никакой определённой культуры.

[102. Л.Л. Толстой ошибся: в горы Э. Вестерлунд посоветовал ему поехать летом 1897 года. Первое письмо с нового места написано 17/29 июня 1897 года: «Милая мама. <...> Я теперь в Storlien в горах, где лежит тающий в ущельях снег и цветут butter cups. Это станция Северной железной дороги, на границе Норвегии и недалеко от города Трондхейма, где знаменитая церковь и океан. Я поеду туда на днях на день.

“В первый раз мы расстались с женой после года вместе” -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14072. Л. 1-2. Автограф.

“Storlien” -- о горной станции Стурлин в 3-х км от норвежской границы и горном курорте см.: Толстой Л.Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 143-146.

“...butter caps” -- лютики (англ).

“недалеко от города Трондхейма, где знаменитая церковь и океан” -- Один из древнейших городов Норвегии, до 1905 года входившей в состав Швеции, Трондхейм (Trondheim) был основан в 997 году на берегах живописного Трондхеймфьорда в устье реки Нидельвы (Nidelva), впадающей в Норвежское море. Кафедральный собор Нидарос (или собор святого Олафа) был заложен в 1070 году на месте гибели короля Олафа Харальдсона (Olav Haraldsson; 995-1030), обратившего Норвегию в христианство и канонизированного церковью. Собор св. Олафа на протяжении многих веков остается одним из красивейших соборов Скандинавии.

Вскоре Л.Л. Толстой вернулся с горного курорта: «Дорогая мамаша, вот я и опять с Дорой в H<almbybo>da. Было и стало скучно там в горах, и к тому же чувствовал себя совсем здоровым, так что уехал, не прожив и недели. Дора была страшно рада мне». -- *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14073. Л. 1. Автограф.

103. В первоначальном варианте книги Л.Л. Толстой писал: «Только через восемнадцать месяцев после свадьбы я решился оставить Швецию и привезти

жену в Ясную Поляну, ибо я хотел поселиться в ней и повести хозяйство имения, которое наполовину принадлежало матери, а наполовину нам, пяти братьям, после смерти Ванечки. Мне хотелось в будущем одному завладеть всем нашим родовым имением и таким образом продолжить в нем толстовский род. Но эти мечты были только мечтами потому, что я уже тогда сознавал, что Ясная Поляна, как родовое имение Толстых, почти погублено, во-первых, тем, что оно стало собственностью шести человек, во-вторых и в-главных, тем, что Лев Николаевич просил похоронить себя в середине имения, что, конечно, будет привлекать посетителей на его могилу и тем сделает частную семейную жизнь будущих Толстых несносной». -- Там же. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 60. Черновой автограф.

В недатированном письме, отправленном в Ясную Поляну в феврале 1896 года, Л.Л. Толстой наметил такой план жизни на ближайшее время:

«Не знаю, когда будем венчаться. Хочется скорей, -- естественно. Лето <проведем> в горах. Зиму -- в Яс<ной> П<оляне>, может быть. Думаю жить во флигеле. Его надо заново и хорошо отделать. Я хочу жить отдельно зиму и лето, чтобы ей <жене> было естествен<ное> занятие по дому и по другим причинам. Я возьму хозяйство в Ясной Пол<яне> тоже, как первое естествен<ное> занятие». -- Там же. Архив С.А. Толстой, № 14014. Л. 1 об.-2 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

Однако С.А. Толстая совсем не была в восторге от этой идеи. 4/16 марта 1896 года она ответила сыну так:

«Ты пишешь: жить в Ясной, хозяйничать, пишешь, что религия её и отца её -- труд и польза. Как все эти принципы сейчас же находят приложение у иностранцев, а у нас -- увы! Куда ни сунься -- делать нечего. Какое в Ясной хозяйство? И разве это возможно в разных руках и при жизни отца? Нет, Лёва, не поселяйся с нами, опять захвораешь. Свей своё гнездо, купи именье, если хочешь жить в деревне, и, ввиду нашего общего счастья и спокойствия -- не живи с нами. Любя тебя, я это советую. Погоди, нам не долго с папа жить осталось. Впрочем, это ещё впереди. Во всяком случае, я нынешним летом собиралась окончить пристройку, отштукатурить её и вместе выбелить и поправить флигель и дом, чтобы всё было в хорошем виде, когда меня не станет или когда я выеду из Ясной.

Лето, во всяком случае, оставайся в Швеции, Норвегии или Ханго, -- тебе это, конечно, лучше нашего климата». -- ИРЛИ, ф. 303, № 675. Л. 11 об.-12. Автограф.

Ханго (Ханко, Гангё) -- город на берегу Финского залива, где Л.Л. Толстой лечился летом 1895 года. См. выше Главу 14.

104. В августе 1896 года Л.Л. Толстой изложил матери своё новое видение ближайшего будущего:

«Мы будем между 1-10 сент<ября> старого стиля. Сперва в Москве, где, пожалуйста, распорядитесь приготовить мои две комнаты. Потом в Ясной, где я думаю прожить всю зиму, если позволите.

<...>

Ваше письмо и отрицательн<ый> ответ меня огорчили. Не буду говорить об этом. Зимой я думаю найти кусок земли в Москов<ской> губерн<ии> и весной или летом переселиться туда. В Ясной я жить не буду <...> Dollan боится России и волнуется, но твёрдо решила теперь следовать за мной всюду. Ваш Лев.

Пожалуйста же, это не так трудно, -- для Д<оллан> больше, <чем для меня> -- приготовьте нам место, где жить, хоть это время, до собствен<ного> дома». -- ОР

ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14036. Л. 1-2. Автограф. Л.Л. Толстой с женой приехали в Ясную Поляну 1 сентября 1896 года. -- ПСС. Т. 53. С. 106, 453-454.

105. В Ясной Поляне было два кучера и обоих звали Адрианами (Андрианами): Адриан Григорьевич Болхин (1865-1936) и Адриан Павлович Елисеев (1867-1938). Кто из них имеется в виду в данном случае, установить не удалось.

106. О Марии Николаевне Толстой (урожд. Волконской; 1790-1830) и Николае Ильиче Толстом (1794-1837) см. подробнее в кн.: Толстой С.М. Древо жизни: Толстой и Толстые. М.: Слово, 2002. С. 70-82.

107. О Татьяне Александровне Ёргольской (1792-1874), Александре Ильиничне Остен-Сакен (урожд. Толстой; 1793-1841) и Пелагее Ильиничне Юшковой (урожд. Толстой; 1797-1876) см.: Там же. С. 96-116. См. также: Пузин Н. Кочаковский некрополь -- С. 19-20, 24-31.

108. Речь идет о Пете и Николеньке Толстых (см. о них в Главе 1). -- Там же. С. 28-29.

109. См. о ней в Главе 7.

110. Иван Васильевич Суворов (Ванюша; умер в 1900 году) в 1851 году сопровождал Л.Н. Толстого на Кавказ, а в 1852 году переписывал некоторые главы повести «Детство». -- См.: Толстой Л.Н. Переписка с сестрой и братьями. М.: Худож. лит., 1990. С. 78.

Его брат, Василий Васильевич Суворов (1825-1912) -- крестьянин деревни Ясная Поляна, бывший дворовый Толстых. -- См.: Толстой С.Л. Очерки былого. - С. 24-25.

Его жена, Пелагея Николаевна Суворова -- прачка в доме Толстых. Татьяна Ивановна Суворова служила в московском доме Толстых. -- См.: Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. -- С. 266, 409.

111. Арбузовы занимали особое положение в доме Толстых. М.А. Арбузова была няней старших детей Толстых, в том числе и Л.Л. Толстого (см. об этом в Главе 1).

Её сын, Павел Петрович Арбузов, был сапожником и обучал Л.Н. Толстого этому делу.

Его брат, Сергей Петрович Арбузов (1849-1904), более 20-ти лет был старшим лакеем в доме Толстых, а с 1883 года стал владельцем столярной мастерской в Туле. Позднее он рассказал о своих взаимоотношениях с обитателями Ясной Поляны в кн.: Арбузов С.П. Гр. Л.Н. Толстой: Воспоминания бывшего слуги графа Л.Н. Толстого. М., 1904. См. также: Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. - Т. 1. С. 293-315, 579-581.

Жена С.П. Арбузова -- Арина Григорьевна Арбузова (Ариша; урожд. Дергачева) стала няней младших детей Толстых. О дворовых старшего поколения, Арбузовых и Суворовых, см. в кн.: Толстой С.Л. Очерки былого. - С. 21-26.

112. Courtine -- группа деревьев одной породы, отдельный участок сада (фр.).

113. О своих первых впечатлениях от Ясной Поляны и русской жизни Д.Ф. Толстая сразу же написала родным. В её первых письмах и естественная растерянность от столь непривычных картин природы, и странная для великовозрастной бабы детская непосредственность, и плохо скрываемая русофобия, -- которую, впрочем, разделял с ней и её муж.

3 сентября 1896 года Д.Ф. Толстая так описала родителей своего мужа:

«"Старик" очень добрый, любезный и хороший человек, похожий на свои портреты, но очень уж стар, хотя и играет в лаун-теннис и работает с утра до вечера. "Старушка", нет, она совсем не соответствует такому названию, выглядит гораздо моложе, чем на тех портретах, которые мы видели летом, очень живая и подвижная, можно сказать, нервная. У неё, кажется, очень много дела, и всё она должна делать совершенно одна, бедняжка. Едет сегодня в Москву, недели на три».

А вот её впечатление от деревенских жителей:

«Вчера вечером нахлынула большая толпа женщин из деревни. Плясали, пели и громко величали Лёву и меня. Наконец подарили мне пестро разряженного петуха и платок, полный яиц. За это им дали 4 рубля (очевидно, основная цель их посещения) и, наконец, отослали их восвояси. Всё было очень торжественно. Но я совершенно оглохла от всего этого шума. Какой, видно, это живой народ, но, Боже упаси, какой неряшливый! Не хочется мне говорить об этом доме и усадьбе, обо всем здесь, но, между нами, здесь не очень-то опрятно, а деревня -- ОЙ! ОЙ! ОЙ! -- маленькие неопрятные домишки с соломенной крышей и маленькими-маленькими комнатками, наполненными людьми и всякой всячиной. Я зашла вечером в одну избу. Мы гуляли с Лёвиным отцом. Бабушка Хольмквист, можно сказать, жила словно в раю, не говоря уже о семье Андерссонов, по сравнению с этими. Но они неплохо одеты, по крайней мере летом, и уж очень ярко и пёстро». -- См.: Три письма в Швецию из Ясной Поляны // Толстовский сборник.., № 1. С. 58-65.

"Едет сегодня в Москву" -- это замечание Д.Ф. Толстой позволяет установить дату письма, так как С.А. Толстая уехала из Ясной Поляны в Москву 3 сентября 1896 года. -- См.: Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. -- С. 646. На следующий день, 4 сентября 1896 года Л.Н. Толстой писал жене в Москву: «Утром работал, играл в теннис, учил Доллан по-русски». -- ПСС. Т. 84. С. 254.

"бабушка Хольмквист -- семья Андерссонов" -- бедные люди в имении Вестерлундов.

114. Л.Л. Толстой ошибся: в 1896 году С.А. Толстая не вела дневник. Эта запись с небольшими изменениями относится к 14 августа 1897 года. Ср.: «Приехали из Швеции Лева и Дора, веселые и счастливые. Слава Богу. И у нас веселей будет». -- См.: Толстая С.А. Дневники. Т. 1. С. 284.

115. Эта запись сделана 16 августа 1897 года. Ср.: «Лёва с Дорой устраиваются, разбирают вещи. Доре трудно, бедняжке, на чужой стороне и в нашей-то не очень-то радостной семье». -- Там же. С. 286].

Глава 18

Наша жизнь в Ясной. Спор с отцом. Приезд Вестерлундов и рождение Лёвушки

Флигель Ясной Поляны с куском земли под ним принадлежал, по семейному разделу, матери, и она предоставила мне его в моё пользование и распоряжение. Она согласилась также передать в мои руки хозяйство Ясной, которое было запущено и заброшено.

Братья не совсем дружелюбно смотрели на моё водворение в Ясной, но, так как сами жили в других имениях, не противились этому открыто.

Я нанял мастеровых и начал заново отделывать флигель, выбрасывая из него старый хлам.

Когда-то Ясная Поляна, во времена князей Волконских, была полна дорогой стильной мебелью, посудой и серебром, редкими книгами и картинами, но за холостую жизнь отца всё было расхищено. Мне рассказывали, что в его молодости один из управляющих на десяти подводах увез из имения целые горы мебели и ценных вещей (116).

[116. Подтверждение этого -- в реплике старшего брата Л.Н. Толстого, С.Н. Толстого, которую слышали дети Толстых: «Вашего отца приказчик обворует на 1000 рублей, а он его опишет и получит за это описание 2000 рублей: тысяча рублей в барышах. Я не могу так хозяйничать!» -- См.: Толстой С.Л. Очерки былого. -- С. 274].

Теперь во флигеле оставалась одна только «кладовая», в которой хранились жалкие остатки прежней роскоши. Но всё это не стоило ни гроша. Среди этой дребедени я нашёл, между прочим, маленькую

гипсовую головку, по-детски наивно слепленную, – попытку отца когда-то в молодости сделаться скульптором (117).

[117. О занятиях Л.Н. Толстого скульптурой во время короткого пребывания в Москве в январе-марте 1866 года см. запись от 12 марта в кн.: Толстая С.А. Дневники. - Т. 1. С. 76-77].

Мы прожили в Ясной всю ту осень, и Дора постепенно стала привыкать к русской жизни, в то же время учась русскому языку (118).

[118. Как писал Л.Л. Толстой матери из Упсалы 5 апреля (нового стиля) 1896 года, Дора «...начала уроки русск<ого> с псаломщик<ом> в Стокгольм<е>» -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14019. Л. 1 об. Автограф.

В качестве доказательства этого приложена записка Доры к Л.Л. Толстому на русском и английском языках. -- Там же. Л. 3-3 об.].

Сестра Маша давала ей первые уроки, на которых они обе весело смеялись. Первое время вместо «вторник» Дора говорила «дворник» и делала много ошибок, но сравнительно быстро стала объясняться довольно прилично и, в общем, прекрасно вошла в свою роль молодой русской хозяйки.

В сентябре мы съездили в Москву купить мебель для нашего нового гнезда, что заняло нас обоих, а в октябре, когда всё было исправлено и заново выкрашено, – мы расставили на места вещи и из большого дома, наконец, переселились во флигель на отдельное и самостоятельное жительство.

Я повёл хозяйство имения, а Дора занималась по дому. Чтобы она каждое утро могла получать из Швеции письма и газеты, я устроил для неё ежедневную доставку почты со станции Засека, теперь – Ясная Поляна. Почти каждый день утром она получала «Nya Daglig<t>» (119), «Allehanda» (120) и письма от родных.

[119. Эта газета издавалась в Стокгольме с 1769 года под разными названиями: “Dagligt Allehanda”, “Nya Dagligt Allehanda”, “Nya Dagligt”. --

См.: Svenskt Konstnrs Lexikon. Malmц, 1852-1967. Bd. 1. S. 60-67; Bd. 2. S. 114-115; Bd. 3. S. 482; Bd. 5. S. 463; Anderson I. Svenska Dagbladets historia. Stockholm, [1960-1965]. Del. I. S. 10-11, 16; Del. II. S. 218.

120. С 1885 по 1942 год газета выходила под названием “Nya Dagligt Allehanda”. -- См.: Швеция: В 2-х частях. СПб., 1912. Ч. I. С. 428-429; Anderson I. Svenska Dagbladets historia... Del. I. S. 10-11, 16; Del. II. S. 218.

В архиве Л.Л. Толстого среди прочих деловых бумаг сохранилось разрешение Д.Ф. Толстой получать в Ясной Поляне “Nya Dagligt Allehanda” без цензурного просмотра, датированное 2 августа 1900 года. Другую шведскую газету, которую Л.Л. Толстой хотел выписать для жены, “Svenska Dagbladet”, русская цензура не пропустила, сославшись на официальный запрет этого издания к ввозу в Россию. -- ИРЛИ, ф. 303, № 818. Л. 6-6 об.].

В тишине Ясной мы ближе узнали друг друга, и она быстро «объяснополянилась», как говорил про неё отец, то есть привыкала к жизни в русской деревне.

В ту осень, когда мать с младшими детьми уехала в Москву, отец остался в Ясной один и, хотя жил в большом доме, ходил к нам к завтраку и обеду. Доре было поручено следить за его вегетарианской пищей, что она внимательно исполняла. Он нежно относился к ней и, хотя считал умственным «цыплёнком», искренно полюбил, как и вся наша семья.

Ко мне отец относился в ту пору менее дружелюбно потому, что чувствовал, глядя на пример моей жизни, насколько решительно и безусловно я отбросил его доктрину и насколько чувствовал себя без неё счастливее.

Он мог только чувствовать это, но не понимать, – так сильно он продолжал верить в свои идеи, хотя, может быть и даже наверное, моё умственное развитие и взгляды имели на него очень большое влияние (121).

[121. Приезд молодой пары в Ясную Поляну совпал по времени со множеством важных для Л.Н. Толстого событий: преследованием духоборов, ходынской трагедией, интенсивной работой над романом «Воскресение». Наконец, сам процесс витья гнезда молодыми супругами входил в противоречие с изложением «Христианского учения», которое всё больше занимало Л.Н. Толстого. Так что

“влияние” Л.Л. Толстого имело прежде всего негативный характер и лишь обостряло ситуацию в Ясной Поляне].

Мы почти никогда не говорили о нашем разладе, и я боялся трогать этот вопрос.

Но вот как-то раз после обеда он сам задорно заговорил о шведской культуре, которую я хвалил в сравнении с русской грязной дикостью (122). Не помню, как завязался разговор, но вдруг он до такой степени рассердился, что больно было смотреть на него. Недобро и несправедливо он стал осуждать меня только за то, что я не соглашался с ним. Я говорил совершенно спокойно и мягко – с истинно шведской благородной невозмутимостью.

В дневнике своём отец записал следующее после этого разговора со мной: «Вчера был раздражённый разговор с Лёвой. Я много сказал ему неприятного. Он больше молчал под конец, и мне стало совестно и жалко его, и я полюбил его. В нём много хорошего. Я забываю, как он молод» (123).

[122. См.: Толстой Л.Л. Мои разговоры с отцом осенью 97-го года // Лица... Т. 4. С. 255-261.

123. Л.Л. Толстой почти точно приводит запись в Дневнике Л.Н. Толстого от 20 ноября 1897 года. Ср.: ПСС. Т. 53. С. 164].

Замечательно, что и на этот раз он не хотел признать себя неправым и объяснил наше разногласие моей “молодостью”.

Всякий раз, когда ему указывали его неправоту, он выходил из себя, и тогда, чтобы оставаться правым перед самим собой, он начинал осуждать других и считать их глупцами, не понимавшими его.

Этот его приём, сделавшийся с молодости привычкой, помогал ему всю жизнь говорить только своё, не считаясь с мнением других.

Это было его силой, но в то же время той слабостью, которая похоронила наполовину его доктрину.

* * *

В ту же зиму пришло из Швеции приданое Доры, и я выслал за ним на станцию Щёкино около тридцати крестьянских саней (124).

Когда весь этот длинный обоз поднимался в усадьбу Ясной Поляны по «пришпекту», то есть берёзовой аллее, ведшей к дому, сам Лев Николаевич, выходя на свою обычную прогулку, случайно встретил его и был потрясён его появлением.

– Что это такое? – удивленно спросил он у мужиков.

– Приданое молодой графини Доры Фёдоровны. Лёлич нанял нас.

Отец в ужасе взглянул на горы вещей, качнул головой и молча пошёл дальше.

Вечером он с горечью и осуждением упрекнул меня в том, что я привез в Ясную столько ненужных вещей.

– Зачем все эти вещи? Ещё больше роскоши рядом с нищетой? (125)

Я объяснил, что Доре они нужны и что это её приданое.

Среди всех этих вещей он позднее особенно возненавидел антимакас<с>ары (126), которыми Дора покрывала спинки кресел, чтобы спасти их от жирных затылков.

Бедные антимакас<с>ары были для отца символом безумной и вредной европейской культуры.

В этом он не совсем ошибался.

[124. Станция Ясенки Московско-Курской железной дороги в 6-ти верстах от Ясной Поляны в 1903 году была переименована в Щёкино. -- См.: Щёкино: Фотоальбом / Составитель В.М. Коровина. Тула, 1983. С. 6.

Вещи Д.Ф. Толстой были получены в начале декабря 1896 года. О том, что большая часть приданого пришла, но серебро и книги задержаны на некоторое время, Л.Л. Толстой сообщил матери 8 и 11 декабря 1896 года. Эти вещи были доставлены в Ясную Поляну позже. -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, №№ 14044-14045.

125. Этой же точки зрения придерживалась и жившая в Ясной Поляне Т.Л. Толстая. На фоне обычной жизни дома Толстых,

надвигающегося голода 1898-1899 годов, а также личных неурядиц она не могла вполне сочувствовать хозяйственным заботам супругов. Этим в какой-то мере объясняется её запись в дневнике от 15 марта 1897 года: «Сейчас приходила Дора и звала меня посмотреть, как она переставила мебель в своей комнате. Ни у неё, ни у Лёвы ни минуты не поднимается вопроса о том, насколько они вправе пользоваться той роскошью, которая окружает их. На них двоих -- четыре человека прислуги, не считая кучеров, садовника и рабочих, находящихся на дворе. Прислуге этой делать почти нечего, содержана она прекрасно, -- так что, выходит, как будто она облагодетельствована господами, и Лёва, глядя на то, как они все разжирели, радуется и считает, что он достоин похвалы, не понимая, что труд людей не может быть куплен деньгами, и что никто не имеет права, ничего не делая, сладко есть и мягко спать. Мне ещё стыднее, чем им, жить так, потому что я сознаю эту несправедливость, а они нет». -- См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. -- С. 403.

126. От названия особого сорта жирного масла, макассарского, которое славилось как средство для роста волос и имело специфический красноватый цвет. Своё название этот сорт масла получил от названия порта в Индонезии -- Макассар].

* * *

Великой радостью нашей был день, когда перед Рождеством Дора, наконец, снова почувствовала себя беременной.

Теперь она сама страстно желала детей и, конечно, раскаивалась в своих прошлых ошибках.

Среди лета я поехал встречать в город Тулу в нашей тяжелой коляске четвернёй доктора и докторшу Вестерлунд, которые ехали к родам нашего первого ребёнка (127).

Было воскресенье, и сотни мужицких телег со страшным грохотом и пьяными песнями мчались вниз по Рудаковой горе (128) и по шоссе, возвращаясь с городского базара в деревни.

– Кто это такие? – в ужасе спросила меня докторша.

– Дикари! – полушутя ответил я ей по-шведски. – Это русские мужики едут домой с воскресного базара.

Доктор, прямо сидя в коляске, с выпученной вперед грудью, с любопытством спокойно наблюдал первые картины русской жизни.

В Ясной Дора, сияющая радостью, встретила родителей, а через неделю благополучно родила сына – Льва III (129).

С приездом Вестерлунда в Ясную стокрылая молва без телефонов и без радио разнесла о нём весть по всей Тульской губернии, и из дальних сел и деревень стали приходить к нему больные, часами ожидая у подъезда.

Подле нашего флигеля каждое утро собиралась толпа дальних незнакомых баб и мужиков, которых доктор добросовестно принимал и осматривал в своей комнате.

Отцу Вестерлунд не понравился. Он сказал про него матери, что это «немецкий мужик, отставший от медицины на тридцать лет!» (130)

На каком основании он сделал такое несправедливое заключение, не понимаю. Вероятно, потому, что доктор отнесся к нему с оттенком снисхождения и, посоветовав есть, по крайней мере, два яйца в день, иначе вегетарианство будет для него пагубным, – фамильярно потрепал его по плечу.

Всё же при мне отец поблагодарил Вестерлунда за то, что он вывел меня на путь здоровья (131).

Без слов мы все трое поняли, что целая драма скрывалась за этим жестом отца. Болел я больше всего из-за него и его беспочвенного учения, якобы дававшего людям счастье. Без всякого учения Вестерлунд дал мне понять реальную правду жизни одним своим живым примером и своей светлой правдивой личностью.

Докторша понравилась отцу гораздо больше, и он несколько раз с одобрением отзывался о ней.

По воскресеньям, по старой традиции, Вестерлунды вместе с нами обедали в «большом доме».

Из семейных мать – сама европейка – с большим уважением и теплотой отнеслась к доктору и

справедливо поняла и оценила его знания, бескорыстие, доброту и прозорливость.

[127. Нина и Эрнст Вестерлунды приехали в Ясную Поляну в ночь на 20 мая 1898 года. -- См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 383.

128. Рудакова гора в селе Рудаково в 5-ти верстах от Ясной Поляны.

129. Лев III -- Лев Львович Толстой родился в Ясной Поляне 8 июня 1898 года. -- См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 387.

130. В дневнике С.А. Толстой есть запись от 28 июня 1898 года: «... Он (Лев Николаевич. -- В.А.) нашёл, что доктор Вестерлунд и мужик немецкий, и буржуазен, и туп, и отстал на 30 лет в медицине; а не видел он доброты этого доктора, его самоотверженную жизнь на пользу человечества, его желание помочь каждой бабе, каждому встречному; его заботу о жене, о дочери, его бескорыстность». -- Там же. С. 395.

131. Возможно, это произошло за ужином в доме Толстых 10 июня 1898 года. См. запись от 11 июня 1898 года в дневнике С.А. Толстой. -- Там же. С. 387].

Глава 19

Наша жизнь зимой в Ясной. Убийство Гусева. Осень в Стокгольме и поездка во Францию и Италию. E. Zola. Рождение второго сына Пали и второй приезд Вестерлундов

Наша вторая зима в Ясной пролетела ещё быстрее, чем первая, и теперь не было вопроса о том, что Дора тяготилась, так или иначе, русской жизнью.

Она сама кормила Лёвушку, и все её интересы были сосредоточены на нём.

Я писал мои рассказы (132), продолжал книгу – «Современная Швеция» (133) – и с увлечением вёл хозяйство имения.

[132. Л.Л. Толстой ошибся: над воспоминаниями для детей он работал в первую зиму в Ясной Поляне, в 1896-1897 году. 24 марта

1897 года редактор детского журнала «Родник» Алексей Николаевич Альмединген (1855-1908), симпатизировавший молодому автору, благодарил его за присланные воспоминания:

«Рукопись теперь совсем хороша. <...> Талант у Вас есть, надо его разрабатывать, он требует ухода. Пишите, смотрите, не покладая рук. Я с интересом буду ждать Ваших детских воспоминаний. <...>» -- ИРЛИ, ф. 303, № 118. Л. 7-8. Автограф.

4 сентября 1897 года А.Н. Альмединген написал Л.Л. Толстому о своём впечатлении от прочитанных воспоминаний: «

«Прочёл Вашу рукопись, подумал, и вот что могу Вам сказать. Прежде всего -- я возьму и для «Родника» и начну печатать с января, если Вы в октябре доставите рукопись всю. <...> Итак, Вы будете писать своё детство, правдиво и подробно, а не чисто художественное произведение со сборными типами? Верно это? И мне кажется, так и следует, ибо Ваша книга будет вдвойне интересна и сама по себе, и как жизнь семьи Льва Николаевича. <...> Вам, Лев Львович, мне кажется, невозможно писать детство, смешав его с вводной сочиненной повестью. Всякому другому, пожалуй, можно, а Вам нельзя! Таковы уж обстоятельства. Вам если писать, то писать настоящую автобиографию и не скупиться на подробности о Вашем отце. Всякое Ваше воспоминание о нём, всякое соприкосновение с ним, все мелочи, относящиеся к нему, -- необходимы в Вашей книге. Их-то от Вас и будут ждать». -- Там же. Л. 11-12 об. Курсив А.Н. Альмедингена.

Действительно, повесть Л.Л. Толстого была напечатана в журнальном варианте в январе-мае 1898 года. -- См.: Толстой Л.Л. Яша Полянов (Из воспоминаний детства) // Родник. СПб., 1898, №№ 1-5.

В откликах на журнальную публикацию преобладало благожелательное настроение и ироничное внимание. Журнал «Русская мысль» так оценил первые две части повести: «Яша Полянов» (Родник, №№ 1 и 2), гр. Л.Л. Толстого, сына нашего знаменитого писателя Льва Николаевича. Это воспоминание, которых пока напечатано двадцать маленьких главок; они, видимо, взяты из детства самого автора и написаны тепло, искренно, навеяны знаменитыми книгами знаменитого отца. Эти воспоминания автора-сына хотя и далеко уступают произведениям автора-отца, но читаются с интересом; жаль только, что опытная редакция, любящая своё дело, работающая самостоятельно, а не идущая на цепи за именами, пропустила в них один довольно щекотливый эпизод, -- это: ссора родителей вечером, правда, с примирением ночью, что подглядел и подслушал мальчик-сын. Этот незначительный эпизод с “яблочным вареньем”, за которым бежит отец, перекликаясь с “мама” мальчика, мимо детской в ночной час их примирения, мог бы быть опущен без ущерба и не нарушил бы стройности отчасти наивных воспоминаний; полагаем, в воспитательном отношении излишне наводить мысли детей-

читателей на эту наблюдательность их за родителями». -- См.: Русская мысль. М., 1898, № 4. [Библиогр. отдел.] С. 168.

Критики иногда удивлялись внешнему сходству сочинения Л.Л. Толстого с «Детством» и «Отрочеством» Л.Н. Толстого. -- См.: Вестник воспитания: Науч.-попул. журнал для родителей и воспитателей. М., 1898, № 6. Отд. II. С. 16-18. Рецензия подписана криптонимом «О. О.». Однако гораздо больше было читателей, которые с интересом следили за тем, как развивалась жизнь в Ясной Поляне. Издатели уловили это настроение, и год спустя вышло отдельное издание повести (см. об этом во вступительной статье).

О том, что испытывал автор в это время, свидетельствует его письмо Алексею Сергеевичу Суворину (1834-1912), с которым у него сразу же установились доверительные отношения, от 25 февраля 1898 года: «<...> Вы спрашиваете, отчего я бросил писать? Я ещё не совсем бросил; последнюю вещь под заглавием “Яша Полянов” я поместил в детском журнале “Родник”. Она, впрочем, ещё не кончена печатанием. Это воспоминания детства. Конечно, я не хочу равняться с другими такими же воспоминаниями, -- куда мне, -- а между тем мне не хотелось оставлять не записанными детские воспоминания. Я записал их с любовью; что вышло -- не мне судить. Может быть, я подражал отцу? Да как же не подражать ему? Хотя я писал эту вещь не для подражания, а по искренней душевной потребности. Мне было бы дорого знать о ней Ваше мнение.

Детская литература занимает меня. Это литература лучшей, самой чуткой и вместе с тем благодарной публики в наше время. Что писать? Повторять давно всем известное и сказанное? Скучно, ужасно скучно. А детям ничего не скучно, всё ново, если только это искренно и правдиво.

Ваш совет пробовать в драматич<еском> роде я буду помнить, хотя я очень мало вообще верю в себя и мои силы. Знаете, когда стоишь в свете, окружающем великого отца, чувствуешь себя таким жалким, никем не замечаемым, что последняя вера в себя угасает. Между тем, отвечу Вам теплом за тепло, -- во мне часто, особенно за последнее время, с тех пор, как здоровье моё поправилось, шевелится неудержимая потребность писать, чувствуется к этому большое влечение. <...>» -- РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4246. Л. 3-4 об. Автограф. Курсив мой. -- В.А.

Зимой 1897-1898 годов Л.Л. Толстой продолжал работу над рассказами, составившими два сборника: «Рассказы из времени студенчества» (М., 1898; цензурное разрешение 18 февраля 1898 года) и «Для детей: Рассказы» (М., 1898; цензурное разрешение 28 февраля 1898 года).

133. Над этой книгой Л.Л. Толстой начал работать летом 1899 года. 18 июля (нового стиля) 1899 года он писал С.А. Толстой: «Я всё

ещё здесь в горах с Вестерлундом. Это станция Storlien недалеко от Норвегии. Чувствую себя много крепче, пишу письма из Швеции в С<анкт>-П<етербургские> Вед<омости>, чтобы не болтаться, да и кое-что можно полезное и нужное русским передать». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14139. Л. 2. Автограф.

О станции Стурлин см. выше в Главе 17.

Незадолго до отъезда из этого горного курорта 29 июля (нового стиля) 1899 года Л.Л. Толстой в письме матери объединил две темы: деятельность доктора Вестерлунда и продолжение работы над очерками о Швеции:

«Он (Вестерлунд. -- В.А.) вчера уехал отсюда. Толпа в 200 человек его провожала вечером на станции. Пели ему хором песни и кричали ура.

Дело в том, что Storlien возник по его инициативе и он здесь царит. Я уеду на днях. Всё хочется ещё набраться сил на дело. Вчера получил моё первое письмо из Швеции, напечат<анное> в С<анкт>-Пет<ербургских> Вед<омостях>. Оно меня огорчило и обозлило вместе. Всё хорошее выпущено из боязни цензуры. Просто досада берет, что это такое у нас делается. Так что, послав письма к Ухтомск<ому>, я не выгадал. Если Вы не получаете С.-Пет<ербургских> Вед<омостей>, я попрошу выслать на Ваше имя. Вам могут быть интересны мои письма». -- Там же, № 14141. Л. 1-2. Автограф.

О редакторе «Санкт-Петербургских Ведомостей» князе Э.Э. Ухтомском см. в Главе 9.

С.А. Толстая читала первое письмо сына о Швеции. 18 июля 1899 года она поделилась с ним впечатлениями всех яснополянских обитателей:

«Милый друг Лёва, сейчас прочла в Пет<ербургских> Вед<омостях> твои письма из Швеции, и они мне очень понравились. Их читали вслух все наши, Сёрежа, папа, Андр<ей> и Миша, Таня, Саша, Ольга. Сказали, что многое интересно, но что напрасно ты пишешь, что добрые не могут жить в России, и ты уехал, пот<ому> что ты добр». -- ИРЛИ, ф. 303, № 678. Л. 14. Автограф. Курсив С.А. Толстой.

С.А. Толстая не вполне справедлива к сыну. Начиная разговор со своим читателем, Л.Л. Толстой заметил:

«С большим нетерпением ожидал я нынешней весной возможности уехать из России в Швецию.

Из несчастной, некультурной, но “великой и святой России”, как с оттенком иронии называют её шведы, в счастливую, культурную, маленькую и далеко не святую Швецию.

Не знаю, как кому другому, но мне решительно невмоготу бывает прожить в России, особенно на одном месте, в деревне, два года подряд без того, чтобы не утомиться духом, без того, чтобы не

похудеть телом и не ослабеть энергией. Есть что-то роковое в нашем русском просторе, во всём складе жизни нашей, что преждевременно старит, съедает нас, что кладёт ранние морщины на челе и холодную чёрствость на сердце. Что это такое? Это многое, это вся русская жизнь с её тёмным народом, с её климатом, с её обычаями и нравами, с её безлюдием. И когда, при условиях этих, человек впрягается в оглобли и налетает в хомут изо всех сил, как добрая, безответная лошадь, -- сзади на воз ему накладывается такая груда клади, что человек надрывается от непосильной тягости, надрывается и часто гибнет, если он добр и сознаёт, что обязанность его -- везти. Чтобы благоденствовать в России, чтобы быть здоровым, чтобы быть гладким телом и спокойным душой, нужно быть ленивым, легкомысленным и злым. Тогда, пожалуй, можно уцелеть, можно наслаждаться прелестями жизни даже и в России, не волнуясь и не беспокоясь ничем, закрывая глаза на мрачную действительность и думая только о своём брюхе. Но как трудно это живому человеку, и потому как нелегко в России жить...» -- См.: Толстой-сын Л. Письма из Швеции: Письмо первое // С.-Петербургские ведомости. 12/24 июля 1899 года, № 187. С. 2. Последний абзац в книгу не вошел. -- См.: Толстой Л.Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 1.

Об Ольге Константиновне Толстой см. в Главе 5.

«Письма из Швеции» Л. Толстого-сына печатались в течение 1899-1900 годов. Не удовлетворенный цензурными вымарками, Л.Л. Толстой потом издал свои заметки отдельной книгой (см. выше примеч. 70).

Некоторыми впечатлениями о северной стране Л.Л. Толстой поделился и с юными читателями. -- См.: Толстой-сын Л. Детские вечерние мастерские в Швеции //Родник. СПб., 1900, № 7. С. 91-95; Толстой-сын Л. Шведские школьные бани, кухни и мастерские //Там же, № 9. С. 285-286].

Ранней весной этого года, когда только что прошли реки, рано утром ко мне прибежал мой управляющий, бледный и перепуганный.

– У нас несчастье, ваше сиятельство. Убили лесного сторожа Гусева (134).

Один из двух сторожей наших лесов, старик Гусев жил со своей старухой за речкой Воронкой в уединенной избе на поляне. Управляющий, проезжая мимо верхом, заметил, что в сторожке было неладно. Большая цепная желтая собака, привязанная снаружи, с отчаянным лаем прыгала и рвалась с цепи.

Дверь в сторожку была настежь открыта. Управляющий вошел и увидел страшную картину. Старик Гусев в луже крови лежал мертвый у двери, а старуха была убита на кровати.

Окровавленный топор валялся среди хаты, и большой сундук стариков был раскрыт и перерыт.

Мы послали за урядником, а сами верхами поехали в сторожку. Подле речки я нашел брошенный кусок лиловой материи. Убийца после преступления, очевидно, мыл здесь руки и обронил эту тряпку, которая позднее выдала его. Это был молодой крестьянин, печник из соседнего села Крыльцова (135), и его соучастница – тульская проститутка.

За несколько дней до убийства Гусевых они зверски убили ещё двенадцать человек, в том числе и детей.

Эта пара, вероятно, была в том извращённом половом возбуждении, в котором люди теряют свой облик и ищут ещё большего, крайнего волнения, чтобы забыться так или иначе.

<Такова> психология многих убийц.

[134. Л.Л. Толстой ошибся: это произошло гораздо раньше, до рождения Лёвушки, весной 1897 года. В недатированном письме матери в Москву Л.Л. Толстой сообщил следующее: «У нас убили Гусева. Нашли его сегодня утром в крови на полу с лицом, накрытым полушубком. На лавке тоже убитая старуха и под ней лужа крови. Сундук открыт. Сейчас был урядник и написал следствие. Пришли сказать об этом 4 парня с убийственными лицами, рабочие с завода, которых я заподозрил. Они сейчас здесь в конторе. Некогда, до свидания. Ужасные нравы и народ.

Лёва».

-- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14669. Л. 1-2. Автограф.

Других сведений о стороже Гусеве, его жене и их убийцах найти не удалось.

21 января 1898 года Л.Л. Толстой в письме к отцу в Москву вновь коснулся этой истории: «Милый папа, сейчас была у меня баба, бывшая у тебя осенью по делу убийства мужика в дерев<не> Вольной Крюковке за Засекой. Может быть, ты сделаешь что-нибудь. Фамилия мужика, кот<орого> будут судить за укрывательство, -- Клементьев. Баба просит адвоката или вообще заступничества. Были пьяны, и её

муж не бил, а только присутствовал. Дело назначено в Туле на 28-ое число этого месяца». -- Там же. Архив Л.Н. Толстого, п. 108/11, № 46. Л. 1-1 об. Автограф.

Письмо датируется на основе почтового штемпеля отправителя на обороте открытки и ответа Л.Н. Толстого сыну. -- ПСС. Т. 71. С. 261.

“Вольная Крюковка” -- деревни с таким названием не было. Вероятно, речь идёт о деревне Крюковка Крапивенского уезда Тульской губернии, действительно расположенной неподалеку от станции Козлова Засека. -- См.: Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под общим руководством П.П. Семенова. СПб., 1902. Т. 2. С. 439, 668.

Сведений о Клементьеве найти не удалось.

135. Крыльцово (Кривцово) Тульской губернии в 5-ти верстах от Ясной Поляны. -- См.: Бурлакова Т.Т. Мир памяти: Толстовские места Тульского края. Тула, 1999. С. 83-84].

* * *

На лето 1898 года (136) мы уехали с Лёвушкой и Сашей (137) в Швецию, где провели всю осень и часть зимы.

Мы жили в Стокгольме в отеле недалеко от центральной станции, и я знакомился в эти месяцы с жизнью шведской столицы и её учреждениями для моей книги (138).

Однажды после театра, в котором мы смотрели весёлую народную пьесу под названием «Rospiggor» (139), тогда очень популярную, с нами случилась забавная история.

Была дождливая ноябрьская ночь, и Дора, снова почувствовавшая себя в ожидании, насилу шла от усталости. Тогда, оставив её за собой, я пробежал вперёд к площади, чтобы позвать извозчика. Возвращаясь назад навстречу жене, я был внезапно испуган её диким криком. Бледная, она бежала ко мне, а за ней бежал какой-то элегантный господин в цилиндре и с палкой в руках.

Они совсем близко подбежали ко мне, и я, не отдавая себе хорошенько отчёта в том, что делаю, со всего размаха так сильно ударил господина по цилиндру и по голове, что сначала цилиндр, а за ним и сам господин покатились на грязную мостовую улицы.

Кто-то, проходя мимо, тоже из театра, одобрительно крикнул в мою сторону:

– Bra gjort! (140)

Но я не унялся сразу, а бросился ещё на бледного, как смерть, человека и бил его ещё, куда попало.

– Но господин… но господин, – повторял он, лежа на спине и защищаясь.

Оказалось потом, что Дора подошла к стене дома, чувствуя тошноту, и он, приняв её за проститутку, пристал к ней.

[136. Л.Л. Толстой ошибся: на самом деле он с семьей уехал из Ясной Поляны 30 мая 1899 года. -- См.: Толстая С.А. Дневники. -- Т. 1. С. 450. Сохранился также вариант автобиографии Л.Л. Толстого, где все даты указаны правильно. -- См.: Толстой Л.Л. Данные моей жизни я 1869 по 1901 (весной) // Лица. - Т. 4. С. 195.

137. Няня Лёвушки Толстого.

138. Толстые приехали в Стокгольм в конце октября 1899 года в связи с работой Л.Л. Толстого над очерками о Швеции и поселились в отеле «Континенталь», расположенном напротив Центрального вокзала. 27 октября (нового стиля) 1899 года сын поделился с С.А. Толстой своими планами:

«Милая мать, пишу из Стокгольма, как обещал. Теперь пишите сюда. Hotel Continental. Sto<c>kholm.

Мы устроились хорошо, хотя будет не дёшево. С нынешнего дня начинаю мои изучения здесь. Самое интересное -- это народное образование, кот<орое> стоит страсть как высоко. Интересного пропасть. Остается написать и сделать ещё писем 5-6, чтобы кончить всю серию. Все 18-20 писем составят книгу, кот<орую> я издам с иллюстрациями, когда вернусь. Это нужно России, и сознание того, что это нужно мне, дает сил и бодрости заниматься этим. <…> Вчера получил от Ухтомского целую кучу газет с рецензиями о моих “письмах”, кот<орые> показывают, что “письма” не незамечены и интересуют. <…>» -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14149. Л. 1-2 об. Автограф.

139. Единственное упоминание о посещении театра в Стокгольме встречается в письме Л.Л. Толстого от 18 ноября 1899 года:

«Вечером вчера были в драмат<ическом> театре». -- Там же, № 14150. Л. 2. Автограф.

Вероятно, речь идёт о пьесе шведского драматурга Франса Гедберга (Hedberg; 1828-1908) «Rospiggarne», которая с успехом шла на сцене Стокгольмского театра с 1880 года. -- См.: Svenskt pressregister: Fцrteckning цver recensioner (konst, litteratur, musik, teater) sknlitterra bidrag. Lund, 1967. Bd. 1: 1880-1885. S. 340. См. также: Bonniers Lexicon. Stockholm, 1995. Bd. 8. S. 50; Bonniers stora lexicon. Stockholm, 1986. Bd. 5. S. 245; Focus: Uppslags bok: Tradje, fullstдndigt omarbetade upplagan. Stockholm, 1974. Bd. 2. S. 1249; Горн Ф.В. История скандинавской литературы от древнейших времён до наших дней. М., 1894. С. 309; Новый энциклопедический словарь /Под общей редакцией К.К. Арсеньева; Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб. Б.г. Т. XII. С. 819.

См. также впечатления Л.Л. Толстого от шведских исторических драм и оперных постановок в кн.: Толстой Л.Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях. -- С. 195-220.

140. “Хорошо сделано!” (швед.)].

В ту осень в Стокгольме я встречался со знаменитым шведским художником Цорном (141), с Паоло Трубецким (142), с Норденшельдом (143) и со Свеном Гедином (144). Мы были также на интересном концерте горбатенького Грига, в котором он сам превосходно дирижировал своими чудесными произведениями (145).

[141. Знаменитый шведский художник и скульптор Андерс Леонард Цорн (Zorn; 1869-1920) в конце 80-х годов XIX века уехал работать в Париж и вернулся на родину в 1896 году. -- См.: Андерс Цорн и его современники: Каталог выставки. Л.: Искусство, 1981. С. 10-11.

Знакомя русских читателей с искусством северных соседей, один из наиболее перспективных петербургских критиков и знатоков современного искусства в ноябре 1897 года с восторгом писал о Цорне: «...Швед по происхождению, но космополит по таланту и значению. <...> Это -- всемирный художник и для него нет границ. Это олицетворение львиной силы, самый блестящий виртуоз из современных художников, в технике не имеющий соперников. -- См.:

Дягилев С. Современная скандинавская живопись // Северный вестник. СПб., 1897, № 11. Отд. II. С. 361-362.

142. О встрече Л.Л. Толстого с Павлом Петровичем Трубецким (1866-1938) в это время в Стокгольме сведений нет. Известно, что позднее, в 1902 году художник женился на шведке Элин Сундстрём (Sundstrom; 1883-1927). -- См.: Les princes Troubetzkoi: Сборник / Составитель С.Г. Трубецкой. Текст парал.: рус., фр. Lavelle, 1976. P. 113; Павел Петрович Трубецкой: Выставка произведений к 125-летию со дня рождения: Каталог. М.: Сов. художник, 1991. С. 35, 102.

143. Адольф-Эрик Норденшельд (Nordenskjцld; 1832-1901) -- шведский путешественник по полярным странам, открывший северо-восточный проход из Ледовитого океана в Тихий и торговый путь к устью Енисея. 10 декабря (нового стиля) 1899 года Л.Л. Толстой писал матери: «<...> Вчера же вечером я сидел у Норденшельда, знаменитого, очень интересного человека». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14153. Л. 1 об. Автограф.

144. Когда Л.Л. Толстой познакомился со шведским путешественником Свеном Андерсом Гедином (Hedin; 1865-1952), установить не удалось. -- См. о нём: Рерих Ю.Н. Свен Гедин //Ариаварта: Историко-науч., лит.-филос. журнал. СПб., 1997. [Вып. 1]. С.10-28.

145. 8 ноября (нового стиля) 1899 года Л.Л. Толстой писал старшей сестре Т.Л. Сухотиной-Толстой: «Дорогая Таничка <...> Мы всё в Стокгольме, <...> вчера слушали давний концерт Грига под его дирижёрством и с его аккомпанементом. Необыкновенно хорошо. В концерте была королевская фамилия<...>» -- ОР ГМТ. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 26443. Л. 2. Автограф.

Эдвард Берген Григ (Grieg; 1843-1907) -- норвежский композитор, пианист и дирижёр, основоположник норвежской национальной музыкальной школы. О том, что одно из четырёх выступлений Э. Грига в Швеции состоялось 7 декабря 1899 года и включало в себя знаменитый концерт для фортепиано с оркестром в 3-х частях, написанный в 1868 году, см.: Левашева О. Эдвард Григ: Очерк жизни и творчества. 2-е изд. М.: Музыка, 1975. С. 587-588. См. также: Толстой Л.Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях. -- С. 219-220].

На новый, 1899 год я повёз семью на юг Европы (146), во Францию и Италию, которых Дора ещё не знала.

[146. На самом деле Л.Л. Толстой с семьёй уехал из Швеции во Францию в конце января 1900 года. 26 января (нового стиля) 1900 года он писал С.А. Толстой:

«Милая мама, пишу Вам из Парижа, где уже 2 дня. В воскрес<енье> едем в Cannes, чтобы скорее на один месяц успокоиться и отдохнуть. Здесь смотрели музеи, были у Золя, был я у Vogue, кот<орый> сейчас отдал визит. Очень утомительно, особенно после морского Стокгол<ьмского> климата, хотя Л<евушка> не унывает и гуляет на Елисейских полях с Сасой. Из Стокг<ольма> ехали через Берлин, так что на море пришлось быть около 5<-ти> часов и в качку». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14163. Л. 1. Автограф.

Об Эмиле Золя (Zola; 1840-1902) см. ниже.

“Vogue” -- историк литературы, один из первых пропагандистов творчества Л.Н. Толстого во Франции, Эжен Мельхиор де Вогюэ (1848-1910).

“Саса” -- так маленький Лёвушка Толстой называл свою русскую няню Сашу.

Из Канн Л.Л. Толстой послал С.А. Толстой письмо уже 29 января (нового стиля) 1900 года: «Море перед окном шумит, голубое с пальмами на берегу. Под этими пальмами я сидел больной 6 лет назад и думал». -- Там же, № 14164. Л. 2. Автограф].

Тихий и скромный Лёвушка со своими большими карими глазами никогда и ничем не был нам неприятен, и мы возили его всюду, как часть самих себя. Мы взяли с собой ещё и нашу верную прислугу, теперь няньку, некрасивую, но милую и честную Сашу.

В Париже я интересовался в ту пору литературой и литераторами, из которых посетил двух: E. Zola (147) и E. Rodes (148).

Zola принял меня и Дору очень любезно и был доволен, когда я сказал ему, что отец читал с удовольствием его вещи и особенно одобрял его натурализм в книге «La Terre» (149).

– Mais est-ce vrai, – спросил он с сожалением, – que votre pure croit a toutes ces ecritures saintes? (150)

Я затруднился ответить ему.

У автора Rougon-Macquart (151) была маленькая жена и две крошечные черные собачки, и все они вместе угорели от печки вскоре после нашего посещения (152).

E. Rodes (153) жил тогда в глубоком дворе одного дома, чтобы спасаться от шума улицы, но все-таки пожаловался мне, что в Париже не мог работать.

[147. В письме С.А. Толстой из Канн 2 февраля (нового стиля) 1900 года Л.Л. Толстой сформулировал свое отношение к французскому писателю: «Золя мне понравился своей жизненностью и силой». -- Там же, № 14165. Л. 2 об. Автограф.

148. О посещении Л.Л. Толстым в это время швейцарского писателя Эдуарда Рода (Rod; 1857-1910) сведений нет. Возможно, Л.Л. Толстой спутал Э. Рода с Э. Вогюэ (см. выше примеч. 146). С обоими литераторами Л.Л. Толстой виделся во время своего первого приезда в Париж в феврале 1894 года. Упоминание об этом есть в его письмах домой от 15 и 20 февраля (нового стиля) 1894 года. Ц Там же, №№ 13967-13968.

149. Это не совсем так. Ср. фрагмент, посвященный неоднозначному отношению Л.Н. Толстого к эстетической позиции и творчеству Э. Золя, в том числе и к роману «Земля», в воспоминаниях С.Л. Толстого: «Золя он читал с интересом, но считал его реализм преднамеренным, а его описания слишком подробными и мелочными. У Золя едят гуся на двадцати страницах, это слишком долго, -- говорил он про одно место в «La Terre» -- См.: Толстой С.Л. Очерки былого. - С. 94.

Другой мемуарист, Андрей Гаврилович Русанов (1874-1949), запомнил иное суждение Л.Н. Толстого о романе Э. Золя «Земля»: «Есть недостатки, но только в этом романе в первый раз мы видим настоящего, реального французского крестьянина». -- См.: Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. -- Т. 2. С. 523.

Осенью 1892 года в беседе с одним из посетителей Л.Н. Толстой говорил о таланте Э. Золя и его романе «Разгром». -- См.: Жиркевич А.В. Встречи с Толстым. -- С. 201.

В свою очередь, по свидетельству современников, Э. Золя был очарован Толстым. Как высшую похвалу своей литературной и, главное, общественной деятельности в защиту невинно осужденного -- по обвинению в измене родине -- офицера Генерального штаба Альфреда Дрейфуса (Dreyfus; 1859-1935), он воспринял слова: «Вы уподобились великому русскому!» -- См.: Лану А. Здравствуйте, Эмиль Золя! М.: Прогресс, 1966. С. 466-468; Josephson M. Zola and his time:

The history of his martial career in letters. N.Y., 1928. P. 380-382.

150. «Неужели Ваш отец верит в Священное писание?» (фр.)

151. В ночь на 29 сентября 1902 года Э. Золя умер от отравления угарным газом. Его жена Габриэль-Элеонор Александрин Золя (урожд. Меле; 1839-1925) была найдена в тяжелом состоянии, но её удалось спасти. До настоящего времени нет однозначного ответа на вопрос, был ли это несчастный случай или политическое убийство. -- См. об этом подробнее: Josephson M. Zola and his time... P. 501-514; Hemming F.W.G. The life and times of Emile Zola. N.Y., 1977. P. 181-183. См. также: Лану А. Здравствуйте, Эмиль Золя!.. С. 475-499.

152. “Ругон-Маккары” (фр.) -- 20-титомная серия романов Э. Золя.

153. Автор хорошей книги «Le Sens de la Vie». -- Примеч. Л.Л. Толстого].

Во время моего пребывания во Флоренции в нашем отеле <“>Hotel Anglo-American<”> две русские дамы превосходно пели дуэты Глинки, чудная музыка которого вдруг безумно взволновала меня.

В эту поездку Дора была красива. Итальянское солнце зажгло в ней новую жизнь и окрасило её новыми красками. В той же Флоренции (154) два итальянских офицера, проходивших мимо нас по <“>Lungarno<”> в своих голубых мантиях (155), взглянув на нее, в один голос воскликнули: «La Belle!» (156) Италия того времени была, конечно, не той, что теперь. Тогда флорентийские рабочие, сидевшие кучами на тротуарах и глазевшие праздно на богатых людей, откровенно их ненавидели, как перед революцией ненавидели нас русские мужики и русские рабочие.

Я одевался в тот год элегантно и носил цилиндр и перчатки. Как-то, когда мы проходили с Дорой мимо ряда рабочих, сидевших на площади, – один из них подставил мне ногу, но я так брыкнул его, что все рабочие вскочили и стали ругаться на меня, призывая Мадонну…

В Неаполе я лазил на Везувий, мы смотрели Помпею, были на Капри и проделали всё, что полагается

туристам (157). В Риме меня интересовали тогда скульпторы и мраморщики, работавшие около своих мастерских на открытом воздухе (158). Теперь они исчезли куда-то. Много было в то время осликов в городе, которых теперь тоже почти не видно.

[154. Во Флоренцию Л.Л. Толстой с семьёй приехал в конце февраля 1900 года. Его первая открытка Т.Л. Сухотиной-Толстой, с которой он должен был встретиться в Риме, датирована 1 марта (нового стиля) 1900 года. -- ОР ГМТ. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 26450. Л. 1-1 об. Автограф.

Через несколько дней, 4 марта (нового стиля) 1900 года он писал С.А. Толстой: «Милая мать, пишу из Флоренции, откуда едем завтра в Рим к Тане. <...> После шумной и гадкой Ривьеры здесь во Флор<енции> чудесно. Мне очень понравилась она и все её, действительно замечательные, художественные вещи. Целые дни мы здесь смотрели и бегали по галереям. Я пришёл в восторг от многих картин, и мы с Дорой только жалеем, что мало у нас денег и нельзя себе купить копий и гравюр, сколько бы хотелось. Я дал себе полную свободу от занятий эти дни и начну их снова, только поживя с неделю в Риме.

Итальянцы милы и симпатичны мне. В них есть та драгоценная доброта, которой мало у нас и у французов. Дикость же религиозная здесь хуже, чем во Франции, хотя эта дикость, т.е. католицизм, как-то больше гармонирует здесь с народом и обычаями и характером страны и жизни.

Как у вас? Здесь весна. Ходим за город сейчас, и там уже скворцы свистят и начинается жизнь в растит<ельном> и птичьем царстве. Пока до свидания. Целую всех вас. Дорочка бодра и свежа, -- не сглазить, -- ребёнок уже стал по утрам шевелиться и, верно, будет живой, выношенный под солнцем юга.

Великое дело -- солнце.

Ваш Лев.

P.S. Пишите Рим. Нфт<el> du Sudï. -- Там же. Архив С.А. Толстой, № 14168. Л. 1-2. Автограф.

155. На самом деле итальянские офицеры носили не мантии, а темно-синие удлиненные куртки, которые в некоторых изданиях называют туниками, с черной меховой отделкой, украшенной шнурками того же цвета. -- См.: Канник П. Военная униформа: Все страны мира. СПб., 2002. С. 228; Голыженков И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет (1618-1918): Энциклопедия военного костюма. М., 2001. С. 228.

156. “Красавица!” (фр.).

157. 23 марта (нового стиля) 1900 года Л.Л. Толстой сообщил С.А. Толстой:

«Милая мать, пишу на страшной карточке из Неаполя, где мы уже несколько дней. Вчера лазил на Везувий, а сегодня мы смотрели Помпею». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14171. Л. 1. Автограф. Письмо написано на почтовой открытке с изображением действующего вулкана Везувия в момент его извержения в апреле 1872 года. -- Там же. Л. 1 об.

Единственный в Европе действующий вулкан Везувий расположен на берегу Неаполитанского залива, в 10-ти километрах к юго-востоку от Неаполя.

Античный город Помпеи (Pompëjï) был частично разрушен землетрясением в 63 году новой эры. А 24 августа 79 года произошло страшное извержение Везувия, которое засыпало Помпеи и другие города пеплом и залило грязевыми потоками. Это позволило при раскопках найти хорошо сохранившиеся человеческие фигуры, постройки, стенную живопись, домашнюю утварь и др. Русские туристы, знакомые с картиной Карла Павловича Брюллова (1799-1852) «Последний день Помпеи», проявляли особый интерес к посещению того, что осталось от некогда цветущего города.

Живописный остров Капри (Capri) расположен в Тирренском море южнее Неаполя. Туристов особо привлекает Голубой грот, развалины форума и 12 вилл, построенных римским императором Клавдием Нероном Тиберием (Tiberius; 42 до новой эры -- 37 новой эры) в честь 12-ти полубогов.

158. В Риме Л.Л. Толстой пробыл недолго. 11 марта (нового стиля) 1900 года он писал С.А. Толстой:

«Милая мать, кажется, первое письмо пишу Вам из Рима. Вчера уехали отсюда Сухотины, и мы остались одни. В смысле удобств устроились мы очень плохо. Нет <еще одной> комнаты (в отеле. -- В.А.), и мы все 4 вместе, так что не только нельзя заниматься, но даже спать от Лёвушки. Да, Бог знает теперь, когда я смогу продолжать мои занятия. К тому же Рим слишком интересен и беспокоен, чтобы можно было сидеть дома. Вы не можете себе представить действие здешнего солнца. <...> Скучно без писем из России и никогда меня больше не тянуло домой, как теперь. <...>» -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14169. Л. 1-1 об. Автограф.

“Сухотины” -- Т.Л. Сухотина-Толстая и её муж, Михаил Сергеевич Сухотин (1850-1914).

Через день, 13 марта (нового стиля) 1900 года Л.Л. Толстой объяснил, почему он торопится домой:

«Мы, верно, приедем раньше, чем думали. Я уже писал Вам, что здесь мне не понравилось. Теперь, поживя 10 дней, мне ещё больше опротивел этот языческий, нервный и бестолковый Рим. Я хочу проникнуть к папе и поговорить с ним, чтобы у самого источника видеть католицизм, который всё здесь спутал, всему тормоз и зараза. Но, говорят, 90-летний папа так слаб, что того и гляди рассыпется. Всё-таки он может ещё говорить и всё понимает». -- Там же, № 14170. Л. 1-2. Автограф.

“к папе” -- Л. Л. Толстой хотел получить аудиенцию Папы Римского Льва XIII (Leo; в миру Джоакино Печчи; 1810-1903). Документальных сведений о ней нет. Однако, по неопубликованным воспоминаниям П.Л. Толстого, хранящимся в личном архиве Т. Л. Балдовской, его мать бережно хранила память об этом представлении Папе Римскому и рассказывала о нём детям. В таком случае, вероятно, это была не личная аудиенция, а один из традиционных дней приёма паломников, когда перед Папой Римским проходит множество людей].

Весною 1900 года мы вернулись в Ясную (159) и с радостью вошли в её спокойную жизнь.

Отец был в хорошем расположении духа и хорошо относился ко мне и моей семье (160). Есть фотография, снятая моей матерью, на которой он держит на руках Лёвушку, а я стою с ним рядом. Эта фотография называлась «Три Льва» (161).

Не помню, в то лето или позднее явился в Ясную Максим Горький, и мать, увлекавшаяся тогда фотографией, сняла его вместе с отцом. Я упрекнул её в этом, но она не поняла или не захотела понять значения моего упрека (162).

У отца был немного виноватый вид, пока он стоял рядом с человеком, который был ему во всех отношениях чуждым и писания которого он не любил.

[159. Л.Л. Толстой с семьёй вернулся в Москву в конце марта (ст. стиля) 1900 года и через некоторое время отправился в Ясную Поляну. В книге «Моя жизнь» С.А. Толстая позднее писала: «30 марта семья сына Льва вернулась из-за границы, и я помню, как Лев Николаевич носил на плечах и на спине маленького Лёвушку, представителя 3-го

поколения Львов (Толстых. -- В.А.)». -- Толстая С.А. Моя жизнь // Дом Остроухова в Трубниках: Альманах. М.; СПб.: [Рус. лицей, 1998. Вып. 2]. С. 169.

160. Особой близости между отцом и сыном не было. 6 апреля 1900 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «С Лёвой спокойно, но нехорошо тем, что я как будто презира[ю] его. Господи -- ты, к[оторый] во мне, разгорись во мне, дай мне любви». -- ПСС. Т. 54. С. 20. Ср. также запись Л.Л. Толстого от 15 апреля 1900 года. -- См.: Сын и отец //Лица Т. 4. С. 219.

161. Фотография «трёх Львов» была сделана С.А. Толстой в Ясной Поляне в мае 1899 года. -- См.: Толстая С.А. Дневники. Т. 1. С. 450, а также илл., с. 14.

162. Максим Горький (Алексей Максимович Пешков; 1869-1936) встретился с Л.Н. Толстым в Ясной Поляне 8 октября 1900 года. -- ПСС. Т. 54. С. 428. Фотографию, сделанную С.А. Толстой, см. в кн.: Толстой в жизни: Л.Н. Толстой в фотографиях С.А. Толстой и В.Г. Черткова: Альбом: В 2-х томах. 2-е изд. Тула, 1988. Т. 1. С. 54. Отношение Л.Л. Толстого к М. Горькому менялось в течение многих лет, а вот М. Горький сразу же определил свою точку зрения и на личность, и на сочинения Л.Л. Толстого. Вернувшись из Ясной Поляны в Нижний Новгород, он в недатированном письме Антону Павловичу Чехову (1860-1904) высказался так:

«Не понравился мне Лев Львович. Глупый он и надутый. Маленькая кометочка, не имеющая своего пути и ещё более ничтожная в свете того солнца, около которого беспутно копошится. -- См.: Горький М. Полное собрание сочинений: Письма: В 24-х томах. М.: Наука, 1997. Т. 2. -- С. 62].

В ту весну в нашем флигеле и палисаднике развелось столько ужей, что они заползали в комнаты и ложились на постелях. Свёрнутые клубами, они лежали в цветниках и на дорожках. В России убивать ужей считается грехом, и предрассудок народный говорит, что, кто убьёт, с тем начнутся всякие несчастья.

Уж – животное полезное, – да, я знал всё это, – но когда ужи заползли в детскую и во второй этаж, залезли в подвал и на ледник и, наконец, заползли в нянину кровать, – жить в их компании стало совсем неприятно, и я решил открыть на них войну, несмотря на протесты Доры.

Вместе с дворником Степаном мы перебили несколько десятков ужей и выбросили их в канаву.

В ту же весну я ещё убил большую рыжую собаку лесника. Она бросалась на няню и Лёвушку, когда они, гуляя, проходили мимо сторожки. Собака эта бросалась на людей так, что чуть не сваливала их с ног. Тогда я два раза предупредил сторожа, что, если он не будет держать её на цепи, я застрелю её. Но на следующий день собака опять набросилась на Лёвушку и чуть не свалила няню. Я взял ружьё и, молча подойдя к сторожке, застрелил собаку почти в упор. Жена и дети сторожа выбежали на крыльцо и долго с осуждением и грустью смотрели на меня.

* * *

Второго августа Дора благополучно родила второго сына, Павла (163) и во второй раз её родители приехали в Ясную (164).

[163. Павел Львович Толстой (Паля; 1900-1992).

164. В книге «Моя жизнь» С.А. Толстая писала: «В то время приехали из Швеции родители Доры -- отец и мать -- Вестерлунды и прожили в Ясной Поляне ровно месяц: от 30-го июня до 31 июля. Они приезжали к родам Доры, у которой 20-го июля родился второй сын, Павел. Крестили его 23-го июля. ...» -- См.: Толстая С.А. Моя жизнь // Дом Остроухова в Трубниках... [Вып. 2]. С. 173. Все даты даны С.А. Толстой по старому стилю].

В этот приезд Вестерлунд снова принимал больных, живо интересовался моим хозяйством и подарил мне шведскую рядовую сеялку и косилку.

Раз, когда мы все сидели на балконе, раздался страшный гвалт около конторы управляющего. Была простая сходка мужиков, которые галдели с приказчиком, но Вестерлунд в ужасе вскочил, думая, что началась революция, и инстинктивно устремился туда, откуда шли крики. Я встал и пошёл в контору разобрать, в чём дело, и доктор пошёл со мной.

Спор шёл о земле, о <той> части нашего имения, которую крестьяне обрабатывали, деля урожай пополам с нами. Я сейчас же уладил дело, и «революция» кончилась.

Несколько раз тем летом мы ездили с доктором верхом в далекие кварталы казенного леса Засеки, где он наслаждался русской природой.

Каждое утро он вставал раньше других и уходил один на далекие прогулки, возвращаясь с кучей грибов или цветов.

Я любил его за его добрый, простой и милый нрав, за его постоянное разумное спокойствие сильного и правильного человека.

Глава 20

Мои и отцовские взгляды. «Прелюдия Шопена». Болезнь и смерть Лёвушки. Конец моей постоянной жизни в Ясной. В Петербург

Влияние на меня Европейского Запада было огромное, и, благодаря ему, я скоро создал мои собственные определённые воззрения на жизнь, которые еще дальше отчуждали меня от отца. Правда, в некоторых вопросах я продолжал думать одинаково с ним, но во многих мы резко разошлись.

Я понял, где и как он ошибался, говоря о власти и собственности, о браке и земельном устройстве русского народа, о культуре, о науке и искусстве, которые создали его, о безбрачии, анархизме и других вопросах.

Но со многими мыслями, касающимися религии и веры, морали и гигиены, я соглашался и любил его за эти наши общие нам взгляды. Он был прав, восставая против устарелой православной церкви, которую давно надо было реформировать, хотя не надо было совсем отрицать. Прав, проповедуя трезвость, воздержанность

в пище, питье и браке. Прав, возмущаясь гнилым царизмом.

Но я твердо установил мои собственные взгляды на жизнь и должен был честно держаться их. Поэтому в первых моих литературных сочинениях я не шёл ни на какие компромиссы и либеральничание, нужное для успеха.

После нашумевшей «Крейцеровой сонаты» отца чувство досады овладело мной. Он был не прав кругом в полном отрицании брака, и его повесть, конечно, должна была принести людям больше зла, чем пользы, развенчивая семейное счастье и ослабляя его святость и значение (165).

В ответ «Крейцеровой сонате» я – очень молодой и неопытный – написал рассказ «Прелюдия Шопена», который был напечатан фельетонами (166) в газете «Новое время» (167). Эта молодая повесть вызвала едкие нападки на меня (168), но я до сих пор серьезно думаю, что в ней больше правды, чем в «Крейцеровой сонате» (169).

Вот отрывок диалога из неё.

Студент Камков, нашедший счастье в раннем и чистом браке, говорит своему приятелю Крюкову:

«К сожалению, люди не умеют самостоятельно и здраво мыслить и действовать и в большинстве случаев ищут поддержки в чужой мысли и советах. К несчастью, на свете никого нет, кроме тряпок и глупцов. И вот гибнут эти слабые, простодушные люди, увлекаясь высокими учениями».

Тогда Крюков спросил:

-- Почему же гибнут? Я думаю, что повесть, о которой ты говоришь, принесла много пользы людям.

-- Может быть, но она принесла ещё больше вреда, - опять почти выкрикнул Камков. - Я знаю это по многим примерам. Я намедни встретился с одним толстовцем, и, боже мой, как он раскипятился, когда я стал говорить ему, что говорю вам. Они, бедные, так верят в свои кумиры, что просто жаль опрокидывать их» (170).

Отец прочел мою повесть и рассердился.

«Всё не могу быть вполне добр к Лёве. Трудно, но не унываю, -- записывает он в дневнике. -- Лёва заговорил о своей повести. Я сказал ему больно, что как раз некультурно (его любимое слово) то, что он сделал, не говоря о том, что глупо и бездарно» (171).

Потом он записывает ещё:

«”Крейцерова соната” была полезна» (172).

Он не был сам вполне уверен в этом, иначе не записал бы этого.

После рождения сына Павла, или Пали, который был гораздо чернее и живее Лёвушки как зародившийся в Италии и которого Дора также стала кормить сама, -- Вестерлунды уехали обратно в Швецию, а вскоре за ними уехала в Москву из ”большого дома” и вся старая семья, так что мы с Дорой остались совершенно одни, что мне всегда было особенно приятно (173).

Я любил тихую, занятую жизнь в Ясной с её хозяйством и охотой, с её чудесными осенними и зимними днями, с её бурями и метелями, с её поэтической весной и окружавшей её народной, близкой мне, русской жизнью (174).

Правда, по временам бывало одиноко, так как в Ясной соседей никогда и никого не было, -- и только одна Марья Александровна Шмидт, единственная искренняя толстовка, жившая в имении сестры Тани -- Овсянникове, за станцией Засека, -- часто навещала нас.

Я посылал за ней “плетушку” (175) или сани, и она приезжала иногда на несколько дней.

-- Лёвочка, милый, -- говорила она мне восторженно, - да у тебя царская, царская жизнь. Боже мой, какая роскошь! Дорочка, милая, ну, как ваши ангелы, Лёвушка и Паля?

И она садилась вязать и болтала с нами длинными вечерами (176).

В ту осень я съездил по делам в Москву на два-три дня (177) и, между прочим, купил там для Лёвушки

готовую мелкую барашковую шапочку и теплое пальтецо.

Как-то в начале декабря, когда на дворе была оттепель, я велел запрячь санки и, взяв с собой Дору и Лёвушку, повез их прокатиться. Я правил сам бойкой серой лошадью Крысой и не заметил, как Лёвушка заснул между мной и Дорой в своем новом пальтеце и новой мелкой, не покрывавшей достаточно его лба и затылка, шапочке.

Вечером у него сделался сильный жар, а на пятнадцатый день, в самый день Рождества по старому стилю, его безжизненное мягкое тельце лежало в гробике на столе среди гостиной.

Доктора не смогли ничего. Воспаление мозга, от которого излечиваются немногие, безжалостно потушило его слабенькую жизнь. В последние дни, час за часом я с ужасом следил, как силы постепенно уходили из него (178).

Я телеграфировал в Москву матери (179) и в Швецию Вестерлунду. Мать сейчас же приехала; Вестерлунд немедленно оставил Швецию, но, когда он приехал в Ясную, Лёвушка, уже твёрдый, как мрамор, четвертый день как лежал в своем гробике, ожидая похорон.

Никогда не забуду выражения Вестерлунда, когда он подошел к нему и долго смотрел на него своими большими добрыми глазами.

Дора обезумела. То вдруг она бросалась к телу Лёвушки, наклонялась над ним, звала и говорила ему невнятные слова, то лежала неподвижно на кровати. Молоко её пропало, и она сразу осунулась, как после тяжелой болезни (180).

Я был убит страшным неожиданным горем. Убегал гулять, возвращался и не находил места. Дора бросалась ко мне, и мы плакали вместе и обнимали друг друга (181).

Мы похоронили Лёвушку в зимний холодный день в ограде церкви села Кочаки, в двух верстах от Ясной

(182). Сейчас же после похорон поднялась страшнейшая метель, так что, возвращаясь, мы насилу доехали до дома.

Поздно этой ночью меня разбудила горничная Саша, объявив, что Дора Фёдоровна исчезла куда-то. Я догадался, что она ушла на кладбище, и велел живо запрячь лошадей. Мы встретили её одну в поле, уже возвращавшуюся с могилы, измученную и безумную, насилу шагавшую по дороге, густо и высоко заметённой снегом.

Там, на могилке, она молилась и убивалась, лежа в снегу.

В эти дни она потеряла веру в Бога, который мог, как она повторяла, причинять людям такие жестокие ненужные страдания. Бедная Дора забыла свою болезнь в Гауздале, которая, может быть, была главной причиной смерти слабого Левушки.

Отец написал нам короткую записку в утешение, но, как всегда, в ней было больше холодной философии, чем горячей сердечной теплоты (183). Однако горе наше его взволновало, и он искал верного к нему отношения. Он написал по этому поводу рассказ “Ягоды” (184).

Какие же были главные причины смерти Лёвушки, которых я взволнованно и усиленно искал? Во-первых, его слабая наследственность и физическое воспитание, -- без воздуха, в закрытом помещении, с мукой Нестле (185) как питание, с постелью подле горячей, громадной печки. Во-вторых, мелкая барашковая шапочка, в которой он заснул в санях и которая была причиной простуды его головы. Если бы не было этих причин, то, может быть, он был бы жив и до сих пор.

Сознание моей собственной вины в его смерти мне было мучительно, и я упрекал себя в том, что недостаточно внимательно смотрел за ним (186). Должен признаться, что несколько раз я вспомнил в эти дни, как мы били со Степаном ужей и как я застрелил желтую собаку сторожа.

Исчезновение Лёвушки до такой степени омрачило нашу жизнь в Ясной, что она потеряла для нас всю свою прежнюю прелесть, и я стал серьезно думать о переселении в Петербург, где я мог бы свить для себя и семьи новое, более здоровое и прочное гнездо, поближе к Швеции, чтобы остаться в нем всю мою жизнь.

Другой причиной оставления Ясной была та, что она не принадлежала мне одному и братья теперь уже с более явным недовольством смотрели на мое доминирующее положение в ней.

С этого времени началась новая полоса моей жизни, и вместо деревни и хозяйства я повернул все мои интересы в сторону моей литературной и отчасти общественной деятельности, которые, вместе с семьей и служением России -- в чем и как я мог служить ей, -- с обновленной энергией наполнили мою голову и сердце.

В Петербург! В красивую молодую европейскую русскую столицу, которую Пушкин назвал “гениальной ошибкой Петра” (187). Но ошибся не Пётр, а Пушкин, и будущие русские поколения, по всей вероятности, увидят, что Петербург ещё только начал начерно выполнять свою роль окна в Европу и что в конце этого века он будет одним из самых культурных и богатых городов мира, насаждая по всей России истинную нордическую цивилизацию.

[165. Первое впечатление от повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» было иным. Так, 19 января 1890 года 20-летний студент Московского университета Л.Л. Толстой писал В.Г. Черткову, от которого у него тогда не было секретов:

«Милый друг Дима <...> скажу только, что живу я довольно смирно, вина не пью, стараюсь бросить курить и, конечно же, уже воздерживаюсь от величайшего соблазна и зла, от того, что сказано в “Крейцеровой сонате”, -- от женщин и этого ужасного взгляда на них, как на красивое тело, могущее доставить тебе физическое наслаждение. “Крейцерова соната” -- величайшая повесть отца, ни одно литератур<ное> произведение не может произвести большего действия на нас, молодых людей, навести на большее число мыслей, -- самых важных и вместе с тем самых элементарных. -- ОР ГМТ. Архив В.Г. Черткова, № 60110. Л. 1-2 об. Автограф.

166. В журналистике XIX века слово feuilleton означало большую газетную публикацию (от фр. feuille -- лист, листок).

167. См.: Толстой Л.Л. Прелюдия Шопена: Рассказ // Новое время. СПб., 3/15 июня 1898 года, № 7996. С. 2-3; 9/21 июня 1898 года, № 8002. С. 2-3; 16/28 июня 1898 года, № 8009. С. 2.

168. Уже первые читатели заметили полемику с “Крейцеровой сонатой” Л.Н. Толстого. Издатель “Нового времени” А.С. Суворин сокрушался:

«Я прочитал в корректуре продолжение повести графа Л. Л. Толстого «Прелюдия Шопена». Граф Л.Л. Толстой -- сын нашего знаменитого писателя, и “Прелюдия Шопена” проповедует совершенно противоположное тому, что проповедовал граф Л<ев> Н<иколаевич> в “Крейцеровой Сонате”. Отец смотрит так, сын смотрит совершенно иначе. Два поколения, отрицающие друг друга в самом важном вопросе жизни, и отрицающие радикально, без всяких уступок. Проповедь эту Л.Л.<Толстой> вложил в уста студента Комкова. Если у вас нет времени прочесть всю повесть, прочтите только то, что говорит Комков. Оно того стоит по своей новизне и искренности, а искренность не боится той иронии, на которую все мы так падки».

Заметка подписана криптонимом “Т.А-й”. -- См.: Новое время. СПб., 9/21 июня 1898 года, № 8002. С. 3. См. также: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х томах. М., 1956. Т. I. С. 71; Т. IV. С. 458.

“Крейцерова Соната” -- речь идёт об одноименной повести Л.Н. Толстого (1888-1890), в тексте которой особую роль играет соната Людвига Ван Бетховена (Beethoven; 1770-1827) для скрипки и фортепиано № 9, посвященная немецкому скрипачу Рудольфу Крейцеру (Kreutzer; 1766-1831).

169. Ещё до окончания публикации 10 июня 1898 года ироничная статья под названием «Простое средство от больших бед» появилась в газете «Сын Отечества»:

«Таким образом, чтобы студенты не производили беспорядков, их надо переженить всех до единого. Это нечто совсем новое» (№ 155. С. 2).

Напрасно А.С. Суворин отложил публикацию на лето в надежде на то, что читатели не обратят на нее серьезного внимания. Повесть Л.Л. Толстого и в “мертвый сезон” вызвала оживленную полемику. Уже в июльском номере журнала “Книжки Недели” в обзоре русской печати была сделана попытка не только рассмотреть две повести, но и найти точки соприкосновения между ними:

«Было бы несправедливо объяснять успех рассказа только заманчивым соблазном для публики быть свидетельницей “восстания” сына против великого отца; нет, рассказ Толстого-сына действительно является наиболее горячим и живым возражением “Крейцеровой сонате”.
Разногласие Толстого-сына с Толстым-отцом начинается уже с их отношения к музыке. В “Крейцеровой сонате” музыка является чуть ли не источником преступления, на неё ложится обвинение в раздражении полового чувства; «в “Прелюдии Шопена” герой рассказа прибегает к музыке, чтобы успокоиться».
При всем разногласии “Прелюдии Шопена” с последними идеями Л.Н. Толстого, в рассказе чувствуется и известная близость к ним, именно в требовании от молодёжи целомудрия до брака» (СПб., 1898, № 7. Отд. II. С. 195-201).
Но гораздо чаще рецензенты с удивлением отмечали очевидную антитолстовскую направленность “Прелюдии Шопена”. Один из критиков писал:

«Если нас коробило от речей неврастеника Позднышева, то воззрения юного студента прямо ужасны. Всем, кто читал “Прелюдию Шопена”, по временам казалось, что они имеют дело с явлениями, знакомыми ещё со школьной скамьи, казалось, что перед ними оживают фонвизинские герои. Таков “прогресс”, таковы успехи “детей”, явившихся на смену поколения Позднышевых». -- См.: Эльманович Н. Отцы и дети: Литературные наброски // Московские ведомости. 12 сентября 1898 года, № 251. С. 3.
Самым блистательным выступлением против повести Л.Л. Толстого был фельетон Виктора Петровича Буренина (1841-1926), печатавшего под псевдонимом граф Алексис Жасминов цикл «Шедевры беллетристики последнего образца (Ultima Forma)». В раздел «Шедевр четвертый» он включил «Матримониальную симфонию» Баха. Opus I. Повесть с “новой идеей”. Эпиграфом к пародии на сочинение Л.Л. Толстого критик поставил двустишие:

«Я написал сей первый opus
Затем, чтоб удивить Европу-с».

В заключительном фрагменте пародии В.П. Буренин писал о герое-семикласснике, только что открывшем для себя “новую истину”:

«Он подскочил к пьянино, стоявшему в его комнате, открыл его, сел и заиграл что есть мочи известную всему миру матримониальную симфонию или фугу Баха, недавно сочинённую покойным композитором на том свете специально для автора сей повести “с новой идеей”, сочиненную, кажется, в пику Бетховену и Шопену,

после того, как соната первого и прелюдия второго послужили заголовками для произведений двух русских писателей, родственных между собою, но отнюдь не сходных по духу; по размерам же дарования соотносящихся один к другому как 1.000.000:1 ». -- См.: Новое время. СПб., 11/23 сентября 1898 года, № 8096. С. 2; 18/30 сентября 1898 года, № 8103. С. 2.

Особо следует отметить подпись, придуманную В.П. Бурениным и пародирующую все возможные варианты подписи Л.Л. Толстого:

«Тигр Тигрович Соскин-Младенцев.
Москва. Тупик у Спаса на Болвановке. Жёлтый дом».

Сообщения о столь необычной полемике сына с отцом вскоре появились и иностранной прессе. -- См.: RussiaTs Literary Sensation: The son of Tolstoi writes an antidote for УThe Kreutzer SonataФ // Pittsburg Dispatch. August 14, 1898; Tolstoi and His Theories: Controverted by his son in a reply to УThe Kreutzer SonataФ // Morning Leader. London, August 17, 1898; Count Tolstoi and His Son // Glasgow Evening News. August 18, 1898; Literary Notes // Pall Mall Gazette. London, August 24, 1898; Tolstoi the Son Versus Tolstoi the Father // Literary Digest. N.Y., August 27, 1898; Glasgow Evening Times. August 31, 1898; World. London, August 31, 1898; Musical Courier. N.Y., September 1, 1898; Newcastle Daily News. September 1, 1898; Evening News. London, September 3, 1898; Illustrated London News. September 3, 1898; Star. September 8, 1898; Tolstoy and His Son //Clarion. London, September 17, 1898; Argonaut. San Francisco, September 26; Daily News. London, September 26; Musical Courier. N.Y., October 5, 1898; Weekly Sun. October 9, 1898; London Morning. October 10, 1898; Clarion. London, October 15, 1898; Literature. October 15, 1898; Elgin Courant. October 19, 1898; London Review. October 22, 1898; The Tolstoy Family //Elgin Courant. January 24, 1899; Lancashire Express. Lancaster, January 24, 1899; Westminster Budjet. London, February 24, 1899; etc. Ц Отдел книжных фондов ГМТ. Коллекция В.Г. Черткова.

Аргументы Л.Л. Толстого в защиту своей позиции -- в письме А.С. Суворину от 27 июня 1898 года. -- См.: Сын и отец // Лица. - Т. 4. С. 179-180.

В письме известному историку литературы и библиографу С.А. Венгерову, которое условно можно датировать летом 1901 года, Л.Л. Толстой утверждал, что из всех опубликованных им сочинений, рассказ «Прелюдия Шопена» был особенно замечен. В нём я искренно выразил мое мнение, что ранний брак большое благо и что чистый брак благо вообще, которого не нужно избегать, а к которому нужно

стремиться. Рассказ явился возражением «Крейцер<овой> Сонаты» отца. -- ИРЛИ, ф. 377, 1-е собр., № 2743. Л. 2 об. Автограф.

170. Л. Л. Толстой не вполне точно цитирует повесть. Героя зовут Комков.

В архиве Л.Л. Толстого сохранились газетные вырезки с авторской правкой. -- ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого, № 18-б. Л. 1-2. В мае 1900 года Л.Л. Толстой написал предисловие к повести и включил её в кн.: Толстой Л.Л. «Прелюдия Шопена» и другие рассказы. М., 1900. С. 3-52.

Разговор Комкова с Крюковым с большими сокращениями взят из VII части повести. -- Там же. С. 37-41.

Повесть была переведена на сербский и немецкий языки. -- См.: Tolstoi L. Chopinova predigra / Previo I.L. Zagreb, n.d.; Tolstoi L. Ein Praludium Chopins. Berlin, 1899; Tolstoi L. Ein Praludium Chopins / Deutsch von Wilhelm Thal. Berlin: H. Steinitz, 1901.

Она не переиздавалась до последнего времени. Современные издатели посчитали возможным столкнуть в лоб сочинения отца и сына, объединив их под одной обложкой без всякого комментария. -- См.: Толстой Л.Н. Крейцерова соната; Толстой Л.Л. Прелюдия Шопена. М.: Фонд имени И.Д. Сытина; Зарницы, 2004.

171. Не вполне точная цитата из двух дневниковых записей Л.Н. Толстого от 14 и 22 июня 1898 года. -- Ср.: ПСС. Т. 53. С. 199.

172. Не вполне точная цитата из Дневника Л.Н. Толстого от 15 декабря 1900 года. Ср.: «...вспомнил: и Крейц[ерова] С[оната], и Вл[асть] Тьмы, и даже Воскр[есение], я писал без всякой думы о проповеди людям, о пользе, и между тем это, особенно К[рейцерова] С[оната], много принесло пользы. ...» -- Там же. Т. 54. С. 72.

173. Это произошло позднее, почти через три месяца после отъезда Вестерлундов 31 июля 1900 года (см. выше в Главе 19). 18 октября 1900 года Л.Н. Толстой уехал из Ясной Поляны в Кочеты к Сухотиным, а 20 октября С.А. Толстая с младшей дочерью Сашей переехала в Москву, куда 3 ноября 1900 года приехал и Лев Николаевич. -- См.: Толстая С.А. Дневники. -- Т. 1. С. 457.

174. 28 октября 1900 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой из Ясной Поляны:

«Дорогой родительнице и благодетельнице нашей Софье Андреевне во первых строках моего письма приношу мое сыновнее уважение и с любовью низкий поклон. В имении вашем не благополучно, ночью срубили пять дубов, украли из парников бочку (вот до чего дошел народ), из сада -- народ озорничает, -- таскают все

яблочную сушь. Остальное все слава Богу. У коров только ноги сильно болят, все еще ящур не вывелся. Остальное все благополучно. Сторожа только лесного все не нанимают, а без <н>его оченно даже плохо, потому что народ распущен до безобразия, -- «только одного Лёвочки и боятся».
Я уже катаюсь с <дворовыми> ребятами на коньках. <Е> Наши братики молодцами пока, Дора тоже, с радостью думает о Вашем приезде. <....> По вечерам каждый день с увлечением переплетаем книги с Иваном. Начал писать две новые вещи и ни в одну еще не втянулся. <...> Целую Вас, милая старушка, и с удовольствием думаю о Вашем приезде». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14178. Л. 1-2 об. Автограф.

"...только одного Лёвочки и боятся..." -- вероятно, Л. Л. Толстой приводит слова кого-то из домашних, м.б., М.А. Шмидт. См. о ней ниже примеч. 176.

"Иван" -- слуга Л.Л. Толстого. См. о нем выше примеч. 68.

175. Повозка с плетёным верхом.

176. В письмах этого периода М.А. Шмидт упоминается в ином контексте. Так, 10 ноября 1900 года Лев Львович писал С.А. Толстой в Москву:

«Милая мама, каждый день ждем Вас. <...> У нас новость грустная та, что Мар<ья> Ал<ександровна> почти при смерти. <...> У ней вроде брюшного тифа что-то. <...> Мы здоровы. Братики наполняют жизнь, спасибо им, и напоминают о ее важном значении.
Сегодня день был такой яркий, с розовыми макушками берез, покрытых инеем, со снегом и розвальнями, и Мар<ья> Ал<ександровна>, умирающая в своей избенке, Ц так сильно было впечатление от всего этого. До свидания. Ваш Лев». -- Там же, № 14179. Л. 1-1 об. Автограф.

177. Деловая поездка -- не в Москву, а в Самару и в Петербург -- была вызвана необходимостью продажи одной из деревень для того, чтобы иметь возможность купить дом в Петербурге, куда Л.Л. Толстой хотел переехать в скором времени. В том же письме С.А. Толстой от 10 ноября 1900 года он сообщил:

«Я продал Бобровку за 20.000 <рублей>, жалко было, но, если покупать дом, что я, верно, сделаю в след<ующую> поездку в Пет<ербург>, надо иметь все деньги налицо». -- Там же. Л. 2. Автограф.

В середине декабря 1900 года Л.Л. Толстой ездил в Петербург оформлять купчую на дом в центре столицы. 17 декабря 1900 года С.А. Толстая писала в дневнике:

«Вчера вечером вернулась из Ясной Поляны и страшно утомилась и душой и телом. Застала внука Лёвушку в жару, Дору беспокойную и тоже нездоровую; Лёва при мне уехал в Петербург, где купил дом, и очень грустно было видеть беспокойство матери над день и ночь стонущим и жалующимся ребенком». -- См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 467.

178. Через несколько дней после отъезда матери Л.Л. Толстой писал ей:
«Левушка слаб, язык ужасный, жар был вчера вечером 39,2, утром 37,4, сегодня утром 37,6. Скоро не поправится. Заезжала М.А.<Шмидт>, которая сегодня же уехала. М<ожет> б<ыть>, пошлем завтра за Рудневым. Здесь страшные снега, все засыпали. Целую вас всех. Очень рад, что побыл с Вами.
Лев.
<...> У Лёвушки сейчас 38,9, но он очень слаб.
19 дек<абря> вечером». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14436. Л. 1 об. Автограф.

О Рудневе см. выше примеч. 33.

День спустя тональность письма существенно изменилась:

«Детский врач из Москвы, верно, уже рассказал Вам про все. Пишу вечером дня его приезда. Поставили мушку, даём коломель внутрь, кладём лёд. От отчаяния переходим к надежде. Я перешел спать на место няни с Д<орой> и Л<ёвушкой>. Всю ночь он не спит, и ноет, и бредит от паралича мозга, но утром и минутами опять <приходит в> сознание. Глаза косят и вышли наружу, слабость и худоба страшные. Телеграфировал Вестерлунду. Москов<ский> врач, да и тульский Стрелжбицкий мало обнадеживают, так что вне их приходится искать надежды. Что с Вами? Конечно, не ездите, если повредите себе, но Д<ора> страшно ждет Вас и теперь поняла, как она Вас любит. Комната топится. Пожалуйста, пошлите доктору, приезжавшему сюда, 200 рублей. У меня не было под рукой, и ничего ему <не> дал. К тому <же> он спешил назад. Я отдам Вам долг, когда хотите. Д<ора> не спала всю ночь, да и я мало, -- будем делать все и надеяться до последнего часа.

Л<ева>». -- Там же, № 14437. Л. 1 об. Автограф. Датируется условно по содержанию, а также на основании почтового штемпеля получателя на обороте открытки:

«Москва 23/XII-1900ї. -- Там же. Л. 1. Косвенное подтверждение -- в дневниковой записи С.А. Толстой от 23 декабря 1900 года. -- См: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 468.

"каломель" -- препарат, изготовлявшийся на основе ртути, в конце XIX века рассматривался едва ли не как панацея от всех болезней. -- См.: Энциклопедический словарь. - Т. XXVII. С. 187.

Имя детского врача из Москвы -- Сергей Иванович Верёвкин (1860-1927). Он был опытным врачом и практиковал уже много лет. -- См.: Календарь для врачей всех ведомств: 1900: В 3-х частях. СПб., 1900. Ч. III. Стб. 249.
Подтверждение этого -- в недатированном письме С.А. Толстой сыну. В начале 1901 года она сообщила:

«Верёвкину, по общему совету, я давно послала 150 р<ублей>. Пусть это будет моя последняя лепта любимому внучку. Он тоже написал очень милую записку сочувствия и сожаления, что не мог помочь». -- ИРЛИ, ф. 303, № 680. Л. 3 об. Автограф. Подчеркнуто С.А. Толстой.

В архиве С.А. Толстой сохранилась эта записка:

«Ваше Сиятельство
Графиня София Андреевна!
Глубоко тронутый Вашим письмом, я могу выразить только мое искреннее сожаление, что мне пришлось посетить Вашу семью при таких обстоятельствах, когда, кроме утешения и сочувствия, я ничем больше не мог быть полезен.

С истинным почтением остаюсь всегда готовый к услугам
С. Верёвкин.

Москва, января 10
1901 г<ода>». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 4979. Л. 1. Автограф.

"Стрелжбицкий" -- от волнения Л.Л. Толстой неверно написал имя тульского детского врача Ивана Казимировича Стржельбицкого (род. в 1863 году). -- Календарь для врачей: 1900. Ч. III. Стб. 549; Памятная книжка Тульской губернии на 1900 год. -- Отд. I. С. 148. См. также: Маковицкий Д.П. У Толстого. -- Кн. 1. С. 454, 464.

Сохранилось и еще одно письмо этого периода времени. 22 декабря 1900 года Л.Л. Толстой писал Владимиру Галактионовичу Короленко (1853-1921):

«Дорогой Владимир Галактионович, сегодня утром получил письмо Ваше и отвечаю Вам на него в слезах. Мой старший сын Лёвушка умирает от воспаления мозга, и я переживаю страшные дни. Надежды совсем мало, жена и я переходим от отчаяния потери к слабой надежде. Но её нет. Два доктора <смотрели>, оба поставили безнадёжную диагнозию. <...> Если буду жить после урока, благопосланного <неразб.> мне, буду жить и мыслить иначе. Все перевертывается при мысли потерять то, во что клал жизнь. <...>» -- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (в дальнейшем -- ОР РГБ), ф. 135, разд. II, карт. 34, ед. хр. 82. Л. 5-6. Автограф.

Надежда таяла с каждым часом, и Л.Л. Толстой признался матери:

«Пишу, чтобы сказать Вам о нас, чтобы поблагодарить за письмо, которое мы читали в слезах.

Мушку поставили сейчас третью уже, прочтя, что они спасли Андрюшу. Послали за Рудневым, Дора непременно просила. Она сидит сейчас у него и читает все Еванг<елие>. Он в полном забытьи. Лицо то краснеет, то бледнеет опять, то покрывается пятнами. Желудок не работает уже никак. По рту мокрота, и при дыхании начался уже хрип. Лед мы не снимаем с головы. Теперь долго не протянется. Или чудо и поворот на лучшее, или конец. Вестерлунд едет сюда, бедный старик. Он телеграфирует, что будет в Москве в среду после 12-ти. Он едет сухим путем через Копенгаген. Было бы хорошо, если бы кто-нибудь мог встретить его в Москве и проводить с вокзала на вокзал. М.А.<Шмидт> с нами. Для меня жизнь вся перевертывается. Было одно, начинается другое. И чувство неискупаемой вины перед Л<ёвушкой> мучительно. Д<ора> сравнительно благоразумна, но самое страшное впереди, когда уже надежды не останется.

24 дек<абря> 1900 <года>». -- ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14182. Л. 1-2. Автограф.

179. 25 декабря 1900 года из Засеки в Москву на имя С.А. Толстой пришла скорбная телеграмма: «Левушка скончался <в> 9 вечера <в> сочельник<.> Дора умоляет приехать<,> пугаюсь ее состоянием<.> Лев». -- Там же, № 14156. Л. 1.

180. Об этом С.А. Толстая подробно написала мужу, оставшемуся в Москве, 26 декабря 1900 года. -- См.: Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. -- С. 740-741.

На следующий день она отправила еще буквально несколько слов:

«Мы здоровы, бедные огорченные родители так утомлены горем, что стали как будто на вид спокойнее. Ждём сегодня в ночь Вестерлунда. <...> Завтра похороны, пожалейте нас. Целую всех.
С. Толстая
27 декабря 1900 г<ода> в ночь». -- ОР ГМТ. Архив Л.Н. Толстого, п. 72/2, № 581. Л. 1 об. Автограф.

181. Работая над книгой «Моя жизнь», С.А. Толстая позднее писала: «Состояние обоих родителей было ужасно. Дора выкрикивала громким голосом, звала Лёвушку, говорила бессмысленные слова, а теперь прошло с тех пор более 15-ти лет, а когда вспоминаю это время, в ушах моих раздаются отчаянные крики матери: "Не может быть!!! Не может быть!!!" Мы все плакали, глядя на бедную Дору. Лёва почти все время сидел возле неё. Пошёл он было прогуляться, погода была чудесная: солнце ярко светило, небо безоблачное, голубое, так все красиво в природе. Но природа только обостряет все человеческие чувства; горе, радость, любовь, отчаяние -- все делается сильнее, все страстнее переживается. Так было и с Лёвой. Вспомнит он, как он гулял с Левушкой, как играл с ним и дворовой девочкой Акулей в прятки или в мяч, и плачет. А то бросятся они, бывало, в объятия друг друга и, обнявшись, безумно рыдают. Ужас! Я измучилась, глядя на их горе, плачу и теперь вспоминая». -- См.: Дом Остроухова в Трубниках... [Вып. 2]. С. 179.

182. В день похорон, 28 декабря 1900 года, С.А. Толстая писала мужу в Москву: «У меня такое чувство, что убейте меня, ну, ещё, и ещё, всё как-то застыло во мне от всего тяжелого, что приходится переживать. <...> Сейчас будут увозить Лёвушку, у меня вся внутренность дрожит, как все стало тяжело!» -- ОР ГМТ. Архив Л.Н Толстого, п. 72/2, № 582. Л. 1-2 об. Автограф.

183. В первоначальном варианте было так:
«Отец в нашем горе, как всегда в таких случаях, больше философствовал, чем выражал истинное и непосредственное, единственно нужное тем, на кого падает горе, сочувствие. Он на клочке бумажки написал мне несколько слов утешения и больше ничего.

Эту записочку я позднее подарил писателю Метерлинку, как автограф, когда встречал его позднее в Ницце. Я не дорожил ею потому, что в ней не было теплоты». -- Там же. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 78. Черновой автограф.

Текст этой записки неизвестен. В Ницце Л.Л. Толстой был в начале 20-х годов. Нигде больше он не упоминал о своей встрече с

бельгийским писателем Морисом Метерлинком (Maeterlinck; 1862-1949).

Действительно, Л.Н. Толстой написал сыну в ответ на две его телеграммы, отправленные в Москву 23 декабря 1900 года:
«Ещё жив постепенно теряет силы в забытьи покоряемся» и «Спасибо за письмо надежды мало ждем конца как мама телеграфируйте Толстые». -- Там же. Архив С.А. Толстой, №№ 14158-14159.

На следующий день Л.Н. Толстой начал свое письмо Д.Ф. и Л.Л. Толстым так:

«Получили вчера вашу телеграмму и очень огорчились за бедного Лёвушку, за вас, особенно за Дору». -- ПСС. Т. 72. С. 536.

29 декабря 1900 года он записал в Дневнике: «Лёвы умер ребено[к]. Мне их очень жаль. Всегда в горе есть духовное возмездие и огромная выгода. Горе -- Бог посетил, вспомнил» -- Там же. Т. 54. С. 76.

30 декабря 1900 года в конце письма Л.Н. Толстого жене есть несколько по-настоящему теплых слов, адресованных молодым родителям: «... Всем сердцем чувствую ваше горе, милые Дора и Лёва, и желаю и надеюсь, что вы найдете утешение и опору там, где она только и есть, в Боге. ...» -- Там же. Т. 84. С. 355.

184. Рассказ написан позднее, в июне 1905 года, и включен Л.Н. Толстым в «Круг чтения». -- Там же. Т. 41. С. 450-460; Т. 42. С. 614-615.

185. "Молочная мука Нестле" -- смесь для грудных детей из коровьего молока, пшеничной муки и сахара, разработанная в середине 60-х годов швейцарской кампанией Генриха (Анри) Нестле (Nestle; 1814-1890) и через несколько лет пришедшая в Россию. Эту смесь врачи рекомендовали для вскармливания маленьких детей, а также в путешествии с ними. -- См.: Московские ведомости. 22 октября 1873 года, № 266. С. 4.

186. В архиве Л.Л. Толстого сохранились стихи, написанные в первые мучительные месяцы:

НА СМЕРТЬ ЛЁВУШКИ

Весна -- и солнце вновь залило мир кругом
И в мир души моей украдкой заглянуло,
И больно, точно раскаленным лезвиём
Мне в сердце, полное тоски, кольнуло.

О, солнце яркое! Как ты гнетёшь меня!
О, пусть вся жизнь вины той будет искупленье...

Виню себя за то, что потерял тебя,
Ребёнок дорогой, мой сын и утешенье.

Да, я один, тебя любивший без конца,
Убил неправдой, злобою, тревогою исканья,
И слёз дешевых, пошлых нет уж у меня
И, гордый, не могу молиться от страданья.

Могу лишь мучиться ещё и горевать...
Могу лишь молча и смиренно покориться,
Казнить себя, страдать и терпеливо ждать,
Чтоб и моя пора пришла освободиться...

-- ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого, № 12336. Л. 2. Черновой автограф датирован 1901 годом.

С небольшими разночтениями стихотворение сына записано С.А. Толстой в книге «Моя жизнь». -- См.: Дом Остроухова в Трубниках... [Вып. 2]. С. 181. Кроме того, беловой и черновой автографы этого стихотворения -- с большими разночтениями и без названия -- есть в подборке поэтических произведений, подготовленных Л.Л. Толстым к печати, но не публиковавшихся до сих пор. -- ИРЛИ, ф. 303, № 17. Л. 5-6.

Кроме того, в архиве Л.Л. Толстого сохранился фрагмент, начинающийся словами: «Болезнь Сережи сына пала на него, как снег на голову» -- Там же, № 19. Л. 1-7. Черновой автограф без начала и без названия. Содержание рассказа очень близко тому, что известно из писем Л.Л. Толстого разным адресатам о болезни и смерти Лёвушки.

187. Л.Л. Толстой ошибся: точку зрения Н.М. Карамзина он принял за пушкинскую. Ср.: «Утаим ли от себя ещё одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае Государства, среди зыбей болотных, в местах, осуждённых природою на бесплодие и недостаток». -- Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб: Наука, 1991 (репринт. издание 1914 года). С. 30-31].

Книга II

[На обложке машинописного экземпляра "Книги II" Л.Л. Толстой написал:
«Кн. II - ая.
Последняя редакция
Эта рукопись драгоценна.
Берегите её и напечатайте». – Обл. С. 3. *Автограф*].

Глава 1

Переезд в Петербург. Мои писания. Рождение Никиты и болезнь Доры. Египетские кары. Смерть болгарки. Оставление Египта и конец вегетарианства

Бедное существо человеческое тратит все свои силы на борьбу за свою личную жизнь и жизнь своей семьи, так что ему не остаётся ни времени, ни сил не только на заботу и служение человечеству, но даже на помощь своему народу, от которого зависит в большой мере его собственное благополучие.

Только в том случае, когда человек и его семья материально обеспечены, он может уделять небольшую часть себя родине и общечеловеческим интересам, но редко мы находим людей, которые сознательно ставят это служение впереди семьи, и ещё реже таких, которые жертвуют всем ради блага человечества.

Большинство живёт для себя, только для материи. Вся же необходимая перестройка жизни человечества в смысле его счастья, одухотворения, морального и материального развития возможна будет только тогда, когда все люди или, во всяком случае, громадное их большинство, будут жить для блага всего человечества столько же, сколько для себя самих, и потому, конечно, истинный прогресс человечества так труден и медленен.

До сих пор не выработаны формы такой цивилизации и культуры, в которых, с молодости и до конца жизни,

люди имели бы возможность и силы служить другим более, чем себе. В современной цивилизации они постоянно ищут и борются, делают бесконечные ошибки, страдают и тратятся, и только в лучших случаях, чаще всего косвенно и невольно, они могут кое-как делать добро своим ближним.

Продолжаю моё повествование.

В те дни, когда я решил переехать в Петербург, у меня был дом в Москве и 400 десятин земли в Самарской губернии, – целое хорошее состояние, доставшееся мне от отца, когда он разделил собственное миллионное состояние между своими девятью детьми и женой. Чтобы прочно обосноваться на новом месте и обеспечить себя материально, я продал моё имущество(1) и купил в Петербурге дом, в котором свил себе новое гнездо.

[1. Л.Л. Толстой ошибся: решение продать дом в Москве возникло гораздо раньше, ещё до рождения Лёвушки, весной 1898 года. С.А. Толстая очень сетовала, что ей пришлось срочно выкупать дом в Хамовниках, так как Лев Львович, не предупредив ее заранее, вдруг решил оформить сделку, по существу поставив её перед фактом. 18 апреля 1898 года она записала в дневнике: «Приезжал Лёва, вдруг продал дом через какого-то комиссионера и меня не предупредил. Мне стала страшна перемена, стали страшны хлопоты, жаль дома, и я его оставила за собой, сама теперь остаюсь почти без денег, с долгами за издание. Дом мне достается очень дорого, за 58 000 <рублей> почти. ...» – См.: *Толстая С.А.* Дневники... Т. 1. С. 376].

Дом этот в два этажа продала мне графиня Клейнмихель (2) за сто десять тысяч рублей, и, так как у меня оставались ещё свободные деньги от самарской земли, я решил надстроить над ним третий этаж для себя и семьи.

[2. Графиня Мария Эдуардовна Клейнмихель (урожд. гр. Келлер; 1846 - 1931) владела несколькими домами в Петербурге. – См.: Весь Петербург ... на 1901 год... Отд. III. С. 260; Отд. IV. С. 133, 276, 347, 358, 376.

Л.Л. Толстой купил у неё дом № 19 по Таврической улице. – Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1102, оп. 3, ед. хр. 78 в. Л. 3 10. В первоначальном варианте Л.Л. Толстой так объяснял свой выбор: «<...>меня привлекло к нему < ...> то, что он был кирпичной, прочной постройкой, что под

ним было 500 квадратных саженей земли и что он имел двадцать квартир во флигелях, что его можно было надстроить ещё одним этажом для моей собственной квартиры.

Всё это я обдумал с практической стороны, предвидя также, что большой Таврический сад против окон будет прекрасным местом для детей. Как раз против ворот дома, по инициативе графини Клейн Михель, была сделана калитка в сад. <...>» – ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого. Кп-23789, № [1]. Л. 79 80. Черновой автограф].

Брат моей матери, дядя Вячеслав Берс, который вернулся с Урала и занимал теперь место городского инженера в Петербурге, взялся помочь мне в этом(3).

[3. Инженер путей сообщения В.А. Берс (см. о нём примеч. 138 к Главе 8 Книги I) в это время служил старшим инспектором городского комитета по постройке Троицкого моста в Петербурге. – См.: Весь Петербург ... на 1901 год... Отд. III. С. 52.

Он действительно принял деятельное участие в судьбе Л.Л. Толстого. Получив известие о смерти Лёвушки III , В.А. Берс 29 декабря 1900 года отправил в Ясную Поляну письмо, в котором не только выражал сочувствие молодым родителям, но и настоятельно звал их в Петербург:

«Дорогой друг Лев!

Твоё последнее письмо огорчило нас до крайней степени. Большое горе! Но что же делать? – надо покориться на свете всему.

Твои приезды в Петербург нас заставили както сжиться и сблизиться между собою, и интересы обеих наших семей както соприкоснулись. Поэтому нам с женой, может быть, понятнее и чувствительнее ваше горе, чем многим другим.

Но всё-таки живым надо думать о живом и никогда не терять духа. <...>надеемся, что вы не оставите намерение переехать в Петербург. От судьбы нигде не уйдешь, и самые лучшие условия жизни (как яснополянские) не спасают от несчастия.

Вячеслав».

– ИРЛИ , ф. 303, № 162. Л. 8 9. Автограф.

15 февраля 1901 года В.А. Берс предложил взять на себя наблюдение за постройкой.– Там же. Л. 13 об.

А 1 сентября 1901 года В.А. Берс сообщил Л.Л. Толстому приятную новость: в перестроенный дом можно въехать уже через пять-шесть дней. – Там же. Л. 27.

Первое письмо Л.Л. Толстого из Петербурга адресовано больному отцу в Кореиз. Оно написано 14 сентября 1901 года, до приезда Д.Ф. Толстой с сыном из Швеции, и свидетельствует о том, что переселение в столицу далось главе семейства нелегко: «<...>киплю в работах кругом меня, в муке и суете города. Наше место, хотя и против сада, очень шумное, и я чувствую, что трудно будет привыкнуть к тому, к чему привыкать не должно. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14206. Л. 1. Автограф. Открытка сохранилась среди писем, адресованных С.А. Толстой].

В моём доме, как я слышал, жил когда-то Сперанский(4) и писал в нём свою конституцию. Когда-

то он был особняком, без квартир и магазинов, но, когда я купил его, в нём уже были два доходных магазина – булочная и казённая винная лавка, которую я упразднил(5).

[4. В первоначальном варианте было так: «<...>и<,> может быть<,> в нём составил проект своей русской конституции для Александра I. В этом же доме тогда бывал у Сперанского Пушкин. <...>» – Там же. Архив Л.Л. Толстого. Кп 23789, № [1]. Л. 79. Черновой автограф.

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) – выдающийся русский государственный деятель, автор многих проектов реформы Российской империи, так и оставшихся не востребованными. В 1802 году в наброске, озаглавленном «Еще нечто о свободе и рабстве», М.М. Сперанский писал о таком типе государства, «в коем никто не может быть принуждён к труду единым произволом другого и в коем труд составляет неотъемлемую каждого собственность. Сей есть величайший степень свободы и равенства, какой только можно иметь в обществе». – См.: Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л.: Издво АН СССР, 1961. С. 85.

После того, как в марте 1812 года император Александр I (Александр Павлович Романов; 1777 1825) приказал сослать своего бывшего советника по делам внутренней политики, все бумаги М.М. Сперанского были опечатаны, и даже существование их держалось в строжайшей тайне. Даже после возвращения М.М. Сперанского из ссылки в Петербург и определения его членом Государственного Совета в марте 1821 года мало что изменилось, и реформировать государственную машину, державшуюся на самодержавии и крепостном праве, вплоть до 1861 года не представлялось возможным.

Жил ли М.М. Сперанский в 1808 - 1809 годах в доме № 19 по Таврической улице, и писал ли он именно там «Проект Уложения государственных законов Российской империи», установить не удалось. С осени 1809 года до начала 1812 года, т.е. до своего увольнения и ссылки, М.М. Сперанский жил в собственном доме на левом углу Сергиевской улицы, который находился по другую сторону Таврического сада. – См.: Жизнь графа Сперанского: В 2-х томах / Составитель барон М. Корф. СПб., 1861. Т. I. Ч. I. С. 275 - 281.

Впоследствии этот дом также принадлежал графине Клейнмихель. – См.: Весь Петербург ... на 1901 год... Отд. III. С. 260; Отд. IV. С. 347.

5. Не вполне точно. На самом деле в доме № 19 по Таврической улице находились булочная, мясная лавка и сапожная мастерская. – См.: Весь Петербург ... на 1900 год... Отд. II. Стб. 1044, 1151, 1161.

Винная лавка № 298 была зарегистрирована в доме № 17. – Там же. Стб. 1054. В.А. Берс в своих письмах Л.Л. Толстому предлагал перестроить сапожную мастерскую. – ИРЛИ, ф. 303, № 162. Л. 21 - 22].

Весь дом с его флигелями я перестроил по-своему и разбил на квартиры.

Верхний этаж, выходивший на улицу и в сад(6), я оставил для семьи.

[6. Вскоре Л.Л. Толстой оценил близость Таврического сада. Уже 19 сентября 1901 года, сразу же после возвращения в Россию Д.Ф. Толстой с сыном, он писал С.А. Толстой: «Милая мамá, вчера приехала Д<ора> с П<авликом> на пароходе из Стокгольма, прямо сюда, и мы теперь вместе, хотя ещё не устроились и Д<ора> ещё не привыкла к своей новой жизни. <...> Что хорошо, – это сад. Павлик, как приехал, так отправился туда гулять, и его оттуда принесли сонного. <...> Сижу с открытым окном на Т<аврический> сад, где осень жёлтая уже ссыпает лист на дорожки, по которым гуляют дети. Шум в воздухе постоянный, но пусть его шумит. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14207. Л. 12 об. Автограф].

В ту пору я преследовал три главные цели: первое – создать дружную и здоровую семью, второе – составить достаточное для детей и для себя состояние и третье – служить, насколько я мог, России.

Уже в Ясной я написал несколько статей против крестьянской общины и напечатал их, обратив внимание правительства на этот важнейший вопрос(7).

Позднее, когда премьером сделался Столыпин(8), эта реформа, казалось, была близка к осуществлению, но, вместо того чтобы поддержать её, безмозглая Дума подняла против неё целую бурю(9), которая кончилась убийством Столыпина и провалом его планов(10).

Власть не умела в то время закрывать рты печати, как она делает это теперь не в одной России. Она не умела вовремя и окончательно устранять вредные элементы общественной среды, которым была предоставлена совершенно непонятная свобода.

Говорят о «деспотизме» царского времени. Этот «деспотизм» был не деспотизмом, а преступным попустительством, данным худшим элементам страны(11).

[7. В январе-марте 1899 года в столичной прессе были напечатаны две статьи Л.Л. Толстого против общины, которые позднее вошли в отдельную книгу.

Получив рукопись очерка «Мир дурак», А.С. Суворин 13 декабря 1898 года писал автору: «<...> Рассказ Ваш набирается. Хотя он противоречит нашим взглядам на общину, мы его напечатаем и он хорошо написан и может возбудить

разговор. <...>» – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (в дальнейшем – ОР РНБ), ф. 115, № 66. Л. 6. Рукописная копия из архива библиографа и коллекционера А.Е. Бурцева.

Действительно, через три недели этот очерк был опубликован. – См.: Толстой Л.Л. Мир дурак (Очерк) // Новое время. СПб., 17 января 1899 года, №№ 8209, 8210.

Редакторское чутьё не подвело А.С. Суворина, хотя отклики на это выступление Л.Л. Толстого против общины были скептические. Так, А.П. Чехов 27 января 1899 года писал А.С. Суворину: «... Конструкция рассказа плоха, уж лучше бы прямо статью писать, но мысль трактуется правильно и страстно. Я сам против общины...» – См.: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти томах. Письма: В 12-ти томах. М.: Наука, 1977. Т. 8. С. 24.

Л.Л. Толстой продолжал убеждать читателей в правоте своего представления об общине. – См.: Толстой Л.Л. Неизбежный путь // Новое время. СПб., 10/22 марта 1899 года, № 8273. С. 2 3.

Эти статьи Л.Л. Толстого вызвали активное возражение с разных сторон. – См.: Рок Н. Из Москвы (Очерки и снимки) // Новости и Биржевая газета. СПб., 13/25 марта 1899 года, № 71. С. 2; Ржаков М. О будущем деревни (Письмо в редакцию) // Россия. СПб., 12/24 августа 1899 года, № 106. С. 1 (см. также ниже примеч. 17).

8. Пётр Аркадьевич Столыпин (1862 - 1911) в апреле 1906 года был назначен министром внутренних дел, а с июля 1906 года стал председателем Совета министров. П.А. Столыпин был инициатором аграрной реформы в России. По его настоянию 9 ноября 1906 года был издан Указ, разрешавший выход крестьян из общины и закрепление надельной общинной земли в частную собственность. – См.: Столыпин П.А. Программа реформ: Документы и материалы: В 2-х томах. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. С. 380 385.

9. Столкновение П.А. Столыпина со Второй Государственной Думой кончилось её роспуском 3 июля 1907 года и принятием нового избирательного закона.

10. Узнав о смертельном ранении П.А. Столыпина в Киеве агентом охранного отделения, Л.Л. Толстой 6 сентября 1911 года писал из Петербурга матери: «<...> Страшно расстроен смертью Столыпина и русским настроением. Очень тяжело. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14522. Л. 1. Автограф.

11. Этой точки зрения Л.Л. Толстой придерживался не только в годы вынужденной эмиграции. Так, 13 декабря 1905 года он писал Николаю II : «<...> Нам нужен порядок, Ваше Величество, – прежде всего. <...> Пока надо очистить несчастную Россию от всего вредного, злого, опасного для неё. Надо запрещать всякое проявление революционных стремлений, уничтожать их при возникновении, вырывать с корнем больную, сорную траву. Суд должен карать печать моментально, должен карать все, противное общественному благу, всё злое, которое никогда не может быть законным, никогда не должно быть терпимым. <...>

Правительство призвано карать свободу злую и вознаграждать свободу добрую. Пресекать первую и поощрять вторую. <...>» – ИРЛИ , ф. 303, № 102. Л. 8 об., 9 об. Черновой автограф. Подчёркнуто Л.Л. Толстым. См. также: «Время идёт интереснейшее...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 144].

В Петербурге, в центре тогдашнего общественного и литературного движения, я решил продолжать мою деятельность журналиста и писателя, и хотя <я> знал, что на этом пути мне будет нелегко, имея отцом Льва Толстого и к тому же его имя, я всё же, по естественному влечению к постоянному мышлению и потребности выражать мои мысли, не оставлял избранного мной поприща.

Статьи и рассказы мои принимались и оплачивались довольно высоко. Я любил видеть их напечатанными и любил писать, когда мне казалось, что я имел что-то сказать.

Но в тогдашней России для того, чтобы «сделаться писателем» и составить себе признанное литературное имя, нужно было действовать иначе, чем действовал я. Нужны были реклама и лицемерие, нужно было известное актёрство и либеральничанье, а главное, нужен был постоянный протест против правительства и единодержавия. Довольно было, вместе с евреями, поругать существующие порядки, чтобы заручиться симпатиями литературной клики и сделаться знаменитым.

Я же писал и думал самостоятельно, и потому, конечно, на меня смотрели косо и с недоверием.

Вот приблизительный список моих книг и статей, насколько я их помню, написанных и напечатанных в России той эпохи.

«Яша Полянов (Воспоминания для детей из детства)», издание Вольфа(12). Два тома рассказов «Для детей», издание Девриена(13). «Поиски и примирение» – роман, напечатанный Ясинским в его журнале «Ежемесячные сочинения», но не изданный по-русски отдельной книжкой(14). Этот роман переведён по-французски и

издан в Париже отдельной книгой под заглавием «A spirations et Apaisements»(15). Роман «Мы проснёмся», напечатанный в «Вестнике Европы»(16). Статьи «Против общины» (изданы отдельно под этим заглавием)(17). «Моя гигиена» – три издания вышли отдельной книжкой(18). «Современная Швеция» издана книгой с иллюстрациями, раньше печаталась фельетонами в «С< анкт>-Петербургских ведомостях»(19). Два тома пьес(20), из которых «Ночи безумные»(21), «Братья-помещики»(22), «Права любви»(23) и «Солдатка»(24) шли в Петербурге. «Моя Родина» шла в театре Корша в Москве(25). Рассказы: «Из времени студенчества»(26), «Прелюдия Шопена»(27), «Синяя тетрадь»(28), «Первый ребенок»(29) и другие повести и рассказы(30). «В голодные годы» печатались в «Вестнике Европы»(31) и были потом изданы мной отдельной книгой(32). Брошюры для народа: «Добрые советы»(33), «Памятки солдата»(34) и «Памятка офицера»(35) в ответ на отцовские памятки, развращавшие русское войско(36). Статьи в «Новом времени», последние под общим заглавием – «Мысли и жизнь»(37). Статьи, стихи и рассказы в «Петербургской газете»(38), «Огоньке»(39), «Русских ведомостях»(40), «Северном вестнике»(41), «Столице и усадьбе»(42), «Неделе»(43) и других(44). Переводы(45).

В эти годы я писал также стихи, которые изредка печатались(46). Перед войной я приготовил отдельный сборник их. Часть их я сохранил в рукописях(47).

[**ПРИМЕЧАНИЯ** с 12 по 47:

12. О журнальной публикации повести «Яша Полянов», а также о первых откликах на выход книги в 1899 году см. подробнее примеч. 132 к Главе 19 Книги I.

Маврикий Осипович Вольф (1825 1883) – издатель, книготорговец и типограф. В 1882 году он основал издательство на паях, в которое вошли члены его семьи. «Товарищество М.О. Вольф» успешно просуществовало до 1918 года.

30 сентября и 26 октября 1905 года *Людвиг Маврикиевич Вольф* (род. в 1865 году) предложил Л.Л. Толстому подписать договор на второе издание повести «Яша Полянов» тиражом в 3 000 экземпляров. – *ИРЛИ,* ф. 303, № 232. Л. 1 3 об. Машинопись с подписью-автографом. В начале следующего года книга вышла в свет (см. примеч. 3 к вступительной статье). Это новое издание повести с

рисунками А.К. Бальдингера вызвало сочувственный в целом отклик в печати и вновь привлекло внимание к Л.Л. Толстому как литератору. – См.: Корнилов Н. По примеру великого отца: Очерк // Вестник литературы : Иллюстрир. журнал словесности, науки и библиографии. СПб., 1907, № 4. Стб. 80 82.

13. Л.Л. Толстой не вполне точен: книга «Для детей: Рассказы» вышла в 1898 году в Москве (2 е изд., доп. – М., 1901). См. о ней ниже примеч. 30.

С петербургским издателем *Альфредом Фёдоровичем Девриеном* (род. в 1842 году) Л.Л. Толстой 24 января 1905 года заключил договор на выход книг «“Слепунюшка” и другие рассказы для детей младшего и среднего возраста» и «“На Упе” и другие рассказы для детей среднего и старшего возраста», которые в том же году были изданы (цензурные разрешения были получены соответственно 12 и 27 октября 1905 года). – РГИА , ф. 1102, оп. 3, ед. хр. 784 д. Л. 1 2.

5 декабря 1905 года А.Ф. Девриен отправил Л.Л. Толстому по одному экземпляру книг, только что полученных из типографии. – ИРЛИ , ф. 303, № 279. Л. 5 об.

Уже в конце 1905 года обе книги Л.Л. Толстого были упомянуты в очередном обзоре, но с весьма сомнительной оценкой: «... Тем же Девриеном изданы 2 книжки рассказов Толстого-сына для детей среднего и старшего возрастов. ...все произведения Толстого-сына носят отпечаток очень среднего, чтобы не сказать более, дарования, и весьма развитого самомнения. ...» – См.: Славинская М. О детской литературе // Киевские отклики, 22 декабря 1905 года, № 341. С. 3.

14. Интересна запись в дневнике А.С. Суворина от 12 апреля 1900 года, сделанная в разгар работы Л.Л. Толстого над романом. «...На днях был Л.Л. Толстой. Пишет роман. Говорил, что с отцом помирился. Кто-то мне говорил о нем, что он не более как “фонограф” своего отца. Ему следовало избрать себе псевдоним. Детям вообще неприятно должно быть при знаменитом отце. ...» – См.: Суворин А.С. Дневник. 2 е изд., испр. и доп. М.; London , 2000. С. 384.

Однако у Л.Л. Толстого было иное представление о своем предназначении вообще и об авторстве в частности. Не случайно одна из более поздних его статей подписана псевдонимом «Искренний». – См.: Русский рабочий и Государственная Дума / Искренний // ИРЛИ , ф. 303, № 81. Л. 1 5. Черновой автограф не датирован.

Публикация романа «Поиски и примирение» вызвала особенно резкое охлаждение отношений с отцом и другими членами семьи. 3 декабря 1901 года О.К. Толстая писала из Гаспры, где находились в связи с болезнью Л.Н. Толстого его родные и близкие, в Англию своей сестре, А.К. Чертковой: «<...> Вчера вечером Л<ев> Н<иколаевич> ужасно сокрушался и возмущался писаниями Левы, его бездарностью. Его драма „Ночи безумные“ (см. о ней ниже примеч. 21. – В.А.) поставлена в П<етер>б<урге> и имеет внешний успех, но его здорово раскритиковали. И действительно – ерунда ужасная. А вскоре в журнале Максима Белинского появится Левин роман, в котором, как заявлено, автор изображает „толстовство“. Должно быть, это тот роман, о котором Лева говорил 2 года тому назад. Он хотел назвать его „Слова и дела“ и изобразить Л<ьва> Н<иколаеви>ча и отца Доры. Очень бестактно и глупо, если это так. Он очень странный и жалкий, Лева, нечуткий, но искренний и иногда очень трогательный. Он говорил мне както, что его слава превзойдет славу отца. Умора. <...>» – ОР ГМТ. Архив В.Г. Черткова. Кп 19210/22 , № 1. Л. 1 об.3. Автограф.

По мере того, как выходили из печати очередные главы романа, в литературных кругах России нарастало изумление, сменившееся негодованием. Антитолстовская направленность романа привела к резкому отторжению даже тех, кто симпатизировал молодому автору. Ещё в процессе чтения рукописи

А.С. Суворин 27 марта 1901 года задал риторический вопрос: «<...> И зачем Вы всё о толстовцах говорите в своем романе? Странно как-то выходит: сын Толстого о толстовцах. <...>» – ОР РНБ , ф. 115, № 66. Л. 10. Копия из собрания А.Е. Бурцева.

Действительно, в газете «Биржевые ведомости» 16 и 19 декабря 1901 года в рекламном объявлении о предстоящей публикации романа Л.Л. Толстого «Поиски и примирение» в журнале Иеронима Иеронимовича Ясинского (псевд. Максим Белинский ; 1850 1931) «Ежемесячные сочинения» говорилось: «... В романе между прочим изображено толстовство».

Похожее объявление поместили и другие газеты. Ср.: «...Роман имеет глубокий общественный интерес. Он обнимает все явления русской жизни последнего времени и толстовство ». – См.: Новое время. СПб., 25 ноября/8 декабря 1901 года, № 9242. С. 1.

Фраза, набранная мелким шрифтом на первых полосах солидных газет, была воспринята Л.Н. Толстым как личное оскорбление.

После того, как Л.Л. Толстой с 29 января по 2 февраля 1902 года побывал в Гаспре и почувствовал общий настрой членов семьи по отношению к самому факту только что начавшейся публикации романа в «Ежемесячных сочинениях» (СПб., 1902, № 1 12), он по возвращении в Петербург писал С.А. Толстой:

«Милая мамá, пишу сейчас по приезде домой. <...> Мне многое хочется сказать вам всем и папá, если он будет в силах выслушать меня. Мне было очень больно, – прочтите ему это, – что я огорчил его моим романом, – не им, а объявлением о нем. Но я еще раз повторяю, что я не хотел этого и что меня огорчило объявление с „толстовстом“ столько же, сколько и самого папá. Кроме того, я хотел сказать, что я писал эту вещь два с половиной года тому назад, и если было тогда, – в дни наших споров с папá, недоброе, минутное чувство к нему, не как к отцу, а как к человеку известных убеждений, – это чувство давно прошло и за последние два года, – я ничего, кроме любви, не чувствовал к папá – всякому. Скажите ему, что я люблю его, и поцелуйте его руку, и попросите у него для меня прощения за то, что я огорчил его. Я сделал это невольно, желая оставаться правдивым по отношению к себе самому. Я вовсе не чуждый папá, а только по возрасту разный с ним. А в душе я к нему гораздо ближе, чем он думает. Конечно, я гадкий, материальный стал, хуже, чем был, но я еще все надеюсь сделаться лучше, чем я был, если Бог поможет. Но папá сам знает, что я его настоящий сын, несмотря на то, что могу казаться обратным. Я рад, что был у Вас, рад, что мы чувствовали себя так дружно и близко, хотя это и было вызвано такой дорогой ценой. Целую вас всех.

Лев.

5 февр<аля> 1902 г<ода. ...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14221. Л. 1 2. Автограф. См. также: Абросимова В. Л.Л. Толстой, Ф.Д. Батюшков, М. Горький и другие //Новый журнал. СПб., 1994, № 4. С. 50 52.

15. Отдельные главы романа «Поиски и примирение» по просьбе известного переводчика сочинений русских писателей Ильи Даниловича Гальперина-Каминского (Halpérine -Kaminsky; 1858 1936) Л.Л. Толстой сразу же отправлял в Париж, где одновременно под разными названиями печатались журнальный и книжный варианты. С 23 мая по 8 августа (нового стиля) 1903 года читатели еженедельника “Revue Bleue ” следили за развитием событий в романе Л. Толстогосына. – См.: Tolstoifils L. Aspirations : Roman (Tradiut par E. Halpérine - Kaminsky , avec autoresation de l ’auteur) // Revue Bleue : Revue politique et littéraire. Paris , 1903. T. 19, № 21 26; T. 20, № 16. Об этом 17 июня и 22 июля (нового стиля) 1903 года И.Д. Гальперин-Каминский сообщил автору. – ИРЛИ, ф. 303, № 241. Л. 5 9 об.

Отдельное издание романа вышло в Париже в июле 1905 года. – Там же. Л. 16 18. См.: Tolstoi L. Aspirations et Apaisement. Traduit et adapté du russe avec l'autorisation de l'auteur par E. Halpérine-Kaminsky. Paris , 1905.

16. См.: Толстой Л.Л. Мы проснёмся: Повесть из современной жизни // Вестник Европы. Пг., 1916, №№ 3 5.

17. Толстой Л.Л. Против общины: Три статьи. М., 1900 (цензурное разрешение 12 июня 1900 года). Кроме двух статей, названных выше (см. о них примеч. 7), Л.Л. Толстой включил в книгу большую статью «Тормоз русской культуры (Посвящается русскому крестьянству)», в которой он безапелляционно утверждал: «... Нельзя не видеть, что община – это тяжёлый, гнетущий русский народ тормоз, – тормоз нашего развития и культуры. ...» (С. 47 77).

Книга вышла из типографии осенью 1900 года. – См.: Новое время: Иллюстрир. приложение. СПб., 15/28 ноября 1900 года, № 8880. С. 12. Она была замечена столичной печатью несмотря на то, что статьи Л.Л. Толстого, вошедшие в книгу, сравнительно недавно обсуждались в прессе. – См.: Санкт-Петербургские ведомости. 5/18 декабря 1900 года, № 334. С. 44; Неделя. СПб., 17 декабря 1900 года, № 51. Стб. 1819.

18. Толстой Л.Л. Моя гигиена: Очерки по частной гигиене, с приложением статей по вопросам воспитания. СПб., 1903 (2 е изд. – СПб., 1904. Было ли третье издание этой книги, установить не удалось).

Несмотря на переиздание, мнение рецензентов было весьма категорично: «... В сущности, "Моя гигиена" – не гигиена, а проповедь общих идей; это – разбор условий "здоровья духа и тела человека, как одного целого неделимого, в связи с вопросами воспитания, психологии, этики, социологии, религии", сюда входит вопрос о русской общине (стр. 3) и даже надежда найти в будущем "осязаемые способы сношения с другими мирами" (стр. 1). Следуя такому широкому плану в гигиенических вопросах, Л. Толстой-сын предлагает массу средств, между которыми нет ни одного нового, есть несколько здравых мыслей и масса спорных, шаблонных, странных и даже неверных взглядов. ...

Повторяем, гигиене Л. Толстого-сына следовать нельзя, а еще лучше – совсем не читать его книги». – См.: Народное образование. СПб., 1904, № 1. С. 127 - 128. Рецензия подписана криптонимом: «Д<окто>ръ Г.Т.», за которым, вероятно, скрывался сотрудничавший в журнале невропатолог, доктор медицины Григорий Яковлевич Трошин (1874 - 1939).

19. В течение двух лет Л.Л. Толстой с увлечением писал очерки о разных сторонах жизни Швеции, которые с июля 1899 года печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях» за подписью Лев Толстой-сын (см. об этом примеч. 133 и 139 к Главе 19 Книги I), а потом – с незначительными изменениями – были изданы отдельно. Книга Л.Л. Толстого «Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях» (М., 1900; цензурное разрешение 30 сентября 1900 года) вышла поздней осенью 1900 года и была вполне благожелательно встречена читателями и критикой. – См.: Неделя. СПб., 3 декабря 1900 года, № 49. Стб. 1698 1699; Санкт-Петербургские ведомости, 5/18 декабря 1900 года, № 334. С. 4; Новый мир. СПб., 1901, № 49. Отд. II. С. 6. Тем не менее, один из первых рецензентов, Израиль Лазаревич Гельфанд (1867–1924), более известный позднее под псевдонимом Александр Лазаревич Парвус (Parvus), заметил: «... Книга эта написана живым, вполне литературным языком, отличается бойкостью, а иногда даже картинностью изложения и по теме своей интересна для лиц, мало знакомых со Швецией, а таких у нас большинство. ...

Это именно “послеобеденная” литература, отнюдь не способная потревожить полусонное благополучие читателя. На всех описаниях, наблюдениях и выводах Л.Л. Толстого лежит печать явной поверхности и легковесности. На вдумчивого и серьезного читателя это влияет тем неприятнее, что автор нередко с большой развязностью и самоуверенностью говорит о задачах огромного значения и величайшей трудности и спорности...» – См.: Новое время: Иллюстрир. приложение. СПб., 22 ноября/5 декабря 1900 года, № 8887. С. 9. См. также: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей...Т. III. С. 329; Т. IV. С. 124.

20. Опубликован был только один том. – См.: Толстой Л.Л. Драматические сочинения. СПб., 1906. Т. I. Отдельными литографированными изданиями позднее были выпущены некоторые другие пьесы Л.Л. Толстого, которые могли бы составить другой том (см. об этом ниже).

Несмотря на то, что на титульном листе стоял 1906 год издания первого тома, уже в конце 1905 года появился первый критический отзыв в журнале В.Г. Короленко «Русское богатство». В нём, в частности, говорилось: «Л.Н. Толстой уже давно имеет своего рода мстителя за “великие грехи”, совершенные им в общественно-учительский период его литературной деятельности. Этот мститель, как известно, его сын – Л.Л. Толстой.

Ошибки великого человека – всё-таки ошибки великого человека. Это не могло, конечно, не импонировать читателю и не портило потому своеобразной красоты даже последних поучений автора “Войны и мира”, как ни нелепы – да простится нам это совершенно точное выражение – были эти статьи: и абсолютно, и относительно, если иметь в виду переживавшийся Россией момент.

Освободить в отдельные вопросы упрощённое мироотношение великого отца от всякой красоты и всякого обаяния взялся его маленький сын. ...

Что должно было получиться нечто совершенно несуразное, доказательством служат только что вышедшие “драматические сочинения” гр. Л.Л. Толстого. ...

Жестоко мстит за “Крейцерову сонату” граф Л.Л. Толстой!» – См.: Русское богатство. СПб., 1905, №№ 11 12. Отд. II. С. 112 114.

Внешне более мягкая рецензия А. Налимова по сути была аналогичной: «...во-первых, драмы Л.Л. Толстого опять не оправдывают вывода, что таланты передаются по наследству. Во-вторых, автор и очень благожелателен к людям, и большой поклонник мира, труда, природы, всяческого здоровья человека и светлоты его духа. Не в пример знаменитому Толстому, Л[ев] Л[ьвович] ценит и всякую общественность для блага ближнего. Но “философия”, подкрашивающая его творчество, звучит как-то робко и “дымно”, – по слову Достоевского, – нет в ней страстности убеждения.

Драмы его никого не обидят, но... они как-то сиропны ... на вкус». – См.: Образование : Журнал лит. и обществ. полит. СПб., 1906, № 2. Отд. II. С. 156157.

21. К драматическому жанру Л.Л. Толстой обратился в конце 90-х годов по совету А.С. Суворина. 22 февраля 1898 года опытный литератор и издатель задал своему молодому корреспонденту серию риторических вопросов: «<...> Отчего Вы сами перестали писать? Отчего не попробуете чего-нибудь в драматическом роде? Я теперь это всем советую, вероятно, потому, что пробовать себя надо во всех родах, как советовал Гоголь, а во-вторых, такая бедность нашей драматургии, хоть волком вой. Неужели нет ни нравов, ни характеров, ни задач. На сцене видишь всё такое плоское, такое деланное, что женщины бросаются писать пьесы и пишут во множестве и пишут не хуже мужчин, т.е. также плохо. <...>» – ИРЛИ, ф. 303, № 640. Л. 1 1 об. Автограф.

Предложение заинтересовало Л.Л. Толстого (см. его ответ А.С. Суворину от 25 февраля 1898 года в примеч. 132 к Главе 19 Книги I). В начале 1901 года он отправил только что законченную пьесу «Ночи безумныя...» В.П. Буренину (см. его рецензию на «Прелюдию Шопена» в примеч. 169 к Главе 20 Книги I). Название пьесы подсказано первой строкой стихотворения Алексея Николаевича Апухтина (1840 1893), с 1876 года не раз положенного на музыку и распевавшегося как цыганский романс. – См.: Апухтин А.Н. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1991. С. 135, 355.

В частной переписке острый на язык и обычно суровый критик пощадил Л.Л. Толстого. Тем не менее ответ В.П. Буренина, полученный молодым автором, при всей своей мягкости, обусловленной сочувствием отцу, потерявшему первенца, подготавливал общий недоумённо-отрицательный характер большинства рецензий на пьесы Л.Л. Толстого. 21 января 1901 года критик писал Л.Л. Толстому: «<...>бросать пьесу отнюдь не следует, но надо обработать ее. <...>» – ИРЛИ , ф. 303, № 205. Л. 2 об. Автограф.

При этом В.П. Буренин рекомендовал Л.Л. Толстому обратиться за советом к более опытным драматургам: А.С. Суворину и ... Л.Н. Толстому: «<...> Другой мой совет: еще лучше Вам дать пьесу Льву Николаевичу. Вот кто истинный драматург. С тех пор, как я прочитал “Власть тьмы”, я утверждаю, что среди наших драматургов (да и многих иностранных) Л<ев> Н<иколаевич> самый настоящий, глубоко понимающий сцену и ее требования. Я уже не говорю о том, что вообще суждения Л<ьва> Н<иколаевича> всегда полны глубины и того “просветления”, которое дается гением и долгой жизнью. Лев Николаевич скажет Вам, наверное, все, что нужно сказать, и облегчит Вам дело обработки пьесы. <...>» – Там же. Л. 3 3 об. Автограф.

Впечатление А.С. Суворина, чьим мнением Л.Л. Толстой дорожил и в чьей симпатии ему не приходилось сомневаться, было более сдержанным. 3 февраля 1901 года он прямо указал автору на немотивированные сюжетные совпадения в его пьесе с теми, что известны всем по роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина», и добавил, что курортный роман молодого литератора – «<...>не страдания Анны Карениной, ее чудесный сюжет может ли идти в сравнение с монологом Игнатьева. <...>» – Там же , № 640. Л. 6 6 об. Автограф.

Однако переубедить Л.Л. Толстого было невозможно. Поблагодарив А.С. Суворина за быстрый отклик, Лев Львович 12 февраля 1901 года признался ему: «<...> Я продолжаю стучаться в ворота, продолжаю просить, чтобы мне их отворили. Я несу ношу, которая другим может казаться не ценной, но которая для меня дорога. А тому, кто стучится, рано или поздно отворят. Я не претендую на то, чтобы быть тем, что мой отец. Я хочу быть тем, что есть я. <...>» – РГАЛИ , ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4246. Л. 56 об. Автограф. Курсив мой. – В.А.

Увы, лишь немногие его верные поклонники разделяли его точку зрения. Пьесу «Ночи безумныя...» после некоторой доработки принял к постановке Новый театр, открытый в Петербурге 15 сентября 1901 года и ещё не имевший своего репертуара. 8 октября 1901 года на его сцене труппа Лидии Борисовны Яворской (в замужестве княгини Барятинской; 1872-1921) представила на суд зрителей драму Л.Л. Толстого.

Громкое имя автора на афише театра привлекло зрителей и обещало успех, но вот его-то Л.Л. Толстой и не дождался. Сочувствующая автору газета просто обошла этот факт. – См.: Новое время. СПб., 9/22 октября 1901 года, № 9195. С. 4; Там же , 10/23 октября 1901 года, № 9196. С. 4. Но уже в первых рецензиях других изданий отмечалось: «...драматический первенец графа Л.Л. Толстого публике не понравился и благодарного матерьяла артистам он не дал. ...» – Новости и Биржевая газета. СПб., 9 октября 1901 года, № 278. С. 3. На следующий день критик, печатавшийся под псевдонимом Дед Всевед, пояснил свою мысль: «...

Близкое родство автора с Л.Н. Толстым – гордостью русской литературы, придавало особый интерес вчерашнему спектаклю. Многие предполагали, что драма Толстого-сына, по меньшей мере, прочтена Толстым-отцом, что не могло остаться без влияния хотя бы на внешнюю сторону произведения начинающего автора.

Ожиданиям публики не суждено было, к сожалению, осуществиться.

Трудно решить, что хотел сказать своим произведением молодой автор. ...» – Там же, 10 октября 1901 года, № 279. С. 3.

Другой критик, Н. Горский посвятил феномену успеха-неуспеха пьесы Л.Л. Толстого бóльшую часть своей рецензии: «...с внешней стороны успех пьесы казался обеспеченным. На деле же оказалось далеко не так. Говорить и относиться серьёзно к достоинствам и недостаткам этого произведения, разбирать положения, характеры действующих лиц, выяснить идею автора – дело очень мудрёное, так как ничего подобного в драме нет. Я лично давно уже не видел такой весёленькой драмы, да и публика, должно быть, разделяла моё мнение, неоднократно прерывая действие на самых патетических местах дружным смехом. <...>. Ни литературного, ни тем более художественного значения пьеса эта, без всякого сомнения, иметь не может, но... “билеты на сегодня все проданы”, и всякие дальнейшие комментарии излишни...» – Россия. СПб., 10 октября 1901 года, № 883. С. 3.

Было ещё одно обстоятельство, мимо которого ни зрители, ни критики не могли пройти мимо: в пьесе Л.Л. Толстого откровенно выражена антитолстовская позиция. Журнал «Театр и искусство» 14 октября 1901 года высказался по этому поводу так: «В. Гюго однажды сказал: “У вас был Наполеон Великий, хотите ли вы Наполеона Маленького?..” У нас есть Толстой Великий, нужен ли нам Толстой Маленький?.. Пьеса “Ночи безумныя...” собрала полный зал Нового театра. Жалкое впечатление, оставляемое этой quasi-драмой, усиливается тем, что сын, по-видимому, силится “восстать” против великого отца. ... То, до чего отец дошел годами мучительных усилий, об этом сын говорит с беззаботностью “почти военного человека”. ... Странная штука – человеческая психология. Тёмно учение о наследственности. ...» (№ 42. С. 749). Рецензия подписана криптонимом С.С. Её автором вероятнее всего был Осип Григорьевич Эттингер. – См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей... Т. III. С. 63; Т. IV. С. 542.

В этом же номере в «Театральных заметках » редактор журнала и влиятельный театральный критик Александр Рафаилович Кугель (1864 1928) писал: «...неловко после “Анны Карениной” бросить героя, уличенного в адюльтере, под поезд железной дороги. И кому же? Сыну, который должен бы бережнее относиться к формам и приемам творчества своего отца...» – См.: Театр и искусство. СПб., 14 октября 1901 года, № 42. С. 755.

Рецензия Л. Жданова в журнале «Звезда » 20 октября 1901 года заканчивалась еще более резко: «...нельзя, выставив на афише такое громкое имя, подносить публике не только вещь незрелую, нет, – а прямо непереваренную духовную пищу, крупные куски которой и сам-то не мог прожевать и проглотить автор» (№ 42. С. 16).

Драма была снята с репертуара в середине ноября 1901 года после 12 ти представлений.

Тем не менее, вскоре после петербургской премьеры пьеса Л.Л. Толстого «Ночи безумныя...» была поставлена в Московском театре «Аквариум», дирекцию которого с октября 1901 года возглавила артистка Императорских театров Мария Яковлевна Пуаре (в замужестве Свешникова; Орлова-Давыдова; 1863 1933). Ее антреприза в сезоне 1901 года оказалась неудачной. После первого же спектакля, шедшего при полупустом зале, стало ясно, что в Москве, где такое множество

первоклассных драматических актеров, добиться успеха будет очень непросто. Вывод критиков был таков: «... Труппа слабая до жалкости и кажется еще слабее, смущенная таким “открытием” нового дела. ...» – См.: Ярцев П. Московские письма //Театр и искусство. СПб., 14 октября 1901 года, № 42. С. 753.

В этой ситуации намерение М.Я. Пуаре привлечь зрителей именем автора на афише было вполне обоснованным. Премьера драмы Л.Л. Толстого «Ночи безумныя...» состоялась 3 декабря 1901 года. На следующий день один из московских критиков писал: «... Новинка собрала много публики, но, несмотря на тщательность постановки и исполнения, особого успеха не имела. Молодой автор показал себя драматургом очень неопытным и совершенно не признающим условий сцены». – См.: Новости дня. М., 4/17 декабря 1901 года, № 6638. С. 2.

19 декабря 1901 года пьесу сыграли в 4 й раз и больше не ставили в Москве.

В июне 1902 года вышло отдельное литографированное издание пьесы. – См.: Театр и искусство. СПб., 1902, № 25. С. 483. Через несколько лет ею открывался первый том «Драматических произведений» Л.Л. Толстого.

На юге России пьеса шла и зимой 1902 1903 годов. – См.: Кузичева А.П. Театральная критика российской провинции: 1880 1917: Комментированная антология. М.: Наука, 2006. С. 340.

22. 18 августа (нового стиля) 1906 года Л.Л. Толстой сообщил С.А. Толстой из Хальмбюбуды, куда семья уезжала на лето: «<...> Кончил пьесу, и надо ее переписывать и пускать в ход. Между тем политические события все заслоняют, и жутко за Россию. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14367. Л. 1. Автограф.

Однако 26 декабря 1906 года он уже из Петербурга с горечью писал матери о судьбе пьесы “Братья помещики”, «<...>которую, увы, цензура запретила, то есть выкинула весь конец, погром барской усадьбы. Пьеса дошла до премьеры, но Столыпин тоже нашел ее нецензурной. Боятся “разжигания страстей”, хотя сама по себе комедия рассчитана на обратное, на то, чтобы помещики сделались порядочными людьми. Послал ее в Берлин, где, м<ожет> б<ыть>, буду печатать по-русски, или <пошлю> в Америку, а в России она будет пропущена без хвоста и изуродованная. <...>» – Там же , № 14374. Л. 1 2. Автограф.

В письме В.П. Буренину, одобрительно отозвавшемуся о «Братьях помещиках», Л.Л. Толстой признался: «<...> Сам я верю в мою пьесу и думаю, что это лучшее, что я написал. <...>» – ОР РНБ, ф. 1012, № 22. Л. 1. Автограф. Документ не датирован, однако условно его можно отнести к декабрю 1906 года. Именно тогда Л.Л. Толстой читал свою новую пьесу разным слушателям, среди которых был, в частности, И.Е. Репин (см. о нём примеч. 151 к Главе 8 Книги I). – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14374. Л. 1 об.

Накануне премьеры пьесы Л.Л. Толстого «Братья помещики» знаменитый художник из Куоккалы отправил автору коротенькое письмецо:

«Поздравляю! Поздравляю!

Я не сомневаюсь в успехе, если только будет поставлена. Непременно пойду слушать. Какой язык! Какое знание разной среды! И автор подымает актеров, заставляет их невольно играть вовсю!.. Еще бы, если при беглом вашем чтении всех увлекало, – воображаю на сцене!!.. Браво!

Ваш И. Репин.

Поздравляю от души». – ОР РНБ , ф. 782, № 5. Л. 1. Автограф. См. также: Абросимова В., Зорина С. Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным //Новый журнал. СПб., 1998, № 4. С. 156 - 159.

Однако мнение зрителей, пришедших 16 марта 1907 года в Театр Литературно-Художественного общества (Малый театр А.С. Суворина), было не столь однозначным. Симпатизировавшая автору и труппе газета на следующий день писала: «...пьеса имела большой, несколько страстный и шумный успех, в

особенности после третьего акта, который кончается яркой, талантливо написанной картиной с песнями и плясками и вмешательством сильной драматической струи. Автора вызывали после этого акта много раз, и он выходил с артистами. ... Поставлена и разыграна пьеса была прекрасно. ... “Братья помещики” обнаруживают у автора комический и сатирический талант, о котором он, кажется, никогда не думал; но сильная сторона у писателей нередко именно та, о которой, кажется, они меньше всего думают». – См.: Новое время. СПб., 17/30 марта 1907 года, № 11139. С. 4. См. также более развернутую рецензию, подписанную криптонимом «В.Ш.» – Там же , 18/31 марта 1907 года, № 11140. С. 5. Автором её вероятнее всего был давний сотрудник газеты Вячеслав Гордеевич Швецов. – См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. II. С. 208; Т. IV. С. 523.

Другие рецензенты были более резки в оценках. Так, Александр Иванович Косоворотов (1868 1912), писавший под псевдонимом «Шмель», открыто обвинил Л.Л. Толстого в отсутствии ума и «специального чувства сцены». – См.: Русь. СПб., 18/31 марта 1907 года, № 77. С. 4. См. также: Речь. СПб., 18/31 марта 1907 года, № 65. С. 4.

Тем не менее в архиве Л.Л. Толстого сохранилось письмо от 23 марта 1907 года, в котором «ревностные почитатели петербургских театров» благодарили автора за пьесу «Братья помещики». – ИРЛИ, ф. 303, № 849. Л. 1. Автограф.

26 марта 1907 года помощник управляющего канцелярией Совета Императорского Русского театрального общества Алексей Александрович Стрешнев известил Л.Л. Толстого, что на его драму имеется несколько заказов, и в связи с этим попросил автора прислать экземпляр для снятия копии. – Там же , № 638. Л. 1. Машинопись с подписью-автографом.

Однако стремление Л.Л. Толстого не только расширить географию постановок, но и заинтересовать своими пьесами таких известных мастеров сцены, как Мария Гавриловна Савина (1854 1915) и Константин Сергеевич Станиславский (Алексеев; 1863-1938), не удалось. В письмах автору от 19 мая и 18 августа 1907 года великий режиссер мотивировал отказ взять в работу пьесу «Братья помещики» перегруженностью репертуара Московского Художественного театра, но было очевидно, что пьеса Л.Л. Толстого ему не понравилась. – Там же , № 628. Л. 1 5. Автограф.

К этому времени стали известны факты резко отрицательного отношения провинциальных властей к новой драме Л.Л. Толстого. Так, 5 августа 1907 года журнал «Театр и искусство » писал: «... “Аграрная пьеса” Л.Л. Толстого “Братья-помещики” попала в “подозрение”. Как нам сообщают, по распоряжению администрации, пьеса снята с репертуара после первого представления в Саратове и Екатеринодаре. ...» (№ 31. С. 501).

30 августа (нового стиля) 1907 года книгоиздатель Иван Павлович Ладыжников (1874-1945) отправил из Берлина в Швецию, где в это время находился Л.Л. Толстой с семьей, подробное письмо с рассказом о судьбе драмы в Германии: «<...> “Братья помещики” были переведены на немецкий язык и представлены нескольким из здешних и венских больших театров. Пьеса заинтересовала своим построением, но не могла превзойти общий страх директоров перед всем, что трактует о русских революционных событиях. Знакомые директора посоветовали обождать, пока волна недовольства русскими делами пройдет. Это был любезный отказ, так как они сами понимают, что таким откладыванием постановки мы сами отнимаем у пьесы её свежесть и актуальность. <...>» – ИРЛИ , ф. 303, № 396. Л. 1. Автограф.

Осенью 1907 года пьесу «Братья-помещики» взял в работу Драматический театр Ольги Петровны Зарайской (1877-1940) в Туле. Показательно, что буквально за несколько дней до премьеры в местной газете появилось объявление,

призванное обеспечить кассовый сбор, но не соответствующее истине: «В ближайшем будущем в театре г-жи Зарайской будут поставлены “Братья-помещики” Л.Л. Толстого, пьеса[,] обошедшая почти все сцены столичных и губернских городов. У нас пьеса пойдет в первый раз». – См.: Тульская молва. 7 октября 1907 года, № 8. С. 3. Курсив мой. – В.А.

11 октября 1907 года комедия была представлена публике. – Там же, № 11. С. 1. А через день в той же газете появилась разгромная рецензия, открывавшаяся таким пассажем: «Отец его был великий писатель, а он... был маленьким октябристом и самым неудачным произведением великого отца...

У отца его был великий талант и великая скромность, – а у него ... у него были художественные потуги и ... много смелости...» – См.: Художественные потуги октябриста (Л. Толстой. «Бр[атья] Помещики»: К постановке в театре О.П. Зарайской) // Там же, 13 октября 1907 года, № 13. С. 2. Рецензия подписана: Пликій.

После трёх представлений один из соиздателей газеты «Тульская молва» Д.И. Фортунатов , писавший под псевдонимом «Santimento », 4 ноября 1907 года заметил: «...подобные драматические произведения не дают верного отражения той действительности, которая сказывается на брожении деревни и аграрных недоразумениях» (№ 32. С. 3). – См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 334; Т. IV. С. 493. Однако 3 января 1908 года в новом объявлении о четвертой постановке комедии Л.Л. Толстого утверждалось: «...представлена будет сенсационная пьеса, имевшая всюду громадный успех...». – См.: Тульская молва. 3 января 1908 года, № 78. С. 2. Но и это не спасло труппу О.П. Зарайской. Сыграв 5 й спектакль 17 февраля 1908 года, театр вынужден был снять пьесу «Братья помещики» с репертуара (№ 116. С. 2).

О других постановках этой пьесы см.: Кузичева А.П. Театральная критика российской провинции... С. 390.

23. Первое упоминание о новом сочинении встречается в письме Л.Л. Толстого матери из Петербурга от 14 октября 1912 года: «<...> Моя пьеса пойдет здесь в конце месяца, а так пока ничего нового или особенного нет. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14560. Л. 1 об. Автограф. Однако 1 ноября 1912 года репетиции, по словам автора, еще не начинались. – Там же , № 14562. Л. 1. Автограф.

Премьера драмы «Права любви» состоялась 14 ноября 1912 года на сцене Театра Литературно-Художественного общества (Малого театра А.С. Суворина), действительным членом которого Л.Л. Толстой был избран 21 февраля 1912 года. – ИРЛИ , ф. 303, № 195. Л. 1. Машинопись.

16 ноября 1912 года Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой: «Милая, дорогая мамá. <...> На днях прошла моя пьеса “Права любви” с хорошим успехом, и сегодня 2 ое представление, на которое еду после обеда. На 1 м представлении был между другими Щегловитов, который представил меня своей жене, и оба они были в восторге. Жали мне руки и говорили лестные вещи. Вся публика приняла пьесу очень горячо и сочувственно. Конечно, как всегда, завистливая и глупая наша критика, за некот<орыми> исключениями, ругается, хотя на этот раз мягче, чем прежде. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14563. Л. 1 2. Автограф.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861 1918) с 1906 по 1915 год был министром юстиции, председателем Государственного совета. Его жена – Мария Федоровна Щегловитова (урожд. Куличенко; умерла в 1922 году).

Пьеса выдержала шесть представлений. Мнения критиков разделились. Сочувственная рецензия П. Конради была в «Новом времени » 16/29 ноября 1912 года (№ 13177. С. 7).

Однако радоваться Л.Л. Толстому на самом деле пришлось недолго. Резко отрицательное суждение писателя и публициста Сергея Сергеевича Гусева (1854 1922), выступавшего под псевдонимом «Слово Глаголь», появилось уже в день премьеры. Особое негодование критика вызвал тот факт, что постановка пьесы была приурочена к годовщине смерти Л.Н. Толстого. Назвав раздел, посвящённый новой драме Л.Л. Толстого, "Ещё поминки", С.С. Гусев писал: «... Л.Л. Толстой – такой же писатель, как любой грамотный человек, не обладающий писательским даром. Он бездарный. ...я думаю, что такой пошлости у нас, на русской сцене, ещё не бывало. "Право любви" – это ослиное ляганье в 19-ти действиях, направленное на толстовское учение. В 4-х действиях вы видите дурака, который высказывает то, чего не понимает. Нелепая завязка и такая же развязка, как и все подробности, приплетены к ляганью только потому, что иначе не было бы пьесы, т.е. не было бы возможности ослу выйти на сцену и проделать преднамеренную потеху. ...» – См.: Слово Глаголь. Наброски и недомолвки // Саратовский листок , 14 ноября 1912 года, № 251. С. 3. Курсив мой. – В.А. См. также: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 120.

Ещё более определенно выступила газета «Речь», выделив антитолстовскую направленность пьесы «Права любви»: «... А вот что, по Толстому Льву Львовичу, делают толстовцы: они ходят босыми и без шапок, выпивают очень много молока, говорят глупости и "из жалости к живым существам" не чешут головы...

Это, конечно, пасквиль; но пасквиль на толстовцев и на русский народ в устах сына Толстого – это уже нечто исключительное. Тем не менее, пьеса не оскорбляет – для этого она слишком глупа. ...» – См.: Василевский Л. Малый театр: "Права любви" Л.Л. Толстого // Речь. СПб., 16(29) ноября 1912 года, № 315. С. 6-7.

Через день журнал «Театр и искусство» писал: «Новая комедия Л.Л. Толстого "Права любви" – из тех "средних" пьес, о которых не скажешь много ни хорошего, ни дурного: отцветают они быстро, и жизнь их, действительно, в мгновении. Посидишь, посмотришь пьесу – как будто ничего; а вышел из театра – и не вспомнишь. На более деликатном языке это называется – непритязательные картины. ...

Разыграна пьеса недурно. ...» (№ 47. С. 911 - 912).

Но, может быть, наиболее серьезный анализ пьесы – и наиболее болезненный для автора отзыв – дан в статье Л.Я. Гуревич, которая в начале 90 х годов X I X века приглашала Л.Л. Толстого печататься в журнале «Северный вестник» (см. примеч. 17 к Главе 12 Книги I). С тех пор многое изменилось. Размышляя над феноменом шумного успеха комедии Л.Л. Толстого в Малом театре А.С. Суворина, критик выделила следующее обстоятельство: «...очень возможно, что она (пьеса Л.Л. Толстого. – В.А.) будет иметь такой же успех у большой публики и в других театрах. ...она не лишена своего рода остроты и невольно заставляет вдумываться в сложную, вернее, – путанную психологию и идеологию ее автора. ... Но чем более автор старается быть художественно и идейно независимым, тем более ощущается в нем недостаток природной, органической оригинальности. ... И что́ всего разительнее, что режет в этой пьесе, как кричащее неприличие, – с каким злобным и вульгарным гиканием он изображает в пьесе двух "толстовцев", – совершенно ненужные по ходу действия, эпизодические лица, которых он заставил повторять друг за другом, наподобие Бобчинского и Добчинского, одни и те же фразы и рассуждать в смехотворно бестолковых словах на тему о непротивлении, о жалости к животным и насекомым и т.д. ...» – См.: Гуревич Л. Петербургские театры: Комедия гр. Л.Л. Толстого //Русские ведомости. М., 29 ноября 1912 года, № 275. С. 5.

Бобчинский и Добчинский – персонажи комедии Николая Васильевича Гоголя (1809–1852) «Ревизор».

Тем не менее в том же году пьесой заинтересовался Новый театр в Туле и пытался неоднократно привлечь зрителей, рекламируя комедию в течение долгого времени так: «...последняя пьеса Л.Л. Толстого, идущая с громадным успехом в Петербурге в Суворинском театре. ...» – См.: Тульская молва, 16 и 18 декабря 1912 года, №№ 1543 1544. С. 1. Курсив мой. – В.А. Ранее газета сообщала, что пьеса будет «поставлена под личным наблюдением автора». – Там же , 18 и 27 ноября 1912 года, №№ 1521, 1527. С. 1.

19 декабря 1912 года состоялась единственное представление пьесы в Туле, которое не принесло желаемого результата ни автору, ни театру. – См.: Театр в 1912 году // Там же, 4 января 1913 года, № 1556. С. 3.

В том же году пьеса вышла отдельным литографированным изданием. – См.: Толстой Л.Л. Права любви: Комедия современной русской помещичьей и крестьянской жизни в 4 х действиях с прологом. М.: Издание С.Ф. Рассохина, 1912.

24. Закончив работу над драмой в 4-х действиях «Солдатка», Л.Л. Толстой 31 октября 1902 года отправил пьесу родителям в Ясную Поляну. – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14254. Л. 1 об. Автограф. А уже 13 ноября 1902 года он благодарил С.А. Толстую: «Спасибо за письмо и лестное мнение папá и Вас о „Солдатке“. <...>» – Там же , № 14256. Автограф. К сожалению, это письмо С.А. Толстой не сохранилось, и узнать более подробно впечатление Л.Н. Толстого о пьесе сына невозможно.

Драма “Солдатка” была впервые поставлена 9 февраля 1903 года в Народном Доме Императора Николая II. – См.: Театр и искусство. СПб., 9 февраля 1903 года, № 7. С. 171. Рецензент с сочувствием отнесся к этой пьесе: «... Когда в воскресенье я смотрел новую народную драму Л.Л. Толстого “Солдатка”, мне показалось, что вернулись сороковые годы с “ужасно” благородными воззрениями и чувствами. ...пьеса смотрелась с интересом. Чувствовалась дружная работа артистов и режиссера. Постановка любовная и тщательная, как всегда. Каждая мелочь строго обдумана. Народные сцены идут живо и реально. Нет излишних хитростей, но решительно все, что можно, сделано просто, ясно и правдиво. ...» – См.: Колосов К. Народный Дом // Там же , 16 февраля 1903 года, № 8. С. 181 182.

Тем не менее, после нескольких постановок и эта пьеса Л.Л. Толстого была снята с репертуара. Позднее Л.Л. Толстой включил “Солдатку” в том своих «Драматических сочинений» (Т. I. С. 39 64).

25. 19 июля 1907 года А.С. Суворин записал в дневнике: «... Лев Львович Толстой в своей пьесе выставил своего брата Андрея, гитариста. ...». А через несколько дней, 27 июля 1907 года, после беседы с Л.Л. Толстым он так расшифровал название драмы: «... Л[ев] Л[ьвович] написал две пьесы, одну в 2 х актах (речь идет о пьесе “Марк”. См. о ней ниже. – В.А.), другую в 5 ти актах и в 6 ти картинах. Нечто ужасное, по его словам. Изображение всего существующего. “Моя родина” название, то есть несчастная моя родина. ...» – См.: Суворин А.С. Дневник... С. 524, 529.

Малый театр А.С. Суворина не стал рисковать: на его сцене осенью 1907 года еще шли последние представления пьесы «Братья помещики». – См.: Петербургские новости. СПб., 18 сентября 1907 года, № 10. С. 4.

Пьеса Л.Л. Толстого «Моя Родина: Комедия из эпохи начала XX столетия в России» 12 октября 1907 года была поставлена на сцене Московского Драматического театра, основанного Федором Адамовичем Коршем (1852 1921).

Драматург предоставил театру исключительное право на постановку этой пьесы в течение двух лет. – РГАЛИ , ф. 2087, оп. 2, ед. хр. 746. Л. 97.

Однако воспользоваться этим правом труппе Ф.А. Корша не пришлось. Как обычно, первое представление пьесы Л.Л. Толстого «Моя Родина» прошло с большим количеством зрителей, однако мнения рецензентов были совсем не лестными. «... Автор скользит по поверхности затрагиваемых явлений, не проникая в их сущность. ... Пьеса Л.Л. Толстого – не социальная комедия, а произведение, в котором произвольно собраны самые разнохарактерные и плохо связанные между собою отголоски современности, – от экономического кризиса до “матчиша” и от освободительного движения до увлечения хиромантией...» – См.: Русские ведомости. М., 14 октября 1907 года, № 235. С. 5. Рецензия подписана криптонимом «Ю.В.».

В тот же день обозреватель «Русского слова » года подытожил: «...чем пристальнее вглядываешься в аляповатую сатиру Л.Л. Толстого, чем ближе присматриваешься к дешевому лубку его положительных типов, тем больше убеждаешься в том, что главная беда автора – это наивное убожество его концепции. ...» (№ 236. С. 6).

На последнем, третьем представлении 18 октября 1907 года присутствовала С.А. Толстая. На следующий день она записала в ежедневнике: «Была вечером в театре, “Моя родина” – Лёвы; не удовлетворило и загромождено». – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 273.

Таким же было мнение критиков. – См.: Театр и искусство. СПб., 21 октября 1907 года, № 42. С. 679. А 28 октября 1907 года Н. Эфрос в очередном обозрении «Из Москвы» деликатно обошел пьесу «Моя родина», ограничившись одной фразой: «...большая неприятность с Толстым-сыном у Корша...» – Там же , № 43. С. 703.

Иногда в записях современников ошибочно упоминается тульская постановка пьесы «Моя родина». – См.: Маковицкий Д.П. У Толстого... Кн. 2. С. 535, 677. Действительно, драму Л.Л. Толстого «Моя родина» думали поставить и в Туле, но не успели. К этому времени стало уже известно решение Ф.А. Корша, ввиду неуспеха, снять пьесу с репертуара после третьего представления. – См.: Тульская молва. 24 октября 1907 года, № 22. С. 3.

17 января 1908 года отдельное литографированное издание пьесы Л.Л. Толстого «Моя родина» прочитал Л.Н. Толстой. Его впечатление известно со слов Д.П. Маковицкого: «Очень наивно». – См.: Маковицкий Д.П. У Толстого... Кн. 3. С. 20 21.

26. Речь идет о кн.: Толстой Л.Л. Рассказы из времени студенчества (М., 1898; цензурное разрешение 18 февраля 1898 года). В нее вошли, главным образом, произведения, публиковавшиеся ранее: «Любовь»; «Синяя тетрадь»; «В Татьянин день»; «Совершеннолетие»; «Вечер во время голода»; «Под двумя огнями»; «Два товарища» (см. также примеч. 71 к Главе 4, примеч. 17 к Главе 12 и примеч. 54 к Главе 13 Книги I).

27. О повести «Прелюдия Шопена» и первых откликах на нее в России и за границей см. примеч. 168 - 169 к Главе 20 Книги I.

Из других публикаций отметим большую статью Василия Васильевича Розанова (1856-1919), поводом для написания которой явилось именно своевременное, как он считал, появление повести Л.Л. Толстого, название которой он изменил. – См.: Розанов В. Семья, как религия: Гр. Л. Толстой. «Крейцерова соната»; Гр. Л.Л. Толстой. «Прелюдия к Шопену » // С.Петербургские ведомости , 5/17 ноября 1898 года, № 304. С. 2 3; 23 ноября/5 декабря 1898 года, № 322. С. 2-3.

В архиве редактора журналов «Игрушечка» и «Женское дело» Александры Николаевны Пешковой-Толиверовой (урожд. Сусоколовой; 1842-1918) сохранился черновой автограф незавершенной рецензии «Несколько замечаний автору “Прелюдии Шопена”», написанной сразу же после того, как рассказ был опубликован в «Новом времени». Приняв основной пафос произведения в защиту раннего брака и считая рассказ важным, современным и уже потому интересным, А.Н. Пешкова-Толиверова тем не менее не могла согласиться ни с выбором героев, ни с самим развитием действия. – ИРЛИ , ф. 227, ед. хр. 24. Л. 20 21.

Трудно сказать, знал ли Л.Л. Толстой об этих замечаниях, но, готовя повесть к публикации в книге, он предпослал ей 6 мая 1900 года коротенькое предисловие, в котором вновь отстаивал свое видение проблемы раннего и, следовательно, чистого брака.

«“Прелюдия Шопену” была написана мною несколько лет назад и, должен сказать, была написана сначала вовсе не как возражение “Крейцеровой Сонате”, а просто, как выражение горячо занимавших меня в ту пору мыслей. Форму антитезы “Крейцеровой Сонаты” рассказ принял уже при последнем его редактировании.

Выпуская его теперь в отдельной книжке, вместе с другими моими рассказами, я не отказываюсь от основных мыслей, выраженных в нем, не отказываюсь от мысли, что ранний брак – великое благо, что стремление к полному целомудрию не имеет смысла, раз полное целомудрие человечества невозможно и ведет к прекращению его рода; что целью нашей жизни должно быть не стремление к полному целомудрию, а стремление к раннему, чистому и целомудренному браку.

Поэтому ответ ”Крейцеровой Сонате” и ее “Послесловию”, как они ни сильны художественно и как ни сильно выражены в них отрицательные стороны брачных отношений, – один: вывод их ошибочен.

Идеалом в них поставлено то, что не может им быть. Идеалом в вопросе половых отношений не может быть поставлено их уничтожение, потому что это уничтожает тогда самое понятие этого идеала и приводит к логической нелепости.

Признаюсь, что тон, в каком написан рассказ “Прелюдия Шопена”, мог бы быть спокойнее, что это было бы лучше, и мне жаль, что я отдался некоторому чувству раздражения. Но что сделано, то сделано.

При другом тоне, я, может быть, не сумел бы быть вполне искренним, когда писал рассказ». – См.: Толстой Л.Л. “Прелюдия Шопена” и другие рассказы (М., 1900; цензурное разрешение 24 июня 1900 года). С. 3 52.

Кроме названной повести, Л.Л. Толстой включил в книгу рассказ «Первый ребенок» (см. о нем ниже примеч. 29) и очерк «Сон», напечатанный в «Новом времени» 12/24 февраля 1899 года (№ 8278. С. 2).

28. См. о нем примеч. 17 к Главе 12 Книги I. Вошел также в книгу «Рассказы из времени студенчества» (см. выше примеч. 26).

29. Этот рассказ Л.Л. Толстой осенью 1898 года отправил в «Новое время». Бегло просмотрев его, А.С. Суворин подумал, что он подойдет для газеты. Однако уже 12 ноября 1898 года он должен был огорчить молодого литератора: «Лев Львович, корректура половины рассказа посылается Вам. Я должен сказать, что роды написаны ужасно безжалостно и мне думается, что газетной публике это не под силу. Не говорю уже о крови и т.п. Есть границы, которые переходить мудрено. Становится жаль читателей, которые будут мучиться, читая такое описание. Особенно девушки. Вторая половина еще не набрана. Да вторая половина совсем не беллетристика, а публицистика и не вяжется с первой половиной рассказа нимало. <...>» – ОР РНБ , ф. 115, № 66. Л. 3. Рукописная копия из архива А.Е. Бурцева.

В итоге рассказ не был напечатан в «Новом времени» и впервые был опубликован в книге «„Прелюдия Шопена“ и другие рассказы» (С. 53 96). См. о ней выше примеч. 27.

Рассказ был замечен критиками. В рецензии на книгу особо отмечалась «юная отзывчивость» молодого писателя, его изобразительный дар, а также бесспорное влияние таланта и мысли его великого отца, объяснимого «и особой близостью к гениальному писателю, и даже наследственностью». – См.: Новое время : Иллюстрир. приложение. СПб., 6/19 декабря 1900 года, № 8901. С. 8. Рецензия подписана криптонимом «В.Г.».

30. Из других сочинений Л.Л. Толстого необходимо отметить его детские рассказы, которые, по мнению читателей, удавались ему. Кроме названных ранее рассказов «Монтекристо» и «Илюшкины яблоки», см.: Толстой Л.Л. Яшка: Рассказ // Родник. СПб., 1897, № 1. С. 1 29; Толстой Л.Л. Волчонок: Рассказ // Там же , № 3. С. 289 320. Именно по поводу этих рассказов А.Н. Альмединген, принимавший самое живое участие в становлении Л.Л. Толстого как детского писателя, 24 марта 1897 года заметил: «<...> Григорович прочел “Яшку” и “Волчонка” и сказал мне, что ему понравилось и что в Вас сидит несомненный писательский талант. Я приставал, серьезно ли он это говорит, не из любезности ли: он уверял, что по совести это его мнение. Но упрекал в небрежности и в неправильности речи. “Это от отца перешло”, – сказал он. Это, конечно, хорошо походить на Вашего отца, но Вы должны быть самим собой и иметь свою своеобразность, а потому не пренебрегайте отделкой. <...>» – ИРЛИ , ф. 303, № 118. Л. 88 об. Автограф. Подчеркнуто А.Н. Альмедингеном.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822-1899) с середины 50-х годов был знаком с Л.Н. Толстым и с нетерпением ждал появления первых произведений его сына, дарование которого он приметил одним из первых.

Кроме «Родника», Л.Л. Толстой печатался также в других детских журналах. – См.: Толстой Л.Л. Хромые друзья (Рассказ) // Игрушечка: Журнал для детей младшего возраста. СПб., 1898, № 8. С. 339 346; № 9. С. 397 407.

Позднее все эти рассказы вошли в книгу: Толстой Л.Л. Для детей: Рассказы (М., 1898; цензурное разрешение 24 января 1898 года. Это издание сохранилось среди личных книг С.А. Толстой в Ясной Поляне под № 2752). Так как выход ее по времени совпал с обсуждением в русском обществе «Прелюдии Шопена» Л.Л. Толстого, то и отклики в печати были весьма скептические. Так, в октябре 1898 года один из безымянных рецензентов этой книги писал: «...в русской литературе с недавнего времени подвизается Лев Львович Толстой ... вместо очень длинного титула удобнее было бы именоваться ему просто Л. Толстым-младшим...

...в этих своих “детских рассказах” г. Толстой-младший старается подражать такому классическому образцу, как “Детство и отрочество” знаменитого Толстого... они написаны не без дарования, простым, хорошим языком и проникнуты, быть может, иногда и искренним сочувствием к бедному люду. ...» – См.: Вестник воспитания. М., 1898, № 5. Отд. II. С. 1 7.

Несмотря на такой сомнительный отзыв, детские рассказы Л.Л. Толстого пользовались бóльшим успехом, чем многие другие его сочинения. Через год книга рассказов «Для детей» вышла вторым, дополненным изданием (М., 1901).

См. также сочинения из цикла «Правдивые рассказы»: Толстой-сын Л. Синичка //Родник. СПб., 1900, № 1. С. 63 64; Толстой-сын Л. Федька и я //Там же , № 2. С. 123-126; Толстой-сын Л.Л. Булочник и кегли // Там же , № 4. С. 402 406; Толстой-сын Л. Слепунюшка //Игрушечка. СПб., 1901, № 10. С. 433 444; Толстой-сын Л. На Упе // Там же , № 11. С. 481 494; Толстой-сын Л. Седые волосы //Там же, № 12. С. 520 546.

В откликах рецензентов на эти рассказы акцент, естественно, был сделан прежде всего на сопоставлении сына с отцом: «... Автор этих произведений Л. Толстой, сын гениального писателя, видимо, не лишен дарования, но лишен того великого дара творческой художественной меры, обаятельной правды жизни, которые захватывают в великих произведениях его отца. В стремлении Толстого-сына к морализации и внешнем понимании этических начал, проводимых в жизнь его отцом, – начала эти являются жалкими шаблонами, ходячей прописной моралью, скучной, однообразной, никогда никого не научившей ничему доброму. ...» – См.: Русская мысль. М., 1900. Кн. VI. Библиогр. отдел. С. 233.

Читатели, однако, были более терпимыми к сыну великого Толстого, собиравшего новую книгу для детей. Цикл «Правдивых рассказов» пополнялся новыми сочинениями, которые вошли в книгу. – См.: Толстой Л.Л. Скачки // Юный читатель: Журнал для детей старшего возраста. СПб., 1902, № 14. С. 40 48; Толстой Л.Л. Воробейчик (Из гимназической жизни) // Товарищ: Еженедельный худож. лит. журнал для детей школьного возраста. СПб., 1902, № 6. С. 82 87; № 8. С. 113 119; Толстой Л.Л. Дунька Фонаринская //Там же , № 24. С. 370 375; № 25. С. 385 390. См. также: Толстой Л.Л. Правдивые рассказы для детей. СПб., 1903 (цензурное разрешение 11 марта 1903 года).

Л.Л. Толстой и позже писал для детей. – См.: Толстой Л.Л. Самолюбивый //Товарищ. СПб., 1903, № 4. С. 49 52; Толстой Л.Л. Первые шаги (Эпизод из жизни Нерона) // Детское чтение: Ежемес. иллюстрир. журнал для семьи и школы. М., 1904. С. 1628 1634; и др.

По примеру своего отца, Л.Л. Толстой составил также «Сборник пословиц (русских и французских), загадок и стихов: Для домашнего чтения детей» (СПб., 1903).

31. Толстой Л.Л. Записки из эпохи голода 1891-1892 гг. // Вестник Европы. СПб., 1899, №№ 6-7.

Эта публикация сразу же была замечена. Журнал «Русская мысль » в июльском номере писал: «...в рассказе гр. Л. Толстого-сына мы имеем дело, как он сам говорит, с “голой правдой”, и эта “голая правда” может привести в ужас. ... Вообще, наблюдения гр. Л. Толстого-сына заслуживают большего внимания...» (М., 1899. Кн. VII. Отд. II. С. 266 267). См. также сочувственный отклик рецензента газеты «Кавказ » (Тифлис, 20 июля 1899 года, № 188. С. 3; 5 октября 1899 года, № 260. С. 2).

Даже Александр Михайлович Скабический (1838-1910), иронизировавший по поводу той щедрости, с которой издатели печатают любой трюизм сына великого Толстого , по отношению к данному выступлению Л.Л. Толстого изменил тон. «... Что касается настоящей статьи, то, при некоторой легковесности, она всё-таки заслуживает бóльшего внимания, чем все, что до сих пор написал гр. Л. Толстой-сын. ...

Невольно располагает вас в его пользу чуткая и горячая отзывчивость к народному бедствию, то самопожертвование, какое выказал он, покинув университетские науки и московскую жизнь и отважно ринувшись на борьбу с голодом, наконец, кипучая энергия, какую выказал он во время самой борьбы; – все это, несомненно, обнаруживает в гр. Толстом-сыне человека не одних красивых слов, но и честного, благого дела.

...не одно только отвлеченно-гуманное желание помочь голодающим людям, кто бы они ни были, руководило графом в его плодотворной деятельности, но и живая любовь к народу, глубокое сознание своего долга перед ним, сочувствие к трудящимся классам, доходящее до некоторой идеализации их. Эти прекрасные чувства обнаруживаются во многих местах статьи. ...» – См.: Скабический А.

Текущая литература: “Записки из эпохи голода в 1891 92 гг.” гр. Л. Толстогосына (“В[естник] Евр[опы]”, №№ 6 7) // Сын Отечества. СПб., 23 июля/4 августа 1899 года, № 196. С. 2.

32. По сравнению с журнальной публикацией, название которой чуть изменилось («У голодающих: Записки из поры голода в 1891 92 годах»), книга была существенно дополнена материалами о недавнем голоде 1898 99 годов. – См.: Толстой Л.Л. О пожертвованиях // Санкт-Петербургские ведомости , 18/30 января 1899 года, № 17. С. 2; Толстой-сын Л. Мой отчет //Там же, 1/13 мая 1899 года, № 116. С. 2; Толстой-сын Л. Хлебные запасы //Там же , 26 октября/7 ноября 1899 года, № 293. С. 1. В частности, в книгу вошло письмо Л.Л. Толстого в газету, в которое он, в свою очередь, включил обращение к нему голодающих крестьян Патровки с мольбой о помощи. – См.: Толстой Л.Л. Пожалеем! //Там же , 19/31 декабря 1898 года, № 348. С. 1 2.

Призыв Л.Л. Толстого был услышан в России. Пожертвования на его имя начали поступать сразу после его первого письма в газету. – Там же, 4/16 апреля 1899 года, № 91. С. 1.

Выдержки из отчета Л.Л. Толстого перепечатал журнал «Мир Божий », оценив его как представляющий особенный интерес (СПб., 1899, № 6. Отд. II. С. 21).

Декабрьское отчаянное письмо отозвалось и в европейских странах, прежде всего в Англии. – См.: Starving Russian peasants : Appeal of count Leoff Tolstoy //Chronicle. London, January 11, 1899; Tolstoi L.L. (Son of count Leo Tolstoi). “Let us pity them” //Christian World. London, January 19, 1899; The famishing Russian peasants : Responses to count L.L. Tolstoi //Ibid., January 26, 1899; Watson R.S. The famine in Russia //Manchester Guardian. March 20, 1899; “Many families have sold everything they possess over the last pillow or garment ...” //Echo. London, March 20, 1899; Help for Russian peasants //Ibid., September 1, 1899; etc. – Отдел книжных фондов ГМТ. Коллекция В.Г. Черткова.

См. рецензии на книгу Л.Л. Толстого «В голодные года»: Одесские новости , 1 февраля 1901 года, № 5203. С. 1; Образование. СПб., 1901, № 3. Отд. II. С. 77 81; Новое время : Иллюстрир. приложение. СПб., 6/19 июня 1901 года, № 9070. С. 11. Но, пожалуй, самым веским было беглое замечание на страницах журнала «Русское богатство » о том, что книга Л.Л. Толстого не теряется рядом с известной книгой В.Г. Короленко «В голодный год» (СПб., 1901, № 3. Отд. II. С. 35 38).

Деятельная натура Л.Л. Толстого не ограничилась одними газетными выступлениями. Как писалось на обложке его тоненькой книжки, один из рассказов Л.Л. Толстой пожертвовал «в собственность Казанскому Обществу призрения и образования глухонемых детей на расширение филантропического попечения о них, с каковой целью он и издан». – См.: Толстой Л.Л. Яшка. Казань, 1899 (цензурное разрешение 10 января 1899 года).

Другой рассказ Л.Л. Толстой включил в сборник, все средства от продажи которого он сам распределял между голодающими. – См.: Толстой-сын Л. Зачем? (Рассказ) //Помощь пострадавшим от неурожая Самарской губернии. М., 1900. С. 21 30.

33. Книга вышла летом 1903 года. – См.: Толстой Л.Л. Добрые советы (Издание для народа). СПб., 1903 (цензурное разрешение 27 мая 1903 года). В предисловии Л.Л. Толстой писал: «Собранные здесь советы предназначаются для народного чтения, но могут относиться также и к людям других сословий» (С. 1).

34. Точное название звучит иначе: Толстой Л.Л. Памятка русского солдата. СПб., 1907. Брошюра вышла в издании книжного магазина Л.Л. Толстого «Доброе дело» в серии «Патриотическая библиотека» (№ 1).

Поводом для обращения к русским солдатам Л.Л. Толстого послужили две причины: тревожная обстановка в стране и желание перебить, ослабить то впечатление, которое производила «Солдатская памятка» Л.Н. Толстого. Напечатанная впервые в 1902 года в Англии в журнале «Свободное слово», основанном П.И. Бирюковым и В.Г. Чертковым, «Солдатская памятка» расходилась в списках и будоражила мысль ещё до того, как на волне революционных преобразований она была выпущена отдельно петербургским издательством «Обновление» в 1906 году и вскоре конфискована. – ПСС. Т. 34. С. 583-584 (см. также ниже примеч. 35).

Л.Л. Толстой видел события и участие в них русской армии иначе, чем его отец (см. об этом ниже). 11 декабря 1905 года в письме родным он уточнил свою позицию: «<...> Последние события Москвы, да и другие по всей России, кажется, окончательно повернули правительство на путь репрессий. Да и пора. Нельзя давать свободу безумию и пороку. В этом смысле недавно тоже высказался, где следует. Всему есть предел. Бедного Юрия Шидловского разгромили дотла, все вещи изрубили в его комфортабельном богатом доме, а все остальное увезли и угнали. Вообще творится что-то стихийное, и кто знает, к чему оно нас ведет. Продолжаю надеяться на ту же стихию, стихию зимы, природы, которая одна может на время хоть потушить пожар. А там и Дума соберется и непременно или успокоит, или усмирит. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14348. Л. 1 2. Автограф.

Юрий Вячеславович Шидловский (1856-1931) – двоюродный брат С.А. Толстой. – См.: Незабытые могилы : Российское зарубежье: Некрологи 1917 2001: В 6-ти томах / Составитель В.Н. Чуваков. М., 2006. Т. 6, кн. 3. С. 384.

Через десять дней обращение Л.Л. Толстого к солдатам было напечатано в газете «Русское чтение», называвшей себя «первой в России народной газетой», выпускавшейся на средства Министерства Императорского Двора и распространявшейся, как говорилось в рекламных проспектах, по всем ротам, эскадронам и батареям «частей войск гвардии и армии, в коих ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволит состоять Шефом».

Имя автора улавливалось вполне, хотя и не было полностью раскрыто в газетной публикации. В конце декабря 1905 года Л.Л. Толстой не склонен был вступать в открытое противостояние отцу и его позиции непротивления злу насилием. Он писал: «Я хочу сказать вам несколько слов правды, русские солдаты. Надеюсь, что вы почувствуете и поймете, что мной руководит лишь желание быть полезным вам и России и что никаких других целей я не имею. ... Все русские граждане, пользуясь одним общим законом, сольются в одно великое и могущественное русское братство...

Но прежде всего ты, русский солдат, исполни свой долг и будь честным гражданином!» – См.: Т<олстой> Л.Л. К русским солдатам // Русское чтение: Общедоступная газета. СПб., 22 декабря 1905 года, № 151. С. 1 2.

Через год Л.Л. Толстой уже не скрывал своего авторства и отправил изданную им брошюру императору Николаю II с сопроводительным письмом.

«20 дек<абря> 1906 г<ода>
С. -Петербург
Ваше Величество,

Имею счастье при сем послать Вам „Памятку русского солдата“, написанную мной для русских войск. Военное министерство нашло желательным распространение „Памятки“ среди низших чинов. Одно слово одобрения Вашего Величества было бы для меня большой радостью и могло бы содействовать успеху „Памятки“ и ее воспитательному назначению. Некоторые войсковые части самостоятельно выписывают ее для солдат, но, конечно, без поощрения со

стороны высших властей вряд ли можно рассчитывать на более крупные заказы и широкое распространение „Памятки“ среди армии, гвардии и флота. Она была напечатана в журнале „Русское чтение“ полковника Дубенского, а теперь издана мной отдельно. Решаюсь беспокоить Ваше Величество по поводу этого дела только ради могущей быть от него общей пользы для России.

Вашего Величества верноподданный

Граф Л.Л. Толстой».

– РГИА , ф. 472, оп. 43, ед. хр. 1. Л. 35 36. Автограф.

С полковником Генерального штаба Дмитрием Николаевичем Дубенским (1858 1923), редактором газеты «Русское чтение» и журнала «Художественная летопись событий», Л.Л. Толстой был знаком и ранее. В его архиве сохранились два письма Д.Н. Дубенского 1906 1909 годов. – ИРЛИ, ф. 303, № 291. Л. 1 6.

Брошюра антитолстовского характера была немедленно замечена прессой. Уже 3 января 1907 года петербургская газета «Биржевые ведомости » в заметке «Сын, восставший на отца », писала: «У великого писателя земли русской Льва Толстого есть сын, тоже писатель, тоже Лев, но отнюдь не великий. Между Толстым-отцом и Толстым-сыном – дистанция огромного размера.

... Кровожадный сын великого писателя проповедует русскому солдату не слагать оружия до тех пор, пока он не покорит всего мира...

И такие взгляды проповедуются после Ляояна, Мукдена и Цусимы, обнаруживших все наши внутренние язвы, всю призрачность шовинистических толков о нашей непобедимости и великой миссии – покорить весь мир!

Надо полагать, что Л.Л. Толстой не остановится на первом выпуске своей “Патриотической библиотеки” и в дальнейших выпусках займется опровержением других взглядов, распространявшихся по миру из Ясной Поляны, и окончательно развенчает яснополянского отшельника...» (№ 9676. С. 2). Статья подписана криптонимом «А-въ ».

Поступок сына очень огорчил Л.Н. Толстого. Не помогло и письмо, которое Л.Л. Толстой 30 января 1907 года отправил отцу из Петербурга и в котором, в частности, писал: «<...>я люблю тебя горячо, как кровного отца, – не воспитателя, – люблю тебя, как человека и писателя, но считаю и буду считать нужным говорить правду о твоих взглядах потому, что они слишком значительны, чтобы о них молчать. <...> Мне одинаково больно, как и тебе, что пришлось так поступать. Конечно, неприятно это и всем тем, кто нас знает. Но это нужно было сделать, на мой взгляд, и я даже не считаю себя в этом виноватым. Нужно было рассеять туман, вскрыть до конца нарыв. <...>

Любящий тебя горячо сын

Л.Л. Толстой.

Не знаю, как ты отнесешься к этому письму. Хотелось бы, чтобы ты отнесся так, чтобы стало легче. Конечно, ты сделаешь это». – ОР ГМТ. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 56268. Л. 1 3 об. Автограф. На конверте помета: «Б<ез> о<твета>». – Там же. Л. 4. Автограф.

Свою позицию Л.Н. Толстой разъяснил 14 марта 1907 года в беседе с Иосифом Константиновичем Дитерихсом (Жозей; 1868-1931) о Л.Л. Толстом: «...может писать, что угодно, только не под тем же названием, что отец. Из простого приличия». – См.: Маковицкий Д.П. У Толстого... Кн. 2. С. 395.

О том, какой отклик получила брошюра Л.Л. Толстого в правительственных кругах, см. подробнее в публикации: «Время идёт интереснейшее ...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 145 153.

Брошюра Л.Л. Толстого в течение года неоднократно переиздавалась. Одно из её изданий вышло под другим названием с незначительными текстуальными

изменениями. – См.: Толстой Л.Л. Назначение русского солдата. 3 е изд. СПб., 1907.

35. Аналогичной была история появления и этой брошюры, написанной сыном в полемике с «Офицерской памяткой» Л.Н. Толстого. – См.: Толстой Л.Л. Памятка русского офицера. СПб., 1907 («Патриотическая библиотека », № 2).

Первоначально она появилась под другим названием. – См.: Толстой Л.Л. Жизненные задачи русского офицера // Русский инвалид. СПб., 17 января 1907 года, № 13. С. 3 4. Вскоре был опубликован сочувственный отзыв одного из командиров полка, предложившего выпустить эту статью отдельным изданием для военного ведомства (6 февраля 1907 года, № 29. С. 6). 8 марта 1907 года газета объявила о выходе «Памятки русского офицера» Л.Л. Толстого одновременно со 2 м изданием «Памятки русского солдата» (№ 53. С. 8).

Завершая публикацию, Л.Л. Толстой особо выделил следующие моменты: «... Русская армия призвана покорить мир и насадить в нем высшее благо, высшую силу, высшую культуру людей. ...

Поэтому пусть будет разумная, честная борьба людей на земле... Пусть будут войны, великие, кровопролитные войны, если они будут борьбой лучшего с худшим, добра со злом, разума с безумием! Боритесь в этих войнах за высшее, за разумнейшее, сильнейшее, лучшее, за всё своё русское, за русские богатейшие земли, подобных которым нет на свете, за русского даровитого человека, за русские нравы, за русскую культуру, искусство, торговлю, промышленность, науку, музыку, за светлое будущее всей русской культуры и не уступайте ее никому! Победят вас, снова беритесь за оружие, пока не победите!..

Ради всяческих побед, ради счастья, ради силы, ради России стоит жить, стоит работать, стоит служить, стоит совершенствоваться и совершенствовать, и только ради этого...

Всё остальное – это не реальные жизненные цели, а заоблачные мечты». – См.: Толстой Л.Л. Памятка русского офицера... С. 8.

См. также: Толстой Л.Л. Жизненные задачи русского офицера // Русскій міръ: Научно-популярный и просветительский альманах. М., 2001, № 3. С. 137 140.

36. «Солдатская памятка» и «Офицерская памятка» Л.Н. Толстого были написаны в 1901 году против казённо-патриотической и монархической «Солдатской памятки», составленной генералом М.И. Драгомировым. – ПСС. Т. 34. С. 280-290.

Продолжение полемики с этими сочинениями Л.Н. Толстого и в других статьях сына. – См.: Толстой Л.Л. Русский воин-христианин // Родина : Альманах для нижних чинов на 1908 год. Одесса, 1908. С. 4 7.

37. С началом русско-японской войны в сознании Л.Л. Толстого постепенно вызревала мысль о том, что ему суждено стать одним из возможных “спасителей Отечества”. В одной из первых статей, объединённых названием «Мысли и жизнь», Л.Л. Толстой писал: «Тяжёлое переживаем время. Но я убеждён, что оно минует и после него наступит светлое, бесконечно радостное время – время обновления России.

... России принадлежит будущее земли, несмотря ни на какие современные беды. ...» – См.: Новое время. СПб., 15/28 сентября 1904 года, № 10252. С. 4.

Статьи Л.Л. Толстого из этого цикла печатались в течение года и вызвали оживлённую полемику. Из швейцарского города Монтрё пришла гневная отповедь одного из читателей. 3 октября (нового стиля) 1904 года он отправил в редакцию «Нового времени» письмо на имя Л.Л. Толстого, в котором говорилось:

«Милостивый Государь,

Ваша заметка в <“>Новом Врем<ени”> “Мысли и Жизнь” глубоко оскорбляет истинно русского человека своею нетактичностью по отношению к англичанам и другим нациям. <...>

Гнусно, стыдно – подобным предательским способом зарабатывать свой гонорар!.. – Гнусно, озверевши, подобно японцам, прозрачно выказывать свою радость на возможность унаследовать имение „брата-воина“, ибо его легко может убить вражеская пуля, а вы – его наследник!.. Гнусно с презрением обзывать „слабонервными“ людей, жаждущих конца этой звериной бойни. К ужасу людей, не озверевших от жадности „схапать и слопать“ за счёт чужих страданий, – вы носите одинаковое имя и даже фамилию с великим „человеком“ нашей Родины. Его сын так гнусно предавать свою родину врагам не мог бы, – а однофамилец – это самозванец, жаждущий наживы и известности, как жаждал безумец Герострат, – но сжигающий свою совесть!

Поклонник Мамоны – уйдите прочь!» – ИРЛИ , ф. 303, № 847. Л. 1 2 об. Автограф. Курсив автора письма. Документ датируется условно на основании почтового штемпеля отправителя на конверте. – Там же. Л. 3 3 об.

...безумец Герострат ... – грек из Малой Азии Н ëróstratos , желая прославиться, сжег в 356 году до новой эры знаменитый храм богини Артемиды в Эфесе.

...Мамона... – в христианской церковной литературе злой дух, олицетворение алчности, корыстолюбия и стяжательства (арамейск.).

Справедливости ради, надо отметить, что в архиве Л.Л. Толстого сохранилось немало и сочувственных писем. – Там же, №№ 178, 306, 336, 353, 614, 837 и др.

Публицистические выступления Л.Л. Толстого на страницах «Нового времени» продолжались на протяжении 1905 1906 годов (см. об этом ниже).

38. Вот некоторые из его публикаций: Толстой Л.Л. “Весна” //Петербургская газета , 13 марта 1908 года, № 71. С. 4; 16 марта 1908 года, № 74. С. 4; Толстой Л.Л. Маруся // Там же : Иллюстрир. приложение, 17 апреля 1914 года, № 103. С. 130 131; 24 апреля 1914 года, № 110. С. 138 139. Эти рассказы Л.Л. Толстого обнаружены и введены в научный оборот В.С. Бастрыкиной.

39. В петербургском еженедельном иллюстрированном художественно-литературном журнале «Огонек» Л.Л. Толстой начал публиковаться уже после смерти отца. Вот некоторые из его рассказов: Толстой Л.Л. Конокрад //Огонек. СПб., 1912, № 46. С. 2 3; Толстой Л.Л. Раки //Там же, 1914, № 16. С. 1 3; Толстой Л.Л. Необитаемая усадьба //Там же , 1914, № 23. С. 2 10; Толстой Л.Л. Семьянин //Там же , 1915, № 44. С. 1 11; Толстой Л.Л. Хоть бы в бою!.. //Там же , 1916, № 45. С. 1 2 [Последний рассказ напечатан был также в журнале «Зерна : Лит. худож. иллюстрир. журнал» (Пг., 1916, № 5. С. 13 14)].

40. Первые выступления под своим именем в одной из самых уважаемых газет России относятся ко времени работы Л.Л. Толстого на голоде. Его отчеты печатались в рубрике «Среди нуждающихся». – См.: Русские ведомости. М., 27 февраля 1892 года, № 56. С. 2; Там же , 15 мая 1892 года, № 132. С. 2; Там же , 9 ноября 1892 года, № 310. С. 2.

41. В журнале Л.Я. Гуревич «Северный вестник» Л.Л. Толстой печатался в 1893 1894 годах. – См.: Толстой Л.Л. Синяя тетрадь //Северный вестник. СПб., 1893, № 12. С. 125 149; Толстой Л.Л. Совершеннолетие //Там же , 1894, № 2. С. 123 135;

Толстой Л.Л. Письмо из Парижа (У салютистов) //Там же , № 5. Отд. II. С. 39 52; Толстой Л.Л. В Татьянин день //Там же, № 7. С. 1 24. Все рассказы, кроме «Письма из Парижа», позднее вошли в книгу Л.Л. Толстого «Рассказы из времени студенчества» (см. об этом выше примеч. 26. См. также примеч. 17 к Главе 12 Книги I).

В объявлении о подписке на 1895 год имя Л.Л. Толстого значилось среди постоянных авторов журнала вместе с именем отца, Л. Толстого. – См.: Русские ведомости. М., 4 января 1895 года, № 4. С. 1.

42. Журнал «Столица и усадьба» появился в Петербурге незадолго до Первой мировой войны и призван был отвлечь от надвигающихся тревожных событий читающую Россию. Об этом свидетельствует и подзаголовок нового издания, в котором Л.Л. Толстой напечатал несколько своих стихотворений. – См.: Толстой Л.Л. Июньской ночью // Столица и усадьба : Журнал “красивой жизни”. СПб., 1913, № 1. С. 11; Толстой Л.Л. Я жду, я жду // Там же, 1914, № 4. С. 23; Толстой Л.Л. Ещё одна весна //Там же , 1914, № 8. С. 17; Толстой Л.Л. В Ясной Поляне // Там же , 1916, № 52. С. 5. О других выступлениях Л.Л. Толстого в этом журнале см. также ниже примеч. 44.

43. Редактор газеты «Неделя» Павел Александрович Гайдебуров (1841-1893) был первым, кто принял к публикации сочинения Л.Л. Толстого. – См.: Львов Л. Любовь //Книжки «Недели»: Ежемесячный лит. журнал. СПб., 1891, № 3. С. 107 132. 22 марта 1891 года Л.Л. Толстой записал в дневнике: «Если я когда-нибудь буду известен как писатель, мне интересно будет прочесть то, что я запишу сейчас. В „Неделе“ напечатана „Любовь“. Не знаю, хорошо ли, дурно ли, говорят разно и даже прямо „дурно“. Я не слыхал, один д[ядя] Серёжа, он говорит, что все отцовское, чужое, и потом сокрушается тем, что рассказ напечатали не потому, что он кудани[будь] годится, а потому, что я – сын отца. Это неправда, мне кажется, воперв[ых], а вовторых, я пробовал без имени послать свои рассказы в „Р[усское] Об[озрение]“ и шесть месяцев не получал ответа, пока сам не пошел и не назвался. Но и прочтя, рассказа Цертел[ев] не принял, так что и то, что приняли „Любовь“ потому, что я сын отца, не имеет основания. А к чему скрываться? Что за привилегия? Кривит душой редактор, а не я. Тем не менее д[ядя] Сережа меня смутил больше других, я думал вчера взять да и сжечь все, что у меня написано, и бросить писание. Но сегодня утром опять что-то роковое говорит мне, что я не должен бросать его, что это мое дело. Удивительно, несмотря на то, что папá, и братья, и сестры, кроме мамá, не только не поощряют меня, а напротив, говорят скорее противное своим нерешительным отношением и отмалчиванием, несмотря на это, меня тянет к этому, и в свободные минуты мечтаю и целые драмы проходят у меня в голове. Время покажет, что будет из этого, и покажет также впечатление [от] рассказа, который вышел только недавно. ...» – См.: Сын и отец ... //Лица ... Т. 4. С. 217 218.

...д[ядя] Сережа ... – С.Н. Толстой (см. о нем примеч. 56 к Главе 3 Книги I).

Князь Дмитрий Николаевич Цертелев (1852-1911) в начале 90 х годов редактировал журнал «Русское обозрение».

После смерти П.А. Гайдебурова «Неделю» редактировал и издавал его сын, Василий Павлович Гайдебуров (1866-1940). Вскоре в одной из публикаций была предпринята попытка сопоставить этические и эстетические позиции отца и сына Толстых. Остановившись на рассказе Л.Л. Толстого «В Татьянин день», рецензент заметил: «...сама по себе тенденция рассказа вполне симпатична; но несколько

наивная его тенденциозность далеко не убеждает в справедливости его эпиграфа, и читатель невольно спешит, в интересах авторской же идеи, восстановить в своей памяти давно известные образы, в том же роде, Толстогоотца». – См.: Идеи Л.Н. Толстого и рассказ Толстогосына //Книжки «Недели». СПб., 1894, № 8. Отд. II. С. 200 202.

Когда «Санкт-Петербургские ведомости» летом 1896 года отказались сразу посылать в набор очерк Л.Л. Толстого, он вспомнил о редакторе «Недели» и в конце октября 1896 года отправил ему статью о докторе Вестерлунде. Вскоре в Ясную Поляну пришел ответ В.П. Гайдебурова:

«17 ноября 1896 года
С.Петербург
Многоуважаемый
Лев Львович<...>

Статью Вашу с удовольствием напечатаю. Но то, о чем Вы рассказываете, до такой степени интересно, что жаль, что Вы рассказываете так отрывочно и в общих чертах. Было бы крайне интересно подробное, живое, художественного характера изображение жизни в Энчёпинге, во всех житейских подробностях, во всей обстановке, в живых лицах. Самого доктора читателю хотелось бы в Вашем рассказе непосредственно, не в виде Вашего пересказа, слышать говорящим и видеть действующим. Если бы такая мысль Вас заинтересовала и Вам бы захотелось дать живую картинку пребывания под крылышком у необыкновенного доктора, – Вы очень бы меня обрадовали. Если бы не захотелось снова с этим возиться, – охотно напечатаю, конечно, статью и в нынешнем ее виде, которая, во всяком случае, очень интересна. <...>» – ИРЛИ , ф. 303, № 239. Л. 1 1 об. Автограф.

Вскоре первый очерк о шведском докторе появился в русской печати (см. об этом примеч. 77 к Главе 15 Книги I).

См. также: Толстой Л.Л. Вечер во время голода: Очерк //Книжки «Недели». СПб., 1897, № 7. С. 29 62. Эта публикация с сочувствием была встречена читателями и рецензентами. Так, Василий Львович Величко (1860 1903), подписывавший свои статьи криптонимом «В.Л.», заметил: «... Сын графа Л.Н. Толстого, Л.Л. Толстой изредка печатает весьма недурные рассказы, конечно, сильно согретые отблеском великого таланта его отца. В последней “Книжке Недели” есть его рассказ “Вечер во время голода”. ... Автор удачно изобразил равнодушие и холодность доктора, помогающего бедняге лишь по обязанности, без малейшего участия души и сердца. Рассказ графа Л.Л. Толстого лучше было бы так и назвать: “По обязанности”. Знание взятого быта помогло автору написать несколько ярких и типичных сценок...». – См.: Журнальное обозрение //Кавказ. Тифлис, 31 июля 1897 года, № 201. С. 2. См. также: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. I. С. 195; Т. IV. С. 99. Вскоре этот очерк вошел в книгу Л.Л. Толстого «Рассказы из времени студенчества» (см. о ней выше примеч. 26).

Из других публикаций Л.Л. Толстого в журнале В.П. Гайдебурова см. также: Толстой Л.Л. Помещик //Книжки «Недели ». СПб., 1898, № 3. С. 83 118. Через год рассказ вошел в книгу Л.Л. Толстого «„Прелюдия Шопена“ и другие рассказы» (С. 97 128). См. о ней выше примеч. 27.

44. Из других выступлений Л.Л. Толстого в печати выделим его публицистику, в частности, демонстративно антитолстовское открытое письмо, появившееся в 70-й день рождения писателя. К удивлению читателей, из Ясной Поляны на этот

раз вдруг раздался восторженный призыв поддержать инициативу царского правительства заключить всеобщее перемирие:

«Обидно и больно сознавать, что есть люди, с сомнением относящиеся к великому почину, провозглашенному Нашим Государем.

Больно слышать, что в декларации они не видят ничего, кроме утопии, то есть неосуществимой мечты, которой суждено так и остаться одной только мечтой.

Мы, молодое поколение, не можем так смотреть на это. ...

Вот путь будущего. Три исторические ступени человечества: война, прогресс, христианская любовь. Теперь наступило время перехода с первой ступени на вторую, с которой уже видна третья.

Война отжила свой век и назначение. Для нас, по крайней мере, она уже теряет свой смысл. ...

И вот наше чуткое русское правительство первое видит и открыто выступает на разоблачение ужасного, бессмысленного зла и призывает народы к обсуждению мер для его уничтожения.

Как же можно не восторгаться этим почином, как не волноваться им всем сердцем и не верить, что предложение нашего Государя не утопия и не неосуществимая мечта, а начало великой всенародной просветительной эпохи». – См.: Толстой Л.Л. Не утопия (Письмо в редакцию) //Новое время. СПб., 28 августа/9 сентября 1898 года, № 8082. С. 1.

Письмо было переведено на другие языки. О нем писали иностранные журналисты, не очень разбиравшиеся в тонкостях русского языка и принявшие выступление сына Толстого за точку зрения великого писателя.

3 октября (нового стиля) 1898 года В.Г. Чертков вынужден был обратиться в английские газеты с разъяснениями. – См.: Tchertkoff V. The wrong Tolstoy //Westminster Gazette. London, October 4, 1898; Tchertkoff V. The two count Tolstoys //Daily News. London, October 5, 1898; “Publicity was given a few days ago to a commendation of the Czar’s Rescript by count Leo Tolstoy...” //Echo. London, October 5, 1898; The Tolstoi family //Elgin Courant. January 24, 1899; Lancashire Express. Lancaster, January 24, 1899; Westminster Budget. London, February 24, 1899; etc. – Отдел книжных фондов ГМТ. Коллекция В.Г. Черткова.

Отношение Л.Н. Толстого к мирным инициативам царя нашло свое отражение в его письме группе шведской интеллигенции от 7 9 января 1899 года. – ПСС. Т. 72. С. 9 17.

Из более поздних публицистических выступлений Л.Л. Толстого отмечу его статьи, в которых сын весьма критически оценивал активное противостояние Л.Н. Толстого государству и царской власти. – См.: Толстой Л.Л. Отрицание или совершенствование //Голос Москвы, 16 января 1907 года, № 17. С. 2; 18 января 1907 года, № 19. С. 2; Толстой Л.Л. Чья ошибка? //Там же , 21 января 1907 года, № 22. С. 1; и др.

Эти статьи вызвали резко негативное отношение Л.Н. Толстого. – ПСС. Т. 56. С. 180, 182, 538 539, 542. Не только встречи, но и переписка отца с сыном на некоторое время оказались невозможными. – Там же. Т. 77. С. 31 32.

Вдали от Ясной Поляны, по существу отлучённый от нее, Л.Л. Толстой начал интенсивно писать, а вскоре и печатать свои воспоминания об отце, в подспудной надежде восстановить прерванные отношения. – См.: Толстой Лев. Когда и как была написана Власть тьмы (Заметка к постановке в Малом театре) //Журнал театра Литературно-художественного общества. СПб., 1907, № 2. С. 25 26 (в следующем номере журнала редакция, естественно, была вынуждена сделать примечание и уточнить, что речь идёт не о Льве Толстом , а об Л.Л. Толстом. – № 3. С. 50); Толстой Л.Л. Два воспоминания // Родник. СПб., 1908, № 17. С. 182 187 (см. подробнее примеч. 69 к Главе 4 Книги I); Толстой Л.Л. Из детских

воспоминаний //О Толстом : Воспоминания и характеристики представителей различных наций /Под ред. П.А. Сергеенко. В 2 х томах. М., 1911. 3 е изд. Т. II. С. 199 207 (1 е изд. – 1909).

После смерти отца чувство вины взяло верх над желанием оправдать мать и себя. – См.: Толстой Л.Л. Отношение ко мне моего отца / Публикация и комментарии В.Н. Абросимовой //Литературные мелочи прошлого тысячелетия : Сб. науч. статей к 80-летию Г.В. Краснова. Коломна, 2001. С. 151 160. Документ, представляющий собой набросок воспоминаний, по содержанию датируется 1911 годом.

См. также: Толстой Л.Л. Как мой отец относился к пьесам и драматургам // Театр и искусство. СПб., 11 ноября 1912 года, № 46. С. 898 899; Толстой Л.Л. Отрывок из моего дневника 1903 года (9-ое марта) // Столица и усадьба. СПб., 15 февраля 1914 года, № 4. С. 4 5 [Перепеч. без изменений в изд.: Иллюстрированная Россия. Париж, 16 ноября 1933 года, № 47. С. 12 13]; Толстой Л.Л. В Ясной Поляне: Из дневника 1903 года // Новое время : Иллюстрир. приложение. Пг., 7/20 ноября 1915 года, № 14247. С. 11 12; Толстой Л.Л. Л.Н. Толстой и писатели, которых он читал (К 6-й годовщине со дня смерти) //Биржевые ведомости: Вечерний выпуск. Пг., 5/18 ноября 1916 года, № 15906. С. 5; 6/19 ноября 1916 года, № 15908. С. 4; Толстой Л.Л. “Одоль”, любопытная дама и Фадей // Весь мир. Пг., ноябрь 1916 года, № 46. С. 7 8.

45. Переводами Л.Л. Толстой увлекся во время болезни в начале 90 х годов. Так, 11 сентября 1894 года С.А. Толстая писала мужу из Москвы в Ясную Поляну: «... Лёва диктует Павлу Петровичу [Кандидову. – В.А.] перевод из Коппе. ...» – См.: Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому... С. 601 602. Что именно переводил Л.Л. Толстой и были ли опубликованы его переводы произведений французского писателя Франсуа Коппе (Coppée ; 1842 1908), установить не удалось.

Первые известные переводы Л.Л. Толстого появились без подписи в газете «Русские ведомости». – См.: Сигурд. Госпожа Селма в Хэби: Рассказ /Перевод со шведского //Русские ведомости. М., 18 декабря 1897 года, № 349. С. 4. Переводчик представил автора (его настоящее имя – Альфред Геденшерна ; Hedenstjerna; 1852 1906) так: «Сигурд – один из самых популярных шведских писателей. Он любим не только у себя на родине и в других скандинавских странах, но и в Америке, Англии и Германии. С необыкновенной легкостью, живостью и правдивостью описывая современную жизнь, Сигурд обладает здоровым юмором, что особенно привлекательно в его бесчисленных рассказах и повестях».

Имя Л.Л. Толстого как переводчика устанавливается на основе его упоминания об этой работе в книге «Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях» (С. 205 206).

В начале 1898 года Л.Л. Толстой отправил А.С. Суворину свой перевод комедии Августа Юхана Стриндберга (Strindberg ; 1849 1912), который вскоре был опубликован. – См.: Стрин[д]берг А. Играть с огнем: Комедия в 1 м действии /Пер[евод] со шведского Л.Л. Т[олст]ого //Новое время : Иллюстрир. приложение. СПб., 28 февраля/12 марта 1898 года, № 7904. С. 5 7; 4/16 марта 1898 года, № 7908. С. 5 7.

Представляя читателям шведского драматурга, Л.Л. Толстой писал: «Имя Августа Стрин[д]берга произносится с некоторой опаской в великосветских гостиных Швеции. Его цинизм, его ультра-реалистическая манера писать, его ненависть к женщинам – служат этому причиной. Несмотря на это, я думаю, что после Рюдберга, умершего несколько лет назад, Стрин[д]берг занимает теперь первое место в шведской литературе. Его называют сумасшедшим, грязным, грубым, слишком откровенным и безобразным, но всё-таки признают в нем гения и жадно читают его, как только он выпускает в свет новые вещи. ...

Предлагаемая комедия ... характерна, как образчик писания Стрин[д]берга, в котором, несмотря на его несомненную неуравновешенность и неспокойные черты, присущие литературе упадочников, – виден сильный, смелый и оригинальный ум. ...» – Там же , № 7904. С. 5. О Рюдберге см. ниже примеч. 46.

Позднее комедия А. Стриндберга «Играть с огнем» была перепечатана с указанием имени Л.Л. Толстого как переводчика. – См.: Библиотека “Театра и искусства”. СПб., 1910. Кн. IX. С. 37-56.

А. Стриндберг явно заинтересовал Л.Л. Толстого. В его архиве сохранились переводы еще двух сочинений шведского писателя. – См.: Стрин<д>берг А. Ислам и его основатель (Жизнь и учение Магомета) /Перевод с английского Л.Л. Толстого. – ИРЛИ , ф. 303, № 97. Л. 1 82. Черновой автограф; Стрин<д>берг А. Не естественный подбор: Рассказ /Перевод со шведского Л.Л. Толстого. – Там же , № 98. Л. 1 6. Черновой автограф. Обе рукописи не датированы. См. также: Толстой Л.Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях... С. 189 196.

В конце 90 х годов печатались также переводы Л.Л. Толстого, призванные восполнить недостаток отечественной литературы для детей. – См.: Габбертон Д. Дети Елены: Рассказ /В переводе Л.Л. Толстого //Родник. СПб., 1899, №№ 3 4, 6 8. Предваряя публикацию, Л.Л. Толстой писал: «Джон Габбертон [Habberton ; 1842 1921], североамериканский писатель, родился в 1842 году. Его книга „Дети Елены“ имела огромный успех, и в одной Америке ее разошлось более 250.000 экземпляров. „Дети Елены“ переведены на многие иностранные языки и всюду читаются с большим интересом, где есть дети и дружная семья» (№ 3. С. 259). Позднее вышло отдельное издание. – См.: Габбертон Д. Дети Елены: Рассказ /Перевел с английского для детей Л.Л. Толстой. М.; Пг.: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1915.

Внимание Л.Л. Толстого привлекли также детские рассказы английского богослова, натуралиста, исследователя Северной Америки и Центральной Африки Генри Друммонда (Drummond ; 1851 1897). – См.: Друммонд Г. Бессмертная обезьяна: Рассказы для детей /В переводе Л.Л. Толстого. М., 1901 (цензурное разрешение 9 сентября 1900 года).

Кроме того, в начале 1905 года Л.Л. Толстой познакомил русского читателя с основными положениями книги датского публициста, государственного и общественного деятеля Н. Герцберга, посвященной общим проблемам развития социалистического учения в скандинавских странах. При этом в своей статье Л.Л. Толстой выделил лишь один аспект: христианское смирение и терпение как альтернатива социалистическим идеям. – См.: Толстой Л.Л. Рабочий вопрос и социализм //Новое время. СПб., 21 января/3 февраля 1905 года, № 10373. С. 3. По сообщениям корреспондентов газет «Наши дни» (25 января 1905 года, № 28. С. 2) и «Наша жизнь» (26 января/8 февраля 1905 года, № 71. С. 3), этот номер «Нового времени» со статьей Л.Л. Толстого раздавали бесплатно рабочим некоторых фабрик Петербурга, стараясь смягчить их настроение после расстрела демонстрации 9 января 1905 года.

Позднее А.С. Суворин издал этот труд отдельно. – См.: Герцберг Н. Рабочий вопрос и социализм /Перевод со шведского под редакцией Л.Л. Толстого. СПб., 1905. См. также скептическую оценку этой книги и участия в ее публикации Л.Л. Толстого: Наша жизнь. СПб., 2/15 июня 1905 года, № 109. С. 5. Рецензия подписана криптонимом «Л.Н.».

Перед отъездом Л.Л. Толстого с семьей из Одессы в Египет осенью 1903 года он закончил перевод брошюры о Франциске Ассизском (наст. имя Джованни Бернардоне; Franciscus Assisiensis ; 1182 1226), христианском проповеднике, основателе ордена францисканцев. Об этом 19 октября 1903 года он сообщил в письме матери. – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14281. Л. 1 об. Сохранился

черновой автограф перевода, выполненного Л.Л. Толстым. – ИРЛИ, ф. 303, № 32. Л. 1 14. Имя автора брошюры не названо.

46. Долгое время Л.Л. Толстой нигде не упоминал о том, что, помимо рассказов, романов, пьес, очерков и эссе, он еще «балуется» стихами. Не признался он в этом и в цитированном выше письме С.А. Венгерову в 1901 году. – ИРЛИ , ф. 377, 1 е собр., № 2743. Л. 1 5. См. также примеч. 17 к Главе 12 Книги I.

Возможно, что интерес к поэзии появился у Л.Л. Толстого в середине 90 х годов, когда он, изучая шведский язык, перевел фрагмент стихотворения Абрахама Рюдберга (см. о нем в примеч. 89 к Главе 16 Книги I). Этот набросок сохранился в архиве Л.Л. Толстого. – Там же , ф. 303, № 17. Л. 9. Черновой автограф.

Поэтические опыты Л.Л. Толстого не претендуют на самоценность. Экспромты, вероятно, заменяли ему страницы дневника, который Л.Л. Толстой вел от случая к случаю. В них есть и сквозная тема, и настроение, и привычная система образов. В качестве примера можно привести набросок, посвященный потере сына (см. выше примеч. 186 к Главе 20 Книги I).

Печатать свои стихи Л.Л. Толстой рискнул только после смерти отца, чье скептическое отношение к поэзии было ему, безусловно, известно. – См.: Толстой Л.Л. Часто мы стоим над пропастью глубокой... //Весь мир. СПб., 1913, № 26. С. 11; Толстой Л.Л. Один всегда, иди без страха... //Там же , № 29. С. 9; Толстой Л.Л. О, как бы жил я, счастлив, радостен, беспечен... //Там же , № 32. С. 12; Толстой Л.Л. Душа, смирись, проснись и улети!.. //Там же , № 37. С. 14; Толстой Л.Л. Покидая Париж //Там же , 1914, № 7. С. 7; Толстой Л.Л. Хотел бы я быть честным, чистым... //Там же , 1915, № 44. С. 16.

См. также выше примеч. 42.

47. Черновые автографы стихотворений см.: ИРЛИ , ф. 303, № 17. Л. 1 20; ОР ГМТ. Архив Л.Л. Толстого, №№ 46, 48 54.

Кроме того, сохранились небольшие фрагменты “комедии страстей ” Л.Л. Толстого в стихах. – ИРЛИ, ф. 303, № 17. Л. 1; № 90. Л. [1]. См. также: Абросимова В.Н. Поэтические опыты Льва Львовича Толстого (1869 1945) //Новое литературное обозрение. М., 1996, № 21. С. 288 302].

* * * * *

В августе 1902 года Дора родила в Halmbyboda третьего сына, которому я дал русское имя – Никита(48), чтобы не повторять слишком часто толстовских имён.

При его рождении я сделал интересное наблюдение, убедившее меня в том, что дети, появляясь на свет, вовсе не обязательно должны плакать, как думал Кант(49). Никита ещё не был отделён от пуповины, когда я нагнулся к нему и сказал успокоительным тоном, что всё кругом обстояло благополучно и что плакать ему совершенно не нужно.

Он отлично понял меня и не плакал до тех пор, пока акушерка не стала шлёпать его по задку. Таким

экспериментом я разбил теорию Канта, утверждающую, что люди с рождения выражают сущность жизни – страдание – плачем.

Но рождение Никиты всё же не обошлось без беды. У Доры сделалось сильнейшее кровотечение, которое чуть не унесло её в могилу(50). Кровь лилась ручьем, и растерявшаяся акушерка не знала, как остановить её. Доктора же Вестерлунда не было, так как он запоздал где-то у пациентов. Я смотрел на бедную Дору, лицо которой делалось всё прозрачнее, и держал в моей её холодную руку, в то время, как моя тёща, обезумев от страха, звонила в телефон, стараясь найти Вестерлунда. В это время подъехала его коляска, и я бросился к нему навстречу. Доктор сейчас же увидел, в чём дело, применил сильнейшее средство, и кровотечение постепенно остановилось(51).

Всё же эти трудные роды не прошли бесследно. Вскоре после них у Доры обнаружились признаки нефрита, появилась общая слабость, и, хотя её отец прилагал все усилия вылечить её, здоровье её не улучшалось, а ухудшалось. Так тянулось около года, пока Вестерлунд не поехал в Берлин советоваться со знаменитым тогда врачом Лейденом (52). На этой консультации было решено послать Дору в Египет, на что я охотно согласился(53).

[48. Никита Львович Толстой родился 22 июля/4 августа 1902 года. В тот же день Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну телеграмму и письмо. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 72 (см. также ниже примеч. 50).

По утверждению его старшего брата, большеголовый, серо-голубоглазый Кита был похож на своего русского дедушку Льва. – *Примеч. Т.Л. Балдовской.*

С годами Н.Л. Толстой стал другом отца и до последнего дня собирал и бережно хранил его архив. После его кончины в 1992 году многие документы были переданы его наследниками в Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве.

49. О том, что крик спасителен для детей, Иммануил Кант (Kant ; 1724 1804) писал в работе «О педагогике» (1803). По мнению немецкого философа, ребёнок всегда «кричит с сознанием», как бы

последнее ни было тёмно. – См.: Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 464 465.

50. Л.Л. Толстой ошибся: Д.Ф. Толстая заболела позже, осенью 1902 года , уже по возвращению в Петербург.

В день рождения сына Л.Л. Толстой писал матери:

«10 часов утра

Дорогая мамá, пишу Вам через два часа после рождения нового сына. Мальчик упитанный и черноволосый. Не знаем ещё, как назовём.

Роды были лёгкие и быстрые – часа тричетыре, хотя подготовились постепенно. Теперь Дора лежит и будет завтракать. Маленький спит после ванны, которая ему очень понравилась, и просит груди, кот<орой> ему ещё не дают. Телеграмму Вам послал тотчас же. Напишу теперь после крестин, которые, вероятно, произойдут здесь скоро с русским священником из Стокгольма, куда я поеду на днях за этим.

До свидания. Пишите чаще о<бо> всех вас. Прилагаю письмо к Маше. Всех вас целуем с Дорой и тоже жалеем, что не с вами. Но, Бог даст, на будущее лето будем вместе.

Ваш Лев.

22 июля/4 августа 1902 г<ода>.

Halmbyboda

Up < p > sala

Дора переносила ребёнка, по нашему расчёту, две недели и оттого, вероятно, он, по крайней мере, на вид и слух, родился сильный». – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14238. Л. 1 2. Автограф.

3/16 августа 1902 года Л.Л. Толстой сообщил С.А. Толстой:

«Милая мать, пишу Вам за час до скучных крестин, к которым здесь со вкусом приготовляются. Дора хочет назвать его Никитой. Пусть будет по её. <...> Он (Вестерлунд. – В.А.) в своём родовом городке Орегрунде на два дня.

Через две недели (1 го сент<ября>) все разъезжаются отсюда, и мы остаемся одни. У Никиты шведская няня – молодая, у Пали – Саша. В начале октября думаю приехать в Ясную, через Москву, с остановкой в ней, а потом встретить в Петербурге семью в середине октября на пароходе у Васильевского острова прямо из Стокгольма. Думал сначала везти всех в Ясную на осень, но не рискну. <...>

Кончаю письмо после крестин. Священник и псаломщик уехали. Назвали Никитой. Я рад, что вся эта глупая и <по>стыдная языческая церемония, которая с Владимира держится у нас и ещё, Бог весть, сколько продержится, кончена. Было оригинально видеть ее среди протестантов. <...>» – Там же , № 14239. Л. 1 3 об. Автограф.

Владимир Святославич (956- 1015) – великий князь Киевский; около 988 - 989 года принял христианство и способствовал распространению новой религии в качестве государственной в Киевской Руси.

В начале октября 1902 года Л.Л. Толстой уже из Петербурга отправил в Ясную Поляну коротенькое письмецо:

«Милая мамá, пишу спешно, чтобы сообщить о благополучном приезде Доры с детьми и двумя няньками. Все здоровы. Мне было очень хорошо у Вас в Ясной и жаль было уезжать. Здесь, конечно, труднее жить и помнить главное назначение жизни. Но тем это заманчивей. В сем вам кланяюсь. <...>» – Там же , № 14243. Л. 1. Документ датируется условно на основании почтового штемпеля отправителя на открытке: «С. Петербург 9.X.1902». – Там же. Л. 1 об.

Но уже через несколько дней Л.Л. Толстой отправил матери письмо совсем другого характера:

«Милая мать, у меня беда. Д<ора> больна нефритом и сейчас лежит в жару. Лечит Бертенсон. Что причина, неизвестно. Вероятно, простуда на пароходе. <...> Надо надеяться, что это острый нефрит, который не оставляет следов. До свидания. Напишу на днях.

У Доры было уже воспаление почек, когда она была 14-тилетней девочкой. Могло остаться предрасположение.

Л<ева>».

– Там же , № 14246. Л. 1 2. Автограф. По содержанию письмо можно датировать 14 октября 1902 года.

Лев Бернардович Бертенсон (1850-1929) – почетный лейбмедик; в январе 1902 года он консультировал и лечил Л.Н. Толстого. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 41 42.

Л.Л. Толстой с безусловным уважением и доверием относился к Л.Б. Бертенсону и его методам лечения. Практически в каждом следующем письме Л.Л. Толстого родным есть сведения о состоянии здоровья жены, находившейся под наблюдением одного из самых известных и авторитетных врачей России. 8 января 1903 года Л.Л. Толстой с тревогой заметил: «<...> Бертенсон опять дал digitalis , которого я боюсь, как всех лекарств. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14267. Л. 1. Автограф.

...digitalis... – дигиталис (латин.) широко применялся в медицине конца X I X – начала XX века. Лечили им и Л.Н. Толстого во время его болезни в Крыму в январе – феврале 1902 года. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 45 46, 50, 57. См. также: Сын и отец... //Лица ... Т. 4. С. 261 262.

51. Л.Л. Толстой вспомнил другой эпизод (см. ниже примеч. 75 к Главе 2).

Приезд Э.Т. Вестерлунда в Петербург в первой половине декабря 1902 года вызван был серьезным обострением болезни Д.Ф. Толстой, о чем Лев Львович подробно сообщал С.А. Толстой. Так, 14 декабря 1902 года он писал матери: «<...> У нас был Вестерлунд. Он заставил Дору лечь совсем и лежать, пока не исчезнет белок совершенно. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14260. Л. 1. Автограф.

В конце января 1903 года Л.Л. Толстой жаловался родным: «<...> Вестерлунды требуют нашего приезда беспрекословно. <...>» – Там же, № 14269. Л. 1. Автограф.

По настоянию Вестерлунда, 1 марта 1903 года Толстые переехали в Швецию, где родные сначала в Энчёпинге, а потом в имении Хальмбюбуда в течение нескольких месяцев выхаживали больную дочь. – Там же, №№ 14273 14275.

Однако в середине июня (по новому стилю) в письмах Л.Л. Толстого в Ясную Поляну наметился явный надрыв. Так, 17 июня 1903 года письмо из Хальмбюбуды начиналось так: «Пишу вам в очень взволнованном настроении, но хочется поделиться. <...> Ужасно то, что все это лечение ни к чему, вся зима и все лето и давно пора было уехать, хоть в Ясную, хоть вон, – подальше от Севера.

Впереди тоже мало ответа; ничего нельзя предпринять и ничего не радует потому, что за всем идет то же самое. Вырвать Дору из власти ее отца и докторов вообще не легко, а это одно было бы действительно ей полезно. Решительно не знаю, что будет. <...>» – Там же , № 14276. Л. 102. Автограф.

В следующем письме Л.Л. Толстой был ещё более категоричен и нетерпим:

«Милая мать, пишу вам с Финляндского парохода, идущего из Швеции в Гельсингфорс. Вчера оставил я мою бедную Дору, не в силах больше выносить житья в Halmbyboda и смотреть, как Дору прямо губят вместо того, чтобы поправлять. <...> Отец не должен лечить свою дочь вообще, а В<естерлу>нд еще менее может вылечить Д<о>ру со своим узким упрямством. <...> Не знаю, хорошо ли я сделал, уехав, но я не мог иначе. <...>» – Там же , № 14278. Л. 1 2 об. Автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым. Документ не датирован, однако по содержанию его можно отнести к первым числам июля 1903 года (см. ниже примеч. 53).

Лев Львович забыл, что его жена верила медицинским рекомендациям только своего отца. Об этом он писал С.А. Толстой из Швеции еще 23 июля нового стиля 1896 года. – Там же, № 14034. Л.

2 об. Так что вырывать ее из привычной среды не было никакой необходимости, в чем Л.Л. Толстой вскоре убедился сам.

52. Доктор Эрнст фон Лейден (Leyden; 1832-1910) – профессор Берлинского университета, тайный медицинский советник и ординарный профессор 1-й медицинской клиники в Берлине. Его имя было хорошо известно в России. – См.: Новости дня. М., 17 октября 1903 года, № 7313. С. 3.

В письмах родным Л.Л. Толстой старался обходить сугубо медицинские проблемы, а в путевых зарисовках позднее вскользь упомянул о консультациях профессора Лейдена. – См.: Толстой Л.Л. Современный Египет: Очерки // Родник. СПб., 1906, №№ 13-17, 19-21.

53. Это более поздняя точка зрения. В недатированном письме родным поездка в Египет впервые была названа в таком контексте: «<...>опять заметно улучшение в Д<ори>ном положении и опять мы надеемся, что скоро конец ее болезни. Во всяком случае, если к середине лета белок не исчезнет совсем, В<естер>лунд хочет поднять Д<о>ру и тогда уже с осени отправить ее в жаркий климат, в Египет, как он говорит, где жара или тепло постоянные, как последняя попытка. <...> Поездка в Египет меня пугает, но если нужно будет для Д<о>ры, поеду. Одно неизвестно, откуда мы возьмем на это средства. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14277. Л. 1 2. Автограф.

8 июля (ст. стиля) 1903 года Л.Л. Толстой один приехал в Ясную Поляну. 12 июля 1903 года С.А. Толстая записала в дневнике свое впечатление от встреч с одним из самых близких ей детей: «... И этот сын не радует. Жена умирает в Швеции в нефрите; он делает планы, хочет поступать на медицинский факультет, жить в Москве; и какое-то в нём неспокойствие. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 94 95. См. также отрывки из дневника Л.Л. Толстого 1903 года: Сын и отец ...//Лица ... Т. 4. С. 219 - 222, 261 - 278].

Взяв с собой двух мальчиков и двух нянек – русскую Сашу(54) и шведскую Хульду (55), мы через Петербург и Ясную проехали в Одессу(56), оттуда на пароходе Добровольного Флота(57) отправились в Александрию(58).

[54. В первоначальном варианте книги о них было сказано так: «<...>две няньки – одна шведка, прекрасная, честная Хульда, другая наша преданная некрасивая, но умная ярославка Саша. <...>» – ОР

ГМТ. Архив Л.Л. Толстого. Кп 23789, № [1]. Л. 86. Черновой автограф.

55. П.Л. Толстой впоследствии рассказывал шведским читателям: «Я хорошо помню, что у меня и моего младшего брата Никиты, у каждого были свои няни. Мою няню звали Саша большая, а няню Никиты – Хульда Андерссон». – *Из личного архива Т.Л. Балдовской*.

56. Лето Л.Л. Толстой большей частью провёл в Ясной Поляне. Он проехал туда из-за границы практически сразу же, сделав буквально на день остановку в Петербурге. Потом из Ясной Поляны он ненадолго уезжал в Петербург и вернулся 3 сентября 1903 года. Д.Ф. Толстая приехала из Швеции в Ясную Поляну 22 августа 1903 года и прожила там до отъезда в Крым 26 сентября 1903 года. – ПСС. Т. 54. С. 388; Т. 73. С. 165; Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 94 95.

В конце сентября 1903 года Толстые приехали в Ялту и некоторое время находились в пансионе мадам Шульц, расположенном недалеко от моря. – ИРЛИ, ф. 303, №№ 790 791. Наблюдал больную Д.Ф. Толстую – по личной просьбе Л.Н. Толстого – Исаак Наумович Альтшуллер (1870 1943), лечивший его в Крыму в 1901 1902 годах. – ПСС. Т. 74. С. 174. См. письмо Л.Л. Толстого матери от 29 сентября 1903 года из Ялты. – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14279. Л. 1.

Через несколько дней, 7 октября 1903 года Л.Л. Толстой написал в Ясную Поляну о своих встречах с петербургскими знакомыми, а также с А.П. Чеховым:

«<...> Был я у Чехова, кот<орый> просил кланяться. Он был мне рад и долго удерживал. Говорили обо многом и обо всех. Здоровье его неважно, тяготится Крымом. <...>» – Там же , № 14280. Л. 1 об.2. Автограф.

В Одессе Толстые были в середине октября 1903 года. – См.: Беседа с графом Л.Л. Толстым //Одесский листок , 14/27 октября 1903 года, № 264. С. 2; Одесская жизнь //Одесские новости , 23 октября 1903 года, № 6118. С. 3.

57. Добровольный флот был создан в 1878 году для содействия русскому торговому мореплаванию против могущественного британского флота. Первые пароходы Добровольного флота вошли в состав военного флота и использовались для перевозки русских воинов на родину из Турции. Позднее, когда опасность общеевропейской войны миновала, деятельность Добровольного флота носила исключительно коммерческий характер. – См.: Энциклопедический словарь ... Т. XX. С. 818 819.

У кораблей Добровольного флота в Одессе было несколько маршрутов: Владивосток, Неаполь, Порт Саид и Суэц; открывалась линия на Северную Америку. Однако в 1903 году прямого рейса на Александрию пароходами Добровольного флота из Одессы не было. – См.: Одесский листок , 21 октября/3 ноября 1903 года, № 271. С. 3; Там же , 29 октября/11 ноября 1903 года, № 278. С. 3.

58. 22 октября 1903 года на пароходе «Царица», принадлежавшем старейшему Русскому обществу пароходства и торговли , Толстые отплыли в Александрию, главный морской порт Египта. – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14281. Л. 1-1 об.].

На нашем пароходе ехали тоже в Хелуан трое болгар – муж, чахоточная жена и молодая хорошенькая девушка, сестра жены. Болгарин, благообразный мужчина лет тридцати, всё время целовался со своей хорошенькой свояченицей, очевидно, страстно влюбленный в неё, а худая, как скелет, его жена почти не выходила из каюты.

Когда я привёз Дору в Хелуан и показал её рекомендованному Лейденом молодому немецкому врачу, он дал мне понять, что она была больна, по его мнению, безнадёжно. Тон этого доктора мне до такой степени не понравился, что я оставил его пансионат и переехал со всей семьёй в стоявший на краю города, совсем в пустыне Tewfic hotel (59).

[59. Первое письмо Л.Л. Толстого из далекой страны было, как всегда, обстоятельно и, основываясь на нем, можно подкорректировать этот фрагмент воспоминаний.

«Милые все в Ясной, пишу из Хелуана, куда мы благополучно добрались сегодня, октября 31 го дня [по ст. стилю. – В.А.]. Только что, после утомительных поисков, получше чтобы и подешевле, остановились на Tewfic < Palace > H ôtel ’e, куда и пишите. Дора устала и плакала от этого, не зная, на что решиться, наконец, успокоилась, когда я ее ввел в комнаты нашего отеля. Будет дорого, – 270 пиастров (70 франков и 27 рубл<ей>) в день, но здесь ничего дешевле нет, а что дешевле, то ввело Дору в слезы, поэтому я и остановился на Tewfic , где англичане и довольно хорошо. <...> Здесь мы хотели жить у доктора Урбана, но у него и дорого и одиноко и некрасиво, так что мы предпочли поселиться здесь. <...>» – Там же, № 14282. Л. 1 2 об. Автограф.

...у доктора Урбана... – сведений о нем найти не удалось.

До конца 1903 года Л.Л. Толстой с семьей оставался в отеле “Тейфик”. В письме В.Г. Черткову, с которым у него в эти годы были особенно теплые отношения, он 29 декабря нового стиля 1903 года подробно описал место пребывания и свои впечатления от Египта: «<...> Здесь живем мы в английском большом отеле среди англичан. Много интересных людей и нового. В природе и народе здешнем пропасть прекрасного.

Хелуан расположен от Каира к югу в часовом расстоянии по желез<ной> дороге и лежит в самой пустыне против Нила и пирамид.

Сухость климата поразительная. Жена лежит на солнце целые дни, а я стараюсь безвредно проводить время. <...>» – Там же. Архив В.Г. Черткова, № 60163. Л. 1 2. Автограф. Курсив мой. – В.А.

Однако уже через несколько дней, 3 января нового стиля 1904 года Л.Л. Толстой сообщил матери о том, что они обосновались на новом месте: «<...> У нас новое то, что мы перешли в пансион (Pension Antonio) более скромный и дешевый и оставили великолепный Tewfic. < Pension > Antonio около ванн, которые Дора будет брать. <...>» – Там же. Архив С.А. Толстой, № 14266. Л. 1. Автограф.

Ещё через несколько дней он добавил, что они по-прежнему советуются с доктором Урбаном и планируют остаться в Хелуане на все лето, чтобы окончательно уже пропечься на африканском солнце. Относительно нового места жительства Л.Л. Толстой заметил: «<...> Мы очень довольны тем, что стали жить дешевле и потому можем кататься с детьми в коляске и ездить на ослах и даже строить проекты на лето. А в Tewfic ’е все уходило только на содержание. Кроме того, мне здесь лучше думается, а потому и работается и живется. <...>» – Там же , № 14284. Л. 1 2 об. Автограф.

В опубликованных вскоре очерках ситуация выглядела так: «... Для больной жены моей, нуждавшейся в комфорте, я должен был поселиться в богатой первоклассной гостинице Хелуана, “Tewfic Hôtel’e”, бывшем дворце хедива Тейфика, теперь превращенном в отель одним английским доктором и расположенном прекрасно, в стороне от самого городка, почти в пустыне. В Тейфике мы прожили почти два месяца и отсюда я сделал первые мои знакомства с Хелуаном, его обитателями, жизнью и окрестностями, да и с Каиром, куда много раз ездил видеть и узнавать многое. Вторую часть зимы прожили мы в другом, более дешевом отеле “Hotel Antonio ”, хозяин которого, очень милый грек, необыкновенно любезно и добро к нам относился. ...» – См.: Толстой Л.Л. Современный Египет... //Родник. СПб., 1906, №№ 13 14. С. 25.

...хедив ... – официальный титул вицекороля Египта, который передается по наследству.

...Тейфикпаша Мухаммед (Tewfic ; 1852 1892) не держал гарема и жил с принцессой Эминой (Amina Elhami; 1858 1931) и четырьмя детьми в своем поместье].

Врачом же я пригласил старого симпатичного доктора-англичанина, который пользовался всеобщим уважением.

В этом Tewfic отеле жили ещё очень милые английские офицеры, с которыми я проводил время, играя в tennis, бильярд и гольф или уезжая с ними верхом в пустыню.

В то время я был строгим вегетарианцем без мяса, рыбы, масла, молока и яиц(60) и, благодаря этому режиму, чувствовал себя слабее моих английских друзей, которые и в Египте продолжали есть бифштексы и пить виски. К тому же вегетарианская пища отеля была далеко не достаточно питательной. В ней не было ни достаточных жиров, ни витаминов, и даже рис и хлеб подавались скудно. Тем не менее я упорствовал и держался моей старой диеты.

[60. Подтверждением этого является и тот факт, что «Мнение убежденного вегетарианца» Л.Л. Толстого – в его отсутствии – было прочитано в Петербургском вегетарианском обществе 19 апреля (ст. стиля) 1903 года. Об этом члены Вегетарианского общества были извещены заранее. – ИРЛИ , ф. 303, № 906. Л. 11. См. также: Реформа питания // Новое время. СПб., 20 апреля/3 мая 1903 года, № 9742. С. 4].

Как-то весной, когда однажды ночью разразился хамсин(61) и я вскочил с постели, чувствуя, что задыхаюсь и что во рту у меня пересохло, – я сбежал вниз в столовую выпить стакан воды. На столе стоял глиняный кувшин с узким горлом, и я выпил из него несколько глотков затхлой, испорченной воды. Утром у меня сделалась страшнейшая кровяная дизентерия.

На этот раз энергия Доры спасла меня. Она заставила меня выпить большую дозу густой эмульсии из висмута(62) и гуммиарабика(63), и от этого средства

мои внутренности так склеились, что я в продолжение трёх недель не мог свободно дышать и питаться. Ослабевший, я лежал на дворе отеля в кресле и читал книги по философии и религиям Индии.

[61. Хамсин (араб., буквально – пятьдесят) – изнуряюще жаркий, сухой ветер, иногда достигающий силы шторма; переносит много песка; дует примерно пятьдесят дней в году (в марте-мае).

62. Один из металлов, не встречающихся в чистом виде, а существующих только в окисях и солях.

63. Разновидность растительного клея. В медицине начала XX века широко использовалось соединение этих сильнодействующих препаратов].

Наши мальчики тоже не избегли египетских кар. Мы раз повезли их в пустыню кататься. Был вечер и холодно. На следующее утро они проснулись слепые от воспаленных и закрывшихся глаз. Болезнь прошла дня через три без последствий, но перепугала нас порядочно(64).

[64. Это случилось весной 1904 года. В письме родным 25 марта/7 апреля 1904 года Л.Л. Толстой постарался смягчить картину болезни всей семьи:

«Милая мамá, получил ваше письмо из Москвы. У нас очень плохо это время. Я только сегодня встал и то через силу, вследствие болезни детей. У них же у обоих заболели так сильно глаза, что гноятся и не открываются. Просто ужас. Это от солнца, мух и перемены тепла и холода. У меня же было сильное желудочно-печенное заболевание, кот<орое> еще не прошло. Я сильно ослаб и похудел. Одна больная Дора бодра. Теперь как уехать и неизвестно, а если сидеть здесь лето, погибнешь. Днем уже нельзя выходить, – ослепляет. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14296. Л. 1. Автограф.

Через несколько дней он признался С.А. Толстой:

«Мы вернулись из Каира в Хелуан в плачевном виде. Дора простужена <...> дети в поносе, я тоже. Дора сегодня встала, ей лучше, дети тоже <поправляются>. Теперь один я еще нездоров. Ну, климат. Беда. Какая глупость искать здесь здоровье и вообще менять место для

здоровья. Это только терять последнее. Я это писал и говорил. Теперь убедился еще больше на опыте. <...>

Здесь очень тяжело. Сухость воздуха адская, так что днем я не выхожу, не могу дышать, глаза красные, в голове шум и вот страшное расстройство желудка. Я ничего. Лишь бы Д<ора> не свалилась по дороге в Крым и дети. Ведь какая разница солнца и температуры. Будем беречься. Вообще Дора бодра и решила жить так.

Целую всех вас.

В<аш> Лев».

– Там же , № 14298. Л. 1 1 об. Автограф.

Когда же дело пошло на поправку, Л.Л. Толстой 11 апреля нового стиля 1904 года в письме родным отметил: «<...> Когда Паля стал смотреть сегодня, Никита даже издал звук восторга, а Саша та расплакалась. <...>» – Там же , № 14299. Л. 1. Автограф.

...Саша ... – русская няня детей Толстых (см. о ней выше примеч. 50, 54 55)].

Вспомню ещё несколько кратких египетских впечатлений.

В Tewfic отеле с нами жил старый сумасшедший и богатый английский лорд. Он сошёл с ума после смерти жены, и ему мерещилось, что её глаза смотрели на него отовсюду. Каждый день он уходил на прогулки в пустыню в своей серой широкополой шляпе и с большим костылём в руке, а несколько босых арапчат бежали за ним с мешками. Англичанин подбирал глянцевитые камушки и собирал их в мешки. Когда я спросил его, зачем он делал это, он, глубоко веря в то, что говорил, объявил мне торжественно, что эти камушки были глазами его покойной жены.

В Хелуане ещё лечилась тогда русская дама, больная желудком. Когда пришла Святая Неделя, она так усердно разговелась мясом, что к утру окончила свое существование.

Однажды явился к нам в отель астролог-индус в белом тюрбане и стал предсказывать Доре будущее, бросая кости на толстую старую книгу астрологии...

Он предсказал, что Дора совсем поправится, что у нее родится третий мальчик с родинкой на лице,

который принесёт семье счастье, и что, когда мы вернёмся в Россию, нас всюду встретят радость и удача.

Городок Хелуан ночью охранялся тогда стражниками, которые прежде были теми самыми ворами и разбойниками, от которых теперь они охраняли его.

Сыновья хозяина нашего второго отеля, куда мы переехали после Tewfic'a , мне рассказывали, что летом в Хелуане стояла такая жара, что они питались лишь травой, сидя в серном бассейне курорта. Сам же хозяин был родом грек, служивший долго в России у графа Строганова(65), от которого, конечно, у него были деньги, на которые он построил свой отель.

[65. О ком из представителей этого древнего рода идет речь, из контекста не ясно].

В Египте народ принимал меня за богатого англичанина и, определённо, враждебно относился ко мне.

Раз, когда я один заехал верхом далеко в пустыню и встретил проходивший караван, мне надо было пустить моего тёмно-серого арабского жеребца полным галопом, чтобы удрать от нескольких всадников, повернувших своих лошадей в мою сторону.

В другой раз в арабской деревне меня освободил от обступивших меня и дико кричавших баб мой молодой проводник Магомет. Если бы он не подоспел вовремя, они бы, вероятно, обобрали меня, сколько могли.

Среди зимы, когда Доре стало как будто лучше, я оставил семью в Хелуане, а сам поехал в Верхний Египет посмотреть Луксор и Асуан (66).

[66. Л.Л. Толстой совершил поездку до своей болезни. 14 февраля нового стиля 1904 года он писал С.А. Толстой:

«Милая мамá, пишу вам из Ассуана, куда приехал по Нилу один и откуда уже еду послезавтра назад в Хелуан. Поехал на 10 дней <в> верхний Египет, близко границ Нубии и Судана, посмотреть, оставив семью в довольно хорошем состоянии.

<...> Здесь уже почти тропики. Живут подле местечка полубелые бишарины и суданцы, в окрестностях бьют львов и леопардов. Жара часа в два, три дня 45° Ц<ельсия>, хотя ночи прохладные, не больше 10 12°. Сегодня дует сильный северный ветер и потому я сидел все утро и читал газеты всех наций и освещение войны. <...>

Здесь интересна, кроме народа и природы, старина, которой особенно много я видел в старых Фивах (Луксоре). Удивительны эти храмы и гробницы <возрастом в> 5 6 тысяч лет, с разными божествами, с мумиями и громадным, когдато затраченным человеческим трудом. Когда смотришь на все это, под этим тропическим солнцем, не верится, что все это сделано людьми. На днях в Луксоре, когда я, вернувшись из Фив, читал телеграммы о войне, мне опять не верилось, что все это там происходит, – похоже на какую-то дикую сказку. Вообще здесь живешь в каком-то тумане, сердце бьется 100 ударов в минуту и мысли бегут с такой же быстротой.

Путешествую я с одним шведом и вчера познакомился здесь еще с одной шведской семьей. Встречаешь людей всех национальностей, и французов, и румын, и американцев, и, благодаря моему имени, со мной все знакомятся. На пароходе из Луксора сюда я узнал положительно всех. Надо сказать, что имя Толстого всетаки больше всего любимо французами горячее и искреннее других, во всяком случае, это мое впечатление.

Англичане знают, да не все понимают. Немцы знают, но не вполне доверяют. <...>

Пишите чаще, пожалуйста, особенно теперь, весной, когда я всегда бываю в беспокойстве, и вышлите деньги, если не сделали этого.

Целую всех.

Лев».

– *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14290. Л. 13 об. Автограф.

...*Ассуан*... – Л.Л. Толстой воспроизвел старое написание, кальку с французского (Assouan), которым пользовались в официальных русских изданиях. – См.: Отечественные и заграничные курорты, санатории и кумысолечебницы. М., 1910. С. 29.

...*Верхний Египет* ... – узкая долина, по которой протекает Нил. Подробнее об этой поездке см.: Толстой Л.Л Современный Египет... //Родник. СПб., 1906, № 20. С. 336 343.

...*близко границ Нубии* ... – довольно неопределённый географический термин. Нубией в собственном смысле слова называлась обыкновенно область среднего течения Нила.

...бишарин<ц>ы ... – рядом с Асуаном располагался «лагерь Бишаринцев, кочевого мирного африканского племени, необыкновенно симпатичного и доброго». – См.: Толстой Л.Л. Современный Египет... // Родник. СПб., 1906, № 20. С. 341 343. Курсив мой. – В.А. Там же – фотография “Бишаринцы”.

...освещение войны ... – об отношении Л.Л. Толстого к русско-японской войне 1904 1905 годов см. ниже.

Вскоре, 21 февраля нового стиля 1904 года Л.Л. Толстой известил родных о своем возвращении в Хелуан. – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14292. Л. 1].

Самым сильным впечатлением от этой поездки было то, что в Египте до сих пор открыта лишь очень малая часть прежней его цивилизации и что под песками пустыни засыпаны ещё несметные археологические сокровища. Нильские пароходики останавливаются в одном месте, чтобы дать пассажирам возможность взглянуть на одинокий храм, стоящий на берегу реки. От этого храма пустыня спускается вниз громадной плоскостью, покрытой песками. Под ними, вероятно, засыпан целый древний город, от которого раскрыт один только храм.

Когда в апреле в Хелуане сделалось нестерпимо жарко, мы быстро собрались и уехали обратно в Россию, решив провести лето в Крыму(67).

[67. Сезон в Хелуане начинался глубокой осенью, в октябре-ноябре, а заканчивался в марте-апреле. – См.: Толстой Л.Л. Современный Египет... // Родник. СПб., 1906, №№ 15 16. С. 118.

Накануне отъезда, 23 апреля нового стиля 1904 года Л.Л. Толстой отправил матери письмо, в котором негативные эмоции явно преобладали:

«Ну, милая мамаша, уедем ли мы отсюда 27 го и доедем ли живые домой? Пишу вам отсюда последнее письмо, надеюсь. Жара стала неимоверная и такая сухость, что дышать трудно. В тени 40°, ночами открытые окна не помогают, днем надо сидеть дома.

Я уже писал, что детям лучше, они даже совсем были бы здоровы, если бы Никита не свалился опять в жаре от желудка. Сегодня и это проходит у него. Паля выходит. Но с вуалью, под зонтиком и держится в тени до 10 11 часов, а там опять в комнате до 5 6 часов.

Вообще жизнь тут делается невозможной. Да и в самом деле, кто же может жить среди пустыни, среди раскаленных песков, где нет ни дерева, ни ключа воды, ни травки. Собаки и те все дохнут летом и теперь бегают, высунув языки и ища влаги. Хелуан – это кладбище среди пустыни, глупейшее и вреднейшее для живых людей, выстроенное исключительно для европейских больных, – живых трупов, как я их тут называл всю зиму, глядя, как они лежат целыми днями на солнце, ничего не делая и дожидаясь откудато здоровья. <...>

Здоровье Доры эти дни получше и, Бог даст, время и режим (вегетарианский) вылечат ее. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14300. Л. 12 об. Автограф.

...режим (вегетарианский)... – см. об этом выше примеч. 60.

Через несколько лет Л.Л. Толстой подвел итог поездке: «Общее впечатление от Египта тяжелое». – См.: Толстой Л.Л. Современный Египет... //Родник. СПб., 1906, № 21. С. 386. Однако позднее он поиному оценивал поездку в Египет (см. об этом в Главе 2).

28/15 апреля 1904 года на пароходе «Чихачев», также принадлежавшем Русскому обществу пароходства и торговли , Толстые из Александрии отправились на родину. – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14296. Л. 1 об., № 14301. Л. 1].

В Александрии мы снова сели на пароход Добровольного Флота, на котором одновременно с нами возвращались в Болгарию красивый болгарин с хорошенькой своей свояченицей.

Они, как дети, сияли счастьем. Больная жена умерла в пансионе немецкого врача, и они теперь были свободны(68).

[68. Позднее Л.Л. Толстой вернулся к этому сюжету. – См.: Толстой Л.Л. Встреча в Египте // Луркоморье. СПб., 1914, № 1. С. 68].

Когда пароход отчалил и нам подали вкусный русский обед, то после моей болезни я решил теперь навсегда оставить вегетарианство. Я ел все пять блюд, – включая индюшку и ростбиф, – каждое по два раза, и был счастлив, что отделался от моего заблуждения.

Я понял, что пройдут тысячелетия, а люди всё ещё будут питаться рыбой и мясом животных, и что человек навсегда останется животным всеядным. Он стал на свои две ноги и освободил свои руки вследствие того именно, что должен был питаться всем под землёй, в воде и в воздухе, и потому, как это ни странно сказать, вегетарианство, с разумной точки зрения, не морально, а аморально потому, что сокращает и губит жизнь человека, то есть драгоценнейший дар мироздания.

Я начал вегетарианствовать не из подражания отцу, а вследствие ложной мысли, случайно мелькнувшей в моей голове. Я шёл по аллее нашего сада в Ясной Поляне, когда вдруг мышь пробежала через аллею, и, чтобы не раздавить ее, я отскочил в сторону.

«Если, – подумал я, – мне дан инстинкт щадить всякую жизнь, то ясно, что я не должен есть мяса животных!»

И эта ложная мысль так крепко засела в моём мозгу, что нужны были болезнь и страдания, чтобы искоренить её.

Глава 2

Богомолки из Палестины. Купание в Крыму, выздоровление Доры и рождение мальчика с родинкой на лице. В Петербурге во время и после японской войны. Письмо царю и свидание с ним

Из впечатлений во время обратного путешествия из Египта в Россию очень сильным и неожиданным была встреча с русскими богомолками, которые возвращались домой из Палестины (69).

[69. О русских богомолках см. подробнее: Толстой Л.Л. Современный Египет... // Родник. СПб., 1906, №№ 13 14. С. 17; № 21. С. 385].

После того как целую зиму я не видел ни одной русской женщины, кроме нашей ярославки Саши, а видел только арабок, появление на нижней палубе нашего парохода толпы северных русских женщин, самостоятельных и свободных, поразило меня, как никогда не виданное зрелище.

Откуда эти поразительные существа?

Если Россия богата такими женщинами, то какое же может быть сомнение в том, что она выдержит какие угодно испытания? Если она – вечный источник таких человеческих сил, то кто же может усомниться в том, что ей принадлежит величайшее будущее?

В эти дни я с такой яркостью почувствовал величие русского народа, что это чувство навсегда и глубоко овладело моей душой. После сухой и безжизненной египетской пустыни и её населения Россия представилась каким-то чудесным, благословенным краем, истинным раем земным, а народ её – народом-избранником.

Пребывание в Египте мне было полезно во всех отношениях. Была полезна и моя болезнь, как долгий, очистивший кровь пост.

Дора, хотя и стала свежее, ещё не избавилась от своего белка, и красивые руки её продолжали припухать. Тогда я решил окончательно бросить докторов и взяться самому за её лечение. Веря в купание, я уговорил её остаться в Крыму и всё лето купаться в Чёрном море (70).

Мы наняли дачку в Алупке под «львиной» террасой Воронцовского дворца (71) и по три раза в день всей семьёй сбегали вниз к морю полоскаться и плавать с дельфинами.

[*70*. 22 апреля (ст. стиля) 1904 года по прибытии в Одессу Л. Л. Толстой послал родным телеграмму о благополучном возвращении в Россию. – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14305. Л. 1. См. также: Одесская жизнь //Одесские новости, 25 апреля 1904 года, № 6290. С. 5; У гр. Л.Л. Толстого // *Одесский листок* , 25 апреля/8 мая 1904 года, № 103. С. 5.

Через несколько дней Толстые были уже в Ялте, а оттуда переехали в Алупку. 1 мая 1904 года Л.Л. Толстой сообщил матери, что они поселились возле моря. – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14306. Л. 1.

71. Князь Михаил Семёнович Воронцов (1782 1856) в 1823 - 1853 годах был генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии с 1844 по 1853 год он был наместником Кавказа с неограниченными полномочиями.

Дворец Воронцова в Алупке расположен над уровнем моря. От него вниз ведут три каменные террасы, отделяющиеся одна от другой площадками, украшенными с обеих сторон мраморными изображениями львов работы знаменитого датского скульптора Бертеля Торвальдсена (Thorvaldsen ; 1768 - 1844) в разнообразных позах (на самой последней площадке львы спят; на средней – они просыпаются; а у дворца – они уже проснулись). – См.: Ялта и её ближайшие окрестности (Справочная книжка). Ялта, 1897. С. 87 - 89].

Результат был поразительный (72). К осени Дора совершенно поправилась, а через девять месяцев родила четвёртого мальчика Петю (73), с родинкой на лице, который действительно принёс в семью счастье, как предсказал индус в Хелуане.

[72. В начале июля 1904 года самочувствие жены позволило Л.Л. Толстому уехать в Ясную Поляну и повидаться с братом Андреем, решившим добровольно отправиться на русско-японскую войну. 4 июля 1904 года Лев Львович приехал в Ясную Поляну. – См.: Сын и отец ... // Лица ... Т. 4. С. 222 223; Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 103 106.

Д. Ф. Толстая с детьми в это время была в Швеции и вернулась в Петербург в середине осени 1904 года.

73. 8/21 августа 1905 года Л.Л. Толстой из Хальмбюбуды сообщил С.А. Толстой о прибавлении семейства: «Дорогая мать, сегодня в 2 часа дня родился наш третий сын. Как назовём, ещё не решили. Вероятно, Петром.

Начались роды в 5 часов утра и прошли благополучно. Мальчик крупный, с большой черной головой и широкими плечами. Похож на Палю<...>». – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14335. Л. 1. Автограф.

По воспоминаниям старших братьев, это был светлый и весёлый человек, который ни разу в жизни ничем не огорчил своих родителей. Бабушка Софья Андреевна даже считала, что у него нет никаких недостатков. А младшая сестра Татьяна (см. о ней ниже в примеч. 33 к

Главе 8) утверждала, что Петя «стоял на земле обеими ногами», был очень позитивным по отношению ко всем и всему, всегда весёлым, с прекрасным чувством юмора. – *Примеч. Т.Л. Балдовской.*

Пётр Львович Толстой (1905 - 1970) позднее в Швеции серьёзно занимался сельским хозяйством. Во многом это спасло и его семью, и Л.Л. Толстого, подолгу жившего у своего среднего сына. – См. подробнее об этом: *Абросимова В.* Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего (по архивным материалам) // Toronto Slavic Quarterly : Academic electronic journal in Slavic studies. Fall 2008, № 26 (http ://www.utoronto.ca/tsq/26/ambrosimova 26.shtml)].

Пятилетие с 1904 года и до 1909-го было для меня самым удачным периодом жизни в том смысле, что в нашей семье не было ни одного горя, даже ни одной неприятности, что материальные дела мои шли успешно и что в общественной и литературной средах на меня стали обращать внимание.

За этот период после Пети родилась совсем легко здоровенькая дочь Нина (74), а за ней через два года – вторая дочь – Соня (75), и так незаметно составилась та семья, о которой я мечтал.

[*74.* Нина Львовна Толстая появилась на свет там же, в имении Хальмбюбуда, 23 октября/11 ноября 1906 года. Через день, 25 октября Л. Л. Толстой отправил матери подробное письмо с рассказом об этом событии:

«Милая мамá <...>. Роды Доры прошли ничего, почти без страданий. Я думаю, что если бы человечество было умнее и чище, оно бы не называло рождение детей страданием, а наслаждением, высшим наслаждением и радостью женщины. В разговорах и шутках, окруженная любящими сердцами, Дора родила свою дочку Нину, сама смеясь и наслаждаясь. Один миг было немного больно, но потом опять одно наслаждение. Я не шучу, а говорю единственную правду. Девочка черная, похожа на нас, брюнетов, но с упитанным крепким телом Вестерлундов и Флодерус<ов>.

Дети рады новому товарищу и Кита таращил на сестру глаза часа два, говоря, что она похожа на красную куклу. Ему всё надо было рассудить, что стало три брата и одна сестра, что у сестры нет зубов, но черные волосы и т.д.

Дора очень довольна и, надо надеяться, скоро поправится. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14372. Л. 1 2. Автограф.

Флодерусы – родственники Д.Ф. Толстой по материнской линии (см. о них примеч. 81 82 к Главе 15. Книги I).

75. Софья Львовна Толстая родилась 5 сентября (нового стиля) 1908 года в том же шведском имении Вестерлундов Хальмбюбуда. – Там же , № 14423. Л. 1.

Через некоторое время, 17 сентября 1908 года Л.Л. Толстой писал матери: «Милая мамá, Вы сегодня, так сказать, именинница, – поздравляю. А Вы поздравьте нас с именинницей – Соня есть и у нас. Мы, не дождавшись Вашего согласия, записали Вас крестной матерью, а Ваня Эрдели Вам кум. Девочка, как следует быть, с шишками на голове, которые, говорят, пройдут. При родах она повернула голову, и от этого будто бы произошло защемление. Родившись, девочка не закричала и только, когда акушерка ей дала под задок, она, понятно, обиделась и так заревела, что прелесть. Когда она плачет, похоже на целый зверинец. Голосино здоровеннейший.

Дора встала, но после большой потери крови слаба. Говорят, что если бы не остановили кровотечение, она бы не осталась жива. Вид у нее был страшный, и я испугался одну минуту. Теперь это позади.

Дети в порядке. <...> Крестины прошли по обыкновению. Поп крестит только наших детей, и поэтому его шероховатая служба звучит еще более дико, чем обыкновенная, на фоне лютеранской культуры. Я, собственно, не знаю, зачем мы крестим детей по православному. Впрочем, не всё ли равно, – по православному ли, лютеранскому или духоборческому <обряду>. Одна и та же глупая канитель. Но такой забавной канители, как крестины православные, другой, конечно, нет. Чего, чего не придумано! И дуют, и плюют, и вертятся, и ходят кругом купели, и мажут, и клеят воск, и пускают воду, и окунают ребёнка так, что тот задыхается. Забавнее и глупее ничего придумать нельзя. А когда шведы во фраках при этом добросовестно исполняют обряд, гуляя вокруг кадки с водой со свечками в руках, то тут совсем пропадёшь от конфуза. Я не присутствую при этом безобразии, – дети смотрели, и Кита страдал ужасно. Чуть не заплакал. <...>» – Там же , № 14425. Л. 1 1 об., 4 об.5 об. Автограф.

...*именинница*... – С.А. Толстая всегда помнила и отмечала этот день: помимо именин, 17 сентября (ст. стиля) 1862 года родные официально объявили о ее помолвке с Л.Н. Толстым. – См.: Толстая С.А. Дневники... - Т. 1. С. 489.

...*Ваня Эрдели* ...– см. о нём примеч. 11 к Главе 12 Книги I].

Дети были здоровые и весёлые, и в нашей просторной квартире закипела жизнь.

Среди них были трое с тёмными глазами и волосами и двое со светлыми.

В них поразительно верно сказалась моя теория наследственности (76).

Брюнеты были более шведы по характеру, блондины – скорее русские. Брюнеты физически были похожи на меня, блондины на Дору. Брюнеты были по характерам близки к матери, блондины ко мне.

[76. См. Книгу III «Lungarno». – *Примеч. Л.Л. Толстого*].

* * *

Странное настроение переживала тогда Россия в период войны с Японией и так называемой первой русской революции 1905 года.

Я был, как говорил мне отец, в «самом пекле» этого общественного, но не народного движения и видел его близко.

Не могу сказать, чтобы оно оставило во мне светлые воспоминания и, увы, не могу вспомнить ни одной встречи с человеком, который в то время мог бы вывести Россию на светлый путь порядка и обновления.

Всё, что делалось тогда, с одной стороны, либералами и революционерами, а с другой – правительством, служило всё большему недовольству общества и народа, и, казалось, ничего не могло спасти Россию от роковой катастрофы, к которой она стремительно подвигалась.

Я много писал тогда в газетах и особенно в тогдашнем полуофициозе – «Новом времени», так как всё правящее петербургское общество во главе с царем читало его.

«Новое время» стало самым влиятельным русским журналом, благодаря уму старика А.С. Суворина, которого я хорошо знал. Но, к сожалению, Алексей Сергеевич не был достаточно культурным и развитым человеком, чтобы понять требования своего времени (77). Он был консерватором и реакционером, простым дельцом и разбогатевшим, хитрым русским мужиком и не больше других знал, в чём нуждалась Россия. Его газета шла рука в руку с правительством и потому, естественно, приносила больше вреда, чем пользы. Но

Суворин всё же был в сто раз более прав, чем либеральные еврейские и еврействующие газеты его времени (78).

[*77*. Это более поздняя точка зрения. В одном из недатированных писем Л.Л. Толстой признался А.С. Суворину: «<....> Я иногда чувствую к Вам больше близости, чем к родному отцу, в вопросах принципиальных. <...>» – *РГАЛИ*, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4247. Л. 15 об.16. Автограф.

Осенью 1904 года, вернувшись в Петербург из Египта, Л.Л. Толстой закончил одно из недатированных писем А.С. Суворину так: «<...> Читал Вас, и все Вас читают везде. Всегда думал и буду думать, что Вы – самый умный и первый журналист наш, и без Вас почувствуют, что Вы были. Это не лесть. Вы понимаете это. Я просто хотел сказать Вам приятную правду. Простите. <...>» – Там же. Л. 70 об. Автограф.

Узнав о смерти А.С. Суворина, Л.Л. Толстой посвятил его памяти проникновенные строки: «Я искренно любил Алексея Сергеевича Суворина потому, что с начала знакомства моего с ним я всегда чувствовал, что он был не только умный, добрый и отзывчивый, но, главное, правильный человек. Лучшего выражения, как именно это, народное, для определения верности чувства и верности понимания вещей этим большим русским человеком, – трудно найти. Он не мудрствовал лукаво, он не лгал, он говорил прямо и просто свою правду, когда он считал её таковой. Он понимал и чувствовал Россию и то, что было ей нужно в трудные минуты. Его мнения о событиях и о людях всегда были правильны и, если расходились с мнением многих, иногда мнением большинства, они были тем ценнее в период колебаний и смуты. ...» – См.: *Толстой Л.Л.* Правильный человек // Новое время. СПб., 15/28 августа 1912 года, № 13084. С. 3. Курсив Л.Л. Толстого.

78. Одной из таких газет были «Новости и Биржевая газета» Осипа (Иосифа) Константиновича Нотовича (1849 - 1914), с которым Л.Л. Толстой был знаком. Ещё совсем недавно их уважительное отношение друг к другу было вполне взаимным. Редактор одной из влиятельным петербургских газет выполнил все пожелания автора, изложенные в его письмах 1903 года, в том числе и просьбу дать подпись: «Л. Толстой-сын», чтобы её не смешивали с подписью отца. – См.: *РГАЛИ*, ф. 339, оп. 1, ед. хр. 250. Л. 1 3; *ИРЛИ*, ф. 207, № 199. Л. 1 2.

См. также статьи Л.Л. Толстого: Толстой-сын Л. Гигиена в школах // Новости и Биржевая газета. СПб., 22 января/4 февраля 1903 года, № 22. С. 2; Толстой-сын Л. Недостаток любви //Там же, 2/15 февраля 1903 года, № 33. С. 2; Толстой-сын Л. Реформа жизни

(Несколько мыслей вслух) //Там же , 9/22 февраля 1903 года, № 40. С. 2; 16 февраля/1 марта 1903 года, № 47. С. 2; 23 февраля/8 марта 1903 года, № 53. С. 2; Толстой-сын Л. Кто хочет этого (Рассказ) //Там же , 2/15 марта 1903 года, № 60. С. 2; 9/22 марта 1903 года, № 67. С. 2; Толстой Л.Л. Письмо в редакцию //Там же , 12/25 мая 1903 года, № 129. С. 2.

Однако русско-японская война и события 1905 года развели Л.Л. Толстого и О.К. Нотовича по разные стороны баррикад. На страницах газеты «Новости» сразу же появились резкие выступления против той позиции, которую занял Л.Л. Толстой, как, впрочем, и против той, которую последовательно отстаивал его отец. «... Отрицая государство, Толстой отрицает и борьбу с ним. ...

Ту же манеру “доказательств”, ту же беззаботность насчёт фактической точности, то же “sic volo sic jubeo ” мы находим у Льва Львовича нововременского. Но Лев Львович нововременский унаследовал от отца только манеру и тон – и потому оказывается лишь смешным.

Толстой-отец сохраняет свой ум, свою диалектику; но разберите по пунктам его хитросплетённую сеть софизмов, – вся она рассыпается, а остаётся такая же пустышка, как от смешных заверений Толстого-сына. В конце концов, кимвал бряцающий даёт так же мало, как дребезжащий бубенчик. ...» – См.: Энгельгардт М. Христианская философия на белой подкладке // Новости и Биржевая газета. СПб., 6 марта 1905 года, № 57. С. 2.

...*“sic volo sic jubeo ”*... – чем хуже, тем лучше (*латин.*)].

В России шла тогда сложная борьба политических и религиозных идеологий, борьба классов, борьба придворная, борьба крестьян с помещиками, борьба рабочих с капиталистами, сектантов с православием, евреев с их гонителями – и среди этого напряжённого настроения внутри страны вдруг разразилась японская непопулярная война, вызванная близорукой и слабой властью (79).

[79. Действительно, после того, как 24 января/6 февраля 1904 года Япония порвала дипломатические отношения с Россией, царское правительство должно было подумать о надвигающейся войне, однако оно оказалось абсолютно не подготовленным к неожиданному нападению японского флота в ночь на 27 января/9 февраля 1904 года на русские корабли в Порт Артуре. На следующий день Япония официально объявила войну России.

Один из крупных военных, назначенный в разгар войны военным министром, позднее признался: «... Откровенно говоря, я не имел представления о Японии и японской армии и считал, что предстоящая война будет лишь крупной экспедицией, трудной только по отдаленности театра войны...» – См.: *Редигер А*. История моей жизни: Воспоминания воен. министра: В 2 х томах. М.: Канонпресс - Кучково поле, 1999. Т. 1. С. 380, 567 - 569.

Л.Л. Толстой узнал о начале войны в Асуане во время 10 - тидневного путешествия по Верхнему Нилу (см. об этом выше примеч. 66). 14 февраля (нового стиля) 1904 года он писал в Ясную Поляну С.А. Толстой:

«<...> Сегодня дует сильный северный ветер, и потому я сидел всё утро и читал газеты всех наций и освещение войны. Беду мы заварим на земном шаре и нелегко её расхлебаем. Я почти уверен, что война будет европейская и мы подойдём из Чёрного моря к Константинополю. Французы не на шутку готовятся за нас заступаться, а если это случится, то „пошла писать губерния“.

Всё это ужасно. Сначала меня это огорчило до боли, а потом так завлекло, что теперь я невольно жду и желаю наших побед, симпатизирую французам и не люблю англичан, с которыми тем не менее всё-таки продолжаю постоянно дружить.

Страшно для нас то, что японцы – большие ловкачи и хитрецы и могут завести нас в такую ловушку, из которой мы не выскочим. Отрезать армию от сообщений и потом разбить, обмануть, обойти – всё это они могут. Впрочем, – это война. Не знаю, кому желать успеха, если спрашивать чувство, а не разум. Если бы нас хорошенько наказали, мы бы стали умнее. Во всяком случае, эта война нас разбудит. Пульс уже теперь бьется, вероятно, быстрее во всей России. <...>» – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14290. Л. 1 Об. 2 об. Автограф.

Однако уже на следующий день, 15 февраля (нового стиля) 1904 года он решил продолжить разговор с родными на начатую тему:

«Милая мамá, вчера написал вам письмо отсюда и жаль, что глупо о японцах. Мне их больше жаль, чем наших, несмотря на глупое патриотическое чувство, проснувшееся после наших неудач. Что они там делают? Что это за господин Алексеев? Морда у него самая неприличная, точно с перепоя.

Наезжать на собственные мины в Порт Артуре, оставлять в Чемульпо два одиноких крейсера, не быть готовыми к неожиданному нападению, – всё это производит грустное впечатление. Эта неумытая, грубая баба, Россия, пока проснётся и расправит члены и сама себе пальцы ушибёт и других растревожит. Смотрите, что теперь делается по свету? Что только тут <ни> пишут газеты? <...>» – Там же, № 14291. Л. 1 2. Автограф.

Наместник царя на Дальнем Востоке, адмирал Евгений Иванович Алексеев (1843-1918) был назначен главнокомандующим вооружёнными силами России на Дальнем Востоке. По мнению многих, его очевидная некомпетентность усиливала уязвимое положение русского флота. 16 июля 1904 года А.С. Суворин сформулировал распространённое мнение об особом отношении Николая II к адмиралу Алексееву: «Алексеев – это злой демон России. А царь за него держится, не хочет лишить своего доверия. А что с Россией будет, это ему всё равно. ...» – См.: *Суворин А.С.* Дневник... С. 463. См. также: Русско-японская война 1904 1905 гг.: Действия флота: Документы. СПб., 1912. Кн. I. Вып. 3. Отд. III. С. 115; *Апушкин В.А.* Русско-японская война 1904 - 1905 г. М., 1911. С. 147- 164; *Рэкули Р.* Десять месяцев на японско-русской войне: Беспристрастные очерки и впечатления фр. воен. корреспондента. СПб., 1908. С. 13; и др.

В ночь на 27 января/9 февраля 1904 года японская эскадра напала на два русских корабля у порта Инчхон в заливе Чемульпо на побережье Жёлтого моря. Русские моряки приняли неравный бой и, не желая сдаваться, потопили крейсер «Варяг» и взорвали канонерскую лодку «Кореец».

После серии подобных неудач адмирал Алексеев был уволен от должности наместника Дальнего Востока ... с персональным Высочайшим рескриптом о награждении его Георгиевским крестом. – См.: Русский инвалид: Газета военная. СПб., 14 ноября 1904 года, № 250. С. 1; 26 ноября 1904 года, № 260. С. 7. Он по-прежнему оставался близок ко Двору, был назначен членом Государственного Совета и на приёмах в честь особо отличившихся героев сидел рядом с Государем Императором. – См.: Обед Георгиевских кавалеров //Новое время. СПб., 28 ноября/11 ноября 1904 года, № 10326. С. 5].

Весной 1905 года русская армада была потоплена под Цусимой (80), и негодование общества стало всеобщим. Либералы требовали немедленного прекращения войны во что бы то ни стало (81). Консерваторы без твёрдой воли и линии должны были идти вместе с ними(82).

Я не был ни консерватором, ни либералом и судил события свободно, такими, какими они представлялись мне. Я услышал тогда из компетентных источ < ников >, что в Японии не было больше ни амуниции, ни продовольствия и что, если бы Россия продолжила войну, японцы были бы побеждены.

Тогда я напечатал статью в «Новом времени», в которой писал, что необходимо продолжать войну до победы (83).

Сотни враждебных голосов поднялись против меня за такое моё «реакционное» мнение (84), и в их числе – мой собственный отец, сказавший мне с негодованием, что «можно писать, что угодно, только не за войну» (85), хотя сам он в то же время каждый раз огорчался, что приходили известия о наших поражениях, восклицал в ужасе: «Отдали только <?> 8 пушек! Нет, в наше время дрались иначе!» (86)

И вот Витте заключил постыдный «портсмутский мир»(87), последствия которого будут чувствоваться русским народом очень, очень долго.

[*80*. Цусима – группа островов в Корейском проливе, где в сражении с японским флотом 14 15/27 28 мая 1905 года русская эскадра потерпела сокрушительное поражение: свыше пяти тысяч человек погибло, 27 кораблей было потоплено (см. также примеч. 60 к Главе 13 Книги I).

81. Одним из убеждённых противников войны был председатель Комитета министров Сергей Юльевич Витте (1849 - 1915). 28 февраля 1905 года он подал царю письмо, в котором настаивал на окончании военных действий. Однако только через полгода точка зрения С.Ю. Витте победила сопротивление «ястребов». – См.: Витте С.Ю. Воспоминания: В 3-х томах. М.; Таллинн, 1994. Т. 2. С. 275 - 284 (см. также ниже примеч. 87).

82. Л.Л. Толстой имеет в виду прежде всего позицию князя Владимира Петровича Мещерского (1839 - 1914), открыто выступавшего за окончание войны задолго до полного разгрома русской армии и флота. В дневнике, печатавшемся из номера в номер в его издании, он писал: «... Я бесстрашно говорю, что сознать долг кончить войну и заключить мир требует более героизма, более любви к отечеству, чем заключать его после победы.

...мир нужнее победы ...» – См.: Гражданин : Газета-журнал полит. и лит. СПб., 3 марта 1905 года, № 18. С. 21. Курсив мой. – В.А.

83. Об отношении Л.Л. Толстого к происходящему см. его письма домой в публикации: «Время идёт интереснейшее ...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... - С. 103 - 111.

По возвращению в Петербург Л.Л. Толстой настойчиво просил А.С. Суворина отправить его на Дальний Восток, однако не нашёл понимания. 12 августа 1904 года А.С. Суворин записал в дневнике: «Отклонил предложение Л.Л. Толстого ехать корреспондентом нашим. Когда-то там что будет? Пока всё скверно». – См.: Суворин А.С. Дневник… - С. 469.

И тогда деятельная натура Л.Л. Толстого наша другой выход: он начал выступать в газете «Новое время» с циклом статей «Мысли и жизнь». Первая же публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы: сын Толстого убеждал в неизбежности войны до победного конца.

«Тяжёлое переживаем время. Но я убеждён, что оно минует и после него наступит светлое, бесконечно радостное время, – время обновления России.

Много слышится голосов, глубоко пессимистических и безнадёжных, а то и просто усталых и вялых, отзывающихся на современные события. Но как жалки, недостойны эти голоса рядом со стойким, спокойным и мудрым отношением русского народа к настоящей войне, как ко всякой войне.

…какое глубокое, мудрое, праведное, именно праведное, то есть мудро справедливое и правильное отношение у этого народа к тому, что называется и есть война, т.е. борьба не на живот, а на смерть за свою народность и свою страну.

… Настоящая война на Дальнем Востоке – война великая, какой не видала Россия с Петра. Она идёт за обладание восточным берегом великого европейско-азиатского материка, как во времена Петра шли войны за обладание западным.

Как в борьбе со шведами, у нас была сперва Нарва, а потом явилась Полтава, под которой швед погиб, так и в борьбе с японцами, азиатскими шведами, живущими на островах и по географическому положению своему на конце материка схожими со Скандинавией, у нас сперва будут с ними и уже были неудачи, но потом неизбежно должна явиться „Полтава“, под которой погибнет японец!

Надо быть необыкновенно малодушным и необыкновенно близоруким, чтобы не видеть конечного результата войны. Стоит только для этого взглянуть на карту. Стоит взглянуть на Россию, на её пространства, села, поля, леса, озера, горы, на её народ, чтобы убедиться в этом. Россия непобедима, Россия – страна, единственная в мире по своему народу, географии, климату, мощи духовной и умственной, темпераменту, миролюбию, способностям, призванию. России принадлежит будущее земли, несмотря ни на какие современные беды.

… Россия – непобедима». – См.: Новое время. СПб., 15/28 сентября 1904 года, № 10252. С. 4. Одновременно статья Л.Л. Толстого

печаталась в Москве. – См.: Телефон «Нового времени»: Вечернее (2 е) изд. М., 15/28 сентября 1904 года, № 56. С. 3.

84. Одним из первых оспорил точку зрения Л.Л. Толстого публицист «Нового времени» Михаил Осипович Меньшиков (1859 - 1918). В статье «Победима ли Россия» из цикла «Письма к ближним» он писал:

«“Россия непобедима!“ – восклицает граф Л.Л. Толстой…

Не правда ли, эти слова удивительны в дни теперешних страшных, переживаемых нами испытаний. …

Вот политическое кредо, которое за границей произведёт, может быть, не меньший шум, чем известное письмо о нынешней войне старого графа Льва Толстого. Иностранцев прежде всего поразит, что из одной и той же русской семьи, из-под одних и тех же старых лип Ясной Поляны идут полярно противоположные убеждения, оба – крайние до последней степени. Отец отрицает всякую войну, всякую национальность, всякую государственность, всякую воинственность в народе русском. Сын же убеждён в победах русского народа и не только над теперешним случайным врагом, но и над всеми дружественными народами, с которыми даже нет войны. Отец считает тяжким грехом даже оборону жизни, сын провозглашает наступление и в будущем всесветное наше владычество. …

… Вопреки гр. Л.Л. Толстому, я с глубокой скорбью думаю, что Россия не только победима, но, может быть, в настоящих условиях она есть самая победимая из стран. … Только организованные народы непобедимы. Пока Россия боится себя самой, пока силы круто связаны, пока нация не признана в правах участия в своей жизни, – можно ли говорить о непобедимости и всесветном господстве?» – См.: Новое время. СПб., 19 сентября/2 октября 1904 года, № 10256. С. 4. Курсив М.О. Меньшикова.

…известное письмо о нынешней войне старого графа Льва Толстого… – речь идёт о статье Л.Н. Толстого «Одумайтесь!», написанной в середине апреля 1904 года и напечатанной в Англии 13 14 июля (нового стиля) 1904 года в журнале «Свободное слово» (№ 91. Стб. 7). Убеждение своё относительно того, что происходит в мире, он сформулировал так эмоционально, что это не могло не поразить читателя как в России, так и за границей: «…на вопрос о том, что делать теперь, когда начата война, мне, человеку, понимающему своё назначение, какое бы я ни занимал положение, не может быть другого ответа, как тот, что никакие обстоятельства, – начата или не начата война, убиты ли тысячи японцев или русских, отнят ли не только Порт Артур, но Петербург и Москва, – я не могу поступить иначе как так, как того требует от меня Бог, и потому я, как человек, не могу ни

прямо, ни косвенно, ни распоряжениями, ни помощью, ни возбуждением к ней, участвовать в войне, не могу, не хочу и не буду. ...

Вы с ужасом говорите о том, что бы было, если бы мы, русские, сейчас перестали воевать и уступили бы японцам всё то, что они хотят от нас. ...уступка японцам со стороны русских всего того, чего они хотят от нас, кроме несомненного блага прекращения разорения и убийства, было бы приближением к единственному средству спасения человечества от его погибели, тогда как продолжение войны, чем бы она ни кончилась, было бы отдалением от единственного средства спасения. ...» – ПСС. Т. 36. С. 130 131.

Столь резкое расхождение позиций отца и сына по главному вопросу современности обсуждалось в печати и усиливало полемический настрой противников Л.Л. Толстого. – См.: Меньшиков М. Письма к ближним: Секрет Полишинеля // Новое время. СПб., 26 сентября/9 октября 1904 года, № 10263. С. 3 4; Обзор печати //Слово. СПб., 26 февраля/11 марта 1905 года, № 79. С. 3; Яблоновский А. Толстой большой и Толстой маленький //Сын Отечества. СПб., 9 марта 1905 года, № 15. С. 2; Перцов Н. Мир или война? //Слово. СПб., 21 марта/3 апреля 1905 года, № 101. С. 5; и др.

... *Секрет Полишинеля* ... – секрет, который известен всем. В комедии Мольера «Мнимый больной» Полишинель (персонаж, выросший из маски слуги в народной комедии), с удивлением замечает: «Хахахаха! Здорово я их напугал! Вот дураки: боятся меня, между тем как я сам их боюсь! Право, всё дело в том, чтобы ловко изворачиваться. Если бы я сразу не изобразил из себя важного господина и не прикинулся храбрецом, они бы меня непременно сцапали. Хахаха!» – См.: Мольер. Полное собрание сочинений: В 4-х томах. М.: Искусство, 1967. Т. 4. С. 223.

85. Показательна точка зрения Л.Н. Толстого, в частности, на письмо Льва Львовича домой из Хелуана от 22 марта (нового стиля) 1904 года, в котором он делился с матерью своим ви́дением ситуации: «<...> У меня родился новый план – ехать в мае-июне на войну корреспондентом. Хотелось бы осуществить. Боюсь только оставлять семью. Если бы Сухотины приехали в Крым, было бы легко сделать это. Если не увидишь сам того, что теперь делается там, на Востоке, никогда не поймёшь, как следует, значения этого. А значение большое, громадное для России. Поразительна эта горячка пожертвований на флот и общее сознание необходимости этого.

Мне ясно отсюда, что это действительно необходимо, и только, когда именно мы, Россия будет настолько сильна на морях, её окружающих, что никакая другая держава не будет в состоянии с ней бороться и она будет держать в повиновении мир, <только тогда> могут прекратиться войны. На то, чтобы Россия покрыла собой всю землю, нужно ещё тысяч семь, восемь лет, если мы будем продолжать

так быстро расти, как росли с начала Новгорода или даже Московского княжества. Еще тысячу лет <понадобится> для покорения всего азиатского материка, ещё тысяч пять лет <уйдет> на покорение и слияние с народами остальных материков Америки, Африки и Австралии. И вот одно человечество готово. Это внешний путь под гегемонией России. Россия же даст другой путь, к тому же, – духовный, необходимый одновременно с внешним, – постановка идеала. Папá с этим не согласится. МАЛЕШ! (Значит по-арабски – „ничего“, „пусть“). Если с этим не соглашаться, надо думать, что весь мир идёт не туда, куда следует, не тем путём, и он должен повернуть обратно. Но он не делает этого и не сделает, пройдя уже половину дороги. Он может только сознательнее относиться к тому, что он делает, видеть ближе осуществление стремлений, но не может достигать их раньше срока, пока общее сознание людей не выше современного. Замечательно, что оно и растёт-то вместе с распространением внешней культуры силой. Прежде надо покорить страну и народ, потом административно устроить, потом научить грамоте, потом нравственности и духовному сознанию. Здешние дикари – арабы или суданцы – или наш мужик в глуши самарской губернии никогда не поймёт зла войны, пока его не научат грамоте.

Египту я благодарен за то, что он открыл мне на многое глаза, а главное, уяснил ход всемирной истории. Я верю, что Россия призвана объединить человечество, и вижу, что она делает это постоянно и всячески. Очень жаль японцев, и вместе с тем они вызывают к себе гадливое чувство, как комары, напившиеся кровью, которых приходится раздавить.

Жёлтые люди, Китай, Япония и Корея – это только желтый фон, основа, на которой призваны работать белые люди во главе с Россией, как Россия покрыла собой татар и других инородцев. Замечательно, что мы всех покрываем и никто не покрывает нас. Ни один народ никогда в истории не показал этой расовой мощи. Европейцы никто не сделает этого. Напротив, мы опять же покрываем и растворяем в себе всех европейцев: и немцев, и поляков, ближних соседей, и начали то же с более отдаленными – англичанами, французами, итальянцами. Все они только наши слуги, наши приказчики, наши школьные учителя, которых всех заменят в будущем их ученики. Вот какие мысли возникли в моей голове по поводу этой войны. Мне кажется, они справедливы, несмотря на их нескромность. Россия по географическому положению занимает площадь, равную чуть ли не 1/4 мира и потому, естественно, она призвана в нём господствовать.

<…> Крепко целую вас всех, мои милые. Как бы я поговорил теперь с папá обо всем, что здесь набросал. <…>» – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14295. Л. 1 об.4 об. Автограф. Выделено Л.Л. Толстым.

...*Сухотины*... – семья старшей сестры, Т.Л. Сухотиной-Толстой, которую Л.Л. Толстой в письмах постоянно уговаривал приехать на лето в Крым, куда он с семьей планировал прибыть в конце апреля 1904 года. – Там же. Архив Т.Л. Сухотиной-Толстой, № 26468. Л. 1 2 об.

...*по-арабски*... – ещё раньше, 25 ноября (нового стиля) 1903 года Л.Л. Толстой писал отцу о том, что он начал понемногу изучать арабский язык: «<...> Здесь по-арабски каждое утро у одного юноши-грека читаю много по магометанству, которое мне продолжает очень нравиться, а вечерами немного изучаю звёздное небо, которое здесь кажется ближе над головой. <...>» – Там же. Архив Л.Н. Толстого. Т.с. 108/12 , № 68. Л. 1 1 об. Автограф.

От этого письма Л.Н. Толстой пришел в ужас. В смягчённом изложении С.А. Толстой, которая вечером 23 марта (ст. стиля) 1904 года села за письмо сыну, это выглядело так:

«Милый Лёва, папá даже огорчился, прочитав твое длинное письмо о том, как через несколько тысяч лет Россия овладеет всем миром. „Что это, точно он с ума сошел, – говорил папá. – Как же можно думать о том, что будет через семь, восемь тысяч лет!“ Видно, у тебя воображение очень разрослось от болезни и жаркого климата. <...>» – *ИРЛИ*, ф. 303, № 683. Л. 16. Автограф. Курсив С.А. Толстой.

Получив это письмо, Л.Л. Толстой 6 апреля (нового стиля) 1904 года немедленно обратился к отцу с разъяснениями:

«Милый папá, я очень рад, что ты счёл мое письмо к мамá о будущем России сумасшедшим. Это совершенно справедливо, и мне совестно за него и за то духовное настроение, в котором я жил в последнее время. Чрезмерное умственное и физическое возбуждение от здешней весны породило это состояние духа. Слава Богу, кажется, я снова оправился и овладел собой. <...>» – *ОР ГМТ*. Архив Л.Н. Толстого. Т.с. 108/12 , № 71. Л. 1. Автограф.

86. 31 декабря 1904 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «... Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм. Я воспитан в нём и несвободен от него так же, как несвободен от эгоизма личного, от эгоизма семейного, даже аристократического, и от патриотизма. Все эти эгоизмы живут во мне, но во мне есть сознание божественного закона, и это сознание держит в узде эти эгоизмы, так что я могу не служить им. И понемногу эгоизмы эти атрофируются. ...» – *ПСС*. Т. 55. С. 111.

Однако эгоизм патриотизма так быстро атрофироваться не хотел. 5 февраля 1905 года в разговоре с Т.А. Кузминской на вопрос о том, как он отнесся к сдаче Порт Артура, Л.Н. Толстой ответил так: «Мне было обидно. ...». И пояснил: «Я сам был военным. В наше время

этого не было бы. Умереть всем, но не сдать». – См.: Маковицкий Д.П. У Толстого... - Кн. 1. С. 163.

Один из младших детей Толстого, Михаил Львович, запомнил и передал своему сыну следующее размышление отца: «Как они могли сдаться! Надо было взорвать крепость...» – См.: Толстой С.М. Послесловие к книге “Толстой и Толстые” //Неизвестный Толстой в архивах России и США: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. М., 1994. С. 464-465.

В статье «Конец века» Л.Н. Толстой связалл сдачу Порт-Артура с разрушением Российской империи и всей лжехристианской цивилизации: «... Разгром русской армии и флота, разгром русского правительства не есть только разгром армии, флота и русского правительства, а признак начинающегося разрушения русского государства. Разрушение же русского государства есть, по моему мнению, признак начала разрушения всей лжехристианской цивилизации. Это конец старого и начало нового века. ...» – ПСС. Т. 36. С. 233.

87. С.Ю. Витте был инициатором мирного договора между Россией и Японией, который был заключен воюющими странами после трудных переговоров в городе Портсмуте (штат Нью-Хэмпшир, США) 23 августа/5 сентября 1905 года. По условиям этого договора, Россия передала Японии в аренду Порт-Артур и порт Дальний на Квантунском полуострове, а также южную часть острова Сахалин. – См.: Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 405-419 (см. также выше примеч. 81)].

С самого начала царствования императора Николая II, после «Ходынки» (88) и «бессмысленных мечтаний» (89), Россия почувствовала, что пришёл конец царскому абсолютизму и что-то новое должно было наступить. Японская война окончательно укрепила это мнение и естественно поощрила революционное движение. В одно прекрасное утро попу Гапону (90) удалось поднять петербургскую толпу и двинуть её походом на Зимний дворец.

Я видел это зрелище собственными глазами, видел черноокого и быстрого Гапона, подстрекавшего толпу на Невском проспекте, и чуть не попал под выстрелы с двумя моими мальчиками (91), которых в этот день возил кататься по набережной и Миллионной на нашей двухколёсной «гиге» (92). На Миллионной улице кто-то из

толпы крикнул мне, чтобы я не выезжал на Зимнюю площадь, где стреляли, и я повернул лошадь обратно (93).

[*88*. Во время массового гуляния в Москве на Ходынском поле по случаю коронации Николая II 18 мая 1896 года погибло около двух тысяч человек, несколько десятков тысяч людей было изувечено. – См.: Суворин А.С. Дневник... - С. 229 - 234.

89. Так называли период пребывания в должности министра внутренних дел князя Петра Дмитриевича Святополк-Мирского (1857 1914), назначенного в конце августа 1904 года и вынужденного уйти в отставку в начале следующего года (см. об этом ниже примеч. 96).

Характерная оговорка Николая II, назвавшего несбыточные мечтания бессмысленными, не случайно задала тон короткому историческому периоду в жизни России. Молодой царь только взошёл на престол. 17 января 1895 года, обращаясь к представителям дворянств, земств и городов, Его Величество произнес следующие слова: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все Свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твёрдо и непреклонно, как охранял его Мой незабвенный, покойный Родитель». – См.: Полное собрание речей Императора Николая II : 1894 1906. СПб, 1906. С. 7.

...покойный Родитель... – император Александр III (см. о нём в примеч. 178 к Главе 10 Книги I).

О том, как была воспринята эта оговорка современниками, см.: Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 45. См. также резко негативную статью Л.Н. Толстого «Бессмысленные мечтания», написанную вскоре после выступления молодого монарха. – ПСС. Т. 31. С. 185 192.

После отставки П.Д. Святополк-Мирского русская печать в основном сочувственно вспоминала о его деятельности. – См.: Среди газет и журналов //Новое время. СПб., 21 января/3 февраля 1905 года, № 10373. - С. 4.

90. Священник Георгий Аполлонович Гапон (1870 - 1906) был агентом царской охранки. – См. подробнее: Гапон Г.А. История моей жизни. М.: Книга , 1990. С. 31 47; Dillon E.J. The eclipse of Russia. N.Y., 1918. P. 160 165; Dillon E.J. Russia today and yesterday. Lnd., 1929. P. 15 16.

91. Речь идёт о двух старших сыновьях Л.Л. Толстого: Павле и Никите.

92. «Гига» – от англ. “gig ” – кабриолет, двуколка.

93. Газеты в России имели право печатать только правительственные сообщения и официальные сведения о событиях 9 января 1905 года и последующих дней. – См.: Новое время. СПб., 15/28 января 1905 года, № 10367. - С. 4.

Тем бóльший интерес представляет рассказ очевидца о том, что происходило в столице, отправленный Л.Л. Толстым родным в Ясную Поляну 9 января 1905 года:

«<...> Сегодня у нас здесь настоящая революция. Мы были на Невском и сами видели раненых и слышали зловещие залпы в толпу. Говорят, убитых и раненых сотни. Трубецкой с женой проезжали около Мойки, и подле них дали залп, от чего все обратились в бегство, кто на лошадях – карьером. Громадная толпа рабочих за Нарвской заставой шла с портретом царя и с иконами, и в нее палили, убив многих. В город вызваны войска из Пскова, Ревеля и Нарвы. По Невскому несли убитых с пением „вечная память“. Стачка всеобщая. Газет не читаем уже третий день. Завтра ожидаем стачки булочников и извозчиков. Все заказы на войну <в>стали на судостроительных и других заводах. Я видел нескольких раненых с перерубленными лицами, хромых, на вид ужасных, по выражению и ужаса, и одичания. Петиция, которую хотели поднести царю рабочие в числе 40.000 <человек>, касается политических вопросов. Говорят, что удовлетворить ее невозможно.

Был в „Новом времени“ позднее. Там сбор всех издателей и, главное, типографских рабочих. Требования их также превышают то, что можно им дать, так что беспорядки не только скоро не утихнут, а, вероятно, увеличатся. В редакции меня окружили и ждали как будто, что я им решу все вопросы. Старик Суворин, Нотович, Ухтомский, Столыпин и т.д. Никто ничего не знает и не понимает, чем это безначалие может кончиться. Я указывал, главное, на него. Ни земцы, ни рабочие, ни военные, ни полиция, ни правительство – никто ничего не могут сделать, каждый считает себя начальником, а настоящего нет, и потому все начинают бить друг друга. Убили бедную девушку-курсистку, в числе других, на Петербургской стороне. Брат нашего заведующего складом сам видел ее, окровавленную, на снегу. Стреляли дробью из ружей и из орудий. Завтра ожидают еще худшего. Все стоит и ничего нельзя сделать. Думал уехать, но и этого нельзя сделать, пока тут так неспокойно. Надо быть при семье. Того и гляди останемся без воды и света. <...>» – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14319. Л. 11 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

...*Трубецкой с женой* ... – речь идёт о Паоло Трубецком и его жене (см. о них примеч. 142 к Главе 19 Книги I).

...*карьером* ... – то есть, во весь опор, во весь дух. – См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка... Т. II. С. 95.

...*убив многих* ... – по официальным сведениям, опубликованным позднее, 9 января 1905 года было убито 96 человек, ранено 333. – См.: Новое время. СПб., 15/28 января 1905 года, № 10367. С. 4.

...*Суворин* ... – см. о нем выше примеч. 77.

О Нотовиче см. выше примеч. 78.

Об Ухтомском см. примеч. 166 к Главе 9 Книги I.

Александр Аркадьевич Столыпин (1863 1925) – брат П.А. Столыпина; журналист, сотрудник газеты «Новое время». – См. о нем: П.А. Столыпин глазами современников. М.: РОССПЭН, 2008. С. 12].

* * *

Все эти события убедили меня в том, что царь не мог больше править Россией, что ему нужно было созвать Земский Собор (94) для решения народных нужд, что надо было действовать быстро в этом духе, и я написал ему письмо, в котором кратко излагал эти мысли (95).

Мой отец, которому я показал моё письмо царю, одобрил его и, по-видимому, был доволен моими действиями (96).

Знакомый нашей семьи, граф Адам Васильевич Олсуфьев (97), в то время свитский генерал, близкий ко двору, передал моё письмо царю и сам настолько оценил его, что заказал переписать его в сотнях экземпляров, чтобы раздать его придворным и членам правительства.

Царь прочёл моё письмо, и несколько дней позднее мне было прислано приглашение приехать в Царское Село на аудиенцию, которая продолжалась полтора часа (98).

[*94*. Земские Соборы – собрания представителей разных сословий в Русском государстве XVI - XVII веков, созывавшиеся царем из бояр, духовенства, служивых людей и горожан для рассмотрения важных государственных дел. Впервые Земский Собор был созван в 1549 году. Последний Земский Собор был в 1684 году.

Идея возвращения к этому типу устройства государства активно обсуждалась в начале XX века в русском обществе. Лев Львович был убеждённым сторонником Земского собора. – См.: Толстой Л.Л.

Мысли и жизнь //Новое время. СПб., 4/17 февраля 1905 года, № 10387. С. 3; Там же , 19 февраля/4 марта 1905 года, № 10402. С. 4.

95. Это было уже второе письмо Л.Л. Толстого царю. Первое – от 3 января 1905 года – касалось исключительно только просьбы отменить запрет цензуры на его пьесу «За кулисами войны». Менее чем через две недели Л.Л. Толстой отправил Николаю II новое письмо с предложениями тех реформ в стране, которые позволили бы преодолеть серьезный политический кризис.

«14 янв<аря 19>05 г<ода>
Петербург
Ваше Величество,

Считаю нравственным долгом довести до сведения Вашего Величества, что Вашей жизни и спокойствию России грозит великая опасность. После кровавых событий этих дней я виделся и говорил с сотнями различных людей и вынес безнадёжное, удручающее впечатление от настроения, царящего в обществе и всём народе. Среди общего волнения, недовольства и скорби, я много раз слышал от образованных, интеллигентных людей нелепое, непонятное и преступное убеждение, что только продолжение системы террора, начавшегося с убийством Плеве, может помочь положению вещей в России, что после событий 9-го января террор непременно будет усилен. На возражение, что никакое насилие никогда не приносило благих результатов, сторонники террора говорят, что это неправда, что, если бы даже это было правдой, у них не остаётся других средств для борьбы с существующим злом. Эти извращенные, страшные утверждения и речи известного слоя общества, в последнее время значительно увеличившегося, глубоко взволновали меня и привели к следующим мыслям.

Положение, переживаемое Россией, одно из самых тяжёлых и сложных, не только в нашей, но и всемирной истории. Труднейшая, по своим условиям, внешняя война совпала с сильным брожением внутри страны, вызванным ростом народного сознания и тысячами неудовлетворенных потребностей народной жизни. Два крупнейших дела поэтому одновременно пали на плечи русского правительства, – два неотложных, насущих дела, – борьба с Японией за преобладание на Дальнем Востоке и необходимость внутренних реформ.

Мне казалось, Государь, как и многим русским людям. Желающим России возможно благополучнее пройти через переживаемое время, – мне казалось. Не далее, как десять дней тому назад, когда я написал статью для газеты “Новое время”, под заглавием «”Мужики-разбойники” и “лихие люди”», которую решаюсь приложить к этому письму и которую даже “Новое время” не решилось напечатать, – мне казалось, что, несмотря на несомненную необходимость некоторых

изменений внутри страны, можно и должно было подождать с ними, пока не окончена война. События и настроения последних дней ярко показали мне моё заблуждение.

Ждать стало совершенно невозможно потому, что появились страшные, зловещие признаки всё ухудшающегося положения вещей. Оказалось, что Русская Земля заражена тяжёлой болезнью и, если не принять быстрых мер к её излечению, она будет ухудшаться очень быстро и Бог знает, к чему нас приведёт.

Переживаемые нами рабочие и социальные беспорядки, как нарыв на теле, показали нам его болезненное состояние. Нарыв этот прорвался, с кровью и страданиями, но всюду кругом назревают новые, худшие нарывы, которые излечить будет нельзя, если допустить их образование. Тогда ещё труднее будет помочь большому злу.

Единственным целебным и действительным средством, Государь, помочь России и оживить её в настоящую минуту, по моему мнению, является созыв Земского или Русского Собора, – собрания благоразумных русских людей со всех концов страны, которые бы обсудили положение вещей и изыскали меры, необходимые для удовлетворения и умиротворения русской жизни. Надо сейчас же, не теряя ни минуты, объявить во всеуслышанье всем русским людям, что Вы хотите, Государь, созвать их и посоветоваться с ними, а затем в действительности, возможно скорее, созвать “Русский Собор”. Уже этой весной он должен быть созван. Выборные от земств, от городов, от различных сословий и обществ съехались бы в Петербург и это сразу оживило бы не только мертвенный, в последнее время, застой столичной жизни, в которой зреют преступные тайные замыслы, но оживило бы всю внутреннюю жизнь России, воскресило надежды, подавило смуту и благотворно, бодряще подействовало бы и на русскую армию, там, на Дальнем Востоке, которая, отвечая общему подъему народа, скорее бы дала ему желанную победу над врагом.

Ничто, кроме такой трезвой, назревшей, чисто практической и государственной меры, не поможет теперь России. Никакая новая свобода, никакие обещания, никакие репрессии. Только дело, немедленно начатое и осуществлённое. Может успокоить и умиротворить взволнованную страну.

Настало время, Государь, когда Россия уже не может быть управляема так, как прежде. Царю необходимы помощники, помощники истинные, понимающие и чувствующие насущные нужды народа, – настало время, когда царю нужен посредник между ним и его подданными. При усложнившейся и расширившейся русской жизни, русскому правительству, какое оно сейчас, невозможно уследить за её ходом и требованиями. Это стало совершенно ясным, определившимся фактом, с которым нельзя не считаться. Благоразумным людям нельзя закрывать на него глаза.

Поэтому, умоляю Вас, ради блага России, ради Вашего блага, – кликните клич, Государь, горячий и громкий, клич, полный доверия к Вашему народу, и он с восторгом отзовётся на него и сейчас же вышлет к Вам своих лучших людей. Эти люди пусть станут для Вас навсегда Вашими верными помощниками в делах правления, пусть облегчат Вам Вашу личную жизнь и защитят Её от злых людей. Они только усилят собой Вашу власть тем, что она через них станет и вернее доходить до истинных нужд народных. Тогда и народ благословит Вас и охотно забудет всё своё прошлое горе.

Написал Вам, считая своим долгом сделать это после всего, что я слышал и перечувствовал за последнее время. Видел сцены, наводившие ужас и панику. Видел толпы растерявшегося и обезумевшего темного народа, не знавшего, в ком и где искать спасения.

Бог свидетель, Государь, что только желание добра России и Вам и сознание того, что я владею крупицей правды, продиктовали мне это письмо. Время ужасное. Оно может привести нас к неслыханным событиям и кровопролитию. Решительные, крупные меры неизбежны. Простите еще раз и внемлите искреннему слову правды, отбросив все ради него.

Вашего Величества покорнейший слуга

Лев Льв<ович> Т<олстой>».

– *ИРЛИ*, ф. 303, № 102. Л. 1-3. Черновой автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

Министр внутренних дел *Вячеслав Константинович Плеве* (1846 - 1904), поощрявший еврейские погромы и репрессии, пытавшийся изнутри разложить рабочее движение и надеявшийся вывести Россию из революционной ситуации путем “маленькой победоносной войны”, был убит 13 июля 1904 года эсером Егором Сергеевичем Сазоновым (1879 - 1910). Это вынудило власти на короткое время перейти к “эпохе доверия” князя П.Д. Святополк-Мирского (см. о нём выше примеч. 89).

Статьи под названием «”Мужики-разбойники” и “лихие люди”» в архиве Л.Л. Толстого найти не удалось.

Все известные письма Л.Л. Толстого царю опубликованы. – См.: «Время идет интереснейшее ...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 135 - 168.

96. 12 января 1905 года редакторы петербургских газет были на приеме у князя П.Д. Святополк-Мирского и вручили ему адрес совещания редакторов ежедневных изданий с требованием «предоставить печати полную свободу сообщения фактов и событий общественной жизни и обсуждения их», а также созвать Земский Собор «для устроения государственного порядка в России». – См.:

Богданович А. Три самодержца: Дневники генеральши Богданович. М.: Вече, 2008. С. 265.

Через день, 14 января 1905 года П.Д. Святополк-Мирского посетил Л.Л. Толстой, не знавший, что через несколько дней, 18 января 1905 года, министр уйдёт в отставку. Из дневника княгини Е.А. Святополк-Мирской (урожд. гр. Бобринской; 1864-1926) узнаем о некоторых деталях беседы: «...к сожалению, кто теперь любит государя? Замечательно, какая единодушная ненависть. Сегодня был у П[епки] Л.Л. Толстой, и он П[епке] говорил тоже об ужасном положении. Он говорит, что такое негодование на государя, что в обществе даже говорят, что, пока государь жив, ничего хорошего не будет». – См.: Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904 1905 гг. // Исторические записки. М.: Наука, 1965. Т. 77. С. 276 277.

...*Пепка* ... – так домашние называли П.Д. Святополк-Мирского.

На следующий день Л.Л. Толстой направил кн. Святополк-Мирскому коротенькое послание, которое для нашего сюжета имеет большое значение и позволяет уточнить, как именно второе письмо Л.Л. Толстого попало к Николаю II:

«Многоуважаемый
Князь Петр Дмитриевич,
Сегодня я отправил заказным в Царское Село письмо Его Величеству, копию с которого прилагаю Вам с покорнейшей просьбой передать её Государю, если письмо моё не дойдёт до Него. Решаюсь беспокоить Вас после свидания с Вами, которое останется для меня светлым воспоминанием.
Искренно уважающий Вас и преданный
Граф Лев Львович Толстой.
15 января <19>05 г<ода>.
С. Петер<бург>». – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1729, оп. 2, ед. хр. 428. Л. 1. Автограф.

На следующий день Л.Л. Толстой отправил другую копию письма царю в Ясную Поляну. 16 января 1905 года он начал письмо С.А. Толстой так:

«Милая мамá,
Посылаю моё письмо к царю тем, кому оно интересно. Я передал его через кн<язя> Святополк-Мирского, с которым виделся и который очень любезно ко мне отнёсся. Сегодня получил даже его карточку. <...>» – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14320. Л. 1. Автограф.

20 января 1905 года Л.Н. Толстой ответил сыну:

«Милый Лёва,

Мамá в Москве, и я получил твоё письмо с письмом к государю. Письмо хорошо. Только папа благоразумнее и учтивее нас: он прежде спросил: желает ли царь выслушать его совет? Разумеется, созвать собор было бы самое благоразумное, но едва ли возможно ожидать от них благоразумия. ... Очень понимаю твоё волнение, переносясь в твои годы и в твоё положение в самой середине движения. Но всё-таки не следует отдаваться вполне этим внешним делам; есть более важные – в нашей внутренней жизни. ... Целую тебя, Дору, детей.

Л. Толстой. ...» – ПСС. Т. 75. С. 206 - 207.

... *Только папа благоразумнее и учтивее нас* ... – речь идет о недавно избранном Папе Римском Пие X (Pius X; в миру – Джузеппе Сарто; 1835-1914), который не захотел остаться безучастным к трагическим событиям в России и предложил свою помощь, по мнению Л.Н. Толстого, деликатно и не навязчиво. 19 января 1905 года в Ясной Поляне обсуждали эту ситуацию: «... Сегодня мы читали, что под Мукденом русских убито 10 000, японцев же – 5 000, и также про папу, что он прислал двух своих гвардейцев к царю спросить его, не может ли он в это трудное время помочь ему советом.

Л.Н. заметил по этому поводу:

– Вот надо учиться – сначала спросить, а не прямо письма писать с советами. ...» – См.: Маковицкий Д.П. У Толстого... - Кн. 1. С. 140.

97. Л.Л. Толстой ошибся: А.В. Олсуфьев (1833-1901), помещик, владелец имения Никольское-Горушки, друг Л.Н. Толстого, умер на несколько лет раньше.

Л.Л. Толстой имел в виду одного из его братьев: генерала, флигель-адъютанта, знакомого Л.Н. Толстого по Крымской войне Алексея Васильевича Олсуфьева (1831-1915) или генерал-адъютанта Николая II, помощника командующего Императорской главной квартирой Александра Васильевича Олсуфьева (1843-1907), знакомого и адресата Л.Н. Толстого. Кроме того, сам Л.Л. Толстой в письме родным назвал другого посредника: П.Д. Святополк-Мирского (см. выше примеч. 96).

98. 27 января 1905 года Л.Л. Толстой получил свой шанс повлиять на ход истории. В этот день Николай II записал в дневнике: «Погулял до завтрака. В 2½ принял гр[афа] Льва Толстого-сына». – См.: Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 248.

Вернувшись из Царского Села, Л.Л. Толстой – по просьбе А.С. Суворина – поделился с ним своими впечатлениями о встрече с царём. В тот же день редактор «Нового времени» написал одному из своих постоянных авторов: «Сегодня у Государя 1½ [часа] сидел Л.Л.

Толстой и говорил с ним о Земском Соборе». – См.: Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913. С. 40.

Позже об этой аудиенции стало известно и за пределами России. – См.: The New York Times. February 11, 1905; The Review of Reviews. London, March 1905. Vol. XXXI. P. 229-230. См. также: Толстой Л.Л. Беседа с бывшим царем Николаем II м (Из моих воспоминаний) // Последние известия. Ревель, 18 февраля 1922 года, № 41. С. 2; «Время идёт интереснейшее...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 165 - 168.

В 1941 году Л.Л. Толстой написал воспоминания о беседе с царём для шведских читателей (см. также ниже примеч. 24 к Главе 8)].

Вкратце я говорил царю следующее: численностью в 2000 человек Земский Собор будет лучше Думы; составленный из различных классов населения, он, как древнее русское учреждение, точно представит русские нужды. Необходимо реформировать русскую общину и создать мелкого землевладельца-собственника. Следует реформировать православную церковь в рациональном смысле. Следует дать России известные социальные свободы, которые только укрепят, а не ослабят монархию.

Царь внимательно слушал меня и сказал, что он хочет создать парламент «в русском духе» и что для него было важнее всего благо русского крестьянина и всё, что до него касается. При прощании со мной он просил меня писать ему.

Но стоило ли говорить ему, и мог ли он внять разумным советам? Не прошло, может быть, месяца после моей аудиенции, как он подписал проект Думы, созданный министром Булыгиным (99), той самой Думы, которая похоронила в России не только идею монархии, но погубила самого императора Николая II и его семью. Но она погубила также идеи свободы и морали и вконец ослабила, разорила и одурачила русский народ.

До моего свидания с царём я послал ему мою книгу «Современная Швеция», которую он прочёл и из которой почти целиком взял для своего Манифеста 17 октября список пяти гражданских шведских свобод: свободу личности, слова, собраний, веры и печати (100). Но царь

Николай II мало знал и понимал Россию своей эпохи. Он не понял, прежде всего, что не манифестом одним надо было удовольствоваться, а надо было начать на деле перестраивать старые, отжившие русские формы.

В одном из моих писем к нему я советовал, между прочим, реформировать православную церковь (101). Этот совет показался царю чудовищным.

Я просил его позднее навсегда удалить Распутина (102); он временно послушался, и Распутин был сослан в Сибирь, но через две недели снова возвращён в Царское по просьбе императрицы.

В начале великой войны я посоветовал мобилизовать возможно большее количество войск, что было исполнено, и, вследствие этого, когда наши войска, хотя и вооружённые «дубинами вместо винтовок», стали переваливать Карпаты, а русская гвардия вторглась в Восточную Пруссию, немцы должны были перебросить 12 корпусов с западного фронта на восточный, благодаря чему был спасён Париж и дальнейшие операции союзников могли развиваться успешно(103).

Голодая позднее в качестве беженца в «столице мира» (104), каким именем французы величают Париж, я говорил им, что выходило как будто несправедливо то, что я голодал именно в том городе, спасению которого я содействовал.

– C'est toujours ainsi, mon vieux! (105) – утешали французские друзья, а я спрашивал себя, не лучше ли было бы тогда Европе и России, если бы уже немцы заняли современный Вавилон, обратившийся в сплошной кабак и игорный притон.

[99. *Александр Григорьевич Булыгин* (1851 - 1919) в 1905 году был назначен министром внутренних дел вместо П.Д. Святополк-Мирского. На его имя 18 февраля 1905 года Николай II направил «Высочайший рескрипт» о разработке проекта законосовещательной Государственной Думы и выборов в неё.

В июле 1905 года проект был одобрен Государем и опубликован 6/19 августа 1905 года вместе с «Высочайшим Манифестом» Николая II. Однако ни выборы, ни сама эта Дума не состоялись из-за начавшейся в России революции.

100. Л.Л. Толстой преувеличил свою роль: идея Манифеста 17 го октября 1905 года принадлежала графу С.Ю. Витте. В Манифесте были обещаны неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов, амнистия политзаключённых, созыв законодательной думы, избранной всеми социальными группами общества, однако далеко не все обещания были выполнены. – См.: Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 3 17, 580.

101. Письмо Л.Л. Толстого Николаю II 1911 года не сохранилось. Но есть более поздний документ, позволяющий говорить о том, что в русском обществе созрела мысль о необходимости реформировать православную церковь

«В собственные руки.

14 сентября 1912 г<ода>.

Ваше Императорское Величество,

Сегодня считаю моим долгом перед Вашим Величеством и Россией писать Вам, дерзая высказаться по следующим вопросам:

1). В России становится всё тяжелее и тяжелее жить вследствие всё более и более усиливающейся потребности народа правильно работать и вследствие невозможности работать так из-за наших бесчисленных праздников. Вопрос старый, но он не подвинулся ни на шаг. Сегодня <–> Воздвиженье, недавно <–> Рождество Богородицы, 1-го октября в понедельник <–> Покров и так далее и так далее, и жизнь в праздники становится, люди в тоске пьют, играют в карты и на бегах, молодёжь не учится, и целые недели пропадают даром, миллионы рублей и неисчислимое богатство сил народных разлетаются по ветру. Когда же, Ваше Величество, Вы один, имеющий возможность положить конец этому великому злу – праздности русского народа, – Вашим одним словом дадите России избавление от этой рабской зависимости народной, общественной и государственной жизни от авторитета Церкви, гнетом сковывающего Россию?! Все останавливается в праздники и в канун праздников, не только правильный труд, но даже разумные и полезные развлечения. Публика должна ходить взад и вперед по Невскому. Не имея даже возможности накануне праздника зайти посмотреть кинематограф, дети не учатся, приучаются к праздности. Проект уменьшения праздников и сведения их к минимуму был разработан, но он провалился, не найдя поддержки. Я имел счастье писать Вам, Ваше Величество, в прошлом году, о желательности и необходимости реформы русской Церкви. Сегодняшний вопрос связан с тем <же>. Нам необходимо решительно изменить в этой области характер русской жизни. Что было при Владимире Святом, осталось и поныне. Выносить это дольше невозможно.

2). <...> Много, много хотелось бы сказать Вам, Ваше Величество, но боюсь утомить Вас. Одного прошу Вас всеми силами души, – приказывайте, Ваше Величество, приказывайте строжайшим образом тем, кому нужно, чтобы было сделано все, что должно было сделано сейчас в России, и спешите! Время не ждет. Надо реформировать Церковь, уничтожить праздники, винную монополию, ввести всеобщее обучение при реформированной церкви, надо ввести новый стиль, уничтожить или изменить паспортную систему, надо воспитывать народ, юношество, армию и флот, надо изменить весь уклад, весь характер русской жизни. Чтобы дни текли правильно, чтобы праздники не мешали труду, чтобы народ и общество привыкли рано вставать и рано ложиться, офицерство в частности, чтобы были запрещены игры в клубах и на бегах и скачках, чтобы были наказуемы пьянство, брань, жестокое обращение с животными. Надо поднять знамя этой новой культурной, разумной жизни в России, высоко поднять его, и страна сразу обновится. Иначе все будет по-прежнему, распущенно, дурно.

До сих пор больно, Ваше Величество, о смерти Столыпина, к которому я питал большое доверие. Трудно заменить его. Одно утешение, что Вы, Ваше Величество, не оставили намерение Ваше дать России многое, и сознание, что Вы дадите. Но надо требовать, строжайше приказывать, чтобы было <лучше>. Все эти люди – чиновники, и сами мало способны видеть широкие горизонты. Ими надо владеть, как детьми. Они ничего не видят дальше минуты, минутных интересов. Какая рутина всюду, начиная с Церкви и кончая Императорскими театрами. Живых людей точно нет, ничего нового, свежего они не допускают. И вследствие этого, конечно, страдают народ и общество.

<...> Перестройте Церковь, Ваше Величество, властной рукой ! Позовите меня! Я помогу Вам! Об этом знать будет один Бог.

Вашего Величества верноподданный, любящий Вас сердечно

Граф Лев Львович Толстой.

Таврическая, 19.

С.П<етербург>». – ИРЛИ , ф. 303, № 102. Л. 10 13 об. Черновой автограф. Подчеркнуто Л.Л. Толстым.

...при Владимире Святом ... – см. о нем выше в примеч. 50.

О смерти Столыпина см. выше примеч. 8 10. См. также: «Время идет интереснейшее ...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 156 - 159; Сын и отец ... // Лица ... Т. 4. С. 184 - 186.

102. Григорий Ефимович Распутин (Новых; 1872 - 1916) – последний фаворит русской императорской семьи; он пользовался огромным влиянием на Николая II, так как сулил «божественную» поддержку всем его начинаниям.

Письмо, в котором излагалась просьба Л.Л. Толстого удалить Распутина, неизвестно. У Распутина за годы его наглого «царствования» накопилось достаточно могущественных врагов, как среди членов царской семьи, так и ближайшего окружения царя. – См.: Григорий Распутин : Сб. историч. материалов: В 4-х томах. М.: Терра, 1997. Т. 4.

Мысль отправить Распутина на родину носилась в воздухе. Её неоднократно высказывал губернский предводитель московского дворянства Александр Дмитриевич Самарин (1869-1932). Министр внутренних дел Алексей Николаевич Хвостов (1872-1918) незадолго до своей отставки в письме царю указывал на пагубное влияние Распутина на Россию. Проблема Распутина активно обсуждалась в Государственной Думе и на страницах солидных петербургских газет.

В последний раз, после оргии в Москве, в июле 1915 года Распутин уехал в родное село Покровское, возле Тюмени в Тобольской губернии, однако уже в середине августа 1915 года у него были продолжительные беседы с царицей. – См.: Переписка Николая и Александры Романовых : В 5-ти томах. М.; Пг.: ГиЗ, 1923. Т. III , прил. III ; Падение царского режима : Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г.: В 7 ми томах. М.; Л.: ГиЗ, 1927. Т. VII.

103. В ходе Восточно-Прусской операции Первая и Вторая армии Северо-Западного фронта 4 7/17 20 августа 1914 года вторглись в Восточную Пруссию. 7/20 августа 1914 года германская армия потерпела поражение и начала отходить к Висле. Германское командование было вынуждено ослабить ударную группировку на Западном фронте, нацеленную на Париж, что позволило французской армии 5/12 сентября 1914 года остановить германские войска на реке Марна восточнее Парижа. – См.: Военная энциклопедия : В 8 ми томах. М.: Воениздат, 1994 1997. Т. 1. С. 378 379; Т. 5. С. 155 156; Т. 6. С. 218.

104. О том, как бедствовал Л.Л. Толстой после отъезда из России вплоть до своей смерти, см. подробнее: Абросимова В. Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего... //Toronto Slavic Quarterly ... Toronto , Fall 2008, No. 26 (http ://www.utoronto.ca/tsq/26/ambrosimova 26.shtml); Абросимова В. «Вероятно, уеду в “Подариж” опять осенью...» //Лев Толстой и Сибирь : Сб. докум. и публицист. материалов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 3. С. 93 - 194, 205 - 289.

105. Так всегда, старик! (фр.)].

Глава 3

Отсутствие русских государственных людей. Моя газета «Русский народ» и революционеры. Русские масоны. Моё увлечение театром. Илья Репин

Когда я оглядываюсь назад на эпоху «первой русской революции», меня поражает прежде всего факт, что во всей тогдашней царской России не нашлось и горсти политически зрелых людей, бывших в состоянии помочь ей(106).

[106. Об этом Л. Л. Толстой подробно писал Николаю II через несколько дней после беседы с ним. В сохранившемся черновом автографе письма от 30 января 1905 года говорится: «... Моё свидание с Вами оставило во мне одно главное, глубоко запавшее мне в сердце впечатление, – у Вас нет помощников, Государь, Вы одиноки в делах царства. Вокруг Вас нет того живого ядра живых, бодрых, самоотверженных людей, без которых немыслимо ни одно большое государственное дело. ...

Позовите помощников, Государь. Они вместе с Вами будут молиться, чтобы Бог дал им сил на дело добра, и вместе сделают, что можно, для блага России. ...» – См.: «Время идет интереснейшее ...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 140 – 142].

С одной стороны, были бездушные, узкоголовые и невежественные государственные чиновники и военные, которых рождало и питало слабое, разношерстное общество.

С другой – либералы и революционеры, люди более образованные, но крайние и тщеславные, расплодившиеся в таком количестве, что сама идея здоровой и разумной государственности за их крикливой деятельностью была затоптана в грязь и потеряна.

Поэтому, когда настал момент, русские люди бросились в политическую борьбу, сами не зная, для какой положительной опред < еленной > цели. И вот ряд полит< ических > деятелей – Витте (107), Столыпин (108), князь Львов (109), Гучков (110), Милюков (111), Керенский (112) и другие – все один за одним быстро сходят со сцены, не создав ничего. Не зная сами, что

можно и нужно было сделать, они, безликие и слабые, исчезали прежде, нежели успевали сделать первый шаг.

[107. Отставка С. Ю. Витте, по его словам, произошла в середине апреля 1906 года в результате длительной газетной травли и резко обозначившихся разногласий с Николаем II-м. – См.: Витте С. Ю. Воспоминания... - Т. 3. - С. 322-326. Не принимая активного участия в государственных делах, опытный политик до последних дней жизни продолжал внимательно следить за ними.

108. О П. А. Столыпине см. выше примеч. 8-10.

109. Возможно, речь идёт о князе Георгии Евгеньевиче Львове (1861-1925), председателе Епифаньской уездной и Тульской губернской земских управ в 1903-1906 годах; председателе Общеземской организации для помощи больным и раненым воинам во время Русско-японской войны 1904-1905 годов; депутате Первой Государственной Думы; кадете; председателе Всероссийского земского союза для помощи больным и раненым войнам в Первую мировую войну 1914-1917 годов; министре-председателе и министре внутренних дел Временного правительства в марте-мае 1917 года.

Знаком был Л.Л. Толстой и с одним из основателей «Союза освобождения», участником земских съездов 1904-1905 годов, одним из учредителей Партии мирного обновления, депутатом Первой, Третьей и Четвертой Государственных Дум Николаем Николаевичем Львовым (1867-1944). В письме Николаю II от 30 января 1905 года Л.Л. Толстой назвал его в числе других верных помощников царя в деле преобразования России. – См.: «Время идет интереснейшее ...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 140-142.

110. Речь идет об одном из основателей «Союза 17 октября», создателе газеты «Голос Москвы», в которой Л.Л. Толстой принимал участие, депутате Третьей Государственной Думы от Москвы и её председателе с 1910 года Александре Ивановиче Гучкове (1862 - 1936).

111. Речь идет о Павле Николаевиче Милюкове (1859-1943), историке, лидере партии конституционных демократов (кадетов), депутате Третьей и Четвертой Государственных Дум; одном из редакторов влиятельной газеты «Речь»; министре иностранных дел в марте-мае 1917 года. В 1921 году П. Н. Милюков в Париже начал издавать газету «Последние новости», в которой печатались и воспоминания Л. Л. Толстого. – См. подробнее: Абросимова В. Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего... // Toronto Slavic Quarterly ... Fall 2008, No. 26 (http://www.utoronto.ca/tsq/26/ambrosimova 26.shtml).

112. Л. Л. Толстой не был знаком с адвокатом, членом Четвертой Государственной Думы Александром Федоровичем Керенским (1881-1970), с февраля 1917 года последовательно занимавшим должности министра юстиции, военного министра, министра-председателя Временного правительства и верховного главнокомандующего Российской армии (см. об этом ниже)].

Управлять Россией могут только гиганты.

Управлять людьми вообще могут только гиганты духа и разума. Но за последние две-три тысячи лет эта истина забыта народами, и гиганты духа и ума не допускаются больше к браздам управления народами и заменены жалкими посредственностями. Слишком много надо было бы сказать, чтобы объяснить это явление. Вкратце, однако, я попробую сделать это.

Во-первых, люди крупные, умные, духовно настроенные сами совершенно незаконно избегают власти. Во-вторых, так как они в меньшинстве, их отстраняют люди крикливые. В-третьих, парламентаризм послужил в мире еще большему засилию и нахальству посредственностей.

После моего свидания с царем, наблюдая падение двух Государственных Дум (113) и непрекращавшуюся русскую смуту, я задумал издавать мою собственную национальную газету (114), так как ни консервативная, ни тогдашняя русская либеральная пресса не удовлетворяли больше лучшее русское общество.

[113. Первая Государственная Дума начала свою работу 27 апреля 1906 года, но через несколько месяцев, 8 июля 1906 года она была распущена. Вторая Государственная Дума просуществовала не намного дольше: с 20 февраля по 2 июля 1907 года.

114. Не совсем точно. Мысль о создании собственной газеты появилась у него вскоре после беседы с царем. 25 февраля 1905 года Л. Л. Толстой разослал «Письмо в газету» с предложением от «кружка лиц, горячо заинтересованных положением русских рабочих, их жаждой улучшить свою жизнь и выйти... на прочный и ясный путь спокойного культурного развития. Кружок... находит, что в настоящее время издание хорошей, честной, проникнутой христианскими, а не

революционными и другими идеалами общедоступной газеты для рабочего класса, как городского, так и сельского, было бы не только желательным, но составляет насущную потребность». – См.: Новое время. СПб., 26 февраля/11 марта 1905 года, № 10409. - С. 4.

А. С. Суворин неодобрительно отнесся к этой идее и безуспешно пытался отговорить от нее Л.Л. Толстого].

Но так как средств на такое крупное предприятие у меня не было, я решил создать товарищество на паях и начать собирать эти паи немедленно. На первой странице «Нового времени» я напечатал с этой целью воззвание, в котором звал всех русских людей присоединиться к моему начинанию и предполагал назвать нашу газету «Русский народ».

Воззвание мое гораздо сильнее, чем я ожидал, подействовало, и после появления его почтальон принёс на мое имя такую огромную кучу писем, что они не входили в почтовый ящик нашей двери (115). Интересно, что в тот самый момент, когда я рассказывал жене утренний сон, в котором я видел, что мне принесли столько писем, что они не входили в ящик, раздался звонок в передней и почтальон передал прислуге кучу писем в ответ на моё воззвание.

Сотни людей писали, желая войти пайщиками в газету, среди них – <как> простые смертные, <так> и бывшие министры, <и> видные общественные деятели.

Довольно любопытно, что моё воззвание было перепечатано в Москве черносотенным доктором Дубровиным и на улицах раздавалось прохожим на больших печатных листах. Этот правый монархист создал позднее известную реакционную партию «Русского народа», взяв, таким образом, для нее название задуманной мною газеты (116). Само собой разумеется, что я был совершенно другого политического направления как член прогрессивной партии октябристов, стоявшей за ограничение монархии и проведение социальных реформ (117).

[115. В архиве Л.Л. Толстого сохранилось несколько писем в поддержку данной инициативы. 5 марта 1905 года Л.Л. Толстой сообщил родным:

«Милая мамá, пока слишком занят, чтобы приехать. <...> Получаю десятки писем ежедневно. Многие прекрасные и сочувственные, другие нет, хотя последних мало, два-три. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14325. Л. 1. Автограф.

Об интенсивности потока писем потенциальных пайщиков свидетельствует отчет добровольных помощниц Л.Л. Толстого: на 13 марта 1905 года было 90 писем, к 23 апреля 1905 года их было уже 147. – ИРЛИ, ф. 303, № 158. Л. 1 7 (см. также ниже примеч. 119).

116. Один из основателей и председатель главного совета монархической черносотенной организации «Союз русского народа», в недавнем прошлом – статский советник и детский врач, Александр Иванович Дубровин (1855-1921) в декабре 1905 года начал издавать газету «Русское знамя».

117. Высочайший Манифест 17-го октября 1905 года был вынужденной мерой, на которую Николай II согласился после начала Всероссийской стачки. Согласно этому документу, в России наступало новое время: время усовершенствования государственного порядка. Были обещаны неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов, а также амнистия политзаключенных, созыв законодательной думы, избранной всем народом.

Накануне этого события Л.Л. Толстой отправил в Ясную Поляну письмо с подробным рассказом о текущем моменте и о том, под каким давлением разных слоев общества – демократических и реакционных – действовала власть.

«16 октября 1905 г<ода>

Петербург

Милая мамá, пишу Вам в разгар нашей „революции“, как многие называют переживаемое время. „Революция“ ли? Не думаю. Просто остановка, обрыв жизни вследствие прекращения войны, что я считаю большой полит<ической> ошибкой. Вы на это возмутитесь, но вдумайтесь глубже, представьте себе продолжение войны и, наконец, наша победа. Тогда ничего подобного бы не было. Был бы подъем жизни вместо падения ее. У нас все стоит. Ни газет, ни электричества, ни поездов, ни конок, ни торговли, ни молока детям, ни писем ниоткуда. На улицах мрак, ходят толпы оборванцев, много пьяных, разъезжают войска, тоже неряшливого, распущенного вида.

Сегодня воскресенье, и теперь вечером жутко выйти на улицу. Ходят казаки по нашему тротуару, проходят пьяные, грубые шутки и распущенность всеобщая. Чем все это кончится, трудно сказать. Я

надеюсь, что на этих днях все восстановится. От Вас мы отрезаны, и Бог знает, что у Вас. Если бы наша современная жизнь была устроена иначе, если бы не было ни войска, ни собственности, ни городов, ни правительства, – конечно, тогда зачем же война. Но когда наша жизнь – борьба, а ее прекращают, как с этой войной, тогда начинается и разгорается борьба в другом месте, – внутренняя война. Она была и началась у нас и во время войны, и до нее, но теперь, конечно, примет гораздо более грозные формы потому, что раньше, во время войны, боролась <одна> государственная единица с другой такой же. Теперь, когда наша государственная единица признала свою слабость, началась борьба внутри <н>ее для ее усиления и перестройки. Это бы пришло само собой и сделалось бы легче, естественнее и скорее с продолжением войны, чем теперь, когда война прекращена. И кто знает, м<ожет> б<ыть>, наша государственная машина не обнаружила бы столько слабости, если бы в нее верили и продолжали войну. Я уверен в этом.

Все это очень тяжело. Живут все, как угорелые, бегут, сами не знают куда, и все кончается обжорством, или пьянством, или чем-нибудь в этом роде. „Митинги“ и речи на них – тоже пьянство, не говоря уже о дурацких разговорах в салонах. Надо ждать терпеливо, что будет. Вчера <было> новолуние, на которое я надеюсь.

Мы здоровы. Я ничего не пишу, столярничаю, делаю кое-какие дела по складу и изданиям, скучаю по умственному и дерев<енскому> досугу и одиночеству. Время идет медленно. Сегодня был у Трепова по делу. У него родилась внучка. Петю Глебова не застал. Мало еще видаю друзей. Все в угаре от солнечных пятен, вероятно. Когда-то Бог поможет их загасить.

Целую.

Ваш Лев.

Напишите о Вас и когда это письмо придет». – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14345. Л. 1 2 об. Автограф.

...ни конок ... – то есть, конно-железных дорог, по которым вагоны возились лошадьми. – См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка... - Т. II. С. 156.

Дмитрий Фёдорович Трепов (1855-1906) с января 1905 года генерал-губернатор и начальник Петербургского гарнизона, товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий отдельным корпусом жандармов, во время Всероссийской стачки 14 октября 1905 года отдавший знаменитый приказ войскам: «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». – См.: Извещение //Новое время. СПб., 14/27 октября 1905 года, № 10637. С. 1.

Пётр Владимирович Глебов (1879-1922) – брат Александры Владимировны Толстой (урожд. Глебовой; 1880-1967), жены М. Л. Толстого.

Появление Высочайшего Манифеста 17 го октября 1905 года вызвало невиданный подъём духа в разных слоях общества. Даже Всероссийская стачка через несколько дней прекратилась. 21 октября 1905 года Л. Л. Толстой смог успокоить родных: «<...> У нас сегодня в 2 часа стачка кончается. Столько пережили за это время, что всё рассказать невозможно. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14346. Л. 1 об. Автограф.

Через несколько дней, 25 октября 1905 года он добавил: «<...> У нас жизнь успокаивается. Все берутся за запущенные дела. В правительств<енных> сферах кипит работа. Очень надеюсь, что дело не дойдёт до настоящей резни и революции. Довольно. <...> Видаю многих и последнее время все в каком-то шальном возбуждении. <...>» – Там же , № 14347. Л. 1 об. Автограф.

Л.Л. Толстой и сам находился «в каком-то шальном возбуждении», которое, впрочем, сменилось недоумением и тревогой.

И тогда Л.Л. Толстой напрямую обратился за помощью и советом к отцу, с которым у него весьма осложнились отношения из-за несходства политических и общественных взглядов на современную ситуацию в стране. Во время двух приездов в Ясную Поляну 9-12 апреля и 21 июня - 12 июля 1905 года разговора не получилось. – См. об этом подробнее: Маковицкий Д.П. У Толстого... - Кн. 1. - С. 240 243, 320 343, 519. См. также: Сын и отец ... //Лица ... - Т. 4. - С. 224 225.

Тем не менее, в самый разгар драматических событий Л.Л. Толстой написал большое письмо отцу.

«28 ноября <19>05 г<ода

Петербург>

Милый и дорогой папá,

пишу тебе, чтобы поговорить с тобой и отвести душу. Что у нас делается? Что у нас готовится? Ты не можешь себе представить, до какой степени сильно, стихийно и непоборимо то движение, что захватило теперь Россию. Впрочем, ты можешь себе представить его, но ты его не видишь так близко и ярко, как делаю это я, живя здесь. На улицах и в писчебумажных магазинах, по случаю свободы печати, продаются открыто порнографические картины и силуэты, которые раскупают гимназисты в свободные от „революционной деятельности“ часы. В театрах представляются народные грубые, безобразные бунты, глядя на которые хочется бежать („Дети Солнца“, „Евреи“, „Дачники“ и т.д.).

Учебные заведения закрыты или в них собираются митинги и переписываются десятилетними девочками русские „Марсельезы“ со словами:

„Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Бей их, злодеев проклятых“ и т.д.

В городских аудиториях собрания и митинги союзов и обществ, на которых требуется демокр<атическая> республика.

Сейчас идут страшно интересные собрания рабочих - железнодорожников и переплётчиков в Соляном городке, на которые я зашёл. В буржуазных домах – страх и пустые разговоры, но карты по-прежнему. В войсках брожение и глупое недовольство. Наверху философское и беспомощное бездействие, сравнительно с быстротой движения и жизни. Трудно жить. Бога нигде не видно, не только Бога, но даже попыток искать и найти Его.

Какое-то повальное озверение и распущенность. Ничто не свято – ни семья, ни нравственность, ни честь, ни труд, ни даже разум. Трудно не только жить по-настоящему, но выжидать и не делать глупостей и гадостей. Сейчас, глядя на толпы в несколько тысяч рабочих и пропуская мимо себя бесконечный поток входивших в Соляной городок грубых, возбужденных, сильных рабочих людей, слушая властные их голоса: „Билеты, товарищи! Товарищи, за дело!“ – я понял, какая это стихийная сила, с которой никому не справиться. Это тот самый демос, который и создает республику, несмотря на то, что народ, крестьяне её, м<ожет> б<ыть>, и не желают. Что можно говорить им? Они ничего не послушают. Им только одно нужно – это получить их право считаться и быть людьми. И они добьются этого. Добьются несомненно, как добились теперешнего права собираться на свои собрания. Всё бы это было прекрасно, если бы не принцип насилия, доведший уже их до открытого провозглашения и воззвания к всеобщему вооружённому восстанию, до того, что здесь нет рабочего теперь, у которого бы не было оружия, ножа или револьвера. Как ты относишься ко всему этому и что ты пишешь и думаешь? Хотелось бы повидать вас, но как уехать теперь от семьи?

Может быть, ты напишешь мне два слова в утешение и в совет. Чувствую себя совершенно беспомощным перед надвигающейся грозой. Иногда кажется, что она минует. Но этому не бывать, как не бывать уже многому старому. И то старое, что еще держится, не отпадет без крови и страданий. Целую вас. Благодарю Таню и мамá за письма, которые только что получил сегодня. Благодарю также Ханса за ответ. Дора и дети здоровы.

Твой Лев».

– ОР ГМТ. Архив Л.Н. Толстого. Т.с. 108/12 , № 75. Л. 1 3. Автограф.

Премьера пьесы М. Горького «Дети Солнца» состоялась на сцене Драматического театра В.Ф. Комиссаржевской 12 октября 1905 года. – См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького : В 4-х выпусках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 1. С. 554.

23 ноября 1905 года Новый театр поставил пьесу Евгения Николаевича Чирикова (1864-1932) «Евреи». – См. о ней: Театр и искусство. СПб., 1905, № 48. С. 740; 1906, № 3. С. 43-45.

Несколько раньше, 10 ноября 1904 года Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской поставил пьесу М. Горького «Дачники». – См.: Наша жизнь. СПб., 12 ноября 1904 года, № 7. С. 3.

...русская «Марсельеза »... – эта песня получила распространение в 80-х годах XIX века, через сто лет спустя после ее создания французским поэтом Клодом Жозефом Руже де Лилем (Rouget de Lisle; 1760-1836) в 1792 году. В течение ноября 1905 года в учебных заведениях Петербурга неоднократно проходили митинги и собрания, на которых – среди других песен – звучал и гимн французской революции, в измененном виде приспособленный к условиям России. – См.: Наша жизнь. СПб., 10 ноября 1905 года, № 9. С. 5. См. также: Песни революции и свободы. М., 1917. Вып. I. С. 14-21.

...письма, кот<орые> только что получили сегодня... – письма Т.Л. Сухотиной-Толстой от 15 ноября и С.А. Толстой от 18 ноября 1905 года, судя по почтовому штемпелю получателя, пришли в Петербург одновременно, 27 ноября 1905 года. – ИРЛИ, ф. 303, № 684. Л. 31 33 об.; № 696. Л. 45 46.

Антон Денисович Ханс – садовник в Ясной Поляне.

Как октябрист и член влиятельного городского петербургского комитета, я мог попасть сам в Третью Думу (118) и был кандидатом в неё, но когда я увидел, что по составу своему наша партия была слишком слаба, я послал в центральный комитет заявление, что оставляю ее и бросаю всякую политическую деятельность.

Особенно разочаровал меня тогда русско-японский позорный мир. Заключение его было не только не нужно, но <стало> началом всего того хаоса, в который попала Россия и который продолжается в ней до сих пор.

Рядом с этим <и> пайщики задуманной мной газеты не достаточно поддержали меня (119). Когда же я серьёзно стал добиваться помощи правительства, оно отступило назад и взяло обратно своё предложение предоставить мне для печатанья газеты государственную типографию.

В то же время все левые партии с остервенением восстали против меня, а революционеры грозили смертью. За мои статьи в «Новом времени» я сделался для них опасным реакционером, и в анонимных письмах они писали, что «если я, такой-сякой, дурной и подлый сын великого отца, буду продолжать действовать против них, то они без разговоров отправят меня на тот свет» (120).

[118. Убеждённый сторонник Земского Собора, Л. Л. Толстой восторженно принял Высочайший рескрипт о созыве совещательной Думы:

«Весна, весна близко. Весна в природе и в русской жизни, с солнцем, светом и теплом.

Слишком поздно, чтобы ещё писать сегодня. Пишу поздно ночью только для того, чтобы помочь, как умею, разъяснению великого события, какое переживаем, чтобы рассеять недоверие, чтобы сплотить всех в песнях, в криках радости и восторга, вместо плача и печали. Мы накануне величайшего обновления, будем радоваться ему, чтобы оно действительно настало, чтобы оно явилось чистым и глубоким. ...» – См.: Толстой Л.Л. Мысли и жизнь // Новое время. СПб., 19 февраля/4 марта 1905 года, № 10402. С. 4 (см. также выше примеч. 94).

Его активная натура жаждала деятельности. Отец был занят корректурой повести «Божеское и человеческое» и написанием статьи «Конец века». – ПСС. Т. 36. С. 267 - 275; Т. 89. С. 25 - 29.

В ожидании вестей из Ясной Поляны, Л.Л. Толстой осенью 1905 года включился в политическую жизнь столицы, в том числе и в строительство Первой Государственной Думы. 11 декабря 1905 года он писал матери: «<...> Я стал принимать участие в разных собраниях, и это интересно. Состою членом партий 17 го окт<ября> и правового порядка и езжу на заседания. Много слов, мало дела, хотя кое-что и делается. Главный интерес, конечно, – подготовка Государств<енной> Думы, знакомство с могущими попасть в неё членами, подготовка программы её деятельности. Я лично, конечно, имею мало шансов попасть в неё, хотя в выборники, м<ожет> б<ыть>, и попаду, не стремясь особенно к этому. На заседании иногда говорю и особенно, когда дело касается близко и давно интересующих меня вопросов. Намечено для Думы много. Что она сделает, увидим. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14348. Л. 1 1 об. Автограф.

В архиве Л.Л. Толстого сохранились документы «Союза 17 го октября», «Партии правового порядка» и «Прогрессивной экономической партии», членом которых он состоял с 1905 года. –

ИРЛИ, ф. 303, № 908. Л. 27, 31 32, 78-80 об. См. также: Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы 1905 - 1906 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 36, 43.

Через день, 13 декабря 1905 года Л.Л. Толстой в очередной раз обратился к Николаю II со своими новыми предложениями о переустройстве России. – См.: «Время идёт интереснейшее...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 142-144.

Через пять лет, после смерти отца и тяжёлых душевных потрясений (см. об этом ниже), Л.Л. Толстой вновь решил принять непосредственное участие в государственном строительстве. Осенью 1911 года в столице были назначены выборы депутата Третьей Государственной Думы от Петербурга взамен выбывшего коллеги.

На самом деле, у Л. Л. Толстого не было никаких шансов победить. Он вернулся в Россию незадолго до выборов и буквально накануне их, к удивлению горожан, разослал обращение к избирателям, в котором он напоминал о себе не только как о сыне Великого Толстого, но и домовладельце, собственнике просветительного книжного дела, кандидате, не зависимом ни от какой-либо политической партии. В случае своего избрания в Государственную Думу, Л. Л. Толстой обещал содействовать решению трёх важнейших, с его точки зрения, проблем: усиление роли церкви в жизни России; начальное обучение детей и народная трезвость. – См.: Накануне выборов депутата от Петербурга // Биржевые ведомости : Иллюстрир. ежедневная полит., обществ. и лит. газета: Утренний выпуск. СПб., 6/18 октября 1911 года, № 12567. С. 5.

В воскресенье, 7 октября 1911 года за самовыдвиженца Л.Л. Толстого проголосовал 21 избиратель (для сравнения: за победителя было отдано 754 голоса; за другого кандидата – 423). – Там же : Вечерний выпуск. СПб., 8/21 октября 1911 года, № 12572. С. 3.

Через день газета опубликовала письмо Л.Л. Толстого, в котором он объяснял логику своих действий и при этом сослался на мнение отца: «... Я решился выставить теперь мою кандидатуру, зная вперёд, что я не получу больше 2-3 голосов (поданные за меня 21 голос превзошли мои ожидания), и искренне считая политические партии большим вредом для нашей общественной и государственной жизни и желая подчеркнуть это. Мой покойный отец не мог говорить о политических партиях без насмешки. Думаю, что в этом отношении его лежала глубокая правда.

... Моя единичная попытка была направлена исключительно для возбуждения этого вопроса. ...». – См.: После борьбы: Письма в редакцию // Там же. СПб., 10/23 октября 1911 года, № 12574. С. 3.

119. Импульсивный по своей натуре, Л.Л. Толстой не умел и не хотел ждать. 21 апреля 1905 года он вновь отправил «Письмо в редакцию», в котором поблагодарил читателей за сочувственный отклик и присланные деньги. К этому времени их было более 29 тысяч, но для издания, которое могло бы соперничать с ведущими столичными газетами, этого было мало. «Если наберется, как я сказал вначале, паёв на 50.000 рублей, с будущей осени и года газета может появиться. ... Мы будем стараться говорить языком искренним и понятным всякому и то, что нужно. ... Разве не дело величайшей важности всем нам узнать, понять и полюбить друг друга?!» – См.: Новое время. СПб., 2/15 мая 1905 года, № 10474. С. 3.

Необходимая сумма могла быть собрана гораздо раньше: на 22 июня 1905 года паев было заявлено на 45.647 рублей. – ИРЛИ , ф. 303, № 156. Л. 9-10 об. Помощники Л.Л. Толстого предлагали: «<...>надо бы уже начинать дело<...>». – Там же. Л. 9. Автограф.

Однако именно в этот момент Л.Л. Толстой потерял всякий интерес к своей же инициативе и в новом «Письме в редакцию» 31 августа 1905 года отказался брать на себя ответственность по изданию газеты. При этом он подчеркнул, что деньги, присланные потенциальными пайщиками, могут – в случае их согласия – быть употреблены на народные библиотеки. – См.: Новое время. СПб., 1/14 сентября 1905 года, № 10596. С. 5.

Возможно, что и в этом случае Л.Л. Толстой бессознательно поступил так же, как и его отец. В начале 1898 года Л.Н. Толстой обдумывал выпуск деревенской газеты для народа. 21 января 1898 года С.А. Толстая записала: «... Весь день идут у нас с Соней Мамоновой и Львом Николаевичем разговоры о деревенской газете для народа. Цель газеты – дать интересное чтение народу. ... Лев Николаевич так увлекся этой мыслью, что выписал Сытина (издателя народных книг и картин), чтоб поговорить о материальной стороне дела. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 343.

Софья Эммануиловна Дмитриева-Мамонова (1860-1946) – художница, подруга Т.Л. Толстой; помогала в переписывании сочинений Л.Н. Толстого.

Иван Дмитриевич Сытин (1851 - 1934) – издатель и книготорговец; в его типографии печатались книги и брошюры издательства «Посредник».

Издание деревенской газеты для народа не состоялось.

120. Документов с прямыми угрозами физического устранения в архиве Л.Л. Толстого нет. Но сохранились письма, авторы которых действительно пытались воздействовать на совесть именитого публициста в надежде, что она ещё сохранилась. Так, 13 марта 1905 года один из возмущённых читателей обратился к Л.Л. Толстому через редакцию «Нового времени»:

«Прочёл, г. Толстой-сын, вашу подленькую статейку в газете „Чего изволите“. Говорят, что у знаменитых отцов дети неудачники. Я понимаю, что ваш отец от старости может писать глу<пости> о либеральном движении в России, что у него не хватило силы воли помолчать о движении, которого он не понимает, но вы, сынок, неужели вы не понимаете всей мерзости участия в подленьком издании такого негодяя, как Суворин. Ведь проповеди в такой газете если и вызывают восторги, то только разве что у самодержца-эпилептика, воров – вел<иких> князей и всей этой милой банды, грабящей русский народ<...>» – ИРЛИ, ф. 303, № 847. Л. 13 15. Машинопись. Конец письма не сохранился.

«Чего изволите» – так недоброжелатели называли газету А.С. Суворина «Новое время» за ее лояльность действующему правительству.

Письмо разгневанного читателя вызвано статьями Л.Л. Толстого из цикла «Мысли и жизнь», в которых доказывалась необходимость продолжения русско-японской войны. 3 марта 1905 года Л.Л. Толстой начал свою статью ошеломляющим утверждением: «Сохрани нас Боже от заключения мира». А неделю спустя он продолжил свою мысль: «... Россия настолько сильна, что она вновь двинется к океану и вновь прогонит с его берегов ослабленного войной с ней врага. Так будет дело в два, пять, десять, двадцать лет. Надо ясно сознать это и ясно, открыто сказать это всему народу». – См.: Новое время. СПб., 3/16 марта 1905 года, № 10414. С. 2-3; Там же, 10/23 марта 1905 года, № 10421. С. 3.

Кроме того, известно, что среди писем, отправленных Л.Л. Толстым в Ясную Поляну 5 марта 1905 года, было и письмо от революционеров. – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14325. Л. 1.

Куда более резко высказывались критики на страницах газет, оппозиционных «Новому времени». «Граф Л.Л. Толстой положительно хочет еще при жизни затмить славу великого отца. ...

Молодой Л.Л. Толстой после остервенелой проповеди вегетарианства и радостей жизни (понимаемых им иначе, чем отцом) ударился в свирепый шовинизм. ...

Все это – “герои безвременья”, слишком затянувшихся “общественных сумерек”.

Взойдёт солнце – исчезнут сами собой все эти удушливые, вредные испарения гнилого, стоячего болота...» – См.: Отклики // Биржевые ведомости : Утренний выпуск. СПб., 8/21 июня 1905 года, № 8863. С. 2. Статья опубликована под псевдонимом “Мирской”].

Один такой революционер поселился в моем доме и приходил ко мне без всякой видимой надобности. Я любезно принял его, не зная, что, в сущности, ему нужно

было. Он ушёл, не совсем убеждённый в моём мракобесии.

В те дни ко мне однажды кто-то протелефонировал по таинственному делу и назначил свидание. Меня приглашали вступить в ряды русских масонов, от чего я категорически отказался, сказав, что мои взгляды препятствовали мне участвовать в какой-либо тайной организации.

Вся эта беспокойная деятельность стала мне не по душе. Я понял, что надо было или совсем отдаться ей и жертвовать для неё всем, даже жизнью, или совсем не касаться её. Я предпочёл второе, о чём теперь, после долгого жизненного опыта, глубоко сожалею.

Вместо политики я увлёкся театром и написал ряд пьес, которые шли в Петербурге, Москве и провинции.

В моих пьесах, как и других писаниях, я не искал одобрения известной клики или класса людей и не держался крайних, легких и легкомысленных идей.

В пьесе «Братья-помещики», например, действующие лица то говорят, что «Россия счастлива иметь столько евреев», то отзываются о них с насмешкой и презрением (121).

[121. Пьеса Л.Л. Толстого «Братья-помещики» написана позднее (см. о ней выше примеч. 22). Её шумный успех в Петербурге в марте 1907 года в своей аудитории был вызван тем, что персонажи были узнаваемы, а проблемы – живыми, бурно обсуждавшимися в обществе. Собственная позиция автора пьесы была выражена в словах управляющего, немца Густава Федоровича: «Вам нужны три вещи: просвещение, закон и любовь к родине».

Л.Н. Толстой не признавал у сына драматургического таланта и в разговоре со своим молодым помощником, Н.Н. Гусевым (см. о нем в примеч. 9 к Главе 1 Книги I), назвал его «черносотенцем». – ПСС. Т. 56. С. 551].

Русские евреи никак не могли мне простить, что не все мои герои расхваливали их и что я сам, конечно, не находил их совершенными.

Иногда я собирал друзей у себя на Таврической и читал им мои пьесы. Приезжал и Репин, с которым я

был в тесной дружбе (122). Ему понравилась моя пьеса «Один», которую я прочел гостям и в которой герой её, стараясь следовать идеям Толстого, остаётся на свете один. Эту пьесу начали репетировать в Петербурге, но почему-то отложили, и она никогда не была представлена (123).

[122. О дружбе Л.Л. Толстого с И.Е. Репиным см.: Абросимова В., Зорина С. Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным // Новый журнал. СПб., 1998, № 4. С. 147 - 171.

123. Драма в 4-х действиях «Один» напечатана в кн.: Толстой Л.Л. Драматические сочинения... Т. 1. С. 147-169.

Из писем режиссера Малого театра Евтихия Павловича Карпова (1857 - 1926) автору пьесы от 13 и 15 января 1906 года известно, что она была назначена к постановке в 20-х числах января 1906 года. – ИРЛИ, ф. 303, № 342. Л. 1 - 4. Что помешало довести работу до конца, установить не удалось.

Отказ от постановки драмы «Один» Малым театром побудил Л.Л. Толстого устроить домашнее чтение её 28 января 1907 года, на котором присутствовал И.Е. Репин. – См.: Абросимова В., Зорина С. Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным // Новый журнал. СПб., 1998, № 4. С. 157 - 158.

Илья Ефимович Репин был одним из тех замечательных русских людей и талантов, говоривший про себя, что он не талант, а «только работник» (124). В нём было, может быть, меньше духовности, чем в Ге (125) и Крамском (126), но была настоящая русская сила и правда. Она создала «Запорожцев», «Ивана Грозного», «Бурлаков», «Не ждали» и многие другие первоклассные картины. Репин был умеренным либералом, какими были все интеллигентные русские люди той эпохи, но никто не ненавидел больше него всё недодуманное, как коммунизм и, может быть, отчасти толстовство. Он обожал отца и преклонялся перед ним как художником, но относился с лёгким снисхождением к его идеям. Не раз он кратко и скромно, но твёрдо и убедительно возражал ему со смешком, говоря своим густым внутренним голосом: «Нет, Лев Николаевич, это не так, не так» (127).

[124. И.Е. Репин, действительно, считал себя всего лишь тружеником в искусстве. – См.: Репин И.Е. Из моих общений с Л.Н. Толстым // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников ... Т. 1. С. 489.

В августе 1887 года он написал портрет Л.Н. Толстого, который, по словам родных, был наиболее удачен. Т.Л. Толстая так оценила его в письме своей подруге Елизавете Адамовне Олсуфьевой (1857 - 1898): «... Сегодня уже вся голова написана, и чудно, и по мастерству, и по выражению. Он (Репин. – В.А.) сумел поймать то доброе, мягкое выражение, которое у папá бывает и которое ни Ге, ни Крамской не сумели передать». – Цит. по кн.: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 545.

125. Н.Н. Ге был тем художником, чьи взгляды на искусство были близки Толстому (см. о нем примеч. 54 57 к Главе 13 Книги I).

126. Иван Николаевич Крамской (1837 - 1887) был автором первого живописного портрета Л.Н. Толстого, над которым художник работал осенью 1873 года. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 501.

Беседы с Крамским не прошли бесследно и для Л.Н. Толстого. Во всяком случае, И.Е. Репин находил черты Крамского в образе художника Михайлова в романе Толстого «Анна Каренина». – Там же. С. 558.

127. Разногласия касались прежде всего взглядов на искусство. Один из сходных эпизодов – в записи художника – см. в кн.: Репин И.Е. Дал`кое и близкое. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 366 367. См. также: Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников ... Т. 1. С. 480 481].

В моём беженстве я изредка переписывался с Репиным, и вот одно из его характерных писем:

«Милый, дорогой Лев Львович,

как хорошо весной и на Пасхе получать Ваши письма (128). В них столько таланту, столько блеску.

О, Толстые!

От Апостолова я получил книгу: „Живой Толстой“ (129). Сколько там жизни! – Даже присные Бирюков (130), Гусев (131) и другие – хорошие люди, причастные к Толстым, кажутся родными; книга захватывающего, живого интереса; читается и перечитывается без конца. Но её несчастье, – проклятие, – рабство пролетариата:

новая орфография – это невыносимая гнусность невежества, безвкусица и неудобство для чтения!..

И эта гадость всё ещё держится! И есть люди, которые поддерживают новые издания этой безграмотности и никому не нужные неудобства чтения! Какое безобразие без буквы Ѣ [!]

[!] Сколько крови испортило мне это невежество!!! Понижение.... Когда же сожгут всё это холопское упражнение в культуре? (132)

Как скоро человек привыкает к мерзости!

И как долго он держится за нее!!!

Подлый раб! ... и т.д.

Простите.

Ваш Илья Репин»(133).

[128. Это письмо является ответом на неизвестное обращение Л.Л. Толстого. Оно условно датируется маем 1930 года. – См.: Абросимова В., Зорина С. Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным // Новый журнал. СПб., 1998. № 4. С. 171.

129. Критик Николай Николаевич Арденс (псевд. Апостолов; 1890 1974) предпринял первую попытку собрать воедино важнейшие мемуарные свидетельства о великом писателе. – См.: Апостолов Н.Н. Живой Толстой: Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. М., 1928 (переизд. – М.: Аграф, 2001).

130. И.Е. Репин, безусловно, знал исследование П.И. Бирюкова (см. примеч. 114 к Главе 6 Книги I), друга и единомышленника Толстого, которое неоднократно переиздавалось. – См.: Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого: В 4 х томах. 3 е изд. М.; Пг.: Госиздат, 1923.

131. И.Е. Репин имеет в виду недавнюю публикацию расширенного издания книги: Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым: Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого: 1907-1908 год. 2-е изд., значительно испр. и доп. М., 1928.

132. В мае 1917 года Академия наук завершила реформу правописания, но только Декретом от 10 ноября 1918 года новые правила были узаконены. В большинстве своём старая русская интеллигенция не приняла новую орфографию.

Упразднение буквы Ѣ вызывало особое негодование И.Е. Репина. Известно, что 19 июля 1923 года в письме Корнею Ивановичу

Чуковскому (настоящее имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882 - 1969) он дал согласие на публикацию своих воспоминаний «Бурлаки на Волге» только при условии сохранения старого правописания. – См.: Репин И. Избранные письма: В 2-х томах. М.: Искусство, 1969. Т. 2. С. 337-338.

133. Это письмо опубликовано. – См.: Абросимова В., Зорина С. Переписка Л.Л. Толстого с Н.Б. Нордман и И.Е. Репиным // Новый журнал. СПб., 1998. № 4. С. 171].

Он был истинным моим другом, всегда называл меня «милым» и многому научил меня.

В другом письме он называет меня «всё тем же завоевателем», в смысле завоевания идей (134). Он выразил этим именно то, что составляет весь смысл и всю радость моей жизни.

Путём горького опыта я завоевал мои убеждения и мысли, которые представляют для меня неиссякаемое богатство и которое никто никогда не сможет отнять у меня.

Может быть, в будущем оно обогатит и других.

Я слишком много думаю о себе?

Нет. Я хочу блага людям, зная больше других, в чём оно (135).

[134. Письмо с таким именно отношением к Л.Л. Толстому неизвестно. Из сохранившихся документов ближе всего к тональности цитируемых слов восторженное послание И.Е. Репина от 8 апреля 1907 года: «... Мне кажется, что Вы у нас теперь самый сильный драматург. ...избранный человек... брат Прометея... Верю только в Ваш гений (который, как ни отпирайтесь) выведет Вас на светлую, широкую дорогу, которая всё яснее и яснее видна бедному человечеству и собирает его на радость и счастье жизни!..» – Там же. С. 159.

135. См. Книгу III «Lungarno» и прочтите мою книгу о мире и против войны «Action Morale». – Примеч. Л.Л. Толстого.

Это сочинение Л.Л. Толстого неизвестно].

Глава 4

Скульптура и отъезд в Париж.

Первые встречи с «Францией»

Проводя почти каждое лето в Halmbyboda, шведском имении Вестерлунда в Упландии, я всё же сильно скучал по России, особенно когда литературная работа не шла и я чувствовал, что окружавшие меня условия мне были неблагоприятны во многих отношениях. Семья моей жены была мало развита и мало интеллигентна, особенно в литературном смысле, и мне не хватало духовной и умственной атмосферы, к которой я привык в Ясной. Вот выражение такой моей тоски в одном из моих стихотворений тех годов:

Я всё один, окно раскрыто,
И ветер за окном шумит,
Мне грустно, столько пережито,
И на душе тоска щемит.
Чем жить? Скажи мне, ветер южный.
Как мыслить? Ты, небес простор!
Скажи мне в этот час досужный
И ты, шумящий, старый бор.
Ответа нет, гудит дубрава,
Сосна и ель иглой шуршат.
Ответа нет, – в душе отрава,
И цепи узника гремят.

Летом 1909 года в Halmbyboda я дошёл до такой степени неудовлетворённости и нервности, что в одно прекрасное утро стал вместо писания лепить из глины всё, что приходило мне в голову (136).

Началось с того, что из соседней канавы я вырыл синей глины, чтобы занять детей, но, вылепив им куклу, я сам увлёкся, и это занятие как будто успокаивало меня – прежде всего, с физической стороны.

Сначала я сделал голову русского солдата, потом Пушкина (137) в юности, наконец, целый бюст в натуральную величину маленького Эрнста Сел< ь >мера, племянника Доры. А когда я сделал голову старика

Эклунда, плотника в Halmbyboda, а затем голову Эмерсона (138), я увидел сам, что к этому искусству у меня были способности, которые, может быть, стоило развить.

Что если выучиться этому ремеслу как следует? Поехать со всей семьёй в Париж, поступить там в Академию и, несмотря на мои сорок лет, сделаться известным скульптором? (139)

Я ухватился за эту мысль и осенью 1909 года уже усердно работал в одной частной парижской академии на Boulevard Raspail, которая называлась «Cercle International des Arts» (140), так как академия Julien еще не была открыта (141).

[136. Л.Л. Толстой ошибся: лепить он начал летом 1908 года. Чувство неудовлетворенности давно уже отравляло ему жизнь в Петербурге. Незадолго до отъезда в Швецию, 25 апреля 1908 года он писал С.А. Толстой:

«<...> Мы едем, вероятно, 22 го мая. Я понемногу устраиваю дела на лето. Как<-то> всю эту зиму не могу заниматься потому, что условия совершенно не подходят настроению. Хочется начать что-нибудь более серьёзное и крупное, а жизнь треплет. В газетах писать не хочу потому, что не стоит и негде. Мечтаю всё о своём журнале, но и это нельзя начать теперь, весной и без денег. Вообще чувствую какой-то перелом в моей жизни, не знаю уже, куда клонящейся. Хотелось бы думать, что к лучшему, но с внешней стороны пока этого не заметно, т.е. в смысле результатов деятельности что ли. Она, напротив, ослабела, как никогда. Держусь правила поменьше делать дурного в эти периоды и ждать. Насильно мил не будешь не только другим, но особенно себе. Ну, до свидания. Целую всех вас, включая милых Тань.

Ваш Лев».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14409. Л. 2 2 об. Автограф.

...милых Тань – Т.Л. Сухотину-Толстую и ее дочь, полуторагодовалую Танечку (Татьяну Михайловну Сухотину; род. 6 ноября 1905 года).

Накануне отъезда, 22 мая 1908 года он уточнил: «<...> Уезжаем завтра и грустно мне в этом году покидать Россию. <...> Папá передайте побольше от меня того, что есть во мне, если есть, самого лучшего». – Там же , № 14412. Л. 1 1 об. Автограф.

А через два месяца в Ясную Поляну, где уже готовились к юбилею Л.Н. Толстого и к приезду большого числа родных и гостей, ушло письмо, в котором Л.Л. Толстой впервые упомянул о новом своём занятии. Интересен, на мой взгляд, и контекст письма от 31 июля (нового стиля) 1908 года:

«Милая мамá, как теперь с ногой папá? Встал ли он, и прошло ли воспаление? <...> У нас всё по-старому. <...>

Сегодня было письмо от жены Павла Трубецкого, которая извещает, что она с мужем в Стокгольме. Я завтра еду с ними повидаться и рад увидеть друга Павла. Мы как раз думали о<б> их парижской жизни. Они едут в П<етербур>г, вероятно, на открытие памятника. Вероятно, доедут и до вас. <...>

Дети здоровы. Днём играют и лепят из глины. <...> Вместе с детьми я попробовал лепить из глины, и кое-что у меня выходило, не хуже, чем у вас. У меня, кажется, есть к этому способности. Это очень весело. Я начал большой бюст Эрнста, но на 3-ий день испортил от досады всё, а было похоже. <...>» – Там же , № 14418. Л. 1 3. Автограф.

О П.П. Трубецком и его жене Элин см. примеч. 142 к Главе 19 Книги I.

...о<б> их парижской жизни... – в 1906 году Трубецкие окончательно переехали в Париж и бывали в России наездами.

Общение с Паоло Трубецким явно подталкивало Л.Л. Толстого к занятиям лепкой. 7 августа (нового стиля) 1908 года он сообщил С.А. Толстой: «<...> У нас пока ничего нового. Видел я Трубецкого в Стокгольме. <...> Продолжаю лепить из глины, только никто не хочет позировать». – Там же , № 14419. Л. 1 об. Автограф.

Открытие памятника Александру III, над которым П.П. Трубецкой работал два года и который сразу же был назван скандальной неудачей талантливого скульптора, состоялось в Петербурге 23 мая/5 июня 1909 года. – См.: Прокофьев В. Открытие памятника Александру III//Новое время. СПб., 24 мая/6 июня 1909 года, № 11923. С. 4; Меньшиков М. Величие и вульгарность //Там же , 28 мая/10 июня 1909 года, № 11927. С. 3. См. также: Шапошникова Л.П. Памятник Александру III работы П.П. Трубецкого //Павел Петрович Трубецкой : Выставка произведений к 125 летию со дня рождения... С. 42 - 53.

Эрнст Сельмер – 18 тилетний племянник Д.Ф. Толстой (см. о нём в примеч. 80 к Главе 15 Книги I). В письме от 12 июля/29 июня 1908 года Л.Л. Толстой писал, что Эрнст «<...>стал студентом, кончив с

отличием первым за 4 года в школе<...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14415. Л. 2 об. Автограф.

17 сентября (нового стиля) 1908 года Л.Л. Толстой не без гордости мог уже дать своеобразный отчёт о занятиях новым видом искусства: «<...> Так как я увлекаюсь лепкой, то и они (дети. – *В.А.*) всё делают из „<г>лины“ всякие вещи, а Кита вчера даже сделал дедушку Льва Николаевича – очень недурно – и страшно гордился своей работой. У него есть способности к искусству. Я вылепил большой бюст папá, не хуже Ге и Репина, но сегодня его сломал, так как плохая глина высохла и потрескалась. Хорошей глины я ещё не заслужил.

Посылаю Вам фотографию моих „великих произведений“ в скульптуре. Две белые вещицы сделаны из хорошей белой глины, остальные из здешней, – дрянной. Сзади „Этюд“, изображающий двух городовых, ведущих „политическую“. Слева „китаец на молитве“, справа „русский солдат“. Впереди „лежащая баба“, за ней две девочки в Halmbyboda , потом „бюстик“ тетки Доры G öth ’ы. Жаль, что я не сделал фотографий с бюстов Вестерлунда и папá, которые оба были очень похожи. Но всё хочется лучше и лучше, и я их уничтожил.

Как видите, литература на время оставлена, а на место её скульптура.

Послезавтра поеду в Стокгольм за глиной<...>» – Там же , № 14425. Л. 1 об.3. Автограф. К письму приложена фотография, о которой говорит Л.Л. Толстой.

...не хуже Ге и Репина ... – бюст Н.Н. Ге 1890 года Л.Н. Толстой и члены его семьи считали исключительно удачным. – См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания... С. 265, 446, 466.

Вслед за Н.Н. Ге, летом 1891 года И.Е. Репин, кроме нескольких картин, сделал ещё и бюст Л.Н. Толстого, который понравился писателю меньше, чем названный выше бюст Н.Н. Ге. – ПСС. Т. 66. С. 24. См. также: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 199.

...Посылаю Вам фотографию... – С.А. Толстая 27 сентября (ст. стиля) 1908 года начала свой ответ сыну так: «Получила я твое длинное письмо, милый Лева, с<о> снимками с твоей скульптуры. Мне трудно судить о твоей работе, но кажется так: выразительные фигуры и лица, но несоразмерны пропорции. Ведь чтоб серьезно лепить, надо знать анатомию и знать хорошо. То же и для портретов. <...>» – ИРЛИ , ф. 303, № 687. Л. 44. Автограф.

Увлечение Л.Л. Толстого скульптурой не пропало и по возвращении в Петербург в конце октября 1908 года. См. его

телеграмму из Петербурга от 29 октября (ст. стиля) 1908 года. – ОР *ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14427. Л. 1.

137. В письмах родным Л.Л. Толстой не упоминал о том, что он лепил Пушкина. Возможно, он не был удовлетворён этой работой и хотел к ней вернулся позже. Она сохранилась в шведском доме Толстых.

В первой половине 1909 года, т.е. до отъезда в Париж , Л.Л. Толстой называл три других работы.

20 марта 1909 года он писал о том, что лепил депутата Третьей Государственной Думы Михаила Дмитриевича Челышева (1866-1915). – Там же , № 14449. Л. 1 об.

27 марта 1909 года Л.Л. Толстой уточнил: «<...> Лепил теперь даму – поэтессу Гриневскую, автора „Баба“. Она охотно позировала. На 2-ом сеансе было очень похоже и хорошо. На 3-м испортил. Челышев мой не докончен, но похож. Кончу на Фоминой <неделе...>». – Там же, № 14450. Л. 1 об. Автограф.

Изабелла Аркадьевна Гриневская (1864-1942) – поэт, переводчица, исследовательница Востока. – См.: Гриневская И. Баб: Драматическая поэма из истории Персии. СПб., 1903.

Вождь религиозного движения в Персии *Али Мохаммед Сейид* (1820-1850), объявивший себя Бабом , т.е. «вратами», через которые должна передаваться воля пророка-избавителя (махди). Проповеди Баба против феодальных порядков привлекли к нему многочисленных последователей, которые в 1848-1852 годах вели борьбу за власть. По приказу шаха за свои убеждения предводитель восставших Баб был расстрелян. – См. о нём и его последователях также: Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 242, 411; Наживин И. Голоса народов. М., 1908. Вып. I. С. 16 64.

Л.Н. Толстой интересовался этой пьесой в связи с движением бабидов – последователей Баба. – ПСС. Т. 58. С. 64.

14 апреля 1909 года Л.Л. Толстой звал С.А. Толстую посмотреть три его работы: «<...> Начал целых три портрета. Приезжайте – покажу. Во 1 х – Челышев, во 2 х – поэтесса Гриневская, в 3-ьих – дворник Вася-татарин. <...>» – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14451. Л. 1 об.

...дворник Васятатарин... – вероятно, сын дворника Николая Кутушева (Бек Булата Ризепова). – *ИРЛИ*, ф. 303, № 389. Л. 29 об.

Бек Булат Кутушев, как он подписывался, был доверенным лицом Л.Л. Толстого. Сохранилось 42 его письма 1903-1914 годов. В одном из них 1 июня 1909 года дворник сообщил и интересную подробность, связанную с новым увлечением Л.Л. Толстого:

«<...>бюсты (из отливки. – *В.А.*) получил, за которые записал 12 руб<лей>, был у г. Челышева 31 мая, бюст его отнёс <ему> благополучно, за что <он> и благодарил Ваше Сиятельство, и г. Челышев кланяется <Вам. ...>» – Там же. Л. 27. *Автограф.*

138. Голова великого американского писателя и мыслителя Ральфа Уолдо Эмерсона (Emerson; 1803-1882) работы Л.Л. Толстого не сохранилась. Сведений о ней найти не удалось.

139. Принятие этого решения ускорилось ещё и потому, что в Петербурге началась холера. В апреле-мае 1909 года в газетах печатались сводки о количестве заболевших, умерших, выздоровевших и находящихся в больницах. – См.: Движение холеры // Новое время. СПб., 1/14 апреля 1909 года, № 11871. С. 4; Там же , 5/18 апреля 1909 года, № 11875. С. 5; и т.д. И хотя к концу мая ситуация как будто стабилизировалась, никто из специалистов-эпидемиологов не мог дать утешительных прогнозов. – См.: Холерный город // Там же, 30 мая/12 июня 1909 года, № 11929. С. 4. Заметка подписана криптонимом «Е.Ф.».

Отправив Д.Ф. Толстую с детьми в Швецию, Л.Л. Толстой в конце мая 1909 года приехал в Ясную Поляну. Первым делом он приступил к работе над бюстом Л.Н. Толстого. 28 мая 1909 года в ежедневнике С.А. Толстой лаконично записано: «Лёва прекрасно начал лепить бюст отца. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... - Т. 2. С. 285. Однако перед своим отъездом в Швецию Л.Л. Толстой разрушил бюст, который, по мнению С.А. Толстой, «<...>был очень хорош<...>». Так писала она сыну 26 июня (ст. стиля) 1909 года. – *ИРЛИ*, ф. 303, № 688. Л. 14 об. Автограф. См. также: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого... Т. I. С. 274; *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн. 3. С. 433, 454.

29 июня/12 июля 1909 года, сразу же по прибытии в имение Хальмбюбуда, Л.Л. Толстой написал матери о планах семьи: сначала поездка на морской курорт Варберг, а потом – во Францию. В Петербург, где всё ещё была опасность для детей заболеть холерой, Д. Ф. Толстая категорически отказалась возвращаться, и в этом её поддержал доктор Вестерлунд. – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14455. Л. 1-2.

3 августа (нового стиля) 1909 года Л.Л. Толстой уточнил свою мысль: «<...> Теперь план оставаться здесь месяц и в Париж или под Париж на зиму. <...> Я в Варберге лепил, но дело там не клеилось, хотя успехи, кажется, продолжаются. <...> Моя жизнь на переломной точке. Два года я должен жить за границей, по крайней мере, <две> зимы. <...> В Париж надо ехать в конце августа, чтобы дешевле найти

квартиру и попасть вовремя для занятий скульптурой. <...>» – Там же, № 14459. Л. 11 об., 3 об., 6 об. Автограф.

27 августа (нового стиля) 1909 года Л.Л. Толстой сообщил родным новость:

«Дорогая мамá, завтра еду в Париж, пока один. Адрес пока Grand H ôtel du Louvre. <...> Дора остается числа до 7-8 сентября нов<ого> стиля. Теперь буду стараться дешево и умно устроиться в Париже или его окрестностях. <...>» – Там же , № 14464. Л. 1 об.

...*Grand Hôtel du Louvre* ... – в отеле «Лувр», расположенном в центре Парижа на улице Риволи (Rue de Rivoli, 170-172), каждый из 300 номеров стоил от 6 франков в сутки. – См.: Париж: Описание города и его окрестностей и путеводитель по музеям. 2-е изд. СПб., 1909. С. 3.

С.А. Толстая с сомнением отнеслась к решению Л.Л. Толстого, но отговаривать его не стала. Напротив, она постаралась укрепить его стремление совершенствоваться в новом для него виде искусства. 25 июля (ст. стиля) 1909 года в письме сыну С.А. Толстая привела мнение скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга (1859-1939), только что приехавшего в Ясную Поляну: «<...>он ужасно хвалил твои скульптурные способности и боится, что пыл твой остынет и ты бросишь это дело. Он говорил, что у тебя выдающиеся способности, что из тебя может выйти замечательный скульптор. И все приговаривал: „ведь всё на глаз, всё на глаз работает“. <...>» – ИРЛИ, ф. 303, № 688. Л. 10 об. *Автограф*.

140. «Международный центр искусств» (фр.). Сведений о нем найти не удалось. Возможно, речь идёт о Международной художественной галерее (International Art Gallery), в которой выставлялись и русские мастера. Так, Иван Яковлевич Павловский (1852-1924), длительное время работавший в Париже и писавший под псевдонимом «И. Яковлев », рассказал о выставке работ мариниста, внука И.К. Айвазовского, Алексея Васильевича Ганзена (1876 1937). – См.: Яковлев И. Из парижской жизни // Новое время. СПб., 11/24 апреля 1910 года, № 12242. С. 4.

141. Первая открытка из французской столицы была отправлена Л.Л. Толстым в конце августа (нового стиля) 1909 года:

«Дорогая мамá, пишу из Парижа. Адрес: Rue du Vaugirard 54. H ôtel du Luxembourg. Пока один. Очень дорого, и я не знаю, как мы будем жить. Дора еще не решила свой отъезд. Здесь ад города. Начну занятия скульптурой в Académ < i > e Julien или Cercle Internation < al

> des Arts на днях. Занятия до августа будущего года. Нанял комнату в 5<-ом> этаже за 3 франка, но нахожу это дорогим. Хочу перейти в еще худшее помещение под крышу за 300 франков в год, купить себе кровать, стол и стул.

Из Швеции путешествие утомительно. Боюсь за Дору и детей не только в денежном отношении. Завтра обедаю у Мечникова в Sevres. Видел Трубецкого. Мечников обещал устроить занятия у Rodin'a, кроме Академии <Жюльена>, где с 8 утра до сумерек <буду> ежедневно. Я против самого сада и музея Luxembourg.

Целую всех.

Что у вас?

31 авг<уста> нов<ого> ст<иля 19>09 г<ода>.

Париж». – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14465. Л. 1 об. Автограф.

...*Hôtel du Luxembourg*... – меблированные комнаты в отеле «Люксембург» стоили от 3½ франков в сутки. – См.: Париж... С. 8.

... *Очень дорого*... – 1 франк в 1909 году стоил 37½ копеек. – Там же. С. 182.

...*Академия Жюльена*... – частная художественная школа была названа по имени своего основателя, французского художника Родольфа Жюльена (Жюльан; Julien; 1839-1907). В мастерских Академии Жюльена всегда было многолюдно. Здесь было специальное отделение для женщин, всем ученикам бесплатно предоставляли модели, не слишком строго следили за их работой, а раз в неделю преподаватели Школы изящных искусств давали консультации. Это ценили как начинающие, так и маститые художники. В частности, «на вечерних классах рисования с натуры в одной из мастерских академии Жюльана на Rue du Dragon » Л.Л. Толстой познакомился с Валентином Александровичем Серовым (1865 1911). – См.: Толстой Л.Л. Встречи с В.А. Серовым //Биржевые ведомости : Вечерний выпуск. СПб., 26 ноября/9 декабря 1911 года, № 12655. С. 8. См. также: Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки: В 3 х томах. М.: Изобразит. искусство, 1974. Т. I. С. 138, 562, 564; Ревалд Дж. Постимпрессионизм: От Ван Гога до Гогена. Л.; М.: Искусство, 1962. С. 169 172.

О Международном центре искусств см. выше примеч. 140.

...*за 300 франков в год* ... – чуть больше 100 рублей. По официальным данным 266 франков в 1909 году стоили 99 рублей 75 копеек. – См.: Весь Петербург ... на 1909 год... Отд. I. С. 9.

...*обедаю у Мечникова в Sevres*... – выдающийся русский ученый-биолог Илья Ильич Мечников (1845-1916) с 1888 года работал в Пастеровском институте (см. о нём ниже примеч. 143) и жил в Севре – юго-западном пригороде Парижа (см. об этом ниже).

Об Огюсте Родене см. примеч. 90 к Главе 5 Книги I. О беседах Л.Л. Толстого с О. Роденом см. ниже примеч. 159.

...против ... музея Luxembourg ... – для Л.Л. Толстого близость к Люксембургскому музею была важна ещё и потому, что в нём выставлялись работы действующих или недавно умерших мастеров. – См.: Париж ... С. 170; Париж и его окрестности: Полный русский путеводитель для едущих на Всемирную выставку в 1889 году. М., 1889. С. 123-124].

Как-то, проходя через мастерские серкла, я был неожиданно поражен странным, никогда еще не испытанным мной в жизни впечатлением. Сначала я не мог понять, что, собственно случилось со мной. Мне показалось, точно какая-то громадная, никогда еще не виданная область света вдруг открылась передо мной и ослепила меня, как в сказке. Что же такое случилось со мной? В первый раз в жизни я увидел перед собой ту женщину, тогда еще девушку, которую я потом любил больше себя, больше семьи, больше самой жизни. Многие люди смеются над тем, что любовь может загореться с первой встречи. Смешно не это, а утверждение обратного.

У чутких людей истинная любовь начинается всегда с первой встречи потому, что первое их впечатление всегда верное и токи умственного и духовного родства, влекущие людей друг к другу, иногда настолько чувствительны и сильны, что достаточно одного взгляда, чтобы это родство стало несомненным.

Проходя через одну из мастерских, я увидел девушку с бледным и серьёзным лицом и густыми тёмными волосами, старательно лепившую маску Бетховена (142). Она была в серой клетчатой юбке и белой шёлковой блузке, небольшая ростом, хорошо сложенная, с красивыми сухими руками и приподнятыми круглыми плечами.

Она слегка обернулась в мою сторону, и я встретил умный и строгий взгляд её быстрых глаз. В углу

мастерской сидела старая дама с ручной работой в руках.

[142. Последние годы жизни немецкого композитора Людвига ван Бетховена (см. о н`м примеч. 168 к Главе 20 Книги I) были омрачены прогрессирующей глухотой. Выбор такой модели для ученической работы позволяет представить себе характер и темперамент той девушки, которую Л.Л. Толстой называет Жизель или «милая Франция» (см. о ней ниже).

Позднее Л.Л. Толстой и сам вылепил Бетховена. – См.: Толстовский сборник. Новосибирск, 2000, № 2. С. 20].

Когда в тот вечер я вернулся домой, я почувствовал, что вся моя прежняя жизнь и всё, что окружало меня, вдруг потеряло для меня всякое значение. На свете не было ничего, кроме образа ещё не знакомой мне девушки, имени и происхождения которой я не знал.

Но это была она, наверное она, та, которую я жадно искал всю жизнь, которую я ждал и о которой мечтал с самого детства. И чувство глубокого волнения и счастья и в то же время страха охватило меня, когда на следующий день вечером я снова входил в Cercle International, надеясь, может быть, познакомиться с ней.

В этой академии, как и в других, были вечерние классы рисования с натуры, на которые приходили многие любители. Среди них был французский доктор из Пастеровского института (143), с которым я был знаком после моих визитов физиологу Мечникову.

[143. Институт был основан в Париже в 1886 году для изучения проблем микробиологии, вакцин и инфекционных заболеваний и назван в честь французского учёного-микробиолога Луи Пастера (Pasteur ; 1822 1895).

Французский доктор, о котором упоминает Л.Л. Толстой, вероятнее всего, выдающийся бактериолог, сподвижник Луи Пастера, друг И.И. Мечникова и директор Института с 1904 года Пьер Поль Эмиль Ру (Roux; 1853 1933). – См.: Ру Э. Письма к И.И. Мечникову и О.Н. Мечниковой: 1888-1914. М.: Наука, 1986; Мечников И.И. Академическое собрание сочинений: В 16-ти томах. М.: Медгиз, 1962. Т. XV. С. 368].

Случилось так, что этот доктор знал девушку, лепившую маску Бетховена, и как раз в тот момент, когда я входил в залу, беседовал с ней.

Во время перемены, когда молоденькая озябшая модель пошла греться за ширмой, я поздоровался с доктором и попросил его представить меня девушке (144), что он сейчас же и охотно исполнил.

С ней сидела ещё и её мать, красивая и стройная, на вид – истинная аристократка, ещё моложавая и живая. Что-то старобарское и даже русское было в ее грациозной фигуре и манерах (145).

[144. Если память не подвела Павла Львовича Толстого (см. об этом ниже в примеч. 163), это была Жизель Бюно Варилья (Bunau Varilla; 1890-1957), дочь инженера, инициатора строительства Панамского канала в конце XIX – начале XX-го века Филиппа Жана Бюно Варильи (Bunau Varilla; 1859-1940), который спас проект и честь семьи после серии скандальных судебных процессов, вызванных пропажей денег, выделенных на строительство еще в конце 80 х годов. – См.: Bunau Varilla Ph. Panama: La création, la destruction, la résurrection. Paris, 1913; Loizillon G. The Bunau Varilla brothers and the Panama canal. N.Y., 2008. P. 10 15, 201 (books.google.ru/books?isbn=1409206025).

145. Женой Ф.Ж. Бюно Варильи была Ида де Брюнхоф (Brunhoff; 1859 1948). – См.: Anguizola G. Philippe Bunau Varilla: The man behind the Panama canal. Chicago, 1980].

Прошли десятки лет с того вечера, но до сих пор, несмотря на всё то, что я пережил, несмотря на все мои страдания и разочарования, несмотря на громадное расстояние, разделяющее меня от милой «Франции», несмотря на тридцать два года жизни с той минуты, когда в первый раз я услышал голос Жизель и плечом коснулся её плеча, в то время как мы, сидя рядом, рисовали и переговаривались, – я люблю её больше всех женщин на свете и повторяю здесь то, что всегда говорил ей, – что только она одна была моей истинной, посланной мне женой перед небесами, «devant les Cieux »(146).

[146. “Перед небесами” (фр.)]

Почему? Que sais je?! (147) [147. “Кто знает?!” (фр.)] Но это было так. В моём чувстве к ней было то глубокое, бесконечное, как вселенная, сознание любви к жизни, к полной громадной человеческой жизни, всё обнимающей и всё понимающей, всячески и безгранично богатой и свободной, светлой и прекрасной, которую только вместе с ней мы могли развить и прожить.

И я потерял голову.

Только два раза в жизни это случилось со мной.

В начале любви и в начале великой войны (148).

И два раза я был готов жертвовать жизнью для победы, но два раза был побеждён не по одной моей вине.

Безумный Ницше говорил, что закон должен был бы запрещать браки по любви (149), а я скажу, что следовало бы запрещать браки без истинной любви, ибо без неё нет истинной жизни. Вопрос в том, что называть любовью. Настоящая самая сильная любовь та, в которой встречаются и сходятся все три одинаково развитые сущности человека – душа, интеллект и тело, стремясь еще бесконечно совершенствовать их в потомстве. Это сочетание бывает только в редчайших случаях. Но уже при умственной близости браки могут быть счастливыми, что при одном физическом влечении невозможно. Такие браки, которых большинство, не дают ничего гармоничного и значительного.

[148. Так с первых дней войны 1914 года воспринял её Л.Л. Толстой (см. об этом в примеч. 4 к Главе 8).

149. Немецкий философ Фридрих Ницше (Nietzsche; 1844-1900) считал брак самой ложной формой человеческих отношений. Уточняя свою мысль, он писал: «Брак придуман для посредственных людей, которые не способны ни к сильной любви, ни к крепкой дружбе; поэтому-то он оказывается подходящим для большинства, но также и

для тех весьма редких, которые способны и к любви, и к дружбе». – См.: Ницше Ф. Полное собрание сочинений. М., 1909. Т. 9. С. 64].

С первой же встречи наших взглядов, наших слов и мыслей я почувствовал, что с Жизель, или «Францией», как прозвал её скульптор Rodin (150) у нас все было общее или, во всяком случае, могло бы быть.

– On souffre toujours (151), – говорила она тихим голосом, когда речь шла о трудностях и лжи жизни.

– Музыка? Нет, – решала она с грустью, – она только расстраивает душу и нервы. Я люблю её, но не хочу ею заниматься.

[150. По мнению исследователей, моделью для скульптур «Аврора» (1885) и «Франция» (1904) послужила О. Родену его возлюбленная, скульптор Камилла Клодель (Claudel; 1864-1943). – См.: Grappe G. Catalogue du Musée Rodin. Paris , 1931. P. 73, 139; Роден: Мысли об искусстве; Воспоминания современников. М.: Республика, 2000. С. 350; Корн И. Огюст Роден: Мастер скульптуры. Минск, 1998. С. 101.

Называл ли Роден кого-то ещ` «Францией», неизвестно. Можно, однако, предположить, что молоденькая художница чем-то внешне напоминала Камиллу Клодель.

151. <Люди> всегда страдают (фр.)].

<Это были> те же чувства и мысли, которые я сам испытывал. Но и поступала она так же, как я. Как и я, она предпочла самое благородное и чистое из искусств – скульптуру. Как и я, она увлекалась ею, как и я, она искала счастья.

«Франция»! Дорогая моя «Франция», тихая и глубокая, вот почему я так безнадёжно и болезненно-страстно полюбил тебя и люблю до сих пор.

«Франция»! <Ты> – часть меня самого. В тебе то же, что во мне, – общее наследие веков, так как и в твоих, и моих венах течёт та же древняя кровь великих вождей человечества. Ты сама рассказала мне, что твой дед со стороны матери был одним из членов русской царской семьи (152), и ты знаешь, что мои предки были когда-то первыми русскими князьями и правителями (153).

Ты была француженкой, я – русским, но я нашел в тебе громадную часть себя, как и ты нашла во мне часть тебя самой, величайшие драгоценности и дары древней общей наследственности. Громадное счастье было уже во встрече этой многовековой наследственности, счастье, которое мы недостаточно сознавали тогда.

Страшная буря разбушевалась в моей душе, опрокидывая все на своем пути.

Я умел любить, я любил любовь в ту эпоху, может быть, больше всего на свете, я не мог и не хотел противостоять страстям и умерщвлять их при их зарождении. Я не был достаточно силён, слаб или мудр. Можно так или иначе смотреть на наши страсти, но несомненно одно, что они даны нам не для страданий, а для счастья, они даны как средство для его достижения, и если бы мы смотрели на них с этой точки зрения, они всегда были бы нам в пользу.

Но я был женатый, семейный человек сорока лет, с пятью детьми и серьезными обязательствами перед ними, которые, по общественной морали, нельзя было отбросить. Моя страсть поэтому была для меня также источником страданья, которое, казалось, нельзя было устранить.

[152. О ком из членов разветвленной царской семьи идет речь, установить не удалось.

153. См. примеч. 9 к Главе 1 Книги I].

Хочется скорее перескочить через эти годы, но без них моя жизнь была бы далеко не полной и никто бы не понял меня. Изложу поэтому в общих чертах главные события и чувства этой драмы.

Я любил Дору и детей совсем другой, холодной и северной, рассудочной любовью, и, так как вся моя жизнь была связана с ними, я сразу не мог представить себе возможности легко разорвать эту связь.

Но, с другой стороны, порвать с моей новой «жизнью» было для меня равносильно смерти. Несколько раз я

хотел броситься в Сену, и, чтобы вернее покончить с собой, я воображал себе двойное самоубийство – одновременно с падением с моста пустить себе пулю в сердце.

Я как-то сказал об этом Жизель, которая с волнением следила за моими переживаниями.

– Pourquoi ?(154) [154. “Почему?” (фр.)] – прошептала она тихо. – Вам надо стать свободным и вернуться ко мне.

Она замолчала, точно испугавшись того, что сказала. Она не представляла себе тех моральных страданий, через которые я должен был пройти, если бы развёлся и оставил семью, но она ясно видела, что только после развода и несмотря ни на какие страдания мы могли соединиться.

Дома на Place St. Jacques (155) шла в это время правильная семейная жизнь, далёкая от того, что происходило во мне (156). Дора ничего не подозревала, хотя я сказал ей, что я встретил в академии девушку, которая мне нравилась. Она как будто не обратила на это никакого внимания (157).

[155. Площадь Святого Жака (фр.)

156. С приездом Д.Ф. Толстой, детей, гувернантки и прислуги Л.Л. Толстой снял квартиру на площади Св. Жака, 78. Первый раз этот адрес появляется в письме от 20 сентября (нового стиля) 1909 года. – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой , № 14468. Л. 1 об. Несколько позже он порадует С.А. Толстую: «<...> Квартира светлая – вся на юг. <...>» – Там же , № 14470. Л. 1 об. Автограф.

157. Д. Ф. Толстая в это время ждала ребенка. Еще 29 июня/12 июля 1909 года Л.Л. Толстой из Хальмбюбуды писал С.А. Толстой: «<...> Дора в ожидании на 4 м месяце. Родит в январе в Париже. <...>» – Там же , № 14555. Л. 2. Автограф.

Однако события развивались совсем иначе (см. об этом ниже)].

Я перестал спать, обдумывая тысячи раз мою жизнь, и по ночам иногда, как сумасшедший, вскакивал на колена и горячо молился Богу, прося Его помочь мне и так или иначе соединить мою жизнь с жизнью Жизель.

Дора спала в той же комнате, а дети рядом.

В ту зиму, кроме академии, я работал ещё у Родена, тогда < бывшего > славнейшим скульптором мира. Я носил ему мои вещи в Palais Byron (158), и он давал мне советы(159).

– Il faut chercher les profondeurs de la Nature , – говорил он мне важным тоном. – Il faut tourner tout autour de vos oeuvres. Il faut six mois pour faire un buste (160).

[158. Дворец XVIII века, принадлежавший герцогу Бирону, в следующем столетии был превращён в дорогой отель. Он стоял очень удачно: на тихой улице Варен, как раз там, где она выходила на широкий бульвар Инвалидов, рядом с Домом инвалидов и могилой Наполеона.

О. Роден занимал часть отеля Бирон с 1908 года. В 1911 году, когда здание хотели снести, Роден убедил власти отдать его целиком под его мастерскую с условием, что после его кончины в этом здании будет открыт его музей. – См.: Grappe G. Catalogue du Musée Rodin... P. 7 21; Кокио Г. Роден в отеле Бирон // Роден: Мысли об искусстве... С. 251 263; Корн И. Огюст Роден... С. 110-111].

159. Встреча с Огюстом Роденом состоялась в начале сентября (нового стиля) 1909 года. 13 сентября (нового стиля) 1909 года Л.Л. Толстой вскользь упомянул об этом в письме: «<...> Леплю слишком много – с утра до вечера. Кроме школ, Rodin дает советы, хвалил. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14466. Л. 2. Автограф.

Через несколько дней, 20 сентября (нового стиля) 1909 года Л.Л. Толстой более подробно описал ситуацию: «<...> Мечников устроил знакомство с Rodin , и он уже начал давать мне советы. Очень любопытно. <...>» – Там же, № 14468. Л. 1 об. Автограф.

О взглядах О. Родена на искусство см.: Родэн О. Искусство: Ряд бесед, записанных П. Гзелль. Пер. <с фр.> СПб., 1914. «Завещание » мастера см. в кн.: Роден: Сб. статей о творчестве. М.: ИИЛ, 1960. С. 13 16; Роден О. Завещание. СПб.: Азбука, 2002. С. 49 58. См. также: Вейс Д. Огюст Роден. М.: Искусство, 1969. С. 557 560; Рильке Р.М. Ворпсведе; Огюст Роден; Письма; Стихи. М.: Искусство, 1971. С. 86 166.

160. “Надо искать глубины природы. ... Надо обойти вокруг Ваших произведений. Требуется шесть месяцев, чтобы сделать бюст” (фр.)].

Мы подружились с ним, и я однажды спросил его, могу ли я привести к нему моих знакомых, имея в виду «Францию» и её мать.

– Конечно, – обрадовался он, – это же одна из самых богатых и влиятельных семей Франции.

И он назначил мне день, когда мы могли приехать.

Жизель была в полном восторге, когда в назначенный день вместе с матерью она заехала за мной в Cercle и в первый раз я сел с ней рядом в их автомобиль. Как ребёнок, она запрыгала от радости, глядя то на меня, то на мать.

Rodin встретил нас любезно и повел по залам дворца, где были расставлены его мраморы.

Глядя на нас, он вдруг спросил мать Жизель:

– Ils se sont rencontrйs ?(161) [161. “Они встретились?” (фр.).]

Но она ничего не ответила ему.

Моя жизнь в Париже раздвоилась и стала сплошным мученьем. Я чувствовал себя бесконечно виноватым перед семьёй и женой, тайным преступником перед ними, но моя любовь была настолько искренна, что мне и в голову не приходила возможность побороть её. В ней только было моё счастье, которое я хотел удержать во что бы то ни стало.

Такое положение длилось больше месяца и настолько ослабило мои нервы, что я был готов на всё <и хотел> сказать Доре всю правду, даже если бы это убило её. Как-то после завтрака, когда я остался с ней один, я неожиданно для себя самого прямо объявил ей, что очень серьезно полюбил одну девушку и больше не могу оставаться с семьёй. Я сказал это так быстро и решительно, что бедная ошеломленная Дора сначала не знала, как ей следовало отнестись к такой дикой жестокости. Несколько секунд, бледная, она молчала, потом вдруг, как зверь, бросилась на меня, стараясь, как кошка, исцарапать мне лицо. Я задержал её, взяв за кисти рук, и вышел из комнаты, заперев за собой дверь. Но она кинулась за мной и с такой силой нажала на

дверь, что вышибла ее с замком из петель. Она опять налетела на меня, стараясь схватить за горло.

Я напрасно старался успокоить её. Она была вне себя.

Я должен был оставить её одну на целый вечер, надеясь, что она успокоится (162). Дальше жить в этих условиях было невозможно.

Надо было уехать куда-то, надо было как-то выйти из тупика, в который неожиданно загнала меня жизнь.

И я решил уехать на время в Америку(163), чтобы проверить себя, а главное, не видеть больше страданий двух женщин, виной которых я был (164).

[162. Вероятным следствием этой бурной сцены были преждевременные роды. Об этом Л.Л. Толстой 8 декабря (нового стиля) 1909 года поведал матери, от которой, как мы уже много раз убеждались, у него не было тайн:

«Дорогая мамаша, с грустью сообщаю, что Дора до времени родила вчера плохого мальчика, который жил только несколько часов, вышел ногами вперёд, был со слабыми, кривыми конечностями. Что причина? Всё. И дети до него подряд, и Париж, и нежелание Доры иметь ещё детей. Сама Дора перенесла всё это, слава Богу, отлично и теперь лежит, очень бодрая. <...>

Я по-прежнему занимаюсь своей скульптурой и начинаю понимать, что нужно не менее 10< ти> лет, чтобы стать в этой области большим. Целыми часами стою перед вещами Rodin , выше которого не знаю. Недавно получил в своей академии 1 ый номер за эскиз барельефа на тему: “Война”. Работаю очень много и, конечно, успехи есть, но что это сравнительно с тем, что надо. В академии у нас много русских, приехавших за мной в Париж. <...>

Люблю Париж и французов и чувствую, что живу здесь сильнее, чем дома.

Ваш Лев».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14475. Л. 1 2 об. Курсив Л.Л. Толстого.

...1 ый номер за эскиз барельефа на тему “Война”... – в академии Жюльена ежемесячно устраивались конкурсы по рисунку с выдачей премий. Работа, получившая первый номер, должна была оставаться в классе. – См.: Кончаловский: Художественное наследие[: Сб. воспоминаний]. М.: Искусство, 1964. С. 15.

163. Об этой поездке в Америку никаких достоверных сведений нет. Возможно, Л.Л. Толстой объединил ее с другой поездкой в Америку весной 1911 года. – См. об этом подробнее: Абросимова В. Сын великого Толстого, война и Америка (по архивным документам) //Toronto Slavic Quarterly ... Spring 2008, No. 24 (http ://www.utoronto.ca/tsq/24/ambrosimova24.shtml).

Павел Львович Толстой позднее вспоминал об этой поездке отца так: «Любовный климат Парижа подействовал на моего отца. Он влюбился в Жизель Bounovarilla , дочь шефредактора “Le Matin ”. Она посещала те же курсы по скульптуре, что и он. Мама Дора не была согласна на развод. “Но этот варвар, который мне перечит, угнетает, раздражает и убивает меня, его, только его я люблю... Да, да...”

Для того, чтобы страсти улеглись, папа Лео отправился на пару месяцев в США». – Из личного архива Т.Л. Балдовской.

На самом деле, Жизель Бюно Варилья была племянницей редактора и владельца газеты «Матэн» Мориса Бюно Варильи (Bunau Varilla; 1856-1944). Ее отец принимал участие в выработке редакционной политики газеты и помогал деньгами, пока не разразился скандал со строительством Панамского канала. – См.: Ricciardi M. African visions: The diary of an African photographer. Lnd., 2000 (www.mirellaricciardi.com/visions2.html).

164. О том, что Л.Л. Толстой на самом деле страдал и душа его разрывалась между двумя женщинами, свидетельствует его следующее письмо из Парижа родным от 25 декабря (нового стиля) 1909 года:

«Милая мамá, спасибо за хорошее письмо сегодня. Вы точно чувствовали, что я переживаю тяжелое время. Дора лежит с набухшими от молока грудями. Встанет в среду, чувствует себя физически бодро. Вчера делала детям маленьк<ую> елку и раздавала подарки. Эти дни перерыв в скульптуре в академии, но я, не будучи в состоянии быть теперь без работы, лепил дома. В понедельник снова начнутся занятия у Julien. Успехи мои идут параллельно в лепке и в рисовании.

Посылаю фотографию с одного из моих торсов. Жаль, что нет спины. Она сделана лучше фаса.

Недавно сделал два удачных женских бюста, но, не имея ни денег, ни мастерской, приходится все пока разрушать, что очень жалко не для одного меня. Все жалеют. <...>

Нет ли подписанного маленького портрета? <...> На автографе можно было бы написать

À M lle Verlet».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14476. Л. 1 2 об. Автограф.

...Посылаю фотографию... – фотографии ранних скульптур Л.Л. Толстого не сохранились.

...M lle Verlet – дочь скульптора Рауля Шарля Верле (Verlet; 1857-1923), преподававшего в Национальной высшей школе изящного искусства (l'Ecole nationale supérieure des beauxarts). – См.: Grand Larousse encyclopédique: En 10 volumes. Paris, 1964. Vol. 10. P. 751; Benézit E. Dictionnaire critique et documentaire des peintres, sculpteurs, dessinateurs et graveuirs de tous les temps et de tous les pays: En 10 volumes. Paris, 1976. Vol. X. P. 458.

С. А. Толстая услышала настойчивые просьбы сына (до этого Л. Л. Толстой просил автограф отца для мадмуазель Верле в письмах матери от 13 и 29 октября 1909 года. – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, №№ 14467, 14474). 22 декабря (ст. стиля) 1909 года она начала своё письмо сыну так: «Исполняю твою просьбу, милый Лёва, и посылаю автограф папá для твоей знакомой француженки. <...>» – *ИРЛИ*, ф. 303, № 688. Л. 39. Автограф.

14 января (нового стиля) 1910 года Л.Л. Толстой благодарил С.А. Толстую:

«Дорогая мамаша, спасибо за автограф папá и письмо. Вы так мило и разумно пишете в этом году, что просто прелесть. Желаю много лет здравствовать с нового года. Надеюсь, что чувствуете себя хорошо.

У нас все благополучно. <...> Дора оправилась. Вчера возил её в театр. Она скучает здесь потому, что мало кого видит, а меня нет дома до вечера. <...>

Моя скульптура подвигается. Хвалят. Но ещё далеко до совершенства. Но оно будет, и эта мысль меня радует очень. Если Бог даст сил, оставлю в скульптуре больше, чем в литературе. Целую вас всех.

Лев».

– *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14478. Л. 1-2 об.

26 января/8 февраля 1910 года Л.Л. Толстой успокоил родных относительно того, что наводнение, о котором писали и русские газеты, начало спадать, и добавил: «<...> Я продолжаю слишком много работать. Что из этого выйдет? Увидим. Целую всех. Подумываю о Ясной, но также подумываю о том, чтобы остаться здесь <на> все лето для занятий по мрамору и рисованию. <...>» – Там же , № 14479. Л. 1 об. См. также: Наводнение во Франции // Столичная молва. М., 18 января 1910 года, № 102. С. 2.

Позже выяснится, что встречи с Жизель прекратились – по её инициативе, – и летом 1910 года Л.Л. Толстой отправится в Ясную Поляну (см. об этом ниже).

Письма из Парижа продолжали регулярно отправляться в Ясную Поляну. Так, 22 февраля/6 марта 1910 года Л.Л. Толстой писал родным: «<...> Моё учение идет, но я утомился, был даже нездоров одно время. Вообще здесь утомляешься и переутомляешься.

Дора и дети здоровы. Я рад, что французский язык в них войдет легко и с детства. Маленькие для нового языка малы.

Старшие мальчики всё рисуют, а Кита так недурно лепит. Он вообще очень интересен и хорош. Ценный мальчик и даже очень. Пусть только вырастает. <...>

Я на распутье в скульптуре: начать работать одному в своей мастерской или ещё в академиях.

Боюсь, что всё это Вам не интересно. Всё-таки пишу. Но в своей мастерской <работать> дороже. Надо платить <за> натуру одному, надо платить <за> мастерскую, кроме квартиры, и я ещё на это не иду. В академиях же дело идёт тише. Все, начиная с Rodin , советуют мне работать одному. А как это сделать, когда всё уходит на жизнь? Обидно, что у меня нет хоть немного свободных денег, чтобы теперь пустить себя в ход по новому занятию. Впрочем, надо терпение и ещё работать.

Сейчас, кроме академических работ, делаю бюст (голову) Пали. Хочу всех детей перелепить и лучший бюст потом сделать в мраморе. Очень это все увлекательно. Можно душу продать дьяволу. <...>

На днях пробовал сделать эскиз к памятнику Лермонтова в П<етербур>ге. Это довольно просто. Но мне ещё немножко рано этими делами заниматься. Делал как опыт. Лицо Лермонтова изучил по фотографиям и, м<ожет> б<ыть>, сделаю когда-нибудь его бюст. Но работа по фотографиям мне претит. С натуры увлекательно. Я хожу к нескольким скульпторам, чтобы собрать всевозможные советы, и это очень полезно. Теперь один скульптор, Dampt , мне указал очень много новых приемов.

Ну, вот все, как видите, скульптура. Она тем хороша, что не выпускает из рук и, вероятно, доведет меня до последнего здешнего этапа, рано или поздно. Тем лучше. Целую всех. <...>» – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14480. Л. 1 об.4 об. Автограф.

О памятнике Лермонтову увлекающийся и импульсивный Л.Л. Толстой никогда больше не вспоминал. Выставка проектов памятника М.Ю. Лермонтову состоялась весной. – См.: Новое время. СПб., 4/17 мая 1910 года, № 12263. С. 4.

Жан Огюст Дампт (Dampt; 1854-1945) был известным скульптором: его работы уже в конце 80-х годов выставлялись в Люксембургском музее. – См.: Париж ... С. 171; Париж и его окрестности ... С. 123-124; Benérit E. Dictionnaire critique et documentaire... Vol. X. P. 218 219; Grand dictionnaire encyclopedique Larousse ... Vol. 3. P. 2932; Grand

Larousse encyclopédique... Vol. 3. P. 770; Le Musée National du Luxembourg... P. 125. В архиве Л.Л. Толстого сохранилось письмо Жана Дампта, которое условно можно датировать ноябрем 1910 года. Французский скульптор выразил искреннее и глубокое сочувствие по поводу смерти Л.Н. Толстого, «который осветил свой век и которому мы обязаны своими самыми высокими радостями», а также сожалел, что при жизни великого писателя он «не имел чести и счастья запечатлеть его образ в твердом материале, который сохранил бы его навсегда». – *ИРЛИ* , ф. 303, № 277. Л. 12. Автограф на фр. языке.

И следующее письмо Л.Л. Толстого родным от 28/15 марта 1910 года пришло с почтовым штемпелем французской столицы, да и сообщаемые новости тоже касались его пребывания в Париже:

«<...> Паля рассёк себе лоб, так что зашивал доктор. Заживает. Живем интересно, полно, занято. Я устал от чрезмерной работы. Немного хочу отдохнуть, но все не могу воздержаться. Теперь невольно отдохну потому, что два приятеля-скульптора, – Суд<ь>бинин и Бернсон (швед, сын большого шведск<ого> скульптора и сам хороший скульпт<ор>), – будут меня заодно лепить. Просили.

Делаю 4 бюста своих детей. Пришлю Вам позднее их фотографии. <...> Здесь цветут абрикосы, фиалки, трава, распускаются деревья. Солнце и тепло.

Вчера день Пасхи. Париж весь за городом, и я в Sevres к Мечниковым. Гуляли по парку St. Cloudt. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14481. Л. 1 об. - 2 об. Автограф.

Серафим Николаевич Судьбинин (1867-1944) - выделялся среди русских колонистов в Париже. До того, как стать скульптором, он с 1898 года до 1904 года был актёром Московского Художественного театра. – См.: *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1972. С. 223; Виноградская И. Жизнь и творчество К.С. Станиславского: Летопись: В 4-х томах. М.: ВТО, 1971. Т. 1. С. 288, 308 и др. Одновременно С.Н. Судьбинин увлекался лепкой. С 1902 года он стал членом Московского общества любителей художеств; давал уроки лепки детям одного из крупнейших русских промышленников и меценатов Саввы Тимофеевича Морозова (1862 1905) и на его стипендию с 1904 года учился в Париже у Родена и других мастеров. С 1906 года С.Н. Судьбинин стал членом Союза русских художников.

Его работы, выставленные в Салоне французского национального общества изящных искусств на Марсовом поле в Париже весной 1910 года, произвели очень хорошее впечатление на зрителей. – См.: Яковлев И. Салон Марсова поля // Новое время. СПб., 2/15 апреля 1910 года, № 12233. С. 4. См. также: Grand dictionnaire encyclopedique Larousse ... Vol. 9. P. 9711.

Лепил ли С.Н. Судьбинин весной 1910 года Л.Л. Толстого, установить не удалось. Многие портреты скульптора остались в Париже, где С.Н. Судьбинин работал до своей кончины. – См.: Художники русского зарубежья: 1917 1939: Биогр. словарь /Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. СПб.: Нотабене, 1999. С. 554 556.

Сведения о шведских скульпторах Бернсонах крайне скудны. Возможно, речь идет о профессоре Йонасе Бьёрсоне (Börjeson ; 1835-1910) и его сыне, Бьёре Бьёрсоне (род. в 1881 году). – См.: Svenskt konstnärs lexikon. Malmö, 1952. B. I. S. 265 267. Лепили ли они Л.Л. Толстого, установить не удалось.

...по парку St. Cloudt ... – парк Сен Клу, украшенный бассейнами, фонтанами и террасой, был одним из самых привлекательных мест в окрестностях Парижа. – См.: Париж ... С. 190.

Сохранившиеся письма Л.Л. Толстого в Ясную Поляну позволяют говорить о том, что весной 1910 года он не покидал Париж. Это подтверждают и почтовые штемпели на конвертах или на оборотах открытых писем.

«Париж

23 апр<еля нового стиля 19>10 г<ода>

Милая мама́, не пишу потому, что всё по-старому. Жизнь идет однообразно. Много работаю над бюстами детей и еще коечем.

В Академию не хожу больше.

Видаем Гагариных, кн<язей> Ухтомских, Судьбинина, шведов и ещё других здешних знакомых. Открылся весенний салон. Я ничего не послал. Думаю послать на будущий год.

Весна задерживается, хотя уже каштаны зацветают, приготовив свои дерзкие свечки. Был у Мирбо, но не застал дома. Жалею, что не был у Вогюэ до его смерти. Бывает Саломон, и мы у него на великолепных обедах. В театры ездим мало. Даже <“>Шантеклера<”> не видали. Дети учатся, маленькие дома. Вчера у Нины был жар. Сегодня здорова, как бывало у меня в детстве.

1-го мая по нов<ому> стилю будет видна здесь комета в 3 часа ночи на востоке. Она была при Вольтере, и он писал, что она приходит оживлять старость.

Целую всех вас.

Ваш Лев».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14482. Л. 1-2. Автограф.

Гагарины – вероятно, речь идёт о художнике-любителе князе Николае Викторовиче Гагарине (1873-1925) и его жене Марине Николаевне (урожд. Трубецкой; 1877-1924). – См. о них: Павел Петрович Трубецкой : Скульптура, графика... С. 98, 105.

...кн<язей > Ухтомских... – из контекста письма неясно, о ком из князей Ухтомских идёт речь. Л.Л. Толстой был знаком с князем Э.Э. Ухтомским (см. о нем примеч. 166 к Главе 9 Книги I). Но в Париже в это время работал и скульптор князь Сергей Александрович Ухтомский (1886-1921).

Октав Мирбо (Mirbeau; 1848-1917) – французский писатель; корреспондент и адресат Л.Н. Толстого.

Эжен Мелькиор де Вогюэ (см. о нем примеч. 146 к Главе 19 Книги I) умер в Париже 24 марта 1910 года.

Л.Л. Толстой был знаком с Шарлем Саломоном (Salomon ; 1862 1936) ещё со времени своей первой поездки в Париж в 1894 году. – См.: Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник... - С. 318, 324.

...<“> *Шантеклер* <”>... – новая пьеса французского драматурга Эдмона Ростана (Rostand; 1868-1918). О её небывалом успехе в Париже Л.Л. Толстой писал родным 26 января/8 февраля 1910 года. – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14479. Л. 2. См. также: Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 55; Маковицкий Д.П. У Толстого... Кн. 4. С. 173, 256; Macdonald J.F. Paris, mr. Edmond Rostand, and “Chantecler” //The Fortnightly Review. Lnd., March 1910. Vol. 86, № 519. P. 575-590.

...комета ... была при Вольтере... – речь идёт о комете Галлея, названной в честь английского астронома Эдмунда Галлея (Halley; 1656-1742), предсказавшего периодичность её появления примерно через 76 лет. В европейских странах к наблюдениям за кометой Галлея отнеслись с большой серьёзностью и фотографировали её с середины апреля до середины июля 1910 года. – См.: Глазенап С. Фотография кометы Галлея // Новое время. СПб., 15/28 апреля 1910 года, № 12246. С. 4; Глазенап С. Последние наблюдения над кометой Галлея //Там же , 30 апреля/13 мая 1910 года, № 12259. С. 5; и др.

Вольтер мог наблюдать “хвостатую звезду”, как называли тогда кометы, ещё в конце 1747 года, когда его карета перевернулась, он вывалился в снег и, взглянув на небо, увидел светящийся след. – См.: Митфорд Н. Влюблённый Вольтер: Биогр. роман. М.: Аграф, 1999. С. 226-227.

Комету Галлея Вольтер мог наблюдать на Рождество 1758 года или в начале 1759 года. – См.: Armitage A. Edmund Halley. Lnd., 1966. P. 165 166.

Впоследствии Вольтер не раз использовал образ кометы в своих сочинениях. В его представлении она была одним из тех “чудес света”, которые нуждаются в дополнительном изучении. См. его философский диалог «Была ли земля образована кометой?», а также «Философские письма», в которых он размышляет о системе

тяготения и об оптике Исаака Ньютона (Newton; 1643-1727). В шестнадцатом письме Вольтер сопоставляет досужие домыслы о бедах, которые якобы приносят кометы, и точку зрения великого английского физика, который, по его словам, «предполагает, что кометы очень благоприятны и что исходящие от них пары служат единственно тому, чтобы поддерживать и оживлять планеты, пропитывающиеся на своем пути всеми теми частицами, которые Солнце отторгло от комет. Эта мысль, по крайней мере, более правдоподобна, чем та». – См.: Вольтер. Собрание сочинений: В 3 х томах. СПб., 1910. Т. 3. С. 153-159; Вольтер. Философские сочинения. М: Наука, 1988. С. 140 141, 601-605. См. также его сатирическую книгу «Вопросы о чудесах» (1765). – Вольтер. Бог и люди: Статьи, памфлеты, письма: В 2 х томах. М.: Издво АН СССР, 1961. Т. I. С. 261 262.

У нас есть основания утверждать, что и следующие письма Л.Л. Толстого родным отправлены из Парижа.

«Paris , 2 мая (нового стиля) 1910 <года>

Chère maman ,

Я, кажется, Вам должен письмо, если не два. Я послал с Колечкой Ге биографию Паскаля для папá. Приехал ли Ге? Послал я фотографии с бюстов детей и портрет Доры в довольно жалком, но хорошем выражении. Дора говорит, что она не всегда такая, да и правда. В это утро она была особенно стара.

Головы детей продолжаю <лепить> и перед отъездом отсюда буду отливать. Ещё пробовал сделать проект памятника Скобелева. Что занимало меня, <так это не что иное,> как конная статуя. Нет времени кончить и потому бросил. Посылаю фотографию наброска. Лошадь помогал мне наметить один француз, но вся композиция моя. Я хотел ещё поставить две солдатские фигуры по бокам. Было бы очень красиво и военная идея была бы выражена сильно.

Рад, что памятник Алек<сандру> II будет сочиняться вновь. Но я вообще считаю, что памятники делать – пагуба для художника. Отнимает года, а природа при этом часто отсутствует как учительница и притом единственная.

Мне Маша, жена Сережи, пишет глупое нравоучение по поводу того, что я просил её мне указать в Москве гранитного мастера для сметы при проекте Скобелева. „Ты бы приберёг твой талант для более гуманитарной идеи“. Вообще мы все хотим друг друга учить и заставлять думать, как мы. Если я считаю выражение военной идеи, отваги и силы нужной России, то не Маша же может меня в этом разубедить. Впрочем, она мило исполнила поручение, и я ей благодарен.

Вчера было 1-ое мая, <мы> все были на „grand<e> seaux “, фонтанах в Версале всей семьей с Соней включительно. Были несметные толпы народа всех национальностей. Красиво, интересно.

Французская толпа выгнала из дворцов своих королей и сама ворвалась в них, любуясь и наслаждаясь королевскими затеями.

Открылся второй большой Салон, des artistes français. Вы не можете себе представить, что это такое, Grand Palais , уставленный скульптурой и завешанный картинами. Площадь в несколько десятин. Коечто есть интересного и хорошего, но большинство дряни академической здешней окраски. Этот салон – самый большой. Из него отделился и вышел тот, о котором я, кажется, писал и в котором главой Rodin. В том обращает на себя внимание торс Родена. Посылаю его снимок. Он действительно великолепен и полон жизни, хотя в мертвой форме гипса.

Мы едем отсюда около 20 июня. Сегодня отвратительная погода: холод и дождь.

Пока прощайте. Целую всех вас.

Лев».

– Там же , № 14483. Л. 1 3 об. Автограф.

Колечка Ге – Н.Н. Гемладший (см. о нем в примеч. 57 к Главе 13 Книги I), как и отец, был дружен со всеми членами семьи Толстого. Он перешел во французское подданство и 27 мая 1910 года приехал в Ясную Поляну из Швейцарии. – ПСС. Т. 58. С. 58; Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... - С. 230.

Л. Н. Толстой внимательно изучал сочинения французского религиозного философа, писателя, математика и физика Блеза Паскаля (Pascal; 1623-1662). Летом 1910 года он читал старое французское издание «Мыслей» Б. Паскаля 1850 года. – *ПСС*. Т. 58. С. 86, 479 480. См. также: Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. С. 356 374. Какую биографию Паскаля из Парижа в Ясную Поляну отправил Л.Л. Толстой, установить точно не удалось. Однако вполне вероятно, что речь идет о книге Виктора Жиро (Giraud ; 1868 1953), экземпляр которой сохранился в Ясной Поляне. – См.: Giraud V. Blaise Pascal : É tudes d ’histoire morale ...: Ouvrage orné d ’ne portrait de Jacqueline Pascal. Paris , 1910. См. также: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне : Библиогр. описание: В 3 х частях. Ч. III/1. Книги на иностранных языках. Тула: Ясная Поляна, 1999. С. 410.

...особенно стара... – возможно, это и есть последствие бурной семейной сцены, описанной Л.Л. Толстым. Сохранившаяся фотография Д.Ф. Толстой дает представление о том, как тяжело перенесла она наметившийся распад семьи.

...проект памятника генерала от инфантерии, участника русско-турецкой войны 1877 1878 годов, Михаила Дмитриевича Скобелева

(1843 - 1882) работы Л.Л. Толстого не сохранился. Фотографии трех лучших проектов памятника см.: Новое время : Иллюстрир. приложение. СПб., 19 июня/2 июля 1910 года, № 12308. С. 7. Однако и через несколько месяцев в различных кругах русского общества выражалось недовольство результатами прошедшего конкурса. – См.: Художественно-педагогический журнал. СПб., 10 ноября 1910 года, № 21. С. 12.

...памятник Александру II (Александру Николаевичу Романову; 1818 1881)... – конкурс на лучший проект памятника проводился весной 1910 года. Победители были названы, но радости их работы никому не принесли. В русском обществе сложилось глубокое убеждение, что из представленных 54 х работ нет ни одной, достойной памяти царяосвободителя: «...нигде не видно творчества, красоты, оригинальности...». – См.: Кравченко Н. Неудачные проекты //Новое время. СПб., 2/15 апреля 1910 года, № 12233. С. 4. См. также фотографию проекта памятника Александру II скульптора Паоло Трубецкого. – Там же , 4/17 апреля 1910 года, № 12235. С. 6. Три других проекта памятника Александру II см.: Там же , 10/23 апреля 1910 года, № 12241. С. 5.

В середине лета 1910 года недовольство результатами конкурса привело к неожиданному решению: «Конкурс на памятник императору А л е к с а н д р у II , результаты которого возмутили всех, интересующихся искусством, будет повторен. Жюри остается прежним. ...

Кн[язь] Паоло Трубецкой, автор лучшего и забракованного на первом конкурсе проекта, во втором конкурсе принимать участия не будет». – См.: Искусство и жизнь //Художественно-педагогический журнал. СПб., 2 июля 1910 года, № 11. С. 12.

...Маша, жена Серёжи... – Мария Николаевна Толстая (урожд. Зубова; 1867 - 1939), вторая жена С.Л. Толстого. Л.Л. Толстой цитирует письмо М.Н. Толстой от 8 апреля (ст. стиля) 1910 года. – *ИРЛИ* , ф. 303, № 671. Л. 1 2. Автограф.

...grand < e > s eaux... – дословно: большие воды; большие фонтаны (фр.); так назывался одновременный пуск всех фонтанов в парке Версальского замка. В первое воскресение каждого месяца они были открыты для посетителей Версаля. – См.: Париж ... С. 189.

...второй большой Салон, < Société> des Artistes français... – подробный рассказ об академической выставке см.: Яковлев И. Старый салон (Société des Artistes français) //Новое время. СПб., 2/15 мая 1910 года, № 12261. С. 4; 3/16 мая 1910 года, № 12262. С. 3.

...торс Родена... – точнее, два женских торса (без головы и ног) и два бронзовых бюста О. Родена стали главным событием другой выставки, открывшейся ранее в Салоне Французского Национального общества изящных искусств на Марсовом поле. «Эти вещи, и особенно женские торсы, не тела, а только обломки тел, где бы вы их ни увидели, зацепят ваш глаз, прикуют ваше внимание». – См.: Яковлев И. Салон Марсова поля //Там же. СПб., 6/19 апреля 1910 года, № 12237. С. 4.

Потом были еще две коротеньких записки, чтение которых позволяет предположить, что с Л.Л. Толстым чтото происходит. Так, 16 мая (нового стиля) 1910 года он сообщил С.А. Толстой: «<...> Пишу спешно. Всякие дела и чувствую себя нервно. Пора в деревню. Погода чудная. Сегодня второй день здесь Троицы и празднично. Едем через месяц. Дети простужены и Д<ора> тоже. <...>» – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14502. Л. 1 об. Автограф.

А через несколько дней обычно такой легкий в общении с матерью Л.Л. Толстой скрылся за перечнем повседневных семейных забот:

«20 мая <нового стиля 19>10 <года>

Париж

Милая мамá, пишу в грустном, угнетенном всячески настроении. У Пети воспаление в легких, 40,7 , и доктор каждый день. Заботы материальные, работы мои стали, жаль Дору, трудно в весенней суете Парижа.

Надеюсь, что напишу утешительнее через несколько дней, если Богу – судьбе будет угодно меня пощадить.

Целую Вас.

Лев.

Болезнь идет нормально. – Там же , № 14484. Л. 1. Автограф.

В большом письме в конце мая 1910 года Л.Л. Толстой чуть приоткрыл суть происходящего в Париже: «<...> Петя у нас поправился или, скорее, поправляется. Бледен, худ, хотя гуляет уже. Всё-таки хорошо перенес такую болезнь.

Мы хотим ехать 7 го июня. <...>

Я взял себе маленький atelier и с осени буду в нем работать после завтраков, а утром опять в академиях.

Рад буду попасть в Швецию и мечтаю этим летом поехать недели на 3 в горы севера Швеции или Норвегии.

Пока целую всех вас. Не знаю, приеду ли в августе-сентябре к вам. Очень бы хотелось.

Ваш Лев.

Вообще соскучился здесь по России больше, чем скучаю о ней в Швеции. Второй год буду жить здесь без удовольствия, только для дела, а оно все еще меня держит в своем увлечении и подвигается.

Приехал бы к вам, попробовал бы вылепить обоих родителей. Для голов у меня уже много знания. Сделал Нину. Кажется, недурно, хотя, когда здесь перед глазами лучшие образцы, все собой недоволен. <...>» – Там же , № 14485. Л. 1 2. Автограф.

Наконец, последняя открытка из французской столицы:

«Едем сегодня <в> Швецию. Пишите туда. Все здоровы. Целуем.
Лев.
6 июня <нового стиля 19>10 <года>
Париж». – Там же , № 14488. Л. 1 об. Автограф.

...*atelier*... – мастерская, ателье (фр.).
... *Сделал Нину* ... – через год Л.Л. Толстой выставил скульптурный портрет трехлетней дочери (см. об этом ниже).

Однако как только Л.Л. Толстой попал в шведское поместье Вестерлундов и реально приблизился к границам России, желание увидеть родных взяло верх. 29 июня (ст. стиля) 1910 года он уже из Петербурга телеграммой запросил о состоянии здоровья С.А. Толстой. – Там же , № 14492. Л. 1.

Через несколько дней он был уже в Ясной Поляне (см. об этом ниже)].

Глава 5

Первая поездка в Америку (165).
Несчастная «Лузитания».
Trenton (166), Бостон и Вашингтон.
Президент Тафт. Эдисон.
Wel < le > sley College (167). Телеграмма из Парижа

[165. Сохранившиеся документы позволяют обнаружить крайне редкий в мемуарах Л.Л. Толстого сбой памяти: его первая поездка в Америку произошла уже после кончины отца, а не за год до нее. – См.: Tolstoy 's son coming here : First visit to America will be for study and recreation // The New York Times. March 5, 1911. P. 1. См. также: Абросимова В. Сын великого Толстого, война и Америка... // Toronto Slavic Quarterly... Spring 2008, No. 24 (http://www.utoronto.ca/tsq/24/ambrosimova24.shtml).

Первое упоминание о возможной поездке в Америку встречается в письме Л.Л. Толстого из Парижа от 23 декабря (нового стиля) 1910 года: «<...> Я работаю, хочу кончить начатое, рисую, читаю, слоняюсь

немного по Парижу, когда на сердце скверно. Возможно, что в январе уеду вдруг на 3 месяца в Америку. Возможно, что там буду читать лекции. Возможно, что никуда не уеду отсюда до весны. Потребность думать и глубоко, до дна. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14507. Л. 1-1 об. Автограф. Повторил он столь же обтекаемо и в новогоднем письме из Парижа от 2 января (нового стиля) 1911 года: «<...> Много работаю и не вижу, как летит время. Может быть, уеду в Америку. <...>» – Там же , № 14477. Л. 1. Автограф.

То, что в январе 1911 года Л.Л. Толстой был в Париже, подтверждается его деловой перепиской с Роденом. Опубликованный ответ Родена условно датируется 29 января 1911 года. – См.: Correspondance de Rodin : En 4 volumes. Paris, 1987. Vol. III: 1908 1912 /Texts classes et annotés par A. Beausire et F. Cadouot. P. 128; Роден О. Завещание ... С. 494, 593.

В конце января 1911 года Л.Л. Толстой уточнил дату отъезда и цель поездки: «<...> Я сделал недурной бюст отца из бронзы. Дети учатся. <...>еду в апреле<...> Я еду к друзьям на даровые харчи. Еду с возможностью заработка. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14510. Л. 1 об.

Позднее, 15 февраля/1 марта 1911 года Л.Л. Толстой назвал точную дату отъезда: «<...> Уезжаю в Америку 19 го. Не знаю, сколько пробуду. <...> В Америке меня многое интересует и я пользуюсь случаем, чтобы ее видеть. <...>» – Там же , № 14512. Л. 1. Автограф.

Писем из Америки сохранилось немного. Первое из них (заказное) больше говорит о душевном состоянии Л.Л. Толстого, чем о причинах поездки. Оно написано на листах с типографским клише отеля Лафайет и вложено в конверт с аналогичным клише. В новой Америке хранили память о генерале американской армии, знаменитом французском политическом деятеле маркизе Мари Жозеф де Лафайете (La Fayette ; 1757 1834), сражавшемся на стороне Северо-Американских Соединенных Штатов во время Войны за независимость 1775 1783 годов.

«5 апреля <нового стиля>1911<года Нью Йорк>

Дорогая, милая мамá, я получил Ваше письмо и мне грустно за Вас, что столько неприятностей следует одна за другой со смерти отца. Что делать? Надо переносить и стараться выбраться на более спокойную и радостную дорогу. Вам будет легче, когда это издание разойдется и Вы отстранитесь совсем от дел. Как с тремя томами? Надо узнать, за какие именно места тома арестованы, потом вырвать эти страницы и скорее постараться отделаться от всего.

Вы спрашиваете, зачем я уехал в Америку. На это прямо трудно ответить. Случилось так, что я не мог не уехать, не для себя, а главное, для других. Вы слышали, верно, о болезни милой моей Доры после моего отъезда. Слава Богу, ей теперь гораздо лучше и она уже

выходит. Таня застала ее <лежащей> одной в квартире и написала мне. Страшного в этом, в сущности, не было ничего, хотя мне стало совестно, что я так оставил ее. Но я такой скверный, что мне надо было оставить ее, освободить от моей дрянной личности, хотя на время. Что будет дальше – ничего не знаю.

Здесь очень интересно и меня носят на руках. Приглашения всюду и ежедневно, в клубы, об<ще>ства, частные дома. Говорю речи поанглийски, сижу на почетных местах. Говорю искренно о необходимости союза между двумя великими странами – Россией и Америкой, о том, что время пришло, чтобы все великие нации соединились вместе для того, чтобы первые шаги к разоружению могли быть сделаны. Об отце говорю мало. Живу в дешевом французском отеле. Готовлю публичную лекцию, ищу скульптурной работы и думаю, что на днях получу два заказа на бюсты.

Подарил в здешний музей бюст отца из бронзы. Приняли с благодарностью. Другую голову отца продал в бронзовый магазин, лучший в Америке. Надеюсь окупить расходы по путешествию и, м<ожет> б<ыть>, заработать для семьи. Живу скромно. Отца все искренно любят и понимают. Он здесь ближе к людям и жизни, чем где-либо. Удивительные люди, американцы, но что из них выйдет, еще трудно предсказать.

Они увеличивают вооружения, они делаются в известных слоях общества воинственными, они принуждены централизовать власть и управление, которые более, чем гделибо были до сих пор децентрализированы.

Женщины здесь меня приводят в восторг своей работой и серьезностью. Зато они далеко не так привлекательны, как французские. Строгость нравов очень большая и свои зато специфические игроки.

Я писал коечто в „Новое Время“ из моих впечатлений здесь. Миша Кузминский оставил всюду очень грустные следы. Вопервых, долг гостинице в 100 рублей. Я плачу 2 доллара в день в скромной гостинице, он платил 4 в самой роскошной. Он ездил на автомобилях, я <езжу> на трамвае и т.д. Кроме того, у него была какаято женская грязная история и он был груб с людьми.

Miss Hapgood дала мне серебряную ложку в подарок Вам и другую Тане. Все Вас очень ценят здесь по достоинству.

Я пробуду, вероятно, весь апрель, м<ожет> б<ыть>, захвачу часть мая. Что поделаешь? Надо жить, как Бог велит, мой Бог – судьба, провидение, потому, что мы лично ничего не можем. Можем одно – только спрашиваться у нашего разума и отдаваться чувству, когда оно сильнее всего.

Слышал, что духоборы очень процветают и размножаются. У Веригина несколько миллионов в банке. Молодежь духоборческая об<ъ>англичанилась. Школа всех равняет в Канаде, как и здесь. Но

живучесть славянской расы так велика, что я надеюсь, <что> в будущем духоборы будут преобладать количественно на севере этого континента и, м<ожет> б<ыть>, в свое время начнут, как делает это теперь центральная Россия на старом континенте, посылать с севера вниз, на юг, своих потомков. Раз я говорил с папá об этой возможности, и он ответил: „Кто знает? Может быть...“

Сейчас здесь хоронят 150 жертв пожара, который был здесь рядом с отелем. Девушки-работницы бросались с 9< го> этажа на улицу и разбивались насмерть. Это было на днях. Сейчас сотни тысяч работниц и работников с открытыми зонтиками под дождем идут процессией в несколько миль мимо нашей гостиницы к пожарищу рядом на площади, откуда кортеж пойдет на кладбище. Полный порядок, тишина, черные флаги, достоинство. Полиция превосходная. Демонстрация пройдет, вероятно, без всяких бесчинств. Я не выхожу, потому что не люблю толпы и есть свободное время сегодня.

Что Илья? Надеюсь, что он не поедет сюда еще тратить без толку деньги. Я никогда не сочувствовал фантазии продать Ясную <Поляну> американцам, да и никто здесь и не думает об этом. Слава Богу, никто ко мне не обращался за этим, и все почувствовали сразу, что я тут не при чем. Кстати, что об этом в России? Ответьте при случае на это письмо. М < ожет> б<ыть>, дойдет, пока я здесь.

Целую крепко. Не осуждайте меня за то, что так жестоко, как будто, покинул семью. Было бы хуже оставаться. Трудно жить на свете, когда в жилах кровь, а не чертковская сыворотка. Чтоб ему за его глупость, ни <за> что другое, было воздаяние. Я рад, что освобожден от издания, но не могу ему простить за страдания отца и за Ваши.

Ваш Лев».

– Там же , № 14513. Л. 1 6. Автограф. Курсив мой. – *В.А.*

...Ваше письмо... – речь идет о письме, написанном в первой половине февраля 1911 года, когда С.А. Толстая находилась в состоянии тяжелой депрессии.

«11 февраля <ст. стиля> 1911 г<ода.

Ясная Поляна>

Милый Лева, посылаю какойто присланный тебе адрес. Неужели ты действительно едешь в Америку? У нас всё не ладно. Я твердо решила рукописей не отдавать добровольно, тем более что г. Чертков заявил хранителю рукописей Румянц<евского> Музея, что ему Лев Ник<олаевич> поручил вычеркивать из дневников по его усмотрению.

Саша, озлившись за мое упорство, грозит разоблачить все письма и дневники папá, чтоб доказать его волю относительно рукописей, и она уже прислала мне письмо твоего отца, написанное ей из Оптиной Пустыни, – письмо, полное злобы на меня и прямо указывающее на

то, что Лев Ник<олаевич> бежал от меня или, вернее, от того, что предложил мне разлуку с Чертковым, а потом страшно страдал от этой разлуки с<о> своим любимцем и озлился на меня. Да и лично я все время последнее чувствовала его недоброе отношение ко мне и потому все больше и больше нервничала и страдала…

Сейчас приехали Андрюша и Илья, собираются в Петербург, а я еду в Москву в понедельник, так как издание к тому дню будет окончено, и надо секретно и как можно скорее его все распродать и разослать. Кроме того, надо уяснить продажу дома и дело рукописей и всего отданного мной на хранение в Историч<еский> Музей, незаконно задерживающий мое имущество.

Очень рада была услыхать о вашем благополучном пребывании в Париже, но мало мне Илья рассказал о детях. Мне живется тяжело, и терзают душу все дела. Целую вас всех.

Любящая тебя мать С. Толстая». – *ИРЛИ*, ф. 303, № 691. Л. 4 4 об. Автограф. Курсив С.А. Толстой. Конверт не сохранился. Судя по содержанию, письмо было отправлено в Париж, а оттуда прислано Л.Л. Толстому в Нью Йорк.

…столько неприятностей… – речь идет о настоящей борьбе за наследие Л.Н. Толстого, развернувшейся между С.А. Толстой, с одной стороны, и А.Л. Толстой и В.Г. Чертковым, которые по последнему завещанию Толстого являлись его душеприказчиками. – См. об этом: Толстая С.А. Дневники… Т. 2. С. 334 337, 551 554; Толстая А. Отец… Т. 2. С. 478.

…Как с тремя томами?.. – в феврале 1911 года были арестованы три части (XVI , XIX и XX) «Сочинений» Л.Н. Толстого. С.А. Толстой пришлось ввести в состав названных частей письма Л.Н. Толстого вместо его статей, изъятых по цензурным соображением. – См.: Толстая С.А. Дневники… Т. 2. С. 339, 554.

…о болезни милой моей Доры… – тяжелое кровотечение, о котором ранее писал Л.Л. Толстой.

…Таня… – Т.Л. Сухотина-Толстая в это время с семьей возвращалась из Рима в Россию и заехала в Париж повидаться с семьей Л.Л. Толстого. То, что она увидела в парижской квартире младшего брата Льва, глубоко поразило ее. В изложении С.А. Толстой, которая 18 апреля (ст. стиля) 1911 года отправила сыну очередное письмо, все выглядело так: «<…> Таня, приезжавшая побыть со мной четыре дня, мне рассказывала о бедной Дорочке, как она её застала больную, одну, запертую в квартире, беспомощную и жалкую. Слава Богу, что все обошлось благополучно и что она поправилась. Таня очень хвалила Палю, какой он уже большой, распорядительный и разумный, точно взрослый. Как мне захотелось повидать всех вас! <…>» – ИРЛИ , ф. 303, № 691. Л. 5. Автограф.

Пале было в это время десять с половиной лет (см. о нем примеч. 163 к Главе 19 Книги I).

...с благодарностью... – в письме от 21 марта 1911 года дирекция музея выразила благодарность Л.Л. Толстому за его ценный дар. – *ИРЛИ*, ф. 303, № 819. Л. 30. Машинопись на англ. языке.

... Я писал коечто в «Новое Время» из моих впечатлений здесь... – См. цикл очерков Л.Л. Толстого под общим названием «В Америке»: Новое время. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5; 30 марта/12 апреля 1911 года, № 12589. С. 4; 4/17 апреля 1911 года, № 12594. С. 2; 10/23 апреля 1911 года, № 12600. С. 6; 14/27 апреля 1911 года, № 12602. С. 3 4; 18 апреля/1 мая 1911 года, № 12606. С. 2 3; 2/15 мая 1911 года, № 12620. С. 2; 12/25 мая 1911 года, № 12630. С. 4 5; 19 июня/2 июля 1911 года, № 12667. С. 3; 24 июня/7 июля 1911 года, № 12672. С. 3.

Племянник С.А. Толстой, юрист по образованию, Михаил Александрович Кузминский (род. в 1875 году) прибыл в Америку 1 января 1911 года и на самом деле вёл переговоры о продаже Ясной Поляны и превращении ее в международную собственность и памятник культуры всего человечества. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 552. Более подробно о пребывании «племянника-балалаечника » М.А. Кузминского в Америке и его концерте в Нью-Йорке на самобытном музыкальном инструменте с целью собрать деньги на жизнь себе и на выкуп могилы великого писателя в Ясной Поляне см.: Торговцы великим именем // Биржевые ведомости : Утренний выпуск. СПб., 9/22 октября 1911 года, № 12573. С. 2.

Американская писательница и переводчица Изабелла Флоренс Хэпгуд (Hapgood; 1850-1928) переписывалась с Л.Н. Толстым, бывала в Ясной Поляне и подоброму относилась ко всем членам семьи Толстого. – ПСС. Т. 50. С. 101 102, 105. См. также: Неизвестный Толстой в архивах России и США ... С. 247 249; Л.Н. Толстой и США : Переписка / [Составление, подготовка текстов, коммент. Н. Великановой , Р. Виттакера. Текст англ., рус.] М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 58 263.

Сохранились два письма г-жи Хэпгуд, из которых следует, что 22 марта 1911 года в Нью Йорке она передала Л.Л. Толстому две серебряные ложки в подарок С.А. Толстой и Т.Л. Сухотиной-Толстой. – *ИРЛИ* , ф. 303, № 245. Л. 1 3 об. Автограф на англ. языке.

Пётр Васильевич Веригин (1862-1924) – руководитель секты духоборов с 1886 года. О том, что уехавшие из России в Канаду духоборы уже через несколько лет не только встали на ноги, но и отказались от материальной помощи, Л.Н. Толстому было известно

еще в декабре 1903 года. – ПСС. Т. 74. С. 258. См. также: Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: Переписка / Издание подгот. Л.Д. Громова-Опульская; Отв. ред. А.А. Донсков. СПб., 1995.

...150 жертв пожара... – русские газеты сразу же перепечатали информацию о страшном пожаре «в верхних этажах 11 этажного дома в Нью-Йорке, где погибло 150 девушек-мастериц. ...» – См.: Ужасная катастрофа в Нью Йорке //Новое время. СПб., 19 марта/1 апреля 1911 года, № 12578. С. 4.

Свой очередной очерк Л.Л. Толстой посвятил этому событию:

«Вчера здесь хоронили несчастных жертв страшного пожара, случившегося рядом с моим отелем „Lafayette “.

Работницы бросались из горевшего громадного дома, с девятого этажа на улицу и разбивались насмерть.

Нью-Йорк никогда не забудет этого кошмара. Вчера несколько сот тысяч человек, рабочих и работниц, почти всех организаций и видов труда, демонстративно, бесконечной процессией с венками, флагами и цветами шли за гробами своих товарищей и товарок.

Закон должен защитить рабочий класс от таких страшных случайностей и катастроф.

Надо было видеть всю эту толпу людей, спокойно стоявших под дождем, под открытыми зонтиками, образовавшими целую черную крышу над головами, надо было видеть этот порядок, эту внутреннюю дисциплину каждого, чтобы понять американца, его развитость и характер. Здесь действительно возможна демократия.

Ни тени возможности каких-нибудь бесчинств или беспорядков. Ни одного громкого голоса, режущего ухо диссонансом, ничего лишнего, неразумного, нервного.

И процессия прошла так через весь огромный город, действительно внушая стране весь ужас происшедшего и всю несправедливость условий, вызвавших несчастие. ...» – Там же , 10/23 апреля 1911 года, № 12600. С. 6.

...Илья... – И.Л. Толстой собирался в Америку в январе 1911 года. 4 января 1911 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «... Вечером нахлынули сыновья Илья, Андрей и Миша, выпросили 1500 р[ублей] и собирают Илью в Америку продавать Ясную Поляну, что мне и грустно, и противно, и не сочувственно. Я желала бы видеть Ясную Поляну в русских руках и всенародных». – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 333. Поездка И.Л. Толстого в Америку в начале 1911 года не состоялась.

...чертковская сыворотка... – в Дневнике Л.Н. Толстого и его переписке с В.Г. Чертковым в конце 80 х годов, в период создания повести «Крейцерова соната», всерьез обсуждался вопрос о

целомудренных отношениях супругов в браке. – ПСС. Т. 50. С. 64, 83, 113; Т. 86. С. 134 135, 142 143; Муратов М.В. Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков по их переписке. М., 1934. С. 159 и др.

166. Трентон (англ.) – университетский город, административный центр штата Нью-Джерси, порт на реке Делавер.

167. Колледж Уэллсли или Велслей (англ.). См. ниже примеч. 203].

Из Ливерпуля в Нью-Йорк я ехал на несчастной «Лузитании», впоследствии стоившей американскому народу сотен тысяч человеческих жизней (168).

[168. 24 апреля/7 мая 1915 года большой океанский пароход компании “Cunard Line ” “Lusitania” был потоплен немецкой миной. За пятнадцать минут из 1978 пассажиров большинство утонуло, спаслось 658 человек. – См.: Lusitania sunk by a submarine : Probably 1.000 dead //New York Times. May 8, 1915. P. 1 4; Great moments of the century : As reported by the New York Times. N.Y., 1977. P. 32 35; Гибель “Лузитании” // Новое время. Пг., 26 апреля/9 мая 1915 года, № 14053. С. 4-5; Лузитания //Там же , 30 апреля/13 мая 1915 года, № 14057. С. 6.

Однако Л.Л. Толстой ошибся: в 1911 году он плыл на другом пароходе, “Mauretaine ”. – См. сообщение о приплытии Л.Л. Толстого на „Мавритании“ 10 марта 1911 года: Tolstoy’s son here to study America //The New York Times. March 11, 1911.

Вот его описание путешествия, сделанное тогда же для «Нового времени»: «...Из Петербурга кажется почти подвигом поехать в Америку. Из Франции это гораздо легче; а когда, переехав Англию, в Ливерпуле садишься на громадный плавучий дворец в семь этажей, с залами и гостиными, залитый электричеством, полный удобств и роскоши, с 3.000 пассажиров, с элеваторами на каждый этаж, с оркестром музыки во время завтраков и обедов, лакеями, поварами, цветами, фортепианами, библиотекой, доктором, разменными кассами, просторными каютами, великолепными палубами, со своей газетой, издающейся ежедневно по беспроволочному телеграфу, с ваннами, с телефонами и т.д. и т.д., то забываешь, что это плавучий мир на море, что он пойдет через пустынный океан три тысячи миль. Я переехал из Ливерпуля в Нью-Йорк на лучшем, самом быстроходном пароходе всех существующих линий, „Мавритании“, сестре „Люзитании “, побившей недавно рекорд скорости между двумя континентами в четверо с половиной суток. Это Кюнарская линия. ...»

– См.: Новое время. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5. Курсив мой. – В.А.

...*Кюнарская линия*... – по имени сэра Сэмьюэля Кунарда (Кюнард; Cunard; 1787-1865), положившего начало пароходному сообщению между Бостоном, Нью Йорком и Ливерпулем. – См.: The Encyclopædia Britannica... Vol. 3. P. 294; Энциклопедический словарь ... Т. XVII. С. 21].

Кто думал тогда о возможности мировой войны и кто думал после неё о неизбежности новой среди пассажиров трансатлантических роскошных гигантов?

Среди Атлантич<еского> океана нас застала страшная буря, продолжавшаяся трое суток. Сначала я не хотел поддаваться ей и один из последних бродил по пароходу, борясь с усталостью. Но к вечеру началась такая качка, что приходилось нагибаться под углом в 45° против каждого крена, чтобы не быть отброшенным в сторону. Я решил выйти на палубу, вдохнуть свежего воздуха, но свистевший ярым свистом ветер с такой силой захлопнул на меня двери, что я полетел вниз по лестнице, хватаясь за перила. Кое-как я добрался до моей каюты, бросился на койку и уже больше не поднимался до утра.

Когда мы подходили к Нью-Йорку, я вышел на палубу, где капитан рассказывал пассажирам, что он никогда еще за свою жизнь не бывал в таком урагане. Волны согнули толстые железные листы, окружавшие верхние палубы парохода, и местами сорвали и унесли с собой перила.

Все же «Lusitania» была быстроходной.

Мы переплыли океан в 51/2 суток, что до сих пор почти рекорд.

Но вот и Статуя Свободы (169), небоскребы громадного города, а слева – бесконечная линия нью-йоркского порта, утопающая в синеющей дали берега.

Мы подходим все ближе, и пассажиры вышли из кают. Среди них две девушки, которые с любопытством смотрят на меня. Не они ли те американки из

Питсбурга, знакомые Жизель, о которых она мне говорила? (170)

[169. Статуя Свободы была спроектирована в 1874 году молодым эльзасским скульптором Фредериком-Огюстом Бартольди (Bartoldi; 1833-1904). Каркас сконструирован знаменитым французским инженером Александром Гюставом Эйфелем (Eiffel; 1832-1923). Весной 1885 года составные части памятника были привезены в Америку, и 28 октября 1886 года состоялось его торжественное открытие.

170. В очерке «В Америке» Л.Л. Толстой лишь упомянул о них: «...две симпатичные, хорошенькие американки Крэг». – Новое время. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5].

Я знакомлюсь с ними, и мы говорим о буре, о Париже, наконец, о Жизель.

– Не правда ли, какая она привлекательная девушка? – спрашивает меня одна из них.

– Очень, – отвечаю я. – Вы давно знаете ее?

– Да, но как жаль, что мы с вами не познакомились раньше.

На пристани Нью-Йорка меня встречает мой знакомый из Trenton'a – Mr. Hill (171), с которым я однажды сделал путешествие между Стокгольмом и Петербургом и который теперь пригласил меня остановиться у него в доме (172).

[171. Эдмунд С. Хилл (Hill; 1855-1936) – интеллектуал, получивший хорошее образование. В 1905 году он продал своё ресторанное дело и занялся путешествием по миру и общественной деятельностью у себя дома. Одним из самых успешных его проектов стала организация парков.

Из сохранившихся писем Э. Хилла следует, что их совместное путешествие о Л.Л. Толстым состоялось летом 1907 года. – *ИРЛИ*, ф. 303, № 752. Л. 6-7. Автограф на англ. языке.

В цитировавшемся ранее очерке «В Америке» Л.Л. Толстой писал: «... Еще до тяжелых событий в Ясной Поляне я получил от одного моего американского случайного знакомого m[iste]r['a] Hill['a] приглашение приехать пожить у него в Трентоне (Нью-Жерзе), подле Нью-Йорка, и отсюда познакомиться с Америкой и ее жизнью. Судьбе

угодно было, чтобы я этим милым приглашением воспользовался, и я жалею только об одном, что не сделал этого раньше, не был и не видал всего того, что вижу. ...» – Новое время. СПб., 18/31 марта 1911 года, № 12577. С. 5.

...в Трентоне (Нью Жерзе)... – речь идет об административном центре штата Нью Джерси (New Jersey).

172. В первом же письме из Трентона от 2 октября 1907 года Э. Хилл пригласил Л.Л. Толстого в Америку и повторял это на протяжении нескольких лет, в том числе в письме от 9 декабря 1910 года. – *ИРЛИ*, ф. 303, № 752. Л. 1, 6 7. Автограф на англ. языке.

1 января 1911 года, получив письмо Л.Л. Толстого, сообщившего о своём желании приехать в Америку, Э. Хилл с радостью принялся деятельно помогать сыну великого русского писателя и взял на себя обязанность устроить Л.Л. Толстому ряд встреч с самыми знаменитыми американцами, со многими из которых он был знаком лично. – Там же. Л. 8-9 об.

11 января 1911 года Э. Хилл смог уже конкретно назвать своему корреспонденту примерную программу его предполагаемой поездки по Америке. – Там же. Л. 11-12].

У Hill'а была скромная и тихая жена и двое детей – сын и дочь, которых я тоже видел на финском пароходе. Я никого не знал тогда в Америке, кроме этой семьи, поэтому был рад быть среди хороших людей.

Маленький рыжий человек встретил меня на таможне и увёз в Trenton на собственном роскошном автомобиле.

У Hill'а была дача, множество участков земли вокруг города, своя пекарня, своя контора продажи и покупки земли, и, по-видимому, весь город знал и уважал его.

Супруги Hill приняли меня с совершенно непонятной для меня добротой. Я спал на пуховом матрасе в комнате их дочери Dorothey , которой не было дома. Кормили меня на убой. Приглашали для меня лучших людей в гости. Возили всюду: в Нью-Йорк, Бостон и Вашингтон.

Между прочим, Hill хотел познакомить меня тогда с Вильсоном (173), который был губернатором его штата и

который, по его словам, будет президентом. Но эта поездка наша не состоялась.

[173. Э. Хилл действительно был знаком с Вудро Вильсоном (Wilson; 1856-1924), ставшим президентом США в 1913 году и исполнявшим свои обязанности вплоть до 1921 года].

Вспомню кратко впечатления от первого знакомства моего с Америкой.

Гостеприимство; званые обеды и вечера; театры и опера; Wall Street (174); банкиры Морган (175) и C lews (176); крикливая биржа (177), жадные люди смотрят на цифры биржевых цен.

Небоскреб «Times'a» (178), верхние этажи которого медленно качаются. Wool Word building (179); здание «Утюга»(180); Музей(181) и Библиотека(182); B roadway (183) и Fifth Avenue (184); еврейский(185), негритянский(186) и китайский(187) кварталы; рестораны Childs (188); большие магазины «одной цены»(189); бесконечные линии желтых автобусов, не могущих двигаться свободно; стальные вагоны поездов; мраморный вокзал Пенсильвании(190); негры и негритёнки в очках; сельдерей в стаканах ресторанов; Central Park с ужасными, безобразными бюстами(191); широкая река с пароходами и бесконечный однообразный лихорадочно выросший город(192).

В Бостоне – храм, газета и люди новейшей религии <средних?> классов – Christian Science , и опять – званые обеды, чаи и вечера (193). Вот красавица жена одного миллионера, который сидит в сумасшедшем доме(194). Вот переводчик сочинений отца – милейший человечек, который показывает меня своим друзьям как диковинку(195).

В Вашингтоне Тафт принимает меня в Белом Доме (196). У него болят глаза, и он в чёрных очках. Спрашивает, как мне нравится Америка, долго ли я пробуду. Говорит, что глаза его беспокоят. Потом завтрак с блестящей, красивой Алисой Longwork (197),

дочерью Теодора Рузвельта (198), потом визит к Эдисону, который показывает мне свои мастерские и, между прочим, готовые разборные домики для рабочих из цемента.

Эдисон в легком сером костюме и говорит мне, что круглый год надо носить легкую одежду, чтобы давать доступ воздуха к коже. Он гордится своим граммофоном, который считает одним из полезнейших изобретений, и показывает новые ролики для запечатления на них живой речи и для диктовок (199).

У Эдисона был сын, как сказал мне Hill, который проматывал его состояние (200).

Однажды в Нью-Йорке, на большом вечере в Бруклине, мой знакомый французский барон D estournelle Constant говорит речи против войны. Меня просят тоже сказать несколько слов, и я в первый раз в жизни говорю публично.

Destournelle Constant был человеком искренним и идейным. Ему справедливо присудили Нобелевскую премию Мира(201).

– Il faut se jeter a l'eau (202),– поощряет меня барон перед тем, как я вбегаю на эстраду.

После наших речей две красавицы американки танцуют передо мной национальные танцы Виргинии. Одна другой лучше, они шутливо кокетничают и заигрывают со мной, и одна бросается рядом со мной на диван и почти обнимает меня.

– Напрасные усилия! – кричит ей другая. – У него сердце зашито! Занято! Это видно сразу!

Я посещаю также женское училище Well < e > sley College (203), где училась дочь Hill'a. Я не видал ее с тех пор, как мы вместе ехали в Стокгольм из Петербурга. Тогда она была еще девочкой, теперь – взрослой серьезной девушкой с кротким, милым лицом. Она крепко жмет мне руку и краснеет, глядя мне в глаза.

В ее колледже я встречаю молодую русскую еврейку, которая горько жалуется мне на порядки и поверхностность американского образования.

Так знакомился я с Америкой и еще не думал о возвращении в Париж, когда я неожиданно получил телеграмму из Парижа об опасной болезни моей жены (204).

[174. Уолл Стрит – улица в деловом центре Нью-Йорка, на которой расположены фондовая биржа, правления крупнейших банков и т.д.; в переносном смысле – финансовый центр Америки. – См.: Slocum R., Todd A. A key to New York. N.Y.; Lnd., 1939. P. 30-31.

В цикле очерков «В Америке» Л.Л. Толстой не раз писал об Уолл Стрит. Завершая разговор с читателем-соотечественником, Л.Л. Толстой заметил: «... В квартале Wall Street самые высокие дома. Сейчас строится дом в 50 этажей и, сколько ни поднимай кверху голову, не увидишь верхнего звена этого нового чудовища. Странно видеть, что эти новые стальные постройки ведутся сверху вниз. Верхние этажи у них застроены, стены их заполнены. Внизу или в середине дома рамы еще пусты.

Денежный квартал Нью-Йорка не симпатичен ни внешним видом, ни характером жизни. ...» – См.: Новое время. СПб., 24 июня/7 июля 1911 года, № 12672. С. 3. Отрывок из этого очерка Л.Л. Толстого с язвительным комментарием был сразу же перепечатан в другом издании. – См.: Заботы яснополянского графа // Утро России. М., 26 июня 1911 года, № 146. С. 2.

175. Джон Пирпонт Морган (Morgan; 1837-1913) – создатель банкирского дома «Дж.П. Морган и К », в котором участвовали члены семьи Моргана и два десятка финансовых магнатов, близких к ней.

176. Генри Клуз (Clews; 1840-1923) – американский банкир; мемуарист; один из авторов «японского чуда». – См.: The Encyclopedia Americana : In 30 volumes. N.Y.; Chicago , 1943. Vol. 7. P. 100.

177. В цикле очерков «В Америке» Л.Л. Толстой писал о фондовой бирже, с 1903 года размещавшейся в 17 этажном здании на Уолл Стрит. – См.: Новое время. СПб., 24 июня/7 июля 1911 года, № 12672. С. 3.

178. Штаб-квартира газеты «Нью Йорк Таймс», основанной в 1851 году, расположена с 1904 года в 25 тиэтажном здании на пересечении Бродвея (см. о нем ниже примеч. 183) и 7 й авеню. – См.: Иконников А. Нью Йорк. Л., 1980. С. 66; New York illustrated. N.Y., 1928. P. 15.

179. Л.Л. Толстой ошибся : 240 метровый 60 тиэтажный небоскреб Woolworth -building строился в 1909 1913 годах по заказу Фрэнка

Уинфильда Вулворда (Woolworth ; 1852 1919), совладельца магазинов - центовок или магазинов «одной цены ». – См.: New York : A guide to the Empire state. N.Y., 1940. P. 256; Americana = Американа : Англо-русский лингвострановедческий словарь /Под общей редакцией Г.В. Чернова. М., 1996. С. 322, 1102; McNally R. Guide to New York city and environs. N.Y., 1928. P. 147; Томахин Г.Д. США: Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. язык, 1999. С. 562 (см. ниже примеч. 189).

Построенное в готическом стиле здание позднее было названо «Собором Коммерции». – См.: Хеммел Ф. Нью-Йорк'94: Исчерпывающий путеводитель. М.: Зодиак, 1994. С. 10. Во время своей первой поездки в Америку Л.Л. Толстой, вероятно, мог его видеть только в строительных лесах.

180. «Флэтайрон билдинг» (Flatiron building) – один из первых небоскребов; 21 этажное здание необычной треугольной формы, внешне напоминающее утюг, было возведено в 1902 году на пересечении Бродвея и Пятой авеню (см. о ней ниже примеч. 184). – См.: Хеммел Ф. Нью Йорк'94... P. 14; McNally R. Guide to New York city and environs... P. 141; Slocum R., Todd A. A key to New York... P. 172.

181. Крупнейший художественный музей США , Метрополитен - музей (Metropolitain museum of art) был открыт в Нью Йорке в 1870 году на Пятой авеню ; в 1902 году к нему был пристроен фасад с четырьмя колоннами ; позднее при Музее была открыта библиотека. – См.: New York : A chronological & documentary history 1524 1970 /Compiled and edited by Howard B. Furer. N.Y., 1974. P. 32 34; Morris L. Incredible New York: High life and low life of the last hundred years. N.Y., 1951. P. 157-162.

182. Центральное здание Нью-Йоркской публичной библиотеки было открыто в марте 1911 года и вместило 1.200.000 томов. Позднее еще 1.300.000 книг разместились в нескольких филиалах. – См. подробнее: Хавкина Л.Б. Нью Йоркская публичная библиотека. 2 е изд., доп. М., 1920. С. 11-14.

183. Первые кварталы Бродвея – одной из главных улиц Нью Йорка, на которой расположено множество деловых контор, шикарных магазинов, а также отели и театры, – были заложены еще в 1835 году. В конце 1880 года Бродвей был освещен электрическими лампами и приобрел свой современный сверкающий вид. – См.: New York... P. 25 26, 35.

184. Пятая авеню – самая фешенебельная улица Нью-Йорка, на которой расположены антикварные и ювелирные магазины.

185. Бронкс (Bronks) – северный район Нью-Йорка, где в начале XX века проживало множество еврейских семей.

186. Гарлем (Harlem) обычно называют негритянским гетто Нью Йорка.

187. Чайна таун (Chinatown) – район, где проживают китайцы в Нью Йорке, славится множеством ресторанов с китайской кухней.

188. Джордж Чайльдс (Childs; 1820-1896) в начале 50-х годов на свой страх и риск занялся устричным промыслом в штате Массачусетс, который принес ему состояние и успех. Один из его сыновей, Сэмюэл Хупер Чайльдс (1851-1919), вместе с второй женой, Кэрри Каролиной (урожд. Lovell; 1871-1932), и другими членами большой семьи продолжили его дело, а потом открыли сеть ресторанов, в том числе и в Нью-Йорке.

Ресторанная корпорация Чайльдсов возникла в Нижнем Манхэттене, где к 1900 году они первыми в стране ввели систему самообслуживания в кафетерии и предложили посетителям постоянный набор вкусной и недорогой пищи от 10 до 20 центов. За короткое время рестораны Чайльдса на Бродвее стали своеобразным центром притяжения, куда деловые люди отправлялись на встречи, где подростки могли скрыться от родительских глаз, а дети учились правильно и красиво есть, получая удовольствие как от процесса еды, так и от представления фокусников, специально для них устроенных. – См.: Morris L. Increadible New York... P. 260; Slocum R., Todd A. A key to New York... P. 252.

Позднее, в 1923 году The Childs restaurant corporation построила красивое здание в районе 21 ой улицы и Кони Айленда в Бруклине, которое многие годы оставалось архитектурной достопримечательностью Нью-Йорка.

Последнее обстоятельство позволяет предположить, что в памяти Л.Л. Толстого слились впечатления от посещений Нью Йорка в 1911, 1917, 1925 и других годах.

189. Т.е., за любой товар, продающийся в этом магазине, надо заплатить указанную цену: 5 или 10 центов (см. выше примеч. 179).

190. Вокзал “Пенсильвания” – самый оживленный из всех железнодорожных ньюйоркских вокзалов – был построен в 1911 году и сразу же стал достопримечательностью центральной части Манхэттена. Он просуществовал до 1963 года. – См.: Americana = Американа... С. 726; McNally R. Guide to New York city and environs... P. 144 146; Facts about New York. N.Y., 1928. P. 38.

191. Центральный парк в Нью Йорке был создан в середине XIX века. Одной из его особенностей являются памятники поэту-романтику Уильяму Брайанту (Bryant; 1794-1878), писателю Вашингтону Ирвингу (Irving ; 1783 1859), датскому сказочнику Хансу Кристиану Андерсену (Andersen; 1805-1875), а также героине повести «Алиса в стране чудес» английского сказочника Льюиса Кэрролла (Carroll ; 1832-1898) и др. – См.: Facts about New York... P. 23.

192. Нью Йорк расположен в устье реки Гудзон, названной в честь английского мореплавателя XVI века, открывшего эту реку, Генри Гудзона (Hudson).

193. В очерке для русских читателей Л.Л. Толстой так описал посещение Бостона, одного из крупнейших промышленных и торгово-финансовых центров Америки, административного центра штата Массачусетс (Massachusetts), порта на побережье Атлантического океана:

«... В Бостоне мне показали маленькую унитарианскую церковь, в которой проповедовал знаменитый Эмерсон, мой любимый американский мыслитель. Когдато он был либеральнее своей унитарианской церкви, теперь унитарианцы выросли до своего учителя. Повели меня в громадную церковь (Christian Science), которая поразила меня своим великолепием. У нас знают об этом интереснейшем новом религиозном течении очень мало. Немногие читали знаменитую здесь, в Англии, Южной Америке, Австралии книгу Mary Eddy – Science and Health. Идея книги – бессмертие – закон жизни, физическая жизнь – только временное проявление вечной сущности. Физическое здоровье необходимо для счастья. Оно достигается разумной жизнью, радостностью и перенесением телесных страданий. Поэтому все приверженцы этой замечательной религии нового времени отличаются всегда ровным, веселым нравом. Приводят примеры, как мужественно переносят всякие неудачи и невзгоды эти христиане. В железнодорожной катастрофе одному из приверженцев этой веры измяло ногу, которую пришлось отнимать. Он перенес операцию без хлороформа, отказался даже от услуг сиделки. Замечательно, что здесь насчитывается больше миллиона приверженцев этой церкви. Служба очень проста.

Читают и говорят непременно мужчина и женщина. Читают Евангелие и книгу Mary Eddy. Ее изречения рядом с изречениями Христа написаны на стенах. Новая церковь вмещает около 5.000 человек. В ней самый большой в Америке орган, занимающий громадную стену. Подле церкви громадное здание „Христианской науки“, одной из самых больших издательских фирм в мире. Здесь

печатается несколько журналов, множество брошюр и ежедневная газета „Христианская наука“, одна из лучших в Бостоне. ...

В Бостоне мы посетили еще другую новейшую церковь спиритуалистов, которой я заинтересовался, как диковинкой. Тут портреты духов по стенам, тут всякие спиритуалистические и каб[б]алистические книги в библиотеке, тут транс-спиритуалистические проповеди верующих, в которых вселяются то духи индейцев, то дух Жанны д'Арк, то других великих умерших, говорящие их устами.

Темная, таинственная часовня человек на пятьсот, еще более темный зал в нижнем этаже. Есть картины, сделанные спиритами во сне, в трансах. Глава этой церкви прислал мне книгу, выражающую основу их веры, которую я еще не успел просмотреть. К счастью, чистые спиритуалисты здесь, кажется, редки. Есть еще новость – это бабисты, которых, говорят, довольно много. ...» – См.: Новое время. СПб., 18 апреля/1 мая 1911 года, № 12606. С. 2-3.

Ральф Уолдо Эмерсон (см. о нём выше примеч. 138) родился в Бостоне в семье унитарианского священника. Эмерсоны принадлежали к коренным пуританским поселенцам Новой Англии и насчитывали в своем роду целую династию священников.

Высшее богословское образование Р.У. Эмерсон получил в Гарвардском университете, по окончании которого он стал священником унитарианской церкви в Бостоне. Однако вскоре Эмерсон поселился в маленьком городке Конкорд неподалеку от Бостона и посвятил себя поискам истины. Его лекции и публичные выступления вызвали огромный интерес, особенно у молодых слушателей.

Религиозно-этическая направленность сочинений Эмерсона нашла отклик и в душе Л.Н. Толстого, считавшего Эмерсона одним из самых глубоких мыслителей. – ПСС. Т. 49. С. 92, 234; Т. 88. С. 211; и др.

Л.Л. Толстой раньше не проявлял интереса к творчеству Эмерсона. После смерти отца ситуация существенно изменилась.

Христианская наука (Christian Science) – секта в Америке, основанная в конце 80 х годов XIX века.

Мэри Морс Глоувер Эдди (Eddy ; 1821 1910) – религиозная писательница, автор многих книг, в том числе книги «Наука и здоровье», присланных в Ясную Поляну. – См.: Eddy M. Christian science: No and yes. Boston, 1889; Eddy M. Science and health: With the key to the Scriptures. Boston , 1887; и др. В библиотеке Л.Н. Толстого сохранились также более поздние издания этой книги 1896 и 1900 годов. – См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне ... Ч. III/1. С. 322 324. См. также: Вудсворт Дж. Лев Николаевич Толстой и Мэри Бэкер Эдди: сопоставительный взгляд //Лев Толстой

и мировая литература : Материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. Тула, 2005. С. 121-135.

...*спиритуалистические* (от латин. spiritus – дух, душа) [книги] – книги, в которых обосновывалось религиозное верование в существование Бога и бессмертие души.

...каб[б]алистические книги (от древнеевр. Каббала – предание) – книги, в которых дается религиозно-мистическое объяснение явлений действительности и утверждается вера в то, что с помощью специальных ритуалов, молитв и волевых актов человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс истории (например, приближать приход мессии путем придания магического смысла словам и числам, а также символического истолкования текстов Священного писания).

Жанна д'Арк (Jeanne d 'Arc; около 1412-1431) – крестьянская девушка, по воле голосов и по внутреннему порыву возглавившая общенародную борьбу французов с английскими завоевателями в период Столетней войны 1337-1453 годов.

...*бабисты*... – последователи Али Мохаммеда (Баба). См. о нем выше в примеч. 137.

194. Возможно, это о ней сказано в очерке Л.Л. Толстого: «... Есть в Бостоне оригинальная женщина – миллионерша гжа Гарднер. Она перевезла из Венеции целый дворец и поставила его в центре Бостона. В этом дворце замечательнейшая картинная галерея. Г жа Гарднер, кроме того, занимается широкой благотворительностью. ...» – См.: Новое время. СПб., 18 апреля/1 мая 1911 года, № 12606. С. 2 3.

О гже Изабелле Стюарт Гарднер (Gardner ; 1840 1924) см.: Americana = Американа... С. 462.

195. Речь идет о Натане Хаскеле Доуле (Dole; 1852-1935), корреспонденте и переводчике сочинений Л.Н. Толстого. – См.: Л.Н. Толстой в переводах на иностранные языки: Отдельные зарубежные издания: Библиография. М., 1961.

В архиве Л.Л. Толстого сохранились четыре письма Н. Доула от 29 марта – 14 апреля 1911 года с приглашением рассказать о России в университетских и писательских клубах Нью Йорка и Бостона. – ИРЛИ, ф. 302, № 287. Л. 1 12. Автограф на англ. языке.

В очерке «В Америке», предназначенном для русских читателей, Л.Л. Толстой писал по поводу встреч с американскими слушателями:

«В Бостоне, в сопровождении моих друзей, я был принят в аэроклубах, где меня просили говорить. В одном клубе я увидел многих поклонников отца, а также в клубе XX столетия, где говорили не так давно Милюков и гжа Брешковская, о которой я раньше никогда не слышал и о которой все отзывались с похвалой. Но мне

было жаль, что клуб, благодаря одностороннему освещению России и русской жизни этими русскими людьми, имел о ней не вполне ясное и верное понятие. У меня не было времени самому говорить подробно о России, но из вопросов и разговоров я увидел, что было бы очень полезно сделать это и, может быть, если у меня хватит сил и времени, я прочту несколько лекций о русской жизни в здешних больших городах. Американцы знают о России через людей, освещающих ее только с одной отрицательной стороны. ... В Бостоне я посетил дочь поэта Лонгфел[л]о, домик и комната которого с любовью охраняются детьми и показываются раз в неделю публике.

Я был принят в два частных дома к обеду, где опять встретил ту же искреннюю любовь каждого к отцу и России. Один обед, вегетарианский, был в семье приверженцев „Христианской науки“, другой – в семье банкира, у которого каждое воскресенье собирается цвет бостонского общества. ...» – См.: Новое время. СПб., 18 апреля/1 мая 1911 года, № 12606. С. 2 3.

Почётный доктор ряда американских университетов, П.Н. Милюков (см. о нем выше примеч. 111) в 1903 1904 годах преподавал в Америке и вернулся в Россию в 1905 году. В январе 1908 года он был вновь приглашен для чтения лекций в Америку и его выступления пользовались успехом. – См.: Энциклопедия российско-американских отношений XVIII XX века. М.: МО, 2001. С. 337 338.

Екатерина Константиновна Брешко Брешковская (урожд. Вериго; 1844 1934) – лидер партии эсеров; в 1907 году была арестована и сослана в Сибирь, где находилась вплоть до Февральской революции. Она дважды приезжала в Америку: в декабре 1904 года и в 1919 году. – См.: The Encyclopedia Americana... Vol. 4. P. 469.

Её первая поездка длилась несколько месяцев и была особенно удачной. О ее выступлениях в Бостоне и Чикаго писали местные газеты. Один из американских корреспондентов Л.Н. Толстого, писатель и критик Эрнест Кросби (1846 1907) 20 января 1905 года писал ему из Нью-Йорка: «... Бежавшая из Сибири г-жа Брешковская увлеклась здесь работой в комитете помощи голодающим, организованном “Обществом друзей русской свободы”. ...» – См.: Толстой и зарубежный мир : В 2 х книгах. М.: Наука, 1965 (Литературное наследство. Т. 75). Кн. 1. С. 398 400. См. также: Л.Н. Толстой и США : Переписка... С. 607-610.

После отъезда из Америки в марте 1905 года Е.К. Брешковская на протяжении многих лет переписывалась со своими корреспондентами. Этому не помешала ни ссылка, ни революция. – См. ее письма 1905 1917 годов в кн.: The little grandmother of the Russian revolution : Reminiscences and letters of Catherine Breshkovsky /Edited by A.S. Blackwell. Boston , 1919.

Генри Уордсворт Лонгфел[л]о (Longfellow; 1807-1882) – американский поэт, чуткость которого сравнивали с эоловой арфой, а виртуозность подражания природе завораживала слушателей и читателей.

...дом-музей Лонгфел[л]о (Longfellow House) с великолепным садом, разбитым в форме семиструнной лиры, находится в Кембридже, пригороде Бостона. – См.: Boston: Architecture. Boston , 1970. P. 107; Брукс Ван Вик. Писатель и американская жизнь: В 2 х томах. М.: Прогресс, 1967. Т. I. С. 114, 228.

...посетил дочь поэта Лонгфел[л]о... – в Кембридже Л.Л. Толстой встретился с профессорами Гарвардского университета и с Алисой Мэри Лонгфелло (Longfellow ; 1850 1928). – См.: Leo Tolstoy at Harvard ... // The New York Times. March 21, 1911. P. 2.

196. Уильям Тафт (Taft; 1857-1930) – президент США в 1909-1913 годах.

Корреспонденты российских газет с иронией описали пребывание Л.Л. Толстого в Америке, в том числе встречу с президентом Тафтом и выступление на митинге, устроенном «Нью Йоркской лигой интернационального мира в Metropolitan Temple » 16 апреля (нового стиля) 1911 года, в котором Л.Л. Толстой ссылался на беседу с Тафтом о новом политическом союзе России и США. – См.: Л.Л. Толстой и ... международный мир (От нашего ньюйоркского корреспондента) /М. В уръ//Приднепровский край. Екатеринославль, 23 апреля 1911 года; Л.Л. Толстой в Америке /Тоже Лео//Газета-копейка. СПб., 26 апреля 1911 года.

По возвращении в Россию летом 1911 года Л.Л. Толстой в беседах с журналистами особо подчеркивал тот факт, что именно он убедил американского президента расширять мирные инициативы: «Я могу гордиться тем, что устроил поездку в Россию американской эскадры. ...президент Тафт первый настаивал на скорейшей отправке эскадры». – См.: Потемкин А. “Откровения” Толстого сына //Биржевые ведомости : Вечерний выпуск. СПб., 14 июня 1911 года; Л.Л. Толстой в новой роли //Газета-копейка. СПб., 15 июня 1911 года; Нашелся еще один “великий” человек //Земщина. СПб., 15 июня 1911 года; Хлестаковщина Л.Л. Толстого //Утро России. М., 15 июня 1911 года, № 136. С. 3; Авсеенко В. В наши дни //Петербургская газета. СПб., 16 июня 1911 года; Хлестаковщина /Musca//Раннее утро. М., 16 июня 1911 года. С. 3; Львенок в роли Хлестакова //Земщина. СПб., 19 июня 1911 года; Арабески : Дневник дачницы[: Фельетон] /Гарольд//Киевская мысль. 19 июня 1911 года, № 167. С. 4. – Отдел книжных фондов ГМТ. Коллекция В.Г. Черткова.

Однако о мирных инициативах президента Тафта, выступившего на Третьем национальном конгрессе мира в Балтиморе, русская печать

сообщила еще весной. – См.: Конгресс мира //С.Петербургские ведомости. 22 апреля 1911 года, № 108. С. 5.

197. *Алиса Лонгвёрс* (Longworth; урожд. Рузвельт; 1884-1980) действительно была помощницей и другом своего отца. – См.: Longworth A.R. Crowded hours: Reminiscences. N.Y.; Lnd., 1933; Brough J. Princess Alice: A biography of Alice Roosevelt Longworth. Boston; Toronto , 1975.

198. *Теодор Рузвельт* (Roosevelt; 1858-1919) – президент США в 1901 1909 годах.

199. Американский изобретатель Томас Алва Эдисон (Edison; 1847 1931) действительно считал фонограф одним из самых важных своих творений и в 1908 году прислал его в Ясную Поляну. – См.: Переписка Толстого с Т. Эдисоном //Л.Н. Толстой [: В 2 х книгах]. М.: Издво АН СССР, 1939 (Литературное наследство. Т. 37 38). [Кн.] II. С. 330 338. См. также: Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 188, 218; Л.Н. Толстой и США : Переписка ... С. 914 920.

Встреча Л.Л. Толстого с Т.А. Эдисоном состоялась 22 марта 1911 года. – См.: Tolstoy visits Edison : Son of the famous writer sees all of the inventor's treasures //The New York Times. March 24, 1911. P. 1.

Л.Л. Толстой посвятил этому событию специальный очерк. «Меня интересовал один из американских гениев – Эдисон, и на днях я увиделся с ним. Он живет недалеко от Нью Йорка и от городка Нью-Арка, в Оранже. Меня поразил вид местности, на которой расположены эдисоновские мастерские. И ожидал увидеть лаборатории вроде наших университетских, ожидал встретить уже дряхлого старика, работающего над какой-нибудь ретортой или электрическим аппаратом. И был удивлен, когда увидел совершенно другое. Только в молодой стране электричества и техники возможен такой размах труда и размеры его, какие я встретил у Эдисона.

На нескольких акрах земли громадные фабричные здания в 7-8 этажей. Мастерские, склады, амбары, конторы и пять тысяч рабочих. Все это эдисоновская фабрика – фабрика граммофонов, электрических батарей, кинематографических лент, аккумуляторов, цементных изделий, химических препаратов и т.д.

У Эдисона запатентовано несколько сот изобретений, из которых многие изготовляются в его Оранже.

Эдисон начал свою карьеру с продажи газет, потом был телеграфистом на станциях. Теперь он не только всемирная знаменитость, но и миллионер, директор многих компаний его имени. Происхождением он канадец. Есть два тома его биографии со всеми указаниями его трудов. Теперь ему 64 года. Эдисон одновременно о Бел[л]ем изобрел телефон, за этим следует сложный двойной,

четверной, восьмерной телеграф, т.е. телеграфирование по одному проводу двух, четырех, шести и восьми известий сразу, затем фонограф, говорящий телеграф, цветной и говорящий кинематограф, электрические батареи для автомобилей и множество других.

Эдисон встретил нас в своей библиотеке и был очень любезен со мной. Я напомнил ему о том, что он подарил отцу фонограф, который ему был полезен и за который он был благодарен. Эдисон сказал, что валики с голосом отца у него бесспорно сохраняются и что их можно получить у него, когда угодно, но что жаль только, что отец мой не мог говорить громче. Эдисон глуховат, так что надо ему говорить на ухо. Он сам не огорчается этим. Рад, что ничего лишнего не слышит. Это еще бодрый, свежий старик, совершенно седой, бритый, с быстрыми движениями и быстрым, проницательным взглядом голубых глаз. Высокий ростом, с приятным, добрым голосом.

Прежде всего он показал мне модель цементной постройки для рабочих. Идея его выливать из цемента в стальные формы готовые домики для рабочих. Он утверждает, что такие домики будут обходиться очень дешево и что прочность их вечная. Он уже сделал ряд опытов в этом деле. Цемент потом полируется и красится под какое угодно дерево, на нем делаются орнаменты и получаются таким способом удобные для жилья, красивые постройки, стены которых можно наполнять из чего угодно, если заливать их цементом. Толщина стен очень небольшая, в вершок. Эдисон, повидимому, очень заинтересован этой новой идеей, и, действительно, она заслуживает, мне кажется, большого внимания. Самая дорогая часть всякой постройки, материал, этим удешевляется в сотни раз, потому что земля, щебень, глина, руда, камень – все может служить им и все это можно найти.

Потом Эдисон повел меня в свою любимую лабораторию, куда никто не допускается. Здесь он показал мне еще одно новое исследование свое, которое также за последнее время его очень увлекает. Это опыты создать из никеля путем электрической очистка никелевую бумагу. Такая бумага, вопервых, вечная, вовторых, настолько тонка, что полное собрание сочинений Толстого можно было бы напечатать в одной книжечке. Эдисон говорит, что сталь и металл должны в будущем заменить дерево и бумагу, как они уже заменяют здесь их во многом. Даже многие вагоны товарных поездов здесь делаются из стали и железа. Весь уголь перевозится в них. Кстати, товарные поезда здесь доходят до 100 вагонов длиной, и вагоны крупнее наших. С одним из помощников Эдисона я обошел его фабрики. Лифты поднимали и опускали нас на верхние и нижние этажи.

Рабочие [вы]глядят неважно. В некоторых отделениях, там, где проявляют кинематографические эдисоновские ленты, рабочие работают десять часов в день за полтора доллара в душной атмосфере

и темноте, тускло освещенной лишь красными лампочками. Громадные черные цилиндры вертятся в ваннах, промывая ленты. Все, конечно, двигается электрической энергией. В корпусе, где фабрикуются граммофоны, условия работы также очень тяжелые, особенно в верхнем этаже, где изготовляются восковые валики.

Нелегка и участь барышень, обязанность которых целый день стоять у фонографа и слушать его, проверяя готовые в продажу экземпляры. Они до того привыкают к этой музыке, что не слышат ее, а только слышат дефекты машины. Не помню точно цифр, но, кажется, полтора миллиона граммофонных валиков фабрикуется в Оранже ежегодно. Как видите, Эдисон – настоящий американец, гений его развился и развивается в делах, в непрестанном упорном труде. Он работает с раннего утра и до поздней ночи, иногда просиживая за занятиями до утра. Он постоянно выдумывает все новое и новое и упорно достигает своих целей, не жалея никаких средств, когда ему нужно добиться чегонибудь. Рассказывают, что он теряет иногда десятки тысяч на своих опытах, но зато всегда добивается определенных конечных выводов. Теперь цветной и говорящий кинематограф его готов, и весной он пустит его в продажу. Он оказал мне, что иллюзия жизни получается удивительная. Видишь настоящих двигающихся людей, и все они говорят. Эдисон был очень внимателен ко мне, и я рад, что был у него.

Это кудесник нашего времени, это величайший гений». – См.: Новое время. СПб., 2/15 мая 1911 года, № 12620. С. 2.

Александр Грейам Белл (Bell; 1847-1922) – английский изобретатель, предложивший в 1876 году одну из первых конструкций телефона.

200. В литературе об Эдисоне стараются не упоминать старшего сына изобретателя, Томаса Альву Эдисонамладшего (1876-1935), изза которого в начале века в американской печати возник скандал.

В 17 лет он бросил школу и некоторое время работал на предприятиях отца, пока в 1895 году одно из них не закрылось. Через несколько лет – по слабости характера и зависти к успеху отца – он вошел в контакт с сомнительными дельцами, использовавшими его громкое имя и предложившими ему возглавить химическую, электрическую и сталелитейную кампании.

Все начинания Эдисона-младшего провалились, инвесторы понесли миллионные потери, а Эдисон в 1903 году был вынужден официально потребовать от сына сменить имя и отправиться жить на ферму. Только при этих условиях он согласился выплачить сыну небольшое еженедельное пособие, с непременной росписью за полученные деньги. – См.: Stross R. The wizard of Menlo Park : How Thomas Alva Edison invented the modern world : Uncorrected proof. N.Y.,

2007. P. 211 219; Rondeau R. Lost in history: Thomas A. Edison, junior (Интернет-издание).

В русской литературе об Эдисоне встречается ошибочное утверждение: «Старший сын изобретателя унаследовал склонности и способности своего отца и является лучшим его помощником. И мысль о том, что дело его жизни, дело, которому Эдисон посвятил всего себя, не умрет вместе с ним, а перейдет в надежные руки, эта мысль наполняет сердце старика гордостью и радостью». – См.: Каринцев Н. История одной жизни (Томас Альва Эдисон). М., 1913. С. 124.

Однако в данном случае речь шла не о Томасе Альве-младшем, а об одном из его младших братьев (Уильям Лесли, 1878-1937; Чарльз, 1890-1969; Теодор Миллер, 1898-1992), получивших хорошее образование и продолживших дело отца. – См.: Simonds W.A. Edison : His life , his work , his genius. Lnd., 1935; Silverberg R. Light for the world: Edison and the power industry. Princeton , 1967. P. 199-200, 214.

201. В одном из очерков Л.Л. Толстой назвал точное место встречи: ньюйоркский клуб XX столетия, «где барон d 'Estournelle Constant говорил о миссии Америки в деле всеобщего мира». – Новое время. СПб., 4/17 апреля 1911 года, № 12594. С. 2.

Известный французский дипломат, общественный и политический деятель, лауреат Нобелевской премии мира за 1909 год, барон Поль Анри Бенжамен Детурнель (д'Этурнель) де Констан (1852 1924) бывал в России, в том числе в феврале 1910 года, когда он возглавлял парламентскую делегацию Франции и от ее имени послал приветственную телеграмму Л.Н. Толстому в Ясную Поляну.

Убежденный пацифист, он еще в марте 1905 года обращался к Л.Н. Толстому за содействием, но не нашел понимания. Тем не менее барон Детурнель де Констан продолжал призывать людей в разных частях света к всеобщему миру. – ПСС. Т. 58. С. 15, 318; Т. 75. С. 238; Т. 81. С. 95.

202. "Надо бросаться в воду" (фр.).

203. В очерке, предназначенном для русских читателей, Л.Л. Толстой отметил свое посещение колледжа в местечке Велслей или Уэллсли (Wellesley College) в 12 ти милях от Бостона – высшего учебного заведения для женщин, открытого в 1875 году. – См.: Новое время. СПб., 4/17 апреля 1911 года , № 12594. С. 2. См. также : American universities and colleges /Ed. by A.J. Brumbaugh. Washington, 1948. P. 925 927; Tolstoy visits Wellesley ... //The New Yorks Times. March 18, 1911.

204. Телеграмма неизвестна].

Глава 6

Болезнь Доры.
Жизель стала другой.
Ясная Поляна в последнее лето жизни отца.
Горе моей матери.
Завещание отца и его отношение ко мне.
Меня судят в Петербурге.
Бегство отца из Ясной Поляны и его смерть

Не помню ничего из моего путешествия обратно в Париж на сестре «Лузитании» – «Мавритании», до такой степени я был встревожен болезнью жены и тем, что ожидало меня в семье (205).

[205. Сохранившиеся документы подтверждают высказанное выше предположение относительно датировки первой поездки в Америку. Кроме того, возвращение весной 1911 года во Францию обсуждалось в переписке с родными и, судя по всему, не было таким стремительным.

Ещё в начале апреля 1911 года Л.Л. Толстой сообщил С.А. Толстой о своих планах:

«10 апреля <нового стиля> 1911 <года. Нью Йорк>

Милая мамá,

Я уезжаю отсюда 6 мая, так что буду в Париже 1 го <мая> старого стиля. Пишу, чтобы Вы знали, что писать туда. Теперь занят очень.

Целую.

Ваш Лева».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14514. Л. 1. Автограф. Курсив мой. – В.А. Письмо и конверт с клише отеля Лафайет.

Через несколько дней после получения этого сообщения в Ясной Поляне читали первую открытку Л.Л. Толстого, отправленную из Парижа:

«Вернулся из Америки. Пожалуйста, пишите сюда. Все здоровы. Путешествие было очень интересно и удачно. Дора давно на ногах и быстро поправилась. Как Вы и у вас?

Увижу Вас весной или ранним летом.

Целую крепко.

Лева

13 апреля <нового стиля> 1911 <года>

Париж». – Там же , № 14515. Л. 1 об. Автограф.

Открытка получена в Ясной Поляне 18 апреля (ст. стиля) 1911 года. – Там же. Л. 1.

В тот же день С.А. Толстая откликнулась на известие сына:
«18 апреля <ст. стиля> 1911 г<ода.
Ясная Поляна>
Сегодня получила твое письмо, милый Лева, о том, что ты вернулся к своей семье в Париж, и очень этому порадовалась. <...>» – ИРЛИ , ф. 303, № 691. Л. 5. Автограф].

Что если Доры уже нет в живых, и мои пятеро детей лишились матери?

Помню только, как, наконец, я вбежал в нашу квартирку и увидел живую Дору, лежавшую на низкой кушетке в гостиной и окруженную озабоченными и смущенными детьми. Что случилось? В моё отсутствие она выкинула четырехмесячного ребёнка и была настолько серьёзно больна, что друзья решили вызвать меня.

Уезжая, я не знал о ее новой беременности и теперь только, глядя на её кроткое и бледное лицо, я почувствовал всю мою чудовищную вину перед ней. Вследствие душевных волнений, покинутая мною, она не могла или не хотела иметь ещё ребенка.

Это неожиданное событие на время отрезвило меня, и я окружил Дору добротой, вниманием и лаской.

Очень скоро она совершенно поправилась, и наша жизнь пошла по-прежнему (206).

[206. Через некоторое время, 4 мая (нового стиля) 1911 года Л.Л. Толстой писал матери о своём состоянии: «<...> Несмотря на Америку, денежные дела сносны как будто. Зато душевные очень тяжелы. О них писать не могу. Как Вы управляетесь, бедная, с Вашими заботами? Рад буду увидеть Вас. Квартиру я пересдал, все здесь кончаю.

Дора едет в Швецию 10 июня н<ового> ст<иля>. Я, м<ожет> б<ыть>, поеду с ними. М<ожет> б<ыть>, прямо в Россию. Целую Вас крепко.

Ваш Лев.

<...>» – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14516. Л. 1-2. Автограф].

Я не ходил больше в Cercle и старался не думать о Жизель. Но как-то раз вечером, в час вечерних кроки (207), [207. Croquis – набросок, беглая зарисовка карандашом с натуры (фр.)] чувствуя то ничем не объяснимое беспокойство души, кот<орое> зна<комо> все<м> жившим в Пар<иже>, я не выдержал, и, ясно сознавая, что, несмотря на всё происшедшее, моя любовь к «Франции» оставалась для меня центром всей моей жизни, я, как преступник, возвращающийся на место своего преступления, решил пойти в Cercle , чего бы мне ни стоил этот шаг. Я ещё ни разу не был в серкле <после приезда>. Нужно было так или иначе кончать это мучение.

Я нашёл Жизель в одной из мастерских, стоявшую у колонны одну, с папкой и карандашом в руке. Меня поразило её ещё более побелевшее, измученное и строгое, как после тяжёлой болезни, бесконечно милое и задумчивое лицо.

Я подошёл к ней и робко поздоровался. Она холодно ответила мне, как чужому, не протягивая руки, и я понял ее без слов. Она не хотела больше видеть меня, потому что узнала о моей семейной драме. В мое отсутствие кто-то приходил к нам в дом и подробно расспрашивал консьержку о моей семье. Вероятно, это был частный сыщик, посланный Жизель или ее родител<ями>.

Чувствуя, что все было кончено между нами, и не зная, как отнестись к новому глупому положению, я неловко сказал ей, что Америка была слишком близко для того, чтобы можно было забыть о прошлом. Она ничего не ответила и отошла от меня, стараясь казаться равнодушной.

Я еще раз подошел к ней и глухо, быстро проговорил ей то главное, что я хотел ей сказать:

– Простите и поверьте, что я люблю вас одну и буду любить одну до конца жизни. Все это и для меня было неожиданностью.

Она зло блеснула черными глазами, повернулась ко мне и бросила мне с презрением:

– Мужчина не ухаживает за девушкой, когда жена его ждёт ребенка! Прощайте, я не хочу больше видеть вас.

Она отвернулась и быстро пошла в большую мастерскую.

После этой сцены жизнь моя помрачилась, и глухая постоянная боль стала терзать моё сердце. Каждый день и каждую ночь, каждую секунду Жизель была со мной, но жизнь без свиданий с ней стала для меня кладбищем. Она перестала ездить в Cercle и совершенно исчезла из моих глаз. Как сумасшедший, я стал искать ее всюду: в концертах, на выставках, на улицах и в академиях. Но нигде и никогда не мог ее найти.

«Дальше жить так невозможно, – думал я, – прошлая моя женатая жизнь потеряла для меня всякий смысл, и если я хочу идти вперед и ищу истинного счастья, то, несмотря ни на что, мне все же нужно развестись с женой и пытаться опять сойтись с Жизель».

Почему-то я верил в глубину и серьёзность её чувства, когда вспоминал её решительный совет развестись и вернуться к ней, и мне казалось, что только это было единственным разумным выходом. Но тогда она, может быть, не знала, что я отец пяти детей; м<ожет> б<ыть>, этого уже довольно для того, чтобы она больше не думала обо мне.

Я мучился, как никогда прежде, не в силах <ни> решить жизненной задачи, ни <продолжать> мои обычные занятия (208).

[208. О том, как болезненно переживал Л.Л. Толстой разрыв с Жизелью, свидетельствует и его письмо матери из Хальмбюбуды, куда Толстые отправились в начале июня, немного раньше предполагавшегося времени:

«9 июня н<ового> ст<иля> 1911 <года>

Halmbyboda

Дорогая мамá, вот я опять в моей старой Швеции, в тех счастливых условиях, которые Вы знаете давно и которые мне принесли столько блага в жизни.

Не знаю, как пойдёт жизнь дальше. Сейчас буду здесь жить несколько недель, а там в П<етербур>г и к вам в бедную Ясную.

Да, жизнь – дивный сон, подчас тяжелый, подчас спокойный, иногда полный бреда, иногда счастливый. Посылаю Вам стихи, которые написал, подъезжая к Швеции... По ним Вы поймёте моё настроение. В Париже всё прикончил, как будто никогда туда не вернусь, здесь всё по-прежнему хорошо, но жить здесь долго не в силах.

Напишите о себе, как только получите это письмо, о себе и других и о делах.

Семья Доры очень жалеет Вас и, как во всём мире было, люди нормальные все на Вашей стороне.

Горько думать и говорить, но удивительное дело, как конец отца послужил к забвению всей его философской деятельности и морали. Каждому не только противно говорить о толстовском учении, но и думать, исключая самых несчастных людей. Трудно быть пророком и человеком в то же время. Пророчество отжило свое время. Нужны люди трезвой разумной мысли и, главное, такого же труда. Поэтому мне так понравилась Америка и ее люди.

Сейчас на время скульптуру оставил и хочу писать – пьесу для Парижа, Лондона и Америки и еще одну вещь. Между тем скульптура очень удачна. Посылаю вырезки из французск<их> газет. Сделал еще один бюст графа Мернера, шведа, писателя, моего нового парижского друга. Очень хорошо, даже сам знаю. В то же время другой товарищ сделал мой прекрасный бюст, перед которым все разевают рты.

В Париже и Америке я оставил свой крошечный след и рад этому не для славы, а потому, что многие связи с добрыми людьми <установились>.

Вот стихи:

Здравствуй, Северное море!
Вечно серый свод небес,
Коль развеешь моё горе,
Чудо будет из чудес!

Солнце Юга измотало
Душу пылкую мою;
Сердце русское устало,
Всё изранилось в бою.

За два года испытаний
Сколько трепетных свиданий,
Сколько страстных ожиданий,
Тайных слез, надежд, рыданий...

Бедная любовь, рабыня...
Скована, запрещена...
Ты, единая святыня,
Попрана, загублена...

Tout cela entraînerent.
Целую Вас нежно.
Ваш любящий
Лев».

– Там же , № 14517. Л. 1 3 об. Автограф. Tout cela entraînerent. – Все это увлекало (фр.).

... Посылаю вырезки из французск<их> газет ... – В конверт заказного письма вложены вырезки из французских газет, датированные 12 и 14 мая (нового стиля) 1911 года. В рецензиях на очередную выставку в Национальном Салоне сочувственно отмечены, в числе других, скульптуры Л.Л. Толстого, представившего два бюста: отца и дочери Нины. – Там же. Л. 4 6.

... Сделал еще один бюст графа Мернера, шведа, писателя, моего нового парижского друга. Очень хорошо, даже сам знаю ... – о графе Биргере Мёрнере (M örner) и о судьбе бюста, сделанного Л.Л. Толстым, см. в Главе 7.

... В то же время другой товарищ сделал мой прекрасный бюст, перед которым все разевают рты... – кто лепил в Париже Л.Л. Толстого и какова судьба этого бюста, установить не удалось].

Пришла весна 1910 года. Надо было отвозить семью назад в Halmbyboda, надо было ехать в Ясную повидать родителей, надо было заняться моими делами в Петербурге. В конце июня <я уехал> один в Петербург, где прежде всего попал в Синод справиться о возможности и процедуре развода.

Обер-прокурор Синода Саблин дал мне все справ< ки > (209). Развод возможен, он возьмет около года и не будет слишком дорог.

[209. Ещё одна деталь, позволяющая со всей определённостью утверждать, что речь идёт именно о весне 1911 года, когда Владимир Карлович Саблер (1845-1929) только приступил к исполнению своих обязанностей. – См.: Новый оберпрокурор Св. Синода // Новое время. СПб., 4/17 мая 1911 года, № 12622. С. 4-5].

Тогда я написал длинное письмо Жизель, умоляя её ответить мне, как она отнесется ко мне, если я, свободный, вернусь, и я с волнением стал ждать её ответа.

Из Петербурга я проехал в Ясную, как всегда, радуясь пожить с родителями (210). Но то, что я нашел там, ввергло меня в великое недоумение и грусть (211).

[210. 16 июня (ст. стиля) 1911 года С.А. Толстая записала в ежедневнике: «Серёжа, Миша и Илья уехали, а неожиданно приехал Лёва. Ничего не делала, все разговоры и кошмарная продажа Ясной Поляны, перепись вещей и всего, что касалось любимого, близкого человека. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... - Т. 2. С. 347.

211. Л.Л. Толстой ошибся: этот приезд был уже после смерти Л.Н. Толстого (см. выше).

Что касается пребывания Л.Л. Толстого в Ясной Поляне летом 1910 года, то он приехал неожиданно даже для С.А. Толстой. Вероятно, ктото из родных сообщил Л.Л. Толстому о тяжелейшей ситуации в семье, вызванной приступами обострившейся истерии у С.А. Толстой. Этим продиктована телеграмма, 29 июня 1910 года отправленная из Петербурга Л.Л. Толстым:

«<В> Засеку Толстым
Телеграфируйте Северную гостиницу здоровье мама́ вышлите <экипаж> пятницу <в> Ясенки <к> скорому
Лева».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14492. Л. 1. Датируется по почтовому штемпелю на обороте телеграммы.

Пятница выпала на 2 июля 1910 года. В этот день С.А. Толстая записала в дневнике: «... К обеду приехал сын Лева, оживленный и радостный. Ему приятно быть опять в России, в Ясной Поляне и видеть нас. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 129].

Первое время я не мог понять, что случилось. Отец поразил меня своим подавленным настроением; мать – своей нервностью и внутренним страданием, отражённым на всём её существе.

Отец потерял память, не узнавая даже своих семейных; говорил странные вещи; спрашивал, где был его брат Митенька, умерший 50 лет назад (212); ко мне

<он> отнесся открыто враждебно без всяких причин с моей стороны, и это после наших «слез любви», о которых он писал мне в одном из своих последних писем (213).

4 июля он записал в своем дневнике следующую злую мысль обо мне: «Лева приехал. Небольшой числитель, а знаменатель ∞» (214).

Он хотел сказать этим, что я громадного о себе мнения, что совершенно верно, но что я ничего не стою, что тоже справедливо.

[212. Речь идет о Дмитрии Николаевиче Толстом (1827 1856).

Приступ, о котором пишет Лев Львович, действительно имел место, но только значительно раньше, весной 1908 года. М.С. Сухотин (см. о нем примеч. 158 к Главе 19 Книги I), бывший в то время в Ясной Поляне, записал в дневнике 12 апреля 1908 года: «С месяц тому назад со Л[ьвом] Н[иколаевичем] был обморок и затем временная потеря памяти. Сегодня за обедом это повторилось, хотя не было полного обморочного состояния. ... Он сидел бледный, с посиневшим носом и, видимо, плохо понимал, что кругом него говорилось. Д[ушан] П[етрович Маковицкий] стал уговаривать его прилечь. Л[ев] Н[иколаевич] воспротивился: „Да что вы, со мной ничего, я просто очень крепко спал, так крепко, что, когда проснулся, все забыл; тут был брат Митенька (умерший тому назад лет 50), не знаю, во сне или в действительности". ...» – См.: Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 378 379. См. также: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. I. С. 207; Маковицкий Д.П. У Толстого... Кн. 3. С. 56-57.

Л.Л. Толстой в это время был в Ясной Поляне. И хотя в его дневниковых записях этот момент не зафиксирован, он, естественно, знал об этом припадке отца. – Ср.: Сын и отец ... //Лица ... Т. 4. С. 278 283.

Характерно, что в переписке с С.А. Толстой сразу же после кончины Л.Н. Толстого эпизод с Митенькой возник как прямое доказательство давней недееспособности отца. Так, 23 ноября (ст. стиля) 1910 года Л.Л. Толстой рассказал матери о своих консультациях со знакомыми юристами по поводу завещания отца: «<...> В случае оспаривания завещания надо, говорит Маклаков, всё взвесить раньше. Всё записать. Свидетельские показания чужих, не родни. Выписки из дневника. События лета и т.д. Все сведения к медицинской экспертизе. Россолимо тут мог бы быть очень полезен. Маклаков говорит, что забывчивость отца была, пожалуй, больше, чем простое беспамятство, когда он вдруг спрашивал брата Митеньку и не узнавал

близких. Но надо, чтобы живые чужие свидетели под присягой показали правду. Лакей Илья Васильевич один <подтвердит>, но этого мало. Надо найти других лиц, бывших очевидцами его умственной ненормальности. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14533. Л. 1 об.2. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

Л.Л. Толстой надеялся на сочувствие давнего друга семьи Толстых, адвоката *В.А. Маклакова* (см. о нем в примеч. 179 к Главе 10 Книги I). Однако известный юрист, депутат Государственной Думы, член ЦК партии кадетов; знакомый, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого, посетитель Ясной Поляны отказался участвовать в скандальной процедуре признания великого писателя недееспособным уже после его смерти (см. об этом ниже).

Невропатолог, профессор Московского университета *Григорий Иванович Россолимо (1860 - 1928)* 19 21 июля 1910 года был в Ясной Поляне и по просьбе детей Толстых консультировал С.А. Толстую, отклонившую все рекомендации известного специалиста. – См.: ПСС. Т. 58. С. 81, 257, 458; Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 152; Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 289-291.

Илья Васильевич Сидорков (1858 - 1940) с 1893 года служил в доме Толстых.

Л.Л. Толстой ещё летом 1910 года считал, что лечить надо прежде всего отца , а не мать. – См.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 139; Толстая А. Отец... Т. 2. С. 454.

25 ноября 1910 года он вернулся к этому вопросу в письме С.А. Толстой: «<...> Я глубоко убежден в том, что отец сделал завещание, будучи ненормальным умственно. Ведь все эти признаки слабости мозга есть: <писать> руками в воздухе, думать, что его ненавидят, думать, что брат его жив, и т.д. Все это полное расслабление мозга. Я убежден, что если бы этого не было, не было бы и завещания. Если эти явления были не постоянными, то ведь то, что их порождало, было постоянным. Надо составить список устных этих проявлений умственной ненормальности и тогда наверняка начать процесс. <...>» – *ОР ГМТ* Архив С.А. Толстой, № 14535. Л. 1 об. Автограф.

Так как от судебного процесса по поводу завещания Л.Н. Толстого вскоре решено было отказаться, то и эпизод с Митенькой на многие годы исчез из переписки Л.Л. Толстого. Тем не менее, в начале 20 х годов, работая над циклом очерков, составивших позднее книгу «В Ясной Поляне: Правда об отце и его жизни», Л.Л. Толстой восстановил события лета 1910 года в Ясной Поляне и в этой связи вспомнил случай с Митенькой, но в ином контексте.

213. Вероятно, речь идет о несохранившихся документах, связанных с пребыванием Л.Л. Толстого в Ясной Поляне с 4 по 13 апреля 1908 года. – *ПСС.* Т. 78. С. 123. 12 апреля 1908 года в «Заметках об отце» Л.Л. Толстой для себя пометил: «... Нового в отце, кроме большой доброты, я вижу именно, как я выразился, какуюто повышенную чувствительность по отношению ко всем явлениям жизни. ...

... Он все тот же, со всеми своими чертами характера, и эти черты стали както мягче и тоньше. Ко мне отец отнесся замечательно добро и внимательно. Первые дни он был искренно [рад] моему приезду...». – См.: Сын и отец... //Лица ... Т. 4. С. 278 - 279.

По возвращении в Петербург Л.Л. Толстой писал матери:

«25 апр[еля 19]08 г[ода]

Милая мама́,

я получил Ваши два письма, первое с припиской папа́, которая меня очень тронула. Одно могу сказать ему, что я недостоин его любви и говорю это совершенно искренно. Рад же, главное, тому, что мне стало ясно то, что раньше было темно и что мучило меня. Это [то], что, в сущности, как я всегда и чувствовал и чувствую, у нас с папа́ одна душа и тот же путь. Разница только в том, что он указывает конечный свет на этом пути, а я стараюсь указывать неровности, препятствия и ямы по дороге. Мне казалось раньше, что эти две деятельности противоречат одна другой, что они исключают одна другую. Теперь мне ясно, что это не так, что они вполне совместимы, даже что одна без другой невозможны. Могущий вместить да вместит. ...» – Там же. С. 280.

...*Ваши два письма*... – известно только первое письмо от 14 апреля 1910 года с припиской Л.Н. Толстого. – ПСС. Т. 78. С. 123. Другое письмо, вероятно, не сохранилось: в архиве Л.Л. Толстого писем матери за период между 5 марта и 4 мая 1908 года нет. – ИРЛИ, ф. 303, № 687.

214. Точная запись в Дневнике Л.Н. Толстого за 4 июля 1910 года звучит так: «Приехал Лёва. Небольшой числитель, а знаменатель ∞». – ПСС. Т. 58. С. 75. Числитель – по мнению Л.Н. Толстого, объективные достоинства человека; знаменатель же – его самомнение].

Я стал ему почему-то крайне неприятным, хотя относился к нему с обычным вниманием и мягкостью. Но так как во всей тогдашней семейной драме я стал всецело на сторону матери (215) и, глубоко жалея её, беспокоился за её жизнь, отец не мог простить мне

этого. К тому же Чертков в своих письмах к отцу всячески чернил меня (216).

Все семейные, окружавшие мать, начиная с самого отца и сестры Саши (217), казались тогда её открытыми врагами, несправедливо осуждая ее, одинокую и больную, и взваливая на её плечи всевозможные страшные и ложные вины. Они дошли до того, что были готовы серьёзно признать её сумасшедшей и посадить в сумасшедший дом.

Среди осуждавших ее, увы, была и моя старшая сестра Таня, которая несправедливо тоже видела в матери урождённую истеричку(218). Один только покойный брат Андрей, честный и прямой, вместе со мной горячо жалел мать и сочувствовал ей(219).

Ни один добрый и разумный человек не мог бы отнестись к ней иначе, и можно только удивляться, как могли мой старший брат и сестры не видеть, где была настоящая правда. Они настолько привыкли с детства считать отца непогрешимым и быть постоянно под его влиянием, что и в этом случае, хотя он был кругом и очевидно не прав, они были на его стороне.

[215. Вскоре после отъезда сына С.А. Толстая 4 сентября 1910 года отправила Л.Л. Толстому коротенькое письмецо: «Сегодня утром получила твое письмо, милый Лёва, и пожалела, что эту недельку не прожила ещё с тобою, хотя я и тревожила тебя, но ты меня умиротворял и трогал своей любовью. <...>» – *ИРЛИ*, ф. 303, № 689. Л. 33. Автограф. Курсив С.А. Толстой.

216. Такие письма В.Г. Черткова Л.Н. Толстому за 1910 год неизвестны. В письме Т.Л. Сухотиной-Толстой, действительно, В.Г. Чертков 7 июля 1910 года заметил, что присутствие Л.Л. Толстого резко ухудшило ситуацию в доме Толстых. – *ПСС*. Т. 58. С. 448-449.

217. 14 августа 1910 года в дневнике А.Л. Толстой появилась запись: «<...> Лёва мне прямо сказал, что я виною всему, что происходит между стариками<...>» – *ОР ГМТ*. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 12. Л. 70 об. Автограф.

Сама А.Л. Толстая позднее писала: «Горе моё было в том, что я не жалела (С.А. Толстую. – *В.А.),* я сердилась... А насколько было бы

легче отцу, если бы мы, его близкие, жалея мать, могли „со смирением и любовью“ отнестись к ней.

... Я была слишком молода, чтобы это понять». – См.: Толстая А. Отец... Т. 2. С. 458.

218. 30 июня 1910 года С.А. Толстая записала в дневнике: «... Разговоры с Таней только ещё более расстроили меня: в них было с её стороны столько жестокого осуждения и столько безжалостности и невозможно исполнимых требований, что я еще больше расстроилась. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 125.

В том, что С.А. Толстая была больна, не было сомнений ни у кого, кроме младших сыновей. Вместе с профессором Г.И. Россолимо в Ясную Поляну был приглашён еще Дмитрий Васильевич Никитин (1874-1960), домашний врач Толстых в 1903-1904 годах. Их официальный диагноз был неутешителен: «Дегенеративная двойная конституция: паранойяльная и истерическая, с преобладанием первой. В данный момент эпизодическое обострение». – См.: ПСС. Т. 58. С. 458; Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 291; Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 145.

219. С появлением в Ясной Поляне А.Л. Толстого обстановка в доме еще больше накалилась. С.А. Толстая обрела дополнительную поддержку и 26 июля 1910 года записала: «... Сыновья мои [младшие] очень добры, солидарны между собой и со мной. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 159.

В восприятии Л.Н. Толстого младшие сыновья тоже были объединены. Тогда же, 26 июля 1910 года он записал в Дневнике: «Сыновья, Андрей и Лев оч[ень] тяжелы, хотя разнообразно каждый посвоему». – ПСС. Т. 58. С. 84.

Очевидец происходящего в тот же день заметил: «... Андрей Львович настроен, что называется, „агрессивно“. Льву Николаевичу он очень тяжёл. ...» – См.: Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 294].

В чём же состояла трагедия Ясной Поляны 1910 года и почему и как последние дни отца покрылись моральным мраком и грязью вместо того, чтобы стать духовным светом, как бы подобало? Ответ несложен.

Отец ослабел телесно, умственно и духовно. Мозг его больше не работал нормально, кровообращение становилось трудным, и по временам он из последних сил боролся со своими недугами, чтобы как-нибудь продлить жизнь.

Перед бегством он был несколько раз серьёзно болен, лежал в жару и в судорогах; терял сознание, бормотал несвязные слова. Он был в таком состоянии почти всё то лето и всю ту осень, вероятно, чувствуя близкий конец. Поэтому он легко и всецело, как ребёнок, подпал под влияние своего ученика и «духовного» друга Черткова, который внушил ему, во-первых, что ему надо отдать права на все свои сочинения в публичное пользование. Из тщеславия Чертков хотел редактировать сочинения отца после его смерти и быть, так сказать, его духовным наследником. Во-вторых, <Чертков> уверил его, что ему надо было оставить Ясную, жену и семью и кончить жизнь в уединении, в согласии со своими взглядами. В-третьих, что все семейные его, особенно его жена и сыновья, – дурные, злые люди и его злейшие враги, заслуживающие всякого презрения, а что он, Чертков, один достоин его любви.

В этом смысле Чертков долго и упорно «обрабатывал» расслабл<енного> стари<ка>, чтобы стать якобы его спасителем от того «ада», в котором он жил в Ясной Поляне, с «убивавшей его сумасшедшей и сумасбродной женой», которая, как говорил Чертков, думала только о деньгах и не могла понять глубины толстовства, как понял их он, умный Чертков (220).

[220. Ни С.А. Толстая, ни Л.Л. Толстой не захотели и не сумели услышать признание Л.Н. Толстого в том, что В.Г. Чертков является самым близким ему человеком. Болезненная реакция С.А. Толстой известна: она настояла на том, чтобы запретить встречи Толстого с Чертковым, не понимая, что тем самым приближает трагическую развязку. 6 августа 1910 года она записала: «... Лев Ник[олаевич] строг и холоден, а мне при виде его холодности так и слышится жестокий возглас мужа: „Чертков самый близкий мне человек!“ (А не жена!) Ну, по крайней мере, физически он не будет самым близким. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 169. Курсив С.А. Толстой].

Вот <и> вся простая, в сущности, жалкая история последних месяцев жизни отца.

Он всю жизнь легко поддавался влияниям, не имея критического чутья, а теперь, больной, впавший в

детство, потерявший память, как он сам признается в дневнике (221), он окончательно поддался Черткову, и <сделал он это> под его угрозами, что в случае отказа Льва Николаевича написать завещание в той редакции, какую предлагал Чертков, он не будет заниматься после его смерти драгоценным редактированием его писаний. Тогда отец, тайно от семьи, жены и сыновей, сидя в лесу на пне, подписал завещание, по которому все права на его сочинения были отданы младшей дочери Александре с тем, чтобы она не противилась изданию их всеми желающими и во всех странах света и предоставила Черткову право их редактировать. Он не мог написать завещания «обществу» или «публике», так как такой юридической единицы по русским законам не существовало (222).

[221. В последние месяцы жизни у Толстого было иное толкование самого понятия память. Так, 17 марта 1910 года он записал в Дневнике: «...Вчера ничего не помню значительного. ...». См. также запись от 27 марта 1910 года: «...забыл... Забыл. Я все пустое забыл. ...» – ПСС. Т. 58. С. 28.

Через месяц, 18 мая 1910 года он вновь вернулся к осмыслению проблемы памяти: «... Память? Как часто память принимают за ум. А не видят того, что память исключает ум, несовместима с умом, с умом самобытного решения вопросов. Одно заменяет другое. ...» – Там же. С. 53.

222. Завещание Л.Н. Толстого было подписано 22 июля 1910 года. Текст его и «Объяснительную записку» к завещанию см.: Там же. Т. 82. С. 227-230].

В те дни, когда вся эта грязь происходила кругом меня, я жил в Ясной и лепил бюст матери (223), не желая вникать в происходящее и не понимая ещё хорошенько всей той таинственности, которой была окружена жизнь отца. В эти дни приезжал из Москвы для составления тайного завещания русский адвокат Муравьев (224). В эти дни сестра Саша лгала матери, осуждая и ненавидя её (225). Ежедневно происходили тяжёлые сцены между стариками родителями.

[223. Работа успешно продвигалась, и через несколько сеансов, 12 июля 1910 года С.А. Толстая отметила: «Днем позировала Леве, он лепил мой бюст, и сегодня стало более похоже, он талантлив, умен и добр. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... - Т. 2. С. 140.

Скульптурный портрет С.А. Толстой был закончен в августе 1910 года и остался в Ясной Поляне.

224. Николай Константинович Муравьёв (1870-1936) принимал участие в составлении двух завещаний: одного, подписанного Л.Н. Толстым в Ясной Поляне 1 ноября 1909 года, и другого завещания, подписанного тайно от С.А. Толстой и других членов семьи в лесу, близ деревни Грумонт. В эти дни Н.К. Муравьев в Ясную Поляну не приезжал. – См.: Толстая А. Отец... - С. 442.

225. Одна из характерных сцен зафиксирована в дневнике С.А. Толстой 23 июля 1910 года: «... Когда я узнала, что опять едет к нам Чертков, опять меня всю потрясло, и я расплакалась; проходившая мимо Саша плюнула громко и резко чуть ли мне не в лицо и закричала грубо: „Тьфу, чёрт знает, как мне надоели эти истерики!“

Какое грубое создание. Просто непонятно, как можно так оскорблять мать, которая ровно ничего ей не сделала и ни слова ей не сказала. И какое страшное и злое у ней было при этом лицо. ...» – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 155].

Я лично ничего не знал о завещании, лишавшем нас законного наследства (226), и не хотел знать о нём потому, что, помимо того, что мне противно было вмешиваться, у меня в те дни было моё личное состояние, которое я увеличил в пять раз, и потому для меня было почти безразлично, было ли завещание или не было (227).

[226. В процессе обсуждения официального текста завещания Л.Н. Толстой 10 апреля 1910 года записал в Дневнике: «...Какой большой грех я сделал, отдав детям состояние. Всем повредил, даже дочерям. Ясно вижу это теперь. ...» – ПСС. Т. 58. С. 36.

227. Л.Л. Толстой не вполне точен. У него было своё состояние, однако столичная жизнь и большая семья требовали куда бóльших денег, чем было в наличности. Поэтому денежный вопрос постоянно обсуждался в переписке Л.Л. Толстого с матерью уже тогда. Так, одно

из последних писем из французской столицы весной 1910 года целиком посвящено этому.

«Милая мамá, сегодня получил от Крестецкого земства, которое не уплатило в срок и задержало платеж Вам, письмо, что оно ещё задержит его. Мне очень неприятно, что я не посылаю Вам в срок, но случилось так, что второе земство заказало громадный книжный заказ тысяч на пять, и денег сейчас не довольно, чтобы выслать Вам. Пожалуйста, потерпите. Мне ни за что не хочется бросать „Доброго Дела“, как оно ни трудно. Во всяком случае , через месяц деньги будут Вам высланы. Вы поймете, что я не виноват и что деньги целы, и поймете, что дело мое принципиальное и мне дорогое. Оно сильно развивается и идет хорошо.

Едем 7 го <июня>. Петя поправляется медленно, хотя не кашляет.

31 мая <нового стиля 19>10 <года>

Париж

Если очень нужны деньги, напишите, пришлю сейчас». – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14486. Л. 1 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

«Доброе Дело» – книжный магазин и склад Л.Л. Толстого, просуществовавший в Петербурге с осени 1904 по 1912 год. – См. о нем подробнее: Сын и отец ... //Лица ... Т. 4. С. 180 181.

Любопытен и один проект, о котором Л.Л. Толстой писал С.А. Толстой в 20 х числах августа 1910 года в Кочеты, где в имении Сухотиных в это время жили родители:

«<...> Думал еще об одном плане.

Что, если бы Вы при жизни отдали Ясную детям? Мы бы разделили всё при жизни стариков. Сейчас же каждый из нас стал бы работать на своём куске. Построились бы многие, – первый я, Андрюша, м<ожет> б<ыть>, Таня, Саша, Серёжа! Жизнь бы здесь закипела ключом. Вы были бы свободны от хозяйства. Держали бы только столько людей, коров, лошадей, сколько Вам нужно. Сократили бы всю Вашу безумную роскошь. Мы бы Вам давали, так или иначе, все, нужное для усадьбы. Усадьбу могли бы отдать пожизненно или совсем Вам. Как было бы весело и хорошо всем! Переживете отца, сделаете из дома его музей, не переж<ив>ете, он останется дома. Мысли, над которыми не мешало бы Вам подумать.

Покажите это письмо папá и просите прочесть. Что он скажет<?>

Я уверен, что ему это понравится уже по одному тому, что он сам будет в более приятном положении. Это важнее истории с Чертковым. Тут дело касается всех нас и наших семей. Но об этом, м<ожет> б<ытъ>, Вам не захочется думать. Простите, что пишу так.

Л<ева>.

Странно сказать, но ведь Ваше одиночество оттого, что дети все в разброде и в Ясной, при существующих условиях, жить долго не могут, а если сделать, что говорю <я>, будет совсем другое, и Вы живая найдете себя и успокоитесь». – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14500. Л. 1 об.2 об. Автограф.

Ответ С.А. Толстой неизвестен. В конце августа 1910 года она была не в состоянии всерьёз обсуждать подобные планы. Вероятно, по поводу этого письма Л.Н. Толстой 28 августа 1910 года заметил: «Письмо от Левы – нехорошее очень. Помоги Господи. ...» – ПСС. Т. 58. С. 97].

Меня глубоко возмущала, однако, жестокая и гнусная ложь, царившая в семье, жертвой которой сделалась правдивая мать, и, так как я был один, видевший это, я продолжал держаться от всего этого в стороне. Странно сознавать теперь, что только моя мать одна была права во всей этой материальной, недостойной суете якобы «духовных» людей, – и она одна была нормальна и моральна при всей своей нервности и страданиях, а все другие были ненормальны и грубо материальны.

<Да и> как и не быть по временам нервной, когда человек, которого она любила 48 лет и которому отдала всю свою жизнь, вдруг вместе с чужим и дурным человеком, якобы «духовным» братом, именно в самом грубо материальном деле, как законное, официальное, да еще тайное завещание, изменял ей и скрывал от неё, путём прямой лжи, свои поступки, направленные против нее и семьи? Она же сама содействовала тому достоянию, которое потерявший рассудок старик ни за что отдавал чужим людям! Она же вдохновляла отца, когда в продолжение долгих лет, сидя ночи напролёт, переписывала ему создавшие его славу романы.

Я не осуждаю отца. Нельзя осуждать человека, не узнававшего своих и жившего в полном умственном тумане. Он действовал, как ребенок. Но я не только осуждаю Черткова, но на вечные времена проклинаю его память и имя (228).

Прожив в Ясной около недели, 6 июля вечером я позвал его в свою комнату и сказал ему, что, так как его

присутствие в нашем доме мучительно для родителей, я просил бы его прекратить свои посещения. Сначала, удивленный, он не знал, что возразить. Но потом вдруг рассердился и стал говорить мне дерзости.

– Ты же сам останешься в дураках! – крикнул он мне со злой усмешкой.

Я спокойно ещё раз попросил его перестать ездить в дом.

– Хорошо, но ты же сам останешься в дураках, – повторил он, глупо смеясь и намекая на завещание. Завещание казалось ему, конечно, гораздо более важным делом, чем страдания моих родителей.

Тогда и я серьёзно рассердился на него, как это бывает со мной нечасто. Я стал кричать и готов был силой вытолкать его из комнаты и из дома (229).

– Идиот! – кричал я ему. – Все же знают, что ты дурак и идиот ! Оставь меня сию минуту.

Он глупо улыбнулся и молча вышел из комнаты.

После этой сцены он временно прекратил бывать в Ясной (230), но они виделись с отцом тайно в лесах.

[228. Более точно, убедительно и бескомпромиссно сформулировал суть случившегося М. С. Сухотин в письме В. Ф. Булгакову 5 июня 1912 года:

«<...>Л<ев> Н<иколаевич> любил В<ладимира> Г<ригорьевича> исключительно нежно, пристрастно и слепо; эта любовь довела Л<ьва> Н<иколаевича> до полного подчинения воле В<ладимира> Г<ригорьевича>. Владимир Г<ригорьевич> тоже очень сильно любил Л<ьва> Н<иколаевича>, но не только сильно, но и в л а с т н о; эта властность довела Л<ьва> Н<иколаевича> до поступка, совершенно не согласного с его остальными верованиями (т.е., до завещания). Если бы Л<ев> Н<иколаевич> видел, до каких не согласных с его желаниями разветвлений дошли чувства и поступки лиц, принимающих прямое или косвенное участие в исполнении этого завещания, то, наверное, огорчился бы и раскаялся в том, что поддался уговорам Черткова. Вот мое основное убеждение. <...>

Те фальшивые ноты, которые я слышу в заключительном аккорде, завершившем жизнь Л<ьва> Н<иколаевича>, главным образом явились следствием того пагубного влияния, которое оказывал Чертков на своего учителя. Тем не менее я снова повторяю, что я не обвиняю в этом Черткова, как не могу обвинять кукушку, не могущую петь соловьем. Гораздо больше меня удивляет и огорчает соловей,

забывающий свое чудное пение и из любви к кукушке старающийся не петь, а куковать. <...>» – РГАЛИ , ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 1103. Л. 13. Маш. копия. Разрядка М.С. Сухотина. См. также: Абросимова В.Н., Краснов Г.В. Последний секретарь Л.Н. Толстого (По материалам архива В.Ф. Булгакова) //Известия Академии наук. Серия литературы и языка. М., 2002. Т. 61, № 3. С. 51 52.

229. Сцена эта известна в нескольких вариантах, совпадающих в основных деталях. А.Б. Гольденвейзер 6 июля 1910 года записал: «... По дороге домой Владимир Григорьевич рассказал мне, что его разговор со Львом Львовичем (пока мы [с Л.Н. Толстым. – В.А.] играли в шахматы) кончился довольно печально. Владимир Григорьевич говорил ему, чтобы он не полагался только на слова матери, чтобы он сам наблюдал, расспросил сестру [Сашу]; а то он рискует остаться в дураках. Разговор вёлся в дружелюбном тоне, но когда Владимир Григорьевич повторил еще раз выражение „в дураках“, Лев Львович рассердился и закричал:

– *Ты* дурак! Все знают, что ты идиот!

И, наконец, стал, не переставая, кричать:

– Дурак, дурак, идиот! – тряся перед собою кулаками.

Владимир Григорьевич ушел от него, сказав, что его ругательства не могут его обидеть. ...» – См.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 101.

На следующий день Л.Л. Толстой как будто бы опомнился. «... Мы были уже одетые внизу, когда вниз сбежал Лев Львович и сказал Владимиру Григорьевичу:

– Мама́ хочет с тобой поговорить. Гораздо лучше, правда, объяснитесь, чем тянуть эту историю. Мне очень жаль, что у нас был с тобой вчерашний разговор. Я погорячился. Мне это очень неприятно.

– Как я рад от тебя это слышать, – сказал ему Владимир Григорьевич. – Благодарю тебя, мне это, правда, очень радостно...» – Там же. С. 103.

Несколько иначе ситуация выглядит в изложении переписчицы, жившей в Ясной Поляне, дружившей с А.Л. Толстой и однозначно принявшей ее сторону, Варвары Михайловны Феокритовой (1875-1950): «<...> Вчера уже Лев Львович говорил <...> с Чертковым, и они, кажется, поссорились, потому что сегодня, 7 го июля, Лев Львович сказал мне за завтраком, что он назвал Черткова идиотом и что он, конечно, не подал бы ему больше руки, если бы не Л<ев> Н<иколаевич>.

– Да я его на порог бы не пустила, с лакеями с лестницы спустила, если бы не папа́, – ответила С<офья> А<ндреевна>, радуясь такой хорошей поддержке.

В это время вошла Саша, и Лев Львович просил прекратить разговор и не передавать ей его. <...>» – См.: Феокритова В.М.

Последний год жизни Л.Н. Толстого: Записки. – РГАЛИ, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 278. Л. 33. Машинопись с авторской правкой. См. также: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 134.

Эпизод этот имел продолжение. В критический для всех участников день тайного подписания Л.Н. Толстым завещания, 22 июля 1910 года Л.Л. Толстой обратился к Черткову – когда-то «милому другу Диме» – с таким письмом:

«22 июля <19>10 г<ода>
Ясная Поляна
Владимир Григорьевич,
твоё появление в доме моих родителей каждый раз, с тех пор, что я здесь, как ты сам видел вчера, глубоко волнует мою мать и крайне вредно для её слабого здоровья. Расстраивая мать, ты этим самым расстраиваешь отца, у которого вчера болела печень, так что он плохо спал ночь. На нас, детей, волнение родителей действует также очень чувствительно. Говорю это, чтобы ты видел, до какой степени эти волнения сильны и не здоровы. Не для того, чтобы оберечь собственный покой. Было бы естественно, чтобы ты прекратил свои посещения, хотя бы временно, несмотря на приглашения родителей, и ограничил свои отношения с отцом письменно. Но, может быть, ни ты, ни отец, ни мать ради отца не желает этого, и посещения твои будут продолжаться. Тогда я очень прошу тебя сделать все возможное для установления с матерью простых и открытых добрых отношений. Скажи ей, что ты готов все сделать, чтобы успокоить ее, чтобы твое появление у них не было ей тяжелым, что ты жалеешь, что осуждал ее, что признаешь, что она больна и слаба, – вообще чтонибудь такое человечное, доброе. Тогда все могло бы устроиться, и отношения всех вас и нас стали бы нормальными. Не говори никому, ни отцу, ни друзьям об этом письме.

Не отвечай мне на него много, не сердись на меня и верь, что я лично не желаю ничего, кроме покоя родителей и доброго к тебе отношения. Нельзя осуждать слабую и больную женщину и требовать от нее самообладания, в котором она бессильна. Надо щадить ее последние дни. Такое мое впечатление. Ей я внушаю всячески, чтобы она великодушно, с добротой и любовью подходила к тебе. Вот все.

Лев.

Рад был бы переговорить с тобой, но до конца, без волнения. А то мы назвали друг друга дураками и этим ограничились. Это грустно, не правда ли?» – ОР ГМТ. Архив В.Г. Черткова, № 60341. Л. 1 2 об. Автограф. О письме и реакции В.Г. Черткова на него см.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 159.

230. Л.Л. Толстой не вполне точен: 7-9 июля 1910 года В.Г. Чертков бывал в Ясной Поляне, 10 июля Л.Н. Толстой ездил вместе с ним на прогулку, а вот появление В.Г. Черткова 12 июля 1910 года вызвало такую нервную реакцию Софьи Андреевны, что Лев Николаевич должен был отказаться от совместной верховой езды с давним другом. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 133-142.

15 июля 1910 года С.А. Толстая сама разрешила В.Г. Черткову приезжать в Ясную Поляну. – Там же. С. 146. Только после обращения к нему Т.Л. Сухотиной-Толстой 26 июля 1910 года В.Г. Чертков, действительно, больше не бывал в Ясной Поляне. – См.: Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 296, 413].

В то лето по соседству с Ясной жил на даче ещё один толстовец, пианист, тщеславный и несимпатичный еврейчик Гольденвейзер, музыкант и шахматист. Позднее в Советской России он сделался, конечно, важным директором Московской консерватории (231). Он иногда ездил с отцом на верховые прогулки, так как за последнее время отца больше не пускали одного.

Как-то Гольденвейзера не было в Ясной и я в качестве няньки поехал с отцом (232). На казённом лесном отводе Засеки нас захватил тёплый июльский ливень, и мы оба слезли с лошадей и встали рядом на крылечке забытой и пустой лесной сторожки.

Отец, беспокойный и жалкий, стоял со мной плечом к плечу, не говоря ни слова и избегая моего взгляда. Не дождавшись конца дождя, он влез на лошадь и рысью поехал дальше. На другой день, когда опять подали лошадей и Гольденвейзер в сапогах и с хлыстом в руке вышел на крыльцо, я вышел из дому вместе с отцом.

Гольденвейзер подошел к своей лошади.

– Нет, нет, – сказал ему отец недовольно, – пусть со мной едет Лёва!

Но, огорчённый его вчерашним отношением ко мне, я сказал смущенно:

– Гольденвейзер уже одет. Пусть он едет с тобой (233).

[231. Известный пианист, профессор Московской консерватории с 1906 года, А.Б. Гольденвейзер оказался в числе немногих близких к

Толстому людей, чья лояльность новой власти не вызывала сомнений. Когда в штатном расписании Московской консерватории в конце 1920 года появилась должность проректора, то выбор пал на Гольденвейзера. Через полтора года, 2 октября 1922 года он был избран ректором консерватории и исполнял эти обязанности до конца сентября 1924 года.

В 1932-1934 годах профессор А.Б. Гольденвейзер вновь стал заместителем директора, а с 1939 по 1942 год – директором консерватории. – См.: Московская консерватория : 1866 1966. М.: Музыка, 1966. С. 288, 296, 329, 652; Воспоминания о Московской консерватории. М.: Музыка, 1966. С. 220.

232. Л.Н. Толстой возобновил верховые прогулки 10 мая 1910 года. Кроме А.Б. Гольденвейзера, вместе с Львом Николаевичем выезжали В.Ф. Булгаков или Д.П. Маковицкий.

Л.Л. Толстой дважды летом 1910 года сопровождал отца. Первый раз – 3 июля 1910 года, на следующий день после приезда в Ясную Поляну, они ездили в сгоревшее Овсянниково к М.А. Шмидт. – См.: Толстая С.А. Дневники... - Т. 2. С. 130.

Позднее, готовясь к лекции в Америке весной 1911 года, Л.Л. Толстой так вспоминал об этой поездке: «... Я забыл передать интересный разговор мой с отцом по дороге в Овсянниково, ездили с ним туда вдвоем верхом. Я сказал ему, что замечаю в России улучшение, что в России проснулось национальное чувство и что я рад, что наконец осуществляется моя давнишняя мечта перехода крестьян от общины к частному землевладению. Отец иронически засмеялся.

– Что они только делают! – вскричал он с негодованием. – Что они только делают! Эти разбойники, преступники! Вешают, обирают, насилуют.

Возражать уже нельзя было и не хотелось. Он весь горел злобой и негодованием. Не помню точно всех его слов, но он закончил так: „Оставим это и забудь, пожалуйста, все, что я сказал“...» – См.: Сын и отец ... //Лица ... Т. 4. С. 286.

Вторая поездка – в день, когда ливень застиг наездников в лесу, – состоялась 9 июля 1910 года. – См.: ПСС. Т. 58. С. 77; Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 136; Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 105.

233. Л.Л. Толстой ошибся: на следующий день с Л.Н. Толстым ездил В.Г. Чертков. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 137. 11 и 12 июля 1910 года Л.Н. Толстого сопровождал Д.П. Маковицкий. – Там же. С. 140. И только 13 июля Л.Н. Толстой отправился на прогулку верхом вместе о А.Б. Гольденвейзером и М.С. Сухотиным. – Там же. С. 142; Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 115-116].

Так бывает в жизни. Люди тонкокожие и гордые не могут переделать себя и, что бы ни было, живут, движимые своей душевной чувствительностью.

«Гольденмолден», как мы называли в семье Гольденвейзера, был, конечно, «сильнее» меня, и я должен был преклониться перед его «силой» (234). Он, друг Толстого и его семьи, не задумался быть свидетелем завещания отца, тайно от семьи, может быть, тогда уже подписанного.

[234. Судя по Дневнику Л.Н. Толстого, записям членов его семьи, В.Ф. Булгакова и Д.П. Маковицкого, так Гольденвейзера никто не называл. Летом 1910 года молодой музыкант вместе с женой, Анной Алексеевной Гольденвейзер (урожд. Софиано; 1881-1929) жил в Телятенках у Чертковых, часто приезжал в Ясную Поляну, играл с Л.Н. Толстым в винт, в шахматы или отвлекал его от мучительных размышлений исполнением его любимых музыкальных произведений. 25 июля 1910 года Л.Н. Толстой записал в Дневнике: «... Говорил с Львом. Тщетно. ... Тут ночует хороший Гол[ь]денв[ейзер]». – ПСС. Т. 58. С. 83.

Налицо очевидная оппозиция: сын Лев – Гольденвейзер. Так что со стороны Л.Л. Толстого, возможно, была и некоторая доля зависти по отношению к Гольденвейзеру. Показательно также, что прозвище «Гольден Мольден» появилось только после смерти Л.Н. Толстого в письме матери из Петербурга от 23 октября 1911 года:

«<...> Сегодня завтракал у Мити Олсуфьева. Каковы редакторы сочинений Л<ьва> Н<иколаеви>ча? Гольден Модьден, о котором папá писал, что ему с ним „почемуто“ неприятно, и Хирьяков, с которым общего у папá собственно не было ничего.

Вообще я сторонюсь от имени отца, как от какойто нечисти, вокруг которой насели гады. Сам он – там, гдето далеко, хороший, великий, чистый. Но нужны века, чтобы величье его встало во всей полноте, свободное от тех нечистот, вроде Черткова, Гольдена и др<угих>, которые насели на него и в конце концов уморили. В чем же их заслуга? Ровно ни в чем, кроме отрицательного, но этого пока еще не видно достаточно ясно. Когда мухи съедят засиженный ими труп и разлетятся, то останутся одни кости, <тогда> ясно будет, что мухам нужна была только падаль, которой они кормились, а не живой человек и его учение. Мне это ясно, как день, потому что иначе разве бы слышали о „Гольден< >Мольдене“ и Черткове и их компании. Они бы жили гденибудь „по Божье<му>“, для души, избегая мирской суеты, в которой они „исполняют волю покойного“. Хороша воля и

хороши исполнители ее. Воля, чтобы вызвать в людях недоброту и ненависть, исполнители, с которыми ему было самому невмоготу. От которых он бежал и умер. Отвратительно.

Готов бежать сам куданибудь подальше, в теплые чужие края, чтобы не жить этим или, во всяком случае, не слыхать об этом. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14526. Л. 1-2 об. Автограф. Датируется по содержанию.

...у Мити Олсуфьева... – Д.А. Олсуфьев (см. о нем в примеч. 146 к Главе 8 Книги I), член Государственного совета; посетитель Ясной Поляны, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого.

... Каковы редакторы ... – вскоре после смерти Л.Н. Толстого его душеприказчики начали готовить к изданию не публиковавшиеся раньше сочинения. В.Г. Чертков составил свою редакционную коллегию, в которую вошли только те, кому он лично доверял и кто никогда не задавал ему неудобных вопросов, в том числе и А.Б. Гольденвейзер. – См.: Чертков В. От редакции //Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого : В 3 х томах. М.: Издание А.Л. Толстой, 1912. Т. I. С. 3 4.

...“почему-то” неприятно... – в «Дневнике для одного себя» Л.Н. Толстой 3 августа 1910 года записал: «Ездил с Гол[ь]д[енвейзером]. Мне с ним отчегото тяжело». – ПСС. Т. 58. С. 130. Разговор во время прогулки зашел о завещании и положении Л.Н. Толстого в семье, что было Толстому неприятно. Ср.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 196 199.

Александр Модестович Хирьяков (1863-1946) – журналист, сотрудник издательства «Посредник». 14 августа 1910 года Л.Н. Толстой отметил в Дневнике присутствие давнего знакомого: «Вечером Хирьяков приятный, Гол[ь]денв[ейзер], Димочка». – ПСС. Т. 58. С. 93.

Димочка – сын Чертковых, Владимир Владимирович Чертков (1889-1964)].

Чтобы не забыть, записываю здесь ещё некоторые интересные подробности о том, до какой степени наивно и по-детски отец подпал в то время под влияние Черткова. По совету своего друга, он коротко обстриг бороду, что совсем не шло ему. По утрам при открытом окне он голый ходил по комнате. Чертков внушил ему, что он еще бодрый старик и, уехав от жены, он еще проживет долго.

Чтобы не зависеть больше от моей матери, он стал сам заказывать свои вегетарианские обеды, что, конечно, было для неё глубоким огорчением. Она заботилась о пище отца 48 лет.

Меня в своих дневниках отец вдруг стал называть «Лев Львович», чего никогда не делал раньше (235).

«И ужаснее всего был Лев Львович. Он кричал на меня, как на мальчишку, и приказывал идти в сад за Софьей Андреевной».

Я никогда в жизни не кричал на него (236), а только горячо и громко сказал, чтобы он сам пошел за матерью, которая, обманутая, несчастная и несправедливо оскорбленная им, лежала на земле в саду. Я сказал отцу, что только он, ее муж, может утешить ее. Он встал и виновато пошел в сад.

Потом, дальше, 16 июля, он записал:

«Понял свой грех относительно Льва; не оскорбляться, а надо любить»(237).

29 июля он пишет: «Я совершенно искренно могу любить ее (мою мать. – Л.Л. Толстой), чего не могу по отношению к Льву»(238).

Два дня спустя он еще записывает: «Льва Львовича не могу переносить. А он хочет поселиться здесь. Вот испытанье»(239).

Я не намеревался поселиться, а уже пять-шесть дней был в Ясной (240). Он забыл даже это.

7 августа он записал: «С Львом все также тяжело, но нет недоброго чувства»(241).

9 августа: «Лева – большое и трудное испытание»(242).

Он несколько раз робко пытался приблизиться ко мне, но опять отступал(243).

Когда я лепил бюст матери(244), он следил за работой и повторял одобрительно: «Очень живо. Очень похоже». Потом раз утром спросил меня:

– Что же ты не пришел меня лепить сегодня?(245)

Я удивился потому, что не было речи о том, чтобы он позировал мне(246).

В последний день, что я виделся с ним живым(247), он виноватым голосом и совсем неожиданно сказал мне:

– Если я имел такую славу в жизни, стало быть, я наговорил много глупостей…

В светлые минуты, когда он был истинно добрым и смиренным, я не мог не любить его. Но я не мог любить его за его несправедливость по отношению к моей матери и за его тщеславие выше всего. Это не было ни умно, ни честно.

[242. Там же.

243. Вероятно, это было в первые дни приезда Л.Л. Толстого в Ясную Поляну, когда, по словам очевидцев, Л.Л. Толстой был «…пока довольно миролюбив». – См. запись от 3 июля 1910 года в кн.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого… Т. II. С. 88.

4 июля 1910 года С.А. Толстая записала: «… Лева сегодня говорил, что он вчера случайно подстерег на лице Льва Николаевича такое прекрасное выражение человека не от мира сего, что он был поражен и желал бы его уловить для скульптуры. …» – Толстая С.А. Дневники… Т. 2. С. 130.

5 июля 1910 года Л.Н. Толстой даже записал в Дневнике: «С Левой немного легче». – ПСС. Т. 58. С. 76.

244. Эти было в первые дни его пребывания в доме. 6 июля 1910 года – до ссоры с Чертковым – Л.Л. Толстой все еще был вполне лоялен и контактен с теми, кто не поддерживал С.А. Толстую: «… Лев Львович взял меня под руку и повел вниз показывать свою работу. Он лепит Илью Васильевича [Сидоркова. – В.А.] и собирается лепить Софью Андреевну и Л[ьва] Н[иколаеви]ча. Он мне еще показывал фотографии своих прежних работ. …» – См.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого… Т. II. С. 95.

Однако ссора с В.Г Чертковым сделала невозможным мирное разрешение конфликта «противоборствующих сторон».

245. Современники зафиксировали три разговора Л.Л. Толстого с отцом о скульптуре: первый – 4 июля 1910 года – касался прежде всего О. Родена и его суждений об искусстве (см. примеч. 90 к Главе 5 Книги I); второй произошел 27 июля 1910 года и в нем затрагивалась опубликованная только что статья О. Родена. – См.: Маковицкий Д.П. У Толстого… Кн. 4. С. 307.

Третий обмен мнениями имел место 10 августа и инициатором его был Л.Н. Толстой. В записи В.М. Феокритовой, сделанной через

несколько дней, трудных для всех участников событий, он выглядел так:

«<...> Л<ев> Н<иколаевич> заговорил о деревенских детишках, которых видит постоянно, особенно во время своих длинных прогулок верхом.

– Вот где скульптура, – обратился он к Льву Львовичу, – это дети, особенно деревенские, это один лучше другого!.. А то едешь верхом, выбегут эти ребятишки, голые, крошечные, толстые ножен<ь>ки... Да, дети – это самое скульптурное дело, лицо, тело – прелестно, чисто а у взрослых – отвратительно. <...>» – РГАЛИ , ф. 508, оп. 1. ед. хр. 278. Л. 125. Машинопись с авторской правкой.

246. Л.Л. Толстой, вероятно, забыл, что в самые первые дни своего пребывания в Ясной Поляне он намерен был лепить обоих родителей (см. выше примеч. 244). Кроме того, Д.П. Маковицкий 29 августа 1910 года записал: «Лев Львович начал было лепить бюст Л[ьва] Н[иколаевича] в естественную величину. Перед отъездом Л[ьва] Н[иколаевича] бюст был почти готов и, помоему, очень удачен. Советовали Льву Львовичу поехать с Л[ьвом] Н[иколаевичем] в Кочеты и там кончить ваяние. Но он, надеясь на память свою, решил окончить в Ясной без позирования Л[ьва] Н[иколаевича]. ...» – См.: Маковицкий Д.П. У Толстого... - Кн. 4. С. 336.

247. Последний раз Л.Л. Толстой видел отца 15 августа 1910 года, когда провожал родителей в Кочеты к Сухотиным. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 176.

Какое-то предчувствие томило его. Вот как запомнился этот момент В.М. Феокритовой, безусловно, не симпатизировавшей Л.Л. Толстому: «<...> Даже Лев Львович почувствовал, кажется, в первый раз за все лето жалость к отцу и сознался, что мать очень мучает отца; он был так добр весь день, так мягок с нами в разговорах, что я была рада переменить свое мнение о нем. <...>» – РГАЛИ, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 278. Л. 140. Машинопись с авторской правкой].

*****

В Ясной я меньше думал о Париже, так взволновала меня атмосфера старой семьи. Но как-то вечером я сильно затосковал в одиночестве и вдруг с болью в сердце стал напряженно думать о Жизель и моем чувстве к ней (248).

Я был один в зале яснополянского дома, и мне захотелось выразить то отчаянное, бурное чувство,

которое вдруг овладело моей душой. Я сел за фортепьяно и сыграл «A ragonaise» Massenet (249), страстную и горячую вещь, которую недавно выучил наизусть. Она вполне выражала мое настроение.

Неожиданно в дверях показалась растерянная фигура отца. Раньше он любил слушать мою игру и часто открывал двери в свои комнаты, когда я садился за фортепьяно. На этот раз лицо его было искажено страданием и отчаянием.

– Что такое только ты играешь? – спросил он с гримасой <на лице> и осуждением в голосе. – Это ужасно!

Вспоминаю эту сцену, чтобы показать, в каком он был тогда состоянии (250).

Как дитя, за которым надо было ухаживать, он страдал от всего живого и шумного. Он продолжал храбриться, ездить верхом и вести обычную жизнь, но она уже была для него не под силу.

Бедный, бедный отец! Как я мучаюсь сейчас, что не был с ним нежен, как с ребенком, что не приласкал его.

Нервность матери и ее поведение за эти месяцы можно объяснить не только обидой, ей нанесенной, но и ее предчувствием близкого конца Льва Николаевича.

Последнюю половину августа родители провели в имении сестры, Тани Сухотиной (251), а я 31 августа уехал в Петербург. Перед моим отъездом мать вернулась в Ясную, чтобы проститься со мной, так как в Петербурге ожидало меня очень неприятное дело, после которого я мог два года просидеть в крепости. Петербургская судебная палата должна была судить меня за издание двух запрещенных брошюр отца – «Восстановление ада» и «Где выход», которые я издал целиком, не выпуская противоцензурных мест(252).

У меня было в то время собственное книжное дело в Петербурге, где продавались и книги отца(253). Я начал его, надеясь развить крупное книгоиздательство и, главным образом, заняться образованием русской деревни(254). Но почему и как я легкомысленно издал

эти два отцовых памфлета, я хорошо не помню. Во-первых, они мне нравились самому, во-вторых, их спрашивали <люди>.

Настал день суда надо мной(255), и я должен был сесть на сальную деревянную скамью подсудимых, на которой тысячи преступников сидели до меня. Но я радовался, что эта тяготевшая надо мной неприятность, наконец, так или иначе, должна была разрешиться. Я защищался сам, без адвоката. Когда пришлось говорить, я ск<азал>, что не выпустил из статей противоцензурных мест, во-первых, потому, что не считал себя вправе искажать текст сочинений отца, хотя я сам далеко не во всем соглашался с его идеями, во-вторых, потому, что не обратил на них должного вним < ания >.

После моего заявления Палата вышла из зала и пошла совещаться, и, так как это совещание длилось больше часа, я был уверен, что дело кончилось моим осуждением, и я в утешение себе повторял себе мудрую русскую пословицу: «От сумы да от тюрьмы не отказывайся»(256).

Но Палата вынесла мне оправдательный приговор, хотя, как мне потом говорили, вердикт был дан мне не легко. По закону они должны были осудить меня.

Тяжелый камень, наконец, упал с моих плеч, и я был снова свободен. Но почему же Жизель до сих пор не ответила мне? М<ожет> б<ыть>, письмо пропало или, может быть, она навсегда забыла меня?

После Ясной я в сентябре вернулся на Place St. J acques, куда скоро приехала из Швеции и вся моя семья. Я старался примириться с мыслью, что я навсегда потерял Жизель, но у меня оставалась моя любимая скульптура, которой я отдался теперь со всей страстью моей души(257). Но болезненная любовь моя опять проснулась во мне в атмосфере Парижа. По-прежнему я оглядывался на женщин, проезжавших мимо по улице, по-прежнему надеялся, что каким-нибудь чудом и когда-нибудь я снова встречусь с Жизель.

Той осенью, по совету Rodin, я перестал работать в Академиях, а нанял собственную мастерскую и брал своих моделей, что подвинуло меня в моем искусстве гораздо дальше, чем советы профессоров.

Я лепил, между прочим, одну красавицу-итальянку с ребенком на руках(258), которая приходила ко мне по утрам. Однажды она явилась ко мне вся в синяках, говоря, что муж ее приревновал ее ко мне. Я сказал ей, чтобы она привела ко мне мужа, иначе я пожалуюсь на него полиции. На следующее утро явился небольшой, сконфуженный итальяшка, которому я прочел строгий выговор.

– Мне твоя жена нужна как модель, а не иначе, – сказал я ему, смеясь, – у меня у самого жена и дети.

Он стал трогательно просить у меня прощения и с тех пор стал моим другом. Он приходил ко мне часто и помогал мне с глиной и гипсами.

В октябре внезапно появились в газетах первые телеграммы о бегстве отца из Ясной, а несколько дней позднее известие о его серьезной болезни на станции Астапово (259).

Спешно, с первым же скорым поездом, я оставил Париж(260), но, подъезжая к Москве, на станции Бородино, где поезд остановился, я прочел в утренних русских газетах известие о его смерти(261).

Когда-то отец сам приезжал сюда для изучения бородинской битвы для его романа «В< ойна > и М< ир >». Ярко помню на этой памятной станции то печальное и серьезное выражение всех, одновременно со мной узнавших о его кончине и читавших газеты.

Да, большое, не только русское событие произошло на земле. Умер Лев Толстой, на которого более полувека были обращены взоры всего мыслящего человечества.

Только после смерти человека мы можем верно оценить его заслуги. Эта смерть показалась не мне одному, а миллионам громадной духовной потерей потому, что именно духовное горение отца в продолжение всей его жизни, его нежная и чуткая душа,

искавшая общения с душой всего мира, несмотря на слабость и противоречия его мысли, покоряли людские сердца.

[248. Это не прошло незамеченным С.А. Толстой, от которой у сына не было тайн. 20 июля 1910 года она записала: «... Мне чтото очень жаль сына Леву. Он сегодня такой грустный, озабоченный. Всплыло ли пережитое им в Париже, встревожен ли он тем, что ему не выдают бумагу для получения заграничного паспорта, или он, нервный, устал от наших тяжелых осложнений жизни...» – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 152-153.

249. «Арагонская хота» – переложение для фортепиано музыки к балету «Арагонка», который появился в результате переработки одноименной оперы известного французского композитора Жюля Массне (Massenet; 1842-1912), которая пользовалась в Париже большим успехом. – См.: Massenet J.E.F. Aragonaise /Arranged for piano by G. Lamothe. Lnd., 1894. – See: The catalog of printed music in the British Library to 1890. Lnd., 1985. Vol. 38. P. 206.

В мемуарной литературе о Л.Н. Толстом это первое и единственное упоминание Массне.

...*хота*... – от исп. jota – испанский народный танец, исполняемый в сопровождении гитары и кастаньет, при участии солистапевца.

250. Речь идет не только о глубоком душевном страдании Л.Н. Толстого в то последнее лето, о котором писали все мемуаристы, но и об очень плохой игре Л.Л. Толстого. Даже любящая сына С.А. Толстая однажды вынуждена была во всеуслышание сказать об этом. Это произошло 9 августа 1910 года. В записи А.Б. Гольденвейзера это выглядело так: «... Когда мы приехали в Ясную, то услыхали квинтет Моцарта, который ктото очень плохо играл в четыре руки. ...

Софья Андреевна... сказала:

– Я пришла сказать, что это не я играю, это Лева и Ферре играют, так что ты, Левочка, на меня не сердись. Это не я. ... Они так колотят (музицирующие), что я не могла там сидеть и пришла к вам. ...

Лев Львович и Ферре заиграли сначала Пасторальную, а потом Пятую симфонию Бетховена. ...» – См.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 225-226. Курсив А.Б. Гольденвейзера.

Аналогичная запись в дневнике менее впечатлительной слушательницы В.М. Феокритовой: «<...> После обеда Лев Львович и Ферре сели играть в четыре руки и, надо сказать, играли ужасно. Мы затворили их со всех сторон и пошли в канцелярию, а С<офья> А<ндреевна> побежала к Л<ьву> Н<иколаевичу> объявлять, что это не она так плохо играет. <...>» – РГАЛИ , ф. 508, оп. 1, ед. хр. 278. Л. 121. Машинопись с авторской правкой.

Ферре – вице-губернатор Смоленской губернии, в недавнем прошлом – статский советник Тульского губернского статистического комитета Василий Юльевич Фере (род. в 1864 году), бывавший в доме Толстых. – ПСС. Т. 66. С. 358; Памятная книжка Смоленской губернии на 1910 год. Смоленск, 1909. С. 23; Памятная книжка Тульской губернии на 1910 год. Тула, 1910. Отд. I. С. 6.

Вольфганг Амадей Моцарт (Mozart; 1756-1791) и Людвиг ван Бетховен (см. о нем выше примеч. 142 к Главе 4) были в числе любимых композиторов Л.Н. Толстого. – См.: Толстой С.Л. Очерки былого... С. 363-387.

В Яснополянском доме Толстых среди нот, сохранившихся в зале, есть и ноты, которыми могли воспользоваться незадачливые исполнители и в этот день. См.: Beethoven L. van. Duos, Trios, Quartette, Quintette, Sextette, Septett, Conserte u Symphonien: Fur Pianoforte zu vier Handen /Arrangiert von Hugo Ulrich und Robert Wittmann. Leipzig , S.A. – Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Кп 1124/64, М 11897.

В комнате секретарей сохранились другие ноты. См.: Mozart W.A. Trio, Quartette, Quintette, Concerte und Symphonien: [Fur Pianoforte zu 4 Handen] /Arrangiert von Hugo Ulrich und Robert Wittmann. Leipzig, S.A. Bd. 1 2. – Там же. Кп 2130/11 , М 5178.

251. Спустя три недели после приезда гостей в его имение Кочеты Тульской губернии М.С. Сухотин 8 сентября 1910 года записал в дневнике: «... У нас в Кочетах с 15 авг[уста] гостили Л[ев] Н[иколаевич] с Сашей, Маковицким и летающей взад и вперед С[офьей] А[ндреевной]. К нам он перебрался, чтобы хоть на время отдохнуть от постыдных сцен, которые ему устраивает С[офья] А[ндреевна]. Все надеялись, что она останется в Ясной, но в последнюю минуту она тоже собралась и прикатила со всеми. Несчастное, но и не вызывающее к себе симпатии существо! ...»

А 22 сентября 1910 года М.С. Сухотин заметил: «Уехал несчастный старик в Ясную Поляну. Там, наверно, снова начнутся тяжелые приставания графини. Сам Л[ев] Н[иколаевич] ожидает чегото нового». – См.: Абросимова В.Н. Уход Л.Н. Толстого: По дневниковым записям М.С. Сухотина 1910 г. и переписке Т.Л. Сухотиной-Толстой с С.Л. Толстым 1930 х годов //Известия Академии наук. Серия литературы и языка. М., 1996. Т. 55, № 2. С. 64 65. См. также: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 176 202; Маковицкий Д.П. У Толстого... Кн. 4. С. 322-358.

252. В 1905 году Л.Л. Толстой издал два произведения отца, ранее запрещенных цензурой: «Где выход?» и «Разрушение ада и восстановление его». – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 137.

Как только брошюры вышли из печати, ими серьезно заинтересовались власти, пришедшие в себя после революции 1905 года. Уже 6 апреля 1906 года Л.Л. Толстой писал матери: «<...> У меня неприятность с брошюрой «Где выход» продолжается. Завтра нашу заведующую вызывает в суд следователь по важнейшим делам. И больно, и смешно, и гадко. Не знаю, чем кончится. Верно, и меня вызовут в суд или оштрафуют. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14359. Л. 1 об. Автограф.

...нашу заведующую ... – речь идет об Ольге Яковлевой, заведующей книжным магазином и складом Л.Л. Толстого «Доброе Дело» (см. о нем ниже).

Разбирательство длилось несколько лет. 25 июля 1910 года в Ясную Поляну приехали урядник и становой «арестовывать Льва Львовича или взыскать залогу пятьсот рублей». – См.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 163.

В тот же день А.Л. Толстая записала в дневнике:

«<...> Я сидела в канцелярии и писала. Входит Лева:
– Где бы мне взять 500 рублей?
– Зачем?
– Меня приехали арестовывать и требуют залог.
Я сказала, что у меня нет, и он по телеграфу выписал эти деньги.
Какая нелепость: Лева, не разделяющий, осуждающий взгляды отца, печатает изза наживы его произведения, как “Восстановление Ада”, а пришло время расплаты – и хвост поджал. <...>» – ОР ГМТ. Архив А.Л. Толстой, п. 2, № 12. Л. 3. Автограф.

...“Восстановление Ада”... – речь идет о легенде Л.Н. Толстого 1902 года «Разрушение ада и восстановление его». Издание этой легенды Л.Л. Толстым прошло мимо исследователей творчества Л.Н. Толстого. – ПСС. Т. 34. С. 546 549.

Как только деньги уряднику были уплачены, незваные гости удалились из Ясной Поляны.

253. В недатированном письме матери Л.Л. Толстой осенью 1904 года так объяснил свой замысел: «<...> Главная цель моя – это “Посредник” в Петербурге, народная книга и сношение с деревней, земствами и другими. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14311. Л. 1. Автограф.

Книжный магазин и книготорговый склад «Доброе Дело» Л.Л. Толстого был открыт на Бассейной улице в доме № 4 (см. выше примеч. 227).

254. События развивались несколько иначе. Суд дважды откладывался. Сначала Л.Л. Толстой отнесся к этому спокойно и 1 сентября 1910 года писал из Петербурга С.А. Толстой:

«Милая мамá, оказалось, что суд будет 13 го сент<ября>, а не 3 ьего. Урядник мне напутал. Сессия начнется 3 ьего, от этого вышло так. Я не горюю потому, что здесь много дела, но жаль Вас и Ясной. Я простился с Вами, при щемящем сердце отъезжал и думал о Вас. Только Вы сами, внутренней силой и твердостью можете устроить тот покой, который нужен в Ясной. Да будет такто и потомуто и баста. От папá этого ждать нельзя. Он слишком всегда был и есть мягок. <...> Итак, еще раз до свидания и еще раз крепко, нежно целую, желая увидать Вас более спокойной и радостной на будущее лето.

Ваш Лев».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14498. Л. 1 1 об. Автограф.

Однако 13 сентября 1910 года суд был отложен повторно. Через несколько дней, 16 сентября 1910 года Лев Львович из Петербурга писал С.А. Толстой:

«Милая мамá <...> Паспорт, кажется, мне дают. Уезжаю на днях в Париж. Здесь масса дела. Продавал дом, но дают мало – 150 тысяч, так что чистых только 103 <тысячи>. Думаю продать, если хорошо дадут, чтобы исключительно заниматься скульптурой, но ничего еще не решаю без жены. Выписываю их в Париж, как только возьму паспорт. Дора была огорчена отсрочкой суда и телеграфировала<: “> I awfully unhappy < ;> what to do ?<”>

Она уже уложилась.

Вернусь к 20 му <ноября>. Позову Маклакова защищать. Было неприятно в суде на скамье всяких убийц и мошенников. Глупое положение и очень тяжелое, когда на тебя смотрит толпа. Спасибо, я умею быть спокойным, когда нужно. Не хватило православных присяжных, была половина лютеран, а они не судят церковные дела.

Посылаю перевод на 310 рублей. Вычел 1900, как было <о>говорено. И то денег нет, и будем опять бедствовать. Еду в Париж в 3 ьем классе за 36 рублей. Занял 1000 р<ублей> у бедной Альмединген. Вижу во сне отца и все нехорошо както.

Целую всех нежно и желаю спокойствия. <...>

17 сен<тября>.

P.S. Уезжаю завтра. Целую. Поздравляю.

Лев».

– Там же , № 14499. Л. 1 2 об. Автограф.

... *Продавал дом* ... – продажа в 1910 году не состоялась.

...<“> *I awfully unhappy* <;> *what to do ?*<”> – Я очень несчастна<;> что делать? (англ.). Эта телеграмма сохранилась в архиве Л.Л. Толстого. Судя по почтовому штемпелю получателя, она была получена в Петербурге 13 сентября 1910 года. – ИРЛИ , ф. 303, № 852. Л. 1.

... *Вернусь к 20 му*... – суд над Л.Л. Толстым как издателем запрещенных брошюр отца был вторично отложен до 20 ноября 1910 года. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 200.

О В.А. Маклакове см. выше в примеч. 212.

...*церковные дела*... – Л.Л. Толстой привлекался к суду за богохульство по 12 частям статьи 73 Уголовного уложения.

...*у бедной Альмединген* ... – вероятно, речь идет о вдове редактора «Родника» Е.Н. Альмединген (см. о ней в примеч. 70 к Главе 14 Книги I). 5 ноября 1910 года она поблагодарила Л.Л. Толстого за возвращенный ей с процентами долг. – ИРЛИ , ф. 303, № 121. Л. 20 21 об. Автограф.

... *Поздравляю* ... – 17 сентября – именины С.А. Толстой; 23 сентября – годовщина свадьбы Толстых.

255. Накануне суда, 19 ноября 1910 года Л.Л. Толстой писал матери:

«Дорогая, милая, бедная мамá, пишу Вам в свободную минуту. Завтра мое дело, но сейчас слышал, что оно отложено ввиду “нашего траура”. Это будет очень досадно, и я всетаки буду просить его слушать. <...>» – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14505. Л. 1. Автограф.

Действительно, дело Л.Л. Толстого рассматривали в суде в закрытом порядке 20 ноября 1910 года, вскоре после смерти Л.Н. Толстого, поразившей даже тех, кто не сочувствовал ему и не разделял его взгляды. Естественно, что решение было принято в пользу Л.Л. Толстого без какого бы то ни было существенного сопротивления властей. – См.: Дело графа Л.Л. Толстого //Петербургская газета. 21 ноября 1910 года, № 320. С. 12; Русское слово. М., 21 ноября/4 декабря 1910 года, № 269. С. 2.

256. «Ни от сумы, ни от тюрьмы не отрекайся!» – См.: Пословицы и поговорки русского народа : Сборник В. Даля. М.: ГИХЛ, 1957. С. 293.

257. Поглощенность скульптурой видна уже в первом письме Л.Л. Толстого матери, отправленном в начале октября 1910 года из Парижа:

«8 oct < obre нового стиля 19>10 <года>
Paris
Милая мамá,
Снова в Париже, все в сборе. Снова 9 ть часов работы в сутки.
В Салоне выставлен бюст Нины, кот<орый> критика хвалит. Посылаю документ. Дети в порядке. Дора мила, как всегда.
Что у вас?
В ноябре я, м<ожет> б<ыть>, съезжу в П<етербур>г на дело.
Целую Вас нежно.
Ваш любящий
Лев».
– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14501. Л. 1. Автограф.

... *Посылаю документ* ... – о каком документе идет речь, установить не удалось.

258. Упоминание об этой работе встречается в двух последующих письмах Л.Л. Толстого. Так, 20 октября (нового стиля) 1910 года он писал С.А. Толстой: «<...> У нас жизнь идет благополучно. <...> Я леплю, делаю красивую вещь для весеннего салона – мать с ребенком. <...>» – Там же , № 14503. Л. 2. Автограф.

2 ноября (нового стиля) 1910 года Л.Л. Толстой упомянул об этой скульптуре, но в другой тональности: «<...> Пишу Вам страшно усталый от чрезмерной работы и вообще парижской жизни. <...> Погода адская. Холод, дождь, град. Дети учатся в своем Lycée. Жизнь кругом кишмя кишит. Мне здесь работается хуже, чем в Ясной. Нужна тишина. Хотя делаю очень красивую вещь – мать с ребенком у груди. Писать не о чем, вот поэтому пишу редко. Будьте здоровы. Целую Вас, папá и Сашу. Что издание?
Лев».
– Там же , № 14504. Л. 2. Автограф.

...*Lycée* ... – лицей (фр.).

... *Что издание?*... – С.А. Толстая выпускала очередное собрание сочинений Л.Н. Толстого. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 201, 211 и др. (см. об этом выше).

259. Л.Л. Толстой сразу же откликнулся на известие об уходе отца из Ясной Поляны и просил родных уточнить картину происходящего. 31 октября (ст. стиля) 1910 года В.Ф. Булгаков в дневнике приводит текст полученной телеграммы Л.Л. Толстого из Парижа: «Обеспокоенный известиями парижских газет, прошу телеграфировать». – См.: Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 391.

Одновременно Л.Л. Толстой публично разъяснял свое понимание произошедшего:

«Письмо в редакцию

М[илостивый] г[осударь]. По поводу отъезда моего отца из Ясной Поляны пишут так много неправды в иностранных и русских газетах, пишут, например, грязные и несправедливые догадки, что Лев Николаевич уехал от семейных неприятностей, оттого, что семья желала продать его сочинения за миллион и т.д., что я решился высказать мой взгляд на удаление отца от мира. Я думаю, что Львом Николаевичем тут руководила исключительно религиозная идея: одиночество в Боге. Пусть мир меня осудит, пусть будет горе жены и детей, но я „должен“ спасти душу до конца, уяснить себе мою сущность в последние дни моей жизни. Вот главная и единственная причина поступка, и никаких других тут нет и не может быть,

Гр[аф] Л.Л. Толстой

Париж

31 октября [ст. стиля] 1910 г[ода]». – См.: Новое время. СПб., 5/18 ноября 1910 года, № 12447. С. 2. Курсив Л.Л. Толстого.

В беседе с корреспондентом другой русской газеты 1/14 ноября 1910 года Л.Л. Толстой высказался в том же духе: «... Желание отца уйти от мира я объясняю религиозным мистицизмом». – См.: Беседа с гр. Л.Л. Толстым //Русское слово. М., 2/15 ноября 1910 года, № 252. С. 3.

Сам же Л.Н. Толстой в Оптиной Пустыни 28 октября 1910 года так оценил случившееся: «... Но вот сидим в вагоне, трогаемся, и страх проходит, и поднимается жалость к ней, но не сомнение, сделал ли то, что должно. Может быть[,] ошибаюсь, оправдывая себя, но кажется, что я спасал себя, не Л[ьва] Н[иколаевича], а спасал то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мне. ...». – ПСС. Т. 58. С. 124.

260. Еще до отъезда Л.Л. Толстого из Парижа русские репортеры с беспокойством заметили:

«1/14 ноября <1910 года>. Париж

Лев Львович Толстой, работающий у известного скульптора Бурделя в academie de la grande chaumière, уже три дня не был в академии: говорят, он был спешно вызван семьею в Ясную Поляну.

Здешние друзья Толстого – Трубецкой, Бернштейн-Синаев, Аронсон – осаждаются интервьюерами, но не могут удовлетворить любопытства, не имея никаких сведений о самом событии». – Биржевые ведомости. СПб., 2 ноября 1910 года, № 11999. С. 5. См. также: Дни нашей скорби. М., 1911. С. 60.

...у известного скульптора Бурделя... – работал ли Л.Л. Толстой осенью 1910 года в мастерской Эмиля Антуана Бурделя (Bourdelle ; 1861 1929), установить не удалось. С 1893 по 1908 год Э. Бурдель был помощником в мастерской О. Родена, выделявшего его среди современных скульпторов, и в течение многих лет переводил в бронзу работы мастера. Одновременно два раза в неделю он преподавал в академии, которую они с Роденом открыли в 1900 году. – См.: Валериус С. Прогрессивная скульптура XX века: Проблемы и тенденции. М.: ИЗО, 1973. С. 55, 484, 572, 577.

...academie de la grande chaumière ... – частная школа Гранд Шомьер (большая хижина – фр.), в которой Э. Бурдель преподавал с 1909 года и в которой занимались русские скульпторы. – См.: Бурдель Э.А. Искусство скульптуры. М.: Искусство, 1968. С. 92 93, 289.
П.П. Трубецкой в маеиюне 1910 года в последний раз был в Ясной Поляне, рисовал и лепил Л.Н. Толстого верхом. – См.: ПСС. Т. 58. С. 59 60, 62; Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 233 241; Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 321 323; Маковицкий Д.П. У Толстого... Кн. 4. С. 259, 265 270.

Лев (Леопольд) Семенович Бернштейн-Синаев (1867 1944) с 14 ти лет жил в Париже, работал под руководством О. Родена; в 900 е годы приезжал в Россию, встречался с Толстым; в 1910 году участвовал в конкурсе на памятник Александру II ; в 1911 году в Париже сделал медаль в память Л.Н. Толстого. – См.: Художники русского зарубежья ... С. 147 148.
Наум Яковлевич Аронсон (1872 1943) летом 1901 года жил в Ясной Поляне, рисовал и лепил Л.Н. Толстого и членов его семьи. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 20, 484.
Л.Л. Толстой покинул Париж 5/18 ноября 1910 года. В тот же день один из русских журналистов сообщил из французской столицы информацию для читателей своей газеты: «Проживавший здесь Лев Львович Толстой, получив из „Астапова“ телеграмму, что положение Льва Николаевича крайне угрожающее, выехал отсюда с первым поездом». – См.: Отъезд в Астапово гр. Л.Л. Толстого //Русское слово. М., 6/19 ноября 1910 года, № 256 С. 3. Позднее об этом сообщили и другие газеты. – См.: Новое время. СПб., 7/20 ноября 1910 года, № 12449. С. 3.

261. Это было 8 ноября 1910 года, когда появились первые экстренные выпуски газет с пространными некрологами, первыми откликами иностранных и отечественных литераторов, а также разными фотографиями Л.Н. Толстого. – См.: Русское слово. М., 8/21 ноября 1910 года, № 257. С. 1 5.

На следующий день в рубрике “Разные известия” газета поместила коротенькое сообщение о возвращении Л.Л. Толстого: «Со вчерашним курьерским поездом брестской дороги в Москву прибыл из Парижа Л.Л. Толстой, вчера же выехавший в Ясную Поляну. Л.Л. Толстой узнал о смерти отца уже в дороге из газет». – Там же , 9/22 ноября 1910 года, № 258. С. 6. См. также: Новое время. СПб., 9/22 ноября 1910 года, № 12451. С. 3].

Глава 7

Отец в гробу и его похороны.
Обратно в Париж.
Усиленная работа. Визит M ţrner'a.
Отъезд в Halmbyboda и снова Петербург. Игра.
Приближение великой войны.
Рождение четвертого сына и православные крестины в Швеции. Моя статья в «Новом времени», вызвавшая «Bonde Toget» (262) в Швеции

[262. Шествие крестьян (швед.)]

Не буду описывать подробно похорон отца, к которым я приехал, а вспомню только впечатления тех мрачных дней.

Специальный коротенький поезд в два вагона с телом отца пришёл на станцию Засека, теперь – Ясная Поляна. Толпа возбужденной молодежи из Москвы наводнила наше имение. На станцию пришли и ясенские крестьяне с трогательной надписью на полотне, которое они несли на шестах: «Память о тебе не пропадёт среди крестьян Ясной Поляны» (263). Гроб ставят на стол в старом кабинете отца. Я жду моей очереди в хвосте студентов и молодежи, растянувшемся на лугу перед домом, чтобы подойти к открытому гробу в той комнате, где отец писал свои романы и где в нише стены стоит бюст его брата Николая.

Наконец я подхожу к дубовому гробу и смотрю на маленького, чуждого мне мёртвого человечка с коротко обстриженной, выщипанной наполовину и редкой после

гипсовой маски, которую сняли с лица, бородкой и провалившимися глазами. Знакомая, но теперь громадная костлявая рука лежит передо мной высоко на груди. Не верится, что эти жалкие остатки человека были моим отцом (264). Где же он живой? Я прикасаюсь губами к холодной мраморной руке и даю место следующим за мной.

Потом гроб выносят из дома и несут в лес и там опускают в могилу. Все без религиозных церемоний(265).

Пусть хоронят его, где он просил, на месте, где зарыта «зелёная палочка» (266), эмблема любви между всеми людьми и народами. В этом он был прав. Пусть ходят люди поклоняться его могиле и памяти, и всё старое, чем мы жили в Ясной Поляне, исчезнет навсегда. Тем лучше, чем хуже. Мне всё всё равно теперь. Но поможет ли мечта голодному и холодному? Поможет ли проповедь любви тем, кто завидует и ненавидит?

Непротивление злу насилием – это идея безумия и преступление там, где нет разума. Моисей мог проповедовать заповедь «не убий» дикому еврейскому народу, но современный мыслитель, живущий в условиях государственной жизни нашего времени, проповедуя эту заповедь, отступает на 2000 лет назад. Теперь дело не в том, чтобы проповедовать «не убий», а в создании тех норм <жизни>, где убийство невозможно.

Распустите войска в мире – и завтра начнется такая резня в мире, какой ещё не видали люди.

*****

После мрачных похорон отца я вернулся в Париж (267) и с ещё большей жадностью набросился на свои работы, не желая ни о чём думать, никого видеть и ни о чем больше мечтать (268).

В осеннем Парижском Салоне того года я выставил мраморный бюст моей старшей трёхлетней дочки Нины

в шведской шапочке, который понравился публике (269).

Однажды, проходя через залы этой выставки, я подошел к моему бюсту и с удивлением увидал, что на моей визитной карточке, лежавшей перед бюстом, было написано: «C'est trus beau» (270).

Жизель!.. В первый раз я видел ее почерк, но я понял, что это была она. Она не забыла меня? Она продолжала интересоваться мной?

Но это было последнее мое соприкосновение с ней на долгие годы. Я никогда не получил от нее ответа на мое письмо.

В ту весну проезжал через Париж один швед, знакомый жены, граф Birger Mцrner (271), известный шведский писатель и драматург. Он ехал домой в Швецию из Австралии, откуда вывез молоденькую хорошенькую австралийку, которую привез к нам к завтраку. Неглупый, аморальный и тщеславный, типичный шведский авантюрист, – он был довольно приятен.

Он рассказал нам, между прочим, что на островах Тихого океана ел мясо ребенка, которое ему подали к утреннему завтраку. Оно по вкусу напомнило ему среднее между курицей и поросенком. Я вылепил в ту весну его характерную большую голову, которую он потом увез с собой в Швецию вместе с другими моими скульптурами, так как надолго или, может быть, навсегда я собирался покинуть Париж. Среди этих скульптур была и моя красивая итальянка с ребенком у груди(272).

M цrner имел средства от своей первой жены, богатой и пожилой австралийки, которая купила ему в Швеции большое имение. Новую же молодую австралийку он отправил обратно в Сидней, а сам, вернувшись в Швецию, еще раз женился на молодой шведке.

В июне 1911 года я вновь перевез семью в Швецию, а осенью все мы по-прежнему были в Петербурге на

Таврической улице. Мои старшие сыновья поступили в училище Правоведения(273), считавшееся тогда одним из образцовых учебных заведений России, из которого вышло немало известных людей, а я продолжал писать и отчасти лепить, хотя ничего не радовало меня больше и не увлекало.

Мои способные мальчики, Павел и Никита, хотя были в разных классах училища Право<ведения >(274), оба сделались первыми учениками и не сходили с «золотых досок», а Дора и остальные дети были счастливы и довольны в нашей просторной квартире.

С внешней стороны, моя жизнь шла как будто прекрасно, но внутри она была пуста и бездушна, так как никто и ничто больше не вдохновляло меня. И к несчастью моему, вместо того, чтобы быть сильным, быть сильнее других и повести других за собой, моя разумная воля слабела все больше, и, наконец, чтобы заглушить прежнюю страсть, я отдался новой, которая, как я воображал себе тогда, должна была спасти меня от отчаяния.

Отец в молодости был ярым игроком и проиграл целое состояние(275). Мой прадед со стороны матери, Исленьев, был игроком еще более ярым(276). Несмотря на это, он дожил до глубокой старости, никогда не теряя веселого настроения духа. Он имел кучу прекрасных детей, и мне рассказывали, что иногда в одну ночь он проигрывал все свои имения, чтобы в следующую отыграть их и выиграть новые.

Порок игры, таким образом, был во мне наследственным, хотя я мало верю в такую определенную наследственность. Это, скорее, наследственная общая страстность характера(277).

Как-то зимой 1912 года меня пригласил один «интеллигент» в игорный притон, называвшийся «Литературно-Художественным О < бществом >» потому, что в нем играло и ужинало несколько плохих литераторов и артистов, и с этого момента я до такой

степени увлекся этим занятием, что часто проводил за ним целые вечера, а иногда и целые ночи(278).

– Жизель! Моя Франция!?.. О, если бы ты видела меня за игорными столами, может быть, ты бы еще глубже презирала меня!

Я продолжал думать о ней постоянно и теперь еще чаще и настойчивее, чем когда-либо. Она была со мной всюду.

Мне больно признаваться в тех шальных довоенных настроениях не только меня самого, но всего русского общества 1912 и 1913 годов, когда русская жизнь быстро катилась под гору, приближаясь к никогда еще не виданной в России катастрофе(279).

Помню, что, когда летом 1913 года я приехал из Швеции в Ясную повидать мать и ее сестру, тетю Таню Кузминскую, и сказал им, что, по моим последним впечатлениям, через год вспыхнет война, они посмотрели на меня, как на сумасшедшего(280).

Никто в России не ждал ее, никто не предполагал ее возможной и близкой. В то время одним из моих приятелей в Петербурге был журналист Александр Столыпин, брат убитого премьера и сын друга отца, генерала Столыпина(281), которого я раз видел в детстве и о котором у меня осталось светлое воспоминание.

В этом старике было что-то чисто русское, спокойное и величественное, и он так мило, по-детски, обрадовался встрече с моим отцом.

Мой же приятель, Александр Столыпин, был уже совсем другим. Он был кутилой-мучеником, как говорится, бесшабашным и безнравственным человеком, хотя и не глупым. Писал он слабо, пил много и курил постоянно(282).

В то время в Петербурге практиковал один евангелист под фамилией Пуарэ (283) и принимал людей нравственно истерзанных, давая им в утешение евангельские советы. Может быть, он был шпионом. Как-то раз в эту грустную эпоху, пропьянствовав со Столыпиным всю ночь до утра и проиграв все наши

деньги, полупьяные, сильно возбужденные, мы поехали уже в 10 часов утра в Северную гостиницу(284), где жил Пуарэ , искать у него нравственной поддержки.

Идея эта была не моя, а Столыпина; я же поехал из простого любопытства.

Пуарэ принял нас по-христиански, прочел нам страницу Евангелия и просил «опомниться» к лучшей жизни.

Летом 1912 года Дора родила в Halmbyboda нашего шестого ребенка, сына Феодора(285), этим рождением как бы навсегда похоронив наше парижское прошлое. Этого мальчика, как всех наших детей, родившихся в Швеции, крестил русский священник из Стокгольма, для чего привозил с собой в Halmbyboda громадную купель и дьячка.

Крестины были важные. Шведы стояли чинно, слушая русскую, непонятную им службу, причем особенно важен был доктор Вестерлунд. Один только норвежец Мариус Сел< ь >мер, муж Пинды , насилу сдерживался от хохота, когда священник троекратно окунул ребенка в воду. Сел< ь >мер почему-то называл русские крестины: «Дегуянна! Дегуянна!»(286)

Как-то летом 1913 года я прочел в «Новом времени» пессимистическую статью журналиста Меньшикова о России(287), которая неожиданно разбудила во мне обратное, русское чувство, и я написал ему ответную статью, в которой говорил, между прочим, что, по моему мнению, Россия в будущем покроет и Швецию, и весь Скандинавский полуостров(288).

Не помню точно ни содержания статьи Меньшикова, ни моей, и сейчас не могу их найти в библиотеках, но помню хорошо, что, когда я писал ее, сидя у открытого окна в Halmbyboda , я был почему-то в очень дурном настроении духа и зол на жену и всех шведов. Шведская жизнь никогда не была мне по душе и часто раздражала меня своим материализмом и узостью. Помню, что, когда я написал эту статью, я особенно подумал, что лучше было не посылать ее для печатанья, но я все же

послал, и когда она появилась, и была перепечатана во всех газетах Швеции, и вызвала целую бурю негодования.

– Как возможно было <предположить>, чтобы Швеция когда-нибудь слилась с Россией или поглотилась ею? Шведский народ будет защищать до крайности свою свободу и самост < оятельность > и останется свободным навсегда.

Неожиданно проснулось целое национальное шведское движение, которое в феврале следующего, 1914 года выразилось в так называемом шведском «Bonde Toget», когда тысячи крестьян явились в Стокгольм к королю заявить ему о своем единодушном решении всеми силами защищать свою страну от русского нашествия (289).

Все это было крайне удивительно и случилось внезапно. Я и не воображал, что моя мысль могла немедленно вызвать с такой силой патриотические эмоции.

[263. На полотне, которое крестьяне несли перед гробом Л.Н. Толстого на длинных шестах в день похорон, 9 ноября 1910 года, было написано: «Лев Николаевич, память о твоем добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны». – См.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 363. См. также отчет о похоронах Л.Н. Толстого: Новое время. СПб., 10/23 ноября 1910 года, № 12452. С. 2; Там же , 14/27 ноября 1910 года, № 12456. С. 4.

264. Иная точка зрения в других мемуарах. Хорошо знавший Толстого и видевший его летом 1910 года А.Б. Гольденвейзер писал: «... Л[ев] Н[иколаевич] лежал, как живой. Только бороду немного испортили ещё в Астапове при снятии двух масок. ... Каждый, остановившись, смотрел на прекрасное лицо усопшего...». – См.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого... Т. II. С. 364-365.

Никогда не встречавшийся с Толстым молодой поэт Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924) приехал в Ясную Поляну проститься с великим писателем. Одним из последних он вошел в комнату, «откуда все вынесено, кроме стоящего в нише бюста брата Л.Н. Толстого – Николая.

В открытом гробу лежит Толстой. Он кажется маленьким и худым. На лице то сочетание кротости и спокойствия, которое свойственно

большинству отошедших из этого мира. Говорят, Толстой сильно изменился.

Нельзя замедлить в этой комнате ни минуты... А так хочется остановиться, всмотреться, вдуматься... Это – Толстой, это – человек, который магической силой своего слова, своей мысли, своей воли властвовал над душой своего века. Это – выразитель дум и сомнений не одного поколения, не одной страны, даже не одной культуры, но всего человечества нашего времени. Здесь он лежит, свершив свой подвиг и завещав людям ещё много столетий вникать в брошенные им слова, вскрывать их тайный смысл, на который он успел лишь намекнуть...

– Господа, проходите, проходите! не задерживайтесь!

Мы вышли в сад. После этих мгновений, проведенных пред лицом Толстого, словно чтото изменилось в душе. Не хочется думать о тех мелочах, которые занимали две минуты тому назад. ...» – См.: Брюсов В.Я. На похоронах Толстого: Впечатления и наблюдения //Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников ... Т. 2. С. 456 457.

Кроме того, стоит вспомнить первое впечатление художника Леонида Осиповича Пастернака (1862-1945), приехавшего 8 ноября 1910 года в Астапово писать этюд с Л.Н. Толстого на смертном одре. Корреспондент «Киевской мысли» П.А. Виленский в тот же день телеграфировал в редакцию своей газеты: «Беседовал [с] Пастернаком. Сказал, [что] Толстого рисовал, писал неоднократно; последний раз видел его год назад. Лицо мне [Л.О. Пастернаку. – В.А.] кажется сильно исхудавшим. [В] верхней части чувствуется много страданий. Такое выражение лица бывало [у] Толстого при жизни, но редко. Теперь осело. Видно, последнее время сильно томился». – См.: Смерть Толстого : По новым материалам[: Сборник]. М., 1929. С. 295 296. Курсив мой. – В.А.

Этой наблюдательности и душевной деликатности в ноябрьские дни 1910 года явно не хватило Л.Л. Толстому.

265. Описание похорон см. в кн.: Толстой С.Л. Очерки былого... С. 259-263.

266. Легенда о «зеленой палочке» была частью «Воспоминаний», которые он начал писать в 1905 году. У его брата Николеньки (см. о нем примеч. 56 57 к Главе 3 Книги I) была «...тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. (Вероятно, это были Моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья.) ...

Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы нечаянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня. ...» – ПСС. Т. 34. С. 385.

...*Моравские братья*... – религиозная секта, возникшая в Богемии в XV веке. Ее основателем был выдающийся чешский мыслитель Петр Хельчицкий (Chelčický; 1390-1460), создавший свое «учение о справедливости».

Каждый из детей Толстых посвоему запомнил легенду о «зеленой палочке». И.Л. Толстой так писал об этом: «...в вершине оврага есть место с насыпной почвой и тропинкой между дубами. ...

Вот тут-то, по рассказам папá, его брат Николенька закопал таинственную зеленую палочку, с которой он связал свою наивно-детскую легенду. „Если кто-нибудь из муравейных братьев найдет эту палочку, тот будет счастлив сам и силою любви осчастливит всех людей“. ...» – См.: Толстой И.Л. Мои воспоминания... С. 139. См. также: Толстой С.Л. Очерки былого... С. 261 262.

267. 12 ноября 1910 года Л.Л. Толстой покинул Ясную Поляну, предварительно долго проговорив с младшей сестрой Александрой и старшим братом Сергеем. – См.: Русское слово. М., 13/26 ноября 1910 года, № 262. С. 3.

По возвращении в Петербург он отправил в редакцию «Нового времени» письмо, которое смутило многих. В день похорон Л.Н. Толстого газета напечатала статью В.В. Розанова «Толстой в литературе», которая заканчивалась так: «Да не поднимется ни один злобный и разделяющий голос. Как Толстой не любил „разделений“!» – См.: Новое время. СПб., 9/22 ноября 1910 года, № 12451. С. 5. Курсив В.В. Розанова.

Л.Л. Толстой органически не мог принять этого призыва. Смерть отца и тяжелейшее душевное состояние матери вызвали в нем желание предать огласке события последних месяцев с тем, чтобы общественное мнение заклеймило В.Г. Черткова, о котором Л.Н. Толстой вскоре после знакомства с ним 6 апреля 1884 года писал в Дневнике так: «Он удивит[ельно] одноцентренен со мною. ...» – ПСС. Т. 49. С. 78.

Л.Л. Толстой не мог даже предположить, как остро переживал его отец вынужденную разлуку с Чертковым. Накануне ухода из Ясной Поляны, 26 октября 1910 года Толстой писал своему другу и единомышленнику: «Нынче в первый раз почувствовал с особенной ясностью – до грусти – как мне недостает вас...

Есть целая область мыслей, чувств, к[отор]ыми я ни с кем иным не могу так естественно [делиться], – зная, что я вполне понят, – как с вами. ...

... Я чувствую чтото недолжное, постыдное в своем положении, и иногда смотрю на него – как и должно – как на благо, а иногда противлюсь, возмущаюсь. ...

Очень вы мне недостаете. На бумаге всего не расскажешь. Ну хоть что-нибудь. Я пишу вам о себе. Пишите и вы о себе и как попало. Как вы поймете меня с намека, так и я вас. ...» – Там же. Т. 89. С. 230 231.

Тем не менее, именно Черткова один из сыновей Толстого – через неделю после его похорон – обвинил в смерти отца.

«Кто виновник

Считаю долгом пока публично объявить следующее.

С документами в руках всему миру я могу показать, что прямым и единственным виновником тяжелой душевной драмы, поведшей за собою печальный конец моего отца, [виновником] его нечеловеческих страданий является не кто иной, как В.Г. Чертков, преданный друг моего отца, но друг узкий и непорядочный, не понимавший своих обязанностей по отношению к Льву Николаевичу, как живому человеку.

Он вовлек его в тайные поступки, несвойственные природе отца, – поступки, вызвавшие тяжелые внутренние муки отца и борьбу, разлучившие его внутренне и внешне с семьей и закончившиеся кошмаром.

На одного Черткова поэтому падает вина преждевременной смерти отца, на его тщеславное, безграничное, одностороннее и неумное влияние, под которым жил последние годы своей жизни, а особенно месяцы, мой старый, бедный отец, и будущее докажет это.

Я жил в Ясной Поляне этим летом два с половиной месяца. Я жил там, и страдал, и хотел и старался помочь всячески положению и что-нибудь понять. Но понять что-либо или сделать что-либо было невозможно, – так тайно и искусно овладел моим отцом Чертков, пользуясь своей близостью с Львом Николаевичем и ежедневными свиданиями. Я не знал, чем объяснить внезапную перемену ко мне отца, писавшего мне еще недавно: „с истинною любовью отец твой Л[ев] Т[олстой]“, трогательно примирившегося со мной словесно и письменно после наших идейных, основных жизненных несогласий, и в душе своей искренно меня любившего. Я из сердечной деликатности не смел прямо спросить, в чем дело. Большинство других членов семьи было в том же положении.

Видя, что я бессилен, я уехал. Теперь для меня раскрылась тайна трагедии, которая, вероятно, раскроется в будущем всему миру.

Как гордый сын отца моего и исключительной по достоинствам, самоотверженной матери моей, больной, разбитой незаслуженными страданиями и горем, как граф Толстой, потомок тех же родовых русских семей, из которых мы вышли, считаю долгом моим еще раз повторить, смело и открыто, что я считаю В.Г. Черткова злейшим врагом отца моего, как живого человека, злейшим врагом всего образованного общества и всего цивилизованного мира, хотя, может быть, и невольным.

Он отнял у нас Толстого.

Если бы не было Черткова подле отца в последние годы и месяцы его жизни, отец мог бы еще спокойно прожить несколько лет в Ясной Поляне подле горячо любимой им и горячо любившей его семьи. С поселением Черткова в Телятинках и началось роковое... Уверен, что все добрые, правдивые, честные люди понимают чистые чувства мои.

Граф Лев Львович Толстой».

– Новое время. СПб., 16/29 ноября 1910 года, № 12458. С. 4.

Тональность письма и многочисленные неточности свидетельствуют о том состоянии, в котором находился Л.Л. Толстой в этот момент. На следующий день газета «Русское слово» перепечатала его письмо с таким комментарием: «Л.Л. Толстой думает, что ему удалось открыть трагедию его великого отца. Но эта трагедия, конечно, много сложнее, чем кажется Л.Л. Толстому, и объяснять ее одним влиянием В.Г. Черткова – это значит умалять ее значение и дать лишний раз подтверждение тому, что великие люди обыкновенно остаются непонятыми своими близкими». – Русское слово. М., 17/30 ноября 1910 года, № 265. С. 3.

Семейные разногласия выплеснулись на страницы газет. – См.: И.Л. Толстой по поводу письма брата //Там же , 18 ноября/1 декабря 1910 года, № 266. С. 3; Граф С.Л. Толстой по поводу письма брата //Там же , 19 ноября/2 декабря 1910 года, № 267. С. 3.

В открытом письме в газету «Новое время» Л.Л. Толстой не упомянул о завещании отца. Однако 16 ноября 1910 года в тульском окружном суде последнее завещание, тайно подписанное Л.Н. Толстым, было обнародовано и молчать об этом, по мнению Л.Л. Толстого, было просто нельзя. В его новом письме главное обвинение снова было предъявлено В.Г. Черткову:

«Правда во имя его

... Обвиняю Черткова в том, что он вовлек отца в тяжелую внутреннюю борьбу, в умалчивание о завещании от самых близких ему людей, – тогда как сам завещатель хотел объявить им о своем намерении, что привело отца к страшным душевным страданиям и

преждевременной смерти. На это обвинение, повторяю, у меня есть несомненные письменные доказательства самого последнего времени.

Если бы у Черткова была хоть капля чувства и понимания того, что отец мой, как и моя мать, по природе своей, не терпят ничего скрытного, никакой тайны, то он при жизни бы, а особенно в последние месяцы, пользуясь своей близостью с Львом Николаевичем, постарался избавить его от страданий, тогда как он делал все в обратном направлении.

Не отвечая на низкие нападки на меня в обществе и печати, не имея никаких других целей, имея свое определенное мнение о содержании завещания, не хочу сказать ничего, кроме того, что говорю, сказал и считаю долгом говорить, именно теперь, в видах истины, и думаю, что я не только имею на это право, но я обязан перед всеми теми, кому дорога была жизнь Льва Николаевича и кому дорога правда, во имя его.

Гр. Л.Л. Толстой

19-го ноября 1910 года». – Новое время. СПб., 20 ноября/3 декабря 1910 года, № 12462. С. 4. Курсив Л.Л. Толстого.

И вновь родные должны были оспаривать точку зрения Л.Л. Толстого. – См.: *Кто виновник*? Письмо гр. И.Л. Толстого // Русское слово. М., 21 ноября/4 декабря 1910 года, № 269. С. 2; Александра Львовна о письме Л.Л. Толстого // Там же, 24 ноября/7 декабря 1910 года, № 271. С. 4.

Обвиняя Черткова, Л.Л. Толстой, однако, вовсе не настаивал на публичном разбирательстве. Отправив открытое письмо в редакцию газеты, он в тот же день, 19 ноября 1910 года признался матери:

«<...> Конечно, процесса судебного не поведу, хотя мог бы выиграть. Мудрое и беспристрастное правосудие должно было бы решить дело в нашу пользу. Все в один голос сочувствуют нам, кроме жидов и лицемеров. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14505. Л. 2. Автограф.

Через день, 21 ноября 1910 года в беседе с Николаем Константиновичем Никифоровым (род. в 1856 году), печатавшимся под псевдонимом “Капе”, Л.Л. Толстой не высказал серьезного намерения оспорить в суде завещание отца. – См.: Последнее слово сына великого писателя (Беседа с гр. Л.Л. Толстым) // Петербургская газета. СПб., 22 ноября 1910, № 319. С. 2. См. также: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. II. С. 53; Т. IV. С. 338.

Однако в тот же день одна из московских газет, ссылаясь на информацию своего петербургского корреспондента, писала: «Граф Л.Л. Толстой очень хлопочет о непризнании духовного завещания своего отца. Л[ев] Л[ьвович] послал большую записку председателю

совета министров (П.А. Столыпину. – *В.А.*), в которой изложил свои предположения, что отец написал завещание уже не будучи в здравом уме и твердой памяти. Л[ев] Л[ьвович] просит Столыпина принять его для более детальных переговоров по этому предмету. П.А. Столыпин отказался принять графа Льва Львовича, мотивируя это тем, что не считает возможным входить в рассмотрение подробностей вопроса и полагает, что единственный путь расследовать это дело есть путь судебного разбирательства. Лев Львович не удовлетворился ответом и сегодня посетил оберпрокурора синода Лукьянова с просьбой помочь ему и поддержать его ходатайство. Лукьянов ответил, что Л[ев] Л[ьвович] направился не к той инстанции: синод не входит в разбор вопроса о юридической правильности завещаний, с этим надо обращаться к судебной, а не к духовной власти. Личное же его мнение, что притязания Л.Л. [Толстого] имеют мало оснований и едва ли власть судебная встанет на его сторону». – См.: Ходатайство гр. Л.Л. Толстого о непризнании духовного завещания Льва Николаевича // Столичная молва. М., 22 ноября 1910 года, № 153. С. 3. См. также: Руль. М., 22 ноября 1910 года, № 261. С. 5.

Сергей Михайлович Лукьянов (1855-1935) – доктор медицины, автор многих научных работ, создатель специальной противочумной лаборатории близ Кронштадта; оберпрокурор Святейшего Синода с февраля 1909 до мая 1911 года.

Общественное мнение было шокировано выступлениями Л.Л. Толстого. Из газетных комментариев приведу один, на мой взгляд, весьма выразительный: «Борьба против литературной деятельности отца при его жизни, борьба против его посмертной воли, борьба против его религиозных убеждений, – война объявлена по всему фронту.

С живым она была делом только жалким и комическим; с мертвым она имеет характер кощунства. ...» – См.: Яблоновский С. Ничтожество // Русское слово. М., 25 ноября/8 декабря 1910 года, № 272. С. 2.

Как и прочие документы, касающиеся Л.Н. Толстого, слухи о встречах и беседах Л.Л. Толстого с влиятельными лицами в правительстве и Синоде мгновенно разошлись по всей России. Л.Л. Толстой был вынужден выступить с их опровержением:

«... Заявляю, что к оберпрокурору синода я не обращался и у него не был, что к П.А. Столыпину с запиской о признании недействительности завещания отца я не обращался, что лично я рад распоряжению отца относительно его сочинений (хотя бесконечно страдаю за него, зная, какой дорогой ценой оно ему досталось), что я не хотел и не хочу оспаривать завещание, – и высказал и еще выскажу мой взгляд на кончину Льва Николаевича единственно потому, что

считаю его крайне важным, во имя правды и добра, помимо всяких других побуждений.

Прошу все газеты, кому дорога память отца и та любовь, которой мы живы, напечатать это письмо и потом замолчать.

Прошу искренно прощения у тех, кому тяжело было, как мне самому больше всех, мое негодование, не вполне исчерпывающее сложные причины страданий Льва Николаевича в последние месяцы жизни, но, повторяю, обоснованное.

Довольно. Пусть мир и тишина установятся. Дела, а не речи.

Граф Лев Львович Толстой.

Петербург. 26 го ноября 1910 года». – Там же , 28 ноября/11 декабря 1910 года, № 275. С. 5. См. также: О признании недействительным завещания Л. Толстого : Ходатайство сына графа Л.Л. Толстого //Петербургская газета. СПб. 28 ноября 1910 года, № 319. С. 5; Письмо графа Л.Л. Толстого // Столичная молва. М., 29 ноября 1910 года, № 154. С. 3.

Итак, Л.Л. Толстой после вынесения ему оправдательного приговора 20 ноября 1910 года (см. об этом выше примеч. 255) отправился в Ясную Поляну к больной матери. Вечером 30 ноября 1910 года он уехал в Париж, предварительно известив об этом С.А. Толстую. – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14506. Л. 1 об.

Этот прием умолчания в мемуарах Л.Л. Толстого должен быть особо отмечен. Те полмесяца, которые он провел в Петербурге наедине со своим горем, были заполнены такой безумной эпистолярной активностью, о которой ему потом захотелось забыть. Что он и сделал, ни в ранних, ни в поздних мемуарах не восстанавливая газетную борьбу с В.Г. Чертковым. Показательно также, что младшую сестру Александру, которая – по завещанию Толстого – становилась его единственной душеприказчицей, Л.Л. Толстой ни в одном из трех писем не упомянул.

268. По приезде в Париж Л.Л. Толстой не сразу, а через неделю отправил в Ясную Поляну первое письмо (см. о нем выше примеч. 165), что при его трепетном отношении к С.А. Толстой ранее наблюдалось крайне редко и всегда было мотивировано. Читая это письмо, надо только помнить, что 23 декабря по новому стилю – это 10 декабря постарому, то есть прошло чуть больше месяца со дня смерти отца.

«23 дек<абря нового стиля 19>10 г<ода>

Париж

Дорогая, милая мамá, я не писал эти дни, пока не получил Вашего письма. Кто с Вами? Рад был бы пожить с Вами, но сам я плох и думаю, что вряд ли могу помочь Вам. Одно скажу, что я искренно

думаю, что Вы ни в чем не виноваты и Вы не могли не нервничать, не безумствовать даже при том положении, в каком Вы были до смерти отца. Как винить человека в том, что он подле огня корчится, кричит, мучит других. Виноваты поджигатели, а не пострадавшие. Не могу без ненависти и отвращения думать о Черткове. Впрочем, Бог с ним. Гнева он во мне уже не возбуждает.

Я работаю, хочу кончить начатое, рисую, читаю, слоняюсь немного по Парижу, когда на сердце скверно. Возможно, что в январе уеду вдруг на 3 месяца в Америку. Возможно, что там буду читать лекции. Возможно, что никуда не поеду отсюда до весны. Потребность думать и глубоко, до дна. Обложился Кантом, Шопенгауэром, Декартом и читаю всюду, где могу. Надо уяснить, в чем же правда, если христианство – ложь, и что такое жизнь. Ni plus , ni minus. Конечно, надо десятки лет, чтобы добраться. Не пью, не курю. Здоровье получше, но кашель еще есть. Интересно жить, но тяжело. Если вздумаете, приезжайте сюда с кемнибудь. Многое уяснится вам.

Целую Вас, милая моя, много раз.

Ваш Лев.

Видел вчера милого Николая Гагарина, с которым провёл вечер в St. Cloud.

Шопенгауэр говорит: есть три этапа морали:

1) Эгоизм

2) Жалость

3) Аскетизм.

Увы, отец не сошел в своей жизни с первой ступени. Вторая была не достигнута даже в конце жизни. К чему же все это его учение?

Не лучше ли христиан магометане, буддисты и другие?

Отрицание форм и материи приводит к неделанию, к абсурду и мешает действительной жалости.

Вообще уход и смерть отца послужили не торжеству его взглядов, а <стали> подтверждением их слабости и односторонней узости.

Великая душа была у него и благородное сердце, но этого мало для того, чтобы понять смысл жизни и дать людям истинные перспективы их жизни и поведения. Величайший художник, отец был слабый философ. Мораль без философии, даже с глубочайшей философией, как у Канта, мало ценная вещь, не нужная никому, потому что жизнь идет не по морали, а совсем по другим законам. Это все равно, как если бы для того чтобы двигать поезд, машинист все бы чистил только свою машину. Мало, чтобы она была чиста, нужно, чтобы в ней был уголь, чтобы в ней были все винты на месте, вода, смазка и т.д.

Дело не так просто, как кажется.

Ваш всегда.

Л<ева>».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14507. Л. 14 об. Автограф. Курсив Л.Л. Толстого.

Сочинения немецкого философа Иммануила Канта (см. о нем выше примеч. 49) Л.Н. Толстой читал в оригинале в течение всей жизни. В конце 80 х годов он находился под сильным обаянием кантовского открытия, согласно которому есть только звездное небо и человек на земле. В письме Н.Н. Страхову от 16 октября 1887 года Л.Н. Толстой обсуждал ценность «Критики практического разума» И. Канта и заметил: «...наша свобода, определяемая нравственными законами, и есть вещь сама в себе (т.е. сама жизнь)...» – ПСС. Т. 64. С. 105 106. В статье «Религия и нравственность» Л.Н. Толстой в 1893 году особо выделил «гениального Канта, прямо поставившего свою этику независимо от своей метафизики...». – Там же. Т. 39. С. 20.\

В 1903 году Л.Н. Толстой включил высказывание И. Канта в сборник «Мысли мудрых людей на каждый день»: «Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постояннее ими занимается размышление: звездное небо надо мною и закон нравственности во мне». – Там же. Т. 40. С. 101.

В последние месяцы жизни Л.Н. Толстой рассматривал И. Канта и Артура Шопенгауэра (см. о нем примеч. 15 к Главе 1 Книги I) как философов, которые думают не для публики, а для себя. – См.: Булгаков В. Л.Н. Толстой в последний год его жизни... С. 104.

В отличие от Канта, Шопенгауэр – в восприятии Толстого, – был блестящим, но поверхностным мыслителем. – ПСС. Т. 39. С. 20. В «Круг чтения», над которым Л.Н. Толстой работал в 1904 году, он включил два фрагмента из сочинений Шопенгауэра. – Там же. Т. 41. С. 83 84, 160 161; Т. 42. С. 592, 599.

В ноябре 1908 года в потоке присылаемой литературы Л.Н. Толстой приметил книгу А. Шопенгауэра «О религии: Диалог» (СПб., 1908) и советовал М.С. Сухотину обязательно прочитать ее. – См: Маковицкий Д.П. У Толстого... Т. 3. С. 251.

Рене Декарт (Descartes; 1596-1650) – французский философ и математик.

... *Ni plus , ni minus* ... – ни плюс, ни минус (латин.).

О художнике Николае Гагарине см. выше примеч. 164.

269. Бюст дочери Нины был выставлен в весеннем Салоне 1911 года (см. об этом выше в примеч. 208).

270. «Это прекрасно» (фр.).

271. Карл Биргер Мёрнер (Mörner ; 1867-1930) в 1906-1910 годах был консулом в Сиднее. – См.: Bonniers Lexikon. Stockholm , 1965. Bd. 10. S. 361. Его второй брак с австралийкой Мэри Хеллен Макмиллан (Macmillan ; 1867 1921) был заключен в Лондоне 29 июня 1910 года.

272. Судьба этой работы Л.Л. Толстого неизвестна (см. о ней выше примеч. 258).

273. Л.Л. Толстой не вполне точен: осенью 1911 года все его три сына поступили в Тенишевское училище, которое ставило своей целью дать воспитанникам среднее образование, привить интерес к знанию и навыки самостоятельной работы, а также дать необходимые в жизни коммерческие знания. Кроме того, в этом училище большое внимание уделялось физическому развитию детей и укреплению их здоровья. – См.: Справочная книжка Тенишевского училища. Пг., 1915. С. 3.

После двухлетнего пребывания в Париже детям надо было заново освоиться в России. И потому 24 сентября 1911 года Л.Л. Толстой писал из Петербурга матери: «<...> Мальчиков отдали к Тенишеву. Оттуда через несколько лет в Правоведение. Теперь надо обрусить детей. Авось чтонибудь выйдет из них лучшее, чем мы. Только в них смысл жизни, и это грустно для личного счастья. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14524. Л. 1 об. Автограф. Курсив мой. – В.А.

Училище было открыто 8 сентября 1900 года и названо в честь князя Вячеслава Николаевича Тенишева (1843-1903), содействовавшего организации в России обучения нового типа. Как вспоминал Павел Львович Толстой, в этом училище «много внимания уделялось искусству. Оно было настолько современным, что в нем не ставили отметок, только короткие словесные характеристики. О Пете было написано: “ленивый и неумелый”, а обо мне – “достаточно способный”». – Из личного архива Т.Л. Балдовской.

274. Императорское училище правоведения было заведением закрытого типа и призвано было готовить «образованных деятелей для государственной службы». – См.: Ко дню XXV юбилея Императорского училища правоведения : 1835 1910 (Истор. очерк) /Составил Г. Сюзор. СПб., 1910. С. 9.

Часть воспитанников из российских потомственных дворян обучалась на казенный счет, остальные – на собственный. Л.Л. Толстой еще 22 апреля 1908 года обратился к Николаю II с покорнейшей просьбой зачислить трех его сыновей кандидатами на стипендии Высочайшего имени. После долгого ожидания, 30 октября 1908 года он получил положительный ответ управляющего канцелярией прошений, принимаемых на имя Его Императорского Величества, барона Александра Андреевича Будберга (1853 1914), но

вакансий не было. – См.: «Время идет интереснейшее...» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 154-155.

В мае 1913 года Паля сдал экзамены и был принят в Училище правоведения. В начале сентября 1913 года Л.Л. Толстой в письме матери особо подчеркнул это обстоятельство: «<...> Паля в мундирчике и ходит в Правоведение. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14581. Л. 1 об. Автограф.

Вероятно, первый год, как и предполагал Л.Л. Толстой, за старшего сына надо было платить. 29 января 1913 года он привел в письме матери такие аргументы: «<...>теперь большой вопрос<:> брать Палю из Тенишевского и весной отдавать в Правоведение. Уже взяты учителя, а завтра буду в Правоведении для окончательного уяснения вопроса. Первый год будем платить, а там надеемся, что Паля выдержит экзамен на казенный счет. Нужно привести в порядок бумаги, дворянское свидетельство и т.д. <...>» – Там же , № 14567. Л. 1. Автограф.

Из письма Л.Л. Толстого Николаю II от 12 мая 1915 года следует, что старший сын оправдал его надежды и с весны 1914 года учился на казенный счет. Летом 1915 года аналогичное решение было принято – с согласия Государя Императора – и в отношении второго сына Толстых, Никиты. – См.: «Время идет интереснейшее ...» //Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год ... С. 161 162.

275. О пристрастии Л.Н. Толстого в молодости к картам и о возникавших в этой связи долгах см.: ПСС. Т. 59. С. 37 и др.; Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями... С. 39 42. См. также: Краткий биографический очерк , написанный со слов графа Л.Н. Толстого женой его гр. С.А. Толстой 25 октября 1878 года [: 2 я редакция] //Лев Толстой: В 2 х книгах. М.: Издво АН СССР, 1961 (Литературное наследство. Т. 69). Кн. 1. С. 512; Шевцов В.В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): История игры и история общества. Томск, 2005. С. 115 127.

276. Капитан в отставке Александр Михайлович Исленьев (1794 1882) был заядлым игроком, часто рисковал и вынужден был расплачиваться землями, ему принадлежавшими. Так случилось и с селом Красным Тульской губернии. – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 479.

277. О состоянии Л.Л. Толстого в начале 1912 года вполне ясное представление дает его письмо матери от 17 января 1912 года из Петербурга:

«<...> Жизнь наша идет своим ходом. Дети учатся, русский язык налаживается для Пети и отчасти Нины. Старшие говорят и учатся совсем хорошо. Их очень хвалят в Тенишевском училище. Я

попрежнему плох. Плох Бог знает, почему. Все кажется ни к чему, кроме семьи. Но одна семья опять мало. И так вертишься, как белка в колесе. К тому же не могу переносить этих холодов и климата в том смысле, что чувствую себя закупоренным и замерзшим, как все кругом. Полужизнь. <...>

Мы видаем мало народу. У меня целый лист визитов, но в 20 мороза ездить не хочется. Собак морозить. Начал еще пьесу, но не двигается, да и все тут. Лепить негде – все комнаты отданы под детские и жизнь. Вот так и существую, не удовлетворенный жизнью, даже не ища больше.

Кашляю, грудь стала слабей. Хочу летом поехать в горы с Вестерлундом. Здесь англичане, балы, выставки, рауты, завтраки, обеды, театры. Но это скучно, дорого и ни к чему больше, чем многое другое. Целую Вас и зову, еще зову.

Ваш Лев».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14540. Л. 1 2 об. Автограф

278. Кто именно ввел Л.Л. Толстого в Литературно-Художественное общество в Петербурге, установить не удалось. Через некоторое время Л.Л. Толстой сочинил следующее стихотворение:

КЛУБУ

Есть в Петербурге учрежденье,
Его шестнадцатым зовут.
Его на Невском помещенье,
Его дела идут зер гут!
Оно зовется очень мило:
“Художества – Литератур”!
Но в нем совсем другая сила
Царит чрезмерно, чересчур!
Литературы, правда, много, –
Есть книги длинные шкафов (?!),
Есть списки игроков, где строго
Ведется запись их долгов...
Есть и художество, картины,
Две, три банальненькие ню,
Есть музыка, когда кретины
Храпят бесстыдно и вовсю...
Есть биллиард и есть портреты
Литературных всех мастей;
Есть фраки, есть и эполеты,
Буфет и погреб для гостей...
Но что всего прелестней в клубе,
За что ему златой венец:

Там топит горе свое в Мумме
Член, разорившийся вконец...»

– ИРЛИ , ф. 303, № 7. Л. 16. Черновой автограф.

...*Зер гут* ... – очень хорошо (нем.)
...*Мумму (Мумис)*... – воплощающий благоразумие и принципы порядка (греч.).

279. 3 июля/20 июня 1912 года Л.Л. Толстой писал из Хальмбюбуда:

«<...> Вообще в данную минуту в мире, как это ни страшно, помоему, опаснее всего и ближе всего сложная, страшная международная война. Мне кажется, что она зреет и должна скоро разразиться. Это будет, м<ожет> б<ыть>, одна из самых кровопролитных войн в истории человечества. Сохраните это письмо, чтобы будущее поколение прочло в нем мое пророчество. Голос отца смолк, люди разочаровались в успехе его учения, и все варварство наше скоро откровенно развернется перед нами. Целую Вас и Кузминских.

Ваш Лев».

– ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14549. Л. 2. Автограф.

И, действительно, 2 октября 1912 года началась первая Балканская война, в которой Балканский союз (Болгария, Сербия, Греция и Черногория), опиравшийся на поддержку России, сражался с Турцией. Русская пресса внимательно следила за ситуацией. – См: Война на Балканском полуострове //Новое Время. СПб., 1/14 октября 1912 года, № 13131. С. 4. Через несколько дней газета подтвердила: «Балканская война наконец началась. ...» – См.: Война //Там же , 5/18 октября 1912 года, № 13135. С. 3.

Не успели подписать 30 мая 1913 года мирный договор в Лондоне, по которому часть турецкой территории отходила странам-победительницам, как внутри них 29 июня 1913 года вспыхнула вторая Балканская война, в которой Болгария противостояла трем бывшим союзницам, к которым присоединились Румыния и Турция. 10 августа 1913 года Болгария признала поражение и подписала в Бухаресте крайне не выгодный для себя мирный договор, по которому ее земли частично отошли победителям. Балканские войны всего год спустя переросли в Первую мировую или Великую войну.

280. Л.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну 30 июля 1913 года. Шло время, и 26 августа 1913 года С.А. Толстая отметила в ежедневнике: «... Вели втроем: Лева, Булгаков и я – длинные

разговоры о войне, об общественном устройстве и т.п.». – См.: Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 395.
Летом 1913 года Кузминские не приезжали в Ясную Поляну.

281. Начальник артиллерии Крымской армии Аркадий Дмитриевич Столыпин (1821 1899) вместе с Л.Н. Толстым участвовал в ночной вылазке в ночь с 10 на 11 марта 1855 года при обороне Севастополя. – ПСС. Т. 47. С. 38, 327; Т. 59. С. 283 286, 309 и др.
В последние годы своей жизни генерал Столыпин бывал в московском доме Толстых. Достоверно известно, что Л.Л. Толстой не только мог его видеть, но в апреле 1887 года играл с ним в карты. – См.: Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому... С. 383 385, 392. См. также: Толстая С.А. Дневники... Т. 1. С. 340; Толстой С.Л. Очерки былого... С. 367.

282. Это более поздняя точка зрения. А.А. Столыпин (см. о нем выше в примеч. 93) в конце 80-х годов подружился с С.Л. Толстым, а потом и с его младшим братом. – См.: Толстой С.Л. Очерки былого... С. 173.

283. Сведений о нем найти не удалось. В эти годы увлечение оккультизмом, хиромантией, разного рода гаданиями и предсказаниями судьбы наблюдалось в разных слоях общества. Мистическое настроение, охватившее царскую семью, распространилось на правительственные круги и затронуло интеллектуальную часть обеих столиц. Так, в Россию неоднократно приезжал доктор философии Шарль (Карл) Перрен (Charles Edmond Perrin; 1887-1974), пользовавшийся столь большим влиянием, что после февральской революции о нем отдельно расспрашивали шефа жандармов и последнего министра внутренних дел Александра Дмитриевича Протопопова (1866-1917). – См.: Падение царского режима ... Т. I. С. 1 8, 111, 146 155; Т. IV. С. 3, 31; Т. VII. С. 394. См. также: Последние дни императорской власти : По неизданным документам /Составил А. Блок. Пг.: Алконост, 1921. С. 9 10, 21.
В Петрограде Ш. Перрен останавливался, как правило, в «Гранд Отеле», принимал посетителей и продавал им свою книгу «Хиромантия». Судя по объявлениям в газетах, в книжные магазины она не поступала. – См.: Новое время. Пг., 8/21 июля 1915 года, № 14125. С. 1; 13/26 июля 1915 года, № 14130. С. 1; 18/31 июля 1915 года, № 14135. С. 1; 12/25 августа 1915 года, № 14160. С. 1; и др.

284. Из контекста неясно, о какой гостинице идет речь: «Северная Пальмира», расположенная в Финском переулке, 4, или «Большая Северная гостиница» на Невском проспекте, 118.

285. Федор (Теодор) Львович Толстой (1912-1956). В день рождения сына, 19 июня/2 июля 1912 года Л.Л. Толстой телеграфировал брату Андрею с просьбой передать это сообщение С.А. Толстой. Однако А.Л. Толстой приехал в Ясную Поляну только через две недели и потому еще в конце июня (ст. стиля) 1912 года С.А. Толстая ничего не знала о рождении внука. В недатированном письме, которое по содержанию условно можно отнести к первой половине июля (нового стиля) 1912 года, Л.Л. Толстой в этой связи писал: «Милая мамá, я получил Ваше письмо от 23 го июня. А я уже 19 го <июня ст. стиля> телеграфировал Андрюше, чтобы он передал Вам о рождении Феодора. Теперь его уже окрестили, Дора встала и выходит. Все вошло в нормальную колею. <...>» – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой, № 14550. Л. 1. Автограф.

286. В первоначальном варианте Л.Л. Толстой так объяснил загадочное слово: «<...> Мариус потом любил петь какую-то молитву, услышанную им во время этой службы, которую он называл: “Дегуянна, дегуянна, дегуянна!” <...>» – Там же. Архив Л.Л. Толстого. Кп 23789, № [1]. Л. 82. Черновой автограф.
Возможно, новорожденный своим внешним видом напоминал Мариусу ящерицу (игуана= iguane).

287. В июне 1913 года М.О. Меньшиков (см. о нем выше примеч. 84) напечатал несколько статей, в которых остро ставил проблему национальных бед России. Так, рассказывая о суде над двумя молодыми негодяями-убийцами, он сделал такой вывод: «... Все испробовать, все пережить, всем пресытиться – это черта падающей жизни, обреченной какомуто верховному проклятию». – См.: Меньшиков М. Письма к ближним: Повышенное любопытство; Грех Хама // Новое время. СПб., 2/15 июня 1913 года, № 13370. С. 5.
В двух других статьях известный журналист говорил о невоспитанности, в том числе и парламентской, как об одном из основных грехов народных. – См.: Меньшиков М. Письма к ближним: Невоспитанность // Там же, 4/17 июня 1913 года, № 13371. С. 4; Меньшиков М. Удивляться нечего // Там же, 6/19 июня 1913 года, № 13373. С. 4; и др.

288. Незадолго до отъезда в Швецию, 12 мая 1913 года Л.Л. Толстой вместе со старшими сыновьями приехал на несколько дней в Ясную Поляну. – *ОР ГМТ*. Архив С.А. Толстой, № 14575. Л. 1; Толстая С.А. Дневники... Т. 2. С. 391.
19 мая 1913 года, вернувшись в Петербург, он сообщил С.А. Толстой точную дату отъезда в Швецию. – ОР ГМТ. Архив С.А. Толстой , № 14577. Л. 1 об. А в одном из недатированных писем из Хальмбюбуды он так рассказывал о своих душевных переживаниях:

«<...> Я немного лепил. Сделал бюст Пети. Пишется плохо. Читаю. В общем, внутри всетаки скверно, хотя внешне покойно и комфортабельно. Внутри скверно потому, что нет творчества, нет удовлетворения, кругом чужое, чуждое, а главное, в душе нет вдохновения, ничего не хочется.

Жизнь, как пожертвование личности для других, для детей у меня, – тяжела. Оторваться совсем не хватило духу, а на время, наполовину не выходит. Не знаю, в чем спасенье. Вот уже который год то же тяжелое настроение. Нужно найти и находить радость и удовольствие не в развлечениях и наслаждениях, а в труде и творчестве, в подвиге, если возможно. А ихто и нет, и на нихто нет сил и побуждения и, если не будет, то плохо. Я пришел к очень материалистическим заключениям насчет значения жизни. Это горение материи. Надо, чтобы это горение было сильно, чтобы была сильна борьба в этом горении, чтобы чувствовать тепло. Чем сильнее костер жизни, тем мы счастливее и другие кругом счастливее. Не надо сжигать ни себя, ни других, но надо разжигать. Отсюда живи, как хочется, борись, ешь, пей и наслаждайся, но не делай зла другим, не туши их жизненного огня. Вот вся философия. <...>» – Там же , № 14548. Л. 1 2 об. Автограф.

Находясь в таком смятенном состоянии, Л.Л. Толстой отправил в Россию статью, в которой сопоставил положение на родине с тем, что из года в год наблюдал в Швеции. Выводы были неутешительны, и общее впечатление от прочитанного никого не могло обрадовать. В частности, Л.Л. Толстой писал:

«... Оказывается же, что в Россию пришел из Скандинавии всего один только человек – Рюрик, может быть, и с братьями своими, но попросту со своей семьей и дружиной. ... Вспомнил об этом интересном открытии, окунувшись в шведскую жизнь. Может быть, оттого, что во мне течет кровь Рюрика, каждый раз, что я приезжаю в Швецию, я чувствую, что приехал кудато домой, в мой старый, старый почтенный дом, где все так устроено, где все так чисто, так уютно и культурно.

Почему тяжело жить в русской деревне и почему легко в скандинавской? Причин много, но вот главные.

Жизнь поставлена в определенные рамки правильного труда. Нет праздников, нет пьянства, нет нищенства, хулиганства, озорства и темноты.

Народ устроен, грамотен, самостоятелен. Свобода и право стоят на стороне интересов каждого. Нет вредных соблазнов, как у нас, ни для народа, ни для образованных классов, И вот, благодаря этим условиям, легко живется, легко дышится. ...

Сегодня воскресенье. В деревне отдых. Чем развлекается шведский народ на празднике? А вот чем. Идут на стрелковые праздники, стреляют, получают призы, пьют кофе. Стреляют и женщины, и

девушки, и дети. Кроме того, утром назначены собрания трезвенников при церквах. Там поют, читают лекции. Загляните в это время в русскую деревню. Там уже с утра орут пьяные голоса подле шинков или казенной лавки, там уже дерутся в кровь, ругаются, валяются, как животные, пьяные на земле. Там толпы нищих осаждают паперти церкви. Там конокрады спешат увести краденую лошадь. Нет, лучше на родине Рюрика, особенно, когда дома ничем помочь нельзя! Это „ничем помочь нельзя“ худший бич русской жизни.

Ну, скажите мне, пожалуйста, чем я помогу в Туле, когда громадный дворец винной монополии с ужасающим цинизмом, выросши на окраине города, ежечасно разливает, рассылает и распродает винную отраду (так! – В.А.) на всю губернию?!» – См.: Толстой Л.Л. Шведские впечатления и мысли //Новое время. СПб., 10/23 июня 1913 года, № 13377. С. 3.

...*подле шинков* ... – подле кабаков. – См.: Словарь современного русского литературного языка: В 17 ти томах. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 17. Стб. 1401.

Статью Л.Л. Толстого заметили. Первым буквально на следующий день откликнулся М.О. Меньшиков:

«Обращаю внимание читателя на „шведские мысли“ графа Л.Л. Толстого, напечатанные вчера в „Новом Времени“. ...

Не все Варяги сразу отходят из России, но постепенно они куда-то бегут – и почти неудержимо.

Не все Рюриковичи откровенно прощаются с отечеством, как делает Л.Л. Толстой, – но слишком уж многие держат себя на отлете. Как у перелетных птиц, у них нет уже постоянного гнезда, – нынче здесь, завтра – там». – См.: Меньшиков М. Отшествие Варягов // Новое время. СПб., 11/24 июня 1913 года, № 13378. С. 4.

Через неделю Л.Л. Толстой предоставил своему оппоненту и читателям новые аргументы:

«Не думайте, М.О. Меньшиков и все русские, знающие меня, что я навсегда уехал в страну Варягов и простился с отечеством. Нет, я не сделал этого и теперь, и вообще никогда не уеду совсем ни к Варягам, ни к французам, ни к другим. Не сделаю ни для себя, ни для своих детей. Гнездо мое в Петербурге, и только на короткое время я уезжаю сюда, чтобы набраться новых сил, и если бы не семейные условия мои, совершенно перестал бы сюда ездить. Я стараюсь воспитывать из моих четырех мальчиков русских людей и сам не перестаю и не перестану оставаться русским.

... В Швеции за последние годы замечается крайне вялый прирост населения, и если так будет продолжаться, число смертей здесь скоро будет равняться, если не превышать число рождений.

Народ сытый, привыкший к жирной пище и мертвым формам своего жития, начинает сначала изнутри, несмотря на внешний румянец, чахнуть и портиться. Может быть, на вид этого еще далеко нет, но людям, знающим страну и народ, ясно видно, что это народ, кончивший или, во всяком случае, кончающий свою историческую роль и ждущий других молодых наций на смену. Отсюда, главным образом, та боязнь перед Россией, о которой упоминает М[ихаил] О[сипович] в своей, как всегда интересной, статье. Швеция боится русской свежей крови, чувствуя свою слабость. Швеция боится нашего нашествия, и сколько я ни бился, доказывая шведам, что мы о них и во сне не видели, они не верят и никогда не поверят.

Каждый день в шведских газетах статьи о мнимых русских шпионах, осматривающих шведские крепости, и из года в год страх перед русским нашествием увеличивается, несмотря на все увеличивающиеся в Швеции торгово-промышленные сношения с нами.

На шведских глазах Россия все глубже вбирается в Финляндию и приобщает ее к своей молодой культуре; не удивительно поэтому, что Швеция сама ждет для себя той же очереди, если не в этом, то в следующих веках. Есть что-то в инстинктах русских и в чувствах шведов, что заставляет их до сих пор смотреть друг на друга как на врагов, и поэтому нисколько не удивительно, что Швеция держит себя настороже против нас, в случае возникновения войны. Сама Швеция стремится лишь к вооруженному нейтралитету, и, конечно, только если заставят обстоятельства, если вражеские войска займут ее территорию, она будет вовлечена в войну. ...

В заключение мой взгляд на будущее Швеции. Думаю, что неизбежно она подвергнется сильному влиянию русской жизни и культуры, но будет ли это влияние проведено старыми средствами, то есть войной, или новыми, – то есть торгово-промышленными и другими сношениями и простым нашествием русских людей сюда хотя бы только на летние месяцы, – об этом пророчествовать трудно. Если успехи мира будут велики и войн между державами больше не будет, то понятно, что Россия мирным же путем в два, три столетия все же завоюет родину Рюрика и тем завершит его историческую миссию.

Впрочем, людям свойственно ошибаться, а прежде всего мне». – См.: Толстой Л.Л. Шведские мысли и впечатления //Там же, 19 июня/2 июля 1913 года, № 13386. С. 4.

289. Известно, что манифестация крестьян готовилась еще в конце 1913 года с участием опытного оратора Свена Гедина (см. о нем

примеч. 144 к Главе 19 Книги I). – См.: Русский инвалид : Газета военная. СПб., 1 января 1914 года, № 1. С. 6.

Наибольшую активность проявили сторонники вооружения Швеции, собравшиеся в Упсале 13 15 декабря 1913 года и принявшие «Воззвание к крестьянам – землякам Упланда».

О грандиозной демонстрации 24 января/6 февраля 1914 года 31 ой тысячи шведских крестьян в поддержку решения шведского парламента (ригсдага) усовершенствовать национальную оборону и ввести особый военный налог на крупные состояния и доходы писали русские газеты, особенно те из них, что были ориентированы на русскую армию. В частности, подчеркивалась в отчетах из шведской столицы готовность крестьян нести дополнительные расходы по усилению вооружения страны. – Там же , 25 января 1914 года, № 20. С. 3.

Позднее «Русский инвалид» отметил и студенческую массовую демонстрацию в Стокгольме в поддержку монарха, национальной обороны и идеи создания свободной и сильной Швеции. – Там же , 30 января 1914 года, № 24. С. 2.

Однако этим дело не ограничилось. 50 титысячная демонстрация противников войны состоялась в Стокгольме 8 февраля (нового стиля) 1914 года у резиденции премьер-министра Карла Стаафа (Staaff; 1860 1915). На следующий день после беседы с королем он подал в отставку, парламент был распущен и новые выборы состоялись весной 1914 года. В общественном мнении Швеции и на этот раз победили сторонники здравого смысла и сохранения нейтралитета. – См.: Конституционный кризис в Швеции // Биржевые ведомости : Утренний выпуск. СПб., 6/19 февраля 1914 года, № 13990. С. 1, 5. См. также: История Швеции. М.: Наука, 1974. С. 418 419, 673; The Riksdag : A history of the Swedish parliament /Edited by M.F. Metcalf. N.Y., 1987. P. 217].

Конец
рекламно-ознакомительного
фрагмента
книги Л. Л. Толстого
«ОПЫТ МОЕЙ ЖИЗНИ»